

БИБЛИОТЕКА КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Редакционная коллегия:

Г. С. Гоц
Л. П. Делюсин
Д. Ф. Мамлеев
Б. Л. Рифтин
Е. А. Серебряков
В. Ф. Сорокин
М. Л. Титаренко
Н. Т. Федоренко
Л. Е. Черкасский
Г. Б. Ярославцев

Москва

«Художественная литература»

1990

Цзэн Пу
ЦВЕТЫ
В МОРЕ
ЗЛА

РОМАН

Перевод с китайского
В. Семанова

Москва

«Художественная литература»

1990

ББК 84.5Кит
Ц29

Вступительная статья
и примечания
В. СЕМАНОВА

Стихи в переводе
И. ГОЛУБЕВА

Оформление художника
Ю. КОПЫЛОВА

Цзэн Пу

Ц 29 Цветы в море зла: Роман/Пер. с кит. В. Семанова; Редкол.: Г. Гоц, Л. Делюсин, Д. Мамлеев и др.; Вступ. статья и примеч. В. Семанова; Стихи в пер. И. Голубева.— М.: Худож. лит., 1990.— 480 с. (Б-ка китайской лит-ры).
ISBN 5-280-00940-7

Цзэн Пу (1871—1935) — видный китайский романист, переводчик, издатель. Роман «Цветы в море зла» (1905) — многоплановое повествование об «образованном» китайском обществе второй половины XIX века. Автор обличает реакционные порядки в стране, излагает идеи реформаторов, рисует сцены освободительного движения в сопредельных Китаю странах.

ЦВЕТЫ И СОРНЯКИ

Перед нами известный в Китае роман, написанный в начале XX века. К тому времени в стране уже два с половиной столетия властвовала династия Цин, основанная северным племенем маньчжуров, которых китайский народ по-прежнему воспринимал как иноземцев. За время своего правления маньчжуры лишь усилили феодальный гнет. Кроме того, в XIX веке страну начали осаждать европейские, американские, японские колонизаторы, что привело к так называемым опиумным войнам, тайнинскому восстанию, франко-китайской и японо-китайским войнам, боксерскому восстанию и многим другим потрясениям. На рубеже веков в Китае возникло реформаторское, а затем и революционное движение, отчасти вдохновленное опытом освободительной борьбы в России.

Первые китайские революционеры под руководством Сунь Ятсена нередко пускали стрелы в маньчжурский режим из эмиграции, где цензурные условия, конечно, были легче. Но до сих пор достойна удивления дерзость, с какой в 1905 году, перед самым образованием суньятсеновского Объединенного союза, небольшое издательство «Лес прозы» («Сяошо линь»), находившееся внутри Китая, начало издание за изданием публиковать роман, в котором прославлялись реформаторы и революционеры, ставились животрепещущие проблемы времени. Действие «Цветов в море зла» происходит в небывалом для китайской литературы числе стран — Китае, Германии, России и Японии. Попутно привлекается материал из истории освободительного движения Кореи и Вьетнама. Все это в сочетании с художественными достоинствами принесло роману Цзэн Пу редкую для того времени популярность: его первые двадцать глав за два года были изданы пятнадцать раз, общим тиражом пятьдесят тысяч экземпляров.

Такой теплый прием, естественно, вдохновил автора. В 1907 году, когда от издательства «Лес прозы» отпочковался одноименный журнал, Цзэн Пу опубликовал в нем еще пять глав повествования. Однако дальнейшая работа над романом по разным причинам задержалась. К своему главному детищу писатель вернулся лишь через двадцать лет, начав издавать журнал «Правда, красота и добро» («Чжэнь мэи шань»). В нем в 1928—1930 годах были опубликованы последующие десять глав, с двадцать шестой по тридцать пятую. Вскоре Цзэн Пу переработал текст и выпустил роман отдельной книгой в тридцати главах. С этого издания, последнего из вышедших при жизни автора, осуществлен русский перевод произведения.

Цзэн Пу родился в 1871 году в уезде Чаншу провинции Цзянсу недалеко от Шанхая. Его отец был ученым и уготовил для сына такую же карьеру. Юноша не протестовал против этого, но тайком читал новеллы, романы, считавшиеся в Китае простонародной литературой, упражнялся в ритмической прозе. Познакомившись с одним из сочинений сына, отец пришел в восхищение и не стал браниться. С тех пор Цзэн Пу поверил в свой писательский талант.

Тогда же юноша впервые узнал любовь, которую он пронес через всю жизнь и впоследствии изобразил в первой части романа «Мужчина». К его чувству старшие отнеслись более деспотично, чем к литературным опытам. В дневнике молодого Цзэн Пу появилась следующая запись: «Теперь мне нечего было ждать от жизни. Оставалось только утешать себя развратом... Если бы отец не отослал меня в Пекин для сдачи экзаменов на ученую степень, не знаю, до чего бы я дошел».

К восемнадцати годам юноша уже был автором сборника стихотворений на древнем языке, а также обладателем степени сюая, соответствующей европейскому бакалавру. В 1891 году Цзэн Пу получил степень цзюйжэня (магистра), однако все больше тяготился схоластической конфуцианской наукой. Во время экзаменов на высшую степень цзиньини (доктора) он допустил намеренную ошибку, оказался вне круга победителей, но отец, мечтавший видеть его сановником, в 1892 году купил сыну должность письмоводителя Внутренней канцелярии, ведавшей документацией и архивом императорского двора. Этот эпизод из жизни Цзэн Пу сатирически переосмыслен в тринадцатой главе «Цветов в море зла».

За два-три года, проведенных в столице, Цзэн Пу познакомился со многими государственными деятелями и учеными: Вэн Тунхэ, Вэнь Тинши, Ли Вэньтянем, Цзян Бяо, Хун Цзю-

нем, которые занимали сравнительно либеральную позицию в политике, проявляли интерес к истории, археологии и географии, в частности, к «варварскому» северо-западному Китаю. Сам Цзэн Пу тоже напечатал ряд работ о китайских окраинах.

Как и другие литераторы конца XIX — начала XX века, Цзэн Пу по-настоящему ощутил слабость своей страны во время японо-китайской войны 1894—1895 годов. Подобно герою «Цветов в море зла» Цзинь Вэньцину, он понял, что человек, оторванный от проблем современной жизни, не может принести пользу родине. Но совершенный им шаг был гораздо смелее, чем у Цзинь Вэньцина. Оставив должность, обладатель двух ученых степеней решил вновь стать учеником и в 1895 году поступил на французское отделение Школы переводчиков при правительственной Палате внешних сношений.

Хотя школа была основана еще в 1862 году, китайская интеллигенция, изрядно зараженная национализмом, не жаловала ее своим вниманием. Специальная группа для чиновников, в которую приняли Цзэн Пу, просуществовала всего восемь месяцев. Однако Цзэн продолжал изучать язык и на третий год уже смог прочесть в подлиннике тетралогия «Современная история» Анатоля Франса.

Вскоре после распада группы Цзэн Пу хотел перейти в Палату внешних сношений, однако планам его воспрепятствовал главный экзаменатор, который недолюбливал Вэн Тунхэ, покровителя Цзэн Пу. Впечатлительный молодой человек принял эту историю так близко к сердцу, что тут же уехал в Шанхай, решив навсегда оставить мысль о государственной службе. Обстоятельства жизни свели его на юге с реформаторами Тань Сытуном, Линь Сюем, Тан Цайчаном и другими, которые ратовали за давно назревшие преобразования в общественной и культурной жизни Китая. Это движение положило начало «ста дням реформ» 1898 года, когда под покровительством молодого либерального императора Гуансюя реформаторы попытались осуществить свою программу. Конец реформам положил реакционный переворот дворовствующей императрицы Цыси, тетки Гуансюя, которая отстранила молодого императора от власти и заточила на островке в дворцовом парке.

Реформаторы свели Цзэн Пу с генералом Чэнь Цзигунем — судостроителем, знатоком французской литературы и популяризатором китайской культуры во Франции. Женатый на француженке, Чэнь Цзигун с 1886 по 1891 год служил секретарем китайского посольства в Париже. Там он выпустил книги о китайском театре, о быте и социальной структуре Китая, переводы китайских сказок и пьес. Эти работы получи-

ли известность и даже привлекли внимание Анатоля Франса. Цзэн Пу полагал, что выдающийся европейский писатель был дружен с Чэнь Цзитуном. Франс таких сведений не дает, зато существует его рецензия на собранные Чэнем сказки.

Популяризуя национальную культуру, Чэнь Цзитун в то же время понимал, что она отстала от западной, и с горечью говорил Цзэн Пу о том, что за исключением Вольтера и некоторых синологов европейцы относятся к Китаю презрительно. «Он рассказывал мне о Ренессансе, об отличиях классицизма от романтизма, о натурализме, символизме и других свободно развивающихся течениях нового времени, давал мне читать множество европейских книг», — вспоминал Цзэн Пу. Среди этих книг были произведения Рабле, Ронсара, Монтеня, Расина, Мольера, Буало, Вольтера, Руссо, Гюго, Виньи, отца и сына Дюма, Флобера, Золя, Мопассана, Тэна, Франса, Лоти, французские переводы из итальянских, испанских, английских и немецких авторов. Все это Цзэн Пу проглотил за три-четыре года, даже заболел от перенапряжения. Итак, в годы создания своего центрального романа писатель уже был знаком с самыми разными течениями европейской литературы.

Принять участие в столичных «ста днях реформ» Цзэн Пу помешал традиционный трехлетний траур по отцу (1897—1899). Однако на родине, куда ему пришлось вернуться, он, вопреки сопротивлению консерваторов, открыл начальную школу, поселил у себя преподавателя-японца, организовал курсы японского языка и сам изучал его наравне со студентами. Менее активными оказались следующие два-три года (1899—1902), когда Цзэн Пу был прикован болезнью к постели. Впрочем, для литературных занятий, особенно переводов с французского, это обстоятельство, по-видимому, сыграло положительную роль.

Едва оправившись от болезни, Цзэн Пу попробовал свои силы в шелковом производстве, но не выдержал иностранной конкуренции. Через год (1904) он вместе с земляками основал более успешное предприятие — издательство «Лес прозы», а затем (1907) и одноименный журнал. Если главным редактором издательства был сравнительно умеренный литератор Сюй Няньцы, то в редакцию журнала вошел революционный публицист и поэт Хуан Жэнь. Сотрудничали с редакцией известные переводчики Бао Гунни и Чэнь Цзялинь, а также близкий к революционерам драматург У Мэй. Важной вехой в деятельности издательства и журнала была публикация «Цветов в море зла».

Кроме пяти глав романа, Цзэн Пу опубликовал в журнале незаконченный перевод «Королевы Марго» и подробную «Био-

графию Дюма-отца». Ему же, видимо, принадлежали небольшие заметки о Дюма и Гюго. Интересная информация о выходе народных рассказов Л. Толстого, которого Цзэн Пу вполне определенно называет великим. Уже одна эта последовательность имен европейских писателей очень характерна: от приключенческих произведений Дюма к романтике Гюго и далее к реализму Толстого. Однако полного перехода к реализму Цзэн Пу не совершает даже в своих переводах. Впоследствии он как бы сознательно задерживается на середине — на Гюго.

* * *

Замысел и фабулу главного произведения своей жизни Цзэн Пу позаимствовал у известного поэта Фань Цзэнсяна, который в 1899—1900 годах опубликовал первую часть написанной им «Поэмы о Цайюнь». Сюжет ее почти целиком совпадает с последующим романом Цзэн Пу. Пожилой ученый, прельстившийся юной гетерой, взял ее в наложницы, а затем, став дипломатом, повез за океан. В Европе и на родине наложница пользуется шумным успехом, вступает в многочисленные любовные связи и словно бы мстит мужу за ту женщину, которую он обрек когда-то на самоубийство.

В начале XX века теми же фактами заинтересовался революционер Цзинь И, который нередко подписывался псевдонимом Ревнитель свободы. Он сотрудничал в журнале известного реформатора Лян Цичао «Новая проза», в революционном «Вестнике национального достоинства» и журнале «Цзянсу», который был таким же печатным органом китайских студентов в Японии, как «Прибой Чжэцзяна», где начал печататься молодой Лу Синь. В 1903 году Цзинь И сам стал издавать журнал «Зеркало для женщин», ратуя за женскую эмансипацию, в следующем году выпустил перевод произведения японского революционера Миядзаки Торадзо «Тридцатитрехлетний сон» (о деятельности Сунь Ятсена) и книгу «Кровь свободы», которая тоже использовала японский материал и представляла собой историю русского освободительного движения от декабристов до эсеров. Здесь едва ли не впервые на китайском языке рассказывалось о деятельности Герцена, Тургенева, Чернышевского, Бакунина, Софьи Перовской, народницы Геси Гельфман, названной Гофман (как и у Цзэн Пу, сохранившего эту фамилию в своем повествовании). Отсюда можно заключить, что сведения о революционерах, особенно иностранных, Цзэн Пу почерпнул в значительной мере из переводов Цзинь И.

В журнале «Цзянсу» Цзинь И опубликовал две главы своего произведения, которому дал название «Цветы в море зла» (октябрь 1903 года). Через год он послал их в Шанхай, издательству «Лес прозы», вместе с еще четырьмя главами, среди которых был и отрывок о сторонниках Сунь Ятсена. Цзэн Пу заинтересовался присланным, однако рекомендовал теснее связать историю ученого и гетеры с политическими событиями. Кроме того, художественный уровень этой прозы, с его точки зрения, оставлял желать лучшего. Цзинь И оказался самокритичным и попросил Цзэн Пу взять роман на себя.

Составленный Цзэн Пу план романа предусматривал довести повествование до событий 1900 года, когда вспыхнуло боксерское восстание и войска восьми держав, под предлогом его подавления, вторглись в Пекин. В то время гетера Сай Цзиньхуа (выступающая в романе под именем Фу Цайюнь) стала фавориткой командующего «союзной армией» Вальдерзее и спасла многих соотечественников. В дальнейшем писатель намеревался показать победу грядущей революции. Полностью замысел этот не был осуществлен, однако в пределах описываемых двух десятилетий до реформ 1898 года Цзэн Пу создал широкую картину жизни, обрисовал большое число своих современников.

В романе свыше двухсот персонажей, почти все они — реальные исторические лица, как правило, наделенные вымышленными именами. Скажем, ученый Хун Цзюнь назван Цзинь Вэньцином, под именем князя Сурового (диктатора Севера) выведен наместник столичной провинции Ли Хунчжан, за министром Гун Пином скрывается либеральный сановник Вэн Тунхэ, в Хэ Тайчжэне можно узнать «генерала, пробежавшего весь Ляодун», — печально знаменитого У Дачэна, который проявил себя большим трусом во время японо-китайской войны. Настоящие имена сохранены только за некоторыми второстепенными героями.

В центре романа — пятеро друзей, сдававших государственные экзамены: Цзинь Вэньцин, Цянь Дуаньминь, Лу Жэньсян, Хэ Тайчжэнь и Цао Ибяо; они постепенно, кроме провалившегося Цао Ибяо, становятся видными чиновниками. Наиболее интересен из них Цзинь Вэньцин, прообразом которого послужил известный ученый Хун Цзюнь (1840—1893), названный брат отца Цзэн Пу. Как и герой романа, Хун Цзюнь занял первое место на дворцовых экзаменах, затем стал подниматься по чиновной лестнице, но в 1884 году был вынужден оставить службу из-за смерти матери. По окончании трехлетнего траура он отправился посланником в Россию, Германию, Австрию и Голландию, взяв с собой молодую наложницу.

В 1890 году вернулся на родину, где его сделали помощником военного министра (едва ли не единственный факт, не нашедший отражения в романе) и ввели в Палату внешних сношений.

Во время пребывания в Европе Хун Цзюнь раздобыл иностранную карту Памира, которая в 1890 году была издана в Китае в виде атласа. Кроме того, Хун Цзюнь известен трудами по истории эпохи Юань (XIII—XIV века). Он продолжил дело Гун Цзычжэня, Вэй Юаня и других китайских просветителей начала XIX века, питавших интерес к северным народам. В то же время в Хун Цзюне видны черты появившихся несколько позднее сторонников «европеизации» — тех, кто стремился использовать новые идеи Запада лишь для того, чтобы сохранить старые феодальные устои.

Этот двойственный характер ученого отображен и в романе, но по-своему, с осязаемым креном в область частной жизни, с обличительным заострением и одновременно усложнением образа. Например, увлечение Цзинь Вэньцина историей монголов позволяет высмеять дипломата, который, зарывшись в ученые трактаты, не видит того, что творится у него под носом: любовных походов Цайюнь со слугой Афу и с немецким лейтенантом Вальдерзее. Политическая консервативность героя хорошо подчеркнута сценами, где он с ужасом говорит о русских «нигилистах», то есть о народниках.

Известно, что в 1891 году, во время Памирского инцидента, маньчжурское правительство обвинило Хун Цзюня в неверном составлении атласа, в том, что из-за него Китай якобы потерял полосу шириной в восемьсот ли. Ученый был так потрясен этим вымышленным обстоятельством, что заболел и вскоре умер.

Цзэн Пу использует названные факты для обличения невежественных маньчжурских чиновников (включая Цзинь Вэньцина, который не знал как следует, что он копировал) и обожаемых ими интриг (заместитель начальника Палаты внешних сношений Чжуан Хуаньин решил таким образом отомстить Цзинь Вэньцину за личную «обиду»). Было бы неверно думать, будто упоминание об этом инциденте в романе дает хоть малейший повод к каким-либо домыслам о пограничном вопросе. Цзэн Пу сам заявил, что китайские дипломаты тогда же «связались с английским и русским правительствами и, опираясь на авторитет Англии, восстановили истинную пограничную линию». Исторические источники также свидетельствуют, что дипломаты маньчжурской империи не обнаружили в решении этого вопроса никакого криминала.

Болезнь и смерть Цзинь Вэньцина автор рисует с большим психологизмом, как человеческую трагедию. Он в известной мере сочувствует увлеченности героя научными исследованиями, его служебной щепетильности, его мучениям из-за «невольной ошибки» с картой. Страдая от измены Цайюнь, Цзинь все-таки прощает ее: любовь одерживает верх над его приверженностью старой морали. В то же время уязвленное самолюбие побуждает его забыть о справедливости: он выгоняет Афу из дома за проступок, которого тот не совершал.

Похожи на Цзинь Вэньцина, хотя и схематичнее обрисованы, его друзья. Цянь Дуаньминь и Цао Ибяо сравнительно либеральны. Цао наряду со схоластическими сочинениями хвалит работы прогрессивных китайских ученых конца XVII — начала XIX веков, а одно из любимых занятий Цянь Дуаньминя — чтение книг антимагичжурских просветителей XVII века. Лу Жэньсян более консервативен, зауряднее Цянь Дуаньминя (это сказывается в сцене их спора с Цайюнь), но не менее человечен. Если Цянь помогает товарищу уладить досадный инцидент, то Лу Жэньсян пытается лечить больного друга, — правда, без успеха. В последнем случае писатель прибег к грустному юмору, присоединившись к критикам традиционной китайской медицины.

Можно сказать, что каждый из друзей Цзинь Вэньцина является как бы носителем отдельных его качеств: Цянь Дуаньминь образован и умен, Лу Жэньсян консервативен и наивен, Цао Ибяо любвеобилен, Хэ Тайчжэнь самонадеян. Подобное разделение черт, иногда совмещающихся в одном человеке, умело использовалось еще авторами героических китайских романов XIV—XVI веков, но в данном случае приобретает оригинальную «веерообразную» форму и особенно оправдано, поскольку речь идет о друзьях. Кстати, веер смог получиться только потому, что для него имелся стержень: многосторонний характер Цзинь Вэньцина.

Описанию главного героя не уступает в яркости образ Фу Цайюнь, хотя автор не нарисовал ни трудной юности гетеры, ни ее жизни во время боксерского восстания. Эту задачу выполнил известный драматург Ся Янь в пьесе «Сай Цзиньхуа» (1936).

Некоторые критики жалеют о незавершенности романа, но фактически повествование закончено. Просто из характера реальной гетеры автор взял (может быть, под влиянием французской литературы) не столько ее деловитость, сколько живость, легкомыслие, которые сказываются даже при встрече

чах героини с немецкими монархами. Эти типично женские черты делают образ Цайюнь вполне достоверным.

Иногда устами Цайюнь автор обличает слабости главного героя:

«Ты с утра до вечера, обнявшись со старыми книжками, бормочешь на тарабарском наречии какие-то двустишия, трехстишия, четырехстишия!.. Накуришь так, что голова раскалывается! А свои прямые дела откладываешь, по неделям к ним не прикасаешься. Не то что пядь китайской земли (Цайюнь высмеивает только что сказанные Цзинь Вэньцином слова), даже если тебя самого унесут, ты и то не заметишь! Выяснишь, как звучали какие-нибудь географические названия во времена династии Юань, ну и что? Прибавится что-нибудь к землям Цинской династии? Не понимаю я этого. Сберег бы лучше деньги для собственных удовольствий!..»

В этих речах различимы и слабости Цайюнь: ее чрезмерное эпикурейство, любовь к деньгам. Иногда гетера способна на заведомо жестокие поступки, как в эпизоде, где она колет ухверткой свою служанку.

Параллельно с жизнеописаниями Цайюнь, Цзинь Вэньцина и его друзей автор повествует о судьбах многочисленных ученых, чиновников, «кандидатов» в ученые или чиновники, простолюдинов. Когда система схоластических государственных экзаменов уже, казалось, была достаточно разоблачена, Цзэн Пу неожиданно вернулся к ней. Снедаемый тревогой за судьбу национальной науки, мыслями о превосходстве знаний, идущих с запада, он дал царящей в этой области рутине убедительную отповедь. В одной из первых редакций романа государственные экзамены были названы «самым вредоносным приемом, который использовали самодержцы для оглушения соотечественников».

В отличие от У Цзинцзы — автора знаменитого романа «Неофициальная история конфуцианцев» (XVIII век), Цзэн Пу редко показывает мучительный процесс получения степеней, сравнительно мало интересуется злоупотреблениями, царящими в экзаменационной системе, направляя свое основное внимание на повседневную жизнь китайских ученых — их занятия, разговоры, характерные привычки, любовные приключения. Внешне, как заметил один критик, эти ученые не несут в себе мещанского духа чиновников из «Неофициальной истории конфуцианцев», не столь корыстолюбивы, как бюрократы из «Нашего чиновничества» Ли Баоцзя (роман начала XX века), но фактически обладают и тем и другим. В то же время просвещенные беседы и утонченные развлечения героев Цзэн Пу по-своему интересны. Обилием подобных

сцен «Цветы в море зла» напоминают «ученые романы» XIX века, однако социальной критики у Цзэн Пу больше.

Писатель обличает не только псевдоученых или чиновников, но и высших правителей. В публицистическом отступлении из первой редакции романа он напал на чуть ли не на всех императоров, кроме легендарных Юя и Хуанди, однако из многочисленных зол он выбирал меньшие, поэтому иноземные поработители (монголы, маньчжуры) у него обличаются резче, нежели китайские монархи, а консервативная императрица Цыси — гораздо злее, чем ее либеральный племянник Гуансюй. Устами своих героев Цзэн Пу рассказывает, как Цыси пустила на строительство Летнего дворца деньги, предназначенные для создания флота (это явилось одной из причин поражения Китая в войне с Японией), принимала от своих подданных взятки. Есть в романе и очень опасный для того времени намек на близкие отношения вдовствующей императрицы с главным «евнухом» Лянем: в девятой главе за гипнотизированный слуга вспоминает о развратной средневековой правительнице У Цзэтянь, а гипнотизер пугается вдруг «нежелательных аналогий» и поспешно прекращает свой психологический опыт.

Невидя реакционеров, Цзэн Пу не слишком жаловал и либералов, особенно непоследовательных. Примечательна в этой связи одиннадцатая глава, где воспроизводится беседа «просвещенных» сановников. С одной стороны, их не устраивают консерваторы вроде Лу Жэньсяна, а с другой — чрезмерные радикалы типа Тан Юхоя. Им хочется провести такие реформы, которые бы по возможности не меняли старых порядков. Вот почему Цзян Бяо и Мяо Пин, предлагающие половинчатые меры, удостоиваются со стороны министров всяческих похвал.

Конечно, Цзян Бяо не является настоящим сторонником народовластия, о котором он с пафосом говорит. Но автору его сентенции все-таки нужны: и для разоблачения приспособленчества, и для косвенного утверждения прогрессивных общественных идеалов. Не случайно упомянутый отрывок созвучен рассказу русского ученого Бешкова о социалистических теориях на Западе.

В восемнадцатой главе романа Цзэн Пу излагает взгляды известных дипломатов, близкие идеям реформаторов и его собственным воззрениям. Писатель «собирает на беседу» китайских сановников с международным опытом, и те смело высказываются «о том положительном, что есть в иноземных государствах, и о пользе, которую приносит общение между

странами всего мира». Совсем еще недавно ставить подобные вопросы, «чрезмерно почитать западных варваров» означало измену. Теперь же, отмечают собеседники, не возбраняется подражать иностранцам, даже «появляться на приемах в европейском платье». Они отважно судят, нужен ли Китаю договор о взаимопомощи с Японией; выдвигают дерзкую мысль о том, чтобы двинуть флот к Корее без согласования с Палатой внешних сношений; критически комментируют рассказ Цзинь Вэньцина о миролюбивом отношении к Китаю со стороны русского царя Александра Третьего. Герои говорят о необходимости переустройства армии, флота, финансов, о развитии торговли, промышленности, сельского хозяйства. По их мнению, нужно ввести Китай в орбиту действий международного права, учреждать китайские консульства, создавать национальные банки, строить железные дороги; следует обновить систему образования, создать ходовую письменность... Устами собеседников Цзэн Пу очерчивает широкий круг животрепещущих проблем обновления китайского общества, его экономики и культуры. Не удивительно, что тогдашние читатели романа жадно впитывали эти открыто провозглашавшиеся идеи, новое отношение к «цветам в море зла».

Убедительно изображает Цзэн Пу трагедию страны, распадающейся под ударами чужеземцев. В романе довольно подробно описаны франко-китайская и японо-китайская войны. Кроме живых образов Хэ Тайчжэня, князя Сурового, чиновников Чжан Цяня и Вэнь Динжу, которые «превратили место наслаждения женщинами и вином в комнату для разработки секретных планов», у Цзэн Пу есть специальный рассказ «Пекин 1894 года», где едва ли не острее, чем в романе, изображен позор страны, высмеяны китайские консерваторы, привыкшие смотреть на Корею как на вассала и не ожидавшие, что Япония способна захватить ее.

При обрисовке «батальных» сцен автор касается и местных, и центральных правителей. Когда читаешь, как министр Гун Пин и канцлер Гао Янцзао вместо того, чтобы предпринимать реальные шаги в борьбе против японцев, слушают пустые призывы императорского историка Вэнь Динжу к «искоренению варваров с Восточного океана» или сентиментально вздыхают об улетевшем журавле, испытываешь не только желание посмеяться над сановниками, но и боль за обманутый народ. Кроме того, у Цзэн Пу несравненно шире, чем у других китайских писателей того времени, показаны иностранные государства, их сила. В романе упоминаются германские монархи, русский император, западные диплома-

ты, японские политические деятели и многие другие. Писатель довольно свободно оперирует фактами из европейской истории; рассуждая о жестоких монархах, называет не только китайских деспотов, но и Юлия Цезаря, Людовиков XIV и XVI,— а это уже само по себе было незаурядным явлением для Китая начала XX века, где о Западе по-прежнему знали мало.

Правда, иностранцы в романе не совсем похожи на иностранцев. Иногда они церемонничают, точно старые китайские книжники. Однако эти церемонии чувствуются преимущественно в тех местах, где персонажи (германская императрица, Вальдерзее, Бешков) разговаривают с китайцами и вынуждены приспосабливаться к китайскому этикету. Гораздо чаще Цзэн Пу прибегает к возвышенным национальным образам, которые ни до, ни после него для обрисовки иностранцев почти не применялись.

В революционных сценах его повествования следует выделить прежде всего яркий образ «нигилистки» Саши, очевидно целиком вымышленный автором, хотя по своей судьбе героиня близка многим революционеркам России, отчасти и самым передовым китайским женщинам начала XX века типа поэтессы и революционерки Цю Цзинь, сложившей голову на эшафоте.

Русские революционеры разных направлений были для Цзэн Пу чем-то единым; недаром он собрал их вместе: Короткевича, Луизу, Кранца, Борму, Сашу. Все они — заклятые враги деспотизма, люди редкой смелости, преданные друзья. Мысли о личном счастье беспощадно отбрасываются ими в сторону. Читатели являются свидетелями чистого чувства, возникшего между Кранцем и Сашей, героиня жертвует своей любовью во имя того, чтобы передать партии богатство жандармского полковника и проникнуть во дворец.

Впрочем, из эпизодов, связанных с «нигилистами», лучше всего воссоздана не революционная борьба, не отношения Кранца и Саши (эти сцены были слишком новы для китайской литературы), а неожиданная свадьба героини с полковником, умелое кокетство девушки, очень напоминающее уловки Цайюнь. И хотя жандарм сделан почти театральным злодеем («во взгляде его таился огонь, а в смехе нож»), в какой-то момент веришь, что ему оставалось только предложить девушке руку.

Отрывок о китайских революционерах в романе начат весьма интересным публицистическим отступлением о героях и обывателях, о тайных антиманьчжурских обществах, создававшихся в Китае с середины XVII века, о «двух подводных

течениях», идущих из Европы и Америки. Тем самым намечается как национальная база сторонников Сунь Ятсена (в романе — Сунь Вэнь), так и их тесная связь с Западом.

Писатель подчеркивает энергию Сунь Вэня, несколькими штрихами рисует его портрет, довольно увлекательно изображает похищение революционера Чэнь Цина тайным Обществом братьев. В последнем эпизоде, как и в обрисовке Кранца, использованы приемы детективно-рыцарской прозы.

В методе Цзэн Пу сплетаются самые разнородные элементы от просветительства до нереалистических течений конца XIX — начала XX века. Последние едва успели повлиять на японскую литературу и были абсолютно новы для китайской. Но основой метода писателя представляется синтез романтизма и реализма. При этом мы наблюдаем довольно четкое распределение красок: образы Цайюнь, революционеров и некоторых других героев окрашены преимущественно в романтические тона, а чиновников и ученых — в реалистические. Правда, это не столько критический, сколько просветительский реализм, свойственный многим китайским писателям начала XX века.

Из художественных достижений Цзэн Пу еще Лу Синь отметил «искусную композицию и красочный язык». Эта красочность выражается в более щедром, чем у других китайских романистов того времени, использовании элементов древнего стиля, поэтических сравнений, четырехсловных «устойчивых оборотов», ритмических повторов. Иногда это помогает создать патетическую атмосферу, например: «Каждый, сжимая кулаки и гневно сверкая глазами, клянется отомстить за позор родины. Пусть пройдет несколько столетий, сменится десяток эпох, но всегда найдутся люди, которые...»

Возвышенный стиль Цзэн Пу порой использует иронически, например, в отрывке о князе Сурувом, который отдал Аннам Франции и которого следует «благодарить за это в веках». Однако чаще подобные средства употребляются в позитивном плане — при передаче авторских размышлений, при описании обаятельного женского облика, волнующего пейзажа.

* * *

В 1907—1908 годах, выпуская радикальный журнал «Лес прозы», Цзэн Пу присоединился к конституционно-монархическому движению, руководимому сановником Чжан Цянем, а в 1909 году стал служить у реакционного генерал-губернато-

ра Дуань Фана. Эти факты показывают, как зыбка порою грань между революционностью и консерватизмом, помогают уловить, почему Цзэн Пу прервал работу над романом. Однако на двадцать первой — двадцать пятой главах, которые автор успел написать в 1907 году, его поправление абсолютно не отразилось: в них изображены болезнь и смерть Цзинь Вэньцина, история проходимцев Юй Миня, Юй Банли и Чжан И, основные эпизоды японо-китайской войны.

В период революции 1911 — 1913 годов Цзэн Пу отошел от Дуань Фана, но с Чжан Цянем продолжал сотрудничать: вступил в возглавляемую им Республиканскую партию, долгие годы работал членом управления провинции Цзянсу. В то же время он поддерживал связь с прогрессивным тогда гоминьданом и помогал тем, кто выступил против самозванного императора Юань Шикая. Именно такая позиция, наверное, побудила писателя на перевод драмы В. Гюго «Анджело — тиран падуанский».

В 1919—1920 годах Цзэн Пу начинает писать «Очерк истории французской литературы», занимается изучением буддизма и постепенно вновь отходит от государственной службы (1926 год). Вместе с сыном Цзэн Суйбаем писатель решил открыть издательство «Правда, красота, добро» и переехал в Шанхай. Одни критики рисуют это как бегство от революции 1925—1927 годов, другие — как нежелание сотрудничать с милитаристами. Последний взгляд представляется более правдоподобным.

В 1929 году издательство «Правда, красота, добро» выпустило книгу «Любовь» — первую часть нового романа Цзэн Пу «Мужчина». Эта книга во многом автобиографична, близка европейской литературной традиции и вместе с тем знаменитому китайскому роману XVIII века «Сон в красном тереме». Центральное место в произведении занимает любовь между юными героями. В последней части романа герою — Лу Наньцзы — уже пятьдесят лет. Он разочаровался в чиновничьей службе, усомнился и во всеилии любви, однако по-прежнему называет ее главной для себя, особенно «любовь к родине» и «любовь к семье». В первой части романа юноша приходил к весьма пессимистическому выводу: «Я считаю, что вечность любви — только в смерти; разлука — укрепление любви, а брак — ее гибель». Теперь герой с не меньшей грустью думает о разобщенности своей родины, но в этом пессимизме есть нечто очень важное. Попытку гоминьдановцев объединить Китай жестокими методами Лу Наньцзы считает бесполезной.

Ясно, что даже в последний период жизни (Цзэн Пу умер в 1935 году) писатель, перейдя на умеренные позиции, все же

тяготел к передовой китайской литературе. 8 июля 1934 года он записал в дневнике: «Прочел «Дикие травы» Лу Синя. Явный прогресс. «Клич» и «Блуждания» — всего лишь новая «Неофициальная история конфуцианцев», а этот сборник совсем в другом духе. «Путник» и «Осенний лист» особенно печальны, хочется декламировать. Я бы отнес их к символическому импрессионизму».

Как видим, «Клич» и «Блуждания» Цзэн Пу недооценил, но признал значительность других произведений Лу Синя. В свою очередь, отношение младших современников к Цзэн Пу видно из весьма сочувственного отзыва о «Цветях» в лусиневской «Краткой истории китайской прозы» и из воспоминаний писателя Юй Дафу, который познакомился с Цзэн Пу в конце двадцатых годов. Юй и Цзэн оживленно беседовали о французских романтиках, о «Цветях в море зла», о просветителе Чэнь Цзитуне. Юй Дафу был восхищен разносторонними познаниями Цзэн Пу, его красочной речью и назвал его «настоящим мостом между новой и старой китайской литературами», «крупнейшим предшественником новых писателей».

На рубеже двадцатых — тридцатых годов в Цзэн Пу видели преимущественно знатока французской литературы. Он готовил китайское издание полного собрания сочинений Гюго, в 1928 году опубликовал статью о Мольере, в следующем году участвовал в переводе «Таис» А. Франса, однако главным делом его жизни оставалась работа над «Цветами в море зла».

Прежде всего автор постарался частично завершить историю Цайюнь, в результате чего героиня превратилась в одного из самых психологичных персонажей китайской прозы начала XX века. К эротическим сценам, связанным с Цайюнь, писатель добавил еще более яркую, несущую определенный антиманьчжурский смысл, историю любви поэта начала XIX века Гун Цзычжэня. Не менее важна сцена женитьбы императора Гуансюя, вскрывающая самые интимные подробности жизни цинского двора.

Одновременно Цзэн Пу сокращал роман, снял ряд публицистических отступлений, риторических вопросов и прочее. Правда, оставленные за пределами повествования последние пять глав содержали немало интересного, но написаны они в общем слабее, чем предыдущие, не воспринимаются как бесспорно необходимые. Хорошо, что писатель проявил требовательность к себе и отказался от них. Тем самым он, кстати, сохранил оптимистическое звучание революционных сцен, не завершил их изображением наступившей вскоре реакции.

Переработка «Цветов» была безусловно плодотворной. Слова о том, что она «не имела никакого влияния на литера-

турную жизнь», звучат не очень убедительно, если вспомнить большое число статей о Цзэн Пу, появившихся в тридцатых — начале сороковых годов, обращение драматурга Ся Яня и других писателей к подлинной биографии Сай Цзиньхуа, попытки ряда литераторов продолжить роман до шестидесятой главы. В наши дни «Цветы в море зла» также не утратили актуальности и своими достоинствами превосходят многие китайские сочинения. Недаром в последние десятилетия Цзэн Пу получил заслуженное признание не только в Китае, но и далеко за его пределами.

В. Семенов

ЦВЕТЫ
В МОРЕ
ЗЛА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВОЛНЫ, РИНУВШИЕСЯ НА СУШУ, В ОДНО МГНОВЕНИЕ
ЗАТОПЛЯЮТ ОСТРОВ РАДОСТЬ РАБОВ.
АВТОРА ПРОСЯТ ОПИСАТЬ СУДЬБУ ЦВЕТКА СВОБОДЫ,
ОТРАЗИВ ЕЕ В СОБЫТИЯХ ТРИДЦАТИ ЛЕТ

Забыты песни рек и гор,
страна удручена,
Рыдают чистые сердца,
не находя исхода.
Увы! Срединная земля
уже обречена,
Растоптана, умершвлена
былых времен свобода!
Любимцы Золотых дворцов!
Мудрейшие мужи!
С красавицами, что живут
в веселых заведенях,
Вы углубились в Южный сад,
и там, в немой тиши,
Проходят многие часы
в любовных развлечениях.

А вы, неверные послы,
на дальний Запад мчась,
Вдали от родины своей
забыли долг священный
И, тайно преступив закон,
признали вражью власть,
Продав себя и не стыдясь,
увы, такой измены!

* * *

В море зла окунулась страна!
За великие прегрешенья
Предыдущего перерожденья
Наказание терпит она!
На дорогах драконы

Вступают в ночные сраженья *,
Вы ж, вельможи, средь белого дня
Веселитесь за кубком вина!..

Мир трепещущих душ
Лишь забвеньем и страхом объят,
Всполошились в испуге
Тигровые стражи у трона,
Распахнулись врата
Императорских тайных палат,
Входят в них иностранцы —
Словно входят в Китай покоренный!

Поражения в тысячах дел!
Не скрывая упрека,
С горькой грустью на варваров *
Смотрит Небесное око,
Скорбно думают люди:
«Печален Отчизны удел!»

А Богини свободы цветок улетел,
Подгоняемый ветром с востока...

Вы, конечно, захотите узнать, кто такая Богиня свободы? При какой династии она была канонизирована? Где стоит ее изваяние? Рассказывать об этом пришлось бы слишком долго. Поэтому сначала я поведаю вам о стране рабства, которая обладала лишь самой примитивной свободой. Она находилась за пределами пяти великих океанов земного шара, куда не проникли еще ни Колумб, ни Магеллан. Там простиралось огромное море, называвшееся Морем зла, и среди этого моря затерялся остров Радость рабов *. Он находился под тридцатью градусами северной широты и ста десятью градусами восточной долготы. Его горы и реки были прекрасны, цветы и деревья ласкали взгляд красотой. Но уже долгое время небо стояло низко над островом, сквозь темные тучи никогда не проглядывало солнце, воздух здесь был тяжелым. Подумайте, если обитателям этого острова не хватало даже свежего воздуха, без которого не может обойтись ни один человек, то как мало у них было свободы! Они жили хуже собак, но за жизнь цеплялись. Отсюда и родилась у них потребность почитать сильных, заискивать перед иностранцами и из рода в род передавать суеверные легенды о грехах и возмездии.

По умению приспособливаться жителей острова можно было сравнить только с Фэн Дао * и Цянь Цяньи *, а по ловкости — с Ян Сюном * и Чэнь Цзы-

аном *. Стоит ли удивляться, что цари их деспотичностью походили на Циньшихуана *, Юлия Цезаря, Чингисхана, Людовика Четырнадцатого, а тупостью — на Янди *, Ли Юя *, Чарльза Первого и Людовика Шестнадцатого?

Издrevле этот остров не имел никаких сношений с соседними странами, поэтому в других государствах даже не знали его названия. С самой глубокой древности не дышали здесь вольным воздухом. Жители считали, что обладать едой, жильем, ученой степенью, женой и детьми — это и есть высшая радость свободы. Но недаром в старину говорилось: «лучше смерть, чем неволя». Настал смертный час и для населения, которое вдоволь насладилось своей примитивной, рабской свободой. Пятьдесят лет тому назад (примерно в середине XIX века) вокруг острова Радость рабов неожиданно поднялись огромные волны. Остров был потрясен до самого основания, море уже готовилось захлестнуть его.

Но народ по-прежнему жил словно в полусне. Люди целыми днями плясали и веселились, предаваясь разврату. Они играли на лютнях под названием «свобода», пили «вольное вино» и любовались на цветы, которые тоже назывались «цветами свободы». Год за годом неудержимо текло время, лунные затмения сменяли солнечные. И вот наконец в 1904 году рухнуло небо, раскололась земля, раздался оглушительный треск, и Радость рабов погрузился в пучину Моря зла.

Можете ли вы себе представить, что остров Радость рабов находился совсем близко от Китая? На севере он граничил с Песчаным морем, на востоке — с Желтым морем, на западе — с Синим морем и на юге — с Южно-Китайским морем *. Едва о гибели острова стало известно, как в первом китайском порту, открытом для торговли *, — Шанхае, где жили представители различных стран мира, все в один голос заявили, что это редчайшее явление. Дни наполнились сплошными дебатами и поисками причин исчезновения острова. Было истерто до основания несколько дюжин перьев, изведен не один фунт бумаги и чернил для того, чтобы описать сие знаменательное событие. Некий юноша по прозвищу Ревнитель свободы специально приехал в Шанхай, желая получить достоверные сведения об острове Радость рабов. Однако к кому обратиться с расспросами, он себе не представлял.

Когда он прогуливался по улице, в глазах у него рябило от множества прохожих. Здесь были и жирные компрадоры, связанные с иностранными фирмами, и ловкие сторонники реформ, способные украсть даже солнце, и шеголяющие в европейских костюмах субъекты с обрезанными косами *, выдающие себя за революционеров, и корреспонденты газет, с языка которых всегда готов сорваться поток лжи. Казалось, их абсолютно ничто не тревожило. Они преспокойно играли в кости, забавлялись гетерами, распивали чай в «Жилище покоя» и слушали певичек в «Гнезде небесного блаженства». Вокруг сновали экипажи, запряженные роскошными лошадьми, вино лилось рекой, а дым разврата поднимался до небес. Словом, жизнь была ключом, и Ревнитель свободы удивился, как слабо эти люди реагировали на трагическое событие. Несколько дней он провел как во сне. Но однажды, когда он сидел в зале одного из ресторанов, туда вбежал какой-то человек с искаженным от ужаса лицом и закричал:

— Беда! Беда! Между Японией и Россией началась война! Три восточные провинции * под угрозой.

Один из посетителей презрительно усмехнулся:

— Разве только три? По-моему, все восемнадцать давно уже потеряны.

Заслышав эти слова, Ревнитель свободы вздрогнул и подумал, как быстро все переменялось в такой совсем недавно спокойной стране. Он машинально встал и направился к выходу. Оказавшись на улице, он долго шел, не зная куда. Неожиданно взору его представилась обширная равнина. Горы вокруг отливали золотистым цветом, вода в реке казалась прозрачной, как ароматная роса; несколько десятков богатых зданий утопали среди пышных деревьев. Это был благодатный край, и его чудесные картины, словно вышитые шелком на парче, не могли не вызвать восторга. Но кругом было пусто и тихо — ни души.

Сердце юноши дрогнуло: ему показалось, будто он когда-то уже бывал здесь. Он бродил взад и вперед, не в силах расстаться с этим волшебным местом, и вдруг заметил невдалеке маленькую хижину. Повинуясь какому-то безотчетному влечению, Ревнитель свободы приблизился ко входу и уже совсем готов был переступить порог, как путь ему неожиданно преградила занавеска из нитей жемчуга. Юноша заглянул через нее внутрь и увидел посреди хижины нечто похожее на вазу с цвет-

ком необыкновенной красоты. «Уж не цветок ли это из красной яшмы, который, по преданию, принадлежал суйскому императору Янди? — подумал он.— Или, может быть, это цветок с яшмового дерева престола-наследника Чэня...» *

От цветка исходила весенняя свежесть; неземной аромат пробивался сквозь занавеску.

«Поглядеть бы вблизи!..» — мелькнула мысль у Ревнителя свободы.

Он набрался храбрости, откинул занавеску и шагнул вперед. Никакого цветка не было. Перед ним стояла женщина неопикуемой красоты с высоким лбом, тонкими изогнутыми бровями, персиковыми щеками и вишневым ротиком! Юноша в смущении попятился, но красавица позвала его:

— Сын свободы! Ты, кажется, хотел разузнать о необыкновенном случае с островом Радость рабов?

Заслышав название острова, Ревнитель свободы сразу вспомнил, зачем он приехал в Шанхай. Глубоко склонившись перед женщиной, он спросил:

— А вы знаете что-нибудь об этом острове?

Красавица рассмеялась:

— Ты, наверное, сошел с ума! Ведь острова Радость рабов никогда не существовало!

— Неужели? — изумился Ревнитель свободы.

Женщина снова улыбнулась.

— Вообще-то на свете много мест, которые можно назвать островами Радость рабов!

С этими словами она вынула свиток бумаги и подала его пришельцу. Еще не понимая, что все это должно означать, Ревнитель свободы развернул свиток. Перед ним было интереснейшее историческое сочинение. Пробежав его глазами, юноша задумался: у него возникло чувство, будто и в Китае происходят такие же удивительные события. Многие из написанного он запомнил сразу, но, опасаясь, что со временем все это сотрется из памяти, решил записать содержание свитка. Он уже принялся за работу, как вдруг с досадой отбросил кисть и воскликнул:

— Я совсем перестал соображать. Ведь мой друг по прозвищу Большой из Восточной Азии * гордо называет себя королем прозы, он занимается переводами и сочинениями романов. Я расскажу ему содержание прочитанного, а он напишет на основе этого роман. Таким образом, мне удастся сбересть немало кистей и туши!

Он взял листок, который успел исписать, вышел из хижины и направился прямо в «Лес прозы» *. Отыскав там своего друга, он рассказал все, что с ним приключилось, и попросил опубликовать эту удивительную историю.

По мере того как Ревнитель свободы говорил, Большой из Восточной Азии записывал. Так получилась книга, в которой отразились многие кровавые события, происшедшие за тридцать лет, и выражалась надежда, что четыреста миллионов соплеменников * вступят на Берег пробуждения. Что же было в этой книге? Не сочтите за труд, прочитайте — вам обо всем расскажут последующие главы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЛУ ЖЭНЬСЯН ПОСЕЩАЕТ РОСКОШНЫЙ ПИР В СУЧЖОУ.
ЦЗИНЬ ВЭНЬЦИН, ВОЗВРАЩАЯСЬ ДОМОЙ,
ОСТАЕТСЯ ПОГОСТИТЬ В ШАНХАЕ

Как известно, Великая Цинская династия вступила на престол по воле Неба и распространила свою власть на все уголки страны. Она действовала испытанными методами, подражая национальным китайским династиям, а поэтому, как говорится, и ветер ей благоприятствовал, и дождь приходил в указанный срок. Государство наслаждалось миром, а народ — спокойствием. Просвещенные государи сменяли один другого непрерывной чередой. Воистину народу было за что воспевать заслуги и добродетель монархов, ибо они походили на солнце, дающее тепло, и облака, посылающие дождь. Только при императоре Сяньфэне вспыхнуло восстание в Цзиньтяне *, которое на известное время возмутило спокойствие страны. Однако династия, как всегда, оперлась на своих преданных генералов, вышедших из цзюйжэней, цзиньши и академиков *; пятнадцать лет они трудились в поте лица, срубили несколько десятков тысяч голов и стерли с лица земли всех бунтовщиков.

К моменту описываемых событий шел пятый год правления Тунчжи *. Мятежи были подавлены, и жители Поднебесной на все лады восхваляли Великую Цинскую династию. Мудрый монарх Тунчжи со своей стороны повелел в каждой провинции, округе и уезде, где местные войска и ополчения с особенной доблестью подавляли мятежников, добавить по несколько новых вакансий для сюаев, а в местах, больше всех потерпев-

ших от волнений, снизить налоги. Кроме того, всемилошвейше было разрешено облегчить налоги за перевозку зерна по каналам в области Сучжоу и других, где они были особенно тяжелы. Население Сучжоу было растрогано до слез.

Через год подошел срок столичных государственных экзаменов *. Даже в период военных событий книжники не переставали заниматься уставными сочинениями *, готовясь к дворцовым экзаменам, — так что же говорить о времени веселых плясок и прославления мудрого государя! Словно тучи понеслись они на экзамены. Когда вывесили список прошедших испытание, невыдержавшие забрали свои пожитки и, горько рыдая, покинули столицу. Зато получившие степень цзиньши чувствовали себя как растения после обильного дождя или народ, оправившийся после бедствия. Они благодарили своих учителей, поздравляли друг друга, устраивали складчины и пили до умопомрачения.

Потом прошли дворцовые экзамены. Через три месяца стало известно, кто оказался избранным. Третьим выдержал экзамен Хуан Вэньцзай, второе место завоевал Ван Цьюань. А кто оказался первым, лауреатом? Им стал Цзинь Вэньцин, родом из уезда Усянь провинции Цзянсу.

Я думаю, что граждане, незнакомые с системой экзаменов, вряд ли поймут всю ценность звания лауреата. Такое звание дается только в Китае, и то один раз в три года. Счастливец получает его лишь в том случае, если его предки в течение ряда поколений вершили одни добрые дела, если вид женщины никогда не будил в нем дурных мыслей, если у него имеются прочные связи в столице и, конечно, если его сочинение написано мастерски. Такого человека называют бессмертнейшим из небожителей, учеником самого Сына Неба. По таланту и уму он в три раза превосходит Су Ши и Ли Бо *, не говоря уж об англичанине Бэконе или французе Руссо.

Но оставим эту тему. Расскажем лучше о чайной «Собрание изысканных», находящейся рядом с даосским храмом Источник мироздания в самом центре города Сучжоу.

Однажды в этом заведении сидели трое людей и попивали чай. Одного из них, бородатого старика, звали Пань Цзэнци; он был видным человеком а Сучжоу. Другого — средних лет, с вытянутой, как у дракона,

головой — звали Цянь Дуаньминь; он славился своим искусством каллиграфии. Последний — Лу Жэньсян, с маленьким круглым лицом, — добился высокого мастерства в экзаменационных сочинениях.

Они считались знаменитостями в Сучжоу. Так, Лу Жэньсян выдержал провинциальные экзамены, а Цянь Дуаньминь был даже избран в императорскую академию «Лес кистей» *. В описываемый момент все трое были увлечены разговором.

— С нами, сучжоусцами, никто не сравнится, — говорил Пань Цзэнци. — С тех пор как при Цинской династии была восстановлена система экзаменов, звание лауреата получило девяносто семь человек, и из них пятьдесят пять уроженцы нашей провинции Цзянсу. А из этих пятидесяти пяти пятнадцать жили непосредственно в нашем городе. Теперь первое место на дворцовых экзаменах занял Цзинь Вэньцин из переулка Круглый пик. Молодец, не посрамил земляков!

— Земли, о которых вы говорите, в прошлом принадлежали Восточному У — государству, где процветала литература, — подхватил Цянь Дуаньминь, — не удивительно, что из Сучжоу выходят лауреаты! Но, на мой взгляд, это относится не только к нашему городу, но и к судьбам всей страны.

— Прошу пояснить, — удивленно сказал Пань Цзэнци.

— Известно, что наивысшего расцвета наша династия достигла при императоре Цяньлуне *, и тогда лауреатов из Сучжоу было больше всего, — ответил Цянь Дуаньминь. — Четверо из них стали академиками всего лишь за две сессии. В этот же период появился и Цянь Сянлин, который сумел завоевать все высшие ученые степени, хотя и не в два приема, а в три. При императоре Цзяцине было двое лауреатов. В шестнадцатом году его правления, когда снова подошел срок экзаменов, лауреатов из Сучжоу не оказалось, но зато второе, третье и четвертое места заняли сучжоусцы. Это тоже можно считать славной страницей в истории нашего города. При Даогуане был только один лауреат, который еще поддержал на некоторое время славу предков и посеял семена учености. А потом положение страны из года в год становилось все хуже. Я помню, при императоре Сяньфэне государственные экзамены проводились пять раз, но их никто не сдавал, так как в стране царила сумятица *. — Цянь Дуаньминь сокрушенно покачал го-

ловой. — С тех пор как мой дядя Пань Цзунгъинь завоевал третье место, Сучжоу забыл о лауреатах, как забыл мир мелодию «Прогулка на широком холме» после смерти Цзи Кана *. Сейчас наш мудрый Сын Неба снова направил страну к процветанию, и судьба, надеюсь, будет улыбаться ей миллионы лет. Поэтому я заранее был уверен, что на нынешних экзаменах звание лауреата получит уроженец Сучжоу!..

— Ваши слова, господин, мудры, как гадания на основе Инь и Ян *,— поддакнул Лу Жэньсян.— Я ведь учился вместе с Цзинь Вэньцином и знаю, какими редкими способностями он обладает. Не говорю уж о стиле его сочинений, но все исторические трактаты он просто знает наизусть! Например, в прошлом году я видел, как он в своем кабинете сверял «Историю династии Юань» * и твердил всякие диковинные монгольские слова. Я ничего не понимал, а он читал так бегло, что мне казалось, будто я слышу настоящую заморскую речь!

Пань Цзэнци строго посмотрел на него:

— Опомнись! Это не заморский язык. Говорят, монголы — те же маньчжуры. Разве ты не знаешь, что все родственники императора тоже носят всякие диковинные имена?

Он хотел продолжить свою мысль, но тут Цянь Дуаньминь выглянул в окно и крикнул:

— Смотрите, Го Чжаотин!

В чайную вошел стройный, худощавый человек, за которым следовал прелестный юноша с белым, словно выточенным из яшмы лицом, длинными бровями и красивыми глазами. Лу Жэньсян встал, поклонился и воскликнул, обращаясь к юноше:

— Как, Хэ Тайчжэнь тоже пожаловал?!

— Мы встретились случайно и, зная, что вы здесь, решили заглянуть,— улыбаясь, пояснил Го Чжаотин.— Сегодня вечером Се Цзефу устраивает для вас прощальный ужин у гетеры Лян Пиньчжу. Вы не забыли?

Лу Жэньсян кивнул:

— Еще рано.

Цянь Дуаньминь не расслышал, о чем говорили его компаньоны, и уловил только слова «прощальный ужин». Тогда он спросил Лу Жэньсяна:

— Куда ты собрался ехать? Почему мне ничего не известно?

— Всего лишь в Шанхай,— ответил Лу.— На днях я получил письмо от Цзинь Вэньцина. Он испросил

отпуск для свидания с родителями, по дороге заехал в Шанхай и поселился в гостинице «Слава и богатство». Приглашает меня провести с ним день-другой. Я несколько раз проезжал через Шанхай, когда ездил в столицу на экзамены. Говорят, сейчас его не узнать. Туда переехали из Сучжоу две труппы куньнаньской драмы *, которые зарабатывают довольно недурно. Есть там два великолепных театра столичной драмы *. Открылись рестораны со столичной и анхойской кухнями. В некоторых ресторанах можно попробовать английские и французские блюда. И ни в одном из этих мест я еще не бывал!

— Шанхай, конечно, расцвел, но это не более как проходной двор,— возразил Хэ Тайчжэнь.— Там собрались главным образом странствующие знаменитости вроде каллиграфа Мо Ючжи и художника Тан Сюньбо. Ими увлекаются, слава их гремит, но мне кажется, на их произведениях лежит отпечаток торгашества. Все это значительно примитивнее старинного уставного почерка, древних писем или картин нашего земляка Жэнь Фучана.

— В Шанхае печатают книги каким-то «литографским» * способом,— заметил Цянь Дуаньминь.— Позавчера мне попался сборник самых знаменитых каллиграфов Чжили *. Бумага прекрасная, иероглифы четкие — очень нарядное издание! Все дело в оттисках. Когда книга отпечатана на хорошей бумаге и удачно оформлена, на нее и смотреть приятно, независимо от содержания.

Пань Цзэнци, слушавший оживленную беседу молодых людей, не выдержал и, подняв похожую на разрезанный арбуз пиалу с чаем, вмешался в разговор:

— Да, Шанхай теперь — средоточие богатства и роскоши. Но я слышал, что улица публичных домов проходит по самому кладбищу канцлера Сюй Да *. Он был пионером, проложившим дорогу для западной цивилизации, а после открытия шанхайского порта власти не смогли сохранить даже его склеп! Кто-то сложил стихи, полные сочувствия канцлеру:

Гуляют ватаги друзей
Вдоль улицы Баошань,

Здесь туфелек женских следы,
Здесь пудр и духов ароматы,

Но прежнего канцлера где
Покоится ныне душа?

Полкладбища — черни жилье,
Полкладбища — храмы разврата!

Разве это не прискорбно?!

— Цзинь Вэньцин возвратился из Пекина по суше или пароходом? — спросил Го Чжаотин.

— На пароходе американской компании «Рассел и К⁰», — отвечал Лу Жэньсян.

— Кстати, в позавчерашней газете было помещено расписание морских рейсов, — вставил Пань Цзэнци. — Корабли названы в основном по различным местам Китая, но один из пароходов, который ходит по Янцзы, называется «Конфуций»!

С минуту длилось удивленное молчание, потом раздался дружный смех.

Пока они разговаривали, солнце медленно ушло за горизонт и наступили сумерки.

— Господин Лу Жэньсян, вы пойдете к Лян Пиньчжу? — спросил Го Чжаотин. — Если хотите успеть, то уже пора!

Лу Жэньсян задорно поглядел на собеседников:

— Жаль, что Цянь Дуаньминь и Хэ Тайчжэнь никогда не нарушают своего обета, а то нам было бы еще веселее!

— О, они большие моралисты, — заметил Го Чжаотин. — Хорошо еще, что они не стремятся вас поучать, а вы хотите их соблазнить.

Хэ Тайчжэнь очень увлекался неоконфуцианской философией, с Цянь Дуаньминем его сближали общие стремления. Верные конфуцианскому морализму, они никогда не бывали у гетер, поэтому, немного посмеявшись вместе с друзьями, распрощались и ушли.

Го Чжаотин и Лу Жэньсян тоже вышли из чайной, решив пройти пешком. Недалеко от храма Гуаньди * и моста Иволги их обогнал паланкин. Друзья посторонились, уступая дорогу, но из паланкина вдруг выглянула милостивая женщина, которая обратилась к ним на сучжоуском наречии:

— Господа Го и Лу! Господин Се уже у меня. Прошу и вас поскорее!

Это была гетера Лян Пиньчжу.

Паланкин в одно мгновение исчез, словно унесенный ветром.

Вскоре друзья добрались до дома, где жила гетера. Действительно, Се Цзефу был уже там. Увидев гостей, он поспешно поднялся и приветствовал их.

— Я вижу, Великий благотворитель преисполнился милосердием и решил спасти несчастную девушку! -- воскликнул со смехом Го Чжаотин.

Как вы думаете, почему он назвал Се Цзефу Великим благотворителем? Дело в том, что Се был весьма богат и любил помогать бедным; упомянутое прозвище дали ему жители Сучжоу, поэтому слова Го Чжаотина вызвали общий хохот.

Тем временем в комнату вошла хозяйка дома, неся на блюде тыквенные семечки. Лу Жэньсян наклонился к гетере и тихо прошептал ей на ухо:

— Волнуешься?

Лян Пиньчжу увернулась и, поставив блюдо на стол, опустила в кресло.

— Что за шутки? Я не понимаю!

А Лу Жэньсян уже заметил в глубине комнаты дородного и невысокого человека лет сорока с круглым, блестящим лицом, на котором, казалось, была написана сама искренность. Увидев Го и Лу, он расплылся в улыбке и поклонился.

— Это господин Чэн Мушэн,— представил его Се Цзефу.— Только вчера приехал из Шанхая.

Когда церемония знакомства была закончена и все уже собрались снова садиться, появился слуга и доложил:

— Его превосходительство господин Бэй!

Лу Жэньсян вскинул голову: на пороге стоял знакомый ему Бэй Юцзэн. В прошлом он занимал должность судьи в столичной провинции и во время сожжения Юаньминъюаня * сделал немало для того, чтобы заключить перемирие. Сейчас он почему-то вышел в отставку и поселился в Сучжоу.

Пока все знакомились, был накрыт стол, и Лян Пиньчжу попросила гостей выбрать себе девушек. Каждый из мужчин назвал по одной.

— А кого желает господин Бэй Юцзэн? — осведомился Се Цзефу.

— Я слышал, здесь есть девушка по фамилии Чу, ее зовут, кажется, Айлинь,— промолвил Бэй.— Она Недавно приехала из Ханчжоу.

Се Цзефу записал.

— Эта Чу Айлинь немного со странностями,—за-

думчиво произнес Лу Жэньсян.— Мне рассказывали, что у нее масса музыкальных инструментов: двенадцатиструнная цитра, лютя, свирель, флейта; множество эстампов, каллиграфических прописей, книг, картин — на некоторых из них печати знаменитых мастеров. Есть и другие редкие вещи, вроде яшмовой печатки, принадлежавшей наложнице ханьского императора. По видимому, эта девушка из благородной, но разорившейся семьи, а может быть, бежавшая конкубина!

— Уж не печать ли это красавицы Чжао Фэйянь? * — предположил Го Чжаотин.— Она хранилась в коллекциях господина Гун Цзычжэня *, и в его сочинениях есть даже стихотворение, посвященное ей.

— Перед отъездом из Шанхая я встретился с сыном Гун Цзычжэня — Гун Сяоци,— сказал Чэн Мушэн.

— Не говорите об этом человеке! — вскричал Бэй Юцзэн.— Он продан иноземцам.

— Как же он мог так поступить? — удивился Се Цзефу.— Может быть, иноземцы посулили ему огромные богатства, раз он согласился служить им?

— Да нет,— возразил Бэй Юцзэн,— просто характер у него странный, вечно говорит какую-то ерунду. Он считает, что лучше подарить Поднебесную иноземцам, чем оставлять ее под нынешней династией. Как вам это нравится?!

— Рассуждения его папаши тоже были весьма странными,— сокрушенно покачал головой Се Цзефу.— Недаром древняя пословица говорит: «Если отец грабитель, сын станет убийцей».

— Если таких людей не уничтожить, они нанесут непоправимый вред нашей династии! — убежденно проговорил Чэн Мушэн.

— Конечно! — подхватил Бэй Юцзэн.— Счастье, что во время войны начала шестидесятых годов Пекин защищал князь Мудрый, отличающийся дальновидностью. Тогда я был в столице и почти ежедневно встречался для переговоров с английским послом Томасом Вейдом. Только удача, которой мы пользуемся благодаря добрым деяниям наших предков, помогла нам добиться, чтобы англичане отвели свои войска от Пекина и согласились на контрибуцию и открытие нескольких наших портов для торговли. Иначе вы только представьте себе: столица оказалась бы захваченной, в провинциях бесчинствовали бы длинноволосые *. Трудно вообразить большую смуту. Мне было очень нелегко склонить

князя Мудрого на перемирие. Но теперь, когда я вижу, как спокойно и счастливо живет наш народ, я понимаю, что ради этого стоило потрудиться.

— Иными словами,— заключил Се Цзефу,— вы, господин Бэй, оказались достойным слугой династии!

— Что вы, что вы! — смущенно забормотал Бэй Юцзэн.

— А мне кажется, хотя в Поднебесной установился мир, особенно надеяться на него не приходится,— молвил Чэн Мушэн.— Силы иностранных держав растут, техники у них все прибавляется. Мы же ничего не делаем для строительства пароходов, железных дорог, электрических линий и производства пушек. Разве мы сможем устоять перед ними?!

Пока он говорил, в комнату вошли девушки. Мужчины принялись весело пить, ощущая чудесную мелодию музыки, теплоту женских улыбок и пьянящий аромат косметики. Чу Айлинь действительно оказалась очень приятной девушкой. Было ей лет двадцать, держалась она непринужденно, но когда ее попросили рассказать о своей жизни, она скромно улыбнулась. Мужчинам удалось узнать лишь, что она живет вместе с подругой и что обе они приехали из Ханчжоу. Гости быстро договорились, что после ужина отправятся к ней.

Лу Жэньсяну, который уезжал в Шанхай, нужно было собирать вещи, поэтому он вызвал носильщиков паланкина, распрощался со своими собеседниками и уехал. Но о нем пока говорить не станем.

Расскажем лучше о Цзинь Вэньцине, который, выдержав дворцовые экзамены, испросил отпуск для свидания с родителями. На пароходе, не уступавшем в скорости морскому коньку, он доехал до Шанхая, где поселился в гостинице «Слава и богатство». Здесь ему пришлось нанести визиты мэру Шанхая и другим высшим чиновникам; не обошлось, конечно, без взаимных угощений, приглашений в рестораны и театры. Кроме того, Цзинь Вэньцина постоянно навещали земляки.

В один из этих дней слуга принес Цзиню визитную карточку и добавил, что его превосходительство Фэн желает нанести ответный визит. Увидев на карточке три иероглифа: «Фэн Гуйфэнь», Цзинь поспешно поднялся и сказал:

— Проси!

Слуга подошел к дверям, встал в стороне и откинул занавеску. На пороге показался старик лет шестидеся-

ти — с белой бородой, немного сгорбленный, но с живыми, блестящими глазами. Увидев Цзинь Вэньцина, он довольно засмеялся. Цзинь бросился вперед и, назвав гостя «дядей», низко поклонился ему.

Когда церемонии были окончены, хозяин с гостем уселись, и коридорный внес чай. Поговорив немного о достопримечательностях столицы, старик принялся поздравлять Вэньцина.

— Твоя карьера подобна взлету дракона, — сказал он. — Ныне наступила эпоха, когда установлены связи между государствами на всех пяти материках. Прежние знания, основанные лишь на умении писать сочинения и выуживать цитаты из классических книг, теперь стали недостаточны. В свое время Конфуций перевел поздравления, представленные китайскому двору ста двадцатью иноземными государствами. Мне кажется, сейчас, как никогда раньше, необходимо изучать иностранные языки, чтобы узнать, в чем причины богатства и силы иноземцев, проникнуть в тайны звука, света, химии и электричества, производства кораблей, винтовок и пушек. Только научившись всему этому у иностранцев, мы придем к процветанию! Я слышал, что в марте прошлого года в столице открыли Школу переводчиков и набрали туда способных молодых людей. Если исходить из принципа: «Незнание даже одного предмета — позор для конфуцианца», открытие Школы следует считать правильным. К сожалению, придворные сановники мешают ее деятельности и подают императору доносы; студентов Школы переводчиков презрительно именуют заморскими цзюйжэнями и цзиньши! Даже Во Лянфэн — наиболее крупный моралист нашего времени, — и тот выступил против. Один столичный чиновник переписал его доклад и прислал мне. Я никак не могу согласиться с ним!

Цзинь Вэньцин одобрительно кивнул.

— Ты достиг высокого положения. Тебя можно считать одним из первых людей Китая, — продолжал старик. — Но если бы ты знал иноземные государства и хорошо разбирался в современных событиях, разве ты не поднялся бы еще на одну ступень?! Я знаком с господином Сюй Сюэчэнем, великим конфуцианцем, необыкновенная ученость которого признается как у нас, так и на Западе. Его сын Сюй Ин — твой ровесник, но он не копается в сборниках сочинений для государственных экзаменов, а целыми днями изучает западные науки.

Цзинь Вэньцин собирался ответить, как вдруг появился коридорный и сообщил, что прибыл Лу Жэньсян. Когда он вошел, все обменялись несколькими вежливыми фразами: «Когда вы выехали?», «Когда прибыли?», «Где остановились?».

— Очень хорошо, что вы здесь,— заметил Фэн Гуйфэнь.— В саду английского консульства открылась выставка цветов, которая по традиции устраивается в апреле каждого года. Там представлены самые удивительные и редкие растения стран Запада. Стоит посмотреть! Приглашаю вас послезавтра сходить туда вместе со мной.

Он отхлебнул два глотка чаю, встал и распрощался.

Проводив Фэн Гуйфэня, Цзинь и Лу вернулись в комнату и продолжили беседу. Сначала они говорили о разных пустяках, затем стали думать, как бы получше развлечься.

— Я уже был в кумирне Тишины и в саду семейства Сюй,— сказал Цзинь Вэньцин.— Ничего интересного. Городской сад лучше. Давай перекусим и отправимся туда!

Лу Жэньсян согласился.

Цзинь Вэньцин приказал накрыть на стол и одновременно нанять легкую коляску. Не успели они умыться и прополоскать рот после еды, как коридорный доложил:

— Экипаж подан.

Цзинь Вэньцин переоделся в новое платье и захватил с собой веер. Пропустив Лу Жэньсяна вперед, он запер дверь и сказал несколько слов слуге и коридорному. Затем он отдал ключ портье и вышел к воротам, где их ждала коляска. Кучер рванул поводья, арабский скакун светло-желтой масти сверкнул копытами, и они вихрем понеслись к реке Хуанпу. Свернув на набережную, они поехали прямо на север. Ни одной пылинки не поднималось из-под колес; перед глазами лежала гладкая, как зеркало, поверхность реки, над которой вздымался лес мачт. Вскинув голову, друзья увидели медную статую Гордона *, грозно нависшую над набережной. Вскоре перед коляской промелькнул высокий каменный монумент, в котором они узнали памятник, воздвигнутый в честь подавления тайпинского восстания.

Цзинь Вэньцин с Лу Жэньсяном еще продолжали оживленно болтать, как вдруг коляска остановилась. Друзья вошли в ворота сада. Внутри оказались просторные беседки, павильоны и множество удивительных

растений. Цзинь и Лу присели в одной из беседок и принялись наблюдать за гуляющими, среди которых были европейцы в коротких сюртуках с твердыми воротничками; китайцы в легких рубашках и длинных халатах, перетянутых тонкими поясами, с веерами в руках; китайские и европейские женщины с насурьмленными бровями в праздничных одеждах. Неожиданно перед ними появился иностранец в сопровождении китайца лет сорока, черноглазого, с реденькой каштановой бородкой. Они также уселись в беседке и заговорили между собой на иностранном языке.

Между тем солнце склонилось к западу, деревья потемнели. Друзья медленно вышли из сада, подождали извозчика и снова поехали по набережной Хуанпу. Выехав на главную улицу, они сделали круг к Четвертой авеню, вдоль которой строились здания европейского типа, но тут навстречу им попался слуга Цзинь Вэньцина с пригласительным билетом в руках.

— Его превосходительство Сюэ просит господина немедленно прибыть в ресторан «Изысканные блюда», восьмой кабинет!

Цзинь Вэньцин понял, что его приглашает Сюэ Фужэнь из Уси, и кивнул в знак согласия. Лу Жэньсян, которому нужно было вернуться в гостиницу, вышел из коляски на Шахматной улице.

Оставшись один, Цзинь Вэньцин проехал по Шахматной, свернул на восток и остановил коляску у подъезда ресторана «Изысканные блюда». Его тут же провели в кабинет. Сюэ Фужэнь был уже там и при появлении Цзинь Вэньцина поднялся навстречу. За столом сидело еще пятеро гостей, хозяин представил их прибывшему. Один из них — Люй Цаншу — подал в свое время длинный прожект двору и даже вызвал этим милостивый императорский указ. Впоследствии он был послан в провинцию Цзянеу кандидатом на должность начальника уезда. Трое — Ли Баофэн, Ма Чжунцзянь и Ван Гунсянь * — слыли знатоками китайских и западных наук. Последний — Сюй Ин — тоже, несмотря на свою молодость, осваивал западные науки.

Выразив сожаление, что они не знали друг друга раньше, все уселись за стол. Официант принес меню, и гости принялись выбирать блюда. Сюэ Фужэнь приказал открыть бутылку шампанского. Вдруг за окном послышался скрип сапог. Цзинь Вэньцин поднял голову

и заметил, что китаец с иностранцем, которых он видел в саду, входят в ресторан.

— Кто-нибудь знает этого человека? — указывая на китайца, спросил Сюэ Фужэнь.

Все ответили, что не знают.

— Это ведь Гун Сяоци! — промолвил Сюэ.

— Сын господина Гун Цзычжэня?!

— Совершенно верно. Когда Томасу Вейду захотелось почитать «Историю династии Хаиь» *, он велел пригласить китайского учителя, но никто не решился заниматься с ним. Только Гун Сяоци осмелился, хотя не знал английского языка, и постепенно вошел в большое доверие к Вейду. Говорят, даже Юаньминъюань был сожжен по его совету.

— А этот иностранец, как мне известно, из консульства, но имени его я не знаю, — добавил Ма Чжунцзянь. — Гун Сяоци имел двух наложниц, они были его любимцами и заправляли всем домом. Когда Сяоци писал, одна из них растирала тушь, другая графила бумагу. В общем, жилось ему недурно. Кто мог ожидать, *что* в январе этого года обе наложницы сбегут?! До сих пор их ищут, но никаких следов. Удивительный случай, не правда ли?

Пока гости весело болтали, в подъезд ресторана зашел какой-то человек и послал в их кабинет свою визитную карточку. В связи с этим можно привести следующие стихи:

Нынче в гости шеголи
Шли по приглашению,

Встретились у берега
Все мужи известные.

Широта озерная,
Быстрых рек стремление,—

О, такие люди
В этом мире редкостны!

- Если вы хотите знать, кто был пришедший, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

АНГЛИЙСКОЕ КОНСУЛЬСТВО УСТРАИВАЕТ ВЫСТАВКУ ЦВЕТОВ.
ГУН СЯОЦИ РАССКАЗЫВАЕТ О КРАСАВИЦЕ СИ ЛИНЬЧУНЬ

Вы помните, что Цзинь Вэньцин по приглашению Сюэ Фужэня приехал в ресторан «Изысканные блюда». Во время беседы какой-то человек прислал свою визитную карточку, после чего пришьельца пригласили войти. Гости поднялись, уступая вновь вошедшему место. Во время знакомства выяснилось, что его зовут Юнь Хун и что он ожидает вакансии на должность старшего помощника начальника области. Юнь Хун произвел впечатление знающего человека: во всяком случае, речь его была необычной. За едой снова разгорелась оживленная беседа — главным образом о политике, о науках в западных государствах. Цзинь Вэньцин сидел в стороне и молчал. Чувствуя себя абсолютным профаном в этих вопросах, он буквально сгорал от стыда. «Вот, занял на экзаменах первое место, считал, что прославился на всю Поднебесную,— думал он,— а стоило попасть сюда, как со всех сторон посыпались на меня заморские термины, о которых я и не слыхал! Теперь я вижу, что полагаться на полученные знания нельзя. Надо непременно изучать западные науки, побольше узнать об иноземных государствах, поработать с иностранцами — скажем, на какой-нибудь должности в Палате внешних сношений*, — лишь тогда можно будет на что-то рассчитывать!»

Цзинь настолько углубился в свои размышления, что не заметил, как официант поставил перед ним пудинг, и очнулся только тогда, когда его окликнули. Он быстро съел пудинг и принялся за кофе. Официант принес счет, господин Сюэ Фужэнь подписал его, и гости, извиняясь перед хозяином за причиненное беспокойство, начали расходиться.

В гостиницу Цзинь Вэньцин вернулся на извозчике. Войдя в вестибюль, он увидел посреди него груды чемоданов. Двое людей, похожие на управляющих, на пекинском диалекте отдавали распоряжения слугам. Цзинь зашел к портье, взял у него ключ и спросил, кто хозяин этих вещей.

— Он из столицы,— доложил портье,— кажется, хочет ехать за границу, а это его сопровождающие.

Цзинь Вэньцин промолчал и возвратился в свою

комнату. Больше в этот вечер не произошло ничего, о чем бы стоило рассказывать.

На следующее утро Цзинь поднялся, намереваясь в свою очередь пригласить на ужин Сюэ Фужэня и остальных. Умывшись и причесавшись, он отправился к Лу Жэньсяну и поехал вместе с ним за гостями. Вечером в ресторане «Вечная весна» был устроен ужин. После этого еще несколько дней продолжались взаимные угощения; гости посещали публичные дома, побывали в японском чайном домике и дважды посмотрели цирк Челлини.

Наконец наступил день открытия цветочной выставки, которую устраивало английское консульство. Цзинь Вэньцин и Лу Жэньсян отправились туда в коляске. Снова проехав набережную Хуанпу, они свернули в одну из улиц и оказались у ворот сада, перед которым разгуливали четверо полицейских. На траве стояло несколько десятков экипажей. К друзьям подошел иностранец, Цзинь и Лу дали ему два доллара, получили пропуска и не торопясь вошли в сад.

Ноги их ступали по нежно-зеленой траве, затянувшей землю, словно облако. По обе стороны росли низкие деревья с густо переплетенными ветвями. Сделав несколько поворотов, Цзинь Вэньцин и Лу Жэньсян внезапно увидели перед собой высокое европейское здание с поднятыми на окнах жалюзи. Множество китайцев и иностранцев с интересом заглядывали в окна первого этажа. У входа в дом, за железными перилами, покрытыми черным лаком, стояли велосипеды. По мягкому французскому ковру друзья вошли в дом, и взору их предстало множество редких цветов самых причудливых форм, собранных из разных стран. Цветы стояли в разноцветных фарфоровых горшках на ступенчатых подставках, и под каждым из них была надпись на иностранном языке. На самом высоком месте красовался огромный розовый цветок, который можно было сравнить только с божественной Ян-гуйфэй *. Длинные тычинки свисали как бахрома; гигантские листья напоминали размером тележное колесо. Цветы, стоявшие рядом, казалось, заискивающе улыбались большому цветку, признавая его превосходство. Когда Цзинь и Лу обратились с расспросами к соседям, кто-то, знающий иностранные языки, объяснил им, что этот цветок называется Виктория в честь английской королевы.

После этого Цзинь Вэньцин и Лу Жэньсян направи-

лись к павильону китайских цветов. Лучшим из них оказался большой красный пион из Янчжоу *. На выставке было представлено более десятка его разновидностей. Далее шли орхидеи, розы и прочее. Целый отдел занимала японская вишня, отличавшаяся нежностью и изяществом.

За ступенчатыми подставками друзья заметили винтовую лестницу. Поднявшись по ней, они очутились в зале, где множество посетителей ели европейские сласти и пили кофе. Ли Баофэн и Ма Чжунцзянь также были здесь. Они сидели за столиком вместе с двумя стариками и каким-то иностранцем и беседовали, но, завидев Цзинь Вэньцина и Лу Жэньсяна, тотчас поднялись, уступая друзьям места. Во время знакомства выяснилось, что иностранца зовут Фрайер и он прекрасно говорит по-китайски.

Не успели друзья сесть, как откуда-то послышалась органная музыка. Звуки то приближались, то удалялись; подхватываемые ветром, они неслись куда-то далеко-далеко. Один из стариков спросил Фрайера, будет ли сегодня танцевальный вечер.

— Консул уже разослал приглашения,— ответил Фрайер.— Должно присутствовать более ста человек. Из ваших соотечественников приглашены начальник Шанхайской области, заведующий отделом строительства и один ханчжоуский богач. Кроме того, ожидают еще сановников Чжи Гана и Сунь Цзягу, которых ваш император посылает за границу для переговоров со всеми странами, имеющими договоры с Китаем. Они выедут вместе с американским посланником Паркером из Гонконга, посетят Японию и через Тихий океан отправятся в Америку. Это первые дипломатические представители, которых ваша страна отправляет за границу! Позавчера они прибыли в Шанхай, а в июне, наверное, тронутся в путь.

«Оказывается, чиновники, которых я видел в гостинице, едут за океан!» — подумал Цзинь Вэньцин и втайне позавидовал им.

Пока они говорили, уже стемнело, и все разошлись.

Время текло быстро, словно вода. Прошел праздник начала лета *, и Цзинь Вэньцин вместе с Лу Жэньсяном отправились в Сучжоу. Когда человек возвращается домой в парчовых одеждах, это становится большим событием в его жизни, поэтому в семье Цзинь Вэньцина давно вывесили фонари и красивые шелковые ленты,

громко играла музыка. Чиновники под балдахинами разных цветов, указывающих на их ранги, родственники и друзья в паланкинах и колясках прибывали один за другим. Вся улица была запружена ими и походила на человеческое море. Едва показался Цзинь Вэньцин, как люди, толкая друг друга, устремились к нему. Некоторые, совершенно незнакомые с ним раньше, выдавали себя за его близких друзей; те, кто прежде холодно относился к нему, сейчас перед ним заискивали. Вряд ли Чуский гегемон * в битве при Гайся был окружен так плотно, как Цзинь Вэньцин! Наконец ему удалось вырваться из этого кольца и, добравшись до главного флигеля, увидеть свою мать и жену. Разумеется, домашние искренне радовались его прибытию, лица их сияли от радости.

Не успели они рассказать Цзинь Вэньцину, что произошло за время его отсутствия, как вошел старый слуга и доложил:

— Господа Цянь Дуаньминь, Хэ Тайчжэнь и Цао Ибяо ждут вас во дворе.

Услышав о приезде друзей, Цзинь очень обрадовался и приказал слуге провести их в его кабинет.

Следует сказать, что Цзинь Вэньцин с Цао Ибяо сблизились еще десять лет назад, в трудную для обоих минуту. Вместе с Цянь Дуаньминем и Хэ Тайчжэнем их называли тогда «неразлучными друзьями».

Как вы думаете, откуда пошло это прозвание?

В конце правления императора Сяньфэна, во время событий 1860—1861 годов, когда был заключен договор о мире, Сын Неба, желая успокоить людские сердца, повелел устроить в столице государственные экзамены. Сучжоу и Чанжоу находились в руках тайпинской армии, которая не на жизнь, а на смерть вела борьбу с Великой Цинской династией. Ученые мужи и знатные люди этих областей разбежались кто куда и долго скитались на чужбине. Но ведь ученая степень — воздух для книжника. Поэтому едва ученые мужи услышали радостную весть, как все они, невзирая на таящуюся кругом опасность, бросились в столицу, чтобы испробовать свои кисти. Среди них был и Цзинь Вэньцин.

Семья его в это время спасалась от беспорядков в Шанхае. Тем не менее он внял наставлениям матери и отправился в столицу на экзамены. Главная трудность заключалась в том, что по суше дорога была закрыта, а пароходы еще не ходили: только иностранные грузо-

вые суда, занимавшиеся перевозкой товаров, соглашались брать на борт пассажиров. Цзинь Вэньцин потратил немало сил, прежде чем попал на одно из таких судов. Там он неожиданно встретил Цянь Дуаньмина, Хэ Тайчжэня и Цао Ибяо.

Разговорившись, они выяснили, что являются земляками. К этому следует добавить, что все они были молоды, способны и во взглядах их обнаружилось много общего.

В дороге будущие ученые столкнулись с разными неприятностями, но они помогали друг другу и, естественно, сошлись еще ближе. Тут же, на корабле, они поклялись в вечной дружбе.

Добравшись до Пекина, молодые люди завязали еще несколько знакомств и вместе с новыми друзьями создали литературное общество под названием «Убежище талантов». Занимались они в нем главным образом упражнениями в восьмичленных сочинениях, собираясь каждый месяц в условленное время. Сначала они рассматривали это только как подготовку к экзаменам и стремились вдохновить друг друга. Они не думали, что после подавления тайпинского восстания литература придет в упадок и их молодые таланты произведут на столицу столь сильное впечатление. Едва кто-нибудь из них заканчивал очередное сочинение, как оно тут же переписывалось во многих экземплярах. Слава друзей росла день ото дня, даже высокопоставленные чиновники и знаменитые ученые стремились подражать им. Особенно выделялся среди членов общества «Убежище талантов» Цао Ибяо. Он не применял современных выражений, когда писал о современном, а использовал цитаты из древних классиков, историков и философов. Таким образом он поверг в прах принципы всех традиционных школ и утвердил на их развалинах свое знамя. Порою его стиль был прост и резок, как надписи на камнях, порою — красочен и возвышен, словно изречения на надгробных плитах. Когда министр Гун Пин прочитал одно из его сочинений, он хлопнул ладонью по столу и восхищенно вскричал:

— Вот уж не думал, что стиль, царивший при прежних императорах, возродится снова!

И он стал убеждать членов общества публиковать свои рукописи. С этих пор сочинения из «Убежища талантов» полились рекой и наводнили всю Поднебесную, подобно стихам Лю Юна *. Повсюду декламирова-

ли их произведения. Не было человека, который не знал бы имени Цао Ибяо.

Прошло несколько лет, и члены общества сделали блестящую карьеру. Все они получили высшие ученые степени, лишь Цао Ибяо оказался обиженным. Он до сих пор оставался студентом училища «Сыны отечества» *, так как на экзаменах его сочинений не оценили. Впрочем, он не придавал значения этим неудачам. Ему было неприятно только одно: что он не оправдал надежд матери, поэтому каждый раз, когда устраивались экзамены, он постоянно принимал в них участие. Услышав, что Цзинь Вэньцин с победой приехал в отпуск на юг и вскоре вместе с Цянь Дуаньминем, Хэ Тайчжэнем и своими родственниками уезжает в столицу, Цао Ибяо захотел снова погулять по Пекину. Тогда он приехал из Чанчжоу в Сучжоу, желая поздравить Цзинь Вэньцина с успехом, а заодно условиться о совместной поездке: ведь чем больше спутников, тем веселее.

Цзинь Вэньцин радостно встретил друзей, а когда они поздравили его с успехом, смутился и произнес несколько скромных фраз. Цянь и Хэ видели Цзинь Вэньцина сравнительно недавно, в то время как Цао Ибяо не встречался с ним уже много лет. Гости вспомнили о старых временах, после чего Цзинь Вэньцин пригласил всех сесть и велел слуге принести чай.

Внимательно разглядывая Цао Ибяо, Цзинь Вэньцин заметил, что друг по-прежнему полон; лицо его сохранило свой розовый цвет и округлость, а глаза — живость. Хотя Цао Ибяо было уже более тридцати лет, он еще не отпускал бороды. Одетый в халат из потертого белого шелка и синюю шелковую куртку, он держал в руках расписной веер из птичьих перьев и белую яшмовую табакерку, из которой непрерывно нюхал табак. Его ноздри и верхняя губа были испещрены пятнышками, словно тигровая шкура.

— Высоко тебя занесло, Вэньцин! — улыбаясь, сказал Цао Ибяо.— Воистину, не только друзей порадовал, но и родные места прославил. Когда мы получили весть о твоём успехе, даже сон потеряли от счастья!

— Не подтрунивай надо мной, Ибяо,— остановил его Цзинь.— Что касается учености и умения писать, то среди нас четверых тебя можно сравнить с головой дракона, а меня только с хвостом! На свете часто бывает наоборот: Лу Чжаолиня поставили после Ван Бо; ты, равный Лю Фэну *, не выдержал экзамена, а мне дали

ученую степень! Как видишь, я не первый среди бесстыдных! — Тут он обернулся к Цянь Дуаньминю. — Не думай, что я злопыхательствую, но по-моему, твои недавно опубликованные сочинения при всей своей популярности не годятся в подметки трудам Цао Ибяо!

— Конечно! Никто из занимающихся сейчас восьмичленными сочинениями не может тягаться с нашим другом, кроме его учителя! — подтвердил Цянь Дуаньминь.

Завязалась оживленная беседа. Разговор коснулся истоков восьмичленных сочинений, которые ведут свое начало еще от Ван Аньши * и Су Ши. Далее друзья перешли к их многочисленным последователям.

— Нынче все желают показать свою просвещенность и бранят восьмичленные сочинения, называя их авторов «восьмичленными одержимыми», — сказал Цао Ибяо. — В действительности же эти сочинения являются одним из прозаических жанров. Разве можно его сбрасывать со счетов?! Труды знаменитых мастеров не менее убедительны и блестящи по мысли, чем творения философов эпох Чжоу и Цинь *, а по глубине чувства они подобны произведениям малых форм эпох Вэй и Цзинь *. Разве они уступают в чем-нибудь ханьским одам, танским стихам, сунским романсам или юаньским драмам?!

— Я помню, — молвил Хэ Тайчжэнь, — что при императоре Даогуане некто Лян Чжанцзюй по примеру «бесед о стихах» * написал книгу «Сборник бесед о восьмичленных сочинениях», в которой чрезвычайно подробно рассматривал истоки этого жанра и различные течения внутри него, а Цянь Мэйси * в подражание «Жемчужинам танской прозы» составил сборник лучших восьмичленных сочинений в ста томах, назвав его «Толкования классиков». К сожалению, перечисленные книги так и не были изданы. Однако взгляды их авторов полностью совпадают с точкой зрения Цао Ибяо!

— Все говорят, будто начало восьмичленным сочинениям положил Ван Аньини, — вставил Цянь Дуаньминь. — В действительности же эта честь принадлежит Хань Юю *. Если вы сомневаетесь, прочтите еще раз его сочинение «Разрушение основ»...

Но не успел он договорить до конца, как в комнату быстрыми шагами вошел Лу Жэньсян.

— Вы, я вижу, заболели настоящей манией исследований! — вскричал он. — Даже восьмичленные сочинения, которые годятся только для ученой карьеры, пытае-

тесь ввести в литературу! Поди, уже успели забыть, что сегодня мы у Чу Айлинь отмечаем приезд Цзинь Вэньцина.

— Ой! — воскликнул Цянь Дуаньминь. — Это встреча с Цао Ибяо навела нас на разговор о восьмичленных сочинениях. Если б не ты, мы бы наверняка забыли!

На лице Цзинь Вэньцина появилось удивленное выражение.

— Друг мой, Дуаньминь, ведь ты и Тайчжэнь раньше никогда не ходили к гетерам. Давно ли вы стали следовать общей моде?

— Раньше я тоже смотрел на гетер с презрением, — промолвил Цао Ибяо. — А потом узнал, что Чу Айлинь не проститутка, которая является по первому зову. Она неплохо поет оперные арии и сочиняет стихи, совсем как героиня из «Записок у моста Баньцяо» *. К тому же в ее доме полным-полно древних картин, сосудов, тушечниц — настоящий антиквар в юбке. Не удивительно, что Дуаньминю и Тайчжэню захотелось на нее поглядеть.

— Этот вечер мы устраиваем вчетвером, желая отметить твой приезд, — добавил Хэ Тайчжэнь. — Больше никого не приглашаем.

— Уж не та ли это Чу Айлинь, которая сбежала от Гун Сяоци? — спросил Цзинь Вэньцин. — Ты, кажется, еще в Шанхае мне о ней говорил... Она живет в переулке Трех хижин?

Лу Жэньсян кивнул.

— Тогда я обязательно пойду! — воскликнул Цзинь. — Сейчас вы пообедаете у меня и отправитесь туда. Мне же придется подождать, пока разойдутся гости.

С этими словами он приказал слуге накрыть отдельный стол в кабинете и, предоставив приятелям есть все, что им заблагорассудится, отправился занимать гостей. Вскоре четверо друзей пообедали и пустились в путь.

Солнце уже спускалось за горы, когда Цзинь Вэньцину наконец удалось проводить родственников и знакомых. Он сел в маленький паланкин и направился в переулок Трех хижин.

Сойдя с паланкина, он увидел ворота, на которых была наклеена красная полоска с большими иероглифами: «Квартира господина Вана из Ханчжоу». Дом отнюдь не походил на жилище ученого, поэтому Цзинь в нерешительности остановился, но оказалось, что его уже ждет слуга с фонарем. Узнав имя Цзинь Вэньцина,

он ввел его в ворота. Они шли по извилистой, выложенной камнем дорожке, едва видной в вечернем сумраке. По бокам маячили клумбы, окруженные причудливыми камнями. На них росли кусты, травы, цветы. Цзинь понял, что попал в сад. Вскоре дорожка кончилась, и перед ним выросло одноэтажное здание из трех комнат с двумя флигелями. В окнах ярко горели лампы и свечи, из дома доносились оживленные голоса.

Следуя за слугой, Цзинь Вэньцин подошел к дверям средней комнаты. Внутри раздался возглас, извещающий о приходе гостя, дверная занавеска откинулась, и навстречу Цзиню, вся светясь улыбкой, вышла молодая женщина лет двадцати в простом, но красивом наряде. Это была Чу Айлинь. Цзинь Вэньцин взглянул на нее и остолбенел: лицо показалось ему знакомым, а Чу Айлинь тем временем нежно пропела:

— Прошу вас пройти в комнату, господин Цзинь!

Звук ее голоса еще больше смутил Цзинь Вэньцина. «Где я видел эту женщину?» — мучительно думал он, перешагивая порог. В комнате было необыкновенно чисто, мебель отличалась исключительным изяществом. В глубине виднелся богато убранный кан *, над которым висело изображение феи Дун Шуанчэн *, принадлежавшее кисти безвестного художника, но поистине замечательное. У стен красовались стулья и столики, вырезанные из корней дерева, причудливо сплетавшихся между собой. Посредине стоял стол со столешницей из красного дерева, в которую была вделана плита из юньнаньского мрамора. На нем было разложено множество альбомов с картинами, изделий из бронзы и яшмы. Цянь Дуаньминь, Хэ Тайчжэнь, Цао Ибяо и Лу Жэньсян, сбившись в кружок, с интересом рассматривали и перебирали эти редкости.

— Вэньцин, иди сюда, погляди,— промолвил Хэ Тайчжэнь.— Неплохие вещицы! Видишь, кубок и чаша времен династии Шан!..* А как великолепно сохранились надписи на треножнике!

— Смотрите, это жертвенный сосуд и треножник периода династии Хань,— воскликнул Цянь Дуаньминь.— Как они искусно и тонко сделаны!

— А мне нравятся отпечатки с каменных стел эпох У, Цзинь, Сун и Лян! * — проговорил Цао Ибяо.— О них ни в одной книге не упоминается.

Цзинь Вэньцин бросил взгляд на предметы.

— Как видим, тонкость хозяйского взора осчастливила и наши глаза! — произнес он.

Усевшись в большое кресло, стоявшее возле окна, перед гладко отполированным письменным столом, Цзинь Вэньцин машинально взял в руки тушечницу, на которой были изображены крошечные фениксы, порхающие среди листвы. Но глаза его были по-прежнему устремлены на Чу Айлинь.

— Ну как, наша хозяйка не хуже, чем твоя знакомая из Яньтая? — с улыбкой спросил его Лу Жэньсян.

Чу Айлинь обворожительно усмехнулась.

— Ах, господин Лу, что вы говорите! Ставить меня рядом с Синьянь так же нелепо, как сравнивать куриный помет с синевою неба. Не правда ли, господин Цзинь?

Цзинь Вэньцин покраснел до корней волос, сердце его екнуло.

— Вас зовут Фу Чжэньчжу? Да? Как вы попали в Сучжоу и почему носите имя Чу Айлинь?

— У вас отличная память, господин Цзинь. Ведь уже полгода прошло после нашей встречи,— промолвила женщина,— и я вас с трудом узнала. Ну как, Синьянь счастлива? Не зря она страдала!..

— Она приезжала как-то в Пекин,— смутился Цзинь Вэньцин,— но я тогда был очень занят, не видел ее. Потом она вернулась домой и с тех пор не подавала о себе вестей.

— Разве вы не взяли ее к себе после того, как выдержали экзамен? — удивленно спросила Чу Айлинь.

Цзинь Вэньцин побледнел.

— Давайте не будем вспоминать прошлого. Вы еще не рассказали мне, почему переменяли имя и фамилию. Говорят, вы сбежали от Гун Сяоци? Я вижу, все редкости, которые здесь расставлены, из его дома!

Чу Айлинь печально опустила голову возле Цзинь Вэньцина.

— Другому бы я не призналась, но вам скажу откровенно: я действительно ушла от Гун Сяоци. И все же люди напрасно меня обижают, говоря, будто я убежала с вещами. На самом деле Гун Сяоци просто обеднел и был вынужден скрепя сердце отпустить меня. А эти вещи он подарил мне на память. Подумайте, господин Цзинь: если бы я действительно украла эти редкости, разве я решилась бы выставить их напоказ?!

— Но почему Гун Сяоци вдруг сразу до такой степени обеднел? — спросил Цзинь Вэньцин.

— Все из-за своего странного характера. Люди видели, что он живет на широкую ногу, сорит деньгами, вот и решили, что он богат. А на самом деле Гун Сяоци просто непутевый сын, промотавший все, что у него было. Из-за каких-то научных вопросов рассорился со своим отцом и перестал бывать у него. Есть у него старший брат, но он не поддерживает с ним связи; о жене и сыне тоже не заботится, хотя из дому не берет ни гроша. Целые дни он либо путается с проститутками, либо учится у варваров монгольскому и тангутскому языкам да устраивает с ними скачки. Деньгами его ссужал старый друг. После смерти друга ему снова повезло: встретился с английским посланником Томасом Вейдом, стал его советником и еще несколько лет сорил деньгами. Но недавно, не знаю из-за чего, разругался с ним. Вот денег у него и не стало: начал распродавать книги, картины, антикварные вещи — тем и жил. Он даже придумал себе прозвище: «Пол-отношения*». Дескать, ни одного из «пяти отношений» * он не соблюдает, а так как я ему наложница, а не жена, можно считать, что он выполняет только «пол-отношения». Кто знал, что он и этой половины не сможет соблюсти!

Глаза у Чу Айлинь покраснели.

— Раз он всем пренебрег и переметнулся к Вейду, значит, он сделал это из-за денег, — сказал Цзинь Вэньцин. — Но почему он с ним поссорился?

— Одни считают его изменником, другие — революционером, но Гун Сяоци уверял, что все эти люди неправы и что он подал мысль сжечь Юаньминьюань только для того, чтобы отомстить за своего отца.

— А кто обидел его отца? — удивился Цзинь Вэньцин.

Чу Айлинь придвинула стул поближе и, наклонившись к уху Цзиня, зашептала:

— Я расскажу вам то, что он сам говорил, и вы сразу поймете. Однажды, — это было за месяц до моего ухода, — сидел он дома в четырех стенах, без единой монеты. Характер у него совсем испортился: то колотит рукой по постели, то ругает все на свете. Но я к этому привыкла, думаю: пусть себе буянит. Вдруг к вечеру ускользнул он в свой кабинет и притих: даже дыхания не слышно. Я встревожилась, подошла на цыпочках к двери, слышу: какой-то странный стук и бормотанье. Потом снова стук и снова бормотанье. Думаю: в чем дело? Не стерпела, вбежала в комнату, гляжу, а он серьезный сидит за

письменным столом. Перед ним раскрытая тетрадь с черными клетками, вся испещренная иероглифами. Рядом с тетрадью — табличка предков *, которую он вытащил из шкафа. В одной руке — кисть с красной тушью, в другой — линейка. Он уже замахнулся линейкой на табличку, но увидел, что я вошла, обернулся и спрашивает:

— Тебе что нужно?

— Да вот услышала у тебя стук,— отвечаю я, смеясь,— никак не могла понять, чем ты занимаешься, а ты, оказывается, табличку бьешь. Чья она?

— Папашина.

— Как же ты можешь бить табличку своего отца?! — испуганно спрашиваю я.

— Мой папаша не был похож на других отцов,— отвечает Гун Сяоци.— Он создал себе громкое имя обманным путем. Я-то презираю папашу, но у него повсюду сохранились почитатели. Для них его вонь лучше всякого аромата, а его старческий бред они готовы воспринимать как самые сокровенные мысли. Сейчас мне приходится составлять собрание его сочинений, и я вижу, как много в них глупостей, лжи и ошибок. Вот и корнаю его всеми силами, чтобы других не сбивать с толку. В свое время он правил мои сочинения и не раз меня поколачивал. Теперь очередь моя: око за око — времена меняются! Видишь, вытащил его табличку? Как встречу какую-нибудь глупость, так ему линейкой по башке; если ложь — два раза, если ошибка — три. Смотришь, хоть в какой-то степени да сквитаюсь за старые обиды!

— Разве может сын мстить отцу?! — спрашиваю я. Он смеется:

— За его большую обиду я уже отомстил, поэтому мою крохотную шутку он примет с радостью!

— За какую обиду отца ты отомстил? — удивилась я.

— А ты думаешь, мой отец умер своей смертью? — говорит он очень серьезно.— Его отравили маньчжуры. Папаша страдал той же слабостью, что и я: очень с женщинами любил возиться. Каких только баб не было в его любовной истории: начиная от гаремных красавиц и кончая нищенками. Когда он секретарствовал в приказе по делам членов императорской фамилии, начальником приказа был князь Мин Шань — необыкновенно талантливый человек. Его наложница Си Линьчунь тоже

отличалась талантами и красотой. Об их дружной жизни ходили целые легенды. Говорили, например, что если Мин Шань слагает стихи «Песнь дровосека в Западных горах», то Си Линьчунь вторит ему «Песней рыбака с Восточного моря». Так они предавались просвещенным занятиям и развлечениям и заявляли, что не уступят в супружеском согласии даже Чжао Мэнфу * с женой.

На пирах у Мин Шаня моего папашу всегда сажали на почетное место, но хотя князь спьяна и обещал написать заглавие к сборнику его стихов, он никогда не смотрел на отца как на равного. Однажды в приказе что-то стряслось, а Мин Шань был как раз в Западных горах *. Мой отец поехал за ним. В тот день шел густой снег, и отец вдруг встретил Мин Шаня с Си Линьчунь, выезжавших рядышком на конях из леса. Си Линьчунь была в дорожном наряде, на плечи накинута красная плащ, резко выделявшийся на снегу. Едва отец увидел ее веселое, смеющееся личико и грациозную фигурку, у него даже дух захватило. С тех пор он днями и ночами думал о ней и готов был умереть, но добиться ее любви.

К сожалению, отцу не с кем было передать о своих намерениях, а он сам был недостаточно знатен, чтобы постоянно бывать у Мин Шаня, и ему оставалось лишь скрывать свое чувство. Впрочем, на дурные дела всегда удача, и вскоре ему представился подходящий случай. Как-то во время одного из храмовых праздников отец вдруг встретил наложницу князя. Смотрит, Мин Шаня нет, набрался храбрости, подошел к ней и произнес несколько фраз по-монгольски. Си Линьчунь с улыбкой ответила. На прощанье женщина как бы невзначай бросила ему такие слова: «Завтра, после полудня, в чайной за Восточными воротами». Отец догадался, что она назначает ему тайное свидание, и обрадовался невероятно. На следующий день без особых размышлений он отправился к Восточным воротам. Действительно, не сделал он и ста шагов от городской стены, как перед ним оказалась маленькая ветхая чайная. Отец вошел, выбрал место, крикнул половому, чтобы тот заварил ему чай, и приготовился ждать хотя бы вечность. Внезапно полой, подошедший к нему с чайником, тихо спросил его: «Вы не господин Гун?» — «Да», — ответил отец. Тот провел его внутрь. Здесь за столом сидел человек в войлочной шляпе, с густыми бровями и большими глазами, похожий на кучера. Увидев отца, он почтительно при-

гласил его сесть. «Кто ты такой?» — спросил отец. Человек скорчил загадочную мину: «Вам не нужно этого знать. Выпейте чаю, потом поговорим!»

От долгой ходьбы отца обуяла жажда: он и сам хотел промочить глотку, поэтому взял чашку и выпил больше половины. Внезапно земля и небо закружились у него перед глазами, в голове помутилось, и он тяжело повалился на пол...

Не успела Чу Айлинь договорить, как Цянь Дуаньминь, стоявший возле стола с редкими вещами, воскликнул:

— Неужели Гун Цзычжэнь так глупо попался на удочку и был отравлен?

— Не спешите! — остановила его Чу Айлинь. — Послушайте, что я расскажу дальше!

Содержание этой главы может быть изложено в следующих стихах:

Утвердил он свое направление и школу,
Круг маститых поэтов им возглавляется.

Но, быть может, погиб он, великий ученый,
От жестокой руки знаменитой красавицы?

Если вы хотите знать, остался ли Гун Цзычжэнь жив, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НОЧЬЮ В СВОЕМ ДВОРЦЕ КНЯЖНА ПРЕДЛАГАЕТ СЕБЯ МУЖЧИНЕ.
МАЛЬЧИК-АКТЕР ВЫМАЛИВАЕТ У ЛУНЫ СЧАСТЬЕ
ДЛЯ НЕВЫДЕРЖАВШЕГО ЭКЗАМЕН

В предыдущей главе Чу Айлинь рассказала, как Гун Цзычжэнь выпил чай и свалился замертво. Цянь Дуаньминь прервал ее нетерпеливым вопросом, но Чу Айлинь попросила не забегать вперед. Сказав, что Гун Цзычжэнь был отравлен не в этот раз, она уже хотела продолжать, как вдруг Хэ Тайчжэнь обратился к другу:

— Дуаньминь, неужели ты не читал сочинений Гун Цзычжэня? В предисловии, посвященном губернатору провинции Гуанси, Гун Цзычжэнь указывает, что служил в княжеском приказе в тысяча восемьсот тридцать седьмом году. Через год после этого он составил «Сборник надписей на ритуальных сосудах династий Шан и Чжоу», тем самым дополнив словарь «Толкование

знаков» ста сорока семью древними иероглифами. Моя работа «Древние иероглифы в словаре «Толкование знаков» была создана под влиянием Гун Цзычжэня. Стало быть, до тысяча восемьсот тридцать девятого года он никак не мог умереть!

— Его знаменитые «Триста пятнадцать стансов, сочиненных в год Ихай» * также были написаны спустя два года после того, как он расстался с княжеским приказом,— присовокупил Цао Ибяо.

— Ладно, оставьте ваши исследования и не прерывайте рассказа! — остановил их Цзинь Взньцин.— Айлинь, продолжайте скорей!

— Так вот,— снова начала Чу Айлинь,— он сказал: «Мой папаша, упав без сознания, ничего уже не помнил, а когда очнулся, почувствовал себя разбитым и не мог шевельнуться. Открыл глаза — кругом темным-темно. Отец не знал, где находится, но понял, что это не мрачная темница, а скорее обиталище бессмертных. Под головой у него была расшитая подушка, а под одним одеялом с ним лежало маленькое очаровательное существо в тонкой шелковой рубашке. Теплый пьянящий запах, исходивший от красавицы, дурманил голову. Отец осмелел, протянул руку и стал ласкать женщину, не встречая сопротивления; его пальцы скользили по гладким бархатистым формам. Тут мой старик подумал: «Говорят, в столице есть таинственные черные повозки, которыми частенько пользуются гаремные красавицы и знатные женщины для входа во врата наслаждений. Неужели Си Линьчунь тоже выкинула со мной такую штуку? Что за женщина лежит возле меня? Не Си Линьчунь ли это?» Не выдержав, он несколько раз тихонько окликнул ее, но ответа не последовало. Сказал несколько фраз по-монгольски — по-прежнему молчание. Тут он почувствовал прикосновение нежной яшмовой ручки, женское тело, сладострастно изогнувшись, прильнуло к нему, и оба, потеряв над собой власть, сыграли небольшую любовную пантомиму. Наконец они сладко уснули, не выпуская друг друга из объятий. В минуту самого невыразимого блаженства до слуха отца вдруг донесся петушиный крик. «Плохо дело!» — подумал он и испуганно вскочил. Протер глаза, внимательно огляделся вокруг и застыл в изумлении: он находился в собственном кабинете. «Неужели это был просто сон? — пронеслось в его мозгу.— Чайная, обитель бессмертных, парчовое одеяло, красавица — сон?!»

В волнении он позвал слугу и спросил, когда он вчера вернулся. Слуга ответил, что господина всю ночь не было дома и лишь на рассвете повозка из дворца князя Мин Шаня привезла его сюда — такого пьяного, что его пришлось на руках принести в комнату и уложить в постель.

После слов слуги папаше стало ясно, что ночное приключение — проделки Си Линьчунь. Он был, разумеется, очень доволен и не понимал только одного: как он мог заснуть словно убитый и как его доставили домой. Чем больше он думал над этим, тем больше запутывался, а Си Линьчунь казалась ему одновременно пленительной и страшной. Прошло несколько дней, отец как-то бродил по Люличану * и вдруг снова наткнулся на Си Линьчунь. Увидев его, молодая женщина еле заметно улыбнулась. Отец внимательно осмотрелся: при ней не было никого, кроме девочки-горничной. Совершенно ясно, что она пришла сюда специально, чтобы встретиться с ним.

Однако вид у нее был еще более строгий и неприступный, чем прежде. Отец набрался смелости, шагнул вперед и, произнеся по-монгольски несколько туманных фраз, намекнул на недавнее происшествие. Линьчунь засмеялась, но не ответила. Только после того, как отец поставил вопрос прямо, она промолвила:

— А если это была я, что тогда?

— Тогда я счастлив, словно небожитель! — воскликнул отец. — Только волшебством своим вы вознесли меня на самые облака, даже страшно становится!

Молодая женщина улыбнулась:

— Если боишься — не приходи.

— Я готов прийти, даже если это грозит мне смертью!

Посмеявшись, Си Линьчунь наконец сжалилась над отцом и условилась встретиться в саду княжеского дома в ночь на девятое июня, когда Мин Шань будет в отъезде.

На эту встречу Си Линьчунь явилась прекрасная, как богиня, и еще больше привязала к себе отца. С тех пор они виделись постоянно, деля свое уединение лишь с луной и цветами. И вдруг однажды старый слуга приносит моему отцу маленький, плотно запечатанный пакет. Папаша раскрыл его, заглянул: внутри оказалось письмо. На бумаге изящным, мелким почерком Си Линьчунь было набросано всего несколько строк:

«Наша связь раскрыта. Меня заточат. Немедленно

бегите на юг, иначе может случиться беда. Посылаю вам яд, который убивает безо всяких следов. Если положить его в воду, вода станет голубоватой, сладкой на вкус и приобретет резкий запах. Остерегайтесь этих признаков! Возможно, кое-кто попытается вас отравить. Другой мешочек — с ароматным порошком — носите на груди. Это противоядие, спасающее от любого зелья. Прощайте. Берегите себя!»

Прочитав это письмо, мой отец в ту же ночь собрался и уехал на юг. Прошло несколько лет, с отцом ничего не случилось, и он забыл об осторожности. Как-то он отправился в Даньян и в уездном управлении встретил одного человека, с которым вместе служил в княжеском приказе и часто играл в азартные игры. Тот охотно пошел навстречу желаниям отца, и они проиграли с ним два вечера подряд. Вернувшись домой, отец почувствовал себя плохо. Он вспомнил, что у вина, которое он только что пил, был резкий запах, и понял, что его отравили. Перед смертью он подробно рассказал мне обо всем и велел отомстить. Хотя он относился ко мне и неважно, но все-таки был мне отец, поэтому с тех пор я воспылал непримиримой ненавистью к маньчжурам. В шестьдесят первом году, когда я служил у Томаса Вейда, мне очень хотелось свергнуть Цинскую династию и своей рукой перерезать всех потомков Мин Шаня. Этого мне сделать не удалось, но я отчасти выполнил свой долг тем, что посоветовал сжечь дворец Юаньминьюань. Пусть люди говорят, что я изменник или революционер — мне все равно!»

Это мне говорил сам Гун Сяоци, и, я думаю, вполне искренне. Характер у него странный, однако к людям он относится справедливо. Если он и выпроводил меня, то лишь потому, что другого выхода у него не было. К тому же он отказался не только от меня, но и от второй наложницы по фамилии Ван, она сейчас тоже здесь. Он подарил нам много вещей и часто присылает письма, спрашиваясь, как мы живем. У Ван есть деньги, поэтому она не принимает гостей, а у меня нет ничего, вот и приходится позорить Гун Сяоци. Прежнее имя — Фу Чжэньчжу — я приняла по фамилии своей содержательницы в Яньтае. Чу — моя настоящая фамилия. Айлинь — детское имя *, а настоящее имя — Ваньсян. Люди клеветают на меня, будто я скрылась с вещами! Ах, господин Цзинь, как горька моя судьба!

Цзинь Вэньцин с улыбкой обратился к гостям:

— Недаром пословица гласит: «Под одним одеялом не рождается двух мнений». Вы только послушайте, как она защищает Гун Сяоци!

— Гун Сяоци не стоит подражать, но его суждения весьма своеобразны,— заметил Цянь Дуаньминь.— Здесь, безусловно, сказывается отцовская наследственность.

— Гун Цзычжэнь сделал немало для развития современной науки,— подхватил Цао Ибяо.— Я часто говорю, что Цинская династия в науках превзошла династии Тан, Сун, Юань и Мин. Только она сумела обобщить идеи всех предшествующих ученых и привести их в стройную систему. Если тщательно проанализировать этот процесс, то прошедшие двести с лишним лет можно разделить на три периода: первый — начальный — период представлен именами великих конфуцианцев Гу Яньбу, Янь Жоцзюя, Хой Дуна и Дай Чжэня *. Они внесли в науку метод доказательств. Согласно этому методу, что бы ни являлось предметом изучения — человеческая личность или явление природы,— суждение можно выносить только на основе неопровержимых доказательств. Даже классические книги и сочинения древних мудрецов они не принимали слепо на веру, проверяя достоверность каждого факта. Второй период — систематизация — охватывает время царствования императоров Цяньлуна и Цзяцина. Ученые этого времени сверили и дополнили сочинения классиков, историков и философов, в результате чего древние книги, не поддававшиеся толкованию, стали ясными и понятными. Третий период можно считать началом подлинного изучения. Ученые углубились в книги, уже приведенные в систему предшественниками; поэтому и смогли появиться люди типа Вэй Юаня и Гун Цзычжэня, которые создали самостоятельные теории и высказали поразительные суждения. Но, на мой взгляд, это только первые шаги в раскрытии истинного смысла классических книг. Пройдет еще несколько лет, и, пожалуй, возродятся горячие споры, которые в свое время велись в Цзися и Лишани *. Наука царствующей династии встанет в один ряд с наукой Чжоу и Цинь и превзойдет обе династии Хань, не говоря уже о Вэй и Цзинь!

— Раньше при изучении надписей на камне и бронзе занимались исключительно названиями предметов и стилями иероглифов, а теперь с помощью метода доказа-

тельств ученые стали исследовать даже обычаи древнего общества! — добавил Хэ Тайчжэнь.

Тем временем был накрыт стол. Цзинь Вэньцина, конечно, посадили на почетное место, а остальные расселись по возрасту. Пока чайник с вином трижды обошел по кругу, пришлось несколько раз подрезать фитили у свечей. Вначале гости говорили о современном, сокрушались о минувшем и рассказывали различные удивительные истории, но когда все опьянели, серьезный разговор уступил место шуткам, анекдотам, сплетням. Наконец время истекло, вино кончилось, и гости разошлись.

Но вернемся к Цао Ибяо, который, как мы уже говорили, приехал в Сучжоу специально для того, чтобы отправиться в столицу вместе с друзьями. Когда на следующий день они встретились, Цао Ибяо рассказал Цзинь Вэньцину о своих намерениях, и тот, конечно, сразу же их одобрил. Зная, что Цао хочет попасть на очередные провинциальные экзамены в окрестностях Пекина и должен прибыть туда не позднее августа, Цзинь Вэньцин простился с родителями и вместе с женой тронулся в путь. Цянь Дуаньминь и Хэ Тайчжэнь также поехали с семьями. Свободнее всех чувствовал себя Цао Ибяо, у которого было с собой только двое слуг и очень немного вещей.

Добравшись до Шанхая, приятели сели на пароход. Путешествие по морю промелькнуло незаметно. Не прошло и десяти дней, как они оказались в Пекине. Го Чжаотин тоже был там. Друзья часто собирались вместе и оживленно беседовали. Ведь большинство из них впервые прославились в обществе «Убежище талантов», и вот сейчас они, много повидавшие, возмужавшие, снова встретились в столице. Да и знания у них были уже не те, что прежде. Традиционные словечки, которыми пестрят восьмичленные сочинения, они давно выбросили из головы и, встречаясь, говорили либо о непризнанных философах и историках, либо о поэзии и древней стилистике. Вместе они оценивали старинные издания и собирали древние надписи. Здесь Цзинь Вэньцину удалось впервые прочесть «Краткое описание стран мира» Сюй Шоу *, «Сведения о заморских странах» Чэнь Цзычжая, «Описания и карты заморских стран» Вэй Юаня, и он начал постепенно разбираться в иностранных делах.

Власти с большим уважением относились к друзьям.

Их земляки — министры Пань Цзунъинь и Гун Пин всячески их расхваливали и во всем оказывали содействие, благодаря чему друзья познакомились со множеством известных людей своего времени.

Прошло два года, и Лу Жэньсян наконец получил звание лауреата, добившись такой же славы, как Цзинь Вэньцин, и тоже перевез семью в столицу. Только один Цао Ибяо дважды принимал участие в экзаменах и по-прежнему проваливался. Он уже хотел вернуться на юг, но Цзинь Вэньцин отговорил его, посоветовав просто купить чиновничью должность в министерстве церемоний. Цао Ибяо не стремился к славе, которую приносят с собой богатство и высокое положение, но любил своих друзей и с радостью остался вместе с ними. Как и другие, он посещал театры, ночевал у гетер и был вполне доволен жизнью, протекавшей в развлечениях и праздности. Но не будем говорить о пустяках.

Наконец наступила пора новых осенних экзаменов. Как-то вечером в начале августа Цзинь Вэньцин сидел один в своем кабинете. Занавеска колыхалась от легкого ветерка, несущего с собой густой аромат коричневого дерева. Цзинь поднял голову, увидел холодную луну, которая только что показалась над макушками ив, и вдруг вспомнил, что сегодня у Цао Ибяо торжественный день. Зная его бесшабашный характер, Цзинь и подумал, что, поскольку Цао Ибяо живет один, некому побеспокоиться даже о том, чтобы у него были все вещи, необходимые для экзамена.

Цзинь Вэньцин очень тепло относился к Цао, поэтому он тотчас же собрал тушь, кисти, бумагу, велел жене приготовить печенье и закусок, сел в повозку и отправился со всем этим к Цао Ибяо. Подъезжая к воротам гостиницы, он еще издали заметил щегольскую коляску, запряженную рыжей лошадкой с подстриженной гривой. Из дверей грациозной походкой вышел юноша лет пятнадцати — шестнадцати в яркой, красивой одежде. Вскочив в коляску, он опустил занавески, кучер прикрикнул на лошадь, и коляска стремительно понеслась.

Цзинь не успел разглядеть лица юноши, но внешнестью тот напоминал актера. «Кто же мог позвать его? — пронеслось в мозгу Цзинь Вэньцина. Но он тут же одумался.— Нет, нет! Разве сегодня у Цао Ибяо есть время развлекаться с актерами? Ха! Да ведь это красавчик Айюнь из труппы «Радостное согласие». Еще

больше он известен под прозвищем «Жена Цао»! Друзья прозвали так Айюня, узнав о его связи с Цао Ибяо. Наверное, он заезжал к Цао пожелать удачи перед экзаменом!»

Продолжая размышлять, Цзинь Вэньцин вылез из повозки и вошел в гостиницу. Коридорный хотел доложить о его появлении, но Цзинь сказал: «Не надо!» — и прошел прямо в номер, который снимал Цао Ибяо.

Еще на пороге он крикнул:

— Ибяо, а ты, оказывается, обманываешь друзей и веселишься тут в одиночку!

Цао Ибяо, накинув на себя холщовую рубашку и сунув ноги в туфли, медленно вышел из спальни.

— Чего ты кричишь? Откуда ты взял, что я здесь веселюсь?

— А кто только что вышел от тебя? — засмеялся Цзинь Вэньцин.

— Скажите на милость, какую он тайну раскрыл! — захохотал в ответ Цао Ибяо. — Ты говоришь об Айюне? Так я этого не утаиваю.

— Почему же ты не пригласишь и меня повеселиться в его компании? — накинулся на него Цзинь Вэньцин.

— Не спеши: погоди, пока закончу экзамены. Тогда, конечно, приглашу...

— В таком случае придется поздравить тебя и «Жену Цао» сразу с двумя событиями: победой на экзаменах и свадьбой! — хитро улыбнулся Цзинь Вэньцин.

— Ну вот, ты знаешь даже историю прозвища «Жена Цао», а еще винишь меня в обмане! Об экзаменах ты, конечно, хватил, а вот насчет свадьбы совершенно прав. Когда я сказал, что приглашу тебя, я и имел в виду, что ты придешь выпить на свадьбе Айюня.

— А разве у него уже истек срок обучения? — притворяясь непонимающим, спросил Цзинь Вэньцин. — Кто благодетель, который его выкупает? Он же ему и жену нашел?

Цао Ибяо усмехнулся и помедлил немного.

— «Обычаи рождаются из чувств, но чувства ограничиваются этикетом» *. На свете нет людей, подобных Бо Я *. Исключение составила лишь Чжан Чучэнь *, которая ушла к Ли Цзину.

— Итак, ты оказываешься настоящим покровителем слабых существ, Ибяо! Разумеется, на предполагаемое торжество я приду без всяких церемоний, но пока речь

не об этом. Ведь завтра спозаранку надо отправляться на экзамены. Я приехал специально, чтобы помочь тебе собраться — ты никогда не умел заниматься подобными вещами. Письменные принадлежности хоть приготовил? Смотри, перед самым уходом окажется, что чего-нибудь не хватает! Давай я тебе помогу: не хуже твоих слуг сделаю. Да вот еще моя жена наготовила тебе разных печений и закусок...

С этими словами он велел слуге внести небольшую корзинку для продуктов. Цао Ибяо несколько раз поблагодарил его, а затем приказал слугам принести сундучок с экзаменационными принадлежностями и плетенный из камыша чемодан, чтобы показать их Цзинь Вэньцину.

— Я уж тут собрался кое-как. Прошу тебя, проверь!

Цзинь Вэньцин раскрыл чемодан и увидел в нем книги, маленькую печурку *, занавеску на двери, одеяло, тюфяк, подушку, гвозди, молоток и прочее. В сундучке, разделенном на три части, нижнее отделение было занято кистями, тушью, бумагой, ножичками для соскабливания ошибок и клеем; в среднем лежали изысканные сласти и закуски, а верхнее было до отказа набито рисом, солью, бутылочками с соевым соусом и уксусом, куриными яйцами и прочим провиантом. Абсолютно все необходимое было предусмотрено.

— Кто это тебе наготовил? — изумился Цзинь Вэньцин.

— Кроме Айюня, никому. Он сегодня провозился целый день: все сласти и закуски собственными руками сделал. Ну, как? Ведь не назовешь его бестолковым? Но, наверное, зря он старался: все равно что-нибудь напутал...

— Как тебе не стыдно! — вскричал Цзинь Вэньцин. — Да ведь он всю душу в тебя вложил. Никогда бы не подумал, что он из красавчиков актеров. Даже лучшие из его предшественников, несмотря на свою прелесть, не делали ничего так просто и любовно. Завидую твоему счастью! Ради подобного я был бы согласен каждый раз проваливаться на экзаменах!

Цао Ибяо рассмеялся. Цзинь Вэньцин уложил обратно в сундучок вынутые им при осмотре экзаменационные принадлежности и добавил к ним кисти и тушь, которые привез с собой. Было уже поздно, а ему хотелось, чтобы Цао Ибяо пораньше лег спать, поэтому он распрошлся

с другом, договорившись встретиться с ним сразу после окончания экзаменов.

В течение нескольких дней — во время всего срока экзаменов — Цзинь Вэньцин не появлялся у Цао Ибяо. Случайно повстречав Го Чжаотина, он рассказал ему о том, кого видел возле гостиницы.

— Айюнь — ученик знаменитого Мэй Хойсяня. Он тоже родом из нашего Сучжоу. Этот маленький развратник всегда задирал нос и не слишком считался с другими. Месяц назад один уездный начальник, приехавший из провинции, давал его учителю тысячу монет за то, чтобы переспать с ним ночь. Учитель согласился, но мальчишка ни в какую: обругал чиновника и скрылся. За это ему здорово попало от учителя. Потом я слышал, что его кто-то выкупил. Не думал, что это сделал Цао Ибяо! Впрочем, ничего удивительного здесь нет. Ибяо терпел неудачи на экзаменах, вот ему и понадобилось красивое и любящее существо, способное возместить эту потерю!

Оба вздохнули.

Быстро прошла середина осени. Цзинь Вэньцин посчитал на пальцах: сегодня как раз последний день экзаменов. Дождавшись вечера, он зашел к Го Чжаотину, и они вместе отправились в гостиницу, где жил Цао Ибяо.

Знакомой коляски перед воротами не было. Цзинь наклонился к Го и тихо сказал:

— Боюсь, он не приедет встречать Ибяо. Посмотри: его коляски нет.

— Он не может не прийти! — воскликнул Го Чжаотин.

Так, перебрасываясь короткими замечаниями, они вошли в ворота. Привратник, видя, что перед ним хорошие знакомые Цао Ибяо, не стал их задерживать. Приятели оказались в квадратном дворике. Яркая луна озаряла макушки каштанов, возвышавшихся над крышей. Половина дворика, залитая лунным светом, походила на серебряное море, в то время как в другой половине шевелились черные тени листьев. Здесь, под деревьями, стоял чайный столик, на котором горели две красных свечи * и ароматные палочки в курильнице. Перед столиком виднелась трогательная фигурка человека — он стоял на коленях и что-то бормотал.

Вглядевшись внимательнее, друзья заметили длин-

ную черную косу, заплетенную в три пряди, розовый шелковый халат, поверх которого была накинута синяя парчовая куртка с белой каемкой. На ногах виднелись расшитые зеленые туфли на тонкой подошве.

— Смотри,— указал на незнакомца Го Чжаотин,— ведь это Айюнь!

Цзинь Вэньцин сделал ему предостерегающий знак рукой:

— Тсс... Не шуми! Послушаем, о чем он молится! Воистину:

Оба мужа ученых стремились спросить,
Как идет в Лучезарных палатах экзамен,

А случилось, что самый порочный из всех
Самым первым предстал пред глазами!

Если вам интересно узнать, о чем молился Айюнь, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

УСТРАИВАЕТСЯ ПИР, ЧТОБЫ УТВЕРДИТЬ ВЕЧНУЮ ЛЮБОВЬ.
ТРУДНО ПРИКРЫТЬ ЭТАЖЕРКОЙ ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕ ЧИСТОЙ ДЕВЫ

Итак, Цзинь Вэньцин увидел, что Айюнь стоит коленапреклоненный на коврике и тихо бормочет молитву. Он сделал знак Го Чжаотину, прося не шуметь. Но его слова спугнули юношу: он торопливо вскочил. Даже слуга, находившийся в доме, выбежал им навстречу с возгласами приветствия.

Цзинь и Го познакомились с Айюнем уже давно, на одном из пиров. Го Чжаотина юноша знал особенно хорошо; поэтому, завидев друзей, подошел к ним и почтительно поклонился каждому. Айюнь оказался под лунным светом, и Цзинь Вэньцин внимательно оглядел его. Действительно, это был очень красивый юноша, обладавший прелестью яшмы и теплотой жемчужины. Сердце Цзинь Вэньцина невольно сжалось, когда перед его взором возникло нежное личико, на которое страшно было даже дунуть, ясные глаза, проникающие в самую душу, темные, близко сдвинутые брови, розовые щеки с ямочками и маленький ротик, похожий на только что расколовшийся плод граната. «Кто бы мог ожидать, что Цао Ибяо, не сумевший сделать карьеру, окажется

настолько удачлив! — подумал Цзинь.— А я, хоть и считаюсь литературным корифеем, не смог приобрести такого прелестного спутника жизни!»

Пока Цзинь Вэньцин предавался этим размышлениям, Го Чжаотин взял Айюня за руку и со смехом спросил:

— Ты для кого это так чистосердечно куришь фимиам небу? За кого молишься?

Айюнь покраснел и улыбнулся.

— Ни за кого. Во время Праздника середины осени * я забыл возжечь курения Луне. Вот сейчас и хочу навестить.

— Господин Го! — вмешался слуга, стоявший на ступеньках.— Не верьте ему! Он молит, чтобы наш хозяин занял первое место на экзамене! «Учеными заведуют на луне,— говорит он.— Стоит только У Гану * отрубить своим яшмовым топором ветку или хотя бы полветки от кассии и подарить ее нашему господину, как тот сразу получит степень. Недаром про успешно выдержавших экзамен говорят, что они «сорвали ветку кассии в Лунном дворце». С тех пор как хозяин ушел на экзамены, Айюнь каждый день совершает здесь поклоны Луне и уже набил себе шишку величиной с драконов глаз *. Если не верите, поглядите сами!

Айюнь бросил негодующий взгляд на слугу и повел Го Чжаотина с Цзинь Вэньцином в комнату.

— Не слушайте эту обезьяну, господин Го,— произнес он.— Наш хозяин еще утром вернулся с экзаменов и сразу лег спать. Посидите немного в кабинете, а я пойду разбужу его.

Го Чжаотин, ослабившись, нагнулся к Айюню.

— С каких это пор ты присвоил себе Цао Ибяо? Ни дать ни взять — Мэн Гуан, что окрутила Лян Хуна! * А я ничего не знал!

Актер понял, что сболтнул лишнее, и сердито возрадил:

— Я просто продолжал слова слуги. Если господин Го будет придираться ко мне, я больше не раскрою рта!

Они вошли в гостиную. Го Чжаотин давно уже не бывал здесь, поэтому он окинул комнату внимательным взглядом и сказал Цзиню:

— Смотри, в каком порядке содержатся книги, картины и домашняя утварь! Совсем непохоже на тот ералаш, который вечно царил у Цао Ибяо. Это заслуга Айюня.

— Интересно, сколько Ибяо пришлось потрудиться, чтобы добыть себе такую замечательную жену! — со смехом подхватил Цзинь Вэньцин.

Айюнь сделал вид, будто не слышит, и, вместо того чтобы пойти за Цао Ибяо, начал рыться в ящиках стола.

— Почему ты не разбудишь хозяина? — спросил Цзинь.

— Я хочу показать вам его экзаменационное сочинение.

— Нечего показывать, мы и так знаем, что Цао Ибяо написал хорошо, — заметил Го Чжаотин.

— Тут дело сложнее. Каждый раз, когда хозяин говорит, что написал недурно, он не выдерживает экзамена. А стоит ему обрадоваться своим успехам, получается еще хуже: тогда его сочинение даже первой проверки не проходит. Сегодня он был очень недоволен; сказал, что написал отвратительно. Я думаю, если ему сочинение показалось плохим, оно как раз придется по вкусу господам экзаменаторам и тогда можно на что-то надеяться. Поэтому я и хочу попросить вас прочесть.

Сказав это, он протянул Цзинь Вэньцину бумагу с красными клетками. Внезапно из спальни послышался кашель.

— Айюнь, с кем это ты там шушукаешься?

— Господа Го и Цзинь пришли навестить вас, — откликнулся юноша. — Вставайте, они уже давно здесь!

— Попроси их посидеть, а сам иди сюда, у меня к тебе дело есть.

Актер взглянул на Цзинь Вэньцину и Го Чжаотина, засмеялся и исчез в спальне. Некоторое время оттуда доносился шорох одежды и тихий разговор, затем в гостиную вышел улыбающийся Айюнь, позвал слугу и вместе с ним исчез из комнаты.

Через мгновение из спальни появился Цао Ибяо — гладко причесанный, в новом белом шелковом халате, усеянном крупными пионами. Поклонившись друзьям, он промолвил:

— Извините, что заставил вас долго ждать!

— А мы как раз оценивали твоё творение, — ответил Цзинь Вэньцин. — Странно — и ты научился говорить этими глупыми штампами!

Цао Ибяо вырвал сочинение из рук Цзиня и бросил его в корзинку.

— Не будем вспоминать об этой осточертевшей дряни. Договоримся лучше с Цянь Дуаньминем, Хэ

Тайчжэнем и Лу Жэньсяном и вместе отправимся к Айюню!

— А зачем мы к нему пойдем? — поинтересовался Го Чжаотин.

— Нет, нет, правильно! — воскликнул Цзинь Вэньцин.— Несколько дней назад мы с ними условились поздравить Айюня!

— Ах да, у Айюня истек срок обучения! — молвил Го Чжаотин. — Как называется его труппа? Где- она находится?

— Своей труппы он еще не создал, и сегодня мы соберемся у его учителя Мэя,— ответил Цао Ибяо.

С этими словами он написал три записки, позвал слугу и велел разнести их по адресам, попутно приказав нанять пролетку.

— Нанимать не нужно,— сказал слуга.— Лошадь и коляска Айюня оставлены для вас в задней конюшне. Сам он отправился пешком.

Цао Ибяо кивнул и обратился к Цзинь Вэньцину и Го Чжаотину:

— Ну, тогда поехали, там поболтаем!

Друзья сели в коляску и вскоре прибыли к дому, где помещалась труппа «Радостное согласие». Зал был убран роскошно, в воздухе плыл аромат коричных цветов и орхидей. Над головами висели шелковые фонари причудливых форм с изображениями парящих фениксов. Пол устилал мягкий ковер, на котором были вышиты два дракона, резвящиеся в воде. Стены были увешаны картинами придворных художников династии Северная Суп *. На специальной подставке теплилась бронзовая курильница времен минского императора Сюаньцзуня *. Вся мебель была вырезана из красного и желтого дерева руками знаменитых мастеров. Посреди зала возвышался стол, полный самых изысканных яств, которые когда-либо производили море и суша. Здесь же стояла тонкая посуда из расписного фарфора времен императора Канси * и синего фарфора, прославившегося при императоре Цяньлуне. Цянь Дуаньминь и Хэ Тайчжэнь уже были на месте, один Лу Жэньсян запаздывал. Пришлось сесть за стол, не дожидаясь его. Айюнь, по обычаю, поднес каждому гостю вина и сел рядом с Цао Ибяо. Друзья вызвали мальчиков, несмотря на то, что Цянь Дуаньминь и Хэ Тайчжэнь для приличия попытались возражать. Нарядные, надушенные юноши, звон чашек с вином, громкая музыка лишили мужчин самообладания, а от

выпитого вина сильнее забурлила кровь. Словом, гости вволю насладились тем, что рисуют на стенах беседок, и тем, что изображено в «Записках у моста Баньцяо». Когда мальчишки ушли, Айюнь, улучив момент, подошел к выбравшему его гостю. Один потчевал другого, и постепенно разговор зашел о знаменитых людях того времени.

— Древние говорили, что столица — это людское море,— заметил Цянь Дуаньминь.— И, по-моему, говорили правильно. Какую бы науку ни изучать, всегда найдешь человека, с которым можно посоветоваться.

— Да, это так,— согласился Цзинь Вэньцин.— Мне кажется, с тех пор как мы перебрались в столицу, нам удалось приобрести обширные знакомства: мы видели и высоких сановников и знаменитых ученых. Но кто же из них первый? Ради забавы мы можем сравнить их достоинства!

— Нельзя ко всем подходить с одной меркой,— возразил Цао Ибяо.— На мой взгляд, сравнивать можно только по специальностям. В каллиграфии первенство безусловно принадлежит Гун Пину. Из любителей древних надписей самым выдающимся является Пань Цзуньинь, а что касается стихов и прочих жанров, то здесь свою эпоху прославил Ли Чжиминь. Познания его настолько обширны, а эрудиция так глубока, что его даже нельзя отнести к какой-либо одной школе. Лишь северянин Чжуан Чжидун может тягаться с ним, да и то только в смысле воздействия на своих земляков.

— Ну а как вы относитесь к Чжуан Юпэю и Чэнь Шэню? — спросил Го Чжаотин.

— Острота их стиля приводит в трепет,— это литературные таланты, совсем недавно проявившие себя,— с чувством произнес Цянь Дуаньминь.— Но кроме них, есть еще Хуан Лифан и Ван Сяньци, имена которых также широко известны.

— Среди маньчжуров наибольшего внимания достоин Чжу Пу,— вставил Цао Ибяо.

— А Чэн Юй? — возразил Цянь Дуаньминь.

— В изучении географии северо-запада самую громкую славу стяжал Ли Дяньвэнь,— сказал Цзинь Вэньцин.

В разговор вмешался Хэ Тайчжэнь:

— Из этих людей я ценю только двух Чжуанов, ибо их таланты по-настоящему полезны для современников. Широта, сила, образность Чжуан Чжидуна *, несомненно, помогут ему создать самостоятельное направление

в науке. У него есть лишь один недостаток — он слишком честолюбив. Иное Чжуан Юпэй. Он кропотлив, но смел, благодаря чему способен вершить большие дела. К сожалению, он немного вспыльчив!

В самый оживленный момент беседы в комнату вошел новый гость. Это был Лу Жэньсян. Все встали, чтобы приветствовать его.

— Вы слышали, что двор назначил на послезавтра экзамены для ученых, занимающих должности? — спросил Лу.

— Это правда?! — изумленно и обрадованно вскричали гости.

— Сегодня президент академии «Лес кистей» сказал мне, что об этом будет издан императорский указ. Наши академики давно уже не брали в руки кистей и ослепли от старости. Они, поди, обделаются от страха, услышав такую весть. Вот увидите, завтра на рынке Люличан вздорожают тушь и бумага: ведь ученые действуют по поговорке: «Пока гром не грянет, никто не припадет к стопам Будды!»

Все засмеялись, но предстоящий экзамен вызывал беспокойство, поэтому гости вскоре простились с Цао Ибяо и разошлись.

На следующий день действительно был издан императорский указ, призывающий всех ученых, занимающих должности, явиться во дворец на экзамены. Цзинь Вэньцин, разумеется, рассказал об этом своей жене, и они вместе начали готовить все необходимые письменные принадлежности. Жена Цзинь Вэньцина, урожденная Чжан, была очень умной и энергичной женщиной. Она тотчас пополнила недостающее, исправила сломанное, и в мгновение ока все было готово. Цзинь Вэньцин сам отобрал несколько кистей из барсучьего волоса, к которым привык, и старательно натер целый пузырек туши.

Надо сказать, что умение натирать тушь было самым большим искусством ученых Цинской династии, так как богатство и положение достигались главным образом с помощью туши. Если она была натерта как следует, иероглифы получались красивыми и жирными, и экзаменатор немедленно клал сочинение в свой портфель. Если же тушь была плохой, знаки выходили неровными, с перерывами. Тогда вы всю жизнь оставались бедным книжником, так и не получая возможности выдвинуться. Поэтому ученые растирали тушь с таким же священным

трепетом, с каким премьер-министры добавляли специи в суп императора. Но не будем отвлекаться от темы.

В день экзаменов Цзинь Вэньцин еще до рассвета направился к Внутреннему городу *. Добравшись до Восточных ворот, он сошел с коляски и, положив на плечо сундучок с экзаменационными принадлежностями, быстро зашагал к залу Охраны спокойствия. Все экзаменуемые были уже на местах. Цзинь расставил складной столик и устроился в освещенном солнцем восточном углу зала. Оглядываясь вокруг, он стал искать знакомых. У противоположной стены он увидел Цянь Дуаньмина, Хэ Тайчжэня и Го Чжаотина. Лу Жэньсян оказался почти рядом с ним. Перед каждым на столике лежала чистая тетрадь, которую владелец старательно заслонял рукой от соседей, словно боясь, что те могут подсмотреть. Склонив головы над столами, все что-то писали.

Едва Цзинь Вэньцин успел поздороваться с друзьями, как раздался крик:

— Господин Чжидун! Прошу вас, садитесь здесь.

Подняв голову, Цзинь увидел крохотного человечка с хитрым обезьяньим лицом, черной бородкой и короткими густыми волосами. Он выглядел очень странно в своем новом, длинном шелковом халате. За плечами у него виднелась квадратная тростниковая корзина. «Да ведь это Чжуан Чжидун!» — подумал Цзинь Вэньцин. А карлик тем временем пробрался в восточный угол зала, огляделся вокруг и поставил свою корзину во втором ряду, около благообразного молодого человека с квадратным лицом и большими ушами.

— Юпэй, я сяду возле тебя!

Цзинь Вэньцин взгляделся внимательнее и узнал Чжуан Юпэя. Справа от него сидел Чжу Пу. «Ну вот, теперь трое знаменитостей оказались вместе!» — подумал он.

Вскоре были объявлены темы, установленные самим императором. Все что-то забормотали. Одни чесали в затылке, другие грызли ногти, третьи раскачивались на стульях, четвертые ходили взад и вперед мимо своего столика. Множество людей сгрудилось вокруг Чжуан Чжидуна, добываясь консультации, и тот, горячо жестикулируя, что-то им объяснял. Когда солнце миновало зенит, у большинства была уже готова почти половина сочинения, и только у Чжуан Чжидуна на бумаге не было ни одного иероглифа.

— Сколько вы написали, Чжидун? — поинтересовался Чжу Пу.

— Ничего, вдохновение не приходит! — вздохнул тот.

Чжу Пу рассмеялся:

— Если вы будете ждать вдохновения, чего доброго, стемнеет и вам придется подать чистую тетрадь, как на прошлых экзаменах!

Цзинь Вэньцин чуть не прыснул, но продолжал упорно писать. Через некоторое время он услышал, что кто-то уже сдает сочинение. Поднял голову: это оказался Чжуан Юпэй, который собрал свои пожитки и, довольный, вышел.

Цзинь Вэньцин тоже кончил: оставалось только придумать эпиграф. Цзинь торопливо сочинил его, переписал: стихи показались ему неплохими. В этот момент Цянь Дуаньминь и Хэ Тайчжэнь, сдав сочинения, направились к выходу.

— Подождите меня, я только исправлю одно место! — крикнул им вдогонку Лу Жэньсян.

— Хочешь, я тебе помогу? — предложил Цянь Дуаньминь.

— Хорошо! — согласился тот.

Цянь Дуаньминь подчистил ошибку. Цзинь Вэньцин, стоявший рядом, не мог скрыть своего восхищения:

— Брат Дуаньминь, ты изумительно исправляешь. Настоящая одежда бессмертного, без швов!

Тут подошел Го Чжаотин. Все четверо вместе вышли из зала и вдруг увидели Чжуан Чжидуна, который шагал по крыльцу и что-то невнятно бормотал. Заметив Цзинь Вэньцина, он влетел прямо к нему в объятия и, крепко ухватив за руку, воскликнул:

— Вэньцин, посмотри скорей, что я написал!

В этот момент вышел Чжу Пу, только что сдавший свою работу.

— Чжидун, в зале уже темно, а ты все еще не идешь писать! — проговорил он.

Услышав это, Чжуан Чжидун заволновался и воскликнул, обращаясь к Цзинь Вэньцину и его друзьям:

— Помогите мне как-нибудь закончить!

Друзьям пришлось возвратиться в зал, несмотря на то, что сочинения они уже сдали, и приступить к работе. Один графил бумагу, другой растирал тушь; Цянь Дуаньминь подчищал ошибки, Лу Жэньсян держал подсвечник, а Чжуан Чжидун торопливо писал. Когда все

было кончено, в зале уже зажглись фонари. Друзья вышли через Восточные ворота Внутреннего города и отправились по домам.

Спустя несколько дней вывесили список с результатами экзаменов. Первое место занял Чжуан Юпэй, второе — Цзинь Вэньцин, третье — Цянь Дуаньминь. Все остальные оказались в низшей категории. Чжуан Юпэй получил должность старшего лектора академии «Лес кистей», Цзинь Вэньцин — просто лектора, Цянь Дуаньминь был назначен толкователем классических книг*. Чжуан Чжидуна уже повышали в должности, поэтому экзамены не принесли ему позора, хотя и не увеличили его славы.

Узнав, что Цзинь Вэньцин получил повышение, земляки и приятели, разумеется, начали устраивать в его честь угощения, и в этой суете прошло несколько дней. Когда стало немного спокойнее, Цзинь вдруг вспомнил, что еще не нанес ответного визита Чжуан Юпэю, навестившему его позавчера. Велев заложить коляску, он отправился к нему домой. Цзинь был хорошо знаком с Чжуаном, поэтому привратник провел его прямо в дом. Чжуан Юпэй сидел в своем кабинете и что-то строчил. Увидев Цзинь Вэньцина, он поспешно бросил написанное в ящик письменного стола и с улыбкой поднялся навстречу. Хозяин и гость заговорили о недавних экзаменах. Не успели они как следует посмеяться над треволнениями Чжуан Чжидуна, как подошло время обеда.

— Дорогой Вэньцин, оставайтесь у меня поесть! — пригласил Чжуан Юпэй.

Увлеченный интересным разговором, Цзинь Вэньцин тотчас согласился. Вдруг Чжуан Юпэй побледнел и, сославшись на какую-то причину, вышел. Найдя управляющего, он тихо сказал ему несколько слов и вернулся в кабинет. Вскоре после возвращения хозяина Цзинь Вэньцин увидел, как управляющий прошел к воротам, держа в руках какой-то узелок, но не обратил на это особого внимания, потому что в животе у него давно урчало от голода.

Ждать больше было невозможно, однако обеда все еще не несли. Чжуан Юпэй оживленно болтал, и Цзинь Вэньцину через силу приходилось ему отвечать. Наконец около трех часов дня показался слуга с чашками и палочками для еды. На стол были поставлены четыре тарелочки с закусками. Чжуан Юпэй пригласил гостя

сесть. Цзинь Вэньцин не стал церемониться и принялся уплетать за обе щеки, несмотря на то, что еда оказалась холодной и недоваренной. Внезапно у ворот послышались крики и ругань. Физиономия Чжуан Юпэя покрылась красными пятнами.

Цзинь Вэньцин спросил, в чем дело, но тот не успел ответить.

— Думаете, вы чиновники, так я вас испугаюсь? — донесся снаружи пронзительный голос— Даже принц должен платить за съеденный рис!

Как вы думаете, кто это скандалил у ворот? Оказывается, Чжуан Юпэй задолжал хозяину продуктовой лавки за целых два месяца. Приказчик каждый день приходил требовать долг, но ему все отказывали под разными предлогами. Теперь он не вытерпел и учинил скандал.

Вы скажете, что это просто абсурд: Чжуан Юпэй, старший лектор императорской академии, не может заплатить за рис! А знаете ли вы, что он рос сиротой? Родители не оставили ему никакого наследства, и он сызмала воспитывался в семье двоюродного брата. К счастью, Чжуан оказался способным в учении, на экзаменах ему неизменно везло. Еще молодым он попал в академию, женился и взял богатое приданое. Однако характер у него был гордый,— Чжуан Юпэй не любил зависеть от других. Он решил, что теперь уже сам встал на ноги,— есть еще капитал жены,— а поэтому смело отказался от помощи брата, переехал с женой в столицу и зажил своим домом. Неожиданно судьба изменила ему: не прошло и года после переезда в Пекин, как жена его скончалась. Сам Чжуан Юпэй не умел хозяйничать. Он быстро спустил все, что у него было, и вскоре его имущество оказалось заложенным или распроданным. Но идти на попятный и снова просить двоюродного брата о помощи было уже неудобно. В последнее время Чжуан жил чуть ли не впроголодь. Когда он получил повышение, начались неизбежные визиты, которые нанесли еще больший урон его финансам. Сказать и то стыдно: уже трое суток в его доме варили одну жидкую рисовую кашу. Слуги постепенно разбрелись: остались лишь двое из тех, кто приехал вместе с ним из родного уезда. Целыми днями Чжуан Юпэй роптал на судьбу. Сегодня утром он встал, выпил полчашки жидкой похлебки, разумеется, не наелся и подумал с гневом:

«На кой сдалась мне эта чумная должность?! Ведь столичные министры и провинциальные губернаторы

никакими талантами не отличаются. Только голова у них похитрее, руки подлиннее да совесть почернее — вот они и ездят в колясках да обжираются мясом! Чем я хуже их? Черт знает, до чего обеднел: даже есть нечего. Слишком несправедливо ко мне небо!»

В раздражении он вдруг вспомнил, как недавно ему рассказывали о генерал-губернаторе провинций Чжэцзян и Фуцзянь, который добыл свою должность за взятку, о губернаторе провинции Гуйчжоу, присвоившем себе чужое жалованье, и генерал-губернаторе провинции Чжили — Ли Хунчжане *, — растратившем крупную казенную сумму на собственные нужды!

Гнев, вызванный ощущением острого голода, подступил к самому горлу. Чжуан Юпэй решил воспользоваться своим положением и подать императору жалобу, вскрывающую все эти злоупотребления. «Злобу на них свою сорву, а заодно покажу, что я их не боюсь! Пусть меня смещают с должности, но слава о моем поступке распространится на всю Поднебесную, и тогда уже нечего будет опасаться, что мне не принесут чашки риса. Все лучше, чем даром подышать с голоду!»

Решение было принято, и он начал строчить подробную жалобу. В этот-то момент и пришел Цзинь Вэньцин. Было время обеда, и у Чжуан Юпэя с языка нечаянно сорвалось приглашение. Кто мог подумать, что Цзинь сразу же его примет! Делать было нечего: пришлось отдать последний шелковый халат управляющему и заложить его за десять связок медных монет. На эти деньги в ресторане было куплено несколько закусок, разрешивших проблему. Трудно было предположить, что нескромный кредитор явится к нему домой и учинит скандал.

— Мерзкая тварь! — налившись кровью, прохрипел Чжуан Юпэй. — Ведь знает, что у меня сейчас временные затруднения, поэтому я и задолжал ему. Я вовсе не собирался пользоваться своим положением и разговаривал с ним по-хорошему. Но он не оценил моей доброты, — напротив, еще пришел скандалить. Порядочные люди так не поступают!

Произнеся эту тираду, он громко закричал:

— Эй, сюда!

Когда управляющий, которому было поручено заложить халат, подошел, Чжуан Юпэй выпучил глаза и заорал:

— Свяжи негодяя, посмевшего требовать с меня

долг! Я пошлю его со своей визитной карточкой к квартальному, там его хорошенько накажут. Посмотрим, что он будет делать после этого!

Управляющий нерешительно поддакнул, но, отвернувшись, презрительно улыбнулся.

Цзинь Вэньцин подумал, что ему нельзя оставаться в стороне.

— Друг Юпэй,— примирительно сказал он,— не сердись! Конечно, этот человек поступил отвратительно. У кого не бывает временных затруднений, что за важность задолжать несколько монет, ты ведь не отказываешься отдать! Если все так начнут поступать, нам, столичным чиновникам, никакой жизни не будет. Его надо строго наказывать! Но мне кажется, что сейчас, когда ты добился столь большого успеха, не стоит расправляться с простолудином из-за безделицы — могут пойти разговоры!

Он обернулся к управляющему:

— Иди и скажи этому человеку, что, если он не перестанет кричать, господин Чжуан не только не даст ему денег, но и пошлет к квартальному! Ты видишь, я с большим трудом уговорил господина пока не делать этого! А за деньгами пусть приходит ко мне. Я уплачу долг господина Чжуана. Вот и все.

— Слушаюсь! — ответил управляющий и вышел.

— Брат Вэньцин, я восхищен твоим благородством,— растроганно молвил Чжуан Юпэй.— По-моему, все-таки следовало хорошенько поугубить этого скота и денег ему не отдавать. Но раз уж ты готов расплатиться за меня, будь уверен: я непременно верну тебе все сполна!

— Смешно говорить об этом,— остановил его Цзинь Вэньцин.— Какое имеет значение, вернешь ты мне деньги или нет.

Пока они говорили, еда кончилась, а приказчик продуктовой лавки ушел. Цзинь распрощался и вернулся домой. Этим вечером с ним больше ничего не произошло.

На следующее утро, когда Цзинь Вэньцин поднялся, слуга принес ему «Столичную газету»; в ней сообщалось, что «старший лектор академии «Лес кистей» Чжуан Юпэй подал доклад Его величеству».

Цзинь Вэньцин не обратил особого внимания на эту заметку. Но прошел еще день, и в газетах появился длинный императорский указ, в котором говорилось, что

некто разоблачил преступления генерал-губернатора провинций Чжэцзян и Фуцзянь, губернатора провинции Гуйчжоу, а также генерал-губернатора столичной провинции Ли Хунчжана.

Указ был составлен в строгих выражениях и сообщал, что дело передано на расследование генерал-губернатору соседних провинций Цзянси и Цзянсу. Ниже старший лектор академии Чжуан Юпэй приглашался на аудиенцию. Тут только Цзинь Вэньцин понял, что все это — дело рук Чжуан Юпэя, и предположил, что бумага, которую писал тот вчера во время его прихода, могла действительно быть жалобой. Он отложил газету и вышел из дому.

В этот день люди повсюду говорили об одном Чжуан Юпэе. Суждений была масса, и они всколыхнули всю столицу.

По дороге Цзинь Вэньцин заглянул к Хэ Тайчжэню, и тот сказал ему, что аудиенция, на которую был приглашен Чжуан Юпэй, длилась целых два часа и в конце ее Сын Неба отозвался о Чжуане в весьма лестных выражениях.

— Да, теперь фортуна улыбнется Чжуан Юпэю! — промолвил Цзинь Вэньцин. Он сказал эту в шутку, однако жалоба, поданная Чжуаном, и в самом деле тотчас вызвала повышение его в чине. Это, естественно, обрадовало Чжуан Юпэя, а так как делать ему все равно было нечего, он принялся каждый день строчить доклады трону: сегодня разоблачит губернатора, завтра — судью провинции, послезавтра нападет на Шесть министерств, через два дня — на Девятерых сановников *. Слова легко лились из-под его кисти, поражали ни с чем не сравнимой остротой и невольно привлекали к себе внимание. Князь Благонамеренный, вельможи Гао Янцзао и Гун Пин, состоявшие при Тайном совете, всячески поддерживали Чжуан Юпэя, поэтому император прислушивался к его словам.

За каких-нибудь полгода кистью Чжуана было сброшено немало красных шариков *, все придворные косились на него, но побаивались: при нем никто не смел и пикнуть. Даже в тех местах, где он не бывал, только тихо шушукались, словно у Чжуан Юпэя всюду были уши. Впрочем, Чжуан и в самом деле оказался человеком опасным: какими-то неведомыми способами он узнавал даже о кулуарных разговорах. В результате его стали бояться пуше самого черта.

Но удивительное дело: чем сильнее его боялись, тем больше это ему нравилось. Ни о пище, ни о деньгах Чжуан Юпэй уже заботы не знал. У него появились роскошные лошади и экипажи, красивая одежда. Свою старую хижину он сменил на высокий, просторный дом. Стоило ему произнести слово, как кругом раздавались сотни подобострастных голосов. Авторитет его затмил небо. Сановники выбегали к нему навстречу, не успев даже надеть туфли. С утра до вечера у его ворот пылили коляски. Цзинь Вэньцин много раз пытался повидаться с Чжуан Юпэем, но постоянно получал отказ. Воистину, мы часто забываем о том, что было вчера! Чжуан Чжидун, Хуан Лифан, Чжу Пу, Хэ Тайчжэнь, Чэнь Шэнь также делали себе карьеру, примазавшись к Чжуан Юпэю, и в столице их прозвали «шестью героями партии бескорыстных». Каждое утро — жалоба государю, каждый вечер — тайный донос. Они добились того, что даже петухи и собаки перестали чувствовать себя спокойно. Черные тучи сгустились над чиновниками. Одним словом, путь свободному изъявлению мыслей был открыт, честные подданные наводнили землю, повсюду разворачивались идеальные картины просвещенного правления. Но об этом мы пока говорить не будем.

Расскажем лучше о том, как у Хуан Лифана умерла мать и он устроил в ее честь грандиозную панихиду. Хуан был одним из членов «партии бескорыстных», поэтому в столице не нашлось ни одного знатного человека, который бы решился не прийти почтить память покойной. Непрерывным потоком прибывали экипажи с чиновниками в парадных платьях и шапках. Цзинь Вэньцин тоже приехал; отойдя в сторонку, он беседовал со знакомыми. Вскоре показались Чжуан Чжидун с Чжу Пу. Все рассматривали траурные надписи в стихах и давали им свою оценку.

Вдруг Чжуан Чжидун воскликнул:

— Посмотрите на эти стихи, принадлежащие кисти Чжуан Юпэя. Как великолепно они написаны!

Цянь Дуаньминь вытащил яшмовую табакерку и понюхал табак, затем подошел поближе и увидел две парные надписи на длинных полосах белого шелка, висевшие вертикально по обе стороны главного входа. Он стал медленно читать их вслух:

Ты с Фаня* брал пример:
Был тем прославлен он,
Что ревностно служил,

Оберегая трон.
И, гордая тобой,
Недаром молвит мать:
«Мне, сына воспитав,
Не страшно умирать!»

Ты, словно Чжан Цзюйчжэн *,
Не потерял лица:
Не бросил службу он,
Похоронив отца!
И если б не тебе
Подобные мужи,—
Ну как бы наш народ
Стал в Поднебесной жить?

Цянь Дуаньминь покачал головой:

— Первая половина написана хорошо, но во второй он слишком превозносит Хуан Лифана. Так не годится, не годится!

Чжу Пу, стоявший за спиной Цянь Дуаньминя, со вздохом поддакнул:

— Чжуан Юпэй никакой меры не знает! Подобными выражениями можно только вызвать недовольство. Я чувствую, недалек тот час, когда «бескорыстных» постигнет беда!

На друзей зашикали, требуя замолчать. В зале стало совсем тихо. Из толпы вышли четверо чиновников, ведавших похоронами, и встали в ожидании на крыльце. Цзинь Вэньцин и его друзья сразу поняли, что едет канцлер. Дело в том, что в столице панихиды проводились по определенным правилам: князя и канцлера должны были встречать четверо чиновников, министра и его помощника — двое, а всех остальных — один.

Однако, ко всеобщему изумлению, они увидели шапку с сапфировым шариком * и полное безусое лицо прогремевшего по всей стране Чжуан Юпэя. Он быстро прошел в зал. Дрожащие чиновники растерянно приветствовали его. Чжуан еле заметно кивнул в ответ. Три раза ударила колотушка, возвещающая о прибытии сановника. Чжуан приблизился к гробу, совершил необходимые церемонии, вышел и переделался в парадную одежду. Оглянувшись, он увидел Цзинь Вэньцина и его друзей, сбившихся в кучку, подошел к ним и сделал общий поклон.

— Поздравляю. Я только что из дворца. Для всех вас есть радостные вести.

Друзья удивленно смотрели на него, не зная, в чем дело. Чжуан Юпэй вынул из-за голенища маленький

конверт, достал оттуда сложенную пополам бумагу и передал ее Цзинь Вэньцину. Все стали читать. В бумаге говорилось:

«Такого-то числа получен указ Его величества: послать Цзинь Вэньцина учебным инспектором в провинцию Цзянсу, Цянь Дуаньминя — учебным инспектором в провинции Шэньси и Ганьсу, Хэ Тайчжэня — учебным инспектором в провинцию Чжэцзян...» Ниже следовал еще ряд лиц, но они не имели к друзьям отношения, поэтому дальше читать не было смысла.

Чжуан Юпэй обратился к Чжуан Чжидуну:

— По поводу тебя издан особый указ. Ты назначен губернатором провинции Шаньси.

— Что ты говоришь?! Не может быть! — изумленно воскликнул Чжуан Чжидун.

Лицо Чжуан Юпэя приняло серьезное выражение.

— Сын Неба проявил к тебе такое благоволение, которое оказывают раз в тысячелетие! Отныне, брат Чжидун, сбудутся твои мечты, и ты сможешь отплатить императору за его милость. Это назначение радует не только меня, но и весь народ Поднебесной!

Чжуан Чжидун произнес несколько самоуничижительных фраз.

— Сегодня при дворе я узнал еще одну новость,— продолжал Чжуан Юпэй.— Франция захватила большую часть Аннама. Король Аннама обратился к нашему двору с мольбой о спасении, и Его величество думает выслать солдат на помощь!

— Ведь Франция совсем недавно пережила бедствия прусской войны *, и силы ее еще не восстановлены. Как она смеет лезть на рожон и помышлять о захвате нашей вассальной территории?..— возмутился Цянь Дуаньминь.— Это просто глупо! Если не воспользоваться моментом и не показать нашу силу, разве мы сможем в дальнейшем управлять варварами?!

— Ты не прав! — возразил Цзинь Вэньцин.— Франция по территории не уступит Англии, и народ там необыкновенно воинственный. Несколько десятилетий назад во Франции появился монарх Наполеон, которого боялись все государства. Он был действительно грозен. И хотя недавно Франция была разбита Германией, мы должны вести себя с ней осторожнее, чтобы не понести ущерба, как раньше.

— В прошлых поражениях виноваты мы сами, не стоит о них вспоминать,— промолвил Чжуан Чжидун.—

Ведь мы собственными руками привели тигра в дом. Что же касается событий шестьдесят первого года, то война тогда началась очень неожиданно, у нас в стране в это время бушевал мятеж, и мы не могли действовать сразу на два фронта, поэтому иностранцы и одержали победу. Однако с тех пор они еще больше зазнались и норовят во всем нас притеснять. Надо воспользоваться моментом, пока они ослеплены гордыней, и припугнуть их. Нужно показать им мощь нашего государства, чтобы они не смели больше рыскать в ночи словно волки!

— Bravo! Bravo! — захолопал в ладоши Чжуан Юпэй.— Хотя военные силы у нас сейчас не в полной готовности, зато есть несколько старых талантливых генералов, прошедших через сотни сражений, вроде Фэн Цзыця и Су Юаньчуня. Как мне известно, Франция по территории не превышает двух-трех наших провинций и возможности ее ограничены. Несколько привыкших к походам ветеранов устроят среди французов настоящее побоище, вновь вознесут авторитет нашей страны и сохранят ей все вассальные территории. Тогда другие страны не посмеют на нас даже глаз поднять. Что вы скажете, господа?

Все, конечно, были вынуждены согласиться с ним. Закончив свою тираду, Чжуан Юпэй сослался на дела и первым покинул зал. Цзинь Вэньцин тоже вскоре уехал.

Подъезжая к дому, Цзинь увидел целую толпу попрошайек, которые приветствовали его нестройными возгласами:

— Поздравляем вашу милость с повышением! Блестящей вам карьеры!

Посоветовавшись с женой, Цзинь Вэньцин щедро одарил пришедших, а затем написал благодарственное письмо императору, испрашивая указаний,— короче говоря, сделал все, что полагалось в таких случаях. Не обошлось, разумеется, без прощальных пирушек и проводов. Можно представить себе, как он был занят.

Наконец наступил день отъезда. Рано утром Цзинь Вэньцин пошел попрощаться к Цао Ибяо и застал его поспешно собирающим вещи. Оказывается, Айюнь правильно оценил сочинение, которое сам Цао считал никуда не годным: Цао Ибяо получил ученую степень. Но неоднократные неудачи на экзаменах, прогулки по опавшим осенним листьям и печальные раздумья заставили Цао понять, что он вовсе не создан для яшмовых

палат и богатых разъездов. «Я вольный литератор, призванный бродить по скалам и гордо распевать в предутренней дымке»,— подумал он и проникся смелой мыслью вернуться на юг. Почти все его друзья получили назначение в провинцию, поэтому он еще тверже решил пуститься в далекий путь и расстаться с шумной жизнью в столице. Увидев Цзинь Вэньцина, он поведал ему о своем намерении.

— Раз уж мы вместе прибыли сюда, вместе и уедем,— сказал Цзинь Вэньцин.— Но как ты бросишь Айюня?

— С каждого пира надо расходиться,— возразил Цао Ибяо,— однако приятные воспоминания останутся навсегда. Подумай, какой смысл, если мы пробудем вместе сто лет и доживем до седых волос?

Он вытащил альбом для стихов с картиной «Полнеба в красной заре» * на обложке и попросил Цзинь Вэньцина что-нибудь написать.

— Пусть даже в тоскливом уединении у меня останется память о тебе!

Цзинь Вэньцин написал в альбом четверостишие. Они попросили друг друга больше заботиться о своем здоровье и расстались.

На обратном пути Цзинь остановился у ворот Чжуан Чжидуна, через слугу передал ему свою визитную карточку и приказал сообщить, что он приехал принести Чжуану свои поздравления. Вскоре у повозки Цзинь Вэньцина появился другой слуга, который, поклонившись, молвил:

— Господин дремлет, но еще с утра он велел, если вы приедете, просить вас расположиться в его кабинете. Хозяин хочет о чем-то поговорить с вами!

Услышав это, Цзинь сошел с коляски. Слуга высоко поднял визитную карточку и по извилистой дорожке провел Цзинь Вэньцина в кабинет, состоящий из двух комнат. Первая комната была очень просторной и имела большие застекленные окна, выходящие на юг. Возле одного из окон стоял полированный письменный стол, а рядом с ним резные стулья. В северной стене также было три двухстворчатых окна, затянутых тонкой тканью. Под ними раскинулся просторный кан с отделкой из красного сандала, окруженный удобными стульями, инкрустированными агатом. На восточной стене висела полка с книгами, под которой стояла деревянная кушетка из фиолетового вяза с резьбой на сюжет «Опя-

ненная Ян-гуйфэй». У противоположной стены возвышались два шкафа со множеством антикварных безделушек. Рядом виднелась чуть приоткрытая маленькая дверца; Цзинь Вэньцин решил, что она ведет в спальню. На полу лежал пестрый ковер с изображениями цветов. Комната выглядела изумительно.

Цзинь остановился.

— Прошу господина пройти внутрь! — сказал слуга и откинул занавеску. Цзинь Вэньцин переступил порог, и глазам его предстала картина еще более изысканная, чем в первой комнате. Он сел за маленький письменный столик из красного дерева. Слуга ушел, своего сопровождающего Цзинь также отпустил отдохнуть.

Прошло некоторое время, но Чжуан Чжидун не появлялся. Цзинь Вэньцину стало скучно сидеть в одиночестве. Он начал перелистывать книги, лежащие на столе, и наткнулся на каталог, который, как он знал, был составлен Чжуан Чжидуном еще в бытность его учебным инспектором провинции. Едва Цзинь раскрыл каталог, как из книги выпал листок бумаги. Наверху стояло заглавие:

«Приказ Юань Сюя, выступающего против Цянь Лэнси».

Удивленный Вэньцин прочел следующее:

Иди сюда, собака Цянь!
Передо мной, собака, встань!
Я буду говорить с тобой,
Смирненно слушай, молча стой,
Внемли тому, что говорю:
Собачье брюхо я вспорю,
Потом его распотрошу,
Тебя, собаку, сокрушу,
Ты в конуре не спрячешь хвост.
Так будь же осторожней, пес!

Цзинь Вэньцин едва сдержался от смеха. Он вспомнил, что когда Чжуан Чжидун служил учебным инспектором провинции, у него под началом находились ученый Юань Сюй и зять министра Гун Пина — Цянь Лэнси, которые вечно вели между собой борьбу за расположение Чжуан Чжидуна, результатом чего и явилась эта стихотворная шутка.

Вскоре ожидание надоело Цзиню. Он хотел было выйти, как вдруг маленькая дверца в соседней комнате скрипнула, послышался смех и двое людей,— по всей

видимости, мужчина и женщина — с топотом пробежали к письменному столу, который стоял у окна. Потом по звуку шагов Цзинь Вэньцин определил, что один из них направился к двери, а другой уселся на стул и тихо произнес:

— Не убегай! Иди сюда!

— Ну да! — топнув ногой, возразила женщина.— Здесь кто-то есть!

— Зачем ты явилась сюда, безглазая черепаха? А ну, убирайся скорей! — повысил голос мужчина.

Сердце Цзинь Вэньцина дрогнуло. Прильнув к занавеске, он увидел, что слуга, который принимал у него визитную карточку, по-прежнему держа ее в руках, лениво идет к воротам, а из маленькой двери выглядывает размазанная, большеногая *, но кокетливая женщина на лет тридцати с небольшим. Мужчина нагло улыбнулся женщине, обхватил ее руками и, подталкивая, подвел к кушетке с изображением «Опьяненной Ян-гуйфэй».

Цзинь Вэньцин, скрытый от них книжной полкой, не видел, что там творилось. Он несколько раз собирался выйти из своего убежища, но его все время охватывало смущение, как будто он сам делал что-то дурное. Сердце сильно колотилось, Цзинь сдерживал дыхание и не смел даже шевельнуться. Снова послышался приглушенный смех. Наконец женщина, задыхаясь, воскликнула:

— Господин!.. Твои книги!.. Берегись... они сейчас упадут!

Она еще не закончила своих слов, как раздался грохот и книги, лежавшие на полке, полетели на кушетку.

Воистину:

Разве строгие нравы мешают мужчине
От уступчивой женщины требовать дани?

А хранилища книжные были издревле
Местом самым удобным для нежных свиданий!

Если вы хотите узнать, на кого же посыпались свалившиеся книги, дайте мне перевести дух, и я вам все расскажу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

• ИСКУСНО БАЛАНСИРУЯ НА КАНАТЕ,
ДЕВУШКА РАССКАЗЫВАЕТ О БОЕВЫХ ПОДВИГАХ ЧЕРНЫХ ЗНАМЕН* .
СЛУШАЯ ЗВУКИ ФЛЕЙТЫ, ГЕРОЯ СТРЕМИТСЯ К МЕСТАМ,
КОТОРЫЕ НЕКОГДА ПОСЕТИЛ БО ЦЗЮИИ *

Мы оставили Цзинь Вэньцина в кабинете Чжуан Чжидуна в тот самый момент, когда он услышал прерывающийся шепот женщины. Затем послышался грохот — книги с полки рухнули на кушетку. Воспользовавшись этим, женщина поднялась и со смехом полетела к маленькой дверце. Мужчина тоже захохотал и, кое-как подобрав книги, бросился за ней. В комнате сразу стало тихо. Цзинь поспешил выйти из кабинета, однако на пороге столкнулся со слугой. Тот, смущенно покраснев, извинился за хозяина:

— Господин все еще не проснулся. Завтра он сам нанесет вам визит!

Цзинь Вэньцин засмеялся, кивнул и направился к коляске. Кучер в одно мгновение домчал его до дома. Цзинь, конечно, не преминул рассказать обо всем своей супруге, и оба они вволю посмеялись.

Цзинь Вэньцин решил во время следующей встречи с Чжуан Чжидуном как следует расспросить его обо всем, что он видел. Но осуществить свое намерение ему не пришлось: хлопоты по отъезду из столицы так захватили его, что о другом некогда было и думать.

Прошло несколько дней, и назначенные на должность один за другим покинули Пекин. Цянь Дуаньминь направился в Шэньси и Ганьсу, Чжу Пу — в Чжэцзян, а Цао Ибяо вернулся на свою родину в Чанчжоу и стал жить отшельником. Цзинь Вэньцин тоже выбрал счастливый день, выехал вместе с домашними и вскоре добрался до Тяньцзиня.

В то время американская пароходная компания «Рассел и К⁰» была куплена китайским правительством за три миллиона серебряных лян и переименована в «Коммерческую пароходную компанию» *. Сделано это было руками Чэн Мушэна, с которым мы уже встречались на ужине у гетеры Лян Пиньчжу. Покупка компании явилась крупной вехой в истории китайской торговли. В момент описываемых событий Чэн Мушэн служил начальником тяньцзиньской морской таможни. Давно питая дружеские чувства к Цзинь Вэньцину

и узнав, что тот покинул столицу, он забронировал для него на пароходе лучшую каюту, и путешествие для Цзиня, опекаемого самим начальником таможни, прошло исключительно удобно. Вскоре герой наш прибыл в Шанхай, но, поскольку с ним была служебная печать, он не решился задерживаться там надолго. Пересев на речной пароход, курсировавший по Янцзы, Цзинь Вэньцин добрался до Цзюцзяна. Здесь он сошел на берег и сушей отправился прямо в центр провинции — город Наньчан.

Приняв дела и вступив в должность, он провел необходимую подготовку и, по обыкновению, объявил о начале провинциальных экзаменов. Цзинь впервые занимал крупную должность, к тому же провинция Цзянси была родиной восьмичленных сочинений, где еще сохранился дух ученых прошлого, поэтому Цзинь Вэньцин оценивал работы с особой тщательностью и серьезностью.

За всевозможными событиями незаметно приходили весны и уходили осени, быстро промелькнуло два года. Как раз в это время шла франко-аннамская война*. Кормило власти находилось в руках князя Благонамеренного. Ему помогали канцлер Бао Цзюнь, министр чинов Гао Янцзао и министр работ Гун Пии — все они были знаменитыми и авторитетными сановниками своего времени. Правда, северо-аннамские области Сондай и Бакнин одна за другой пали, и государственному престижу был нанесен немалый урон, — но это произошло только потому, что губернаторы провинций Гуанси и Юньнань легкомысленно доверились своим помощникам. Разгневанная вдовствующая императрица, конечно, сместила обоих губернаторов с должностей и предала их суду. Даже князь Благонамеренный, сановники Бао, Гао и Гун — короче говоря, весь состав Государственного совета — оказались в связи с этим отстраненными от управления. Во главе нового Государственного совета был поставлен князь крови Верный.

Для руководства военными действиями на границу были посланы другие сановники. Войска трех провинций — Гуандун, Гуанси и Юньнань — повели совместное наступление, рассчитывая восстановить прежнее положение. Таким образом, можно было считать, что боевой дух страны поднят.

Однако после падения Бакнина французы шаг за шагом продолжали продвигаться вперед, морская грани-

ца также была ими блокирована. Тогда в провинцию Фуцзянь в качестве подмоги был послан Чжуан Юпэй — на должность командующего береговой обороной. Хэ Тайчжэнь с той же целью был послан на север, а Чэнь Шэнь — на юг. Почти все захваченные этим чрезвычайным указом чиновники принадлежали к «партии бескорыстных». Большинство из них состояло при императоре и занималось только литературой, поэтому, когда их постиг такой неожиданный взлет, все были очень удивлены.

Цзинь Вэньцин радовался, что его сверстники получили такие важные назначения. Он горячо желал, чтобы все они совершили невиданные подвиги и прославили ученое сословие. Но вместе с тем его душу мучила какая-то беспричинная тревога, словно древнего жителя Ци, все время боявшегося, что на него свалится небо. Цзинь Вэньцин опасался, что они только на бумаге умеют рассуждать о стратегии, а практически ни в чем не разбираются и нанесут государству ущерб. Мог ли он предполагать, что его друзья еще окажутся сравнительно на высоте положения и что больше всех «отличится» не кто иной, как Чжуан Юпэй?

В июле пришла весть о полном разгроме мавэйской * эскадры. Каждый по-своему комментировал это событие: одни говорили, что Чжуан Юпэй сдался, другие — что он погиб, но все оказалось неверным. На самом деле Чжуан, прибыв в Фуцзянь, по-прежнему задирает нос и напускал на себя высокомерие процветающего столичного сановника и апломб знаменитого ученого. На генерал-губернатора и губернатора он даже смотреть не хотел. Между тем они были на редкость хитры и с удовольствием спихнули ему на плечи непосильную ношу. Чиновник, ведавший верфями, лишь внешне держался с ним корректно. Генералов Чжуан Юпэй не знал, солдаты не питали к нему никаких чувств, но он забыл об этом, захватил всю власть и, выдумав что-нибудь, кажущееся ему чрезвычайно умным, во что бы то ни стало добивался своего. Трудно было предвидеть, что французский адмирал Курбе столь бесцеремонно воспользуется его неподготовленностью и откроет огонь из корабельных орудий по портам во время сильнейшей бури!

Чжуан Юпэй думал-думал, но хоть кисть у него была и остра, а все-таки против винтовок не устояла; хоть блестящих теорий у него было и много, а все-таки пушки отразить ими он не мог. И пришлось ему улепетывать

под дождем босым, не заботясь о том, сколько кораблей потоплено и сколько солдат убито. Отступил он на целых двадцать ли и укрылся в буддийской кумирне.

Лишь на четвертый или пятый день удалось выяснить обстановку и доложить о ней трону. Двор пришел в ярость, сместил Чжуана с должности и отправил в ссылку.

Когда Цзинь Вэньцин узнал об этом, его охватили сложные чувства: «В течение нескольких лет Чжуан Юпэй находился в зените славы, и вот — такое падение. Не захотел спокойно служить в академии, пожелал совершать подвиги, творить большие дела, а в результате стал предметом насмешек! Правительство тоже должно было внимательнее относиться к людям, а не бросаться ими. Совершенно очевидно, что Чжуан Юпэй мог бы принести пользу как справедливый чиновник, честно говорящий о злоупотреблениях трону. Так нет, надо было пренебречь его достоинствами и использовать его там, где он оказался слаб! А в результате пострадал не только Чжуан Юпэй, но и интересы государства!»

После описанного разгрома положение в стране еще более обострилось. На море был потерян Цзилун, на суше — Лангсон *. Если бы не генерал Фэн Цзыцай, который сумел при заставе Чжэньнань разбить французскую армию, уничтожить несколько десятков тысяч французских солдат, в течение восьми дней вернуть часть захваченных городов и сбить с французов спесь, — невозможно даже представить себе, что стало бы с Китаем. К сожалению, диктатор Ли Хунчжан, всеми силами стремившийся к перемирию, не сумел использовать победы, одержанной Фэн Цзыцаем, и принудил двор подписать позорный договор, который был составлен еще в период поражения Китая. Аннам был буквально подарен Франции. Хорошо еще, что собственной землей не пришлось поплатиться и без контрибуций обошлось, — уже одно это можно считать величайшим подвигом, за который китайцы должны славить Ли Хунчжана в веках!

Но не будем подробно распространяться об этом. Скажем только, что после подписания договора многие граждане, понимавшие, что такое престиж страны, горестно вздыхали и возмущались глупостью дипломатов. Что же касается прославленных чиновников и знати, живших словно в чаду, то они радовались договору и веселились от счастья.

Одним из таких людей был губернатор провинции Цзянси — Да Син. Он происходил из богатой чиновничьей семьи и получил высокую должность без малейшего усилия, благодаря заслугам своих предков. Кроме пресмыкательства перед высшими и презрения к низшим, он знал еще толк в театральных развлечениях. Лишь в дни траура по императору в его управлении не гремели гонги и барабаны, не слышались звуки свирелей и песен. Дочь его была одновременно первой и по красоте, и по легкости поведения, и по любви к театральным развлечениям. В то время из всех подчиненных отца ей особенно старался угодить один начальник уезда по имени Цзян Ичэн. Не пожалев денег, он объездил чуть ли не всю Поднебесную и собрал на женские роли самых знаменитых актеров *. Тогда его пригласили в провинциальный центр, и здесь, в губернском управлении, он начал заниматься исключительно устройством спектаклей для губернатора, не помышляя ни о каких государственных делах. В городе даже сочинили стихотворение, высмеивающее его, в котором говорилось:

Ни вина, ни красавиц
Не чуждается он,
И вином и любовью
Наслаждается он.

Покупает улыбки, и стремится к веселью,
И весь день погружен
В сладкий сон...

Видя драму на сцене,
Восхищается он,
Слыша арии опер,
Восторгается он,

За игру Сы Цзюданя
Первым призом почетным
Был не раз награжден!

Шуанлинь с Шуанфэном
Неземное вершат:
У людей в небеса
Улетает душа!

Даже по этим стихам можно представить, как привольно ему в то время жилось!

Когда Цзинь Вэньцин приехал в Цзянси и увидел, что творится в провинциальном управлении, ему стало не по себе. Однако губернатор Да Син, слышавший о нем

как о вожде литераторов и знаменитом ученом, всячески старался с ним сдружиться. Чтобы не навлечь на себя недовольства сослуживцев, Цзинь был вынужден отвечать на приглашения и через силу создавать видимость хороших отношений.

Однажды, когда Цзинь Вэньцин только что вернулся из области в центр провинции, к нему пришел с визитом Цзян Ичэн. Зная, что он любимец губернатора, Цзинь поспешил принять его. Едва они встретились, как Цзян вытащил красный конверт и сказал, что его специально прислал губернатор. Цзинь Вэньцин вскрыл конверт: в нем оказалось приглашение на обед, который должен был состояться на следующий день.

Подозревая, что у начальника какое-то торжество, Цзинь спросил:

— А что будет завтра у губернатора?

— Ничего особенного. Просто устраивается развлечение, — ответил Цзян.

— Развлечение? Какое?

— Из западной части провинции Гуандун прибыла цирковая труппа. Там есть две девушки мяо * из провинции Юньнань, которые великолепно ходят по канату, могут прыгать на нем, плясать и выделывать разные штуки. Но самое удивительное, что они не только танцуют на канате, но и поют песню под названием «Хуагэ». Ее сочинила какая-то знаменитость по поручению наложницы генерала Лю Юнфу. Хуагэ — детское имя этой наложницы. В песне говорится о малоизвестных событиях франко-аннамской войны, вам стоит послушать ее!

Услышав, что в песне рассказывается о подвигах предводителя Черных знамен Лю Юнфу, Цзинь заинтересовался и ответил, что обязательно приедет.

На следующий день, задолго до указанного срока, он был уже в провинциальном управлении. Губернатор встретил его очень радушно, собственными руками распахнул ворота и провел Цзинь Вэньцина в приемную. В начале беседы губернатор не преминул выразить сочувствие Цзиню, которому, по его словам, пришлось много поработать во время выезда в области, затем рассказал о событиях в столице и, наконец, коснулся предстоящего развлечения.

— Вчера чиновник Цзян передал мне, что ваше превосходительство любезно приглашает меня посмотреть на канатоходцев. Я слышал, что это большие

мастера, но не знаю, откуда они прибыли,— проговорил Цзинь Вэньцин.

— Это моя дочь, капризный ребенок, умолила господина Цзяна пригласить их из провинции Юньнань,— рассмеялся губернатор.— Сам хозяин труппы гуансиец, но у него есть две девушки племени мяо. Как рассказывают, они спаслись после разгрома отрядов Черных знамен, поэтому и знают песню «Хуагэ». Хуагэ была их наставницей.

— Не думал, что со старым воином Лю Юнфу могут быть связаны какие-либо пикантные истории! — произнес Цзинь Вэньцин.

— Эта песня, вероятно, сложена одним из сподвижников Лю Юнфу или Фэн Цзыцая,— продолжал губернатор,— так как в ней воспеваются не столько любовь, сколько военные подвиги. Но, по-моему, автор песни вложил в нее и какой-то иной смысл! Между прочим, у актеров есть переписанный текст. Представление сейчас начнется. Прошу вас пройти в зал, где вы сможете получить текст, и ваш просвещенный взгляд сразу все установит!

С этими словами он повел Цзинь Вэньцина в сад, находившийся к востоку от провинциального управления. Здесь был большой павильон, внутри которого стояло несколько рядов стульев. Почти все видные чиновники провинции и местная знать уже явились. Заметив Цзинь Вэньцина, они поднялись и стали его приветствовать. Начальник уезда Цзян, расплывшись в улыбке, подскочил к Цзиню и, забросав его любезностями, усадил в середину первого ряда. Губернатор также сел рядом с ним.

Справа Цзинь Вэньцин увидел занавеску, за которой проступали очертания нарядных женских фигур. Знаменитая губернаторская дочь, вероятно, тоже была там. Канатоходцы расположились вне павильона. Между двумя деревянными треногами натянули толстый канат, и представление началось.

На канате стояла девушка лет семнадцати — семнадцати с белым лицом, тонкими бровями и красивыми глазами. Она была одета в зеленую, цвета озерной воды, курточку с мелкими пуговицами, белый шелковый платок и узкие розовые штаны, из которых выглядывали крохотные ножки. В руках она держала обвитый белыми шелковыми нитями шест с двумя шарами, украшенными черной бахромой. Девушка ходила по канату, то опуска-

ясь, то взлетая вверх, подобно плывущему дракону или испуганному лебедю. Зазвучала скрипка, и актриса, грациозно покачиваясь на канате, нежным, протяжным голосом запела.

К Цзинь Вэньцину подошел начальник уезда Цзян и почтительно вручил ему тоненькую книжечку в синем полотняном переплете. На красной полоске заглавия стояло три иероглифа: «Песня Хуагэ». Следя за текстом, Цзинь Вэньцин слушал, как девушка поет на чистом пекинском диалекте:

Я — девушка-канатоходец —
Скольжу в пространстве словно невидимка,
Командовала я отрядом
В чернознаменной армии когда-то.
Как много лет я шла, не уставая,
Сквозь войны, сквозь кровавые сраженья,
С моим супругом, смелым генералом,
Чье имя всем известно — Лю Юнфу!

О Лю Юнфу!
О генерал наш славный!
Из всех, рожденных в округе Шансы *,
Он самый необычный человек.
«Длинноволосым» быть не захотел он,
Мятежником прослыл он в Поднебесной,
Прорвался сквозь Чжэньнаньскую заставу
И вышел на аннамские просторы.

Князь Хэ в то время
Правил в Баотане,
Людей косил он, как траву косарь,
И нарушал спокойствие границы.
Но генерал велел седлать коней,
Пошел в поход и князя обезглавил,
Расправился с его трусливым войском
И стал хозяином
В его владеньях!

Как тигр, бесстрашен
Смелый генерал,
Стремительны солдаты,
Словно барсы,
Они внезапным смерчем налетают,
В прах разнося противника отряды!
Могущество чернознаменных войск
В страх обращало всех людей на свете!

...По воле Франции король Нгуен
Был вынужден «открыть» пришельцам порты,
Была Сайгона участь решена! *
Но, этим не довольствуясь, французы
Решили перейти реку Хумху *.

Что генерал Гарнье хитер и ловок,
Давно известно было всем и всюду.
Купив придворного Хоанга Туай Ана,
Посеял он в стране раздор и смуту:

Им были сформированы в Ханое
Желтознаменной * армии отряды,
Сплотившей более десятка тысяч
Отчаянных головорезов.

Так неожиданно затмилось и поблекло
Былое счастье короля Нгуена.
И вот, стремясь приблизить Лю Юнфу,
Нгуен гонцов своих к нему направил.
Он думал: «Пусть войска чернознаменцев
В прах обратят желтознаменных силы».

Стал Лю Юнфу по воле короля
Командующим армией Аннама!

Сверкают сталью грозные винтовки,
Стремительны орудья на колесах!
Желтознаменной армии бойцы
Обучены сражаться по-заморски —
Как могут перед ними устоять
Чернознаменники, в руках которых —
Мечи, секиры, копья и кинжалы?
Как могут устоять они, держа
Столь старое, отжившее оружие?

Но мудрым оказался генерал,
Заранее он войско подготовил
И в армию включил канатоходцев,
Назвав отряд — «Летящим в облаках».
Отряд наш мог взвиваться над землею,
Летать как небожители святые —
Так ловко женщины-канатоходцы
На сотни чжанов поднимались вверх!
С тех пор меня назвали Хуагэ,
Была сильна я телом и руками,—
И командиром выбрали меня
Отряда женского — «канатоходцев»...

...Две сотни ли прошли мы в эту ночь.
Не вынимая кляпов изо рта
И следуя за нашим генералом,
Добрались до района Дьенгуан!
Здесь на отвесной каменной скале
Разбил походный лагерь неприятель,
Десятки тысяч спрятались палаток
В безлунном мраке, в тишине ночной...

Вдруг генерал
Позвал меня и молвил.
С улыбкою погладив по плечу:
«Коль совершишь ты

Этой ночью подвиг —
Пусть нас считают
Мужем и женой!»

Когда приказ я этот получила —
Из всех приказов самый необычный,—
Я поняла, что буду героиней,
Вступив с врагом в смертельное сраженье!
Меч бросил отблеск на мое лицо —
Смутилась я, румянец залил щеки,
Но радостным огнем зажглись глаза:
Я приняла условие генерала!..

Вокруг скалы во мраке темной ночи
Вся армия в засаду залегла,—
Я повела отряд к скале отвесной,
К шатрам врагов, объятых крепким сном...
Три сотни — им неведомых красавиц,
Шесть сотен — смерть несущих женских рук,
Цепочкой, как серебряная змейка,
Отряд уполз в туман полночных гор...

Клич боевой нарушил тишину,
И пламя факелов взметнулось к небу,
Казался горный лагерь ослепленным
Внезапным появлением красавиц.
Меч феникса обрушился как гром —
И покатались головы врагов...
Враги винтовки вскинуть не успели
И к пушкам фитили не поднесли!

И вырос вдруг, сошедший словно с неба,
Сам генерал — верхом на жеребце!
Со всех сторон любимец окружен
Толпою тесной воинов-героев.
Француз Гарнье убит *,
Бежал Хоанг!
Был генерал неистов в этой битве!
Все позади...
Пора сойти с коня.

Условье генерала было свято —
И стала я второй его женой *.
На поле брани мы сражались вместе
И вместе шли в далекие походы,
И не было такого дня, когда бы
Утасла наша ненависть к французам.

Увы,— недолговечным было счастье!
Недобрая мне выпала судьба.
Когда прошли мы полпути к победе,
Зять короля, злодей Хоанг Да Вьем,
Вдруг завистью проникся к генералу;
Он с иноземцами связался тайно
И короля Аннама обманул!
Путем интриг и заговоров темных

Он отстранил от власти Лю Юнфу,
Не разрешил ему крушить врагов
И рвать опущенные их знамена!

Немало лет опальный генерал,
Став стражем верным у ворот Аннама
И укрепив китайские границы,
Удерживал Сондай и Баотан.
А ненависть французов все росла:
Так началась
Великая война!

Война! Война! Война!
Бои в Аннаме
Три южные провинции Китая —
Юньнань, и Гуанси, и Гуандун —
Как будто грозным громом потрясли!
О, низкий человек Хоанг Да Вьем!
О помощи взывая к генералу,
Он в то же время в лагере французов
Брал деньги за предательскую службу!
Шесть раз он перебрасывал войска
В ущерб Аннаму — на руку врагам,
Но генерал обману не поддался.

Всем севером Китая в это время
Всевластно правил грозный Ли Хунчжан,
А в южные провинции владыкой
Цзэн Гоцюань * назначен был двором.
Ли ратовал за умиротворенье,
А Цзэн считал, что нужно воевать.
Послал он Тан Цзинсуна в край далекий,
Чтобы, пройдя тысячеверстный путь,
Он встретился с аннамским генералом.

И Тан Цзинсун поведал генералу,
Что впереди открыто три пути.
Путь первый:
Захватить Намзяо
И встать под знамя Цинского двора;
Второй — коль первый неприемлем будет —
Сражаться и без помощи Китая:
Не тем ли ханьский генерал Бань Чао *
Прославился за рубежом отчизны?
И третий путь — он хуже первых двух:
Удерживать напрасно Баотан,
Врагу отдав на растерзанье войско...

Обрадовался генерал совету
И дал присягу Цинскому двору *.
А после поражения под Цзикеу
Лишились иноземцы превосходства,
И собственной рукою Лю Юнфу
Был обезглавлен генерал Ривьер! *

Внезапно умер государь аннамский,
И мать его взяла бразды правления.
Хоанг Да Вьем вошел в преступный сговор
С советником дворцовым Нгуен Тетом:
На милость Франции они сдались
И договор позорный подписали,
Надеясь, что коварный этот шаг
Погубит генерала Лю Юнфу.

Как раз в то время вспомнил обо мне
Мой первый муж, одноплеменник мой.
Как волк свиреп и как лиса хитер,
Продался тайно он Хоанг Да Вьему
И в лагерь наш пришел под видом друга.
Уж много лет прошло, как мы расстались,
И все же, повстречавшись в этот день,
Взволнованы, казалось, были оба...
Когда остались мы наедине,
Напомнил он про старую любовь
И попросил, чтоб в штабе генеральском
Возвыситься я помогла ему.

Мне генерал поверил, принял мужа
И лагерным начальником назначил.
Кто б догадаться мог, что он предатель,
Что он врагам откроет наши двери!
Однажды он завлек меня в шатер
И выпить с ним вина уговорил,
И так случилось, что хмельное зелье
Меня, доверчивую, с ног свалило...

Изменник смог предупредить французов —
В ту ночь они напали на Сондай,
И лагерь запылал со всех сторон!
Косила смерть солдат незащищенных,
Рубились в клочья черные знамена,
Но генерал, вскочив на жеребца,
Из окруженья вырвался и скрылся.

...Когда очнулась я — перед глазами
Все было залито огнем багровым!
Так, веря чувствам и забыв о долге,
Я стала жертвой низкого коварства.
Злодей меня принудил с ним бежать,
Отбиться от него не удалось,
Он привязал меня к седлу веревкой...

На полпути нам встретился отряд.
Командовал им генерал Пань Ин,
Сражавшийся под руководством Фэна
С французскими войсками за Аннам.
Предатель схвачен был и умершвлен.
Так я спаслась и стала вновь свободной.

Спросил меня Пань Ин, кто я такая,
Я честно все поведала ему.
Он был не против передать меня
Гонцу из лагеря чернознаменных войск,
Но знала я, какое преступленье
Свершила в доме близких мне друзей,
И не могла считать себя достойной
Женою быть героя-генерала!

Ведь я стубила лучшие отряды,
Которые в сраженьях многолетних
Наш генерал учил и закалял!
Я погубила славу генерала,
Героя чести воинской лишила,
Ведь он из-за меня отдал врагу
Сондай сначала, а потом Бакнин,
Из-за меня Тан Цюона с Сюй Яньсюем
Сместили с должностей, предав суду!

Я виновата в том, что Ли Хунчжан
На генерала жалобу составил.
Когда бы не поддержка Цэнь Юйина,
Когда бы Пэн Юйлинь не заступился,
В сраженьях помогая генералу
И армию снабжая провиантом,—
Ужель достиг бы он такой победы
В боях при Дьенгуане и Ламтао?

И вот себя сочла я недостойной
Вернуться в лагерь войск чернознаменных,
Решив в передовой колонне биться
Плечом к плечу с бойцами Фэн Цзыцая,
Чтоб в граде пуль, в пороховом дыму
Горячей кровью смыть пятно позора!..

Семидесятилетний Фэн Цзыцай
Повел десятитысячное войско,
Чтоб защитить Чжэньнаньскую заставу.
В то время на реке Сонма в Аннаме
Огню предали судна...
Пал Лангсон...
Морские и наземные войска
Терпели всюду-всюду поражения...
И Фэн Цзыцай, бывалый генерал,
С войсками до конца стоять поклялся.
Ван Сяоци, что в арьергарде шел,
И шедший в авангарде Ван Дэбан —
Все были начеку и ждали только,
Когда противник ринется в атаку.

И вот, собрав все силы боевые,
Враги в атаку двинули отряды.
Загрохотали, загремели пушки,
Свистя, снаряды небо пронизали.
Был Фэн Цзыцай недвижим как скала,

Он передал войскам команду ждать,
А тех, кто, повернув, бежать пыгался,
Разил клинок, не ведавший пошады...

И вдруг шатер высокий распахнулся
И знамя на ветру заколыхалось,
Тогда, разгладив бороду густую,
«За мной!» — воскликнул громко генерал
И ринулся вперед, врагам навстречу,
Два сына генерала мчались рядом...

Бежала я, как ловкая мартышка,
Быстрее легкой ласточки летела,
Я вырвалась стремительно вперед!
Над головою пролетали ядра,
Их было столько, сколько в небе звезд,
Но я мечом сразила пушкарей
И подавила линию огня!

Тут, руки вознеся над головой,
Вскричал Пань Ин...
И громкий этот клич
Поднял сто тысяч барсов-храбрецов,
Способных повергать на землю горы!
А впереди них мчался Сяоци,
В пылу сраженья жизни не щадя.
Обрушиваясь с фланга словно лава,
Бесстрашно в бой вступил герой Дэбан.
Стремительным ударом мы прорвали
Центральные позиции врага.
Десятки тысяч рук поднялись вверх,
Снимая шлемы.
Белые знамена
Сияли серебром над головами.
Но мы оружия не выпускали,
Мечи свои не вкладывали в ножны...

...Гнались мы восемь суток за врагом,
Две сотни ли осталось позади:
Виньен вернули, заняли Лангсон
И возвратили все другие земли,
Захваченные недругами за год.
Поистине, торжественный и быстрый,
Победный марш вселял в сердца отвагу!
Нам верилось: еще одно усилие,
И будет весь Аннам освобожден!

Но стоило лишь вести о победах
До слуха Ли Хунчжана донестись,
Как, забыв, что дважды два — четыре,
Он настоял на мирном соглашеньи!
Мы кровь свою напрасно проливали!

А после окончания войны,
Описывая подвиги свои,
И обо мне поведал Фэн Цзыцай,

Канатоходку, к счастью, не забыл он!
Хотя и велика моя вина,
Мне кажется, заслугами в боях
Я искупила до конца ее.
И в песне, что пою под звон литавр,
Теперь могу о чувствах рассказать
И сердце наболевшее открыть:
Хочу просить супруга Лю Юнфу
Вновь даровать мне старую любовь!

Едва песня кончилась, в зале раздались дружные возгласы одобрения, которые, словно гром, всколыхнули воздух. Белоснежное серебро дождем посыпалось на красный ковер и осталось лежать на нем блестящими каплями. Когда все разошлись, Цзинь Вэньцин бросил певице двадцать серебряных долларов. Девушка тотчас спрыгнула с каната и, грациозно подойдя к губернатору и Цзиню, поблагодарила их.

— Кто научил тебя так хорошо петь? — поинтересовался Цзинь Вэньцин.

— Эта песня очень распространена в наших краях, — скромно отвечала девушка, — почти каждый знает ее. К тому же в ней говорится о том, что я сама испытала, поэтому исполнять ее совсем нетрудно.

— Ты действительно служила в войсках Черных знамен? — осведомился губернатор.

Девушка кивнула.

— Значит, Хуагэ была твоей начальницей, — промолвил Цзинь Вэньцин. — Когда же вы расстались?

— После поражения в Сондае «Отряд летающих на облаках» был распущен.

— Где же сейчас Хуагэ? — продолжал губернатор.

— Я слышала, генерал Лю снова взял ее к себе.

— А Хуагэ способнее тебя? — лукаво прищурился Цзинь Вэньцин.

Девушка рассмеялась:

— Вы просто шутите! Ведь она всех нас выучила, как же можно нас с ней сравнивать?! Лучшим в войске Черных знамен был Полк щитоносцев, а самые отборные его воины входили в «Отряд летающих на облаках». Хуагэ была командиром этого отряда. Пожалуй, не только среди нас, но и во всем мире не найдется ей равной. Поэтому генерал Лю и не смог расстаться с ней.

Пока длились эти расспросы, в зале уже были накрыты столы. Один стол оказался в центре, два слева и два справа — для женщин. Губернатор пригласил Цзинь Вэньцина сесть на почетное место у центрального

стола, вместе с провинциальным судьей, начальником области и начальником округа.

Вскоре замелькали чаши с вином, начались застольные игры, завязался непринужденный разговор. Губернатор предложил гостям отведать устриц и попросил их говорить только о любви и свиданиях. Когда половина вина была выпита, снова начались выступления канатоходцев. На этот раз на сцену вышла другая девушка, одетая словно Красный ребенок *. На двух канатах она выделывала различные трюки: то стремительно летела вперед, то медленно и плавно скользила, то вставала на голову, то делала сальто. Порою она напоминала бабочку, порхающую вокруг цветов, порою — попугая, висящего на ветке вниз головой. Все номера она проделывала с таким блеском, что дочь губернатора, не выдержав, показала из-за занавески свой прекрасный и строгий лик. С точки зрения Цзинь Вэньцина, в акробатических номерах не было ничего интересного, поэтому, отведя глаза от каната, он невольно устремил их в сторону занавески.

Вскоре пир окончился: хозяин и гости повеселились вволю. Лишь в сумерках Цзинь Вэньцин распрощался и вернулся к себе. Отдохнув несколько дней, он снова отправился проводить экзамены в округ Цзюцзян, что заняло у него больше месяца.

Когда экзамены закончились, было уже начало осени. Цзинь Вэньцин внезапно вспомнил о краснеющих листьях клена, головках камыша, которые делают таким неповторимым осенний ландшафт реки Синьцзян, и ему страстно захотелось взглянуть на все это. Наняв лодку, он договорился с несколькими сослуживцами поплыть к Беседке лютни, где некогда бывал знаменитый Бо Цзюйи.

В начале следующего месяца они уже плыли по реке. Поднимая бокалы с вином, Цзинь Вэньцин и его коллеги весело беседовали о древнем и современном.

Внезапно ветерок донес до их слуха то звонкие, то замирающие звуки флейты.

— Странно! — воскликнул Цзинь.— Кто это глубокой ночью на пустынной реке предается таким просвещенным забавам?

Он встал и открыл окошко каюты. Перед ним была бескрайняя серебристо-белая поверхность, в которой колебалось отражение горы, точно готовое расколоться на множество кусков.

— Отчего это ветра нет, а на воде волны? — удивились чиновники.

— Ничего странного — здесь глубоко,— пояснил Цзинь Вэньцин.

Через некоторое время он вдруг указал на реку и вскричал:

— Смотрите, смотрите! К нам плывет маленькая лодочка. Слышите, как скрипят весла? Это оттуда доносятся звуки флейты.

Он наклонил голову и прислушался:

— Играет!

Пока он говорил это, лодка подплывала все ближе. Когда между ними осталось расстояние, не превышающее полета стрелы, путешественники услышали, как чей-то голос поет:

Земли и небес
Бесконечны просторы,
И облако мчится по ветру
Дорогой далекой.
Прекрасные реки!
Прекрасные горы!
Луна!
Для кого ты зажглась на Востоке?

С нефритово-белой
Малюткой-красоткой
Скитаемся
В дальних краях.
Зеркальная озера гладь,
Млечный Путь в небесах
И ветер осенний —
Он нежный и кроткий...
Куда ж мы плывем в этой маленькой лодке?..

— Прекрасная песня, и мелодия новая! — воскликнул Цзинь Вэньцин.— Нет, вы послушайте!

А человек продолжал петь:

Как мне горько, что я
Бесталанен, незнатен,
Что ходить не судьба мне
В дворцовом халате.
Где-то терем нефритовый,
Где-то яшмовый дом,
Я ж окутан туманом,
Я промок под дождем...

В черном бедном халате
Я хожу до сих пор,
Я живу среди рек,

Средь пустынных озер.
Задремал я хмельной
И проснулся хмельной,
В лампе меркнет фитиль —
Друг единственный мой...
Я как прежде румян,
Жаль, что седоволос,
Лютня песню поет,
В песне — тысячи слез...

— Судя по песне, это какой-то опальный чиновник, недовольный судьбой и миром! — заключил Цзинь Вэньцин. — Но кто именно?

В этот момент лодка подошла к ним вплотную. Фонарь на ней не горел, и Цзинь при лунном свете с трудом различил, что в лодке сидят двое: мужчина и женщина. Он приготовился слушать дальше, но тут мужской голос произнес:

— Надоело петь. Налей-ка мне лучше вина!

По выговору Цзинь Вэньцин понял, что перед ним пекинец. Голос показался ему знакомым, но он еще не решился сделать окончательный вывод, когда мужчина, словно желая облегчить ему задачу, громко продекламировал:

Из императорского дома
Мужи в войсках восьмизнаменных,
Как на лугу трава, росли!

А в лодках Девяти фамилий
Прелестных дев цветет не меньше,
Чем в чистом поле конопля!

— Какая еще конопля?..* А ну тебя! — услышал Цзинь Вэньцин голос женщины.

Ее спутник рассмеялся:

— Если бы передо мной не было твоего очаровательного личика, я бы никогда не смог сложить такой парной надписи!

Сгорая от любопытства, Цзинь Вэньцин высунул голову из каюты, намереваясь хорошенько рассмотреть прибывших. Мужчина в этот момент тоже распахнул окошко и высунулся, так что они едва не столкнулись лбами.

— Да ведь это Вэньцин?! — закричал вдруг мужчина.

— О! Какая удивительная встреча! — воскликнул в свою очередь Цзинь. — Каким образом ты попал сюда?

— Это трудно передать в двух словах. Давай я перейду к тебе на лодку, и мы поболтаем!

Цзинь Вэньцин приказал остановить лодку, и мужчина одним прыжком перескочил в нее. В связи с этой встречей уместно привести следующие стихи:

Затосковали
По южным цветам вы,
Бросили службу,
Отшельник, скитались вдали...
Только уйдя из столицы за тысячу ли,
Вдруг зарыдали
По северным травам...

Если вас интересует, что это был за человек, прочтите следующую главу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПРЕЛЕСТНАЯ ДЕВУШКА ЛОВКО РАЗЫГРЫВАЕТ
ЛЮБОВНУЮ ИСТОРИЮ.
НА РАЗУКРАШЕННОЙ ЛОДКЕ ПРОИСХОДИТ ЗНАКОМСТВО
С КОРОЛЕВОЙ КРАСАВИЦ

Мы остановились на том, что, плывя по реке Синьцзян к древней Беседке лютни, Цзинь Вэньцин неожиданно встретил какого-то человека, который перепрыгнул к нему в лодку. Кто же это был? Внимательно взглядевшись, Цзинь узнал Чжу Пу — родственника императорской фамилии, который сейчас служил учебным инспектором в провинции Чжэцзян. Чжу Пу успешно справлялся со своей должностью, каким же образом он вдруг оказался в провинции Цзянси? Уж не заговорился ли я? Не спешите, уважаемые господа, сейчас я расскажу вам все по порядку.

Дело в том, что Чжу Пу был человеком дальновидным, но очень заносчивым. Прочитав несколько древних книг, он вообразил себя знаменитым ученым маньчжурской империи и уже не хотел повторять то, что говорили все остальные. Поэтому он сошелся в столице со сторонниками Чжуан Юпэя и стал многозначительно воспевать верность и долг. Однако в сущности он, как и все маньчжуры, был весьма хитер. Увидев, что Чжуану грозит падение, словно подтаявшей ледовой горе, он не захотел быть погребенным под ее обломками. На счастье, как раз в это время его назначили учебным инспектором в провинции Чжэцзян. Чжу Пу страшно обрадовался, так как ему представлялся случай порвать с «партией

бескорыстных», а кроме того, его давно соблазняло знаменитое озеро Сиху и чудесные южные пейзажи. Чжу Пу поспешно выехал из столицы. Едва оказавшись на юге, он увидел красивые горы, живописные реки, и его охватило такое чувство, будто он попал в обитель бессмертных. Подумайте сами — ведь он был потомком кочевников, питавшихся одним овечьим сыром и спавших в войлочных юртах! Мог ли он устоять перед вкусными овощами и сладкими окунями юга? Разумеется, глаза его разбежались, а сердце растаяло. Он жалел лишь о том, что как чиновник обязан блюсти этикет и не может ходить по следам Маленькой Су*.

Дело в том, что за воротами Цяньтан города Ханчжоу, куда попал Чжу Пу, протекала река под названием Цяньтанцзян. По ней постоянно курсировали особые лодки, именовавшиеся прогулочными. Путник, желавший попасть в соседние провинции, неизбежно должен был пользоваться их услугами. На каждой лодке он встречал прелестных девушек лет семнадцати — восемнадцати, считавшихся родственницами владельца, но фактически служивших приманкой для купцов. Старые путешественники, знавшие обычаи, пользовались этой возможностью развеять дорожную скуку, если у них, конечно, было настроение. Подобно тому как это делалось на «веселых лодках», они заказывали себе вино, девушек и отделявались при этом только косынками*.

Но если на судно попадали неопытные господа, из них выколачивали деньги всевозможными способами. Занимались этим ремеслом прибрежные жители, да и то лишь члены определившихся девяти семейств. Другие семьи не имели права конкурировать с ними. Поэтому лодки назывались не только «прогулочными», но и «девятифамильными». Но не будем говорить о пустяках.

Начнем рассказ с того дня, когда Чжу Пу собрался в округ Яньчжоу для проведения экзаменов. Он нанял несколько лодок и сел в самую большую и нарядную из них. Чжу Пу не знал ни истории этих лодок, ни заведенных на них правил. Машинально поднявшись по трапу, он вступил на широкую палубу, в середине которой была просторная каюта, размером более квадратной сажени. По бортам тянулись невысокие перила, к которым выходило шесть застекленных окон. Внутри каюты было очень уютно и чисто: здесь стояли кан, кровать, столики и стулья. Рядом были еще каюты, в одной из которых жил владелец судна со своей семьей.

Чжу Пу осмотрел все судно и остался доволен. «Недаром говорят, что на небе есть рай, а на земле — Сучжоу и Ханчжоу,— подумал он.— Даже лодки здесь не похожи на северные, очевидно, поэтому Лу Гуймэн * и предпочитал жить в подобном плавучем доме. Оказывается, они очень удобны!»

Заполучив к себе господина учебного инспектора, хозяин лодки, естественно, изо всех сил старался угодить ему: чай и сладости текли непрерывным потоком, одно за другим подавались мокрые горячие полотенца, и Чжу Пу чувствовал себя на седьмом небе. Лодка еще не проплыла и нескольких десятков ли, как он вышел из спальни на палубу, приказал слуге открыть окно и принести плетеное кресло, сел около перил и стал любоваться речным пейзажем. Он не мог оторвать восхищенного взора от берега, как вдруг что-то ударило его по лицу. Чжу Пу повернулся и увидел на полу мандариновую корку. Хотел было рассердиться, но в этот момент заметил у входа в соседнюю каюту очаровательную девушку лет семнадцати — восемнадцати, которая сидела на скамеечке и чистила мандарин. Она как будто не заметила, что попала коркой в Чжу Пу, и, не поднимая головки, продолжала свое занятие.

Уже смеркалось, и лучи заходящего солнца золотили волосы девушки. Чем больше Чжу Пу смотрел на нее, тем красивее она ему казалась. Но очаровательное личико девушки было скрыто, и ему оставалось только досадовать, почему она не поворачивается в его сторону. Внезапно в голове Чжу Пу созрел план, он поднял лежащую на полу мандариновую корку и бросил ее в девушку. На счастье, ему удалось попасть. «Что она теперь будет делать?!» — подумал Чжу Пу. Но в этот момент с кормы раздался нетерпеливый голос старухи:

— Чжуэр, Чжуэр!..

Девушка откликнулась, встала и поправила платье. Перед уходом она обернулась, бросила кокетливый взгляд на гостя и, рассмеявшись, упорхнула на корму.

Чжу Пу немного повидал на своем веку и никогда еще не встречался с южными красавицами. Разве мог он устоять против подобного заигрывания? От восторга у него чуть не вылетела душа. Он лишь негодовал на старуху за то, что она отняла у него такое сокровище. Не в силах думать ни о чем другом, он неподвижно сидел, словно пригвожденный к месту.

Приближался Новый год, смеркалось рано, вскоре

зажгли фонари. Слуга явился звать Чжу Пу к ужину. Только тогда он вернулся в свою каюту, машинально проглотил что-то и на цыпочках прошел в спальню послушать, что говорят за стеной хозяева. Там было темным-темно: ни огонька, ни звука, лишь с кормы доносился смех, плач ребенка, стук игральных костей; эти звуки смешивались с шумом ветра и плеском воды. Мысли Чжу прыгали, и он не знал, на что решиться. Долго ворочался он на постели, как вдруг заметил тоненький луч света, пробивавшийся через щелочку в стене из соседней каюты. Чжу Пу обрадовался и поднялся с кровати.

— Господин инспектор, наверное, спокойно спит! — послышался тихий голос старухи.

— Давно уже: смотри, света нет,— ответила девушка.

— А он красивый,— продолжала старуха,— белое лицо, черная борода. Я слышала, он родственник императора, настоящий отпрыск дракона!

— Мама, ты знаешь, он еще и скромненький,— проговорила девушка.— Совсем не кичится своим высоким происхождением.

— Вот как? Ты, оказывается, и характер его уже узнала!

Девушка засмеялась.

— Я сегодня случайно попала в него мандариновой коркой. Но он не рассердился, а даже улыбнулся!

— Э, худо дело! — проворчала старуха.— Ты, наверное, приглянулась господину!

Девушка промолчала.

Затем послышался шорох одежды. Женщины разделались и легли. Постель девушки находилась как раз у перегородки, за которой лежал Чжу Пу, и до него доносилось ее дыхание.

«Как жаль, что между нами перегородка,— подумал он,— а то мы лежали бы, по существу, на одной кровати!»

Время от времени он слышал, как девушка вздыхала, и это еще больше разжигало его страсть.

Так прошла ночь.

Еле дождавшись рассвета, Чжу Пу поднялся. Вся лодка спокойно спала, только двое матросов работали веслами. Чжу взял тазик и вышел из спальни под предлогом того, что ему нужна вода для умывания. Когда он проходил мимо соседней каюты, дверь тихонько отвори-

лась, и перед ним предстала Чжуэр в красной, плотно облегающей тело кофточке. Молча улыбаясь, она остановилась на пороге.

Чжу Пу не ожидал ее появления и несколько смутился.

— Сегодня холодно! — ласково промолвила девушка. — Почему бы господину не поспать еще немного?

— Не спится мне на вашей лодке, — улыбнулся Чжу Пу. С этими словами он приблизился к девушке и ушипнул ее за плечо. — Вы так легко одеты! Неужели не холодно? Я ведь знаю, вы тоже не спали всю ночь.

Чжуэр покраснела и оттолкнула руку Чжу Пу.

— Будьте осторожны, господин! — тихо произнесла она и, указав на каюту, добавила: — А то еще мама увидит!

— Принеси мне воды, — сказал Чжу Пу.

— Столько слуг на лодке, а вы просите меня! — усмехнулась девушка, взяла таз и вышла.

Чжу вернулся к себе. Вскоре девушка, грациозно покачиваясь, вошла в его каюту с тазиком в руках.

Чжу Пу одним прыжком подскочил к двери и захлопнул ее. Можете себе представить, что последовало за этим. Когда любовников уже невозможно было отделить друг от друга, раздался чей-то громкий голос:

— Хорошенькими вещами вы занимаетесь!!

Чжу поспешно обернулся и увидел старуху, которая с округлившимися от ярости глазами раздвигала полог. Перепугавшись, он уже хотел было соскользнуть с кровати, но старуха крепко ухватила его обеими руками:

— погоди! Дай я погляжу на тебя, грязный поросенок, возмечтавший родить слона; ворона, собравшаяся превратиться в феникса! Морда у тебя гладкая, речи красивые, вроде бы похож на человека, а на самом деле — просто ублюдок! Стыда у тебя нет! Выслужился и позоришь мою плоть и кровь. Я не побоюсь, что ты родственник императора, учебный инспектор. Думаю, тебя не поглядят по головке за то, что ты насилуешь простых девушек. Пусть о моем позоре станет известно, но уж тебя-то я отправлю в квартал — там рассудят!

Чжу Пу, которого отнюдь не устраивала подобная перспектива, стал умолять старуху отпустить его:

— Придумайте мне какое угодно наказание, только честь поберегите!

Чжуэр также стала упрашивать мать сжалиться. Старуха помедлила минуту.

— Даже если я соглашусь, отец вас все равно не помилует!

— Отец спит,— промолвила Чжуэр.— Не говори ему, и все.

Старуха холодно засмеялась.

— Да ты понимаешь, что несешь? Это не так просто!

— Я готов сделать все, что вы прикажете,— повторил Чжу Пу.

Старуха задумалась.

— Ладно, если выполнишь три моих условия, буду молчать.

— Не только на три, на триста согласен! — поспешно воскликнул Чжу.

— Ну так вот. Раз ты мою дочь опозорил, ты обязан на ней жениться. Есть у тебя жена или нет, а моя дочь должна считаться старшей женой, а не наложницей.

— Это можно,— согласился Чжу Пу.— Моя жена недавно умерла.

— Далее,— продолжала старуха,— если хочешь, чтоб дело не получило огласки, ты должен выложить четыре тысячи серебром. И, наконец, кормить и одевать меня и моего мужа до самой смерти. Если согласен на эти три условия, я тебя отпущу и постараюсь выгородить вас перед стариком.

— На все готов,— сказал Чжу Пу,— только отпустите скорее.

— Ну, это еще рано,— возразила старуха.— Вам, чиновникам, стоит лишь отвернуться, как человека не признаете. Но меня не проведешь,— пиши расписку!

— Да вы отпустите меня, как же я могу писать?!

Старуха разжала руки, и Чжу Пу, потеряв равновесие, чуть не полетел на пол. Воспользовавшись этим, Чжуэр выскользнула из спальни, словно дымок на ветру.

Чжу медленно оделся и, понукаемый старухой, написал брачное свидетельство на вечные времена. Старуха взяла его и, довольная, удалилась.

Матросы слышали, как старуха ругалась с инспектором, и, несмотря на то, что подобные истории происходили на лодках довольно часто, Чжу Пу не удалось урезонить болтунов. Когда экзамены закончились и Чжу вместе с Чжуэр вернулся в Чанчжоу, поднялось еще больше пересудов: теперь уже решительно все знали, как господину инспектору всучили в жены проститутку с «прогулочной» лодки, и многие любители посплетничать слагали на эту тему язвительные стишки. Чжу Пу

оставалось лишь делать вид, что он ничего не замечает. Нужно, однако, сказать, что Чжуэр, как всякая женщина легкого поведения, была весьма искусна и в любви, и в пении, и в игре на музыкальных инструментах. Чжу Пу чувствовал себя счастливым и не раскаивался в случившемся.

Получив в один прекрасный день известие о военном поражении и ссылке его покровителя Чжуан Юпэя, он вспомнил, что в свое время многим насолил, а теперь у людей был повод злословить на его счет, и они вряд ли его пощадят! Чем доставлять радость врагам и допускать, чтобы они строчили доносы, не лучше ли честно заявить о своих проступках? По крайней мере, он заслужит репутацию человека, не считающегося с мирскими предрассудками. Приняв такое решение, Чжу Пу составил доклад трону, в котором подробно описал, как он, забыв о своем служебном положении, сблизился с гетерой. Разумеется, тотчас последовал указ о смещении его с должности, и Чжу погрузился в беззаботное существование. Дождавшись своего преемника, он захватил Чжуэр и отправился с ней в прогулку к Шести мостам и Индийской горе. Побывал у Приюта диких гусей, на Небесном плоскогорье, затем по реке Цяньтан добрался до дворца Тэнского князя *. Отсюда он свернул в район Цзюцзян, собираясь поехать на пароходе в Шанхай и Пекин. Он никак не ожидал, что во время прогулки по реке Синьцзян, развлекаясь с Чжуэр пением и игрой на флейте, встретит Цзинь Вэньцина!

Цзинь уже слышал кое-что об истории, приключившейся с Чжу Пу, но сейчас, когда тот пересел к нему в лодку, стал расспрашивать о ней подробно, и Чжу изложил ему все от начала до конца.

Слушая его рассказ, Цзинь Вэньцин не переставал вздыхать.

— Да, выдающихся людей обуревают сильные чувства,— сказал он.— Никто из нас не минует заставы страстей и моря желаний. Счастлив только тот, кто может породниться с любимым человеком, а от славы, богатства и знатности пользы, как от чучела собаки! Надо выпить за вас полную чашу вина!

Чжу Пу обрадовался и стал играть с Цзинем и его сослуживцами в угадывание пальцев *. Они веселились до тех пор, пока луна не скрылась за зубцы гор и лодка не причалила к берегу.

Тут они увидели слугу с пакетом в руках, который быстрыми шагами направился к лодке. Цзинь Вэньцин удивленно спросил, откуда депеша.

— Из Наньчана,— ответил слуга.

Цзинь вскрыл пакет и прочел:

«Начальник области Цзюцзян имеет честь передать учебному инспектору господину Цзиню следующее: из Сучжоу получено известие о том, что 13 августа в шесть часов вечера скончалась ваша матушка, госпожа Чжао. Вас просят срочно вернуться для исполнения необходимых церемоний».

Цзинь Вэньцин был поражен этими строками словно громом и, не стесняясь присутствия людей, громко разрыдался. Чжу Пу и сослуживцы наперебой принялись успокаивать его, прося «поберечь себя для отечества».

Цзинь пожелал в ту же ночь выехать в Наньчан; никакие уговоры не помогали. Что же касается Чжу Пу, то он, распрощавшись с Цзинь Вэньцином, провел еще несколько дней в безделье, а затем сел вместе с Чжуэр на пароход и поплыл в Шанхай.

В Шанхае он полюбовался на иностранные дома и поехал в Пекин, чтобы по-прежнему играть роль знаменитого ученого маньчжурской империи. Здесь наше повествование раздваивается: мы будем рассказывать о Цзинь Вэньцине, который спешно вернулся в Наньчан и подал двору прошение о траурном отпуске*. Двор, конечно, тотчас прислал человека ему на замену.

Цзинь Вэньцин привел в порядок свои служебные дела и вместе с семьей ночью выехал в Сучжоу. Здесь он устроил пышные похороны: церемония длилась целых два месяца. Вряд ли необходимо говорить о том, что все траурные обряды были соблюдены до конца. По прошествии ста дней он вышел из дому, чтобы выразить благодарность людям, принесшим ему соболезнования. Кроме того, он предполагал навестить старых друзей и родственников. Таким образом, хотя Цзинь Вэньцин вернулся на родину богатым и знатным, он по-прежнему хранил благоговейное уважение к родным тутам и кипарисам. Это было одним из его достоинств.

С тех пор как Цзинь получил степень и съездил в отпуск домой, прошло уже свыше десяти лет. Горы и холмы остались прежними, но старшее поколение друзей уже вымерло. Он вспомнил, как в прошлый его приезд старый дядя Фэн Гуйфэнь дал ему полезное

напутствие. Слова дяди еще звучали в ушах Цзинь Вэньцина, а на могиле старика уже выросли деревья в человеческий обхват. Конечно, за эти годы, следуя дядиному совету, он узнал о многих странах, познакомился с существующими между ними отношениями, но ему так и не удалось применить то, чему он научился, отплатить родине за все ее благодеяния и успокоить старого друга, покоящегося в земле. При этих мыслях Цзинь Вэньцин невольно вздохнул.

С древности говорится: «Когда тебе весело, сетуешь, что ночь коротка, но когда пребываешь в печали, досадуешь, что она слишком длинна». Цзинь Вэньцин привык к обществу: частые беседы с друзьями-чиновниками, визиты к знакомым и пиры отвлекали от скуки. Отсюда понятно, как тяжело для него было одиночество сейчас, когда ему приходилось безвылазно сидеть дома. Только старый земляк Пань Цзэнци, «великий благотворитель» Се Цзефу да Бэй Юцзэн изредка приходили, чтобы развеселить его. Но поистине: во тьме зарождается свет, а в покое рождаются мысли. Так случилось и с Цзинь Вэньцином: тоскливые мысли вызвали переворот в его жизни подобно тому, как на опущенный полог ветер приносит пушинки ивы или как пишущая кисть оставляет за собой следы — иероглифы.

Но не будем говорить загадками. Скажем лучше, что первая, самая тяжелая часть траурного срока наконец истекла. Настал день поминовения усопших, когда ласково светит солнце и дует нежный ветерок. Согласно установившемуся обычаю, каждый год во время трех крупнейших праздников * в окрестностях Сучжоу устраивались гуляния, на которые валом валили разодетые жители. Большое озеро площадью более десяти ли сплошь покрывалось расписными лодками. Всюду царило веселье.

В этот день Цзинь Вэньцин одиноко сидел в своем кабинете и скучал, как вдруг пришел Се Цзефу. Цзинь поспешно поднялся ему навстречу. Пока они беседовали, один за другим показались Бэй Юцзэн и Пань Цзэнци.

— Сегодня за городскими воротами необыкновенное оживление,— сказал Бэй Юцзэн.— Почему бы тебе не сходить туда и не рассеяться?

— Я с детства насмотрелся на все это, даже вспоминать не хочется! — ответил Цзинь Вэньцин.

— Ты ведь больше десяти лет не видел подобных зрелищ,— возразил Пань Цзэнци,— а за это время пруд

стал еще чудеснее, да и люди стараются украсить пейзаж. У некоторых лодки с разноцветными фонарями, убранные просто на удивление. Фейерверки замечательные...

— Тем более что на сегодня я нанял лодку у старого Чэня,— вставил Се Цзефу, не дожидаясь, пока его друг закончит.— Хочу пригласить тебя, Вэньцин, покататься с нами. Ну как, согласишься почтить меня своим присутствием?

— Но ведь я в трауре,— промолвил Цзинь Вэньцин.— Вроде бы неудобно...

Тут Бэй Юцзэн подмигнул Се Цзефу.

— Девушек не будем звать,— начал Се Цзефу.— Со старым Чэнем мы договорились только потому, что его лодка удобнее других и на ней лучше кормят. Разве зазорно повеселиться в праздник?

Все снова принялись уговаривать Цзинь Вэньцина. «В конце концов, это ведь обыкновенная прогулка»,— подумал Цзинь и согласился.

Поднявшись на борт, они увидели, что лодка со всех сторон украшена разноцветными шариками и свежими цветами. В каюте сидело прелестное существо с лютней в руках.

— Брат Вэньцин, а ведь мы заташили тебя в самый омут! — захохотал Бэй Юцзэн.

Цзинь Вэньцин собрался что-то ответить, но Се Цзефу опередил его:

— Не слушай глупых шуток! Это хозяйка судна. Разве можно возжигать куренья в монастыре, выгнав оттуда монаха? Одна она ничего не изменит!

— Без девушек все настроение испортится,— возразил Пань Цзэнци.— Пусть Вэньцин не зовет их, раз хочет до конца выполнить свой долг перед матерью, а мы здесь ни при чем!

Цзинь Вэньцину было трудно идти против общего желания. «Я ведь тоже не особенный моралист,— подумал он.— Стоит ли ради соблюдения внешних приличий лишать людей удовольствия?» И он не стал больше возражать. Все обрадовались, и каждый вызвал себе по девушке.

Когда лодка уже собиралась отчаливать, на борту появился еще один гость, который заглянул в каюту и поздоровался с Цзинь Вэньцином.

Это был Куан Чаофэн, сослуживец Цзиня, недавно ездивший в отпуск домой. Увидев, что вся каюта за-

полнена изумительными созданиями в бирюзе и жемчугах, он обратился к присутствующим:

— У всех есть спутницы. Почему же мой старший коллега обречен на одиночество? — Не дожидаясь ответа, Куан кивнул: — А! Понимаю, понимаю. Он первым выдержал экзамен, поэтому его способна удовлетворить только первая красавица! Сейчас мы что-нибудь придумаем! — Куан Чаофэн запрокинул голову, закрыл глаза и неожиданно всплеснул руками:

— Есть! Есть такая!

— Кто? — заинтересовались все.

— Очаровательное существо с красотой женщины и умом мужчины, словно созданное самим небом для господина Цзиня! И вы еще не можете догадаться?!

Гости окончательно были сбиты с толку, Цзинь Вэньцин оторопел, даже девушки не понимали, кого имеет в виду новый гость. Вдруг Куан Чаофэн показал жестом на берег:

— Вон, видите паланкин? В нем сидит Фу Цайюнь из квартала Даланцяо, только что увенчанная лаврами первой красавицы.

Цзинь Вэньцин невольно повернул голову и... Если бы он не сделал этого, быть может, не произошло бы многих событий, описанных в книге! Но он обернулся и увидел, что в паланкине сидит девушка лет четырнадцати — пятнадцати, не слишком высокая и не слишком низкая, не полная, но и не худая, с овальным лицом, похожим на дынное семечко, и кожей, напоминающей цветок персика. Ее тонкие брови были чуть нахмурены, красивые глаза полузакрыты.

Цзинь Вэньцину показалось, что они уже где-то встречались. Фигура девушки была полна невыразимого очарования, а лицо неудержимо притягивало к себе. Сердце Цзиня прыгало, словно олененок. Странно, но девушка, увидев Цзинь Вэньцина, тоже прильнула к стеклу паланкина и смотрела на него не отрываясь. Наконец паланкин скрылся из глаз, и оба потеряли друг друга из вида.

Все улыбнулись, глядя на растерянное, словно заворуженное лицо Цзинь Вэньцина. Куан Чаофэн хлопнул своего сослуживца по плечу:

— Ну, какова красотка?!

Цзинь испуганно вздрогнул.

— А вблизи она еще лучше! — с лукавой усмешкой прибавил Се Цзефу.

Взяв лист дорогой почтовой бумаги, он тут же написал на нем приглашение и приказал лодочнику подождать с отплытием, пока не явится Цайюнь.

Цзинь Вэньцин был настолько потрясен, что предоставил друзьям возможность действовать и не произносил ни слова.

Через некоторое время в каюту вбежал Куан Чаофэн.

— Выходите скорее смотреть на новую лауреатку!

Цзинь поднял голову и увидел девушку, которая величественно и грациозно сошла с паланкина, опираясь на плечо красивой служанки. Она медленно поднялась на лодку.

Итак:

Есть в мире девушка одна,
Таланты чьи непревзойденны,

На всех пяти материках
Соперниц нет у ней достойных.

Когда в канун весенних дней
Она плыла на корабле,

Влекумы к юной красоте,
Плескались лебедями волны.

Если хотите знать, действительно ли это была Цайюнь, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СТРЕМЯСЬ ИЗБЕЖАТЬ ПЕРЕСУДОВ,
ЛАУРЕАТ ТАЙНО СОЕДИНЯЕТСЯ С КОРОЛЕВОЙ КРАСОТЫ.
БЛАГОДАРИ ИМПЕРАТОРСКОМУ УКАЗУ
НАЛОЖНИЦА ВРЕМЕННО ЗАНИМАЕТ МЕСТО ЖЕНЫ

Пока Цайюнь в сопровождении служанки поднималась на лодку, Куан Чаофэн сделал всем знак молчать.

Служанка Цайюнь хотела спросить у сидящих в лодке, кто пригласил ее госпожу, но та оборвала ее на полуслове, с улыбкой подошла к Цзинь Вэньцину и села на изогнутый стул, стоявший подле него. Все зашумели.

— Странно! — воскликнул Се Цзефу. — Они словно заранее сговорились!

— Да, — подтвердил со смехом Пань Цзэнци, — не иначе как они сделали это еще в предыдущей жизни!

Куан Чаофэн, улыбаясь, продекламировал:

Увы, нет фениксовых крыльев
на теле у нее,
Но в сердце есть единорога
волшебное чутье!

Цзинь Вэньцин понимал толк во встречах под лунной *. В шуточных разговорах о любви он никому обычно не уступал, но на этот раз, при виде Цайюнь, сердце его запрыгало, точно десять тысяч коней и тысяча обезьян. Он был и встревожен и обрадован. Слова Пань Цзэнци о том, что они условились о встрече еще в предыдущей жизни, отвечали самым сокровенным его мыслям. Цайюнь тоже, сама не зная почему, едва ступив на лодку, не стала ни о чем спрашивать и направилась прямо к Цзинь Вэньцину. Теперь, когда гости стали подшучивать над ними, она смутилась и, опустив голову, молча теребила платочек.

— Нам, наверное, пора ехать? — наконец выдавил из себя Цзинь Вэньцин.

Се Цзефу приказал отчалить и приготовить угощение. Поскольку в каюте нужно было устанавливать столы и стулья, гости поднялись и отправились на нос. Некоторые, усевшись на перила, разглядывали проплывающие мимо лодки, другие нашептывали на ухо девушкам разные нежные слова. Цзинь Вэньцин тоже хотел выйти, как вдруг Цайюнь тихонько потянула его за полу одежды, прошла в соседнюю каюту и села на край постели. Цзинь Вэньцин послушно следовал за ней. Они сидели рядом, плотно прижавшись, и им казалось, что они должны высказать друг другу много душевного. Однако он смотрел на нее, она на него, и оба лишь улыбались как замороженные.

После долгого молчания Цзинь Вэньцин неожиданно спросил:

— Ты знаешь, кто я?

Цайюнь вздрогнула:

— Ваше лицо мне очень знакомо, только я не могу вспомнить фамилии и имени!

Цзинь Вэньцин подробно рассказал ей о себе. Цайюнь задумалась.

— Моя содержательница знает вас.

— Сколько тебе лет? — спросил Цзинь.

— Пятнадцать.

На лице Цзинь Вэньцина отразилось напряжение. Он взял Цайюнь за руки, внимательно взгляделся в нее, и вдруг жгучие слезы брызнули у него из глаз.

Тогда считал я пустяком
свои деянья,
А после охватило вдруг
меня раскаянье! —

продекламировал он.

Цайюнь испуганно взглянула на Цзиня и своим платочком начала утирать ему слезы.

— Почему вы плачете? — спросила она, но сердце ей вдруг кольнуло что-то вроде неясного воспоминания, и она чуть сама не разрыдалась.

Снова окинув Цайюнь взглядом, Цзинь Вэньцин тихо произнес:

Тосковали мы, и с нами вместе
и земля и небеса тужили,
А теперь друг друга не узнали,
повстречались как совсем чужие!

— Ты не представляешь, Цайюнь, как мне тебя жаль!

Девушка ничего не могла понять.

— Зачем печалиться? — прошептала она, прильнув к Цзинь Вэньцину.— Когда прогулка кончится и все разойдутся, мы с вами увидимся. Я очень многое хочу у вас спросить!

Цзинь Вэньцин кивнул. Внезапно за дверьми раздался голос Куан Чаофэна:

— Скорее идите к нам, еще успеете наговориться!

Цзиню и Цайюнь пришлось выйти. Столы уже были накрыты. Се Цзефу, разливавший вино, просил гостей садиться. Те скромничали и уступали друг другу самые лучшие места. В конце концов по общему решению Бэй Юцзэна посадили на почетное место, как приезжего, Пань Цзэнци сел на второе место, а Цзинь Вэньцин — на третье.

Мелькали браслеты и заколки, нежно щебетали женщины, чаши с вином поднимались и снова наполнялись. Тем временем лодка подплыла к Дамбе господина Бо * и остановилась под тенью ив, возле могилы Маленькой Су. Вечернее солнце, красное как румяна, медленно опустилось за Тигриный холм. Разом зажглись разноцветные шелковые фонари, и лодка стала походить на Город, не знающий ночи *. Гости играли в выбрасывание пальцев, отгадывали загадки. В самый разгар веселья Куан Чаофэн сказал:

— Мы сегодня встретились как будто специально для того, чтобы соединить двух лауреатов: в литературе и в красоте. В связи с этим я придумал новые правила застольной игры, которые позволят нам выпить побольше вина за их счастье!

Все стали просить скорее рассказать об этих правилах.

Куан Чаофэн указал на Цайюнь:

— В честь королевы красоты я называю их «Правилами Цайюнь»! Каждый играющий должен сочинить по стихотворению, в котором использовались бы названия арий, строки из «Пионовой беседки» * и «Книги песен». Если стихотворение получится без рифмы, автор его пьет три штрафных чарки. Придумавшего удачную рифму каждый поздравляет, выпивая одну чарку. Для завершения стиха нужно вспомнить фразу танского поэта, в которой встречались бы иероглифы «цай» и «юнь» *. Затем начинаем считать слова этой фразы в том порядке, в каком сидим. Те, на кого упадут слова «цветной» и «облако», пьют по чарке. Последний продолжает игру.

— Великолепно! — зашумели гости.— Только уж слишком трудно.

— Для чего вам понадобилось склонять мое имя? — попробовала возразить Цайюнь.

— Это уж наше дело,— сказал Куан Чаофэн.— Правила застольной игры так же строги, как военный приказ. А ты ведь знаешь: кто нарушил приказ, наказывается!

Цайюнь рассмеялась и, опустив голову, умолкла.

— Ну, я начну первый,— сказал Куан Чаофэн и продекламировал:

Даже в лунном дворце
Хорошо ли гостям от зари вдалеке?
А не лучше ли в лодку собраться,
И плыть по реке,
И скитаться бесцельно в тиши?..

Стихотворение было встречено возгласами одобрения.

— И ко времени и к месту! — вскричал Бэй Юцзэн.— Мы с радостью выпьем за тебя. Говори теперь концовку!

Куан Чаофэн произнес:

На радужное облако взирая,
Чтобы на нем увидеть Сяоши! *

Начали считать. Пить пришлось Цзинь Вэньцину и Бэй Юцзэну.

— Прошу бессмертного Сяоши выпить за себя и свою подругу,— промолвил Куан Чаофэн, наливая вина Цзинь Вэньцину,— сил прибавится, а то еще, путешествуя в облаках, свалитесь со спины своего дракона!

Цзинь Вэньцин уже хотел поднять чарку, но Цайюнь схватила его за руку:

— Нечего пить за такие вещи!

Куан Чаофэн захохотал:

— Смотрите, как они быстро привыкли друг к другу!

— Ладно тебе! Дай продолжить игру! — остановил его Бэй Юцзэн и продекламировал:

На пышных кудрях —
Украшений сиянье,
Сколь радостно это свиданье!
Ты мужу сулишь долголетье...

— Красиво и в то же время предсказывает счастье! — заговорили гости.— Надо поздравить его.

— Пейте скорее! — воскликнул Бэй Юцзэн.— Осталась еще последняя фраза.

И он произнес:

Хотел бы, на флейте играя,
В цветных облаках полететь я!

Слово «цветных» упало на Цзинь Вэньцина, а «облаках» — на Куан Чаофэна.

— Еще поздравительного вина не выпили, а от меня нового стихотворения требуете,— заворчал Чаофэн. Все осушили свои бокалы.— Вот придумал игру на свою голову... На этот раз Цзянь Янь истощился*.

— Раз не можете придумать, пейте штрафные! — воскликнула Цайюнь.

Куан Чаофэн пожал плечами.

— Ладно, есть. Вот послушайте, а то помедлишь немного, и уже заставляют штрафные пить! С вами опасно!

— Ну говори же,— засмеялся Цзинь Вэньцин.

Куан произнес:

Вчерашней ночью с облаков
Донесся аромат густой,
Упряжкой управлял святой,
Он в терем мчался золотой,
Кричали фениксы: «Сой-сой!..»

Последнее двустипшие было:

Гляжу: цветные облака
Плывут над головой...

Выпить пришлось Бэй Юцзэну и Цзинь Вэньцину.
Ему же полагалось продолжать игру.

— Стихотворение Куан Чаофэна предсказывает, что Вэньцину суждено отправиться в столицу и получить повышение,— молвил Се Цзефу.— Скорей налейте вина: надо его поздравить!

— Все время заставляете меня пить,— запротестовал Цзинь Вэньцин.— Это просто надувательство!

— Я выпью за тебя! — прошептала Цайюнь и, подняв чарку, одним глотком осушила ее. Все восторженно захлопали в ладоши.

— Вы дурака валяете или играете? — притворно нахмурился Цзинь Вэньцин и начал следующее стихотворение:

Боюсь, что с облаком уйдут дожди,
Прекрасная Нянь Ну! *
С тобой до смерти б жить!

— Учти, Цайюнь, господин Цзинь обещает прожить с тобой до самой смерти! — начали подшучивать гости.

Цайюнь отвернулась, сделав вид, будто ничего не слышит.

Ты улетишь, как облако цветное,
А мне останется тужить! —

с улыбкой закончил Цзинь Вэньцин.

— Если вас это беспокоит, найдите крепкую веревку и привяжите ее за подол,— улыбнулся Куан Чаофэн.— Посмотрим, куда она тогда улетит!

Цайюнь бросила на него сердитый взгляд.

— Се Цзефу и Бэй Юцзэн должны выпить,— сказал Вэньцин.

— Опять мне начинать! — закричал Бэй Юцзэн.— Вот что я скажу:

Взмыла в небо над морем она,
Словно луна
Обходя облака,
Жаль, что дорога на родину
Так далека!
Время проходит —
Она еще странствует где-то...

— Что это ты вдруг заговорил о чужих краях? — воскликнул Пань Цзэнци.— Неужели ты не боишься, что Цайюнь продует морским ветром? Тогда господин Цзинь умрет с тоски!

— А ты разве не знаешь, как хорошо Вэньцин разбирается в иностранных делах? Может статься, вскоре его назначат послом за границу! Это великолепное предсказание!

Все стали торопить Бэй Юцзэна с последней фразой.

— В танских стихах, пожалуй, уже не осталось ни одной строчки, в которых были бы иероглифы «цай» и «юнь»! —отнекивался тот. Наконец после долгого раздумья он произнес:

— Нашел!

...И разноцветное облако вздрогнуло,
Песня лазоревой лютни пропета!

Цзинь Вэньцин посчитал про себя и увидел, что очередь снова падает на него. Не дожидаясь, пока Бэй Юцзэн кончит, он поднял бокал.

— У меня готово заключение! — сказал он, выпивая вино.

Муж и жена на лазоревом облаке,
Как на картине, красивы их ликов черты,
Встали на башне,
Глядят с высоты:
Ветер и дождь,
Непроглядная мгла...

Для последней строки он выбрал фразу:

Ветру не трудно цветные раздуть облака,
Ломка, хрупка
Броня из стекла.

— Вэньцин,— сказал Куан Чаофэн.— Таким печальным стихом нехорошо кончать игру. К тому же Цзэнци еще ни разу не говорил. Попросим его завершить.

— Я уже разучился, пощадите! — взмолился Пань Цзэнци.

— Давай скорее кончай свои церемонии и говори последнее стихотворение! — потребовал Се Цзефу.

Пань Цзэнци понял, что ему не отвертеться. Подумав, он начал декламировать:

Дождя и облаков следы
Только что пропали,
И вот уже весна цветет
В яшмовом зале.
Веселый разговор и смех —
Развеяна тоска...—

и добавил последнюю строку:

...Красавицы проходят через мост,
Их платья как цветные облака...

Все осушили чарки.

— Мы уже изрядно выпили,— проговорил Цзинь Вэньцин,— пора приступать к горячим закускам!

Куан Чаофэн извлек из-за пазухи золотой брегет и нажал на кнопку. Часы прозвонили десять раз.

— Да,— подтвердил он,— нужно проводить наших лауреатов домой. Пусть лодочник поворачивает назад, а то они упустят самое приятное время. Это не шутки!

Цайюнь, притворившись рассерженной, ткнула в него пальцем:

— Я вижу, вы очень красноречивы, господин Куан, а поэтому поручаю вам уговорить господина Цзиня прийти сегодня ко мне. Если он не придет, я с вас спрошу!

— За это я согласен отвечать! — воскликнул Куан Чаофэн.— Я ручаюсь не только за то, что он придет, но и за то, что ты будешь у него.

— Где я буду? — переспросила Цайюнь.

— В доме господина Цзиня, что находится в переулке Круглый пик,— уточнил Куан.

Цайюнь фыркнула. Под разговоры и смех пир незаметно кончился, и лодка причалила к пристани, где гостей ждали паланкины. Служанка Цайюнь, поддерживая свою госпожу, повела ее к трапу. Вдруг Цайюнь обернулась и крикнула Цзинь Вэньцину:

— Господин Цзинь, идите сюда, я хочу вам кое-что сказать.

Но когда тот подошел, девушка оглядела его, помедлила мгновение и рассмеялась.

— Нет, не буду ничего говорить. Дома все скажу! С этими словами она села в паланкин и уехала.

— Однако эта девчонка знает толк в людях! —

прищелкнул языком Куан Чаофэн.— Едва успела увидеть вас, как влюбилась без памяти и даже не скрывает своих чувств. Вы уж не обманите ее надежд!

Цзинь Вэньцин еле заметно улыбнулся, поблагодарил Се Цзефу и сошел на берег.

Как вы думаете, могли ли Цзинь Вэньцин и Цайюнь после описанной встречи не увидеться снова? А когда Цзинь пришел к ней, могла ли Цайюнь не оставить его ночевать? Возле богатой занавески под роскошным пологом они поведали друг другу самое сокровенное. Ведь когда Вэй Чжуан * был еще не стар, он без памяти влюбился в Юйсяо, а Ду Му *, возвратившись в Янчжоу, видел не один сон с Цзыюнь. Не стоит и говорить о том, что сердца первого ученого и первой красавицы слились воедино: на шкатулке с драгоценностями они дали друг другу клятву в вечной любви *.

Между тем Куан Чаофэн, рекомендовавший девушку Цзинь Вэньцину, увидел, как сильно она ему понравилась, и был уверен, что Цзинь не упустит случая побывать у нее. На следующее утро Куан отправился в квартал Даланцяо и проник в дом Цайюнь с черного хода. Привратник хотел доложить о приходе гостя, но Куан знаком приказал ему молчать, тихонько поднялся по лестнице и толкнул дверь в комнату. На кане одевалась служанка, которая только что встала. Увидев Куан Чаофэна, она тихо произнесла:

— Господин Куан, почему вы так рано?!

— Тише,— поспешно остановил ее Куан Чаофэн.— Я только хотел спросить тебя: господин Цзинь здесь?

Служанка указала губами на дверь, ведущую в спальню, и улыбнулась:

— Они еще спят!

Куан Чаофэн присел за письменный стол, стоявший возле окна. Служанка встала и пошла за чаем. Скосив глаза, Куан увидел на столе лист розовой бумаги, на котором четким почерком были написаны четыре стихотворения:

Среди гор и цветов —
Расписные нарядные лодки,
Там, за дамбою Бо,
Травы буйные все зеленей...
Как блаженно звучал
Флейты праздничной голос далекий!
Как сверкали на озере
Десять тысяч вечерних огней!

Мы всю ночь до рассвета
Осушали задранные чаши,
Скоро свечи погаснут,
И весна станет сказочным сном.
Так задернем же пологом
Ложу брачное наше —
Пусть луна одиноко
Плывет в этом небе ночном!..

Мерно лодки качаются,
Гладь речную слегка потревожив,
Отчего, отчего же
Пыль окутала брачное ложе?
У моста Сыбайция
До утра мы гуляли
И у лотосов чистых
Лепестки обрывали...

Чиста Сучжоуская дева —
Подобна чистому ручью,
Как Чжан Чучэнь, она красива,
И, как Сюэ *, она умна...
Задернул полог темной ночью,
Достал огня, зажег свечу,
И низошла на наше ложе
В любовном облаке весна!

Пером я сделал первый росчерк —
И кровью ложе обагрил,
Под дробный грохот барабана
Я смял в своих руках бутон.
Но вспомнил, как в былые годы
Другую деву я любил,—
И вдруг нахлынувшей волною
Меня объял яньтайский сон! *

Посаженная мною конопля
С двойными листьями растет все выше,
А на бобах, воскресших к новой жизни,
Поныне плети старые свежи.
В четвертом месяце у заводи Хэнтан
Кукушки гулкий голос я услышал,
Друзья меня уговорили утром
Уплыть на лодке с юною Си Ши *.
Хань Чжун в прошедшей жизни клятву дал,
А в этой жизни сам ее нарушил,
И с этих пор во сне к нему приходит
Цзыюй * — печальна, как ночная тень.
Теперь осталось только говорить.

Но разве горе выскажешь, заглушишь?
И, опершись на гладкие перила,
Играю на свирели целый день...

* * *

Флейта-феникс тихо плачет,
Челн летит волнам навстречу,
На луну с земли взирая,
К небу тянутся цветы.
Слезы — капли дождевые —
Окропили твой подсвечник,
Слезы зеркало омыли —
Слезы не удержишь ты...

В башню, в келью Сяоцяо *,
Вдруг проник восточный ветер *.
На халате синем сохло
Много одиноких слез,
Но надежду не развеял
Красной свечки теплый пепел:
Этот пепел жив покуда,—
Не сковал его мороз!

От мелодий южных песен,
От любовных нежных песен
Стал угрюм я и печален,
Я большой тоской объят...
Но... казавшаяся мертвой,
Ты вернулась! Ты воскресла!
Вдаль умчавшаяся утка,
Возвратилась ты назад! *

Прочитав эти выразительные стихи, Куан Чаофэн подумал, что Цзинь Вэньцин никогда еще не писал ничего подобного. В этот момент он заметил под стихами строчку мелких иероглифов: «Символические стихи, посвященные старой подруге Цайюнь». «Он ведь впервые встретился с Цайюнь,— удивленно подумал Куан,— почему же называет ее своей старой подругой? Может быть, стихи написаны не им? Да нет, это явно его почерк!»

Пока он терялся в догадках, служанка внесла чай.

— Когда пришел господин Цзинь? — улыбаясь, спросил ее Куан.

— Он пожаловал еще вчера, сразу вслед за моей госпожой. Они долго пили вино, потом всю ночь разговаривали.

— А ты слышала, о чем они говорили?

— Я не очень поняла их речи. Да! Господин Цзинь

сказал, будто моя госпожа лицом точь-в-точь напоминает его прежнюю подругу, которая из-за него погибла. А в тот год, когда она умерла, как раз и родилась моя госпожа.

Едва служанка произнесла эти слова, как из спальни донесся голос Цайюнь:

— Ацяо! С кем ты шепчешься?

Служанка, высунув язычок, игриво взглянула на Куан Чаофэна.

— Господин Куан пришел навестить господина Цзиня!

В спальне раздался приглушенный шепот, затем послышался шорох одежды, и Цайюнь с распущенными волосами показалась в дверях гостиной. Увидев Куан Чаофэна, она улыбнулась:

— Пожалуйста, проходите! Вы вчера так напоили господина Цзиня, что он заболел.

Сказав это, она отправилась в другую комнату, чтобы причесаться и умыться.

Куан Чаофэн, улыбаясь, перешагнул порог спальни и увидел Цзинь Вэньцина, лежащего поперек кушетки для курения опиума; рядом валялось сбитое в кучу одеяло. Заметив гостя, Цзинь сел и приветствовал его.

— Поздравляю, поздравляю! — подойдя поближе, произнес Куан.

— Довольно издеваться! — усмехнулся Цзинь Вэньцин.— Садитесь, пожалуйста. Я хочу поручить вам одно дельце, не знаю, согласитесь ли?

— Можете не пояснять, старший коллега,— перебил его Куан Чаофэн.— Ведь вы имеете в виду девушку, красивую, как Чжан Чучэнь, и талантливую, как Сюэ Тао?

Цзинь Вэньцин был поражен.

— Неужели вы прочли эти фривольные стихи? Тогда вам ясны мои намерения.

— На этот счет в заведениях есть свои правила,— заметил Куан.— Нужно послать опытного человека для переговоров, чтобы не попасться на удочку содержательницы. У меня есть знакомый по имени Дай Босяо, очень энергичный. Позвольте поручить это дело ему.

— Но ведь я еще в трауре,— как-то неловко заниматься подобными вещами. К тому же могут пойти всякие разговоры!

— Это легко уладить. Нужно договориться с содержательницей, поселить девушку где-нибудь тайком

от жены, а когда срок траура кончится, вы поедете в Пекин и сможете ввести ее в свой дом. Оба зайца будут убиты разом.

Цзинь Вэньцин кивнул.

— Ну раз так, мне остается только просить вас взять это дело на себя! Вчера вечером я даже не заходил домой, поэтому сегодня мне следует вернуться пораньше, чтобы не вызывать подозрений у жены!

Он оделся, распрощался с Куан Чаофэном и спустился с лестницы.

Куан тотчас отправился к Дай Босяо и поручил ему связаться с содержательницей. Та, разумеется, долго торговалась, но под конец все же согласилась отпустить девушку за тысячу юаней.

Затем Дай вызвал к себе отца Цайюнь, который служил носильщиком паланкинов. Боясь, что в дальнейшем могут возникнуть недоразумения, Дай Босяо дал отцу девушки двести юаней и заставил его написать расписку. На всю эту операцию пришлось потратить два дня, после чего Дай явился к Цзинь Вэньцину и обо всем рассказал. Нет необходимости говорить о том, как обрадовался Цзинь. С этого времени дом в квартале Даланцяо стал его второй квартирой, — не было дня, чтобы Цзинь Вэньцин не приходил сюда, — и любовники слились, словно сплавленные огнем.

Время летело быстро, как стрела. Незаметно у Цзинь Вэньцина кончился срок траура. Он уже несколько раз порывался рассказать обо всем жене, однако доводов у него явно не хватало, и он продолжал хранить молчание. Ему пришло в голову, что лучше сначала съездить в Пекин, а там уже искать подходящий случай для разговора. Своим планом он поделился с Цайюнь — та не возражала.

Он поехал в столицу и доложил об истечении траурного отпуска. В тот же день его вызвали во дворец и назначили статс-секретарем Императорской канцелярии *. С тех пор как Цзинь Вэньцин выехал в провинцию в качестве учебного инспектора, он уже несколько лет не видел Пекина. За это время обстановка в столице сильно изменилась. Придворные наслаждались миром и покоем, проводя время в развлечениях, несмотря на то, что каждый год от страны отпадала какая-нибудь вассальная территория. Япония захватила острова Люцю *, Франция — Аннам, Англия отторгла Бирму *, но Китаю до всего этого не было дела. Он по-прежнему напускал на

себя грозный вид и поддерживал марку Небесной империи. Помнится, в тринадцатом году правления императора Гуансюя * кто-то из академиков даже сочинил гимн «Покорение Франции», отличавшийся богатством стиля и затмивший гимны «Покорение Юньнани», сложенный в эпоху Канси, и «Покорение Сычуани», созданный при императоре Цяньлуэ. Но похвальба похвальбой, а иностранцы оказались очень назойливы, и через несколько лет стало ясно, что дипломатическими отношениями пренебрегать нельзя. Чиновники, сведущие в заморских делах, начали все больше цениться вер-
хами.

Как раз в этот год вельможу Люй Цуйфана, ездившего посланником * в Англию и Россию, собрались отправлять сразу в четыре государства: Англию, Францию, Италию и Бельгию. У сановника Сюй Цзинчэна, который исполнял обязанности посланника в Германии, России, Голландии, Австрии и Бельгии, кончался трехгодичный срок, и его следовало кем-то заменить. Другие видные дипломаты того времени были уже заняты: Юнь Хун, с которым Цзинь Вэньцин познакомился в Шанхае, замещал посланника в Америке, Японии и Перу; Ли Баофэн, только что возвратившийся из Германии, скоро отправлялся в новую страну; Сюй Ин был назначен советником; Ма Чжунцзянь также находился за границей; Люй Цаншу служил советником посольства в Японии, и при дворе уже волновались, что выбирать не из кого. Цзинь Вэньцин, безусловно, явился вовремя. К тому же многие крупные сановники, вроде Пань Цзунъюня и Гун Пина, всячески расхваливали его. Молва о Цзинь Вэньцине росла день ото дня, и двор решил отправить его посланником в Россию и Германию. Как было не порадоваться такому указу!

Цзинь поспешно подал императору благодарственную челобитную, на специальной аудиенции получил соответствующие напутствия и принялся наносить визиты посланникам всех стран. Одновременно он занялся подбором советников, секретарей, переводчиков и других служащих. Куан Чаофэна он сделал советником и своей правой рукой. Вспомнив о заслугах Дай Босяо в деле соединения его с Цайюнь, Цзинь рекомендовал его в сопровождающие и дал ему должность бухгалтера. Попутно он испросил себе двухмесячный отпуск на поездку в Сучжоу и приведение в порядок семейных могил. Двор указом изъявил свое согласие.

Почти одновременно с этим Лу Жэньсян, занимавший должность в Пекине, получил повышение, Цянь Дуаньминь вернулся из Ганьсу и Шэньси, а Хэ Тайчжэнь приехал в столицу по делам службы. Отсутствовал только Го Чжаотин, занимавший должность в провинции.

Старые друзья по очереди устраивали в честь Цзинь Вэньцина прощальные пиры. Как-то раз, когда разговор зашел о дипломатической службе, Цзинь сказал:

— Я человек бесталанный, печать посланника дарована мне по ошибке, и перед отъездом мне хотелось бы испросить совета у вас, господ: как себя вести? На мой непросвещенный взгляд, главной задачей является установление связей с державами и изучение этих стран. Недаром пословица гласит: «Знай других, знай себя, и ты будешь побеждать во всех битвах» *, Мы не можем договориться с другими странами именно потому, что не знаем их! Однако еще больший вред происходит от незнания географии. За примерами ходить недалеко: во время илийского инцидента * иностранцы, воспользовавшись мятежом Биянху *, захватили наши земли, и если бы не усилия Цзэн Цзичжэня, эта территория была бы потеряна нами безвозвратно! Я всегда интересовался географией северо-запада и представляю, в каком хаотическом состоянии находятся китайские записи, относящиеся к пограничным районам. Иноземцы, словно тутовые шелкопряды, тихонько поедающие листок за листком, немало захватили у нас, — и все потому, что мы не знаем точно, где проходят наши границы. Ведь немой, попробовав перцу, не может сказать, как ему горько.

Сейчас, отправляясь в путь, я не смею быть настолько самоуверенным, чтобы надеяться отвоевать какие-либо права для своей страны. Однако географией я усердно занимался несколько десятилетий. Поэтому я надеюсь с помощью собранных мною данных заставить иностранцев строго соблюдать государственные границы и не прибегать больше к обманным трюкам!

Друзья выразили почтительное удовлетворение его словами.

— Вы совершенно правы! — воскликнул Хэ Тайчжэнь. — Именно поэтому, когда я ездил в Гирин, я тоже никак не мог договориться с этими иноземцами. Тогда я пошел по стопам Ма Юаня *, установил на границе медный столб в три сажени высотой и высек на нем памятную надпись, которая видна издали. Эстампаж

с этой надписью выглядит очень древним. Завтра я пришлю его вам — может быть, пригодится...

— Надпись на медном столбе, который установил Тайчжэнь, когда-нибудь будет цениться наравне с текстами древних памятников в честь Могиляна и Кюль-Тегина *, передающимися тысячелетиями! — сказал Цзинь Вэньцин.

Целый день веселились друзья, но Цзинь думал только об одной Цайюнь. Уже почти год они не виделись, и он поспешил выехать из Пекина.

Получив известие о его приезде, начальник шанхайского уезда поспешно отдал распоряжение привести в порядок временный дворец императора, чтобы посланник мог там остановиться. Когда пароход, на котором ехал Цзинь Вэньцин, причалил к пристани, его торжественно встретили гражданские и военные чиновники. Цзинь первым делом отправился к консулам всех государств, затем нанес визиты начальникам шанхайской области и уезда.

Вернувшись к себе, он увидел Куан Чаофэна и Дай Бося, которые лично явились поблагодарить за рекомендацию. Все формальности, связанные с выездом за границу, Цзинь поручил Куан Чаофэну, а заботы по покупке билетов на пароход, сбору вещей, необходимых дипломатической миссии, и прочие дела передал бухгалтеру Даю.

Когда все хлопоты были закончены, Цзинь Вэньцин приказал своему лучшему слуге Афу взять у начальника шанхайской области катер и той же ночью выехал в Сучжоу. Не стоит и говорить, какой нежной и трогательной была встреча супругов. Наконец, успокоившись, они начали говорить о поездке за границу.

— Тебе много придется перенести, дорогая! — сказал Цзинь Вэньцин.— Но у тебя очень слабое здоровье: не знаю, выдержишь ли ты все трудности морского путешествия.

— Об этом не беспокойся,— с улыбкой ответила жена.— Не в трудностях дело. Но я слышала, что по иностранным обычаям жена посла должна принимать гостей, ходить на балы, пожимать руки, целоваться... Я ведь из знатного рода и совершенно не привыкла к подобным вещам, поэтому неплохо было бы найти преданную женщину, которая смогла бы меня заменить!

При этих словах она усмехнулась. У Цзинь Вэньцина дрогнуло сердце, а жена тем временем продолжала:

— К счастью, ты давно уже взял себе наложницу и избавил меня от многих хлопот. Вчера я приказала слугам приготовить для нее комнату. Тебе остается только выбрать счастливый день и привезти ее сюда. Можешь взять ее с собой за океан, а я буду значительно спокойнее чувствовать себя дома!

Цзинь Вэньцин смутился.

— Знаешь, дорогая, это я сделал просто по глупости...— после долгого молчания начал он, но жена не дала ему договорить.

— Не притворяйся,— с серьезным лицом сказала она,— сейчас главное — выбрать счастливый день и привезти ее к нам. Тянуть нельзя, ведь ты облечен императорскими полномочиями и скоро должен выезжать!

Санкция жены придала Цзинь Вэньцину смелости. Узнав, что завтрашний день счастливый, он в ту же ночь велел приготовить угощение для родственников и друзей, а на следующее утро празднично убранный паланкин в сопровождении четырех музыкантов отправился в квартал Даланцяо за новобрачной.

Вскоре перед домом Цзинь Вэньцина послышались звуки флейты, грохот барабанов, треск хлопушек, топот ног, и четыре носильщика в красном медленно поднесли к главному помещению роскошный паланкин, обтянутый зеленым сукном с прорезями в виде облаков и бахромой, свисающей во все стороны. Заранее подготовленные девочки-служанки с красными шелковыми фонарями в руках помогли молодой выйти из паланкина. Высокий головной убор и расшитая накидка, отливавшая всеми цветами радуги, великолепно гармонировали с миндалевидным личиком, персиковыми щеками, черными бровями и вишневым ротиком Цайюнь. Она была просто неотразима. От нее исходил пьянящий аромат, словно от Чанъэ *, покинувшей лунный дворец, или феи, сошедшей с облаков. Всюду раздавались крики изумления и восторга; заполнившие весь зал родственники и друзья стремились протолкаться вперед. Некоторые шептались друг другу, что наряд молодой нарушает этикет. Внезапно из толпы вышла жена Цзинь Вэньцина. Все отпрянуло в испуге, ожидая скандала.

Воистину:

Совсем немудрено
и душу потерять
Тому, кто покорил
красавицу-цветок.

Знать, в прошлой жизни он
добро не зря творил,
Коль в этой заслужить
такое счастье смог!

Кто хочет узнать, для чего вышла вперед жена Цзинь Вэньцина, пусть прочтет следующую главу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ГЕРОЙ, ПОСЛАННЫЙ В ДАЛЕКИЕ СТРАНЫ, ВИДИТ ВРАЧА,
ПРОИЗВОДЯЩЕГО ОПЫТЫ С МАГНЕТИЗМОМ.
ЕГО НАЛОЖНИЦА НАЧИНАЕТ УЧИТЬСЯ У ПРЕЛЕСТНОЙ
ПОДРУГИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Итак, когда гости перешептывались о том, что наряд Цайюнь нарушает этикет, из толпы неожиданно вышла жена Цзинь Вэньцина и твердо произнесла:

— Уважаемые господа! Вы, несомненно, поражены, став свидетелями подобной картины, поэтому я прошу разрешения сказать вам несколько слов. Как вам известно, Вэньцин уезжает за границу, и я должна была сопровождать его. К сожалению, у меня слабое здоровье и я не могу ехать вместе с ним. Наложница, которую он сегодня вводит в дом, заменит меня. К супруге посла будут прикованы взоры всех иностранцев, и я решила, сообразуясь с обстоятельствами, временно уступить новобрачной свое положение знатной дамы. А когда мой муж, выполнив возложенное на него поручение, возвратится, ей, конечно, придется опять занять свое место. Каково ваше мнение, господа?

Все единодушно выразили криками свое одобрение. Тотчас послали за музыкантами, чтобы принести жертвы предкам. Цзинь Вэньцин с женой встали впереди, а Цайюнь поодаль. Когда церемония окончилась, Цайюнь поклонилась супругам, и гости повели ее в комнату новобрачной. Цзинь был так обрадован исходом дела, что в сердце у него распустились цветы, а мысли порхали, словно лепестки. Вскоре он вышел из комнаты новобрачной и начал занимать гостей. Друзья наперебой подшучивали над ним и задавали ему вопросы, на которые ответить было труднее, чем найти танского монаха *. Начался грандиозный пир. Гости хотели позвать девушек, но им пришлось отказаться от этой мысли, так как Цзинь Вэньцин получил указ от самого Сына Неба и был облечен посольскими полномочиями.

Цзинь Вэньцин пил вместе со всеми, пока глубокой ночью гости наконец не стали расходиться. Из приличия Цзинь направился в спальню жены, но обнаружил, что она закрыта на замок. Ему оставалось только пройти в комнату новобрачной, где он с удовольствием вспомнил старые времена. После долгого расставания были, конечно, и тесные объятия, но это ясно само собой и рассказывать здесь не о чем.

Как всегда, быстро прошел медовый месяц; срок отпуска истекал. Цзинь Вэньцин простился с женой, взял с собой Цайюнь и уехал в Шанхай. В то время между Сучжоу и Шанхаем постоянного речного сообщения еще не было, как сейчас, когда по этому направлению беспрестанно курсируют пароходы различных компаний. Но поскольку Цзинь Вэньцин был императорским сановником, начальник шанхайской области послал за ним специальный служебный катер, который на следующее утро причалил к шанхайской пристани. Цзинь приказал устроить Цайюнь на берегу, а сам, оставшись на катере, принял участие в пиршестве, организованном в его честь областными и уездными чиновниками. Из временной резиденции императора принесли несколько столичных писем: среди них были и обычные поздравления от родственников и друзей, и рекомендательные письма от влиятельных особ. Кроме того, знаменитые ученые прислали ему прощальные стихи, написанные столь искусно, что Цзинь Вэньцин не мог оторваться от них. Наконец он заметил письмо от Чжуан Хуаньина и поспешно вскрыл конверт, подумав, что у этого человека стоит поучиться стилю.

Вы спросите, почему Цзинь с таким уважением отнесся к имени Чжуан Хуаньина? В нашей книге Хуаньин еще не появлялся, и придется рассказать о нем подробнее. Он был уроженцем провинции Гуандун, происходил из семьи мелкого чиновника, однако ученость его могла загрузить пять телег, а литературные познания — засыпать Три ущелья *. Кроме того, он глубоко проник в западные науки, несколько раз ездил за границу и за успехи в дипломатических переговорах был произведен в помощники министра. Слава о Чжуан Хуаньине гремела, и вскоре он должен был отправиться посланником в Америку, Японию и Бельгию. Но когда Цзинь Вэньцин вскрыл конверт, он с удивлением обна-

ружил там серьезное, рассудительное письмо, а длинное стихотворение:

Ты, грамоту приняв от государя,
На Запад уплывешь, за океан,

Держа в руках небесное посланье,
На Севере объездишь много стран.

От полюса до полюса — весь мир
Великий Юй * мечтал познать когда-то.

Известно всем, что в древности Кунши
Направлен был послом в страну бурятов...

Знаменами китайскими украсишь
Ты в западной стране посольский дом,

Святой земли * посланник чернокудрый,
К тебе придут с почтеньем на прием.

Когда ж, познав нам неизвестный мир,
Ты возвратишься под родную крышу,

Всем, состоящим в свите во дворце,
Расскажешь то, что видел там и слышал!

* * *

Несется о тебе большая слава,
Ты занимаешь столь высокий пост,

Но дома у себя и на чужбине —
Ты чист и мудр и в обхожденье прост.

Ты образы животных неземных
Все начертал по рангам — до цюнсюя *

И смолоду прослыл ученым мужем,
Приняв в награду «леопардов хвост».

Плывешь, посол, на корабле дракона,
Столь многих удостоенный наград,

Встречать тебя выходят иностранцы
Из крытых черепицею палат.

Здесь, на чужбине, ты один вершишь
Закон и власть большого государства,

Встречающие на твое величье,
Как на величье всей страны, глядят!

* * *

Ты на тему «О ветке бамбука»
Песню сложишь в стране незнакомой,

Там, где племя чилэ * обитает,
Ветром травы к земле прибиты.

Словно красные ожерелья,
Расцвели цветы возле дома,

А кругом возвышаются крыши,
Черепицей лазурною крыты.

В правой части Небесного пруда *
Необычные плещутся рыбы,

Конь священный налево мчится,
От скалы — Заснеженной глыбы *,

Ты опишешь страну иноземцев —
Верю воле твоей и уму,

А когда этот труд свой закончишь,
Дай достойное имя ему!

* *

Шапку посланника — «феникса пруд» *
ты у меня отобрал,

Я ж не в обиде — смиренно терплю
этот великий урон:

Если сокровища мыслей своих
выплеснешь ты до конца,

Помощь и силу тогда обретет
наш императорский трон!

Две высочайших печати тебе
Сразу вручил государь *,

Шелком расшитую карту земли
Взял на хранение ты,

Оды твои высоко вознесет
Самый ученый поэт,

Путь, по которому к славе идешь,
Густо усыплют цветы.

Ты во дворце самым первым слынешь
Из государевых слуг,

Гордость своей благородной семьи,
Предков достойнейший внук!

Прочитав стихи, Цзинь Вэньцин в восторге хлопнул рукой по столу.

— Да, Чжуан Хуаньин не зря носит имя ученого. Нам же остается только умереть со стыда!

Затем он собрал все письма, передал их слуге и велел сопровождать себя на берег. Сев в просторную карету, он отправился во временную резиденцию императора, по пути навестив всех чиновников и двух консулов: немецкого и русского. Был уже полдень, когда он прибыл на место. В резиденции давно собрались советники, переводчики, сопровождающие, которые хотели попасть на прием к Цзинь Вэньцину. Они подали свои визитные карточки слуге, и тот вскоре явился с ответом:

— В кабинет приглашаются только господина Куан Чаофэн и Дай Босяо, для обсуждения служебных дел. Остальных просят прийти завтра.

Услышав это, чиновники встали и разошлись, а Куан и Дай отправились вслед за слугой. Цзинь Вэньцин ждал в гостиной. Завидев старых знакомых, он приветствовал их возгласом:

— Вы, вероятно, устали за эти дни, друзья! Переоденьтесь скорее, и мы с вами потолкуем!

Куан и Дай поклонились.

— Мы только выполняли свои обязанности,— сказал Куан Чаофэн, когда Афу и другие слуги помогли им переменить одежду.— Зря вы беспокоитесь о нас.

Хозяин и гости уселись. Цзинь Вэньцин спросил, как обстоит дело с парходом.

— Я как раз хотел сказать вам, что, поскольку мы едем сначала в Германию, удобнее всего сесть на немецкий парход,— промолвил Куан Чаофэн.— Недели две назад германский консул предлагал воспользоваться этой возможностью. Двадцать второго числа из Шанхая отходит немецкий парход «Саксония» — это огромное судно. Капитана зовут Якоб, я уже знаком с ним.

— Посоветовавшись с господином Куаном, я заказал для вас каюту первого класса,— вставил Дай Босяо.— Советник Куан и переводчики поедут во втором классе, остальные сопровождающие и практиканты — в третьем.

— Я слышал, что на иностранных кораблях очень просторно,— сказал Цзинь Вэньцин.— Даже каюты второго класса там значительно больше, чем салоны у нашей Коммерческой паровой компании. Зачем же мне ехать в первом классе?

— Посланник — представитель целой страны,— возразил Куан Чаофэн.— От того, как он держится, зависит авторитет государства. Все наши бывшие посланники в Германии и России ездили в первом классе — я проверил это по старым архивам. Нельзя ради мелкой экономии унижать достоинство страны!

Тут Дай Босяо приблизился к Цзиню и прошептал ему на ухо:

— Имейте в виду, что сопровождающие едут третьим классом, хотя в отчете я поставил второй. Благодаря этому господин может и повеселиться вволю, и респектабельность сохранить!

Цзинь Вэньцин кивнул.

— А вот донесение о сроке отъезда,— проговорил Куан Чаофэн, засунув руку в голенище сапога и вытащив оттуда бумагу.— Оно уже переписано начисто. Вам остается только просмотреть, поставить дату, и можно отсылать.

Посланник взглянул на бумагу и помялся в нерешительности.

— Пароход отправляется двадцать второго, это день...

— Об этом не беспокойтесь,— подхватил Дай Босяо.— Выезжая на сто — двести ли, я и то выбираю счастливый день. Вы же отправляетесь в далекое путешествие, от которого зависит судьба отечества, разве я посмел бы пренебречь этим?! Дату отъезда выбрал самый искусный геомант во всем департаменте, и она как раз совпала с днем отплытия корабля. Само счастье сопутствует вам, Ваше превосходительство!

— Ну, раз тут действовал геомант, можно не волноваться: назначенный им день непременно будет удачным!

Последующие несколько дней Цзинь Вэньцин был занят неизбежными в таких случаях прощальными визитами. Только к полудню двадцать второго числа сборы были наконец закончены, и Цзинь со своими спутниками поднялся на борт корабля «Саксония». Русские и немецкие военные суда, которые стояли на рейде, при-

ветствовали медленно выходящий из порта корабль поднятыми флагами и пушечными выстрелами.

На протяжении всего пути море было спокойным. Пароход шел по обычному курсу Азия — Европа. Цайюнь в первый раз путешествовала по морю, и хотя качки не было, она чувствовала себя неважно и целыми днями лежала в каюте.

Цзинь Вэньцину нечего было делать. Он часто приглашал к себе Куан Чаофэна поболтать, а иногда и сам ходил к нему. В шумном Гонконге, Сингапуре, портах Цейлона — повсюду Цзинь Вэньцин встречался с местными консулами, учеными, коммерсантами. Цайюнь тоже часто сходила на берег развлечься, видела множество новых вещей, слышала массу удивительных разговоров и потому не ощущала скуки. Так незаметно они миновали Аден, проплыли Красное море и приблизились к Суэцкому каналу.

Однажды после обеда Цайюнь снова немного прилегла, а Цзинь Вэньцин с тремя слугами отправился на поиски Куан Чаофэна. Еще издалека он услышал в салоне шум. Не понимая, в чем дело, Цзинь послал одного из слуг вперед, чтобы тот все разузнал. Через мгновение до него донесся голос другого слуги, Афу:

— Идите скорее смотреть, как иностранец фокусы показывает!

Посланник подошел к дверям салона, заглянул внутрь и увидел трех китайцев, сидящих в ряд, с опущенными головами и закрытыми глазами. Перед ними стоял бородатый иностранец средних лет. Со всех сторон эту группу окружали люди; шеи их были вытянуты, на лицах застыло изумленное выражение. Куан Чаофэн с двумя переводчиками также были в этой толпе. Заметив Цзинь Вэньцина, они подозвали его.

— Вы пришли как нельзя кстати! — воскликнул Куан Чаофэн. — Посмотрите на необыкновенное искусство господина Бешкова!

Цзинь Вэньцин ничего не мог понять. Иностранец быстро подошел к нему, пожал ему руку и, оглянувшись на Куан Чаофэна и обоих переводчиков, спросил:

— Это его превосходительство Цзинь, который едет послом в мою страну?

Услышав, что иностранец говорит по-китайски, Цзинь Вэньцин ответил сам:

— Ну, зачем вы так величаете меня! Я действительно Цзинь. К сожалению, не имею чести знать вашу фамилию и имя.

— Этого господина зовут Бешков,— ответил переводчик Хуан.— Он знаменитый русский ученый и художник, прекрасно знает медицину и обладает волшебной силой, с помощью которой командует чужими душами. Стоит ему применить свое мастерство к любому человеку, как тот во всех движениях начнет подчиняться его приказу, а когда проснется, ничего не помнит. Вчера господин Бешков рассказывал нам об этом, а сегодня проводит опыты! — Он указал на трех китайцев, сидящих на стульях.— Видите, Ваше превосходительство, как крепко спят эти слуги?

Цзинь Вэньцин не мог скрыть удивления.

— Волшебная сила тут ни при чем,— засмеялся Бешков.— У нас на Западе это явление называют гипнотизмом. Оно открыто итальянцами и является всего лишь продолжением науки об электричестве и психологии. Ничего удивительного здесь нет. Взгляните, господин, сейчас эти люди подымут левую руку.

С этими словами он устремил взгляд на трех сидящих китайцев и сделался похожим на буддийского монаха, читающего заклинания.

— Поднимите левую руку! — сказал он вдруг громко.

Все трое высоко подняли руки, словно их потянули за ниточку.

— Теперь я заставлю их поднять правую! — обратился иностранец к Цзинь Вэньцину. Он отдал приказ, и у слуг оказались подняты обе руки.

В салоне поднялся гром рукоплесканий и криков одобрения.

Цзинь Вэньцин, Куан Чаофэн, переводчики, сопровождающие и другие чуть не разинули рты. Бешков быстро сделал знак всем присутствующим, прося не шуметь.

— Господа! — сказал он.— Смотрите, сейчас эти люди задерут головы, высунут языки и будут аплодировать моему искусству.

Он отдал приказ, и китайцы стали хлопать в ладоши точь-в-точь как сказал Бешков. Все рассмеялись.

— Вы говорили, что можете заставить любого человека рассказать о своих тайнах,— сказал Куан Чаофэн.— Не устроите ли вы такой опыт?

— Нет ничего легче,— ответил Бешков,— но только это не совсем благородно. Лучше не пробовать.

Все стали умолять его провести опыт.

— В самом деле,— обратился Цзинь Вэньцин к гипнотизеру.— Почему бы вам не выбрать кого-нибудь из присутствующих?

— Ну, раз меня просит господин посланник, я готов произвести опыт вон на том старике,— согласился Бешков.

Он взял за руку одного из сидящих — пожилого слугу лет пятидесяти — и посадил его поодаль. Усыпив старика, он сделал ему внушение. Некоторое время слуга молчал, а потом вдруг опустил голову и начал что-то бормотать. Сначала его слова было трудно разобрать, но потом все услышали следующее:

— ...Увидел я наложницу посланника, и даже сердце заболело. Люди говорят: она красивая, а разве моя барышня Сюэ была некрасивой? Помнил я о своем положении, вот и не смел согрешить с ней. А барышня Сюэ мне и говорит: «Даже императрица У Цзэтянь * благоволила к своим придворным, и они не отказывались от ее любви потому только, что стояли ниже ее. Говорят, многие готовы были пойти на плаху, лишь бы доставить своей госпоже удовольствие. А ты, чурбан, трусишь!» Тогда я согласился. Сейчас вспоминаю, так лучше этих дней и не было!..

Речь старика становилась все более неприличной. Боясь, что у Цзинь Вэньцина могут родиться нежелательные аналогии, Бешков поспешно прекратил опыт. Однако посланник не обратил на слова слуги особого внимания.

— Не знал я, что этот старик такой бабник! — сказал он со смехом Куан Чаофэну.— Воистину: «Не говори, что любовь не касается пожилых: персиковый цвет молодого женского личика волнует и старое сердце».

Все засмеялись вместе с ним. Цзинь Вэньцин крикнул Афу, чтобы тот набил ему трубку, однако мальчик-слуга доложил:

— Он ушел, пока этот старик разговаривал во сне!
Цзинь промолчал.

Тем временем Бешков прекратил свои эксперименты над китайцами. Они очнулись и стали тереть глаза, как будто только что пробудились ото сна. Все стали спрашивать их, что они чувствовали, но они абсолютно ничего не помнили.

— С помощью этого искусства можно заставить людей обменяться душами,— сказал Бешков.— Но сейчас они устали — в другой раз попробуем.

Не успел он произнести эти слова, как по глазам Цзинь Вэньцина резанул какой-то блеск, исходивший из западного угла салона. Он внимательно взгляделся и увидел возле дверей европейскую девушку лет двадцати с небольшим в черной юбке, соломенной шляпе и роговых очках. Хотя девушка была одета очень просто, но белое лицо, золотистые волосы, длинные брови, тонкая талия, синие глаза и ярко-красные губы производили неповторимое впечатление и делали ее очаровательной. Она настолько понравилась Цзинь Вэньцину, что чуть не похитила его душу. Сам того не замечая, он оторопело смотрел на девушку. «Почему бы не попросить господина Бешкова повторить свой опыт на ней? Это было бы интересно!» — подумал он, однако прямо заговорить об этом не решился. После долгих раздумий Цзинь наконец изобрел план.

— Ваше искусство, конечно, поразительно,— обратился он к Бешкову.— Но все-таки вы не смогли избавиться меня от некоторых сомнений. Откуда мы знаем, что эти три китайца не подкуплены вами?

По лицу Бешкова скользнуло выражение досады.

— Я вовсе не хочу сказать, что не верю вам,— продолжал Цзинь Вэньцин.— Мне просто хотелось просить вас повторить опыт.

И, кивнув в сторону иностранки, добавил:

— Если вы сумеете проявить свое искусство вон на той девушке, моему уважению не будет границ.

Куан Чаофэн и оба переводчика поддержали Цзинь Вэньцина.

— В этом нет ничего трудного,— хмуро сказал Бешков.— Хотите, я прикажу девушке, чтобы она поднесла вам с того столика вазу с фруктами?

Итак, согласие было вырвано у Бешкова с помощью всего лишь одной фразы Цзинь Вэньцина. Надо сказать, что у европейцев характеры открытые и очень самолюбивые. Они больше всего не выносят, когда кто-нибудь подозревает их во лжи, и успокаиваются, только доказав свою правоту. Об остальном же они не думают. Задетый за живое словами Цзиня, Бешков даже не поинтересовался, кто эта девушка, и тотчас применил к ней свое искусство. Его приемы действовали безошибочно: через мгновение лицо девушки приняло покорное выражение.

Грациозной походкой она подошла к столу, который находился в углу салона, вытянула свои точеные руки, взяла блюдо с великолепными грушами и корнями лотоса, медленно приблизилась к Цзинь Вэньцину и поставила блюдо перед ним на столик. При этом она искоса посмотрела на посланника взглядом, способным повергать города. Цзинь необыкновенно обрадовался, даже во дворце, когда он услышал, что с блеском выдержал экзамены, он не испытал и десятой доли того блаженства.

Но Бешков, производивший опыт, вдруг страшно испугался и стал похож на преступника, которого приговорили к смертной казни и волокут на эшафот. Торопливо сорвав с головы цилиндр, он поклонился пассажирам и сказал сначала по-немецки, а потом по-китайски:

— Господа! Умоляю вас, когда эта девушка про-снется, ни в коем случае не говорите ей о происшедшем.

Все обещали молчать.

Услышав шум голосов, капитан корабля Якоб также заглянул в салон. Бешков повторил то же и ему. Якоб с улыбкой согласился. Только тогда Бешков успокоился, осторожно отвел девушку в каюту и там снял с нее свои чары.

Увидев волнение Бешкова, Цзинь Вэньцин и другие пассажиры растерялись и стали спрашивать его, что случилось.

— Эта девушка — знаменитый человек в России, — прерываючися голосом заговорил гипнотизер. — Она очень образованна, знает десяток с лишним языков, и я не должен был проводить над нею опыты.

— А вам известно ее имя? — осведомился Куан Чаофэн.

— Знаю только, что ее зовут Сашей.

— Она умеет говорить по-китайски? — спросил Цзинь Вэньцин.

— Я слышал, что она умеет писать стихи по-китайски, а не только говорить! — воскликнул Бешков.

Цзинь Вэньцин обрадовался еще больше. Ошеломленный красотой девушки, он жалел только об одном, — что не имеет возможности с ней сблизиться. Теперь открывался великолепный путь: она умеет говорить на его родном языке!

— Мне хочется поделиться с вами одной мечтой, — обратился он к гипнотизеру, — но я не смею этого сделать.

— Не стесняйтесь, господин Цзинь, говорите откровенно!

— Моя жена,— начал Цзинь Вэньцин,— давно мечтает овладеть западными языками. До сих пор ей это не удавалось, так как не было подходящей учительницы. Судя по вашим словам, госпожа Саша великолепная лингвистка и к тому же говорит по-китайски. Более подходящий случай трудно себе представить! Сейчас нам делать решительно нечего и поучиться было бы весьма кстати. Поскольку госпожа Саша ваша соотечественница, я надеюсь, что вы согласитесь помочь мне в этом деле.

— Раз вы просите меня,— подумав, ответил Бешков,— я приложу все силы. Но только характер у этой девушки довольно странный. Нужно сначала поговорить с ней.

Куан Чаофэн с переводчиками поддержали просьбу Цзинь Вэньцина.

Вскоре все разошлись. Цзинь Вэньцин вернулся к себе в каюту и рассказал Цайюнь об удивительных опытах русского гипнотизера.

— Что тут странного! — презрительно хмыкнула Цайюнь.— Эти китайцы наверняка его сообщники. Он обманывает народ точь-в-точь как наши сучжоуские фокусники.

Тогда Цзинь Вэньцин рассказал ей об иностранке.

— Ее я сам выбрал,— прибавил он.— Неужели и она с ним заодно?

На этот раз Цайюнь не смогла скрыть изумления. Цзинь передал ей разговор с Бешковым, и Цайюнь очень обрадовалась: ведь она давно лелеяла мысль изучить иностранные языки и несколько разделилась ею с Цзинь Вэньцином. В тот вечер больше никаких событий не произошло.

Поднявшись на следующее утро, Цзинь Вэньцин узнал, что Куан Чаофэн уже ждет его в столовой. Когда они увиделись, Цзинь спросил:

— Как вчерашнее дело?

— Все в порядке! — ответил Куан.— Вчера после вашего ухода он беседовал с барышней, наговорил ей кучу комплиментов, а потом передал ваше предложение. Она сначала не хотела соглашаться, но господин Бешков уговаривал ее так настойчиво, что она сдалась. По счастливому стечению обстоятельств, она тоже едет сначала в Германию,— наверное, пробудет там один-два

месяца,— а потом в Россию. Это полностью совпадает с нашим маршрутом, и мы сможем чаще пользоваться ее консультациями. Но за обучение госпожи она требует в месяц восемьдесят марок.

— Восемьдесят марок?! — воскликнул Цзинь Вэньцин.— Это же сушая безделица! Занятия начнем сегодня?

— Можно,— ответил Куан Чаофэн.— Она уже ждет.

— Тогда Цайюнь сейчас встанет, а ты пойди и предупреди учительницу! — сказал Цзинь.

Куан Чаофэн кивнул головой и ушел.

Цзинь Вэньцин вернулся в спальню. Цайюнь, слышавшая весь его разговор с Куан Чаофэном, быстро причесывалась. Цзинь послал с ней Афу, а сам пошел на палубу второго класса поболтать с Куан Чаофэном. Умышленно остановившись напротив каюты Саши, посланник время от времени украдкой посматривал на дверь.

Раз увидевшись, молодые женщины очень быстро сблизилась. Саша решила сначала учить Цайюнь немецкому языку, а потом и русскому, чтобы можно было общаться и в Германии и в России. С тех пор каждый день Саша приходила на рассвете, а уходила с закатом. Цайюнь оказалась очень способной: через каких-нибудь десять дней она уже могла понимать многое из того, что ей говорят. Молодая учительница от души радовалась ее успехам.

Однажды, когда «Саксония» находилась в Средиземном море и приближалась к Италии, Цзинь Вэньцин с Цайюнь поднялись еще до рассвета и сели у иллюминатора. Вдали смутно виднелась земля, над которой клубились облака. Среди зелени, окаймлявшей острова, стояли высокие дома. Суровый, величественный пейзаж будоражил душу и закалял характер. Посланник с наложницей без устали любовались этим зрелищем, как вдруг кто-то ворвался к ним в каюту, схватил одной рукой Цзинь Вэньцина, а другой Цайюнь и пронзительно закричал:

— Ну, теперь держите ответ! Попробуйте только солгать! Я вас знаю, но моя пуля может вас и не узнать!

Цзинь и Цайюнь вскинули головы и остолбенели от ужаса.

Воистину:

К волшебнику в руки попала
Однажды юная дева,

Взметнулись на сотни сажен
Волны девичьего гнева!

Кто хочет знать, что случилось дальше, пусть прочитает следующую главу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

НИГИЛИСТКА СТРАШНЫМИ УГРОЗАМИ ДО ПОЛУСМЕРТИ ПУГАЕТ
НОВОГО ПОСЛАННИКА.
АРОМАТНЫЙ ЧАЙ НАПОМИНАЕТ ГЕРОЮ ЖЕНУ ОДНОГО ДИПЛОМАТА,
ПРОСЛАВИВШУЮСЯ НА ИНОСТРАННОМ КОНКУРСЕ

В тот самый момент, когда Цзинь Вэньцин и Цайюнь сидели, прижавшись друг к другу, у иллюминатора и любовались изумительным видом итальянских вулканических островов, кто-то с криком ворвался к ним в каюту. Супруги узнали прелестную иностранку Сашу, которая грозно смотрела на них, нахмутив ивовые брови и округлив фениксовые глаза. Цзинь и Цайюнь перепугались не на шутку, поняв, что проделка с гипнозом раскрылась. А девушка продолжала кричать со звонким пекинским выговором:

— Между нами не было никакой вражды, почему же вы допускаете, чтобы люди смеялись надо мной? У кого хотите можете спросить, я знаменитая фигура в великой России! Из уважения к твоему посольскому званию я согласилась преподавать твоей жене. Но оказывается, чем выше китайский чиновник, тем меньше в нем человеческого. Ты просто болван! Да что с вами объясняться: сейчас я вам покажу, каково меня обижать!

С этими словами она выхватила из рукава маленький блестящий пистолет. Испуганный его холодным светом, Цзинь Вэньцин отскочил на несколько шагов и не мог произнести ни слова. Цайюнь оказалась смелее. Увидев, что дело плохо, она приблизилась к Саше и взяла ее за руку:

— Фрейлейн, не гневайтесь! Мой муж не имеет к происшедшему никакого отношения. Это господин Бешков захотел показать свои таланты, а муж был простым зрителем!

Тут только Цзинь Вэньцин с дрожью в голосе подхватил:

— Моя вина лишь в том, что я просил его повторить опыт. Но на вас я не указывал!

Саша презрительно хмыкнула в ответ.

— К тому же мой муж совсем не знал, кто вы

такая,— снова затараторила Цайюнь.— А вот господин Бешков — ваш соотечественник. Ему известно о вас все, и он, конечно, должен был вести себя поосторожнее. Если бы господин Бешков не согласился произвести опыт, разве мой муж мог бы принудить его к этому?! Так что вины господина Бешкова здесь больше. Поразмыслите хорошенько, фрейлейн!

Саша хотела что-то ответить, но дверь каюты скрипнула, и на пороге появился низенький энергичный иностранец. Цзинь Вэньцин перепугался еще больше и подумал: «Ну, теперь все пропало! Одну не можем спровадить, а тут второй явился». Однако Цайюнь была сообразительнее и тотчас узнала капитана корабля Якоба.

— Господин Якоб! — воскликнула она.— Помогите нам скорее объяснить ей все!

Саша выпрямилась.

— Герр Якоб, зачем вы пришли?!

— Я сам хотел спросить вас о том же,— с улыбкой произнес капитан.— Не думал, что услышу от вас этот вопрос. Почему вы такая упрямая, фрейлейн? Как я уговаривал вас вчера вечером, но вы не послушались и затеяли скандал! После нашего разговора я решил за вами следить. Утром прихожу к вам, а фрейлейн уже нет. Я сразу догадался и отправился прямо сюда!

— Разве я не должна проучить его? — с гневом вскричала Саша.

— Я вовсе не об этом говорю,— возразил Якоб.— Господин Цзинь виноват, но вина мистера Бешкова куда серьезнее. Единственным оправданием ему может служить то, что во время опыта он не заметил, кто вы. Потом, когда вы подошли поближе, он увидел значок вашего общества и узнал вас, но было уже поздно. А господин Цзинь оставался в неведении. Мне кажется, поскольку господин Цзинь является посланником в обеих наших странах, доводить дело до скандала — значит из-за пустяка заваривать международный инцидент! Убивать посланника запрещают законы всех цивилизованных стран, это только повредит славе вашего дорогого отечества. К тому же господин Цзинь находится на моем корабле, я несу за него полную ответственность и ни в коем случае не позволю вам прибегать к крайним мерам!

— По-вашему выходит, что я должна оставить это без всяких последствий? — воскликнула Саша.

— Нет! Господин Цзинь оскорбил вас, и спускать

ему, конечно, нельзя,— ответил капитан.— Я знаю, что ваша партия сейчас терпит финансовые трудности, поэтому пусть господин Цзинь пожертвует в ее пользу крупную сумму, которую можно будет рассматривать как штраф. Ценой небольшого личного унижения вы добьетесь выгоды для общего дела, ваша слава возрастет еще больше, инцидент будет исчерпан, и таким образом вы одним ударом убьете сразу трех зайцев. Что же касается господина Бешкова, то он, как ваш соотечественник, глубоко раскаивается в своем поступке и будет рад помочь вашей партии!

Весь этот разговор велся по-немецки, и Цзинь Вэньцин не понял ни слова. Зато Цайюнь, уловившая почти все, поспешно добавила:

— Мой муж, несомненно, одобрит предложение господина Йкоба. Лишь бы вы дали согласие, фрейлейн!

Саша заметно смягчилась и положила пистолет на столик.

— Из любви к родине и уважения к капитану корабля я прощаю твоего мужа, но должна предупредить: я не похожа на китайцев, которые широко раскрывают глаза при виде денег и готовы забыть ради них даже самое большое оскорбление. Я хочу знать: сколько твой муж собирается пожертвовать?

Якоб бросил взгляд на Цайюнь.

— Целиком полагаемся на ваше усмотрение! — сказала наложница.

Саша взяла пистолет и направилась к выходу.

— Сейчас наша партия задумала одно мероприятие, на которое ей необходимо десять тысяч марок,— бросила она на ходу.— Пусть он заплатит эту сумму! — Она оглянулась на Цайюнь и добавила: — Случившееся тебя не касается. Прошу извинить за вторжение. Сегодня я, как обычно, приду к тебе, будет урок грамматики.

И она гордо вышла.

— Все висело на волоске! К счастью, еще рано и никто ничего не слышал. Как хорошо, что нам удалось уладить дело миром!..— проговорил Якоб, направляясь к двери.

В продолжение всего разговора Цзинь Вэньцин лежал на тахте и дрожал от страха. Он не понимал немецкого языка и, увидев, что все разошлись, снова заподозрил что-то недоброе. Только когда он немного успокоился, Цайюнь изложила ему результаты переговоров, выдав при этом десять тысяч марок за пятнадцать.

У Цзиня отлегло от сердца, однако потерять пятнадцать тысяч ему отнюдь не улыбалось, и он робко спросил Цайюнь, нельзя ли договориться с Сашей об уменьшении суммы.

Цайюнь презрительно надула губы.

— Если бы не я, тебя бы уже давно на свете не было! А сейчас жизнь выторговал, так с деньгами расстаться не можешь? Ну, будь умнее! Какой посланник не сумеет возместить себе из казны восьмидесяти — ста тысяч?! Стоит ли печалиться из-за такого пустяка!

Цзинь Вэньцин промолчал.

Об утреннем происшествии никто больше так и не узнал, кроме капитана корабля и Бешкова, пережившего аналогичную сцену. Вечером он явился в каюту Цзинь Вэньцина. К этому времени Куан Чаофэн и другие сопровождающие уже ушли, и Бешков смог прямо заговорить об утреннем инциденте:

— Капитан требует особого вознаграждения за свою услугу. А штраф должна уплатить ваша жена по приезде в столицу Германии. Я уже договорился об этом с капитаном, и он просил меня только известить вас!

Цзинь Вэньцину оставалось лишь согласиться с условиями и выразить раскаяние в необдуманном поступке.

— В каком же обществе состоит барышня? — поинтересовался он.

— Слишком долго придется рассказывать! — промолвил Бешков. — Их общество исходит из учения француза Сен-Симона, и главная его цель — достижение абсолютного равенства. Они считают, что люди много говорят о равенстве, но все это пустая болтовня, так как в действительности большинство реальных прав в мире принадлежит богатым и знатым, а бедным и простым ничего не достается. Капиталисты захватывают много, а рабочие получают мало, — разве это можно считать равноправием?! Главная задача, которую преследуют члены общества, — превратить фиктивное равенство в равенство подлинное. Они отрицают все: и государство, и расу, и семью, и религию. Денежная система и право наследования, по их мысли, должны быть отменены; различные законы, опутывающие человека, как тенета, следует уничтожить. Император — враг, правительство — сборище разбойников. Государственные дела должны решать сообща граждане всей страны. Территория государства считается у них общим садом, а товары —

собственностью одной большой компании. Государственные блага поступают в общее пользование, так как у всех должны быть единые помыслы и стремления. Все современные правительства они хотят свергнуть, современные законы уничтожить для того, чтобы любой ценой построить новое общество абсолютного равенства. Филиалы их союза рассеяны повсюду, причем самый радикальный из них называется «партией нигилистов» или «партией анархистов» *. Возникло это общество первоначально в Англии и Франции, а теперь распространилось и на Россию. Поскольку в нашей стране царит настоящий абсолютизм, многие великие писатели: Герцен, Тургенев, Толстой своими блестящими, поражающими словно гром произведениями также проповедают нигилизм. Его идеи очень увлекательны, и к обществу примыкают даже князья и сановники. Сила этого союза растет с каждым днем.

Цзинь Вэньцин побледнел от страха и изумления.

— Из ваших слов я могу заключить, что члены этого общества просто мятежники, проповедующие безнравственные мысли и стремящиеся к беззаконию! Если бы такие люди появились в нашей стране, их давно бы обезглавили. Разве у нас позволили бы им творить такое безобразие?!

Бешков усмехнулся:

— Видите ли, в чем дело. Я отнюдь не хочу унижить Китай, но мне кажется, что ваш народ не слишком разбирается в мировых событиях; он напоминает ребенка, который едва научился ходить и думает, что самое главное в жизни — повиноваться императору. Разве он знает что-нибудь о правах, дарованных человеку самим небом, о принципе равенства всех существ на земле?! Потому-то вами так легко управлять с помощью грубой силы. Другое дело Россия! Хотя политическая система у нас и сходна с вашей, народ уже пробудился. Он не желает больше терпеть обман, и безнравственные мысли, о которых вы только что упоминали, он относит к императору, а не к себе. Народ не может высказывать «безнравственных мыслей» и «стремиться к беззаконию» — это делает император. Почему так получается? Потому, что земля принадлежит народу, и управлять ею должен также народ. Народ — хозяин, а император, правительство — это только нанятые народом бухгалтеры и счетоводы! Когда русский император впервые услышал подобные речи, он пришел в такую же ярость, как и вы,

и тоже, конечно, хотел перехватать и уничтожить всех до конца. Однако едва он попытался осуществить свое намерение, народ ответил ему, и кровь полилась дождем. Великая столица Санкт-Петербург, прославившаяся на весь мир и занимающая больше ста квадратных ли, превратилась в грандиозное поле боя царя со своим народом!*

Чем больше Цзинь Вэньцин слушал своего собеседника, тем меньше он понимал. К сожалению, Бешков был иностранцем, и Цзинь не осмеливался с ним спорить.

— Ну, мужчины-то еще пусть, — пробормотал он. — Но почему женщины не соблюдают законов затворничества, не сидят в своих теремах, а тоже выходят бесчинствовать?

Бешков поспешно замахал рукой.

— Не вспоминайте о ней, если не хотите снова навлечь на себя беду.

Цзинь Вэньцину пришлось замолчать. Не чувствуя больше интереса друг к другу, они разошлись.

В тот день внезапно поднялись большие волны, «Саксонию» сильно качало. Все пассажиры несколько дней подряд лежали вповалку, и никаких примечательных событий за это время не произошло.

Наконец тринадцатого июля пароход причалил в Генуэзском порту. Цзинь Вэньцин сделал капитану подарок, пересел на поезд и после пятидневного путешествия прибыл в столицу Германии Берлин. Здесь его, естественно, ждали различные церемонии, полагающиеся при встрече нового посла, о которых мы не будем подробно рассказывать. Предшественник Цзинь Вэньцина — Люй Цуйфан — сдал свои дела, и Цзинь вместе со своими советниками и сопровождающими начал работу в посольстве. Несколько раз он добивался аудиенции у германского канцлера Бисмарка, но тот был очень занят и только на пятый раз принял Цзинь Вэньцина. Затем Цзинь нанес визиты министрам и послам других стран.

Через несколько месяцев после его приезда, в январе 1888 года по западному календарю, скончался германский кайзер Вильгельм Первый, и на престол вступил его сын Фридрих. Воспользовавшись этим, Цзинь Вэньцин испросил аудиенцию у нового немецкого императора и императрицы Виктории и вручил им свои верительные грамоты.

По возвращении он рассказал Цайюнь о многочисленных церемониях императорского приема. Наложница, ссылаясь на то, что она уже научилась немецкому языку, принялась ластиться к Цзинь Вэньцину и просить, как капризный ребенок, чтобы в следующий раз он взял ее на аудиенцию.

— Это легко осуществить,— сказал Цзинь Вэньцин.— Жены послов как раз должны присутствовать на приемах. Однако наши китайские женщины настолько свято блюдут свой этикет, что не желают учиться этому обычаю. Несколько лет назад госпожа Цзэн, отличавшаяся большой экстравагантностью, преступила запрет и, едва приехав на запад, сразу же установила прочные связи с европейцами. Вместе со своим мужем Цзэн Цзичжанем она бывала и на аудиенциях у императоров различных стран. Когда в Китае услышали об этом, о ней пошли всякие разговоры, зато иностранцы ее очень уважали. Тебе бы следовало пойти по ее пути, но не знаю, достаточно ли у тебя для этого способностей.

— А ты не смотри на меня свысока! — недовольно сказала Цайюнь.— Жена Цзэн Цзичжана была обыкновенным человеком, а не о трех головах и шести руках!

— Не слишком хабришься,— остановил ее Цзинь Вэньцин.— Она как-то выкинула такую штуку, из-за которой иностранцы до сих пор восхищаются ее умом. Боюсь, что ты до такой не додумаешься!

— Что же это за штука?!

Цзинь рассмеялся:

— Не торопись. Набей-ка мне сначала трубку, и я тебе все расскажу.

Цайюнь надулась.

— Что она могла сделать? К чему такие приготовления!

Она взяла длинную трубку из хунаньского бамбука с мундштуком из слоновой кости, туго набила ее ароматным табаком и подала Цзинь Вэньцину.

— Скорее налей господину чашку крепкого чая! — приказала она служанке и, хитро улыбнувшись, взглянула на Цзиня.— Теперь тебе не к чему придраться. Рассказывай быстрее!

— Ты случайно упомянула про чай, а ведь именно с ним и произошла история,— сказал Цзинь Вэньцин.— Когда посланник вместе с женой приехал в Англию, там как раз открылась выставка предметов ручного труда.

Женщины аристократических кругов всей Англии прислали на нее свои изделия, а посетителям выставки предлагалось их оценить. Возле каждого понравившегося предмета нужно было класть деньги в знак восхищения. После окончания конкурса деньги подсчитывались, и то изделие, возле которого оказывалось больше всего денег, считалось лучшим. У госпожи Цзэн были очень широкие связи, и английское министерство иностранных дел не преминуло послать ей официальное письмо с приглашением принять участие в конкурсе. Цзэн Цзичжань спросил свою супругу: «Как ты думаешь, принять приглашение?» — «А почему бы нет? — ответила ему жена.— Пошли ответное письмо и скажи, что я согласна». Муж заупрямился: «Не глупи. Ведь у нас нечего подать на конкурс. Я не хочу оказаться несостоятельным. Люди засмеют, и авторитет государства будет подорван!» — «Не волнуйся,— засмеялась жена,— я знаю, что делать». Цзэн Цзичжань не смог ее переспорить, и ему оставалось только послать письменный ответ с согласием...

— Конечно, надо было согласиться! — не удержалась Цайюнь.— Если б я была на месте госпожи Цзэн, я сделала бы то же самое!

Служанка внесла чай. Цзинь Вэньцин, медленно отхлебывая глоток за глотком, продолжал:

— Как, по-твоему, вела себя госпожа Цзэн, согласившись принять участие в выставке? Она ничуть не волновалась и не делала никаких приготовлений. Срок приближался, и у Цзэн Цзичжаня, сама понимаешь, на сердце кошки скребли. Но жена притворялась, будто ничего не происходит. В день открытия выставки Цзэн Цзичжань встал очень рано, однако жены не увидел. Поняв, что она отправилась на конкурс, он быстро сел в коляску и примчался к зданию выставки. В залах царило необыкновенное оживление: здесь были настоящие горы и моря из людей. На столах красовались изделия из парчи, расшитого шелка, золота, серебра. От ярких красок у посланника зарябило в глазах, и некоторое время он даже не мог перевести дух. Жены нигде не было. Посланник долго толкался по залам. Вдруг он услышал возгласы одобрения и аплодисменты, доносившиеся от самого входа на выставку. Он оглянулся и увидел свою жену, сидящую на низком стуле за столиком. На столике были расставлены десятка полтора разноцветных фарфоровых чашек времен императора

Канси и несколько знаменитых песочных чайников с горячей водой, в которую было брошено по шепотке чая с Уишаня *.

Редкие узоры чашек так красиво гармонировали с благородным цветом древнего напитка, что невольно приходилось зажмуривать глаза. Чистый аромат, подхватываемый порывами мягкого ветерка, ударял в ноздри.

Вокруг стояло множество голубоглазых и рыжебородых джентльменов, изящных леди с вьющимися волосами и осиными талиями. Устав в толкотне, они буквально умирали от жажды, и сейчас чай был для них волшебным, живительным нектаром. Понятно, почему отовсюду неслись восхищенные возгласы, а золотые монеты сыпались дождем.

Когда выставка закрылась и стали подсчитывать деньги, оказалось, что госпожа Цзэн собрала больше всех. Можно представить себе, как был доволен Цзэн Цзичжань: ведь ему прибавилось славы! Ну как, потвоему, умно поступила его жена? Добилась ли она своего? Не удивительно, что иностранцы ее так уважали. Если у тебя окажется хоть доля ее способностей, значит, я не зря брал тебя с собой!

Услышав эти слова, Цайюнь задумалась: «Совершенно очевидно, что господин смотрит на меня как на простую девку, которая не сможет принести ему славы. Он боится, что я вызову при дворе лишь насмешки. Ну что ж, я найду способ затмить жену Цзэн Цзичжаня и заставить свет уважать меня!»

Она недовольно отвернулась.

— Конечно, куда мне до госпожи Цзэн! Ведь она из знатной семьи, где все ходят в золоте и яшме, а я вышла из придорожной грязи и травы, которую топчут ногами. Разве я могу претендовать на ее таланты?! Своим появлением в свете я лишь скомпрометирую господина, заставлю его находиться в вечном напряжении. Лучше мне до смерти сидеть в этой посольской раковине и никуда не выходить! Если вас и это не устраивает, можете отослать меня назад, по крайней мере, ваша репутация от этого не пострадает!

Цзинь Вэньцин вскочил, подошел к Цайюнь и со смехом потрепал ее по плечу.

— Да не будь же такой мнительной! Разве я сказал, что не стану выпускать тебя? Если хочешь побывать при дворе, стоит только приказать секретарю заготовить

бумагу и направить ее в министерство иностранных дел, а оттуда известят о сроке, вот и все.

Видя, что Цзинь Вэньцин соглашается, Цайюнь быстро сменила гнев на милость и стала просить мужа, чтобы тот сейчас же составил такую бумагу. Посланник улыбнулся и медленно вышел.

Воистину:

Только что супругу дипломата
Увезла карета золотая,
И уже в парчовом экипаже
Прибыла красавица другая!

О дальнейших событиях вы можете подробно узнать из следующей главы.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

МИНИСТР ПАНЬ ЦЗУНЬИНЬ РАТУЕТ ЗА УЧЕНИЕ ГУНЬЯНА.
АКАДЕМИК ЛИ ДЯНЬВЭНЬ ВГРЫЗАЕТСЯ
В ДРЕВНЕМОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

В прошлой главе мы рассказывали, что Цайюнь, пожелав попасть на прием к императору, стала торопить Цзинь Вэньцина с составлением бумаги в министерство иностранных дел. Цзинь, естественно, отправился посоветоваться к Куан Чаофэну. Тот не стал возражать и приказал переводчику написать прошение об аудиенции. К несчастью, прошение было отправлено в то время, когда Фридрих был нездоров, и Цзинь Вэньцин долго не получал никакого ответа. В связи с этим откладывался даже его отъезд в Россию.

Поскольку Цайюнь и ее супруг сидят в Германии без всякого дела, автор воспользуется случаем и временно оставит их, чтобы рассказать о столичных китайских сановниках, ратовавших за науку.

Через год после того, как Цзинь Вэньцин уехал за границу, Цянь Дуаньминь был назначен учебным инспектором провинции Хубэй, Хэ Тайчжэнь получил должность главного смотрителя работ на реке Хуанхэ, а Чжуан Чжидун был направлен генерал-губернатором в провинции Хубэй и Хунань. Итак, знаменитые сучжоуские чиновники, служившие до этого в столице, постепенно рассеялись, словно облака, гонимые ветром. Один только Пань Цзуньинь был назначен министром церемоний и остался в Пекине.

Высокое положение и добродетели сравнивали его

с лауреатом Гун Пином, занимавшим пост министра чинов, и сейчас он наряду с ним являлся одним из старейших сановников маньчжурской династии. Обладая огромными познаниями, министр Пань Цзунъюнь был страстным поклонником древних наук, любил поговорить о надписях на камнях и бронзе и особенно увлекался «Комментариями Гунъяна» к «Веснам и осеням» *. На академиков, выдержавших дворцовые экзамены, он даже смотреть не хотел. Поэтому Лу Жэньсян, который прошел экзамен одним из первых и сейчас оставался в столице единственным земляком Пань Цзунъюня, спрашивал у министра аудиенции лишь в официальном порядке, не решаясь быть с ним на короткой ноге.

На четырнадцатом году правления Гуансюя * вдовствующая императрица Цыси * издала указ о предоставлении молодому монарху долгосрочного отпуска после бракосочетания. Летний дворец Цинъюань — «Сад прозрачных струй» был переименован в Ихэюань — «Сад восстановления гармонии» в знак того, что император устал от трудов и собирается отдохнуть, не вмешиваясь более в политику. Подданные всей страны единодушно ликовали и надеялись на реформу государственного правления. При дворе и среди народа постепенно появилось желание обновить старые порядки.

Как раз в том же 1889 году подошли очередные провинциальные экзамены. Главным экзаменатором в районах, лежащих к югу от реки Янцзы, был назначен знаменитый ученый Ли Дяньвэнь, который обладал колоссальными познаниями как в области литературы, так и в сфере истории. Он отлично владел старинными письменами и особенно хорошо знал историческую географию эпох Ляо, Цзинь и Юань *. Им были прокомментированы «Сокровенное сказание», «Записки о путешествии на Запад даосского монаха Цю Чуцзи» и «Собрание сочинений Елюй Чжу» *. Когда Цзинь Вэньцин еще жил в столице, они часто встречались и обсуждали проблемы географии северо-запада. Теперь, став главным экзаменатором южных районов, Ли Дяньвэнь сумел выявить всех способных ученых, живших по берегам Янцзы, которых было так же много, как карасей в этой реке. Первые места, по обыкновению, заняли уроженцы Сучжоу. Как вы думаете, кто? Одного звали Ми Цзицзэн, другого Цзян Бяо. Когда их экзамен-

национные работы были опубликованы, пошли разные толки. Одни хвалили сочинения за глубину мысли и неповторимое изящество, другие, наоборот, ругали, заявляя, что все это — сплошной вымысел, похожий на рассказы о демонах с бычьими головами или оборотнях с туловищем змеи.

Лу Жэньсян, сидевший дома без дела, тоже купил себе сборник экзаменационных работ и принялся его читать. Естественно, что прежде всего он заинтересовался сочинением земляка Цзян Бяо, однако вскоре наткнулся на рассказы об «отстранении чжоуского князя Лу», «развитии по трем эрам», «упорядочении трех начал» * и не понял буквально ни строчки. Затем речь шла о назначении на должность всяких варваров вроде Могиляна и Кюль-Тегина, имена которых напоминали заклинания из «Вайрасутры» *; о них Лу Жэньсян и подавно никогда не слышал.

— Что за дьявольщина эти современные сочинения! — закрыв книгу, вздохнул он. — А виной всему наш господин Пань Цзунгъинь со своими «баранами и овцами» *. Когда стиль неправилен, нарушаются и принципы!

Он еще продолжал недовольно ворчать про себя, когда в комнату вбежал слуга.

— Господин! Вас назначили проверять сочинения. Просят сейчас же выехать!

Лу Жэньсян приказал заложить коляску и направился к помещению, где происходила проверка экзаменационных работ. Раскланявшись со знакомыми чиновниками, он сел и протянул руку за первым сочинением.

Вдруг за его спиной кто-то произнес:

— Старайтесь проверять внимательно. Нельзя делать исправления наобум, а то, чего доброго, ошибешься и станешь всеобщим посмешищем!

Голос показался Лу Жэньсяну очень знакомым. Он обернулся и увидел Юань Сюя, который сидел, положив ногу на ногу, попыхивая трубкой, и беседовал с каким-то человеком, похожим на маньчжура. Лу хорошо знал Юань Сюя и поклонился ему, но тот ответил лишь небрежным кивком головы. Смущенному Лу Жэньсяну не оставалось ничего иного, как разложить на столе сочинения и приняться за работу. Он жаждал найти хоть какую-нибудь мелкую ошибку, которая позволила бы ему продемонстрировать свою тщательность и опровер-

гнуть слова Юань Сюя. Наконец на лице его отразилась радость. Он еще раз внимательно посмотрел в текст и, взяв специальную наклейку, которой отмечались неверные иероглифы, пробормотал:

— Вечно жалуются, будто я придираюсь. Но сейчас я приклею бумажку с полным основанием, и никто не скажет, что я ошибся!

Лу Жэньсян говорил тихо, однако Юань Сюй услышал его слова и, вытянув шею, заглянул в сочинение:

— Какой иероглиф написан неправильно, господин Лу?

Тот переложил сочинение на столик Юань Сюя.

— Посмотрите, какая чушь! Иероглиф «кай» из сочетания «ганькай» — «горестный вздох» — написан с ключом «дерево», а не «сердце»! Сочинение наверняка писалось дубиной, а не кистью!

Юань Сюй промолчал, с усмешкой повернулся к своему соседу и тихо произнес несколько слов. По выражению их лиц Лу Жэньсян понял, что над ним смеются. «Неужели я ошибся?» — усомнился он.

Внезапно Юань Сюй громко сказал своему соседу:

— Дорогой Лянь Юань, вы знаете, какой уморительный случай произошел с одним человеком во время прошлого приема экзаменов? Он был земляком господина Жэньсяна, — с этими словами Юань Сюй указал на Лу Жэньсяна. — В тот день тема была выбрана из словаря «Толкование знаков». Но он, видно, даже не знал, что это такое. Подходит ко мне и спрашивает: «О каком «Толковании знаков» идет речь: Сюй Шэня или Дуань Юйцай? *» — «Вот что, братец, — отвечаю я ему. — Вернитесь сначала к себе домой, узнайте, кто автор словаря, а потом приходите!»

— Ну, вы напрасно его так, — захохотал маньчжур, — он все-таки слышал, что на свете существует «Толкование знаков»! Это лучше, чем быть вовсе безграмотным, не читать даже «Истории династии Хань» и утверждать, будто другие написали не тот иероглиф!

Кровь бросилась в лицо Лу Жэньсяну.

— Прощу вас не рассказывать оскорбительные побасенки, — промолвил он, с трудом выдавив из себя усмешку. — Вы хотите сказать, что читали «Толкование знаков»? Я тоже его читал и знаю, что самое главное в нем произношение и смысл иероглифов. Ведь знак «кай» отдельно означает — «вздыхать». Вздох исходит из сер-

дца, естественно, что он пишется с ключом «сердце»... Разве человек, сделанный из дерева, может вздохнуть? Это просто описка! Вы обвиняете меня в том, что я не читал «Истории династии Хань», зато вы, наверное, читали ее не в подлиннике, поэтому и попались на удочку!

Увидев, как рассердился Лу Жэньсян, Юань Сюй не посмел с ним спорить.

— К тому же долг членов академии на основе науки об иероглифах выявлять провинциализмы,— продолжал Лу Жэньсян.— Только этим мы докажем свою преданность повелениям императора! * Если же каждую описку возводить в закон и пугать ею людей, мы не только исказим смысл, но и нарушим монарший указ. Ведь это крамола!

Юань Сюй и маньчжур, низко склонив головы, перелистывали сочинения, предоставив говорить ему одному.

Вскоре работы были проверены, и все начали расходиться. Боясь, что Лу Жэньсян затаит обиду за только что произнесенные слова, Юань Сюй приблизился к нему и спросил:

— Дорогой Жэньсян, вы идете сегодня к министру Пань Цзуньиню?

Лу Жэньсян, который в это время собирал свои письменные принадлежности, недоуменно взглянул на него:

— Зачем?

— Разве министр не приглашал вас? Сегодня все будут приносить жертвы Хэ Шаогуну!

— А кто такой Хэ Шаогун? Министр никогда не говорил о нем,— еще больше удивился Лу Жэньсян.— А, понимаю! Все знают, что я незнаком с этим господином, поэтому меня и не пригласили!

Юань Сюй не мог удержаться от смеха:

— Хэ Шаогун не наш современник. Это Хэ Сю, который в ханьскую эпоху сделал примечания к «Комментариям Гунъяна»! Несколько дней назад господин Цянь Дуаньминь подал трону доклад с просьбой разрешить в храме Конфуция жертвоприношения знаменитым ученым. Просьба его удовлетворена. Вспомнив в связи с этим, что Хэ Шаогун тоже принадлежал к крупным конфуцианским ученым, министр пригласил нескольких единомышленников поговорить о нем, а заодно принести ему в знак уважения жертвы. Не согласитесь

ли вы пойти вместе со мной взглянуть на церемонию?

Лу Жэньсян хотел было отказаться, так как не любил участвовать в подобных обрядах, но подумал, что его чересчур редкие визиты к министру сильно смахивают на непочтительность. Было еще рано, дома его ждало только безделье, поэтому он ухватился за возможность проявить свое уважение министру и ответил Юань Сюю согласием.

Они вместе вышли на улицу, сели в коляски и отправились в южную часть города. Когда они добрались до дома Пань Цзунъюня, то увидели перед входом множество экипажей. К высоким деревьям, стоявшим возле ворот, было привязано десятка полтора великолепных крутогрудых коней с красными ленточками в гривах. Юань Сюй и Лу Жэньсян поняли, что прибыли знатные гости.

Отдав визитные карточки привратнику, Юань и Лу прошли в уединенный кабинет. Комната была вся забита полками с книгами и картинами, наваленными в беспорядке. На столах стояло множество древних сосудов для вина и жертвенных треножников, позеленевших от времени. По стенам висели поперечные полотнища, на которых знаменитыми поэтами и самим Пань Цзунъюнем были написаны шесть стихотворений, посвященных эстампам, глиняным слепкам, надписям на памятниках, нумизматике, растиранию туши и личным печаткам. Все эти стихи носили характер исследований и были написаны в древней и новой формах, что придавало им весьма оригинальное звучание. Посредине висела доска с двумя огромными иероглифами «Гнездо черепахи» и подписью «Начертал Чэн Юй».

Лу Жэньсян смотрел на надпись и не понимал, что хотел сказать ею автор. Но Юань Сюй знал оригинальный характер Пань Цзунъюня и не удивился: Пань просто использовал слово «черепаха» в качестве псевдонима и часто ставил на своих письмах иероглифы: «Черепаха имеет честь сообщить вам...»

В кабинете Юань и Лу заметили бородастого старца с квадратным лицом и большими ушами*, который сидел на кане и перелистывал древнюю книгу в парчовом переплете. Своим добродушным видом он производил впечатление канцлера в мирные дни, и без всяких расспросов было ясно, что это министр Гун Пин. Рядом с ним сидел человек с полным лицом и короткими черны-

ми усиками. Наклонившись к министру, он также разглядывал книгу. Это был автор надписи, виночерпий училища «Сыны отечества» Чэн Юй. Двое гостей помоложе сидели на стульях: один выражением своей смуглой сытой физиономии напоминал владельца меняльной лавки; другой был прелестным юношей маленького роста с овальным лицом и пунцовыми губами, белоснежными зубами. Этих людей Юань Сюй не знал.

Пань Цзунъинь сидел на хозяйском месте с длинной трубкой в руках и, время от времени затягиваясь, беседовал с молодыми людьми. Увидев вошедших, он отбросил трубку и поднялся. Слуга, стоявший за его спиной, замешкался и не сумел подхватить трубку, которая со стуком упала на пол.

Не обращая на это внимания, Пань Цзунъинь вышел навстречу Юань Сюю.

— А, вы привели с собой господина Лу Жэньсяна!

Все поклонились друг другу. Юань Сюй хотел было спросить имена двух молодых гостей, но Лу Жэньсян опередил его и, указывая на смуглолицего, громко произнес:

— Это господин Ми Цицзэн.— Он повернулся к юноше.— А это Цзян Бяо. Оба они отличились на последних экзаменах.

— Я слышал, что еще должны прийти Чжуан Хуаньин и Дуань Хуцяо,— заметил Чэн Юй.

— У Чжуан Хуаньина сегодня свидание с одним иностранцем, и он сказал, что не сможет прийти,— промолвил Пань Цзунъинь,— а Дуань Хуцяо я утром видел в министерстве, он не дал мне определенного ответа. Говорят, он купил какой-то древний памятник и целыми днями им любителю. Лучше не ждать его!

Тут во дворе показалось двое людей. У одного, в потрепанной одежде, физиономия была измазана, лоснящаяся от грязи шапка свалилась набок и еле держалась на голове. Другой был одет богато и изысканно, лицо его светилось довольством и жизнерадостностью. Когда они подошли ближе, все узнали в первом Сюй Чуньчжи, а во втором — сына Хуан Лифана по имени Чаоцзи.

Завидев Юань Сюя, Сюнь Чуньчжи набросился на него с упреками:

— Что же вы так поздно? Мы были вынуждены без вас готовить все необходимое для жертвоприношения!

Тут только Юань Сюй понял, что они занимались расстановкой жертвенных столиков и предметов ритуала в храме.

— Простите, что затруднил вас! — извиняющимся тоном проговорил он.

Министр Гун Пин поднял старинную книгу.

— Господин Чэн Юй советует положить на жертвенный стол примечания Хэ Сю к «Комментариям Гунъяна», вот в этом издании, вышедшем еще при династии Северная Сун,— сказал он.

Сюнь Чуньчжи взял книгу и начал ее перелистывать. Юань Сюй и Лу Жэньсян придвинулись к нему. Книга была в роскошном переплете с вертикальной полоской из цветной сычуаньской парчи, на которой стояло заглавие.

— У кого хранилась эта книга? — поинтересовался Юань Сюй.

— Я купил ее недавно на рынке Люличан у старого букиниста Аня,— ответил министр Пань Цзуньинь.

— Ну, если у него, тогда можно представить, какая цена! — воскликнул Сюнь Чуньчжи.

— Всего триста серебряных лянов, — сказал министр.

Большинство гостей не выразило никакого удивления, но Лу Жэньсян даже прикусил язык от испуга. «Только маньяки способны выкладывать такую сумму за драную книжку!» — подумал он.

Повертев в руках книгу, Юань Сюй обнаружил на ней две печати. Одна из них гласила: «Просмотрена Хуан Пиле» *, другая — «Хранилась в доме Ван Ляньюаня».

— Если эта книга принадлежала Хуан Пиле, то каким образом на ней оказалась печать Ван Ляньюаня? — с удивлением спросил Юань Сюй.

— Вся библиотека, оставшаяся от Хуан Пиле, попала к Ван Ляньюаню,— поспешил объяснить Ми Цзицзэн,— а потом, когда род Вана обеднел, книги пошли по рукам. Классические и исторические очутились у Цюй Тециня из Чаншу, философские трактаты и художественные сочинения — у господина Яна из Ляочэна. Эта книга, по-видимому, была утеряна Цюй Тецинем. Когда я производил опись его библиотеки, внук господина Цюя сказал мне, что во время восстания длинноволосых у них исчезло целых два шкафа старых книг!

— Ми Цзицзэн совершенно прав,— вставил Цзян Бяо.— Уникальный экземпляр «Собрания перлов господина Доу» также хранился у Цюй Тециня, но затем был

Чаншу.

— Ваши знания просто поразительны! — воскликнул Юань Сюй.— Но особенно я был восхищен эрудицией брата Цзян Бяо в исследовании «Комментариев Гунъяна», когда несколько дней назад прочел его труд в сборнике экзаменационных сочинений. Не согласились бы вы руководить мною?

— О какой эрудиции может идти речь! — скромно промолвил Цзян Бяо.— Мне лишь кажется, что летопись «Весны и осени» была грандиозным обобщением всего жизненного и государственного опыта Конфуция. Сначала в основе его взглядов лежала идея поддержки княжества Чжоу. Поэтому он и говорил: «Как закончены и совершенны установления династии Чжоу! Я следую за ней». После же того, как он из княжества Вэй возвратился в Лу *, его взгляды существенно изменились. Он понял, что династия Чжоу установлена князем и кучкой его вассалов для собственной защиты и угнетения народа. Поэтому он начал проповедовать идею «народ превыше всего», сам пожелал вырабатывать этикет и музыку, в связи с чем заявил: «Когда я еду в Ся, я пользуюсь колесницей из Инь и надеваю шапку из Чжоу». Здесь ясно видно стремление Конфуция изменить существовавшие законы. В его летописи «Весны и осени» между строк легко можно прочесть мысль о том, что каждый человек имеет право вмешиваться в государственные дела и не должен позволять кучке аристократов безнаказанно чинить произвол. Конфуций сам первый подал пример этого. Прежде право награждать достойных и наказывать виновных принадлежало народу, но затем люди привыкли к тому, что оно стало прерогативой Сына Неба. Вот Конфуций и написал «Весны и осени» для того, чтобы поставить все на свои места. «Хроника «Весны и осени» трактует о делах государя», — говорит Мэн-цзы *. Но это слишком вульгарный взгляд. По-моему, точнее было бы сказать, что «Весны и осени» трактуют о правах, дарованных небом каждому гражданину. Только так можно передать основную мысль летописи! Написав эту книгу, Конфуций передал ее своему ученику Гунъяну, и когда его идеи распространились, власть Сына Неба и удельных князей ослабла, а сила простого народа возросла. Правители, естественно, были этим недовольны и принялись всячески осуждать Конфуция. «Понимают его, но считают

преступником», — сказал об этом Мэн-цзы. В результате учение Конфуция осталось пустым разговором на бумаге. Однако нынешний расцвет народовластия в Европе и связанное с этим быстрое укрепление государств показывают, что мысль мудреца была правильной. Как жаль, что в самом Китае не нашлось людей, которые сумели бы провести в жизнь идеи Конфуция, изложенные в «Комментариях Гунъяна»!

Юань Сюй разинул рот от изумления:

— Какая удивительная теория!

— Не слушай его разглагольствований, брат Сюй, — смеясь, сказал Ми Цзицзэн. — Он уже много лет занимается «Комментариями Гунъяна», а что за это время совершил? Всего лишь получил степень цзюйжэня, как и я. Хотя он и склоняет на разные лады «общественных и частных баранов» *, но преследует те же цели, что и авторы работ, одобренных императорами. Крупнейший исследователь «Комментариев Гунъяна» Дун Чжуншу * занимался столь усердно, что в течение трех лет не выходил даже в сад. Какова же была его мечта? Написать о трех стадиях воздействия неба на человека да добиться первенства в спорах при дворе!

Лу Жэньсян, неприятно ошеломленный речью Цзян Бяо, при словах Ми Цзицзэна снова оживился:

— Вы говорите весьма справедливо, друг Цзицзэн, — воскликнул он. — Мне кажется, что на сегодняшней церемонии жертвы должны приносить только господра Цзян и Ми. Этим они докажут, что не забыли заветов нашего великого учителя!

Гун Пин нахмурился и ничего не сказал.

— Лу Жэньсян, если ты не понимаешь смысла учения Гунъяна, лучше помолчи! — оборвал его Пань Цзунъинь. — Высказывание Цзян Бяо принадлежит не ему одному. Недавно ко мне приходил ученый Мяо Пин, так он говорил то же самое. «До возвращения в княжество Лу главная идея Конфуция заключалась в поддержке династии Чжоу, — утверждает он. — Это его старое учение. А после возвращения в Лу Конфуций начинает признавать самостоятельность отдельных княжеств. Это его новое учение. Первые ученики Конфуция восприняли старое учение, а последующие — новое. Поэтому-то в «Шестикнижии» * мысли о государственных установлениях, ритуалах и музыке так часто не совпадают друг с другом, а иногда и вовсе вступают в противоре-

чие. Позднейшие конфуцианцы истощили сердце и разум, пытаясь ликвидировать эти противоречия с помощью разных натяжек, лишь потому, что они не понимали отличия старого учения от нового. Подумайте сами: старое учение проповедует беспрекословное почитание монарха, а новое учение ратует за реформу правления. Первое, как говорится, тянет на восток, второе — на запад: разве их можно соединить воедино?» Вот видите, Мяо Пин, не сговариваясь с Цзян Бяо, выдвигает почти аналогичное ему суждение. Когда двое мудрецов высказывают сходные мысли, начинаешь думать, что в них есть доля истины!

— Говорят, сочинение Мяо Пина уже издано, — промолвил министр Гун Пин. — Я слышал также, что некий Тан Юхой * заимствовал некоторые мысли Мяо Пина, искажил их и утверждает, будто все «Шестикнижие» — подделка Лю Синя! * Теория по меньшей мере странная. Что же касается рассуждений Цзян Бяо о Гунъяне, то они абсолютно справедливы, и тот, кто удивляется им, лишь доказывает, как мало он знает!

Чувствуя, что присутствующие один за другим подкальвают его, Лу Жэньсян пришел в скверное настроение. Внезапно послышался звук шагов, и несколько слуг воскликнуло:

— Его превосходительство господин Ли!

В дверях показался Ли Дяньвэнь, одетый в поношенный халат. Разглаживая бороду, старый ученый степенно приблизился.

— Простите за опоздание! — произнес он и, заметив Цзян Бяо с Ми Цзицзэном, рассмеялся: — Оказывается, вы тоже здесь! Какая удача, что я пришел!

— А если бы ваших драгоценных учеников здесь не было, вы бы пожалели о своем приходе? — шутливо молвил Пань Цзуньинь.

— Не напоминайте мне об учениках, — ответил Ли Дяньвэнь. — Больше я с ними не связываюсь. Чем лучше ученик, тем труднее учителю.

Министры удивленно переглянулись.

— Что это значит?

— Давайте сначала сядем, — предложил Ли Дяньвэнь.

Все уселись.

— Ну вот, слушайте, — начал Ли Дяньвэнь. — Вчера для комментирования «Сокровенного сказания» мне понадобилось посмотреть примечания Сюй Синбо к

«Описанию западных стран». Дома у меня этой книги нет, и я отправился за ней к Ли Чжиминю.

— Ведь Ли Чжиминь ваш старый ученик? — перебил его Чэн Юй.

— Знакомый с его эрудицией, я не решаюсь считать его своим учеником, — ответил Ли Дяньвэнь. — Он сам изволит при каждой встрече именовать меня учителем. Вчера он, по обыкновению, сделал то же самое. Но как вы думаете, что он сказал сразу вслед за этим почтительным обращением?

— В самом деле, что? — повторил заинтригованный Гун Пин.

— Он спросил: «Господин учитель, не утратили ли вы интерес к интимным отношениям с супругой?» Я оторопел, строго гляжу на него, но рассердиться как-то неудобно. И выдавливаю из себя всякую чушь насчет врачей, аптек и прочего. А сегодня встречаю приятеля, который рассказал мне, что когда Ли Чжиминя спросили, почему он заговорил со мной об интимных отношениях, он ответил: «Из всех наук Ли Дяньвэнь лучше всего овладел искусством поддерживать интимные отношения с женой. О чем же с ним говорить, как не об этом?» Нет, вы вообразите, что за речь! Я чуть не задохнулся от ярости. Ну, как по-вашему, можно иметь дело с такими учениками?

При этих словах старик взглянул на Цзян Бяо и Ми Цицзэна и хитро улыбнулся. Все захохотали.

Вдруг министр Пань Цзунъинь вскочил и с криком: «О, ужас!» — стал звать слуг.

Гости опешили, не понимая, что случилось. Через мгновение управляющий уже стоял перед Пань Цзунъинем.

— Были ли в этом месяце выданы кормовые господину Ли Чжиминю? — с серьезным видом осведомился министр.

— Вы, вероятно, говорите о жалованье? — изумленно переспросил управляющий. — Позавчера переслал ему с нарочным.

— Ну, тогда все в порядке! — облегченно вздохнул министр. Он обернулся к гостям и улыбнулся. — А то запоздаешь с выдачей, так он и меня, чего доброго, об «интимных отношениях» спросит!

Гости заинтересовались, что означают «кормовые».

— Где ваша сообразительность? — со смехом вос-

кликнул Гун Пин.— Он ведь сравнивает Ли Чжиминя с мулом! *

Тут только гости поняли, как остроумно Пань поддел Ли Чжиминя, и снова засмеялись. Пока они развлекались, вошел слуга с письмом. Оно было от Ли Чжиминя. Все с интересом придвинулись к Пань Цзунъюню, вскрывавшему конверт, ожидая нового происшествия. Один Лу Жэньсян, который пришел сюда больше по обязанности, испытывал скуку, отчасти потому, что не вполне понимал происходившие разговоры, отчасти потому, что был не согласен с ними. Воспользовавшись тем, что гости увлеклись письмом, он тихонько выскользнул из комнаты. Слуга спросил, куда ему нужно, но Лу только рукой махнул и, сказав, что сейчас вернется, вышел за ворота.

Дома жена сообщила ему:

— После твоего ухода принесли письмо из Шанхая и бандероль. Сказали, что они из России. Кто бы мог их прислать?

С этими словами она передала мужу письмо и пакет, завернутый в несколько слоев бумаги. Когда Лу Жэньсян наконец добрался до последнего слоя, показалась большая фотография, на которой были изображены две красивые иностранки. Жена Лу Жэньсяна не знала, кто это. Терзаемая подозрением, она уже хотела приступить к допросу, как вдруг ее муж воскликнул:

— Какое удивительное происшествие!

Воистину:

Только что видели около солнца
Звезд добродетели мудрой сиянье *,
Как неожиданно к нам из-за моря
Прибыло дальнее это посланье!

Если вы заинтригованы так же, как жена Лу Жэньсяна, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

СФОТОГРАФИРОВАВШИХСЯ РЯДОМ С ИМПЕРАТРИЦЕЙ,
ГЕРОИНЯ ПОПАДАЕТ В ЗАМОК ШАРЛОТЕНБУРГ.

ЕЕ МУЖ, ПРОНИКШИЙ В ДЕЛА КИТАЯ И ЗАПАДА, ПУБЛИКУЕТ КАРТУ,
УСТАНАВЛИВАЮЩУЮ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ СТРАНАМИ

Получив почту из России, Лу Жэньсян вскрыл пакет и с удивлением обнаружил там фотографию двух женщин в европейских платьях, которые вызвали подозре-

ние у его жены. Не понимая, что это может значить, Лу поспешно распечатал письмо. Оно было послано Цзинь Вэньцином в декабре прошлого года, сразу же после его прибытия в Санкт-Петербург, и рассказывало главным образом о путешествии из Германии в Россию. Кроме того, Цзинь сообщал, что в Берлине ему удалось купить совершенно секретную карту, на которой обозначены границы между Китаем и Россией. После тщательной сверки посланник решил снять с карты копию и отправить ее с надежным человеком в Пекин, в Палату внешних сношений. Он просил Лу Жэньсяна проследить за судьбой карты, и по тону письма чувствовалось, что Цзинь чрезвычайно доволен своим приобретением. Далее рассказывалась история фотоснимка.

Как вы думаете, кто был изображен на фотографии? Минутку терпения, уважаемые читатели! Вы помните, что Цзинь Вэньцин сидел в Берлине только для того, чтобы дожидаться аудиенции у императора, на которую он обещал повести Цайюнь. Его отъезд в Россию задержался уже на месяц с лишним, но, к несчастью, германский император был нездоров, и из министерства иностранных дел не поступало никакого ответа. Это очень удручало Цзинь Вэньцина, зато Цайюнь чувствовала себя великолепно и развлекалась вовсю. Сегодня она отправлялась на бал к герцогине, завтра — на чашку чая к дочери министра, утром гуляла в саду Тиргартен, вечером поднималась на башню городской Ратуши. Эти бесперывные выезды доставляли налогожнице большое удовольствие. На редкость красивая, она любила наряжаться, характер у нее был живой и общительный, поэтому вскоре о ней зашумела вся столица. В огромном Берлине не стало человека, который бы не знал, что Фу Цайюнь — первая красавица Китая. Всем хотелось встретиться с ней, и даже жена «железного канцлера» Иоганна была у нее несколько раз.

Иоганна познакомила Цайюнь со знатной дамой, которая назвала себя Викторией, женой потомственного немецкого дворянина. Даме было около пятидесяти лет, но годы лишь прибавили ей благородной величественности, почти не отняв красоты. После первой же встречи Виктория и Цайюнь очень подружились и с тех пор часто виделись, правда, лишь в парках или театрах. К себе домой Виктория не приглашала Цайюнь ни разу и сама к ней не ходила. Цайюнь иногда намекала на то, что хочет посетить жилище госпожи, но Виктория не-

изменно переводила разговор на другую тему, и Цайюнь пришлось оставить свои попытки.

Однажды вечером Цайюнь, посмотрев с госпожой Викторией спектакль на площади Вильгельмплатц, возвращалась домой. Служанки с ней не было, поэтому, когда карета остановилась у ворот посольства, Цайюнь хотела сойти на мостовую сама. Внезапно к ней стремглав подбежал красивый юноша лет семнадцати — восемнадцати, который подставил Цайюнь свое плечо. Это был Афу. Молодая женщина оперлась на него и легко прыгнула на землю. Едва она вошла в посольство, сидевшие слуги вскочили с возгласом:

— Госпожа вернулась! Скорее посветите ей!

Двое мальчиков-слуг с яркими фонарями стали освещать ей путь. Горничные наперебой пытались помочь Цайюнь войти в кабину лифта, обращаясь к Афу:

— Спасибо тебе! Позволь теперь нам поддержать госпожу!

Однако Цайюнь продолжала опираться на плечо юноши. Лифт вихрем понесся вверх. То прерывисто дыша, то смеясь, наложница дошла до своей спальни, где упала на мягкую расшитую кушетку. Щечки ее порозовели, глаза стали томными, как у опьяненной Ян-гуйфэй. Вся изогнувшись, она вызывающе смотрела на молодого слугу. Тот стоял у кушетки, опустив голову, и плотоядно -улыбался.

Вдруг Цайюнь, сжав свои серебряные зубки, ткнула пальчиком в лоб Афу и произнесла дрожащим голосом:

— Ах ты, испорченный мальчишка, не думала я, что сегодня...

В этот момент горничные и служанки, поднимавшиеся по лестнице, гурьбой ввалились в комнату. Цайюнь тотчас набросилась на них:

— Бессовестные твари! Знали, что я скоро должна приехать, и ни одна не вышла меня встречать! Хорошо еще, что Афу совсем мальчик! А если б он был мужчиной?! Разве мне удобно на него опираться?!

Служанки переглянулись, но возразить не посмели.

— Завтра нужно подавать карету? — воспользовавшись заминкой, спросил Афу.

— А что у меня там? — недоуменно произнесла Цайюнь.

— Как, госпожа забыла?! Ведь только что вы говорили, что завтра у вас свидание с госпожой Викторией в Тиргартене!

— Ах да,— сказала, подумав, Цайюнь.— Во время спектакля мы с ней об этом условились.— Она строго взглянула на Афу.— Только карета мне больше не нужна. Подадите двуколку.

— Вы сами будете править? — спросил Афу, сдерживая улыбку.

— Зачем? Разве у тебя отсохли руки?

Афу довольно засмеялся. В это время в коридоре послышался топот сапог, и служанки поспешили доложить:

— Господин идет!

Юноша побледнел и хотел незаметно скрыться, но Цайюнь нарочито громким голосом удержала его:

— Афу! Куда же ты? Я хочу еще кое-что приказать!

Молодой слуга понял ее мысль, вытянул руки по швам и ответил:

— Слушаюсь!

— Скажи кучеру, чтобы коляску подали к восьми утра. Смотри не перепутай!

В этот момент Цзинь Вэньцин, раздвинув портьеры, показался в дверях.

— Афу всегда только и думает, как бы улизнуть! — недовольно пробормотал он и перешагнул порог.— Куда ты снова собираешься? — спросил он Цайюнь.

Афу тихонько вышел из комнаты.

— Завтра в саду Тиргартен у меня свидание с одной иностранкой,— надув губы, отвечала Цайюнь.— Почему ты спрашиваешь? Тебе не нравятся мои прогулки по городу? Что означает твое «снова»?

Она сердито соскочила с кушетки и ушла в будуар переодеться. Оставшийся ни с чем Цзинь Вэньцин тихо позвал:

— Цайюнь! Ты за последнее время очень переменялась. Я еще слова не успел сказать, а ты уже сердиться. У меня были самые хорошие намерения. Дело в том, что сегодня получен ответ из министерства иностранных дел. Послезавтра ты можешь поехать на аудиенцию во дворец Шарлотенбург, который находится в двадцати или тридцати ли от Берлина! Я боялся, что ты за эти дни устала, и хотел предложить тебе отдохнуть!

Уловив в голосе Цзиня извиняющиеся нотки, Цайюнь задумалась и поняла, что немного пересолила. К тому же известие о предстоящей аудиенции очень обрадовало ее. Выйдя из будуара, она с улыбкой пошла к кушетке.

— Кто сердится? Просто вы, господин, слишком опекаете меня. Раз через день назначена аудиенция, завтра я вернусь пораньше и не стану вас беспокоить. Хорошо?

— Как тебе угодно,— промолвил Цзинь Вэньцин.

Они засмеялись и скрылись за пологом постели. Больше в этот вечер ничего не случилось.

На следующий день рано утром, когда Цзинь еще сладко спал, наложница потихоньку выскользнула из-под парчового одеяла, думая о том, что сегодня надо одеться особенно красиво. Она вспомнила про чудесное европейское платье, которое недавно купила, велела служанке достать его и, неторопливо подойдя к туалетному столику, начала прихорашиваться. Вскоре волосы Цайюнь были убраны в пышную прическу. Она надела длинную юбку со шлейфом, повязала шею бархатным платком, всунула ноги в черные лаковые туфельки, приколола на высокую грудь букетик цветов и стала как две капли воды похожей на Маргариту *. Картину дополнили соболья шубка, шляпа с белоснежным пером и кольцо с бриллиантами. Еще раз взглянув в зеркало, Цайюнь осталась довольной. Неожиданно она увидела в зеркале ухмыляющееся лицо Афу, который стоял позади нее.

— Коляска подана,— сказал он тихим голосом.

Цайюнь прыснула:

— Вот чертенок! Чуть до смерти не напугал!

Она бросила взгляд в сторону кровати и что-то шепнула Афу на ухо. Радостно кивнув, юноша на цыпочках вышел из спальни. Цайюнь, которая была уже совсем готова, тихонько приблизилась к кровати, заглянула за полог и, повернувшись, приказала девочке-служанке вести себя вниз. У ворот ее ждал кабриолет. Отпустив служанку, Цайюнь дернула поводья, и лошадь понеслась. На одной из улиц стоял Афу в европейской одежде, который издали помахал ей рукой. Цайюнь засмеялась и придержала лошадь. Секунда — юноша был уже в коляске, рядом с Цайюнь. Он забрал у нее вожжи, взмах плеткой, звон бубенчиков — и коляска молнией врезалась в уличный водоворот. Молодые люди с гордостью смотрели по сторонам, сознавая, что они выглядят лучше, чем любая счастливая пара на картинке.

Вскоре они подъехали к парку Тиргартен. Этот парк, имевший в окружности три-четыре ли, издавна считался

самым красивым районом Берлина. Перед воротами на огромном каменном постаменте высотой в три сажени и толщиной в десять человеческих обхватов стояла чугунная фигура ангела. Он был отлит из трофейных пушек, захваченных во время войн с Францией, Австрией и Данией, и назывался «Памятником победы» *. Парк во всех направлениях пересекали широкие аллеи. Среди зелени виднелись резные башни, просторные беседки, извилистые галереи, яркие клумбы. Одна удивительная картина сменялась другой, щедро благоухали диковинные цветы и травы, кофейни и бары манили к себе гуляющих. С утра до вечера здесь непрерывным потоком текли нарядные коляски, мелькали красивые платья. Но гордостью сада считалась трехъярусная башня с расписными балками и резными колоннами. Верхний ее этаж состоял из четырех или пяти уютных комнат с картинами на стенах, кружевными шторами, диванами в расшитых чехлах и пестрыми коврами на полу. Эти комнаты были предназначены специально для знатных дам, которые поднимались сюда, чтобы полюбоваться пейзажем. Простых людей сюда не пускали.

Каждый раз, когда Цайюнь приходила в парк на свидание со своими подругами, она всегда отдыхала здесь, поэтому коляска, едва въехав в ворота, направилась прямо к башне. Афу помог Цайюнь сойти, и они стали медленно подниматься по лестнице. Открыв дверь комнаты, где она обычно сидела, Цайюнь уже перешагнула порог и хотела войти, как вдруг увидела мужественного и элегантного немецкого юношу со светлыми волосами и румяным лицом. На нем была блестящая форма пехотного офицера. Он так жадно впился своими красивыми глазами в Цайюнь, что молодая женщина отпрянула.

— Вот здесь свободно,— сказал Афу.— Пойдемте посидим там!

Он взял Цайюнь под руку и направился с ней в соседнюю комнату. Усевшись, наложница приказала Афу:

— Выйди на улицу и жди. Когда придет госпожа Виктория, известишь!

Афу повиновался.

Оставшись одна, Цайюнь погрузилась в размышления: «Кто этот юноша? Вот уж никогда не думала, что иностранцы могут быть такими красивыми! Наши Сун Юй и Пань Ань *, пожалуй, не уступят ему в красоте, но

они не выглядели так мужественно. Судя по всему, я произвела на него впечатление. Видно, в любви к женщинам китайцы и иностранцы одинаковы!» Цайюнь почувствовала, что от запретных мыслей сердце ее учащенно бьется, руки и ноги слабеют, и она бессильно опустилась на красный бархатный диван. В глазах у нее потемнело. Она почти задремала, как вдруг услышала шаги и поспешно открыла глаза. В комнату вошел Афу, ведя за собой женщину средних лет.

— Кто это? — быстро спросила Цайюнь.

— От госпожи Виктории, — ответил Афу.

— Моя хозяйка сказала, что приехать не сможет, — проговорила женщина, — и просила фрау пожаловать к ней домой. Экипаж уже ждет. Прошу фрау спуститься!

Цайюнь задумалась: «Я давно хотела нанести ей визит, но госпожа Виктория почему-то не давала своего адреса, а теперь вдруг посылает за мной карету. Пожалуй, будет удобнее поехать в собственной коляске».

Она велела Афу подать кабриолет.

— Наша хозяйка приказала доставить вас в своем экипаже, — прервала ее женщина, — потому что место, где она живет, содержится в тайне.

— Что это значит? — удивилась Цайюнь.

— Так приказала госпожа, — с улыбкой ответила женщина. — Разве смеем мы, слуги, спрашивать о причинах?

Цайюнь не оставалось ничего другого, как снова позвать Афу и передать ему на ухо несколько приказаний. Затем она поднялась и сказала:

— Пойдемте!

Все спустились с лестницы. Подойдя к воротам, Цайюнь еще не успела разобрать, какого вида и величины экипаж, как женщина подтолкнула ее внутрь и с шумом захлопнула дверцу. Испуганная Цайюнь заметила, что вся карета обита золотистым бархатом. На одной из стенок висело зеркало. Стеклокные окна кареты были наглухо задернуты зелеными занавесками, так что разглядеть что-либо через них было совершенно невозможно. Женщина сидела напротив Цайюнь и с улыбкой смотрела на нее.

— Извините, фрау, — заговорила она, — но карета убрана так потому, что моя хозяйка не хочет, чтобы вы запомнили дорогу.

В Цайюнь родились еще более сильные подозрения, она хотела обо всем расспросить женщину, но подумала,

что та все равно не расскажет ей правды. Сердце ее бешено заколотилось. Вдруг карета встала, дверцы стремительно открылись, женщина вышла из экипажа и помогла сойти Цайюнь. Едва та оказалась на земле, как в глаза ей ударил свет — такой яркий, что она невольно зажмурила глаза. Придя наконец в себя, Цайюнь увидела, что приехала во дворцовой карете с красными колесами и расшитым верхом, которая остановилась у блестящего подъезда, отливающего всеми цветами радуги. Замок поражал своим великолепием и высотой: шпиль его, казалось, пронизывал облака. Вокруг раскинулась широкая лужайка, покрытая шелковистой травой и окруженная пышно разросшимися деревьями. Среди зелени были вкраплены несколько каменных статуй, выполненных знаменитыми скульпторами, и фонтан, испускающий тысячи разноцветных струй. Цайюнь не успела как следует разглядеть все это, так как женщина, не говоря ни слова, повела ее за собой по лестнице. После нескольких поворотов они оказались перед большим зеркалом. Женщина толкнула его, зеркало скрипнуло и открылось, точно дверь. Цайюнь увидела уютную комнату, обставленную с такой роскошью, что невозможно было различить, где золото, а где яшма, где цветы, а где вышивка. У Цайюнь даже в глазах зарябило. Несколько богато одетых женщин, услышав скрип двери, выглянули наружу с возгласом:

— Привезла?

— Да! — ответила спутница Цайюнь, и вслед за этим раздался приятный голос, похожий на пение феникса или крик журавля:

— Скорее просите!

И навстречу Цайюнь, только что откинувшей портьеру и ступившей на мягкий ковер, плавной походкой вышла изящная женщина средних лет в длинном платье, вся увешанная драгоценностями. Нечего и говорить, что это была госпожа Виктория. Увидев Цайюнь, она приблизилась к ней, пожала ей руки и, обернувшись к дамам, произнесла:

— Это первая красавица Китая, жена посла Цзиня — Фу Цайюнь! Я часто говорила, что она настоящая азиатская Клеопатра! Теперь вы можете сами убедиться в этом!

Она подвела Цайюнь к круглому столу, выложенному узорчатой мозаикой, усадила гостью на почетное место, а сама села напротив. После всего происшедшего

Цайюнь чувствовала себя словно в тумане. Услышав слова Виктории, она слабым голосом произнесла:

— Несмотря на свое низкое происхождение, я имела счастье понравиться госпоже и удостоиться чести попасть в ее роскошное жилище. Этого счастья может хватить на три жизни. Но почему вы так тщательно скрываете свой адрес? Прошу вас, разрешите наконец мои сомнения!

Виктория засмеялась:

— Не буду обманывать вас, фрау. Я всегда считала, что в жизни наиболее ценными являются два сорта людей, причем оба они обладают силой сжатой пружины и способностями, с помощью которых можно перевернуть небо и землю. Какие же это люди? Ловкие смельчачки и коварные красавицы. Герой, не умеющий обращаться с людьми,— холодный труп, а красавица, лишенная коварства,— только бездушная глиняная статуэтка. Вы же, фрау, и прекрасны, и кокетливы. Вы вполне подходите под категорию «коварных красавиц». Мне очень хотелось, чтобы вы явили передо мной свою неотразимую прелесть, однако я боялась, что если я открою вам свое положение, это стеснит вас, а подобный эффект вовсе не входил в мои намерения!

Цайюнь, которая уже начала кое о чем догадываться, сейчас была окончательно сбита с толку.

— Кто же вы такая? Скажите, пожалуйста! — попросила она.

Виктория засмеялась:

— Не спрашивайте меня, завтра вы все узнаете сами!

Пока они говорили, богато одетые дамы пришли звать их к завтраку. Виктория поднялась и попросила Цайюнь пройти в столовую. Оказалось, что столовая находится рядом с комнатой, в которой они только что сидели, и обставлена она была так роскошно, что невозможно описать.

Едва они уселись, как самые удивительные блюда моря и суши, редкие плоды и чудесное вино потекли к их столу непрерывным потоком.

Госпожа Виктория радушно угощала Цайюнь, и та старалась отплатить ей не меньшей любезностью. После нескольких рюмок Виктория встала, подошла к большому органу, стоявшему возле окна, тронула пальцами перламутровые клавиши и спросила Цайюнь:

— Фрау, вы разбираетесь в музыке?

— Нет,— отвечала Цайюнь.
Виктория ударила по клавишам и громко запела:

К нам приехала ты, красавица,
С юга Азии, издалека,
Ветер был колесницы кучером,
А в упряжке неслись облака.
Разделяло нас столько волн —
Все же морю со славой не справиться!
Я подвесков услышала звон,—
Это ты, Цайюнь,
Ты, красавица!

Ты в Европе теперь, красавица!
Пролетая над морем, дракон
Красотою пугливого лебеда
Не случайно был опьянен!
Словно фея с лунных высот,
Так величественно спускается,
И так нежно мне руку жмет,
И так ласково мне улыбается,—
Это ты, Цайюнь,
Ты, красавица!

Не увидеть, где мир наш кончается!
Как торжественна в небе луна!
Утром крыша высокого терема
Словно радугой озарена.
Покорив океана даль,
Слышу — феникс ко мне устремляется,
Чтоб развеять мою печаль,—
Это ты, Цайюнь,
Ты, красавица!

Выпей кубок вина!
Слушай песню мою!
Радость в ней и восторг разливаются.
Слушай песню мою!
Выпей кубок вина!
Пусть стихии тебе подчиняются!
Кто же фея из фей
Средь святых и людей?
Это ты, Цайюнь,
Ты, красавица!

Виктория обернулась к Цайюнь:

— До глубины души польщена, что вы терпеливо слушали мое бездарное пение! А сейчас я хочу попросить фрау сфотографироваться вместе со мной. Вы ведь не откажете мне в такой безделице?

Цайюнь не слишком разбиралась в поэзии *, но эта песня, на ее счастье, пелась по-немецки, и поэтому она кое-что поняла.

— Только дерево и камень могли бы остаться равнодушными к изъяснениям ваших чувств, госпожа! — воскликнула она.— От души благодарна вам! Что же касается фотографии, то я сомневаюсь, лестно ли будет стоять яшме рядом с пореем. Для меня это просто незаслуженная честь. Сейчас я должна распрощаться, а ваше приказание исполню как-нибудь в другой раз!

— Прошу вас, фрау, не торопитесь! — удержала ее Виктория.— Мы только сфотографируемся, и я отправлю вас домой в своей карете. Фотоаппарат уже приготовлен. Пойдемте!

Она ласково взяла Цайюнь за руку и в сопровождении нарядно одетых дам с высокими прическами медленно вышла вместе с ней из столовой. Когда они спустились вниз, Цайюнь увидела, что возле фонтана на лужайке, по которой она недавно проходила, стоит группа людей и фотограф. Фонтан был окружен белым мраморным бассейном. Струи, поднимаясь вверх, падали водяной завесой; подхватываемые ветром брызги, словно тысячи жемчужин, сверкали в лучах утреннего солнца. Виктория подвела Цайюнь к бассейну; фотограф принялся устанавливать аппарат. Гостья искоса взглянула на фотографа и поразилась: он показался ей похожим на гипнотизера Бешкова, с которым она встречалась на пароходе «Саксония». Цайюнь хотела заговорить с ним, но тут объектив блеснул и ослепил ее ярким светом. Когда она пришла в себя, фотоаппарат был убран, а люди, хлопотавшие около него, исчезли. Впереди стояла лишь одна карета. Виктория пожала Цайюнь руку и проговорила:

— Простите, что я так напугала вас сегодня! Экипаж уже подан, можете садиться. Мы еще с вами встретимся.

Услышав, что ее отправляют домой, Цайюнь обрадовалась, распрощалась с госпожой Викторией и поспешила сесть в карету. Захлопнув за собой дверцу, она увидела, что шторы на окнах кареты по-прежнему опущены; внутри было темно и скучно.

Всю дорогу Цайюнь думала о том, как странно выглядит поведение Виктории: «Кто же она такая? Почему от меня что-то скрывают? Откуда ее знает Бешков и почему он служит ей фотографом?» Но сколько она ни размышляла, ничего путного придумать не могла. Вдруг дверцы широко распахнулись, и в них ударил яркий свет: оказывается, карета уже подъехала к воротам посольства. Цайюнь сошла на мостовую, хотела

отпустить кучера, но тот быстро вскочил на облучок, взмахнул кнутом и в мгновение ока скрылся, даже не дожидаясь ее приказаний. Удивленная Цайюнь стояла у ворот и оторопело смотрела ему вслед. Тут ее заметил посольский швейцар, который сейчас же всполошил всех служанок. Афу подошел к молодой хозяйке с расспросами, но Цайюнь ответила ему весьма невнятно. Увидев Цзинь Вэньцина, она также не осмелилась заговорить о своих приключениях. Зато муж сообщил ей, что сегодня из министерства иностранных дел снова напомнили об аудиенции, она должна состояться завтра в семь часов утра в замке Шарлотенбург, и за Цайюнь пришлют дворцовую карету.

В этот день Цайюнь легла спать очень рано, но, мучимая разными мыслями, всю ночь не сомкнула глаз. Едва она наконец задремала, как ее разбудил Цзинь Вэньцин. Он сказал, что карета из дворца уже прибыла, и стал торопить Цайюнь с туалетом. В шесть часов она выехала, а к семи была у замка.

Замок находился в лесу, в суровом уединении. У ворот в несколько рядов стояли гвардейцы, мимо которых беспрерывно сновали чиновники. Первым, что увидела Цайюнь, был шестигранный мраморный пьедестал, на котором возвышалась конная статуя героя. Посредине парка тянулась длинная аллея из вечнозеленых деревьев, подрезанных в форме пагод и колоколов и отделенных от дороги каменной изгородью. Дорога постепенно повышалась, подходя к самому замку с двенадцатью сводчатыми окнами и круглой приемной, выступающей по фасаду. Здесь Цайюнь ждал специальный сановник, который провел ее внутрь дворца.

Германский император в высоком головном уборе и парадной одежде сидел лицом на юг. По обе стороны от него стояли члены императорской фамилии и крупные сановники, вооруженные шпагами и увешанные орденами. Обстановка была торжественной и величественной. Приблизившись к трону за своим провожатым, Цайюнь почтительно поклонилась и выполнила все церемонии, полагающиеся при аудиенции. Германский император с улыбкой взглянул на нее.

— Вчера вы, наверное, утомились? — сказал он и протянул Цайюнь парчовую коробочку. — Это императрица дарит вам на память; к сожалению, сегодня она занята и не может снова с вами увидеться!..

Цайюнь растерянно приняла подарок, не решившись

спросить императора, что означают его слова. К трону начали подходить сановники с докладами, и Цайюнь оставалось лишь незаметно покинуть зал.

Когда карета тронулась и копыта лошади застучали по мостовой, Цайюнь поспешно открыла коробочку, заглянула в нее и обомлела: в коробочке оказался не сувенир, не драгоценности, а маленькая фотография, на которой словно живые стояли две женщины в длинных юбках со шлейфом и шляпах с перьями: грациозная девушка и дородная знатная дама, украшенная бриллиантами. Незачем говорить, что девушкой была сама Цайюнь в европейском наряде, а знатной дамой — госпожа Виктория, с которой Цайюнь вчера вместе снималась.

«Оказывается, госпожа Виктория и есть жена великого императора Фридриха! — наконец сообразила она. — Старшая дочь всемирно знаменитой английской королевы Виктории — Виктория Вторая! Немудрено, что она не хотела выдавать своего положения, боясь меня смутить. Как жаль, что я узнала об этом лишь после месячного знакомства с ней! Воистину, «имеешь глаза, а не видишь, что перед тобой гора Тайшань!» *.

От радости и волнения сердце Цайюнь учащенно забилось. Тем временем карета уже въезжала в ворота посольства, перед которыми стоял какой-то экипаж. Пережив за эти два дня так много необычного, молодая женщина, увидев чужую карету, снова не могла избавиться от подозрений.

«Чей это экипаж?» — подумала она. В этот момент к ней подоспели служанки, стоявшие в воротах, и Афу.

— У господина гость? — спросила Цайюнь.

— Да, господин Бешков, — ответил Афу.

Молодая женщина вспомнила вчерашнюю историю с фотографией и обрадовалась:

— Ах вот кто! Я как раз хотела его видеть. Проводите меня в гостиную!

Она отправилась вдоль по извилистому коридору. Дойдя до гостиной, Цайюнь заглянула внутрь и увидела, что весь стол устлан листами географической карты. Цзинь Вэньцин, наклонившись, что-то внимательно изучал в ней, а Бешков стоял рядом.

Цайюнь велела слугам молчать, намереваясь послушать, о чем говорит Бешков с ее мужем.

— Эти красные линии — государственные границы? — спросил Цзинь Вэньцин.

— Совершенно верно,— ответил Бешков.

— А они нанесены точно?

— В этом как раз и ценность карты! Ее чертил знаменитый географ по специальному правительственному указу. Здесь уж ошибки быть не может!

— Если это правительственный документ, почему он продается? — допытывался Цзинь Вэньцин.

— Перед вами оригинал. Копии уже взяты в государственный архив и строго засекречены, а об оригинале просто забыли. Его хозяин сейчас обеднел, эмигрировал в Берлин, поэтому и хочет продать карту.

— Но тысяча марок цена неслыханная! — воскликнул Цзинь Вэньцин.

— Он говорит, что выдает государственную тайну,— возразил Бешков.— Тысяча марок за это отнюдь не дорого! На мой взгляд, господин, получив карту, может ее снова отпечатать и преподнести своему правительству. За пустяковую плату вы можете стяжать немалые заслуги в деле уточнения границ!

Услышав это, Цайюнь подумала: «Вот как! Этот проныра обманул меня и еще собирается выманить деньги у моего мужа! Ну, на этот раз я ему не спущу!»

Она откинула портьеру и стремительно вошла в комнату.

Воистину:

Тому, кто хочет в небеса
На облаке багровом * взвиться,
Поможет красная черта —
Китайско-русская граница.

Если вас интересует, что Цайюнь сказала Бешкову, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

МИНИСТР ПАНЬ ЦЗУНЬИНЬ, ПОПАВ ВПРОСАК,
СРЫВАЕТ СВОЯ ГНЕВ НА ГОСТЕ.
ВО ВРЕМЯ КОНКУРСА НА ДОЛЖНОСТЬ
ПИСЬМОВОДИТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ
ЭКЗАМЕНАТОРЫ БОРЮТСЯ ЗА СВОИХ УЧЕНИКОВ

Цзинь Вэньцин и Бешков еще обсуждали ценность карты, на которой были нанесены границы Китая с Россией, когда Цайюнь, даже не сменив своего нарядного платья, откинула портьеру и вошла в комнату. Испуганный Цзинь Вэньцин хотел заговорить, но Бешков

опередил его. Вежливо поклонившись Цайюнь, он сказал:

— Вы уже вернулись с аудиенции, госпожа? Сегодня Ее величество, конечно, была с вами еще любезнее, чем обычно! Что она вам пожаловала? Может быть, вы разрешите нам полюбоваться?

Сдержанно ответив на его поклон, Цайюнь попросила Бешкова сесть, а сама встала возле стола.

— Я хотела кое о чем спросить вас, господин Бешков! Вчера, когда я фотографировалась в доме госпожи Виктории, мне показалось, что лицо фотографа похоже на ваше. Съемка произошла так быстро, что я не успела как следует разглядеть. Это действительно были вы?

Бешков насторожился:

— • Какая госпожа Виктория? Я такой не знаю. Сразу по приезде в Берлин мои картины попали на глаза императрице Виктории, и вчера она пригласила меня во дворец, чтобы сфотографировать вас. Ее величество приказала увеличить вчерашнюю фотографию и сделать по ней портрет маслом. Я слышал от придворных, что Ее величество очень ласково относится к вам, поэтому она и захотела оставить ваше изображение в германской империи. Почему вы говорите, будто встретили меня у какой-то госпожи Виктории?

— Оказывается, вы тоже ничего не знаете! — засмеялась Цайюнь.— Я была знакома с Ее величеством больше месяца, но знала ее только как госпожу Викторию, жену потомственного немецкого дворянина. Лишь сегодня, на аудиенции, я выяснила, что она императрица. Не правда ли, забавное происшествие!

Цзинь Вэньцин ничего не понимал.

— Как, ты знакома с германской императрицей? — удивленно спросил он.

Тут Цайюнь, довольная, рассказала ему о том, как жена Бисмарка Иоганна познакомила ее с госпожой Викторией, как часто они встречались друг с другом, как вчера Виктория пригласила Цайюнь приехать в парк, а вместо этого стала ее фотографировать, и как сегодня на аудиенции император подарил ей карточку, по которой она догадалась, что госпожа Виктория и есть германская императрица. Закончив свой рассказ, она протянула Цзинь Вэньцину фотографию. Цзинь был чрезвычайно польщен честью, которую оказали его наложнице, но постарался скрыть свою радость и с серьезной миной обратился к Бешкову:

— Ладно, хватит об этом. Давайте поговорим о деле. Вы все-таки сбавьте цену за карту!

Но Бешков не успел ответить, так как в разговор вмешалась Цайюнь:

— Очень хорошо, я как раз хотела спросить тебя, Вэньцин: что ты нашел в этой рваной и размалеванной бумаге? Неужели она достойна того, чтобы тратить на нее такую сумму? Смотри не попади впросак!

Цзинь Вэньцин рассмеялся:

— Хотя ты и умная женщина, Цайюнь, но в подобных делах ничего не смыслишь! Я с большим трудом уговорил господина Бешкова достать мне эту карту. С ее помощью я могу уточнить государственные границы и лишить иностранцев возможности захватить даже пядь нашей земли; одно это оправдывает перед императором мою поездку сюда. Кроме того, я несколько десятков лет положил на создание книги «Дополнение к истории династии Юань». Теперь в руках у меня будут новые материалы, которые сделают мой труд нетленным в веках. Когда по возвращении в Пекин я встречу с крупнейшим специалистом по географии северо-запада — Ли Дяньвэнем, он выпучит глаза от зависти! Польза от карты огромная. Но вот господин Бешков требует за нее тысячу марок, это, конечно, слишком дорого!

— Не хвастайся! — воскликнула Цайюнь. — Ты с утра до вечера, обнявшись со старыми книжками, бормочешь на тарабарском наречии какие-то двуслоги, трехслоги, четырехслоги!.. Накуришь так, что голова раскалывается! А свои прямые дела откладываешь, по неделям к ним не прикасаешься. Не то что пядь китайской земли, даже если тебя самого унесут, ты и то не заметишь! Выяснишь, как звучали какие-нибудь географические названия во времена династии Юань, ну и что? Прибавится что-нибудь к землям Цинской династии? Не понимаю я этого. Сберег бы лучше деньги для собственных удовольствий!.. А эта бумажная рвань меня просто бесит! Вот разорву ее сейчас в клочки, тогда посмотрим, сколько она будет стоить!

Услышав слова Цайюнь, Цзинь Вэньцин забеспокоился, как бы она и в самом деле не осуществила своего намерения.

— Не шуми, — остановил он молодую женщину. — Иди лучше переоденься!

Обиженная Цайюнь надула губки и, опираясь на служанку, вышла из комнаты.

— Мне кажется, что вы поступили с госпожой несправедливо! — с мягким укором проговорил Бешков.— Вы, китайцы, часто говорите, что «за тысячу золотых готовы купить благосклонный взгляд женщины». Почему же на этот раз вам не купить его за тысячу марок?

Цзинь Вэньцин улыбнулся.

— Ну, ладно,— продолжал Бешков,— из уважения к вам сбавлю две сотни. Восемьсот!

— Это разговор другой! — сказал Цзинь.— Все свои дела я здесь закончил и завтра или послезавтра отправляюсь в вашу страну, поэтому деньги постарайтесь получить сегодня же, во избежание всяких недоразумений. Но для этого вам придется сходить к моему бухгалтеру Даю!

Он сел за письменный стол и, написав записку, вручил ее Бешкову. Тот попрощался с Цзинь Вэньцином, нашел Дай Босю и передал ему бумагу. Бухгалтер подсчитал причитающуюся сумму и уже хотел отдать ее Бешкову, как вдруг сверху по лестнице поспешно сбежал Афу, который подошел к бухгалтеру Даю и тихо прошептал ему что-то на ухо. Дай Босю кивнул головой, отвел Бешкова в сторону, где никого не было, и тоже начал ему что-то тихо говорить.

Бешков рассмеялся:

— Конечно! Я знаю ваш обычай удерживать пять процентов в пользу посредника!* От этого никуда не денешься, тем более...— Он вдруг замолчал, но тут же добавил: — Тем более что я уже давно готов к этому. Прошу вас вычесть их из общей суммы!

Бухгалтер Дай написал банковский чек, Бешков принял его, распрощался и вышел из посольства.

Тем временем Цзинь Вэньцин и Цайюнь спешно готовились к отъезду. Пятого ноября они вместе с советником и переводчиками сели в поезд и выехали в Россию. Погода стояла холодная, всю дорогу бушевала вьюга. На немецкой территории путникам еще встречались красивые дома, плодородные поля, густые леса, радовавшие взор. Но когда поезд переехал границу с Россией, перед ними простерлась бесконечная пустыня, уже припорошенная снегом, и все почувствовали себя словно в леднике.

Прошло трое суток, прежде чем они добрались до русской столицы Санкт-Петербург. Это был суровый, величественный город, совершенно непохожий на столи-

цу Германии. Разместившись в трехэтажном здании посольства на Сергиевской улице, Цзинь Вэньцин отправился с визитами к министру иностранных дел Гирсу и другим сановникам. Потом он попал на аудиенцию к русскому царю. За всеми этими занятиями прошло полмесяца. Когда основные дела были закончены, он сел писать письмо Лу Жэньсяну, подробно изложив истории, которые радовали его больше всего: с покупкой карты и с фотографией Цайюнь. Карту Цзинь отдал Куан Чаофэну и велел отнести в типографию, чтобы там ее отпечатали в красках. Но поскольку перед этим он еще сам сверял карту и, понимая, что отпечатка ее должна занять минимум два-три месяца, он отослал письмо раньше. Мы помним, что оно пришло к Лу Жэньсяну как раз в то время, когда тот возвратился из дома министра Пань Цзуньина. Дочитав письмо, Лу не мог удержаться от удивленных возгласов и в ответ на подозрительные расспросы жены кратко пересказал ей содержание письма. Они еще горячо обсуждали описанные Цзинь Вэньцином происшествия, когда в дверях комнаты появился слуга и доложил:

— Завтра двор будет назначать экзаменаторов на столичные экзамены. Кого господин пошлет узнать результаты?

Лу Жэньсян задумался:

— Тебя! Ты лучше остальных сумеешь справиться с этим!

Слуга поклонился и вышел. В тот день никаких событий больше не произошло.

На следующее утро, еще до рассвета, слуга вернулся. Лу Жэньсян поспешно поднялся с кровати и вышел ему навстречу.

— Его превосходительство Пань Цзуньинь прошел! — громко доложил слуга.

Лу Жэньсян взял из его рук список. Главным экзаменатором был назначен канцлер Гао Янцзао, а его помощниками — министр Пань Цзуньинь и другие. Только Лу Жэньсяна обошли. Разочарованный, он бросил листок и отправился назад в спальню. Тут мы его на время и оставим.

Расскажем лучше о министре Пань Цзуньине — главе знаменитых ученых и корифеев литературы. Получив указ о своем назначении помощником главного экзаменатора, он решил, что настало время выдвинуть всех преданных ему лиц, и несказанно обрадовался. По

мнению министра, среди своих коллег ему следовало опасаться только Гао Янцзао, который был осторожен, консервативен и не любил выдающихся людей. Нужно было принять меры, чтобы превратить его из врага в пособника. Пань Цзунъинь решил действовать немедленно. Ровно в два часа пополудни он явился в экзаменационную комиссию. Остальные два главных экзаменатора были уже на месте: они отправились в зал «Собрание звезд» и уселись по старшинству. Пань Цзунъинь заговорил первым:

— Среди экзаменуемых много знаменитых ученых, поэтому проверять сочинения необходимо особенно тщательно: во-первых, для того, чтобы оправдать честь, возложенную на нас троном, а во-вторых, чтобы лишить Ли Дяньвэня его монополии и добиться еще больших результатов, чем он показал на юге.

— Я уже так давно не занимался сочинениями! — закричал Гао Янцзао. — Мои старые глаза ослабли и могут не различить подлинных талантов! Целиком полагаюсь на вашу поддержку! Но на мой непросвещенный взгляд, выбирать нужно, невзирая на лица, только на основании сочинений. Какое нам дело до того, знаменитый это ученый или нет? К тому же многие знаменитые ученые кичатся своей славой, а на деле ничего за душой не имеют!

— Самыми лучшими ценителями сочинений сейчас считаются Гун Пин и Пань Цзунъинь, — промолвил заместитель министра Мяо Чжунъэнь. — Я часто видел, как проверяет сочинения господин Гун Пин: он не только раз десять сам прочтет каждую страницу, но и просит других за собой просмотреть. А господин Пань Цзунъинь листает сочинения довольно небрежно и никогда не дочитывает их до конца. Как же вы их оцениваете?

Министр рассмеялся:

— Достаточно уловить дух сочинения, чтобы понять, чего оно стоит! Зачем копать в каждой строчке и в каждом иероглифе?

Поспорив еще некоторое время на эту тему, экзаменаторы разошлись по кабинетам.

Через несколько дней, когда прошел экзамен, экзаменаторы сидели в своих комнатах и ждали сочинения. Внезапно министр Пань Цзунъинь вызвал к себе Юань Сюя. Лишь через час тот вернулся, и экзаменаторы наперебой стали расспрашивать его, что случилось. Вы-

нув из рукава небольшую тетрадь, Юань Сюй протянул ее коллегам. Один из них, Сюнь Чунычжи, открыл первую страницу и увидел какой-то список имен.

— Что господин Пань Цзунъинь приказал сделать с ними? — спросил он.

— Здесь шестьдесят две фамилии, — ответил Юань Сюй. — Все они принадлежат талантливым ученым нашего времени. Министр просит разыскать их работы, разложенные по провинциям. Особое внимание следует обратить на Чжан Цяня и Вэнь Динжу!

— Я слышал о господине Чжан Цяне, но не имею чести быть лично знакомым с ним, — промолвил Сюнь Чунычжи. — Что же касается Вэнь Динжу, то его я хорошо знаю: это действительно талантливый ученый. Позвольте рассказать вам одну историю, связанную с ним. Давным-давно, когда он еще не имел степени, в училище «Сыны отечества» проходили экзамены. Один мой земляк сидел рядом с Вэнь Динжу, но не знал, кто он, видел только, что тот явился на экзамен с целой пачкой чистых тетрадей, и очень удивился. Едва все уселись, Вэнь Динжу взял кисть, и она так и запорхала в его руках. Казалось, будто он не сочиняет, а переписывает готовую работу. Пока мой земляк трудился над первым сочинением *, Вэнь Динжу исписал всю свою стопку тетрадей. Вдруг он остановился и задумчиво произнес: «Ой, как же зовут предков?»* Земляк, ярый последователь неоконфуцианства, услышав его слова, возмутился: «Если вы настоящий конфуцианец, как же вы можете не помнить родства?» Вэнь Динжу с улыбкой прошептал: «Да это я для своих друзей пишу!» Поняв, что перед ним человек незаурядного ума, земляк не удержался и попросил прервать его работу. Глазам его предстали четыре блестящих уставных сочинения и четыре — в форме вопросов и ответов. В восторге он хлопнул рукой по столу и рассыпался в комплиментах. Однако Вэнь Динжу лишь снисходительно улыбнулся: «Я не смею принять вашей похвалы. Разве может мое сочинение по простоте и убедительности сравниться с вашим великим творением!» — «Но ведь вы не читали моей работы, — сказал земляк. — Откуда вы знаете, хороша ли она? Вы мне просто льстите!» — «Нет, я давно уже знаком с вашим произведением, — возразил Вэнь Динжу. — Если не верите, извольте послушать!» С этими словами он прочел наизусть все сочинение, которое земляк только что написал, и не пропустил ни одного иероглифа. Как вам

нравится подобная память? Пожалуй, сам Чжан Сун * мог бы ему позавидовать!

— Вы говорите о Вэнь Динжу? — переспросил другой экзаменатор, Инь Цзунъян. — Я знаю о нем еще одну историю. У него была прелестная ученица — жена закадычного друга, за которого Вэнь Динжу был готов пойти на плаху. Этот друг прославился как честный сановник, но однажды неосмотрительно выступил против какого-то министра и потерял должность. Тогда он рассердился, обрил голову и ушел в буддийские монахи, поручив заботы о жене Вэнь Динжу. И что же вы думаете,— через год жена написала мужу письмо с просьбой о разводе, порвала с миром и тоже ушла в монастырь. Отсюда можно видеть, что искусство Вэнь Динжу убеждать не знает преград: даже бесчувственный камень склонится перед ним!*

Все переглянулись.

— Что касается Чжан Цяня, то он служил секретарем в Корее, при сановнике У Чанцине,— вмешался Хуан Чаоцзи.— Когда Чанцин умер, после него не осталось ничего, кроме солидной недостачи, которую Чжан Цяню пришлось покрывать. Ходили слухи, будто он сделал так потому, что был очень виноват перед У Чанцином!

— А я слышал, что Чжан Цянь сидел в тюрьме,— прибавил Инь Цзунъян,— и вот почему: когда Чжан Цянь сдавал экзамен на сюая, он выдал себя за уроженца Жугао * и даже нашел там однофамильца, которого назвал своим отцом. Этот человек неоднократно требовал с Чжана денег, а когда тот наотрез отказал ему, связался с начальником округа и обвинил Чжан Цяня в непочтительности к родителям. За это Чжана лишили степени и заключили в тюрьму. К счастью, в то время господин Хуан Лифан служил учебным инспектором провинции Цзянсу и помог оправдать Чжан Цяня. Его выпустили. Когда вы вернетесь домой, господин Хуан Чаоцзи, можете спросить обо всем этом у своего отца!

Нам кажется, что наступила пора познакомить читателя с одним из участников беседы — Инь Цзунъяном.

Он был уроженцем провинции Цзянсу, служил редактором в академии «Лес кистей» и намечался на должность цензора. Будучи человеком простым и энергичным, он пуше всего ненавидел знаменитых ученых, но при этом любил наряжаться, держать красивых лошадей, роскошные экипажи и сбрую, так чтобы уже издали

было видно, что едет знатный маньчжурский чиновник. В продолжение всего разговора он думал про себя: «Если эти культурные негодяи попадут ко мне в руки, то пусть и не думают, что я их пропущу!»

Самые любопытные истории еще не были рассказаны, когда надзиратель внес сочинения. Каждый экзаменатор взял свою часть и приступил к проверке. Вскоре Сюнь Чуньчжи попала тетрадка, принадлежащая какому-то уроженцу Цзянсу*. Его сочинение блистало возвышенностью идей и обилием ссылок, напоминая стиль, господствовавший в начале династии. Смысл классических книг толковался предельно убедительно и четко. Ответы на вопросы поражали своей глубиной.

— Это сочинение безусловно принадлежит Чжан Цяню! — взволнованно вскричал Сюнь и подозвал к себе других экзаменаторов.

Те тоже в один голос заявили, что это не подлежит сомнению. Оставалось только поскорее поставить на сочинении высшую отметку и послать его к министру Пань Цзуньиню: все были убеждены, что оно завоюет первое место. Обрадованный Сюнь Чуньчжи положил сочинение в рукав и отправился к министру. Пока слуга докладывал о его прибытии, Сюнь стоял в коридоре, смежном со спальней Пань Цзуньиня. Заглянув в просвет дверной занавески, он остолбенел от изумления: на столе возле окна горели две огромные красные свечи весом фунта полтора каждая, ярко озарявшие всю комнату; посередине стояла ароматная курильница. Министр в парадном платье и шапке стоял на коленях перед грудой сочинений, наваленных на столе, и, держа в руках целую связку курительных палочек, что-то бормотал. Окончив молитву, он провел рукой по глазам, словно смахивая слезы, и трижды весьма усердно ударился головой об пол. Наконец он встал, и слуга осмелился подойти с докладом. Министр попросил Сюнь Чуньчжи немедленно войти.

— Смотри, сколько вы мне сочинений направили,— жалобно произнес министр.— Боюсь, я загубил уже немало талантов. Сейчас мне остается только плакать и отбивать поклоны, чтобы искупить свои грехи! — Он указал на груды сочинений, лежащих на столе.— Это все жертвы!

— А я сегодня нашел наконец сочинение Чжан Цяня! — проговорил Сюнь.

— Где же оно? — обрадованно вскричал Пань Цзунъюнь.

Сюнь Чуньчжи вытащил из рукава тетрадь и подал министру. Пань нетерпеливо схватил ее и пробежал глазами.

— Можно сказать, «железные туфли истоптал в поисках», а сочинение, оказывается, вот где! Какая досада! Главный экзаменатор уже отдал первое место кому-то другому. Но ничего, мы с ним еще повоюем!

Он приказал слуге следовать за собой, захватил сочинение и отправился к канцлеру Гао Янцзао, велел Сюню подождать в его комнате. Через некоторое время он вернулся радостный и возбужденный:

— Все в порядке, утвердил.

— Как вам удалось добиться этого? — изумился Сюнь Чуньчжи.

— Сначала он не хотел менять своего решения. Но я так горячо его убеждал, что в конце концов он даже рассердился, отшвырнул от себя сочинение прежнего кандидата и воскликнул, что тому придется подождать с первым местом до следующих экзаменов. Да, не повезло парню,— впрочем, мне до этого дела нет!

Сюнь Чуньчжи весело вышел из комнаты министра и рассказал о случившемся экзаменаторам. Все стали поздравлять его. Один только Инь Цзунъюан тайком подсмеивался над их глупостью и думал: «Все равно, сочинение Вэнь Динжу я отыскал и забраковал!»

Время летит незаметно. Никто не успел оглянуться, как наступил день объявления результатов. Экзаменаторы в парадной одежде собрались в специальном зале и стали вскрывать сочинения, начиная с завоевавшего шестое место. Имена прошедших громко выкрикались и тут же заносились на доску. Среди них было много видных ученых вроде Цзян Бяо, Ми Цицзэна и других. Не были упомянуты только Чжан Цянь и Вэнь Динжу. Министр Пань не слишком волновался, так как думал, что они окажутся на первых местах.

Уже смеркалось. В зале зажгли тысячи красных свечей и шелковых фонарей, от которых стало светло как днем. Настроение у всех было приподнятое. Когда объявили, что сейчас огласят имена первых пяти выдержавших, министр Пань Цзунъюнь приложил ладонь к уху, уверенный, что первое имя, которое выкрикнут, будет: «Чжан Цянь из провинции Цзянсу». Однако глашатай не сумел угодить ему и отчетливо произнес имя какого-

то Лю Ни. У министра борода встала дыбом. Тем временем Сюнь Чуньчжи нашел сочинение, которое отложил в сторону главный экзаменатор, и распечатал уголок. Ну конечно! Там черным по белому было написано имя Чжан Цяня! Когда он сказал об этом министру, тот лишь молча рот разинул, словно немой, проглотивший стручок перца.

Список уже был заполнен, поэтому все стали расходиться. В расстроенных чувствах, повесив голову, вернулся домой и Пань Цзунъинь.

После испытаний при дворе, которые не замедлили вскоре последовать, новые цзиньини гурьбой повалили с визитами к Пань Цзунъиню, чуть не стоптав ему порог. Министр милостиво принимал каждого персонально, и только несчастный победитель столичных экзаменов все время натывался на закрытую дверь. С каждым разом его охватывали все большие сомнения, и от этого он стал являться еще чаще.

Однажды в начале июня, когда министр вернулся с дежурства во дворце, привратник доложил ему:

— В связи с истечением срока службы в Хубэе в Пекин прибыл господин Цянь Дуаньминь. Вот его визитная карточка...

Министр обрадовался.

— Проси! Проси! — вскричал он.

— Кроме того, вас дожидается лауреат столичных экзаменов Лю,— добавил привратник.

— Какой там еще лауреат? — выпучил глаза министр.— Я его все равно не приму.

Привратник не посмел возражать и тотчас удалился.

Мы помним, что Цянь Дуаньминь занимал должность учебного инспектора в провинции Хубэй. Когда трехлетний срок службы кончился, он испросил отпуск, провел несколько месяцев в своем родном городе и сейчас снова вернулся в Пекин. Пань Цзунъинь был его учителем, поэтому Цянь сразу решил нанести ему визит. В гостиную министра он встретился с новоиспеченным лауреатом. Тот рассказал Цянь Дуаньминю, что министр не хочет его принимать, и попросил Цяня замолвить за него словечко.

В этот момент слуга пригласил Цянь Дуаньмина войти. Цянь последовал за слугой и, переступив порог кабинета, хотел поклониться Пань Цзунъиню, но тот остановил его.

— Мудрый брат три года усердно трудился,— сказал

министр с улыбкой.— Даже похудел! Мои друзья в один голос говорят, что вы так ратовали за древние науки и боролись со злоупотреблениями, что вас можно сравнить с Цзи Юнем и Жуань Юанем! *

— Я только следовал наставлениям учителя и старался не совершать ошибок,— промолвил Цянь Дуаньминь.— Мне удалось собрать лишь жалкий репей и бурьян. Могу ли я сравниться с учителем, который одной сетью поймал людей, подобных бамбуковым стрелам юго-востока или драгоценным камням северо-запада?

Министр покачал головой.

— Вы смеетесь надо мной! Ни Чжан Цяня, ни Вэнь Динжу в списках не оказалось. Как говорится, упустил жемчужину, что висит на шее дракона, добыв вместо нее несколько чешуек! Самое неприятное, что я много раз исполнял должность экзаменатора, а в результате попался на удочку какого-то мужлана!

— Не говорите так, учитель,— остановил его Цянь Дуаньминь.— Я еще на юге слышал, что этот Лю Ни довольно способный литератор. О его нынешнем сочинении все хорошо отзываются. Боюсь, что Чжан Цяню не добиться ничего подобного! К тому же, насколько мне известно, при дворе скоро будет устроен конкурс на места письмоводителей Императорской канцелярии. Если господа Чжан и Вэнь действительно обладают выдающимися талантами, они непременно добьются успеха и будут около вас. К чему расстраиваться? Кстати, лауреат столичных экзаменов уже несколько раз приходил к вам с визитом. Было бы лучше все-таки принять его.

Министр рассмеялся:

— Оказывается, вы пришли ходатаем за этого выскочку! Ну ладно, ради вас я загляну к нему в гостиную. Только не уходите!

И он широкими шагами направился к двери. Завидев строгое лицо Пань Цзуньиня, лауреат испуганно разостлал на полу красный коврик и трижды поклонился в землю. Министр только махнул ему рукой в знак приветствия. Лауреат, опустив глаза, не решаясь взглянуть в лицо Пань Цзуньиню, бочком подполз к кану и осторожно сел на краешек.

— Твое сочинение сделано неплохо. Ты сам его писал? — ехидно начал Пань.

Лауреат покраснел.

— Да.

— Ну и ловкач! Уважаю! — захохотал Пань Цзуньинь и взял в руки пиалу с чаем. Лауреат понял, что его выпроваживают, поднялся и стал задом пятиться к дверям. Тут он не заметил ступенек, поскользнулся и полетел вверх тормашками, вторично после экзаменов показав при этом самый высокий класс. Министр засмеялся и не удостоил его взглядом. Сконфуженный лауреат рысцой поспешил к коляске. Цянь Дуаньминь, который стоял у дверей кабинета и видел всю эту сцену, не мог удержаться от смеха, но когда министр вернулся, он посчитал неудобным снова заговорить о лауреате.

Пань спросил его, как обстоят дела в Хубэе и хорошо ли чувствует себя на губернаторском посту Чжуан Чжидун. Цянь Дуаньминь, в свою очередь, осведомился о делах при дворе, а затем распрощался с министром, заехав по дороге к Гун Пину и Лу Жэньсяну.

Следует сказать, что с возвращением Цянь Дуаньминя у Лу Жэньсяна снова появился друг, и он вместе с ним, Цзян Бяо, Ми Цицзэном, И Цзюем и другими земляками, только что выдержавшими государственные экзамены, по очереди устраивали пиры и кутежи. В веселье незаметно подошло начало осени. Однажды к Лу Жэньсяну явился некто по фамилии Хуан. Только приняв его, Лу узнал, что перед ним переводчик Цзинь Вэньцина; оказывается, он вернулся из России в связи с болезнью матери и по поручению начальника привез с собой карту пограничных районов Китая и России.

В пакете, который вручил ему посланец, Лу Жэньсян увидел двенадцать больших разноцветных листов, пересеченных жирной красной линией границы. Лу задумался. Сейчас в Палате внешних сношений у него не было знакомых, но он слышал, что Цянь Дуаньминь близок с начальником палаты Чжуан Хуаньбином, а поэтому лучше попросить о помощи своего друга. Он написал письмо и отослал его с нарочным во Внутренний город. Вскоре слуга вернулся и доложил:

— Его превосходительство Цянь вместе с главным экзаменатором Юй Туном и господином Гун Пином отправились проверять сочинения на конкурс писемоводителей Императорской канцелярии. Я его не застал, но письмо оставил.

Лу Жэньсяну пришлось набраться терпения. Через три-четыре дня, когда он уже собрался уходить из дому, слуга внес пакет. Лу сразу увидел, что письмо от Цянь Дуаньминя, распечатал его и прочел:

«Получил ваше письмо еще позавчера, но долго не отвечал, так как был занят проверкой сочинений. Пожалуйста, простите! Сейчас некоторые нужные люди находятся в моем доме. Молю вас почтить меня своим присутствием. Кстати, поговорим и насчет карты».

В конце стояло четыре иероглифа: «Имя знаете, не подписываюсь».

Лу Жэньсян велел заложить коляску и тут же отправился к Цянь Дуаньминю. В гостиной уже сидели высокий, плотный Чжуан Хуаньин с челюстью тигра и лбом ласточки, коротышка Дуань Хуцяо с круглой красной физиономией и развязными движениями. Третьего — солидного господина с полным белым лицом — Лу не знал.

— Итак, вы говорите, что главный экзаменатор Юй Тун оказал вам очень большую услугу,— услышал Лу Жэньсян, входя в комнату. В этот момент гости увидели его и поспешно поднялись для приветствия. Лу поздоровался со всеми и уже хотел спросить имя солидного господина, но Цянь Дуаньминь опередил его:

— Позвольте представить вам господина Вэнь Динжу, только что занявшего первое место в конкурсе на должность письмоводителя Императорской канцелярии!

Лу Жэньсян произнес традиционное: «Давно мечтал познакомиться!» — и все уселись.

— Так расскажите, пожалуйста, какую услугу оказал вам главный экзаменатор? — обратился Дуань Хуцяо к Вэнь Динжу.

— Он сказал, что господа Гун Пин и Цянь Дуаньминь были недовольны моим сочинением и что только благодаря его усилиям сочинение удалось отстоять!

Цянь Дуаньминь захохотал:

— Ваше сочинение действительно попало сначала на просмотр Юй Туну. В первом разделе вы использовали отрывок из «Исторических записок» *, повествующий о девяти мудрых правителях древности. Он ничего не понял и обратился с вопросом ко мне. Увидев сочинение, я сразу узнал ваш почерк, сказал об этом Гун Пину, и мы вместе отправились к Юй Туну ходатайствовать за присуждение вам первого места. Однако он никак не хотел согласиться с нами, ссылаясь на то, что у вас плохой стиль. Гун Пин долго с ним спорил, чуть до скандала не дошло. Мне даже пришлось мирить их, а потом я потихоньку сказал Юю, что это действительно ваша работа и не стоит лишать своего ученика первого

места. Тут-то он и сдался. А когда при вскрытии работ он увидел ваше имя, он так обрадовался, что даже очки на нос нацепил. Вгляделся внимательно, прищурил глаза и говорит: «В самом деле Вэнь Динжу, в самом деле Вэнь Динжу!» А сейчас, значит, он похвалится, будто оказал вам услугу? Ну не смешно ли это!

— Не смейтесь над ним,— укоризненно произнес Чжуан Хуаньин.— Юй Тун охотно выдвигает талантливых ученых. Несколько дней назад ученый Ван Ляньсунь подал доклад об исправлении «Генерального каталога по четырем разделам» *, и Юй Тун согласился передать его двору. Разве это не из ряда вон выходящее событие?!

Во время этого оживленного разговора в комнату влетел какой-то молодой человек с криком:

— Несчастный! Несчастный!

Цянь Дуаньминь вздрогнул от неожиданности, а гости повскакали с мест.

Воистину:

Благодаря настойчивому спору
Достойный труд был господами признан.

Ученый муж, чье имя всем известно,
По праву был отмечен первым призом!

Если вы хотите знать, кто был пришелец и почему он кричал, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

СТИХОТВОРЕНИЕ СТАНОВИТСЯ СВАТОМ ДЛЯ ОПАЛЬНОГО ЧИНОВНИКА.
МАЛЕНЬКАЯ ПЕСЕНКА ПОЗВОЛЯЕТ ПРОХОЖИМ УВИДЕТЬ
КРАСОТУ ЗНАТНОЙ ЖЕНЩИНЫ

Когда в комнату с криком вбежал какой-то юноша, все вскочили и узнали Цзян Бяо.

Он был настолько рассержен и взволнован, что не мог выговорить ни слова. Как вы думаете почему, читатель? Неловко даже рассказывать! Дело в том, что Цзян Бяо держал провинциальные и столичные экзамены одновременно с Ми Цицзэном, кроме того, несколько месяцев они прожили вместе в землячестве провинции Цзянсу и наконец очень сдружились. Двор высоко оценил их таланты, дав им титул кандидатов в члены академии, поэтому они тотчас перевезли свои семьи в столицу. Судьба друзей была сходна, но условия, в которых они

жили, неодинаковы. Цзян Бяо снял в столице небольшой домик и жил с женой в мире и согласии, ничуть не тяготясь своим положением бедного ученого. А Ми Цзицзэн был сыном богатых родителей, но в просторном доме фешенебельного переулочка Сучжоу чувствовал себя словно птица в клетке. Отчасти здесь была виновата его супруга, дочь лауреата, со временем ставшего президентом Цензората *. Эта почтенная матрона не отличалась чрезмерной красотой, зато обладала весьма богатым темпераментом, резко отличавшим ее от других женщин, за что и получила прозвище «бой-бабы». Она была слишком высокомерна, чтобы обращать внимание на простых женихов, к тому же в ее жилах текла кровь лауреата, поэтому больше всего на свете ее пленяли ученые степени. Если бы какому-нибудь физиологу удалось вскрыть ее мозг, он наверняка оказался бы таким же чистым от отсутствия мыслей, как тело тридахны *.

С тех пор как она вышла замуж за Ми Цзицзэна, она постоянно была недовольной. То ей казалось, что Ми некрасив, то она ворчала, что, пока муж не станет цзюй-жэнем, ему не отделаться от клички «вонючий студент» даже в том случае, если его ученость способна загрузить пять телег, а познания — завалить Три ущелья.

Постепенно она стала презирать мужа. Сначала ограничивалась словесными насмешками, потом перешла и к мерам физического воздействия. Из уважения к тестю Ми Цзицзэн всегда уступал ей, но невольно привычка превратилась в натуру, и Ми Цзицзэн стал подчиняться и льстить собственной жене так, будто это было его святейшей мужней обязанностью. После того как Ми несколько раз провалился на экзаменах, он начал задумываться о том, чтобы купить должность чиновника в провинции. Узнав об этом, жена расплакалась и учинила ему страшный скандал:

— В нашем роду никогда не было недоучек! Ты позоришь всех нас! Слушай, что я говорю: если не победишь на экзаменах, береги свою вонючую шкуру!

Ми Цзицзэну ничего не оставалось, как снова взяться за подготовку. Успешно выдержав провинциальные и столичные экзамены, он был наконец зачислен в разряд ученых без должности. Окружающие радовались за него и пророчили императорские милости. Кто бы мог подумать, что, узнав о предстоящем приезде жены в столицу, Ми загрустит?! Он понимал, что раз он не завоевал первого места на экзаменах, расплата неизбежна.

В этот день, когда Ми собственноручно, взяв в руки метелку из куриных перьев, тщательно смахивал пыль в комнате, приготовленной для жены, он вдруг услышал во дворе голос Цяо — служанки, которую жена, выходя за него замуж, взяла с собой из семьи матери. Перешагнув порог, служанка поклонилась хозяину и сказала:

— Госпожа с двумя барчатами и двумя барышнями уже приехала! Они сейчас в доме вашего уважаемого тестя!

Ми Цзицзэн растерянно выронил из рук метелку.

— Я пойду туда. Сию минуту!

— Госпожа приказала, чтобы вы никуда не выходили! — остановила его служанка. — Она сейчас придет!

— Ну, тогда я не пойду, буду ждать дома, — смирился Ми.

Вскоре слуга, дежуривший у ворот, доложил:

— Госпожа прибыла!

Ми Цзицзэн вслед за Цяо в три прыжка выскочил из дому и услышал громкую брань:

— Ах вы, непочтительные рабыни! Видят, что госпожа сходит с коляски, так даже скамеечку не догадуются подставить! Мне служить — не то что моему мужу! Бегаете здесь все от работы, словно у каждой по три ноги!

С этими словами госпожа в унизированной жемчужом накидке, опираясь одной рукой на плечо Цяо, а другой держась за локоть дочки, переступила порог вторых ворот. Со всех сторон ее окружали молодые и старые служанки.

— Поздравляю тебя с успехом! — бросила она, столкнувшись с Ми Цзицзэном. — Теперь ты уже не вечный студент, как прежде, а ученый, хотя и без должности! Что же ты не покажешь себя господином? В доме как будто хозяина нет, даже метла вверх ногами стоит!

Ми заискивающе улыбнулся:

— Я думал, ты приедешь и сама наведешь порядок...

Все вошли в дом, состоявший из пяти комнат с флигелями. В левой части дома помещались комнаты Ми Цзицзэна, а правая половина, с аккуратно убранной спальней, была приготовлена для жены. Через минуту они оказались в средней комнате, которая служила гостиной. Усевшись, госпожа сняла накидку и обратилась к детям:

— Что же вы не поздороваетесь с папой? Поздравьте его!

Четверо детишек, мал мала меньше, поклонились Ми Цзицзэну и пожелали ему счастья. Ми приласкал детей и, увидев, что жена в хорошем настроении, немного успокоился. Вскоре был подан обед. Супруги сели друг против друга, и жена принялась расхваливать искусство повара.

— Я знал, что ты любишь янчжоуские кушанья,— умиленно произнес Ми Цзицзэн,— и специально выпил этого повара из твоих родных мест.

— Ой, я совсем забыла спросить! — прервала его жена.— А у него есть борода?

Ми оторопел, не понимая, к чему этот вопрос.

— Я только что ходила на кухню,— вмешалась Цяо,— кажется, есть несколько волосков.

Жена моментально выплюнула кусок мяса и закричала:

— Терпеть не могу этих бород! Из десяти поваров девять всегда пробуют еду. А если у них борода, получается не суп, а настоящий навар из волос! При одной мысли об этом с ума сойдешь!

Рыгнув, она оттолкнула от себя чашку с палочками и не стала есть.

— Но ведь это легко исправить,— простодушно заметил Ми Цзицзэн.— Перед ужином скажем, чтобы он сбрил бороду!

Жена промолчала. Пытаясь отвлечь ее, Ми спросил первое, что ему взбрело на ум:

— Когда ты была у отца, он что-нибудь говорил про мои экзаменационные дела?

— Очень ты ему нужен! — холодно ответила жена.

— Ты всегда мечтала, чтобы я занял первое место на экзаменах! — засмеялся Ми Цзицзэн,— Представь себе, я был лауреатом целых полдня!

Ми ожидал, что жена станет расспрашивать его, но она лишь слегка изменилась в лице.

— Как обычно, сановник, проверявший сочинения, определил лучшие десять работ для представления императору,— продолжал Ми Цзицзэн.— Когда их подавали, мое сочинение лежало первым, как выдающееся, но затем почему-то оказалось в самом конце. Говорят, император случайно переложил его под низ, а экзаменаторы не посмели исправить его ошибку. Подумай, как мне не повезло!

При этих словах лицо жены исказилось.

— Тьфу! — не выдержала она.— Хорош молодчик. Мало того, что ты смеешься надо мной, так еще хочешь обмануть, как трехлетнего ребенка! — И она зарыдала, выкрикивая сквозь слезы: — Ты предлагаешь нашему повару сбрить бороду. Это что: нарочно или очередная глупость? Мои предки носили на шапках красные шарики, на халатах — журавлей и фазанов, а я живу с человеком, которому нацепили на грудь короткохвостую иволгу! * Смотреть на тебя противно! Вот несчастная моя судьба! Вышла замуж за лопухого идиота! Дочь чиновника второго ранга оказалась ниже проститутки Фу Цайюнь! Лопнуть от злости можно! Нечего изворачиваться, успокаивать меня красивыми словами! Я знаю лауреатов, которые выдвигаются раз в три года, а о таких, которые держат это звание полдня, что-то не слышала. Видишь, что меня легко обидеть, вот и пользуешься! Подумать только: стоило ему чуть-чуть продвинуться, он на меня уже внимания не обращает! Как я теперь жить буду? Нет, уж лучше тебя убью и с собой покончу!

Она рванула себя за волосы, бросилась на Ми Цзицзэна и приперла его к стенке.

— Не сердись! — запищал Ми.— Виноват, каюсь!

Служанка Цяо, которая увидела, что дело принимает опасный оборот, изо всех сил стала разнимать супругов. Воспользовавшись мгновением, Ми Цзицзэн рухнул на колени, но жена закатила ему такую пощечину, что он отлетел на несколько шагов.

— Господин, вы что, старых правил * не знаете?! — напомнила Цяо.

— Побереги мою честь, женушка,— взмолился Ми Цзицзэн.— Позволь мне встать на колени на заднем дворе!

Но жена молча плакала, не обращая на него внимания. Ми, прихрамывая, прошел на задний дворик и встал там на колени лицом к комнате супруги. Только тогда жена перестала плакать и, как была, в одежде повалилась на кровать.

Слуги и служанки перетаскивали вещи, убирали комнаты и совсем забыли о своем господине. Не смея без разрешения подняться с колен, бедный Ми провел на открытом воздухе всю ночь. С трудом он дождался рассвета и тут вдруг вспомнил, что сегодня — день рождения тестя. «Он еще извинит меня, если я не приду с поздравлением! — пронеслось в мозгу Ми Цзицзэна.—

Но как быть с завтраком, на который меня пригласил сегодня учитель Цянь Дуаньминь? Этим никак нельзя пренебречь!»

Пока он лихорадочно размышлял, к нему подошла дочка Фэнъэр. Ми Цзицзэн разными посулами уговорил ее отправиться к нему в комнату и, таясь от матери, принести кисть, тушь и почтовую бумагу.

Фэнъэр было двенадцать лет, и она уродилась смысленной. Через несколько минут она тихонько доставила отцу все, о чем он просил. Обрадованный Ми превратил подоконник в письменный стол и написал тестю, умоляя его прийти и как-то урезонить свою дочь. Потом он велел Фэнъэр тайком отправить письмо.

После учиненного скандала жене спалось плохо. Проснулась она поздно, когда солнце уже почти подошло к зениту, и начала поспешно умываться и причесываться. Затем приказала заложить коляску, чтобы ехать к отцу на день рождения.

Вдруг со двора вбежала Фэнъэр.

— Мама! Вам письмо от дедушки!

— Ну-ка, давай! — сказала женщина и вырвала из рук дочери письмо. Пробежав глазами две строчки, она внезапно повернулась и взглянула на Цяо: — А где мой муж?

— Папа все еще стоит на коленях на заднем дворе, — вмешалась Фэнъэр.

— Госпожа, простите его! — прибавила Цяо.

Женщина звонко расхохоталась.

— Любопытно! Кто ему велел становиться на колени? Это все ваши штучки! Фэнъэр, беги скорее к папе и скажи, что сегодня у дедушки день рождения. Он, поди, забыл.

Девочка умчалась словно вихрь. Вскоре Ми Цзицзэн, опираясь на дочь, подковылял к супруге.

— Что с твоими ногами, дорогой? — завидев его, спросила жена.

Ми улыбнулся:

— Не знаю, видно, где-то подвернул. Хорошо, что ты напомнила мне о дне рождения тестя, а то я бы опять проявил себя невежей!

Жена засмеялась. В этот момент вошел слуга и доложил о приходе гостя. Ми Цзицзэн, для которого эти слова прозвучали лучше всякой музыки, ответил: «Скорее проси!» — и моментально улизнул в гостиную. Жене показалось странным его поведение: слуга не сказал

имени гостя, хозяин так нетерпеливо реагировал на весть — тут явно что-то кроется.

— Иди вслед за отцом,— приказала она дочери.— Посмотришь, с кем он разговаривает, и скажешь мне.

Фэньэр весело убежала. Минут через пять она вернулась вприпрыжку и со смехом сообщила:

— Мама! Там какой-то очень красивый гость. Похож на актера, который в Шанхае играл молодую девушку!

«Плохо дело,— подумала супруга.— Недаром он помчался сломя голову!» Она вскипела и, забыв обо всем, ринулась к гостинной. Заглянув в щелочку, она действительно увидела прелестного юношу с алыми губами, белоснежными зубами, изящным лицом и блестящими глазами, который тихо говорил о чем-то с Ми Цзицзэном. Сразу же решив, кто это может быть, жена выхватила из двери увесистый засов, откинула дверную занавеску и бросилась вперед с криком:

— Ах, вот как! Даже мальчики для развлечений повадились к нам в дом!

Юноша поспешно нагнул голову и увернулся, так что удар пришелся по плечу Ми Цзицзэна.

— Ну что ты!..— воскликнул он.— Это мой...

— Это твой заяц! * Думаешь, я не знаю? — взвизгнула женщина и без дальних слов, схватив Ми Цзицзэна за косу, поволокла его из гостинной, словно барана или свинью.

Двое слуг тотчас пришли на помощь насмерть перепуганному юноше, который в страхе забился в угол комнаты.

— Господин Цзян, выходите, пока не поздно! Чего же вы ждете?

Красивым гостем оказался Цзян Бяо, который пришел, чтобы забрать друга на завтрак к Цянь Дуаньминю, но вместо этого нарвался на неприятность. Воспользовавшись советом слуг, он точно дымок выскользнул из гостинной и отправился к Цяню. Цзян Бяо весь горел от возмущения. Вот почему, вбежав в дом Цяня, он воскликнул: «Несчастный!»

Но когда гости стали наперебой расспрашивать, в чем дело, Цзян Бяо раскаялся, что сболтнул, и густо покраснел.

— Братец, кто тебя обидел? — засмеялся Дуань Хуцяо.— Скажи мне, я за тебя отомщу!

— Не шути! — с серьезным видом оборвал его Чжунан Хуаньин.

— Ну говори же! — заторопил Цянь Дуаньминь.

— Ты ведь ходил приглашать Ми Цзицзэна? — спросил Вэнь Динжу.

— Да,— ответил Цзян Бяо,— но кто мог предполагать, что его жена окажется настоящей тигрицей!

И он рассказал о случае, который приключился в гостинной Ми Цзицзэна. Стены задрожали от общего хохота.

— Не издевайтесь над Цзицзэном,— сказал Чжуан Хуаньин. — Нынче все боятся жен, а первый сановник нашей империи — Ли Хунчжан — является вождем мужей, находящихся под башмаком!

— Действительно, всего несколько дней назад генерал-губернатор рассорился с женой из-за того, что хотел сделать Чжуан Юпэя своим зятем,— подтвердил Лу Жэньсян.

— Ссора — это слабо сказано,— возразил Дуань Хуцяо.— Боюсь, что его избили точно так же, как Ми Цзицзэна!

— Не будем болтать попусту! — воскликнул Вэнь Динжу.— Дайте господину Чжуану поскорее рассказать о происшествии с Ли Хунчжаном!

— С тех пор как Чжуан Юпэя разжаловали и сослали к Амуру за поражение в войне с французами,— начал Чжуан Хуаньин,— прошло семь или восемь лет. Генерал-губернатор часто вспоминал о нем, говоря, что он удивительно талантлив. В этом году, воспользовавшись бракосочетанием императора, Ли заплатил за Чжуан Юпэя выкуп и вернул его в столицу. Сейчас Юпэй живет при дворе Ли Хунчжана и ведает самыми важными бумагами. Генерал-губернатор ему всецело доверяет.

— Разве Чжуан Юпэй не обвинил в свое время Ли Хунчжана за высокомерие, расточительство и обман властей? — вскричал Лу Жэньсян.— Почему же генерал-губернатор взялся за его выдвижение?

— Ценить справедливость и подавлять личную неприязнь — долг каждого высокого вельможи,— пояснил Цзян Бяо.

— Нет! Пусть вас не вводят в заблуждение благородные поступки Ли Хунчжана: он совершает их для того, чтобы привлечь людские сердца! — рассмеялся Цянь Дуаньминь и, обернувшись к собравшимся, добавил: — Поскольку Ми Цзицзэна нам не дожидаться, я думаю, лучше продолжить разговор за столом!

Все прошли в столовую, находившуюся напротив.

Слуги внесли вино, и Цянь Дуаньминь налил по очереди каждому из гостей. Чжуан Хуаньина посадили на самое почетное место и стали торопить его продолжать рассказ:

— Так что же случилось с Чжуан Юпэем при дворе Ли Хунчжана?

— Вам, наверное, известно, что у генерал-губернатора есть молоденькая дочь,— промолвил Чжуан Хуаньин.— Ей не более двадцати лет, красотой она не уступит Нань Вэй *, талантом — Бань Чжао *, мудростью — Бао Линьхой *, а искусством в рукоделии — Сюэ Линьюнь *. Генерал-губернатор бережет ее как жемчужину и никогда с ней не расстанется, даже гостям не показывает. Не мудрено, что Чжуан Юпэй давно лелеял мечту взглянуть на нее.

— Скажите на милость, какой приткий! — воскликнул Лу Жэньсян.— Нехорошо, нехорошо!

— Однажды, когда Ли Хунчжан слегка простудился и отсиживался дома,— продолжал Чжуан Хуаньш,— ему пришла мысль посоветоваться с Чжуан Юпэем по какому-то служебному делу. Юпэй сразу же явился и только перешагнул порог, как его будто ослепило чем-то ярким, а сердце так и подпрыгнуло. Перед постелью начальника стояла изящная девушка среднего роста. Ее длинные брови чуть загибались по краям, в глазах таились одновременно красота и строгость, прямой носик был словно выточен из яшмы, а ровные зубы напоминали перламутр. Чжуан Юпэй хотел отступить, но генерал-губернатор уже увидел его и окликнул: «Входите, мудрый брат! Не смущайтесь — это моя дочь! — и, обернувшись к девушке, промолвил: — Познакомься, это господин Чжуан Юпэй». Девушка покраснела, стыдливо пожелала гостю счастья и, повернувшись, в одно мгновение упорхнула из комнаты. Чжуан Юпэй все еще продолжал кланяться. «Экая резвунья! — засмеялся Ли Хунчжан.— Избаловал я ее вконец!» Чжуан Юпэй присел на край постели и заговорил с начальником о делах. Но глаза его были устремлены на стол, где лежала тетрадь в парчовом переплете с заглавием: «Стихи, написанные у окна с зеленой занавеской». Внизу стояла подпись: «Бумагомарание ученой девушки». Воспользовавшись рассеянностью генерал-губернатора, Юпэй тихонько протянул руку и перевернул несколько страниц. Иероглифы были похожи на ажурную вязь, стихи поражали свежестью мысли. Юпэй понял, что перед ним

сочинение дочери Ли Хунчжана, и проникся восхищением, смешанным с завистью. Вдруг в глаза ему бросились две строфы под названием «Цзилун» *. Разве мог Юпэй не встревожиться?!

— Да, такой стих нелегко сложить,— сочувственно вздохнул Цянь Дуаньминь.— Больше половины пришлось бы посвятить высмеиванию Чжуан Юпэя!

— Здесь было не так,— возразил Чжуан Хуаньин.— Стихи начинались следующим образом:

Горько, безутешно я рыдаю,
Устремив на юг, к Цзилуну, взгляд:
Повернул командующий войском
Наших боевых коней назад...

Дуань Хуцяо захлопал в ладоши.

— Очень удачное начало! Как блестяще она выразила скорбь о судьбе страны!

Чжуан Хуаньин продолжал декламировать:

Одно сражение это показало:
Важна проверка для чиновных лиц!
Ведь из-за тех, что были нерадивы,
Потеряны заставы у границ!

— Строгое порицание. Настоящая кисть историка! — похвалил Цзян Бяо.

Мне легче оттого, что Фань Гуань *
За поражение тоже нес вину,
Но кто же вас послал туда сражаться,
За рубежи, в далекую страну?

Мечтая о победе, государь
Глаз не смыкал до самого утра,
Так что ж вы не могли его утешить,
Сановные защитники двора?

Раздались дружные возгласы одобрения.

— Дальше еще лучше! — предупредил Чжуан Хуаньин.

И скорбью и страстью наполнены ваши речи,
Светила священного сердце растрогали вы,
Как гордый Чанжу *, вы чиновников знатных при встрече
Привыкли приветствовать только кивком головы.

Сказать о талантах — вы незаурядный вельможа,
И право же, все ниже вас, господин мой, стоят.
Но лишь на словах вы грозились врага уничтожить
И лишь на бумаге водили в сраженья солдат!

В палатах роскошных был к месту Цзя И * знаменитый,
Зачем же на смерть был отправлен Чжун Цзюнь * со шнуром?
Щиты носорожьи, тигровые шапки — зарыты!
В том ваша ль вина — пусть историки скажут потом!

— Какая печальная интонация у этих стихов! — промолвил Вэнь Динжу. — И события оцениваются довольно мягко. Можно подумать, что эта девушка — закадычный друг Чжуан Юпэя.

— Совершенно верно! — подхватил Чжуан Хуаньин. — Едва он прочел эти стихи, как из глаз его хлынули горячие слезы. Генерал-губернатор поглядел на него и сказал с улыбкой: «Это — каракули моей дочери. Не судите слишком строго!» Тогда Юпэй поднялся и с серьезным видом произнес: «Небо даровало вашей дочери удивительный талант, перед которым бледнеют даже опытные поэты, не говоря уже о поэтессах!» Ли Хунчжан засмеялся: «Именно потому, что моя дочь не лишена некоторых способностей, она слишком задрала нос. Например, замуж ее выдать очень нелегко. Кстати, не возьметесь ли помочь мне в этом?» — «Найти девушке подходящую пару — самая трудная задача в Поднебесной! — промолвил Чжуан Юпэй. — Тем более это относится к вашей дочери, которая одинаково удалась и красотой и талантом. Скажите, пожалуйста, учитель: какого типа человек вам нужен?» Ли Хунчжан расхохотался: «Такой, как вы, мой мудрый брат, и я буду вполне удовлетворен!» Чжуан Юпэй оторопел. «Я только что удостоился чести видеть стихотворение «Цзилун», написанное вашей дочерью, — промолвил он. — Воистину, барышня сумела проникнуть в самую мою душу. Я приложу все усилия, но боюсь, что подходящего человека найти будет трудно!» Генерал-губернатор кивнул и вдруг внимательно поглядел на Чжуан Юпэя. Тот понял, что начальник имеет некоторые виды на него, и, опасаясь, как бы вельможа не раздумал, сразу по возвращении домой послал сватов. Ли Хунчжан согласился.

— Любовь, освященная искусством, всегда была самой глубокой и прочной! — вздохнул Вэнь Динжу. — В таких случаях людей влечет друг к другу, как два куска магнита, и они готовы без раскаяния пойти на смерть! Разве обыватель способен понять подобное чувство!

— А мне жаль Чжуан Юпэя: ведь его карьера уже никогда не будет восстановлена! — сказал Цянь Дуаньминь.

Все удивились.

— До сих пор только Ли Хунчжан осмеливался подавать голос в защиту Юпэя,— объяснил Цянь Дуаньминь.— А сейчас генерал-губернатор стал его тестем и, несомненно, побоится толков. Кто же станет стараться за него? — Он обратился к Чжуан Хуаньину: — Продолжайте, пожалуйста!

— Чжуан Юпэй был сам не свой от радости, когда обручился. Кто мог ожидать, что едва эта весть дойдет до госпожи Ли, она набросится на мужа с руганью: «Старый болван! Столько женихов выбирал для нашей дочурки, нежной, как цветок, и прекрасной, как яшма! Одни ему не подходили потому, что были слишком знатны, другие потому, что слишком низки. А в результате прочит ее за сорокалетнего преступника! Только теперь я поняла, как ты глуп. И не думай даже об этой свадьбе!» — «Жена,— с улыбкой говорит ей генерал-губернатор.— Ты напрасно презираешь Чжуан Юпэя! Он вдесятро способнее меня. Мое место в будущем непременно достанется ему, и тогда наша дочь будет такой же знатной, как и ты!» — «Гм! Никогда не видела, чтобы ссыльные становились вельможами! — возражает супруга.— Если ты не выкинешь все это из головы, я из тебя душу вытряхну!» И она заплакала. Ли Хунчжан не знал, что делать, но в этот момент дочь, слышавшая всю ссору, бросилась утешать мать: «Мама, не сердитесь. Отец уже просватал меня за господина Чжуана. Разве можно брать слово назад? Я тоже не хочу менять своей судьбы. Ведь у папы глаз меткий: как говорится, «просватаете за петуха, пойду за петуха, просватаете за кобеля, пойду за кобеля»,— никогда не буду на вас в обиде!»

Когда госпожа Ли убедилась, что дочь согласна, ей пришлось уступить. Свадьба была сыграна, и Чжуан Юпэй погрузился в блаженство, так как брак оказался на редкость удачным. Вы только подумайте: если бы не поддержка дочери, генерал-губернатор мог бы и не выдержать натиска жены!

— Да, изменения в судьбах людей невозможно предугадать,— задумчиво молвил Цянь Дуаньминь.— Вспомните, как гремели Чжуан Юпэй и Чжу Пу в те времена, когда подавали доклады трону! А сейчас, хоть они и наслаждаются в тиши своих покоев и заглушают чувства стихами и вином, их карьера как выдающихся деятелей навсегда закончена!

— Чжуан Юпюю хоть на склоне лет улыбнулось счастье! — подхватил Дуань Хуцяо.— А несчастному Чжу Пу совсем не повезло: едва он вернулся в Пекин, как Чжуэр не выдержала здешнего климата и умерла. Чжу Пу сильно загрустил и с головой ушел в развлечения, проводя все свое время на книжных базарах и в публичных домах. Напившись пьяным, он нередко падал прямо на улице и засыпал. Несколько месяцев назад рано утром он был обнаружен у ворот одного дома. Конечно, сердобольные люди подняли его и отправили домой, но в ту ночь он простудился, занемог и вскоре умер. Как жалко, правда?!

Все завздыхали. Пир уже пора было кончать, и гости попросили Цянь Дуаньмина скорее подавать горячие закуски. После еды, когда слуги принесли чай, Цянь воспользовался моментом и вручил Чжуан Хуаньину карту, переданную ему Лу Жэньсяном. Попутно он сообщил о желании Цзинь Вэньцина представить ее в Палату внешних сношений. Чжуан Хуаньин полностью одобрил этот план. Гости поблагодарили хозяйна за угощение и разошлись.

Вернувшись домой, Лу Жэньсян, разумеется, написал подробный ответ Цзинь Вэньцину, но это уже не столь существенно.

Расскажем лучше о Цзинь Вэньцине, который после отъезда переводчика Хуана с картой наслаждался полнейшим бездельем, ибо в те времена между Китаем и Россией не возникало никаких конфликтов. Несмотря на то что Цзинь находился на чужбине и был похож на птицу, случайно залетевшую на широкое поле, он чувствовал себя беззаботно и радостно. Не зная, чем заняться, он ходил с Куан Чаофэном в галерею восковых фигур, в «Кунсткамеру», катался в санях по Неве, гулял по Летнему саду, смотрел представления в театре «Паризиана» и балет, а также немного ознакомился с обучением солдат и арсеналом, чтобы собрать материал для своего дневника. Но все это было в свободное время, так как главным своим делом Цзинь Вэньцин по-прежнему считал научные исследования. Каждый день он штудировал историю династии Юань, занимался географией и даже на званых обедах, встречаясь с русскими сановниками, интересующимися историей и географией, обращался к ним с подробными расспросами.

Все уже знали, что китайский посланник любит разные побасенки о правлении монголов. Однако когда министр Гирс внезапно прислал ему с нарочным огромную старую книгу и письмо, Цзинь Вэньцин не сразу понял, в чем дело. Наконец с помощью переводчика он выяснил, что Гирс, помнивший о пристрастии Цзиня к монгольской истории, преподносит ему рукописный экземпляр «Истории монголов», сочиненной персом Рашид-ад-дином и передававшейся в его доме из рода в род. Цзинь Вэньцин тотчас написал благодарственный ответ. Книга была роскошно оформлена, но когда он раскрыл ее, оказалось, что перевести ни одного слова нельзя.

— Это арабский язык,— пояснил переводчик.— В посольстве нет никого, кто бы его знал.

Цзинь Вэньцину пришлось отложить книгу. Но, на счастье, через несколько дней из Германии приехал Бешков, и во время его визита Цзинь случайно заговорил о подарке русского министра.

— Эта книга переведена на русский язык Березиным! — воскликнул Бешков.— Перевод лежит у меня дома. Кроме того, у меня есть сочинения Д'Оссона и Нусеви, описывающие жизнь древних монголов. По возвращении я непременно перешлю вам все это для справок.

Цзинь Вэньцин очень обрадовался. Когда книги от Бешкова пришли, он посадил переводчиков за работу. Внимательно просматривая перевод, Цзинь убедился, что в книгах содержится немало фактов, которыми стоило бы пополнить династийную хронику. Тогда он заперся у себя в кабинете, отказался от гостей, положил слева от себя бумагу, а справа карандаш и в строгом уединении, словно принося священную жертву, продолжил свой нетленный труд, который, несомненно, должен был вывести его на первое место среди китайских дипломатов.

Но пока посланник с жаром предавался изучению древности, его молодая наложница всюю развернула свои способности по установлению внешних связей. Каким образом? Чтобы узнать это, нам придется сначала описать апартаменты Цайюнь. Они находились на восточной половине второго этажа и представляли собой три смежные комнаты, обращенные на юг. Окна заменялись балконами, золоченые двери которых выходили на Сергиевскую улицу. Средняя из комнат, обставленная

мебелью из сандала и грушевого дерева, с пологами из сычуаньской парчи и подушками с хунаньской вышивкой, была спальней Цайюнь; комната справа служила будуаром, а комната слева — столовой. В будуаре и столовой была расставлена лучшая западная мебель, на стенах висели картины, выполненные маслом знаменитыми художниками Европы. Конечно, этот уголок по роскоши и благородству уступал Башне очарования суйского императора Янди, но вполне мог соперничать с Зеркальным дворцом У Цзэтянь.

Цайюнь кончала свой ежедневный туалет лишь к полудню. Затем она шла в столовую и завтракала вместе с Цзинь Вэньцином. После трапезы Цзинь спускался в кабинет, чтобы приняться за свое «Дополнение к истории династии Юань», позволяя Цайюнь делать в своей спальне все, что ей заблагорассудится. О приключениях наложницы посланник не имел даже понятия, а тем временем с ней происходили следующие вещи.

Однажды, проводив Цзинь Вэньцина, Цайюнь от нечего делать приказала служанке поставить у окна небольшую фисгармонию. Поиграв немного, наложница заскучала и с досадой подумала, почему так долго не идет Афу. Взяв в руки золотой кальян и выпуская вишневым ротиком клубы густого дыма, она принялась внимательно осматривать улицу блестящими и живыми глазами. Вдруг на восточном конце улицы показался красивый молодой иностранец. Цайюнь решила, что это переодетый Афу, топнула ножкой и сердито закричала в форточку:

— Вот обезьяна! Опять взялся за старые штуки!..

Но слова застряли у нее в горле, потому что на лице юноши отразилось неподдельное изумление. Он медленно подошел к воротам посольства, остановился и, задрвав голову, стал пристально вглядываться в Цайюнь.

Женщина тоже присмотрелась и вздрогнула от неожиданности: лицо юноши показалось ей очень знакомым, но это был не Афу! Между тем молодой человек, почувствовав на себе взгляд Цайюнь, исчез в толпе.

Наложница сидела, терзаемая догадками. Вдруг лицо ее обдало холодом, чьи-то руки закрыли ей глаза и за спиной послышался приглушенный смех. Цайюнь напрыгла все силы и вырвалась.

— Что ты делаешь, хулиган?!

— Я смотрю на одну глупую птицу, которая прилетела из Тиргартена в Россию! — ухмыльнулся Афу.

Сердце Цайюнь подпрыгнуло: теперь она вспомнила, что иностранец в толпе — это пехотный офицер, которого она встретила однажды в Берлине. Она сердито покосилась на Афу.

— Не болтай глупостей! Мне так скучно... Чем бы развлечься?

Афу указал на фисгармонию.

— Я сыграю, а вы спойте. Согласны?

— А что петь?

— «Свежие цветы».

— Слишком старо!

— «Весь год думаю о тебе».

— О ком это я должна думать? — подозрительно спросила Цайюнь.

— Ну, тогда «В чайном домике». Интересная песенка!

— С ума сошел! — воскликнула Цайюнь.

Афу засмеялся:

— Есть еще «Восемнадцать объятий»: и новая и живая!

Он заиграл на фисгармонии китайский мотив. Цайюнь усмехнулась, отвернулась от него и спокойным, высоким голосом запела. В одно мгновение люди, проходившие мимо, столпились у ворот посольства, желая послушать, как поет жена китайского посланника.

Цайюнь вся отдалась пению, как вдруг заметила, что через толпу пробирается знакомый ей немецкий офицер. Она высунула голову в окно. Какая-то вещь соскользнула с ее волос и, сверкнув в воздухе, упала на улицу. Вскрикнув, Афу оторвался от фисгармонии и побежал вниз по лестнице.

Воистину:

Фиолетовый феникс был не в меру кокетлив,

И в порыве веселья лотос выронил он.

В это самое время к заморскому дому

Приближался, ликуя, краснотелый дракон!

Желающие узнать, что выронила Цайюнь, могут прочесть следующую главу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

НЕМЕЦКИЙ ЛЕЙТЕНАНТ В ДЕНЬ ПРАЗДНИКА МАСЛЕНИЦЫ
ЯВЛЯЕТСЯ К ГЕРОИНЕ.

СЛАВЯНСКАЯ НАЦИЯ, НЕ ШАДЯ ЖИЗНИ, БОРЕТСЯ ЗА СВОБОДУ

Увидев юношу, пробирающегося сквозь толпу, Цайюнь высунула голову в окно, но в этот момент с ее волос соскользнула платиновая заколка в форме коробочки лотоса, украшенная жемчугом и бриллиантами.

— Ой! — вскричала Цайюнь. — Скорее посмотри: что у меня упало с головы?

Афу оставил фисгармонию и, подскочив к Цайюнь, стал внимательно разглядывать ее прическу.

— Ничего. Хотя погодите! Не хватает одной из новых бриллиантовых заколок! Побегу искать!

Он стремглав бросился вниз по лестнице и, вылетев в коридор, с разбегу наскочил на старого слугу, который спешил в канцелярию, держа в руках иностранный конверт с золотой каемкой.

— Ты куда несешься?! — схватив Афу, закричал старик. — Что у тебя, глаза повывлазили?!

Афу узнал старого хозяйского слугу Цзинь Шэна.

— Отпусти скорее! — взмолился он. — Госпожа послала меня с поручением!

Цзинь Шэн гневно выкатил глаза.

— Ах ты выродок! Сбил человека, да еще оправдываешься?! Знаю я, какие у вас дела с госпожой, ни об одном прямо и сказать нельзя! С утра до вечера липнете друг к другу, как растаявшие леденцы, будто между господами и слугами и разницы уж никакой нет! В коляске вместе катаются, в театре сидят, в садах гуляют! Им все равно, где забавляться! Пользуются тем, что господин за ними не следит, и среди бела дня выкидывают наверху разные штучки! Теперь ни с того ни с сего петь начали, полную улицу бездельников собрали! Только Китай позорите!

Казалось, ворчанию старика не будет конца. Афу притворился, что ничего не слышит, и, вырвавшись, стрелой помчался на улицу. Когда он добежал до ворот, толпа уже разошлась. Посреди улицы стоял городской, а рядом резвились китайские ребяташки.

Увидев Афу, они бросились к нему.

— Дядя Афу! — крикнул один из них. — Ты обещал мне цепочку от часов! Помнишь?

— Правильно, а мне восковой мундштук! — подхватил другой.

Третий, постарше, засмеялся:

— Довольно клянчить! Неужели вы не видите, что он зря болтал?

Афу оттолкнул их.

— Не бойтесь, не обману! Только сейчас госпожа уронила бриллиантовую заколку! Помогите мне найти, тогда всех награжу!

— А где?

— Вот здесь, под окном!

Мальчишки разделились на группы и начали искать. Афу также внимательно осмотрел все место под окном, но заколки и след простыл. Он уже утратил всякую надежду найти ее, когда на углу показались Куан Чаофэн с переводчиком. Заметив, что Афу ползает по земле на четвереньках, они приблизились и спросили, что произошло.

Афу рассказал про потерянную заколку.

Куан Чаофэн усмехнулся:

— Когда мы уходили, на улице было полно народу. Наверняка кто-нибудь подобрал. А кто — поди сыщи!

— Вещь-то хоть стоящая? — осведомился переводчик.

— Недавно куплена! За пару тысяча лян! Как не стоящая?!

— Тогда надо скорее заявить о пропаже!

— А кому? — спросил Афу.

Переводчик указал на городского:

— Ну вон хоть ему!

— Афу не умеет говорить по-иностранному! — ухмыльнулся Куан Чаофэн. — Скажи за него!

Переводчик подошел к городскому. Долго тараторил что-то непонятное, потом вернулся и сказал, что городской обещал произвести розыски — только нужно знать, какая была заколка.

— Есть вторая такая же! — воскликнул Афу. — Я сейчас принесу!

И он взлетел наверх. Куан Чаофэн с переводчиком вошли в посольство, миновали коридор и оказались в канцелярии. Несколько сотрудников что-то строчили. Заметив Куана и переводчика, они встали и сообщили, что у посланника есть к ним дело — он ждет обоих в своем кабинете.

Вскоре Куан и переводчик подошли к библиотеке, где обычно занимался посланник. Откинув портьеру, они увидели Цзинь Вэньцина, мирно сидящего над сличени-

ем «Записок о деяниях основателя династии Юань» с «Историей монголов» Рашид-ад-дина. При виде Куана и переводчика он поднялся.

— Сегодня из министерства двора прислали официальную бумагу. Интересно, в чем дело? — сказал Цзинь, протягивая переводчику конверт с золотой каемкой.

Тот распечатал письмо, пробежал его глазами и закивал головой:

— Да, да! Сейчас в России отмечается крупный праздник, который называется масленицей. В каждом доме вывешивают гирлянды и флаги, поют песни, пьют вино. По случаю этого праздника русский царь девятого числа устраивает грандиозный бал в Зимнем дворце и просит пожаловать на него послов всех государств с супругами. Это приглашение от министерства двора, в котором говорится, что в назначенное время министр сам приедет за вами!

— Прекрасно! — промолвил Куан Чаофэн.— Нам снова представляется случай расширить свой кругозор!

— А я-то испугался,— облегченно вздохнул Цзинь Вэньцин.— Думал, предстоят какие-нибудь трудные переговоры! Несколько дней назад английский посол сообщил мне, что русская железная дорога совсем скоро будет доведена до Владивостока, что Россия слишком пристально смотрит на Корею и три наши восточных провинции. Он предполагает, что дорога сооружается для переброски войск, и советует нам воспрепятствовать этому. А я подумал, что мы сейчас можем сделать? Пусть себе орудуют!

— Сейчас отношения между Китаем и Россией очень хорошие,— поддакнул Куан Чаофэн.— К тому же немецкий канцлер Бисмарк всячески стремится посеять раздор между Россией и Австрией. Если подобный конфликт действительно возникнет, России будет не до нас. А английский посол боится, как бы Россия не заняла Индии, поэтому и страшает нас. Смотрите не попадитесь на его удочку!

— Господин Куан совершенно прав,— подтвердил переводчик.— Вчера в газетах сообщалось, что русские собираются проложить железную дорогу за Амударью. Зачем? Чтоб вторгнуться в Индию. Англичане очень боятся этого — вот в чем дело!

Куан и переводчик обмолвились несколькими фразами о том, как оживленно на улице, но не осмелились

упомянуть про заколку. Увидев, что начальник погружен в свои мысли, они распрощались и вышли.

Цзинь Вэньцин снова уселся за сверку «Записок» и проработал не отрываясь до самого вечера. Только к ужину он поднялся наверх и сообщил Цайюнь о предстоящем бале у русского царя.

Он хотел обрадовать ее, но Цайюнь, потерявшая заколку, была в дурном настроении и, сославшись на недомогание, отказалась пойти. Цзинь понял, что настаивать бесполезно, и промолчал.

В день бала — девятого февраля по русскому календарю или пятого по-китайскому — выглянуло яркое солнце, снежные сугробы стали таять. На небе виднелись лишь редкие облачка, дул теплый ветерок. Казалось, сам бог понимал, что наступил праздник, и помогал людям веселиться.

На улицах и площадях висели шелковые гирлянды, двери домов были радушно открыты, по всему городу перекликались колокола. Мужчины и женщины ходили с радостными лицами, в каждом переулке плясали и пели. Иностранные посольства также были украшены флагами и гирляндами в честь праздника. На воротах китайского посольства на Сергиевской улице висели огромные красные флаги с изображением пятипалого золотого дракона, а перед самым входом были воткнуты два разноцветных флага со свирепым двуглавым орлом.

На каждом этаже красовались искусно сделанные шелковые фонари с фигурками людей и картинами природы, все утопало в цветах и парче — вряд ли стоит об этом подробно рассказывать. Но на улице, где курсировали двое конных городских, было очень тихо. Неожиданно с западной стороны показался отряд из десяти конников в высоких шапках и черных мундирах. Словно ветер понеслись они к воротам посольства и, осадив коней, построились в две шеренги. За ними следовало десять пеших солдат в красных шинелях с золотой каймой и черных с золотом треугольных шляпах. Играя на музыкальных инструментах, они торжественным маршем подошли к конному отряду и стали возле него. Вскоре прибыли две кареты с плоскими, как у сундука, крышами. За ними ехал застекленный и увешанный сотнями золотых кисточек экипаж с красными колесами и узорчатыми осями. В него была впряжена шестерка арабских лошадей, украшенных попонами, с лентами в хвостах; на облучке величественно восседали два

кучера в черных бархатных шапках с золотыми околышами. Двое посольских слуг в синих куртках и шапках с красными кистями, непрерывно кланяясь, открыли дверь кареты и произнесли:

— Просим!

Из кареты вышел сановник русского министерства двора: огромного роста, с пушистой бородой. Синий мундир на нем был весь расшит золотом, на груди красовалась звезда с большой львиной головой, усыпанная драгоценными камнями. Медленно, с достоинством он прошел внутрь.

Примерно через час у ворот снова послышались голоса и громкий смех. Это Цзинь Вэньцин, в развеваемой ветром шелковой одежде, вышел из посольства под руку с министром двора. За ним следовал Куан Чаофэн и другие сопровождающие, также в парадных мундирах. Цзинь и министр уселись друг против друга в дворцовой карете, запряженной шестеркой лошадей, а позади, на запятках, встали четверо слуг во главе с Афу. Куан Чаофэн, переводчик и прочие сели в другую карету, запряженную четверкой. Эскорт заиграл в трубы и стройными рядами двинулся вперед. Спицы колес и лошадиные копыта смешались, пыль взвилась столбом, и процессия вышла на широкий проспект.

А в посольстве наступила тишина. Здесь осталась одна Цайюнь, не пожелавшая поехать на бал. Надев блестящее платье иностранного покроя, она сидела у окна и провожала взглядом Цзинь Вэньцина, а в сердце ее тем временем закралась тоска. Она не захотела принять участие в празднестве главным образом потому, что городской обещал сегодня принести весть о потерянной заколке. К тому же уход всех из посольства сулил ей возможность свободно насладиться обществом Афу. Кто мог подумать, что господин, как назло, заберет Афу с собой!

Цайюнь было неудобно протестовать, и вот теперь она сидела здесь, грустно взирая на общее веселье, раскаиваясь и негодуя.

Опершись о подоконник, добровольная затворница смотрела некоторое время на проезжающие мимо экипажи, но вскоре ей это наскучило. Она обругала горничную слепой за то, что та, подавая трубку, слегка задела ее щеку. Потом ей не понравилось, что все служанки словно вымерли: не иначе как побежали миловаться со своими любовниками!

Одна из горничных, желая задобрить госпожу, заискивающе поднесла ей чашку чая. Цайюнь отхлебнула глоток из рук горничной, но поторопилась и ошпарила губы.

— Мерзавка! Ты же меня обварила! — вскричала она, давая служанке пощечину.

Та отпрянула, выронила чашку, и чай вылился прямо на новое платье Цайюнь.

Даже не сделав попытки стряхнуть воду с платья, наложница нервно позвала:

— Подойди поближе, милая! Не бойся, я не кусаюсь!

Но едва горничная сделала шаг вперед, как Цайюнь выхватила из волос золотую ухвертку и несколько раз вонзила ее в руку девушки. Брызнула кровь, но Цайюнь, не успокаиваясь на этом, искала глазами, чем бы еще ударить служанку. Вдруг за дверью послышался шорох.

— Кто там? — закричала Цайюнь. — Кто это смеет подкрадываться и пугать людей?!

Вошел Цзинь Шэн, держа в руке конверт.

— Пришло какое-то иностранное письмо. Специальный нарочный принес. Сказал, чтоб передали вам, а вы будто бы все знаете!

— Оставь! — приказала она и бросила горничной: — Что ж ты не подашь мне письмо? Или тебе нужно особое приглашение?!

Девушка со слезами на глазах боязливо приблизилась и передала письмо Цайюнь. Старый слуга, что-то проворчав, скрылся.

Некоторое время наложница пребывала в растерянности и не решалась вскрыть пакет, но когда Цзинь Шэн вышел, поспешно его распечатала. В конверте было вовсе не официальное послание, а маленький, небрежно исписанный листок:

«В день русского праздника масленицы, в час пополуночи, немец, подобравший закладку, придет в китайское посольство. Просьба к человеку, потерявшему закладку, не уходить из дома».

Дочитав записку до конца, Цайюнь удивилась и обрадовалась. Обрадовалась она тому, что наконец получила весть о пропавшей драгоценности, а удивило ее то, что человек, подобравший такую дорогую вещь, не спрятал ее, не продал, а, напротив, решил вернуть, причем вернуть лично. «Что это за человек и каковы его намерения? — подумала наложница. — Выходит к нему, когда он явится, или разговаривать через слуг?»

Пока она размышляла, из столовой донесся бой часов. Цайюнь начала считать: уже двенадцать.

— Завтрак прикажете накрывать в большой столовой, госпожа? — осведомилась вошедшая служанка.

— А что, об этом еще нужно спрашивать?!

Служанка вышла и через некоторое время вернулась, приглашая ее к столу. Цайюнь сунула письмо в карман, грациозной походкой направилась в столовую и села за маленький круглый столик из красного дерева, за которым обычно завтракала. Стол был покрыт белой скатертью с цветами. На ней в маленьких тарелочках с золотыми разводами по белому фону стояло шесть изысканных закусок. Служанки и горничные, расположившись по обе стороны от стола, по очереди прислуживали хозяйке. Цайюнь быстро кончила есть. Одна из служанок подала ей полотенце, две другие поднесли чашку с водой для полоскания рта. Когда наложница совершила и эту процедуру, четвертая служанка принесла кофе. Цайюнь взяла в руку чашку, медленно встала и снова подошла к окну. Внезапно внизу послышались крики. Женщина прижалась лбом к стеклу и увидела на улице большую толпу людей. Приглядевшись внимательнее, она различила двух городских, которые тащили какого-то представительного юношу. Один из них держал схваченного за руку, другой ощупывал его. Вдруг юноша взмахнул рукой, двинул плечом, и оба городских покатались в разные стороны, словно мячики. Юноша гордо выпрямился, нахмурил брови и закричал:

— Безглазые негодяи! Как вы смеете хватать меня, точно вора?! Теперь вы узнаете, как обижать немца! Ну-ка подойдите сюда, трусы!

Только сейчас Цайюнь поняла, что перед ней офицер из Тиргартена, который два дня назад слушал под окном ее пение. Сердце молодой женщины заколотилось. «Неужели это он подобрал заколку?» — подумала она. В это время один из городских, повергнутый ударом юноши, поднялся на ноги и, пытая от злости, закричал:

— Ты еще будешь отпираться? Вот уже несколько дней подряд шныряешь здесь, как челнок в станке! Я тебя сразу приметил. А сейчас тебя черт дернул самого полезть на рожон. Вынимает заколку и любит ее, будто так и надо! Думаешь, я не узнаю краденого? Молчал бы лучше, а не дрался! Сейчас я тебя отведу куда надо!

И он бросился на офицера. Тот, нимало не смутившись, подождал, пока городской приблизится к нему, а затем, словно ястреб, налетающий на цыпленка, схватил его за плечи, поднял и швырнул в толпу. Городовой взмахнул руками и шлепнулся на землю, как плохо слепленный пельмень. В толпе раздались крики восторга.

Видя, что дело принимает серьезный оборот, второй городской пронзительно засвистел в свисток. Со всех сторон сбежались городовые. Теперь их было больше десятка.

Цайюнь остолбенела. «Юноше не справиться со всеми! — мелькнуло у нее в мозгу.— Нужно самой спуститься и разъяснить недоразумение, а то он может пострадать!»

Ни о чем больше не думая, она поставила чашку и стремглав полетела вниз по лестнице. Слуги и служанки, увидев, что она куда-то мчится, не посмели расспрашивать о причинах, а молча последовали за ней. Цайюнь обернулась и крикнула:

— Не ходите за мной, как привязанные! Вы ведь не умеете говорить на иностранных языках!

С этими словами она толкнула дверь и выскочила на улицу. Глазам ее предстали полтора десятка городских, которые на почтительном отдалении окружили юношу, но приблизиться к нему не решались. Тот стоял в центре с какой-то блестящей вещью в руках и кричал:

— Заколка здесь! Только вы ее не получите! Кто не трус, подходи! Как вы смели принять меня за вора, болваны?! — Тут он внезапно увидел Цайюнь, покраснев, кивнул на нее и промолвил: — А вот и хозяйка вещи. Можете спросить, украл ли я заколку!

Городовой, побитый молодым человеком, всегда стоял на посту возле посольства и знал Цайюнь. Приблизившись к ней, он указал на юношу:

— Заколку подобрал он! Только что шел и любовался ею, а когда я признал заколку, начал драться!

— Это я во всем виновата! — рассмеялась Цайюнь.— Не удивительно, что произошел такой переполох! — Она с улыбочкой кивнула в сторону юноши.— Это мой друг. Он давно уже написал мне, что подобрал заколку, но я забыла сообщить вам об этом. Простите, что доставила столько неприятностей и смутила покой города!

С этими словами Цайюнь засунула руку в карман, достала оттуда двадцать рублей и дала их городовому.

— Не взыщите. Выпейте за меня по чарке водки!

Убедившись, что хозяйка заколки больше ничего не требует да еще дает деньги, городовые поблагодарили и разошлись. Зеваки тоже постепенно рассеялись. Юноша, очень обрадованный появлением Цайюнь, с улыбкой подошел к ней.

— Смешно смотреть на этих жалких лакеев! Получили деньги и успокоились. Точь-в-точь как китаезы! Недаром они с Россией соседи!

Тут он вспомнил, что перед ним китаянка, и смутился, понимая, что в данном случае его замечание было явно неуместно. Он поспешно снял шляпу и поклонился Цайюнь:

— Если бы не вы, фрау, мне бы основательно досталось! Это просто счастье, что...

Цайюнь, немного уязвленная его предыдущей фразой, холодно остановила офицера:

— Вы, вероятно, забыли, что я тоже не лишена китайского духа и могу, чего доброго, осквернить вашу нравственную чистоту!

— Ради бога, простите меня! — заволновался юноша.— Я говорил о китайцах-простолюдинах!

Цайюнь кокетливо усмехнулась:

— Не оправдывайтесь! Конечно, вы говорили о людях низкого происхождения и не имели в виду меня! Прошу вас пройти в дом — здесь не место для беседы.

Она провела юношу в гостиную. Всю дорогу Цайюнь чувствовала себя словно в забытьи и не понимала, что с ней происходит. Надо было что-то говорить, но слов не находилось, и она лишь смотрела на юношу, точно замороженная.

Молодой человек был одет в темно-серое пальто из тонкого драпа с собольим воротником и мундир черного сукна, из-под которого выглядывал твердый белоснежный воротничок; вид у него был мужественный, лицо одухотворенное и пышущее здоровьем. Войдя в двери, он начал что-то искать в кармане. Цайюнь решила, что он хочет отдать ей заколку, но когда юноша наконец вытащил руку, она увидела белую визитную карточку с золотым обрезом. Почтительно передав Цайюнь карточку, юноша сказал:

— Извините за дерзость, но мне хотелось бы представиться вам!

Цайюнь, повинуясь какому-то безотчетному чувству, взяла карточку и прочла:

«Пехотный лейтенант
Германской армии

Вальдерзее».

Несколько раз пробежав глазами текст, она улыбнулась:

— Оказывается, вы — лейтенант Вальдерзее, а я была так непочтительна с вами! Если считать сегодняшнюю встречу, мы виделись с вами уже три раза, но я до сих пор не знала вашего имени. Кто бы мог подумать, что я удостоюсь этой чести благодаря заколке?! Как удивительно все складывается!

— Фрау еще помнит нашу встречу в Тиргартене? — в свою очередь улыбнулся Вальдерзее.— Когда в тот день я увидел вас, я сейчас же выяснил ваше имя, но, на мое несчастье, вы слишком скоро покинули нашу страну. С большим трудом мне удалось выхлопотать командировку в Россию, однако, попав сюда, я не решился отправиться прямо к вам. Эта заколка словно угадала мои сокровенные желания: когда я стоял, зачарованный вашим чудесным голосом, она упала прямо мне в руки! Сегодня я узнал, что посол уехал на бал, а вы остались дома, поэтому и осмелился прийти. Таким образом, здесь дело не только в удивительно сложившихся обстоятельствах, но и в самой судьбе!

Цайюнь усмехнулась:

— Все это чепуха, меня больше интересует заколка! Дайте же мне ее!

— Как вы нетерпеливы, фрау! — рассмеялся Вальдерзее.— Я приехал к вам издалека, не успел еще слова сказать, а вы поступаете со мной так жестоко...

Цайюнь тоже прыснула со смеха.

— Если вы не собираетесь возвращать заколку, зачем же вы пришли? — спросила она.

— Да, да, разумеется. Я пришел, чтобы передать вам вашу драгоценность,— поспешил успокоить ее Вальдерзее.— Не волнуйтесь, она здесь!

С этими словами юноша вынул из кармана небольшую блестящую коробочку, положил ее на стол и, пододвинув к Цайюнь, сказал:

— Возвращаю вам вашу собственность. Прошу хорошенько хранить ее!

Цайюнь чуть не вскрикнула от изумления. Коро-

бочка была сделана из чистого золота и инкрустирована кошачьим глазом, изумрудами и рубинами. На крышке был выгравирован генерал с саблей, сидящий верхом на могучем коне. Своим мужественным обликом он как две капли воды напоминал Вальдерзее. Цайюнь залюбовалась коробочкой, чувствуя, что не в силах расстаться с ней.

— К чему это? — сказала она. — Такие расходы...

В этот момент рука Цайюнь задела рубиновую кнопку, соединенную с пружиной, и коробочка открылась. Наложница зажмурила глаза от блеска: рядом с заколкой лежало сверкающее кольцо с бриллиантами. В каждом камне было не меньше пяти-шести карат, и сияли они словно звезды на небе. У Цайюнь помутился взор, а Вальдерзее сидел напротив и, глядя на молодую женщину, ласково улыбался.

Вдруг с улицы послышался стук копыт и грохот колес — казалось, едет множество экипажей. Но шум стих сразу, как только экипажи достигли ворот посольства; вслед за этим поднялся людской гомон.

Цайюнь не на шутку испугалась. Торопливо сунув коробочку за корсаж, она воскликнула:

— Беда! Муж!

— Ничего, — спокойно возразил Вальдерзее, — вы скажете, что я пришел вернуть вам заколку, вот и все.

Но Цайюнь никак не могла успокоиться. Подойдя к портьеру, она откинула ее и выглянула наружу. Тут она нос к носу столкнулась с Цзинь Шэном, который вел за собой какого-то иностранца. Наложница не успела отступить.

— Госпожа! — вскричал иностранец. — Я хочу сообщить вам новость. Ваша учительница Саша совершила неудачное покушение на русского царя и схвачена!

Цайюнь узнала Бешкова.

— Что вы говорите... — в ужасе прошептала она.

Гость хотел ответить, но в этот момент Вальдерзее тоже просунул голову за портьеру.

— Какая Саша? — спросил он. — Господин Бешков, рассказывайте!

Цайюнь, не ожидавшая появления юноши, испугалась еще больше.

— Как, господин Вальдерзее здесь? — удивленно промолвил Бешков.

— Расспрашивать будете потом, — прервал его Вальдерзее, — скорее расскажите о Саше. Это важнее!

— Тогда пойдете в комнату! — улыбнулся Бешков.

Цайюнь пришлось провести обоих в гостиную. Бешков уже хотел было начать рассказ, как вдруг с улицы снова послышались голоса.

— Это, наверное, посланник, — заметил Бешков.

Цайюнь напряженно прислушалась: на лестнице уже раздавались шаги Цзинь Вэньцина. Сердце ее бешено забилось: не в силах что-либо предпринять, она лишь расширенными глазами смотрела на Вальдерзее. Вдруг в голове ее возник план. Она дотронулась до руки Бешкова и тихо произнесла:

— Господин, молю вас: если муж спросит о лейтенанте Вальдерзее, скажите, что это ваш друг!

Бешков рассмеялся. Наш рассказ идет долго, а события разворачивались быстро. Не успела Цайюнь опомниться, как вошел Цзинь Вэньцин со своими советниками, атташе и переводчиками в сверкающих одеждах, с развевающимися перьями на шляпах. Заметив Бешкова, он подошел к нему и крепко пожал руку.

— О, не думал встретить вас у себя. — Тут его взгляд упал на Вальдерзее. — А это кто?!

— Это мой германский друг, лейтенант Вальдерзее. Давно уже мечтал познакомиться с вами, вот и пришел со мной.

Бешков представил их. Цзинь Вэньцин пожал офицеру руку и пригласил гостей за стол. Цзинь и Цайюнь оказались по краям, далеко друг от друга. Молодая женщина украдкой взглянула на Афу, который стоял за стулом Цзинь Вэньцина и сверлил глазами то ее, то Вальдерзее. Пытаясь скрыть смущение, Цайюнь обратилась к мужу:

— Почему вы так рано вернулись? Ведь бал должен был продолжаться всю ночь.

— Неужели ты ничего не знаешь? — воскликнул Цзинь Вэньцин. — Случилась большая неприятность, и бал отменили. Сегодня русский царь чуть не лишился жизни! — Он обратился к Бешкову и Вальдерзее: — До вас, очевидно, донеслись какие-то вести?

— Не слишком подробные, — ответил Бешков.

Цзинь Вэньцин поглядел на Цайюнь.

— Самое удивительное, что это пыталась сделать женщина. Царь собирался на бал и уже вышел из своего дворца, как вдруг к нему подскочила какая-то женщина,

по виду фрейлина, и, крепко ухватив его за царственный рукав, выхватила бомбу. Она потребовала у царя согласия на что-то, в противном случае обещала разнести его в клочья. К счастью, у царя оказались ловкие телохранители. Рискуя жизнью, они схватили мятежницу и вырвали у нее бомбу. Женщину тут же отправили на допрос. Представляете, какая опасность грозила Его величеству? Он едва оправился от испуга, о бале у него и мыслей больше не было, поэтому всем пришлось разъехаться!

— А вы знаете, кто эта женщина? — проговорил Бешков.— Ведь это Саша!

Цзинь Вэньцин онемел от изумления.

— Саша? — Он снова взглянул на Цайюнь.— А мы больше года не видели ее. Оказывается, она проникла во дворец! Какая дерзкая: покуситься на жизнь самого царя! Просто неслыханно! Ну зачем ей это было делать?! Теперь не скрыться ни от государственных законов, ни от небесной кары.

Терпеливо выслушав его, Бешков обратился к Вальдерзее:

— Почему бы нам не отправиться ко дворцу и не узнать все? Интересно, что предпримет правительство?

Вальдерзее, давно уже искавший повода удалиться, обрадовался:

— Очень хорошо! Поедем в твоей коляске.

Оба встали и принялись прощаться. Цзинь Вэньцин произнес ничего не значащую фразу, делая вид, что хочет удержать гостей, но тут же встал, чтобы проводить их.

Цайюнь последовала за ними. Когда муж вывел гостей за двери, она хотела идти в свою комнату, как вдруг послышались крики:

— Сашу ведут!

Воистину:

Красавица упорно завлекала
Сьма Сянжу от дома вдалеке.
Тем временем в России среди женщин
Нашелся новоявленный Цзин Кэ! *

Если вы хотите знать, действительно ли по улице вели Сашу, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ГЕРОИНЯ, ПОДНОСЯ НА ПИРУ ВИНО, ВЫНУЖДАЕТ МУЖЧИНУ НА ЖЕНИТЬБУ.
СМЕЛЬЧАК, ЗАГЛЯНУВ В ОКНО ЧУЖОГО ДОМА,
ВИДИТ КРАСАВИЦУ, РАЗГОВАРИВАЮЩУЮ С ФОТОГРАФИЕЙ

Не успела Цайюнь вернуться к себе в комнату, как снаружи послышались голоса:

— Сашу ведут!

Наложница сбегала вниз и увидела Вальдерзее с Бешковым, которые стояли возле коляски. Цзинь Вэньцин был рядом с ними и, вытянув шею, напряженно всматривался в приближающуюся группу людей. Вскоре стало ясно, что это казачий патруль. Казаки ехали молча, с винтовками за спиной и обнаженными клинками. Никаких женщин с ними не было.

Оказывается, русский царь разослал отряды, чтобы выловить сообщников девушки, а все решили, что ведут под конвоем Сашу. В действительности же она была слишком важной преступницей, чтобы ее могли водить по улицам. Еще до того, как город узнал о покушении, ее немедленно посадили в каземат.

Поняв, что произошла ошибка, все рассмеялись. Цзинь Вэньцин помог Вальдерзее и Бешкову сесть в коляску, а затем вернулся к себе, чтобы переменить платье и отдохнуть. Но об этом мы рассказывать не будем.

Когда друзья отъехали от посольства, Бешков спросил Вальдерзее:

— Так куда мы едем?

— Разве ты не сказал, что ко дворцу? — удивился Вальдерзее.

— Чудак! — засмеялся Бешков.— Неужели ты думаешь, что я потащу тебя туда? Я просто пожалел вас, сумасшедших, и решил выручить. Ты что, все еще грезишь? Скорее приглашай меня куда-нибудь. Выпьем, и ты расскажешь, что у вас с ней приключилось. Идет?

— Ах вот оно что! Благодарю за заботу,— усмехнулся Вальдерзее.— Не спеши, я и сам собирался тебе все рассказать. Но с Сашей я встречался однажды, и сейчас мне действительно хочется посмотреть на нее.

— Ты ведь знаешь, что наше правительство строго стережет государственных преступников,— заметил Бешков.— Ну, ладно, у меня есть знакомый при дворе. Ради тебя я готов попытаться!

И он приказал кучеру ехать к Зимнему дворцу.

Но мы не будем пока говорить о том, как Бешков и Вальдерзее узнавали обстоятельства дела, а изложим лучше историю Саши.

Она приходилась сводной сестрой всемирно знаменитой нигилистке Гофман. Отца ее звали Соломоном. Это был скупой и упрямый еврей, переселившийся в Санкт-Петербург из Минской губернии. Его первая жена умерла рано, оставив после себя дочь. Саша родилась от второй жены. Еще ребенком она была очень красивой, и родители любили ее без памяти. Когда Саша немного подросла, она стала еще прелестнее: овальное лицо, похожее на семечко тыквы, нежная кожа, словно спелая черешня, из которой вот-вот брызнет сок, ясные голубые глаза, жемчужные зубы, золотистые волосы, ниспадающие на плечи. Любое ее движение было достойно кисти художника, она покоряла каждого, кто хоть раз видел ее. Но помимо очарования и доброты Саша обладала глубоким чувством справедливости и часто возмущалась разлагающимся государственным строем России. Она с жадностью слушала рассуждения своей старшей сестры о свободе и равенстве, проникнувшись решимостью отдать жизнь для спасения родной страны. Однако родители содержали ее в большой строгости, и она не отваживалась на опрометчивые шаги. Тем временем ее сводную сестру насильно принудили выйти замуж за Короткевича. По счастью, Короткевич был членом партии нигилистов, поэтому супруги быстро нашли общий язык и вместе занимались партийными делами. Часто тайком от родителей Саша ходила к сестре и зятю, чтобы кое-чему у них научиться. Видя, что девушка не по летам разумна и решительна, сестра с удовольствием занималась с ней, а Короткевич даже обучил ее владеть оружием. В марте 1881 года старшая Гофман вместе с Софьей * во время военного парада убили царя Александра. Затем Гофман и Короткевич были арестованы на улице Терезина, где они изготавливали взрывчатые вещества, и казнены. Шестнадцатилетняя Саша стала свидетельницей смерти сестры, зверской расправы над Желябовым и Софьей. До боли закусывая губы, она поклялась, что не оставит их неотомщенными.

Соломон услышал это и, боясь беды, еще больше усилил надзор над дочерью, практически запретив ей куда-либо выходить. Так свободолюбивая Саша превратилась в пленницу, хотя и наделенную всеми домашними благами. Хорошо, что мать, любившая ее до само-

забвения, иногда тайком от отца выходила с ней погулять. По счастливому стечению обстоятельств на одном из званых вечеров Саша познакомилась с дочерью тайного советника Мелискова Луизой. Эта удивительная девушка также больше всего на свете ненавидела правительственный гнет. Она вступила в революционную партию, готовая пожертвовать богатством и знатностью.

Разговорившись, девушки очень быстро поняли друг друга и подружились. Луиза начала горячо советовать Саше вступить в партию. Саша и сама давно думала об этом, поэтому согласилась с радостью. Так как Луиза была барышней из знатной семьи, Соломону льстило ее внимание к дочери. Встречи девушек не вызывали у него никаких подозрений, и Саше удалось вступить в самую знаменитую организацию нигилистов — кружок чайковцев. С тех пор она часто общалась с революционерами, постепенно узнала многих из них, но больше всего сдружилась с двумя молодыми героями: Кранцем * и Бормой. Со своей стороны Кранц настолько симпатизировал девушке, что товарищи по партии сравнивали их с Софьей и Желябовым. Хотя вокруг них потоком лилась кровь и мысли о любви беспощадно отбрасывались в сторону, их глаза лучше всяких слов говорили о чувстве, зародившемся между суровым мужчиной и нежной, но решительной женщиной. Так продолжалось долго. Однако счастье людей всегда вызывает зависть демонов, поэтому вокруг них забушевали страсти. Однажды Саша прогуливалась с Кранцем по берегу Невы и неожиданно встретила своего троюродного брата по матери — Николаева. Саша не успела свернуть в сторону и принуждена была поздороваться с ним.

На ее беду, Николаев был сыном Николаева-старшего, в прошлом крестьянина, который в 1866 году донес, что член исполнительного комитета московского клуба «Ад» Каракозов готовится совершить покушение на царя. Он собственными руками убил Каракозова в Летнем саду, избавив монарха от смерти, и царь в награду за это даровал ему дворянский титул. Николаев, конечно, сразу возгордился, а царь, не удовлетворившись сделанным, произвел его сына в жандармские подполковники. Николаевы находились в зените своего величия, когда Соломон, завидуя их богатству и положению и памятуя про некоторые родственные связи жены, начал особенно заискивать перед ними. Николаев-младший также приметил красоту кузины. Он часто наведы-

вался к ним в дом, но Саша, помня о его низости, не обращала на троюродного брата ни малейшего внимания, хотя родители расписывали, что богатство его способно покрыть расходы целого королевства, а слава — затмить небо. Николаев-младший затаил злобу. Встретив Сашу под руку с Кранцем, он весь вспыхнул от ревности, тотчас бросился в дом Соломона и обо всем ему рассказал. «Кранц — мятежник, — прибавил он в заключение. — Он не только испортит репутацию вашей семьи, но и может навлечь на вас еще большие неприятности!»

Соломон был человеком вспыльчивым. Естественно, он тотчас пришел в ярость. Разыскав дочь, обозвал ее потаскухой и запер в пустой комнате, навсегда запретив ей выходить куда бы то ни было. Как вы думаете, могла ли такая энергичная и живая девушка, как Саша, вынести одиночное заключение? Мать сжалилась над ней и начала выпускать тайком от мужа. Но открыто появляться на улице девушка все равно не смела. К счастью, у матери был родственник, который управлял в Шанхае Русско-Азиатским банком, и она посоветовала Саше бежать туда.

В Китае девушка прожила целых три года, научилась китайскому языку и письменности. В это время Соломон умер, и мать вызвала ее домой. Возвращаясь в Россию, Саша села на пароход «Саксония», встретила здесь с Цзинь Вэньцином и стала учить Цайюнь языкам. Для нее это было большим материальным подспорьем.

Такова была история Саши до встречи с Цзинь Вэньцином. Но надо сказать, что хотя Саша жила в Китае довольно долго, она все это время поддерживала переписку с выдающимися деятелями партии нигилистов: Луизой, Бормой, Кранцем и другими. За несколько дней до отъезда она получила от Кранца письмо, в котором он сообщал о финансовых трудностях, переживаемых за последнее время партией. Затем он говорил, что выехал в Германию изыскивать средства и остановился в берлинской гостинице «Кайзерхоф», в двести тринадцатой комнате.

В первый же день своего прибытия в Берлин Саша наняла пролетку и вместе с вещами отправилась прямо в отель «Кайзерхоф». На душе у нее было необыкновенно радостно: во-первых, она предвкушала удовольствие от встречи со своим другом после долгой разлуки, а во-вторых, сознавала, каким прекрасным подарком для

партии будут десять тысяч марок, которые она добыла у Цзинь Вэньцина. Пока она размышляла обо всем этом, пролетка остановилась у подъезда большого отеля. Девушка спросила у портье, снявшего ее чемоданы, нет ли свободных комнат рядом с номером двести тринадцать.

— Есть! — ответил портье.— Двести четырнадцатый номер свободен.

Саша велела внести туда вещи, а сама отправилась к соседнему номеру. Когда она открыла дверь, на пороге предстал Кранц, провожающий какого-то гостя. При виде девушки он бросился к ней, схватил за руки и долго смотрел в глаза.

— Неужели это ты? — проговорил он наконец.— Я все еще не могу представить, что ты действительно приехала!

Он крепко сжал ей руки, и глаза его заблестели от слез.

Саша ласково улыбнулась:

— Кранц, не надо. Ведь мы проливаем кровь во имя народа, еще много будет разлук, может быть, смертей. Есть ли у нас время печалиться?! Перестань скорей! Расскажи мне лучше, как обстоят дела в партии. Это важнее!

В этот момент она увидела, что за спиной Кранца кто-то стоит, и умолкла.

— Сейчас я провожу своего друга, и мы с тобой обо всем поговорим! — поспешно сказал Кранц.

Молодой человек, впившийся взглядом в девушку, услышал эти слова и, недовольный, вышел из комнаты. Проводив его, Кранц вернулся.

— Это лейтенант Вальдерзее. Он тоже помогает нашему движению.

— Да,— перебила его девушка,— в прошлом месяце я получила твое письмо и узнала, что партии не хватает средств. Ну а сейчас как?

Кранц вздохнул:

— Долго рассказывать. С тех пор как на трон взошел Александр Третий, мы уже дважды покушались на его жизнь. Один раз был устроен подкоп под Каменный мост, в другой раз — заложена мина за Зимним дворцом. И все неудачно, только деньги ушли, накопленные в течение многих лет. Теперь наша касса пуста. Если не будет крупной денежной поддержки, мы не сумеем провести ни одной операции, даже наш тайный печатный орган, склад взрывчатых веществ, бюро по изго-

товлению документов и общество Красного Креста — все придется закрыть! Что ты можешь предложить?

Саша опустила голову и после долгого молчания сказала:

— Я думала, что денег надо немного, но, судя по твоим словам, десять тысяч марок не спасут положение!

— Что ты! — воскликнул Кранц.— Если бы у нас было десять тысяч марок, их бы хватило на самые срочные нужды...

— Такая сумма найдется! — промолвила девушка, не дожидаясь, пока он кончит.

— Откуда?

Тут Саша рассказала ему, как она одурачила китайского посланника. Кранц долго смеялся, а под конец спросил:

— Ты уже получила эти деньги?

— Мы условились, что жена посла лично передаст их мне. Тут дело верное.

Затем Саша стала расспрашивать о Луизе и Борме. Кранц подробно рассказал о них и в свою очередь осведомился о причинах, которые заставили Сашу покинуть Россию.

— Так это его рук дело! — возмущенно вскричал Кранц, когда девушка передала ему историю с Николаевым-младшим.— Ты знаешь, Николаеву-старшему повезло: на днях он умер своей смертью. А вот с отпрыском его мы еще не рассчитались. Он сейчас произведен в полковники жандармерии. Но ничего, от нас все равно не уйдет!

— Как, разве вся семья Николаевых наши враги? — изумленно проговорила девушка.

— Конечно! — воскликнул Кранц, хлопнув ладонью по столу.— Это ведь Николаев-старший погубил «Ад» и с тех пор полез вверх. Сейчас в их доме на несколько миллионов добра, а они еще народ обирают!

Саша слушала, ошеломленная.

— Выходит, Николаев-младший действительно богач?!

— Если уж он не богат, так кто же тогда?..

Девушка кивнула головой. Читатель, можете ли вы себе представить, что хотя эти молодые люди были связаны старой дружбой, они еще ни разу не наслаждались уединенной беседой? Теперь они сидели друг против друга, с чистыми, открытыми сердцами, ничего не тая в душе,— сильный, красивый мужчина и смелая, не-

жная девушка. Их мысли и чувства сливались, точно слова песни с мелодией. Они проговорили до глубокой ночи, пока свечи не превратились в огарки. Тогда Кранц отвел девушку в ее номер, а сам пошел отдыхать.

С тех пор Саша жила в отеле «Кайзерхоф» и целыми днями, за исключением тех часов, которые она тратила на занятия с Цайюнь, помогала Кранцу в работе или вела с ним задушевные беседы. Время летело быстро, незаметно прошло два месяца. Сумма, обещанная Цзинь Вэньцином, была уже полностью выплачена, да и Цайюнь не имела больше досуга учить языки. Саша поняла, что теперь в Берлине ей делать нечего. В один прекрасный день она неожиданно попросила у Кранца его фотографию, а на следующее утро, ничего ему не сказав и даже не попрощавшись, села на поезд и отправилась на родину.

Проснувшись, Кранц оделся и пошел навестить девушку, но комната была пуста, на полу валялись обрывки бумаг. Юноша был очень обескуражен, но Саша находилась уже далеко, поэтому ему оставалось лишь вздохнуть и снова приняться за работу.

Между тем Саша, тайно покинув Берлин, ехала в поезде, направляющемся в Санкт-Петербург. Еще в Шанхае она получила консульскую визу и сейчас не встречала никаких препятствий.

На третий день к вечеру она добралась до столицы и поспешила домой к матери. Встреча навеяла на обеих женщин и радость и печаль. Мать рассказала Саше, как умирал ее отец, и девушка, которой отнюдь не были чужды дочерние чувства, горько плакала. Пришли с визитами родственники и друзья, среди которых оказались Луиза с Бормой. Во время встречи они, конечно, заговорили и о трудностях, переживаемых партией. Зная, что Саша приехала из Берлина, друзья поинтересовались успехами Кранца. Девушка передала им слова Кранца о том, что у него есть хороший друг Вальдерзее, который помогает ему изыскивать средства. Луиза выразила надежду, что и сама Саша скоро включится в работу.

Проводив друзей, Саша принялась болтать с матерью. Та завела разговор о Николаеве, всячески превознося его и думая соблазнить дочь его положением. Девушка слушала молча, опустив голову. Вдруг послышались шаги и в комнату с наигранным смехом вошел какой-то человек.

— Сестра вернулась! — воскликнул он скрипучим

голосом, напоминающим лай.— Что же вы не написали мне ни одного письмишка?

Саша вздрогнула и быстро подняла голову. К ней развязной походкой приближался низенький темнолицый субъект с всклокоченными волосами и глазами, похожими на фонари. Во взгляде его таился огонь, а в смехе — нож. Да ведь это сам Николаев!

Мать поднялась ему навстречу с заискивающей улыбкой.

— Как хорошо, что ты решил зайти! Только оставь свое красноречие. Она не забыла про старое и до сих пор поминает тебя недобрым словом!

— Ей-богу, не виноват! — загрохотал полковник.— Какой-то мерзавец, видно, меня оклеветал! Но не буду оправдываться, прошу сестрицу простить меня и моллю только об одном — с сегодняшнего дня относиться ко мне помягче!

С этими словами он бросил шапку на стол и протянул Саше огромную лапищу, похожую на тростниковый веер. Девушка едва успела отдернуть руку и даже изменилась в лице.

— Дорогая Саша! — нагло тянул Николаев.— Давайте поздороваемся!

— Ты же знаешь, что она очень застенчива! Не шути с ней! — вмешалась мать.

Девушка задыхалась от омерзения, но сильным напряжением воли подавила свой гнев. Услышав слова матери, она задумалась на минуту, и вдруг на ее персиковых щеках проступил нежно-розовый румянец, ивовые брови взметнулись; она бросила на Николаева взгляд, похожий на чистую осеннюю волну, и быстро поднялась со стула.

— Что вы говорите, мама? Я с детства не знала никакого стеснения. Давайте руку, чего там еще! С удовольствием пожму!

И нежной розовой ручкой она изо всех сил сдавила черную лапу полковника. Тот охнул от боли.

— Сестрица, полегче!

— Разве вы не знаете, что руку полагается жать крепко?!

Саша прыснула со смеху и, подбежав к матери, спрятала голову у нее на груди.

— Смотрите, мама! — указала она на Николаева.— Такой прыщик, дотронуться нельзя, а метит в генералы!

Обычно Николаев видел девушку суровой и хо-

лодной, а тут вдруг все переменялось: сердитые, но веселые глаза, многозначительные слова, которые не знаешь как воспринимать. Николаев был старым юбочником, но теперь буквально ошалел.

— Как вы изменились, дорогая сестрица! — восхищенно захихикал он.

Саша притворилась рассерженной:

— В хорошую или плохую сторону?! Говори!

Мать обняла ее за шею и притянула к себе.

— Глупенькая! Что ты пикируешься со своим братом? Ведь он из добрых чувств пришел навестить тебя. Поди, проголодался, бедный, ты должна пригласить его к ужину!

— Что вы! — живо вмешался в разговор Николаев.— Ваша дочь сегодня так весело настроена, что я буду счастлив, если она поругает меня еще. А ужина не надо: я скоро должен пойти с одним делом к дарю.

Саша засмеялась:

— Мама, вы слышите? Царем хвалится, думает нас испугать! Так вот, я откровенно скажу: даже если б вы были свободны, я все равно не пригласила бы вас. Кто приехал из далекого путешествия? Я или вы? Вот вы меня и приглашайте!

Полковник всплеснул руками.

— А ведь верно! Я совсем упустил из вида этот обычай. Надо поскорее отметить ваш приезд!

Он нетерпеливо позвал своего денщика и велел ему принести вина и закусок.

— Бог мой! — воскликнула мать Саши.— Разве можно обязанности хозяина перекладывать на гостя? Не слушай, что этот глупый ребенок говорит!

Девушка бросила на нее долгий, пристальный взгляд.

— Странно вы рассуждаете, мама! Почему вы разрешаете мне угощать его и не позволяете ему сделать то же? У него немало награбленных денег, кому же еще тратиться, как не ему! Вы уж не мешайте, мама! Если он не хочет дружбы со мной, пусть не приглашает. А если хочет дружить, я, пожалуй, отведаю его ужин, да и вы, мама, заодно поедите с нами! Не беспокойтесь, вам не придется отплачивать ему тем же!

— Конечно, я приглашаю! — воскликнул полковник.— Я готов умереть, но добиться вашего согласия!

Саша засмеялась:

— Умереть вы еще успеете, а сейчас не говорите о смерти.

— Ах я болван! — с притворным сокрушением проговорил Николаев, хлопая себя по щеке.— Зачем я расстроил прелестную сестрицу!

— Бесстыдник! Кто о вас будет расстраиваться? — замахала рукой Саша.

Кокетство девушки и ее острые замечания — то холодные, то ласковые, то насмешливые, то вызывающие — окончательно сбили с толку Николаева. Он не смел заговорить с ней более свободно, но и отступить уже не мог... Тем временем денщик принес вино и закуски. Николаев пригласил женщин в столовую, которая находилась рядом со спальней. Комната была не слишком просторной, но выглядела уютно. На полу лежал пестрый ковер, с потолка свисала электрическая лампа, всюду красовались зеркала и ароматные цветы. На одной стене висел портрет Екатерины Второй, на другой — старинная картина с изображением Клеопатры, танцующей с мечом.

Когда все вошли в столовую, мать хотела распорядиться ужином, но девушка запротестовала и потащила ее на места, предназначенные для гостей. Таким образом, полковнику действительно пришлось играть роль хозяина. Слуга внес бутылки с шампанским и коньяком. Николаев налил полный бокал шампанского и поднес его Саше.

— За ваш приезд, сестрица!

Девушка выхватила бокал и передала его матери.

— Это для мамы. А мне налейте другой!

Николаев торжественно наполнил новый бокал. Саша подняла его и промолвила:

— Ну, раз хозяин желает нам добра, выпьем за собственное здоровье. Правда, мама?

Она одним глотком осушила бокал. Полковник, улыбаясь, придвинулся к ней и налил снова.

— Выпьем за вашу свадьбу, сестрица!

Брови Саши взметнулись вверх.

— Охотно!

Она отпила половину, а затем, внезапно поднеся бокал к лицу Николаева, начала выливать остальное ему в рот, приговаривая:

— Если хотите свадьбы, надо пить поровну!

Полковник даже не успел разжать зубов, и шампанское, облив ему всю физиономию, закапало на мундир.

Саша, покрасневшая от выпитого вина, еще больше повеселела. Она сбросила с себя жакет и осталась в

одной тоненькой розовой кофточке, едва прикрывающей обольстительную грудь. На белых обнаженных руках звенели браслеты. Она смеялась над жандармом, бранила его и вообще кокетничала напрапалую. Мать не могла понять, что творится с ее дочерью. Решив, что Николаев наконец понравился Саше, она обрадовалась и, сославшись на какое-то дело, ушла, чтобы дать им возможность объясниться. Полковник заметно осмелел, глотая слюни, медленно придвинулся к девушке, но не мог выговорить ни слова.

— Зачем вы подвинулись? — серьезно спросила Саша.

Николаев захихикал:

— Я хотел сказать вам нечто очень важное, но...

Не дожидаясь, пока он кончит, девушка вскочила и укоризненно ткнула в него пальцем.

— Не юлите. Думаете, я не знаю, что мужчинам нужно только наше тело? Когда был жив мой отец, вы посеяли между нами раздор и занимались нашептыванием. Разве это уважение к нам? Или, может быть, вы в самом деле влюбились в меня? Гм! Сегодня вы говорите комплименты, потому что видите во мне смазливую девчонку, а как только я стану вашей, превратите меня в говорящую игрушку! Теперь я прекрасно понимаю, что вся любовь на свете свелась именно к этому,— не все ли равно, за кого выходить замуж? Но если я сама не захочу, будьте вы хоть князем или героем, все равно не дождетесь от меня согласия! А если захочу, пойду даже за быка, жеребца или кобеля!

В глазах полковника блеснула надежда.

— Значит, вы согласны выйти замуж за меня, старого пса?!

Саша холодно усмехнулась:

— Если б я была не согласна, то не говорила бы с вами так, как сегодня. Но только я ставлю перед вами три условия!

— Все выполню! Все! — вскричал Николаев.

— Первое: я человек горячий и хочу, чтобы помолвка состоялась немедленно! Второе: о браке никому ни слова. Если кто-нибудь, кроме моей матери, священника и свидетелей, узнает, я не пойду за вас. Третье: в вашем доме я буду полноправной хозяйкой, вы не должны ни во что вмешиваться. Если согласны, я выхожу за вас. Если же какое-нибудь из условий вас не устраивает, то и разговаривать не о чем!

— О каком согласии или несогласии может идти речь! — захохотал полковник.— Все это — мои заветные желания!

Пока они говорили, мать слушала у дверей. Она давно мечтала, чтобы ее дочь вышла замуж за Николаева, и сейчас не могла скрыть своей радости.

— Поздравляю тебя! — обратилась она к племяннику, выйдя из-за своего укрытия.— Я вижу, Саша сжалась над тобой! Ты уж не забудь старуху! Только дочка-то у меня одна, и я не хочу, чтобы свадьба была устроена кое-как! Надо подождать хотя бы месяц или полмесяца, тогда и обвенчаесть. Так что на первое условие я не согласна...

Саша побледнела.

— Когда я не хотела выходить замуж, мама, вы без конца твердили: выходи, выходи! А теперь, когда я дала согласие, идете на попятный. Не хотите — не надо. Слышите? Мне больше нечего вам сказать. И вообще я устала и хочу спать!

Она вышла из комнаты, хлопнув за собой дверь. Старуха и ее двоюродный племянник так и застыли от изумления. Николаев давно думал об этом браке, но не предполагал, что все устроится с первого раза. Теперь его беспокоило лишь, как бы Саша не раздумала, поэтому он принялся уговаривать тетку послушаться желания дочери.

Трудно поверить, но через два дня старуха действительно повела девушку в церковь. Там они с полковником обвенчались и поставили свои подписи в книге регистрации браков. С тех пор Саша стала жить с Николаевым как жена. Полковник хотел было взять к себе и ее мать, но девушка решительно воспротивилась, и старуха осталась жить в прежнем доме. Николаев был так доволен своей молодой женой, что, конечно, во всем ей потакал. К тому же Саша настолько старательно исполняла свои домашние обязанности, что слухи о ней разнеслись повсюду, и это заставило Николаева проникнуться к жене еще большим уважением. Почти вся власть в его семье перешла в руки Саши.

Однако не зря еще в древности говорили: «Удары колокола во дворце слышны и снаружи». Или: «Если хочешь, чтоб люди ничего не знали, лучше всего ничего не делай». В еще большей степени это относится к таким любопытным делам, как замужество или женитьба. Хотя Саша и велела никому не говорить об их браке, людей,

конечно, провести не удалось. Все только и поговаривали о том, что феникс породнился с вороном. Слухи расплзались все дальше: один передавал десяти, десять — сотне, и наконец эта весть докатилась до ушей Луизы, Бормы и других революционеров. Сначала все не поверили, считая, что Саша связана нерушимым договором с Кранцем, а поэтому не может выйти замуж за другого, тем более за злейшего врага партии. Но потом Луиза сама отправилась к Саше, и — кто бы мог подумать?! — та ее не приняла. Луизе удалось встретить только ее мать, от которой она узнала, что слухи вполне основательны. Естественно, что все стали резко порицать Сашу.

В тот же день члены партии устроили тайное собрание» чтобы решить, как реагировать на подобный поступок. Кранц, только что вернувшийся из Германии, тоже пришел к своим товарищам. Едва он перешагнул порог зала, как ухо ему резанули слова: «Саша вышла замуж». Кранц невольно подался вперед. Тут его заметила Луиза, которая вышла к нему навстречу с возгласом:

— Кранц! Слыхали? Ваша любимая вышла замуж. За Николаева!

Кранцу показалось, будто под ним разверзлась земля. В глазах засверкали золотые звезды, все чувства перемешались, голова пошла кругом.

— Подлая! Убить ее, убить! — прохрипел он и упал навзничь. На губах его выступила белая пена. Все испуганно обступили юношу.

— Это нервный шок,— успокоила товарищей Луиза.— Надо его посадить, и через некоторое время он очнется!

Борма поспешно подхватил друга под мышки и усадил в кресло. Вскоре Кранц действительно пришел в себя, злобно сплюнул и, вскочив, стал требовать кинжал.

— Зачем? — спросил Борма.

— Это не ваше дело. Дай мне кинжал. Я ее убью!

— Не спеши, товарищ Кранц! — возразила Луиза.— Убить ее действительно нужно, так как она может выдать партийные тайны. Но, на мой взгляд, Саша необыкновенная девушка... Она обладает большими знаниями, опытом, умом,— и ее поступок выглядит слишком странно. Все, что кажется неожиданным, происходит неспроста. Подожди, придешь в себя и как-нибудь

вечером тайком сходишь к ней. Если Саша действительно изменила нашему союзу и связалась с врагом, сведешь с ней счеты одним ударом ножа. Разве так не будет лучше?

— Я совершенно здоров! — ответил Кранц. — Сегодня же ночью пойду!

На этом и порешили. Перед уходом Луиза сказала Кранцу:

— Завтра ждем от тебя известий.

Юноша кивнул. Возвращаясь домой, он всю дорогу думал о том, как хорошо относилась к нему Саша, как из-за него покинула родину, и при этом — ни слова недовольства! Он вспомнил, как недавно в Берлине они коротали вечера за ужином, при свете лампы. Невозможно описать, передать словами, как им было хорошо вдвоем, какие глубокие чувства волновали их. И вдруг буквально в один месяц все так переменялось! Ведь Саша всегда ненавидела Николаева и однажды, когда Кранц упомянул эту фамилию, принялась бранить его. Как она могла выйти за него замуж? Неужели ее вынудили?

Внезапно его осенила догадка: «Ну да! Ведь перед самым отъездом она попросила у меня фотографию, а потом уехала не простившись!» Казалось, будто в сердце Кранца вонзили тысячу ножей. Он скрипнул зубами, чтобы не заплакать.

За печальными размышлениями юноша не заметил, как наступила ночь. Кранц вынул из кармана часы и взглянул на них — уже двенадцать. «Пора отправляться!» — сказал он себе.

Он быстро переоделся. Натянул на себя черную куртку и штаны, заткнул за пояс небольшой отравленный кинжал, каким часто пользовались его товарищи, застегнулся на все пуговицы, погасил свет и, тихо толкнув дверь, вышел из дому. Собравшись в комок, он, словно кошка, перепрыгнул через забор.

Стояла середина октября. Ночи были безлунными, и хотя на улицах горели фонари, кругом стояла мгла, черная как тушь. Все было покрыто туманом. На перекрестках сиротливо стояли городовые, но Кранцу удалось прошмыгнуть мимо. Вскоре он добрался до особняка Николаева, — к счастью, городовых перед ним не было. Подойдя поближе, Кранц увидел, что особняк со всех сторон окружен невысокой стеной, утыканной железными гвоздями и осколками стекла. Юноша мыслен-

но измерил стену и решил, что сумеет ее преодолеть. Заткнув поглубже кинжал, он принял позу ласточки, собирающейся перекувырнуться через голову, и прыгнул. Раздался звон, и Кранц, увлекая за собой осколки стекла, оказался по ту сторону, под большим деревом, росшим на краю травянистой лужайки. Посредине ее шла проезжая дорога.

Вскоре перед ним показался трехэтажный дом, окруженный высокими густыми деревьями. В нижнем этаже царила кромешная тьма, и только в среднем, в одной из комнат, виднелся огонек. Свет, просачивающийся из окон, падал на деревья. В комнате маячила тень, «Это наверняка спальня Николаева,— решил Кранц.— Но как туда пробраться?» Он снова взглянул на деревья и заметил, что их ветви почти касаются балкона второго этажа. Тогда он подошел к дереву, с быстротой обезьяны вскарабкался по нему и, добравшись до верхней ветки, с силой начал раскачиваться на ней. Ветка затрещала, но сломаться не успела, так как Кранц уже встал на перила, а оттуда спрыгнул на самый балкон.

Юноша прислушался: кругом царило безмолвие. Он тихонько подошел к освещенному окну и заглянул в него. Занавески еще не были задернуты, и глазам Кранца предстала вся комната. У стены стояла кровать с опущенным пологом, над туалетным столиком, придвинутым к окну, висел абажур в форме цветка лотоса с электрической лампой. У столика в изящной позе стояла красивая женщина. Да ведь это Саша! В руках у нее была маленькая фотография. Она смотрела то на фотографию, то на свое отражение в зеркале, и из глаз ее лились слезы.

Увидев эту картину, Кранц вспыхнул, выхватил из-за пояса отравленный кинжал и, не в силах больше сдерживать себя, ринулся в комнату.

Воистину:

Напрасно колючий терновник
Любви от феникса ждал —
Неверную утку ищет
Мшеньем горящий кинжал!

Если вы хотите знать, осталась ли Саша жива, прочтите следующую главу.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ПРОСТИВШИЕСЯ С ЛЮБИМЫМ, ДЕВУШКА-ГЕРОИНЯ ВОСХОДИТ
НА ЭШАФОТ.

КАПИТАН, ПЕРЕДАВ СЕКРЕТНОЕ ПИСЬМО,
ВКУШАЕТ ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

Увидев Сашу плачущей над фотографией, юноша даже не подумал о том, кто изображен на снимке. Он знал лишь, что Саша — изменница, и в сердце его вспыхнула ярость. Створки окна были едва прикрыты. Кранц выхватил кинжал и, не помня себя, ринулся вперед. Внезапно свет погас, в комнате наступил мрак. Сильный удар Кранца пришелся в пустоту, и он, потеряв равновесие, едва удержался на ногах. «Где же Саша?!» — удивленно подумал Кранц. Он стал шарить руками в темноте и наткнулся на маленькую фотографию, лежащую на столе. Машинально сунув ее за пазуху, Кранц сообразил, что Саша убежала. «Но Николаев должен быть еще здесь, надо убить его!» — подумал он и направился к кровати, однако в эту минуту внизу послышались крики:

— Хозяин вернулся!

Затем раздался шум выезжающей со двора кареты. Юноша понял, что в горячке не услышал приезда Николаева. «Плохо дело! Оказывается, мерзавец не в постели; сейчас он позовет слуг, и мне не убежать. Лучше пока спрятаться на дереве!»

Приняв такое решение, Кранц вышел на балкон, встал на перила и, подпрыгнув, уцепился рукой за ветку. Теперь одна его нога висела в пустоте, а другая стояла на перилах балкона. Вдруг внизу раздался выстрел и вслед за ним отчаянный вопль:

— А! Ты убила меня!

Затем послышался еще один звук, похожий на шум падения какого-то тяжелого предмета. В смятии Кранц упустил из-под ног опору и повис в воздухе. Стоило ему разжать руки, как он неминуемо бы разбился, но ему удалось подтянуться и спрятаться в густой листве дерева.

С улицы во двор вбежали люди с криками:

— Что случилось? Что за шум?

В доме тоже всполошились:

— Кто стрелял?!

Один из подбежавших зажег фонарь, и вся площадка перед домом осветилась словно днем. Зоркий взгляд

Кранца уловил под галереей неподвижную фигуру, лежавшую навзничь. Кто-то закричал с дрожью в голосе:

— Беда! Человека убили!

— Да ведь это наш хозяин! — завопил другой.

Из дому высыпала толпа полуодетых мужчин и женщин. Услышав, что их хозяин мертв, они подняли невероятный шум. Кранц, сидевший на дереве, все отчетливо слышал и страшно обрадовался известию о смерти Николаева. Но одновременно он не мог избавиться и от изумления: «Кто же его убил?!» Народу все прибывало. Юноша понял, что путь к отступлению отрезан. Если его обнаружат, безусловно обвинят в убийстве. Пока он обдумывал план бегства, перед глазами блеснул яркий свет: это в первом и во втором этажах зажгли электрические лампы. Саша с растрепанными волосами выбежала на балкон и свесилась с перил, звонко крича:

— Да вы посмотрите, действительно ли это хозяин!

— Конечно хозяин! — угрюмо отвечали ей люди.

— Он только что вернулся с дежурства во дворце и здесь слез с коляски,— прибавил кто-то.— Мы вывезли карету за ворота, не проехали и ста шагов, как вдруг услышали выстрел. Быстро вернулись и видим, такая история!

Саша затопала ногами.

— Куда попала пуля? Серьезное ли ранение? Скорее несите его сюда! Зовите врача и ищите убийцу! Это ведь только что случилось, он не мог выйти из двора и от нас не убежит! Что вы стоите, как ошалелые?!

Люди очнулись:

— Пуля в голову попала, уже мозги вытекли... Да и дыхания нет... Все, ему уже ничем не поможешь... А вот убийцу поискать надо!

При этих словах Кранц забеспокоился и подумал о Саше с еще большей ненавистью. Внезапно кто-то из стоявших внизу закричал:

— Эй! Смотрите! В ветках какая-то тень!

— Как, в самом деле? — с неподдельным изумлением вскричала Саша, но тут же сменила тон.— Уж не убийца ли там? Скорее хватайте его! Да и внизу стерегите, чтоб не удрал!

Пять или шесть мужчин с шумом полезли на дерево.

Кранц понял, что ему несдобровать, но мудрость, как говорится, рождается в беде. Заметив, что здание окружено деревьями со всех сторон, он решил воспользовать-

ся этим, считая, что, хотя Саша и стоит на его пути, она все же женщина, с которой можно справиться. Он напряг все силы и снова прыгнул с дерева на балкон, намереваясь перебежать на противоположную сторону дома. В этот момент Саша кричала слугам, чтобы они поднимались вверх. Увидев рядом с собой человека, она отступила на несколько шагов и при свете лампы узнала Кранца! Саша побледнела и, не в силах выговорить ни слова, молча указала ему рукой на заднюю дверь. Юноша не раздумывая промчался прямо на противоположную сторону дома и увидел здесь такие же балконы с перилами, окруженные деревьями. Уцепившись за ветку, он услышал крик Саши:

Убийца пробрался в мою комнату! Ловите его! Оттуда он не убежит!

Толпа ринулась в комнату, а юноша спокойно спустился с дерева на крышу сарая и, спрыгнув с нее, оказался на широкой улице. На его счастье, кругом не было ни души. Кранц во весь дух помчался домой, перелез через забор и, никем не замеченный, вернулся в свою комнату. Теперь он был спасен. Отдышавшись немного, юноша привел в порядок свои мысли, и только что случившееся показалось ему сном. Невольно он вспомнил, с каким странным выражением лица Саша показала ему рукой на заднюю дверь и как она обманула слуг, крикнув, что убийца у нее в комнате. «Совершенно ясно, что она хотела меня спасти. Значит, она еще не забыла меня! Но если так, то почему она вышла замуж за Николаева? А если уж вышла, не должна была раздваиваться! Можно представить себе, что это за женщина!» Затем Кранц подумал о том, что кто-то опередил его, расплатившись с Николаевым. «По-видимому, этот человек значительно способнее меня. Надо бы разыскать его!»

Размышляя, он снял одежду и уже хотел было лечь в постель, как вдруг из кармана куртки вывалился какой-то предмет. Юноша нагнулся, взглянул и обомлел. Перед ним была его собственная фотография, которую он подарил Саше в отеле «Кайзерхоф». На обороте рукою Саши была сделана надпись: «Кранц, член исполнительного комитета группы чайковцев, за которого мечтала выйти замуж несчастная славянская девушка Саша».

Тут только Кранц понял, над чьей фотографией проливалась слезы молодая женщина. Сердце его защемило, из глаз покатались слезы.

— Ах, Саша, Саша! — сказал он со вздохом.— Напрасно ты любишь меня и напрасно спасла мне жизнь! Как я могу простить тебе предательство?!

Он всунул фотографию в рамку на столике, стоявшем перед его постелью. Сквозь занавеску пробивался слабый свет, приближалось утро. Кранц лег и, усталый, забылся тяжелым сном.

Проснулся он от крика:

— Ну и натворил ты дел! За тобой гонятся, а ты спишь!

Кранц открыл глаза и увидел Борму.

— Почему ты так рано? — обеспокоенно спросил он, садясь на кровати.— И зачем пугаешь? Что-нибудь случилось?

— Разве восемь часов это рано? — удивился Борма.— К тебе пришла Луиза. Вставай скорее!

Юноша торопливо оделся и вышел в соседнюю комнату. Глазам его предстала Луиза в красивом дорогом платье, с ясными глазами под тонкими бровями, пухлыми щечками и прямым носиком. Она была еще более элегантною, чем Саша, и производила впечатление настоящей аристократки. Увидев Кранца, она сказала с улыбкой:

— Вчера ты изрядно потрудился! Мы должны поблагодарить тебя от имени покойного Каракозова. Но почему Саше удалось избежать расплаты?

— Наш Кранц слишком чувствителен,— усмехнулся Борма.— Наверное, рука не поднялась, вот он и оставил корень на развод!

— Что такое? Она выдала меня? — удивленно спросил Кранц.

— Нет,— покачала головой Луиза.— Она заявила, что этой ночью какой-то неизвестный забрался в дом и, дождавшись возвращения Николаева с дежурства в Зимнем дворце, застрелил его у ворот. Убийце удалось бежать. Когда царь узнал об этом, он сразу заподозрил нашу партию. Повсюду свирепствуют сыщики, так что советую тебе быть осторожнее.

— Пустяки! — засмеялся Кранц.— Чего мне остерегаться? Ведь это не я убил!

Луиза чуть не вскрикнула от изумления:

— Как? Разве ты ночью не ходил туда?

— Ходил. Но никого не убивал,— ответил Кранц.

— Кто же тогда убил его, если не ты? — допытывался Борма.

— Не спешите. Я вам все расскажу.

И Кранц поведал друзьям, что случилось с ним этой ночью, умолчав только о фотографии. Луиза и Борма были поражены.

— Ну и дела! — взволнованно крикнул Борма, вскочив со стула.— Напрасно Саша тебя спасла. Иначе тебе посмертно была бы приписана слава героя!

Луиза, которая сидела, погрузившись в раздумье, от крика Бормы встрепенулась.

— Не шуми, товарищ Борма! Нас могут подслушать соседи!

Она помолчала немного и затем добавила:

— Роль Саши во всей этой истории совсем не так проста, как кажется. Во-первых, почему она погасила лампу, а во-вторых, почему отпустила Кранца, если подозревала его в убийстве? Иными словами, выходит, что полковника убила она!

— Этого ни в коем случае не может быть! — возразил Кранц.— Если она хотела убить его, зачем стала его женой?

— А ты не признаешь за женщиной способности пойти на позор во имя долга? — тихо спросила Луиза.

Кранц замотал головой.

— Не похоже! Чтобы убить Николаева, существовало множество других способов. К чему непременно выходить за него замуж? Кроме того, когда она услышала, что в полковника стреляли, она совершенно искренне расстроилась!

Луиза задумчиво кивнула.

— Мы должны еще раз проверить это. Поскольку Саша видела тебя, товарищ Кранц, тебе лучше скрыться. Поживи немного в моем доме!

Юноша согласился. Перед уходом он отдал кое-какие приказания домашним и отправился к Луизе. С тех пор Луиза и Борма всяческими способами старались разузнать обстоятельства дела, а Кранц спокойно отсиживался в доме Мелисковых. Первые месяцы вокруг убийства Николаева был поднят страшный шум, но потом все постепенно успокоилось. Почему? — спросишь ты, читатель. Дело в том, что русская жандармерия, несмотря на свой солидный сыскной опыт, боялась партии нигилистов как огня и старалась умыть руки каждый раз, когда сталкивалась с ней. Ведь всего за полгода с марта 1881 года было убито тринадцать жандармских и полицейских офицеров! Хотя в связи с убийством Николаева

царь несколько раз издавал строжайшие указы, никто не решался вести настоящего расследования. К тому же у полковника почти не осталось родных, поэтому пострадавшая сторона не слишком рьяно возбуждала иск. Кранц, находившийся в семье Мелисковых, был в курсе всех событий, и когда стало ясно, что опасность миновала, тотчас вернулся к себе домой.

Дни и месяцы летели, словно ткацкие челноки, незаметно кончилась зима, и наступила весна. Девятого февраля по русскому календарю, в конце масленицы, царь назначил бал в Зимнем дворце. По неожиданному стечению обстоятельств партия нигилистов в тот же день устроила тайный съезд в столице, в помещении клуба «Народной воли».

В это время самой сильной организацией среди народников был кружок чайковцев *. За ним следовала «Земля и воля». Но главное место занимала партия «Народная воля». Кроме того, здесь были представлены оренбургский кружок, кружки моряков, долгушинцев, а также польско-русский клуб. Зал был набит битком, мужчины и женщины пробивались сквозь толпу, оживленно спорили, смеялись.

Вдруг все смолкло, и на трибуну взошла делегатка «Народной воли» Луиза — в длинном платье, отделанном хвостом куницы. Обратив к собранию строгое лицо, она с грустью заявила, что партия испытывает финансовые трудности, силы организаций разобщены, а поэтому для решительных действий необходимо сплотиться и развернуть кампанию по сбору средств.

Выступление Луизы должно было выразить основную идею съезда, затем предполагалось начать прения, но в этот момент в зал, расталкивая всех, вбежал Борма.

— Товарищи! — закричал он. — Среди нас появилась вторая Софья! Наш осведомитель из дворца прислал об этом тайное донесение!

Делегаты замолкли, ошеломленные. Луиза, стоявшая на трибуне, взяла из рук Бормы листок бумаги, быстро пробежала его глазами, и на лице ее отразилось неподдельное изумление. Все начали забрасывать ее вопросами. Тогда Луиза, обращаясь к делегатам, громко и внятно прочла:

«Сегодня в Зимнем дворце Александр Третий назначил грандиозный бал, на который приглашались послы всех иностранных государств. Царь уже должен был

прибыть во дворец. Но не успел он выйти из внутренних покоев, как от толпы фрейлин отделилась женщина с бомбой в руках, которая схватила императора за грудь и гневно крикнула: «Отвечай: будут ли выполнены требования об амнистии политических преступников и созыве Государственной думы, изложенные в письме партии «Народная воля» от 12 февраля 1881 года?! Если нет, я взорву тебя!»

Растерянный царь не знал, что сказать, и лишь слабым голосом позвал к себе телохранителей. Но у тех задрожали коленки при виде бомбы, и с места они сдвинуться не посмели. Воспользовавшись минутным замешательством, женщина хотела бросить бомбу, но царь обхватил ее руками. Тогда профессор Боголепов, стоявший за женщиной, крикнул Александру: «Ваше величество, не отпускайте ее!» Он вырвал у телохранителя меч и ударил женщину по руке. Полилась кровь, женщина упала, а царь подхватил бомбу, чтобы та не взорвалась. Когда телохранители бросились к женщине, она с усилием поднялась и вцепилась одному из них в глаза. В конце концов ее схватили. Я поражен смелостью этой женщины, но, к сожалению, не знаю ее имени. Постарайтесь сообщить в дальнейшем».

Тайный осведомитель партии «Народная воля».

Луиза кончила читать.

Делегаты стояли побледневшие, притихшие. И вдруг разом заговорили:

— Кто эта женщина? Как бы узнать ее имя!

Внезапно среди вздохов сожаления раздался такой печальный голос, который, казалось, был способен тронуть даже камень:

— Товарищи, это моя Саша!

На лицах делегатов появилось изумление: рядом с Луизой стоял Кранц, весь в слезах.

— Откуда ты знаешь, что это она, Кранц? — воскликнула Луиза.

— Не буду вас обманывать: вчера вечером она приходила ко мне, но мы не виделись.

— Если она приходила к тебе, почему ты ее не видел?

— Разве я знал, что она придет! — со вздохом ответил юноша.— Только сегодня утром, встав с постели, я обнаружил, что на столе нет моей фотокарточки, а вместо нее стоит маленькая фотография Саши. Я очень

удивился, взял ее в руки и увидел за рамкой записку. Из нее я узнал, что вся жизнь Саши, полная тяжелых раздумий, и вся будущность партии связаны с этой маленькой фотографией! Я принес ее сюда, чтобы посоветоваться с вами, как спасти Сашу, но, кажется, уже поздно!

С этими словами он вынул из кармана маленький конвертик и фотографию и передал их Луизе. Та не стала смотреть на фотографию и поспешно достала письмо. Прочитав две-три строки, она со вздохом кивнула головой.

— Оказывается, брак с Николаевым был задуман ею только для того, чтобы помочь партии. Ах, как мы ошиблись в ней! Порвать с любимым и выйти замуж за негодяя,— какое самоотвержение!

Луиза продолжала читать:

— И Николаева убила она! Кто бы мог догадаться!

Кранц стоял молча, утирая слезы. Борма и другие делегаты переглянулись.

— Кто убил Николаева?! — переспросил Борма.

— Конечно, Саша! — ответила Луиза.

— Странно! Выйти за него замуж и убить его? Как это связать?

— Она убила Николаева для того, чтобы разрешить наши финансовые затруднения,— пояснила Луиза.— Все его наследство она передает партии.

— В свое время революционерка Горнфельд тоже вышла замуж за богатого, отравила его и овладела его деньгами,— взволнованно заговорили делегаты.— Очевидно, так решила действовать и Саша!

— Сколько ей удалось достать? — спросил Борма.

Луиза заглянула в письмо.

— Немало! Восемьдесят миллионов рублей! — Она показала фотографию и вздохнула.— Вот это чек на восемьдесят миллионов! Саша поступила очень предусмотрительно, вложив деньги в швейцарские и французские банки срочными вкладами и договорившись с управляющими, что выплата будет производиться по предъявлении этой фотографии. Она пишет, что мы должны получить деньги сразу же, как прочтем письмо, иначе будет поздно!

Тут Луиза остановилась и удивленно промолвила:

— Но зачем она истратила десять тысяч рублей, чтобы купить себе место фрейлины?!

— Это как раз связано с сегодняшним происшествием! — с грустью проговорил Кранц.— Разве вы не знае-

те, что она давно уже отправила свою мать к родственникам в Швейцарию? А бомба осталась ей от Николаева, который в свое время добыл ее при обыске клуба «Ад». Едва Саша увидела бомбу, как поняла, что ее надо припрятать. Это значит, что она давно уже прониклась решимостью умереть!

Луиза опустила письмо и заплакала.

— Она совершила настоящий подвиг, дав партии такой колоссальный капитал! Разве мы можем позволить тирану и чиновникам-палачам убить ее?!

— Надо спасти ее во что бы то ни стало! — зашумели делегаты.

— Пошлем одного человека в банк, а другого — к Зимнему дворцу, чтобы попытаться разведать, где Саша! — предложила Луиза.— Оба эти задания очень важны, кто желает идти?

Борма взял на себя получение денег, а Кранц захотел пойти на разведку.

Теперь мы расскажем о Кранце, который весь в поту прибежал к Зимнему дворцу. Вход плотной стеной заслоняли полицейские... Пока юноша раздумывал, как бы проникнуть внутрь, из подъезда вышли двое мужчин — один пожилой, другой молодой — и сели в коляску. Кранц попытался скрыться, но молодой увидел его и окликнул:

— Кранц, и ты здесь?!

Юноша с удивлением узнал Вальдерзее. Ему оставалось только подойти и поздороваться. Вальдерзее сказал Кранцу, что они тоже хотели попасть во дворец, но сегодня здание охраняется необычно строго; даже крупный чиновник — знакомый Бешкова — ничем не мог помочь. Вальдерзее усадил расстроенного Кранца в коляску, и все трое поехали к офицеру домой, чтобы обсудить, как спасти девушку.

Неожиданно Бешкову принесли секретное письмо от его знакомого, который сообщал, что Саша уже казнена,— боясь осложнений, царь приказал повесить ее в тот же вечер. Кранц сжимал кулаки от ярости, ругал царя и его сановников народными мучителями и хотел тотчас же отомстить за Сашу, но Вальдерзее убедил его не действовать опрометчиво. Тогда юноша, весь поникнув от горя, оставил Бешкова и Вальдерзее и поспешил на съезд, чтобы сообщить товарищам печальную весть.

В это время Луиза с остальными делегатами обсуждала план спасения Саши. Внезапное сообщение Кранца

прозвучало словно гром среди ясного неба. Люди, округлив глаза, в гневе били себя кулаками в грудь. Но больше всех была потрясена Луиза, которая тут же произнесла пламенную речь, прерывая свои слова рыданиями.

Через несколько дней состоялся траурный митинг, благодаря которому дух партии повысился в сотни раз. Вскоре вернулся Борма, в партийную кассу влился огромный капитал, и сила нигилистов возросла еще больше. В 1901 году Кранц убил министра просвещения Боголепова — бывшего профессора, который отрубил руку Саше. Луиза также 11 мая 1904 года пыталась бросить бомбу в царя Николая, но, потерпев неудачу, была схвачена. Перед казнью она сказала:

— Я хотела ценой своей жизни добыть свободу для всего народа, смерть мне не страшна!

Все это было откликом на героический поступок Саши. Но эти события произошли уже позднее, и подробно описывать их нет необходимости.

Расскажем лучше о Вальдерзее, который продолжал ходить в посольство, чтобы увидеть Цайюнь. Каждый раз его задерживали у ворот, поэтому в конце концов женщина назначила ему свидание в Иорданском парке. Офицер подкупил смотрителя парка и приказал извещать его каждый раз, когда Цайюнь придет в сад. Их встречи стали частыми.

Но, как говорится, чувства долги, а дни коротки. Быстро пролетели несколько холодных месяцев, и наступила жаркая пора, когда короткие рукава и тонкие рубашки особенно легко рождают вожделение. Вальдерзее беспокойно бродил по своей гостинице и ждал приятных вестей, но проходили день за днем, а письма все не было. Изнывая от скуки и одиночества, лейтенант лежал в кресле-качалке и читал газету. Внезапно в отделе официальных сообщений он увидел заметку, которая гласила:

«Кончился трехлетний срок полномочий посланника Цинский империи в России и Германии Цзинь Вэньци-на. Прибытие нового посланника ожидается через несколько дней».

Заметка ошеломила Вальдерзее. «Теперь понятно, почему на этой неделе Цайюнь не пришла. Оказывается, она возвращается на родину! — подумал он, но тут же в его голове мелькнула новая мысль: — Раз нам предстоит разлука, она должна была еще сильнее стремиться

к встрече со мной. Иначе где же гарантия, что она действительно меня любит?»

Офицер снова взял в руки газету и тупо уставился в нее. Внезапно слуга внес телеграмму из немецкого посольства. Вальдерзее торопливо распечатал ее. Телеграмма оказалась от его начальника, пехотного генерала, который извещал, что в связи с важными служебными делами Вальдерзее должен срочно выехать в Германию. Приказ звучал настолько категорично, что ни о какой задержке не могло быть и речи.

— Какая досада! — вздохнул лейтенант. — Неужели мы больше ни разу не увидимся?

Он вошел в спальню, надел мундир и отправился в Иорданский парк, надеясь случайно встретить Цайюнь или по крайней мере договориться о свидании. Но когда он приехал на место, смотритель сказал ему, что китаянка давно не появлялась. На другой день Вальдерзее снова поспешил в парк, но снова напрасно. Не видя другого выхода, лейтенант написал письмо и приказал смотрителю передать его в собственные руки жене китайского посланника, как только она появится, а сам с горьким чувством вернулся в гостиницу и стал собирать вещи.

На следующее утро он сел в поезд и возвратился в Германию, но рассказывать о том, как протекал его путь, мы не будем.

Между тем Цайюнь, которая едва вошла во вкус своих отношений с Вальдерзее, разумеется, совсем не хотела расставаться с ним. Узнав, что полномочия мужа истекают, она стала уговаривать его похлопотать о продлении срока. Однако попытки Цзинь Вэньцина не увенчались успехом. Затем он получил телеграмму от своего преемника, который сообщал, что уже находится в Берлине и через три дня будет в России. Цзинь сказал Цайюнь, чтобы она срочно собирала вещи. Сообщение поразило молодую женщину, как удар грома. Она очень досадовала, что не может попрощаться с Вальдерзее: господин всячески торопил ее со сборами, а поручить что-либо Афу она не могла, так как молодой слуга, терзаемый ревностью, давно искал случая придраться к ней. Некому было отнести даже письма, и Цайюнь оставалось страдать молча.

Наконец посланник сдал все дела. Отвезти вещи на вокзал было поручено Афу, а сам Цзинь Вэньцин отправился к Бешкову на прощальный завтрак, устроенный

в его честь. Воспользовавшись моментом, Цайюнь послала мальчишку за извозчиком и одна отправилась в Иорданский парк с тайной надеждой встретить там Вальдерзее: ей так хотелось сказать ему несколько ласковых слов и посетовать на горечь разлуки!

Въехав в парк, она думала отправиться к зрителю, но тот сам вышел навстречу и с многозначительной улыбкой подал ей конверт.

— Вы, вероятно, были заняты, мадам! Это письмо от господина Вальдерзее.

Цайюнь удивленно взглянула на зрителя, поспешно взяла письмо и прочла:

«Дорогая Цайюнь! На днях, читая газету, я узнал, что вы скоро уезжаете, и чрезвычайно огорчился. Кто мог подумать, что и меня по велению монарха заставят срочно собрать вещи и выехать! Увы, почему судьба так жестока к нам? Наша недолгая любовь закончилась печально: мы не можем даже высказать друг другу наши чувства и пролить прощальные слезы. Я надеялся последний раз пожать вам руку в том самом парке, где мы часто с вами гуляли, но догорел вечерний закат, а звука ваших шагов я так и не услышал. Одни лишь птицы на деревьях пожалели меня и проводили из парка своими печальными песнями.

Сегодня я уезжаю, надолго расставаясь с вами. Отделенный от вас безбрежным океаном, я буду всю жизнь думать о вас. Ночами, когда лунный свет озарит мою комнату, я буду видеть вас во сне.

Если случится оказия, молю, подайте о себе весточку!

Ваш любящий друг *Вальдерзее*».

Женщина опустила письмо в карман и с вымученной улыбкой спросила зрителя:

— Когда господин офицер передал вам это письмо?.. Он еще что-нибудь сказал?

— Позавчера. Но ничего особенного он при этом не добавил, просто досадовал, что вы не приходите.

Цайюнь кивнула головой, сдерживая рыдания, медленно села в коляску и приказала кучеру везти ее прямо на вокзал. Когда она приехала, Цзинь Вэньцин уже сидел в поезде. Его провожали представители русского министерства иностранных дел, послы Германии, Австрии и Голландии, художник Бешков. Торжественно

прибыл на проводы новый посланник Сюй Цзинчэн с атташе и переводчиками, которых ему оставили, по его просьбе, от Цзинь Вэньцина. Цзинь, весь взмокший от пота, едва успевал отвечать на приветствия, и ему было не до Цайюнь. Но Афу заметил, что госпожа прикатила на извозчике, и тотчас насторожился. Выйдя к ней навстречу, он посмотрел на заплаканные глаза молодой женщины и усмехнулся. Цайюнь отвернулась, сделав вид, будто не замечает его.

Едва она показалась на платформе, как служанки и горничные, уже изнывавшие от беспокойства, бросились к ней и помогли подняться в вагон. Прозвучал свисток, из трубы вырвался клуб густого дыма, и поезд медленно двинулся. Провожающие замахали руками, шапками, платочками. Под шумные возгласы «счастливого пути!» поезд, стремительно набирая скорость, покинул Санкт-Петербург.

Через три дня они добрались до Берлина. Цзинь Вэньцин выполнил все необходимые формальности, и супруги выехали в Марсель. Здесь стоял тот же самый корабль «Саксония», который привез их из Китая и на который им опять заказали места. Шестнадцатого августа он отплывал в Шанхай.

Накануне вечером, после ужина, все поднялись на борт корабля. Цзинь Вэньцин и Цайюнь снова оказались в первом классе. Когда они разместились, в каюту с улыбкой вошел старый капитан Якоб.

— Поистине нас связывает судьба! — воскликнул он, обращаясь к бывшему посланнику и его наложнице. — Вы снова на моем корабле!

Цзинь не знал иностранных языков, поэтому предоставил Цайюнь принимать гостя. Вскоре после ухода капитана корабль отчалил. Якоб был очень внимателен к своим высоким пассажирам. Часто он сам заходил к ним, иногда же Цайюнь, совершая прогулку по верхней палубе, заглядывала в его каюту. Дело в том, что с тех пор, как наложница покинула русскую столицу, ее все время мучила мысль, что она не простилась с Вальдерзее. В волнении молодая женщина часто вынимала письмо и прижимала его к груди. Только луна видела ее страдания да ветер осушал ее слезы. Цайюнь умела говорить по-немецки, но писать не научилась и не могла самостоятельно послать ответ. Это повергало ее в сильную тоску. Якоб видел, что женщина ходит опечаленная, и хотя не понимал причины, всячески старался

ее развеселить. Не стоит и говорить, как Цайюнь была ему за это благодарна.

Между тем Афу начал подозревать госпожу с того самого дня, как впервые увидел у нее Вальдерзее. Будучи слугой, он не решался открыто проявлять свое недовольство и ограничивался лишь намеками и осторожными вопросами.

Однажды вечером «Саксония» плыла по Средиземному морю, освещенному высоко стоявшей в небе луной. Только что пробыли первую склянку, но пассажиры давно разошлись. Корабль затих, слышалось лишь мерное посапывание спящих.

Афу одиноко лежал в своей каюте. Он долго ворочался, мучимый какой-то странной тревогой, потом встал и, накинув на плечи халат, вышел в коридор. По лестнице он поднялся на верхнюю палубу. Здесь было пустынно и тихо. Луна сияла серебристым светом, дул прохладный ветерок, на всех предметах лежала ночная роса, и волнение юноши постепенно улеглось. Он прислонился к мачте, любясь ночным морем. Вдруг возле паровой трубы мелькнул силуэт. Афу насторожился, на цыпочках отошел от мачты и увидел вдалеке, примерно на расстоянии полета стрелы, человека, который быстро шел к носу корабля. У него было гибкое тело, напоминающее женское, и Афу не мог различить только, китаянка это или иностранка. Он хотел присмотреться повнимательнее, но в этот момент у каюты капитана раздался стук захлопываемой двери, и фигура исчезла.

«А у капитана ведь есть жена! — подумал Афу.— Все равно мне делать нечего, погляжу, чем они там занимаются!»

Он подкрался к каюте и встал возле большого иллюминатора с поднятыми красными шторами. В комнате было темно, и лишь благодаря слабому лунному свету Афу различил, что женщина сидит спиной к окну на кресле, а Якоб стоит перед ней. Капитан уже протянул руку к выключателю, как вдруг женщина сделала предостерегающий жест и сказала несколько слов на иностранном языке. Якоб ослабил, похлопал себя руками по карманам и вынул какой-то конверт. Держа его на почтительном расстоянии, он продолжал говорить, словно дразня женщину. Та искоса взглянула на него и попыталась схватить конверт, но Якоб, не страдавший недостатком силы, взял женщину за руку и, наклонившись, что-то тихо прошептал ей на ухо. Жен-

щина повернулась, выглянула за дверь и по пути опустила штору. Афу прильнул к щелчке, стараясь разглядеть лицо женщины, и вдруг ахнул.

Воистину:

Видно, в прошлом перерождении
Средь проныр словно будда ты славился,
Если в полночь как на картине
Разглядел в темноте красавицу.

Если хотите знать, почему ахнул Афу, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ГУЛЯЯ ПО ЗЕЛеной поляне, хозяева обсуждают список гостей.
В ПАРКЕ ИДЕТ ПРОСВЕЩЕННАЯ БЕСЕДА ОБ
ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Заглянув в щелочку между шторой и иллюминатором, Афу с трудом различил хорошо знакомый ему силуэт и от неожиданности ахнул. Снедаемый ревностью, он уже хотел ворваться в каюту, но тут же его мысли приняли другое направление: капитан Якоб очень сильный и жестокий человек, а поэтому на рожон лезть не стоит. К сожалению, стена каюты была сделана из плотно пригнанных друг к другу дубовых досок, и наружу не просачивалось ни звука. Не видя другого выхода, Афу хотел приоткрыть дверь, но вдруг на палубе послышался какой-то шум. Юноша отскочил от двери и увидел огромного пуделя с горящими глазами и всклокоченной шерстью, который, виляя хвостом, мчался на нос корабля за гладкой, холеной болонкой.

Афу раздраженно сплюнул.

— Ну вот, даже собаки и те против меня!

Раздосадованный, строя различные планы, юноша побрел к лестнице. Вдруг перед его глазами промелькнул какой-то силуэт. Человек быстро пробежал вдоль левого борта и буквально в нескольких шагах от Афу спустился на нижнюю палубу. Молодой слуга остолбенел: «Неужели там уже все кончилось?» — подумал он, но, так и не найдя ответа на этот вопрос, вернулся к себе в каюту.

Всю ночь он ворочался с боку на бок и уснул только на рассвете. Внезапно он услышал сквозь сон шум голо-

сов и очнулся: на палубе второго класса кто-то кричал. Афу прислушался и узнал голос слуги Куан Чаофэна:

— Тьфу! Подумаешь, иностранец, капитан! Гроша ты медного не стоишь! Ты что, о трех головах и семи руках, что ли? Нечего придирааться ко мне, лучше скажи, что ты делал этой ночью?! Я битый час стоял у твоей каюты — все слышал! За какую-то поганую стекляшку из столовой ты заставляешь меня платить. А за жену посла, которую ты использовал, кто будет ответ держать?!

В ответ послышалось невнятное бормотание иностранца, затем яростный вопль Куан Чаофэна:

— Мерзавец! Господин Цзинь идет, а ты тут всякую чепуху городишь! Убирайся!

Слуга удалился, ворча:

— Не мешало бы господину Цзиню последить за женой!

Афу удивился: этой ночью он вроде бы не встречал слугу на палубе. Приход хозяина не предвещал ничего, кроме скандала, поэтому Афу поспешно оделся и вышел из каюты. На палубе второго класса он увидел Куан Чаофэна, который жестами извинялся перед капитаном Якобом. Цзинь Вэньцин с каменным лицом молча стоял у входа. Цайюнь, не смея показаться, лишь выглянула из-за двери и, заметив Афу, поманила его к себе.

Юноша подошел.

— Что случилось?

— Кто бы мог подумать! — возмущенно воскликнула Цайюнь.— Этот негодяй разбил чей-то стакан, а теперь, когда его заставляют платить, обливает грязью ни в чем не повинных людей.

— На чистое яичко муха не сядет! — ехидно усмехнулся Афу.— Хозяину теперь обо всем известно. Да, жаль мне вас!

Цайюнь хотела было ответить, но в этот момент к ней, весь пылая от гнева, подошел Цзинь Вэньцин. Афу поспешно отскочил в сторону.

— Ты зачем вышла?! — уставился господин на наложницу.

Услышав эти слова, молодая женщина опрометью бросилась бежать, Цзинь последовал за ней. Вбежав в каюту, Цайюнь упала на постель и, закрыв лицо руками, громко зарыдала.

— Гм! Ты еще плачешь?! — произнес Цзинь Вэньцин.

— Как же мне не плакать? — запричитала Цайюнь. — Нет у меня, несчастной, мужа, все меня обижают!

Цзинь удивился:

— Что за ерунда?

— Разве вы настоящий муж? Другие мужья защищают своих жен; даже если жена совершила ошибку, прощают ее во имя прежней любви и не позволяют рыться в своем грязном белье! А вы разрешаете низким рабам плевать в меня, слушаете подлые сплетни, стоите среди зубоскалов и слова не вымолвите. Я знаю, вы все понимаете и не верите им. Но что они подумают, глядя на ваше поведение? Они будут считать, что вы поверили! Кто смеет с меня это незаслуженное оскорбление?!

Надо сказать, что Цзинь Вэньцин только что поднялся с постели и отправился навестить Куан Чаофэна. Услышав брань слуги, он пришел в страшную ярость. Не умея в таких случаях долго раздумывать, он был готов бросить наложницу в море, чтобы навсегда избавиться от позора. Однако плач Цайюнь и ее прелестная поза умили его гнев почти на половину. Речь ее тоже показалась ему довольно убедительной. «Пожалуй, в самом деле она ни в чем не виновата!» — подумал он, и гнев его смягчился еще на одну треть.

— Если ты ничего дурного не сделала, то зачем было людям клеветать на тебя? — спросил он.

Цайюнь забила ногами и еще пуще расплакалась:

— Это вы погубили меня! Зачем мне было учить языки?! Я вовсе не собиралась принимать иностранных гостей. А вы, сдавая дела, оставили своему преемнику всех хороших переводчиков и, едва мы сели на корабль, заставили меня быть вашей посредницей. Вот почему мне и пришлось иметь дело с Якобом, а тут начались всяческие подозрения. Вчера вечером я слишком неосторожно отправилась к нему в каюту, чтобы попросить его написать за меня ответ подруге в Берлин. Откуда я могла знать, что это выльется в такой скандал?!

Она быстро повернулась и, достав из-под подушки письмо, написанное латинскими буквами, швырнула его в лицо Цзинь Вэньцину.

— Вот письмо! Если не верите, посмотрите сами!

И она вновь зарыдала, крича, что хочет умереть.

Цзинь не знал западных языков, но по тому, как запальчиво говорила Цайюнь и как смело она швырнула ему письмо, решил, что наложница говорит правду. Когда же он прислушался к ее скорбным рыданиям, его

сомнения окончательно улетучились и уступили место острой жалости.

— Ну, раз ты говоришь, что ничем не запятнала моей чести, оставим это,— успокоительно произнес он.— Больше я не буду вспоминать о случившемся, только не плачь!

Но Цайюнь продолжала кокетливо размазывать по лицу слезы.

— Меня оклеветали, а вы умываете руки?

Цзинь Вэньцин был вынужден пообещать, что по возвращении в Китай отдаст слугу под суд. Только тогда буря понемногу утихла. Правда, Якоб на палубе тоже пошумел немного, но Куан Чаофэну удалось наконец уладить дело миром. Испугался гнева Цзинь Вэньцина и Афу, который боялся, что хозяин может узнать и о других проделках своей наложницы. Он тихонько последовал за Цзинь Вэньцином, но, подслушав немного, убедился, что опасаться нечего, и успокоился.

С тех пор путешествие протекало благополучно, без каких бы то ни было неприятностей. В каждом порту, где они останавливались, посланника, по обыкновению, ждали приемы и визиты. Ничего интересного в них не было, и от их описания мы воздержимся.

Расскажем лучше о знаменитом парке Ароматных трав, что находится в пяти-шести ли от Шанхая. Построен в нем было немного: посреди большой поляны с нежной зеленой травкой красовался великолепный танцевальный павильон. Он назывался «Жилищем покоя» и был излюбленным местом китайских джентльменов и леди.

Стояла глубокая осень, приближался Праздник двойной девятки*. Травы приобрели золотистый оттенок, клены дышали огнем, пышно распускались осенние цветы, кружась, опали листья каштанов. Красавицы в лакированных колясках и молодые шалопаи с шелковыми плетками искали здесь встреч. В парке царил необычайное оживление, отовсюду неслись звуки песен и танцев.

Вечернее солнце уже прильнуло к горам, разбрасывая вокруг свои кровавые лучи, когда на лужайке появился худощавый благообразный старик, пощипывающий рукой желтоватую бородку. За ним следовал человек средних лет, мужественного и строгого вида. В груди его явно скрывался талант, способный помочь стране и государю, на лице отражалась глубокая уче-

ность. Они шли рядом и разговаривали, направляясь к танцевальному павильону.

— Если бы не мой недуг, я сейчас уже был бы где-нибудь между Лондоном и Парижем и вдыхал бы в себя воздух западной свободы! — вздохнул старик.

Его спутник улыбнулся:

— Если бы мы сейчас были на Западе, нам не удалось бы устроить этот неповторимый пикник! Воистину, само небо ниспослало на ваше превосходительство благородную болезнь, чтобы вы возглавили наиболее талантливых людей Поднебесной! О, это собрание не случайно.

— Вы чересчур превозносите меня, я не смею принять и половины ваших комплиментов, — отвечал старик. — Но надо признать, что такое количество мудрых и впрямь очень редко собирается в одном месте! Нельзя было не увековечить этим собранием удивительную встречу! Скажите: вы составили список гостей, о котором я позавчера просил вас?

— Я постарался не забыть никого из тех, кто находится сейчас в Шанхае, но вполне возможно, что кого-нибудь и упустил. Прошу ваше превосходительство проверить! — сказал человек средних лет и, вынув из-за голенища красный пригласительный билет, почтительно преподнес его старику. Тот открыл билет и прочел:

«Девятого числа нынешнего месяца, в Праздник осеннего равноденствия, в саду Ароматных трав состоится беседа о заморских государствах. В ней могут принять участие все мои коллеги, побывавшие в Японии, а также все послы и путешественники, побывавшие в других странах, включая переводчиков с заморских языков. На беседе будет затронут вопрос о том положении, что есть в иноземных государствах, и о пользе, которую приносит общение между странами всего мира.

Искренне надеюсь, что Вы не откажетесь прийти на беседу и не пожалеете высказать свое мнение. Ниже почтительно привожу список приглашенных:

Заслуженный сановник, посланник в Японии — его превосходительство господин Люй Цаншу.

Бывший посланник в Германии — его превосходительство господин Ли Баофэн.

Кандидат в начальники области Чжили, бывший посланник в Америке, Японии и Перу — его превосходительство господин Юнь Хун.

Кандидат в начальники области Хубэй, управляющий металлургическим заводом, бывший советник по-

сольства в Германии — его превосходительство господин Сюй Ин.

Помощник начальника области Чжили, президент Коммерческой пароходной компании, по высочайшему повелению ездивший во Францию,— его превосходительство господин Ма Чжунцзянь.

Начальник округов Чанчжоу и Чжэньцзян, в прошлом по высочайшему повелению ездивший в Англию,— его превосходительство господин Чай Хэ.

Председатель Верховной судебной палаты, бывший посланник в Англии и Франции — его превосходительство господин Юй Гэн.

Кандидат в начальники области, по высочайшему повелению ездивший в разные страны, в настоящее время исполняющий обязанности советника посольства в Англии, Франции, Италии и Бельгии,— его превосходительство господин Ван Гунсянь».

Ниже стояла подпись:

«Почтительно приглашает и бьет челом ваш недостойный брат Сюэ Фужэнь».

Читатель уже встречался с Сюэ Фужэнем и, конечно, помнит его. В июле прошлого года Сюэ назначили посланником сразу в четыре государства: Англию, Францию, Италию и Бельгию, однако из-за продолжительной болезни он до сих пор не мог выехать за океан. Всего несколько дней назад он прибыл из столицы в Шанхай и остановился во временной императорской резиденции. Ему надлежало еще подлечиться, прежде чем пускаться в путешествие. Человек средних лет был Ван Гунсянь, о котором также шла речь в начале книги. По ходатайству Сюэ Фужэня он был назначен советником посольства и собирался ехать вместе с ним. Оба они были талантливыми людьми своего времени, глубоко знали международную обстановку и очень подходили друг другу. В Шанхае заниматься им было нечем, но, к счастью, они встретили здесь нескольких старых друзей — Люй Цаншу только что вернулся из Японии по истечении срока полномочий, Сюй Ин приехал в Шанхай закупать сырье для металлургического завода, Ма Чжунцзянь и Юнь Хун просто жили здесь,— и гостеприимный Сюэ Фужэнь, посоветовавшись с Ван Гунсянем, решил собрать всех, ездивших за границу, на беседу, чтобы, пользуясь скоплением такого количества опытных дипломатов, совместно изучить международное положение.

По счастливому стечению обстоятельств столичный чиновник Юй Гэн также был послан в это время в Шанхай в качестве ревизора, а начальник округов Чанчжоу и Чжэньцзян Чай Хэ встретился с мэром Шанхая для обсуждения некоторых торговых проблем. Оба они были известными людьми своего времени, и их приезд явился приятной неожиданностью. Разумеется, узнав об этом, Ван Гунсянь пригласил их обоих. Но не будем говорить о пустяках.

Просмотрев список гостей, Сюэ Фужэнь улыбнулся:

— В самом деле, больше никого нет! Вы забыли только Цзинь Вэньцина и Куан Чаофэна. Я слышал, что они скоро должны вернуться на родину. Не знаю, правда, успеют ли они к девятому сентября?

— Вчера я выяснил, что супруга Цзинь Вэньцина приехала в Шанхай встречать их,— ответил Ван Гунсянь, принимая список.— Мэр Шанхая уже приготовил для них в качестве временного жилища департамент внешних сношений. Не сегодня завтра они должны прибыть!

Они взошли на площадку танцевального павильона и уже хотели войти внутрь, как вдруг к подъезду быстрее молнии подкатила разукрашенная коляска. Сзади нее, в пыли, скакало верхом на отличных лошадях четверо бравых фореиторов в шапках с красными кисточками. Когда коляска остановилась, толпа служанок и горничных отворила дверцы и вывела под руки двух женщин: благородную даму средних лет и изящную, миниатюрную девушку. Унизанные жемчугами и бирюзой, благоухающие, они медленно поднялись по ступеням павильона. Сюэ Фужэнь и Ван Гунсянь засмотрелись на них.

— Молодая, это, кажется, наложница Цзинь Вэньцина,— тихо произнес Ван Гунсянь,— а та, что постарше,— его законная жена?

— Совершенно верно,— кивнул Сюэ Фужэнь.— Судя по всему, Цзинь Вэньцин уже приехал, скорее включите его в список! Я думаю, мне следует нанести ему визит, и тогда уж он наверное придет на беседу. Прошу вас договориться с хозяином сада о помещении.

Ван Гунсянь повиновался и пошел искать хозяина. Сюэ Фужэнь бросил последний взгляд на жен Цзинь Вэньцина, которые в сопровождении служанок поднялись на второй этаж и уселись пить чай. Затем он

подозвал слугу, сел в коляску и отправился к Цзинь Вэньцину.

Следует сказать, что Цзинь прибыл в Шанхай еще вчера утром, потратил целый день на официальные визиты и только к вечеру вместе с Цайюнь устроился в департаменте внешних сношений. Узнав, что жена уже здесь, он поспешил поехать за ней. Супруги встретились и оживленно рассказывали друг другу, что произошло с каждым во время разлуки. О том, как они были рады встрече, говорить не приходится.

На следующее утро Цзинь Вэньцин предложил жене проехаться с Цайюнь по городу, а сам пошел с визитами к друзьям и знакомым. Вернулся он, когда уже стемнело. Усевшись в гостиной, он приказал наложнице помочь ему переодеться, одновременно болтая с женой и расспрашивая ее, что они видели сегодня во время прогулки. Жена подробно ему все рассказала. В этот момент вошел слуга с пригласительным билетом в руках и доложил:

— Недавно приезжали собственной персоной его превосходительство господин Сюэ Фужэнь и приглашали господина пожаловать послезавтра в парк Ароматных трав на беседу. Очень просили не отказать! Перед уходом оставили этот билет.

Цзинь Вэньцин посмотрел на билет и радостно заулыбался.

— Оказывается, все эти люди здесь?! Поистине редкий случай! — Он обернулся к слуге. — Пойди извести господина Куан Чаофэна. Скажи, что я поеду и советую ему сделать то же самое. Не стоит обижать его превосходительство!

Слуга поклонился и исчез. В тот вечер больше никаких событий не произошло.

Когда наступил Праздник осеннего равноденствия, Цзинь Вэньцин позавтракал в департаменте внешних сношений, позвал Куан Чаофэна и, сев вместе с ним в карету, отправился в парк Ароматных трав.

Возле танцевального павильона они увидели пять или шесть закрытых экипажей. На ступеньках стояло множество слуг в синих куртках и шапках с красными кисточками, один из которых тотчас помчался доложить о Цзине и Куане. Вскоре на пороге с радушной улыбкой показался сам хозяин Сюэ Фужэнь. Зал был полон гостей в пышных нарядных одеждах. Как только Цзинь Вэньцин вошел, все встали, уступая ему место. Цзинь

сразу увидел множество знакомых лиц. Он произнес несколько вежливых фраз, и гости уселись.

Сюэ Фужэнь обратился к нему:

— С тех пор как мы беседовали с вами в ресторане «Изысканные блюда», прошло немало лет. Не думал я, что нам снова придется встретиться здесь! Но самое удивительное — что вся старая компания в сборе! Правда, нет больше темнокудрых юношей: их место заняли седоволосые старцы!

Он погладил бороду и засмеялся.

— Помните, как на другой день вы пригласили нас в ресторан «Вечная весна»? — вмешался в разговор Ван Гунсянь. — Вы как раз получили звание лауреата и со славой возвращались домой. В таком молодом возрасте стать богатым и знатым — это вызвало у всех нас неопишуемое восхищение!

— Когда мы вспоминаем о делах юности, нам всегда становится немного стыдно, — промолвил Цзинь Вэньцин. — Ведь вы с завидной эрудицией говорили о политике и искусстве западных стран! Слова ваши были для меня подобны разверзшемуся небу и рушащимся скалам, но мне казалось тогда, что вы с чрезмерным почтением относитесь к западной культуре и многое преувеличиваете. Только сейчас, когда по милости государя мне удалось объехать немало стран, я понял, что ваши слова были правдой. К сожалению, моя ученость мелка, а талант ничтожен, и я не сумел за границей прославить достоинства нашей родины. Могу ли я в обширности и глубине знаний сравниться с господином Сюэ Фужэнем, на которого с надеждой взирают все жители Китая и Запада и у которого к тому же есть такой просвещенный помощник, как господин Ван Гунсянь?! Отправляясь в этот раз за границу, вы, несомненно, сумеете добиться для родины немалых прав и привилегий и значительно повысите ее авторитет во всем мире. Нам же останется лишь протереть глаза, чтобы увидеть ваши подвиги во всей красе!

Сюэ Фужэнь и Ван Гунсянь попытались из скромности отвести этот комплимент.

— Тогда в Китае еще господствовал старый дух, — вставил Ли Баофэн. — Люди, говорившие о западных науках, объявлялись изменниками. Вы, наверное, помните об этом, Цзинь Вэньцин? Товарищ министра Го Цзюньсян, любивший рассуждать об европеизации, едва не был изгнан своими земляками. Посланник Цзэн

Цзичжань, изучавший иностранные языки, и его жена, любившая играть на пианино, были названы христианскими еретиками. Если за такие пустяки преследовали, то что уж говорить о политике и искусстве! Тут не только вы сомневались — мы сами не были вполне уверены в правоте своих слов!

— Да, сейчас взгляды людей несколько изменились,— подтвердил Ма Чжунцзянь.— Я слышал, что сановник Юй Гэн даже в домашнем быту во всем подражает иноземцам. Его сыновья и дочери появляются на приемах в иностранном платье, но их никто за это не осуждает. Просто удивительно!

Кое-кто из гостей хотел обратиться к нему с расспросами, но в это время вошел слуга с красным приглашительным билетом в руках и громко доложил:

— Его превосходительство господин Юй Гэй!

Цзинь Вэньцин бросил взгляд на дверь и увидел представительного человека лет сорока с лишним: высокого, худощавого, с овальным лицом и снежно-белой кожей, редкой черной бородкой, расчесанной на две пряди, и синим шариком на шапке. Во взгляде его сквозили ум и проницательность. Поклонившись Сюэ Фужэню, он извинился за опоздание. Пока Сюэ наливал ему чай, слуга ввел еще одного гостя — пузатого, с широкими бровями и большими глазами. Сюэ заодно налил чаю и ему и представил его Цзинь Вэньцину:

— Перед вами областной инспектор Чай Хэ, только что прибывший из округов Чанчжоу и Чжэньцзян. Его присутствие украсит наше собрание...

Чай Хэ поспешно произнес: «Что вы!» — и начал знакомиться с остальными. Сюэ Фужэнь, видя, что гости уже в сборе, приказал слугам принести вино. После долгих хлопот и взаимных уступок все наконец уселись. Подняв бокалы, гости начали пить и оживленно разговаривать.

— Я слышал,— обратился Цзинь Вэньцин к Люй Цаншу,— что в Японии прежде очень почитали китайские науки и там сохранились некоторые старые книги, которых сейчас не найти даже в Китае. Когда я был за границей, до меня дошла весть, что вы собрали немало подобных редкостей. Это великий вклад в науку!

— О, мои познания не имеют абсолютно никакой ценности! — воскликнул Люй Цаншу.— Обо мне стыдно даже говорить в присутствии господина Ван Гунсяня, который написал «Историю Японии» и изложил там

самым подробным образом все особенности политики и нравов островного государства. Это воистину нетленное произведение!

— За последние тридцать лет, со времени реформ Мэйдзи *, Япония развивалась с поразительной, почти пугающей быстротой. Мой труд, бывший всего лишь сбивчивым докладом трону, теперь устарел и уже никому не нужен! — скромно заметил Ван Гунсянь.

— Последнее время Япония чересчур пристально следит за Кореей, — заметил Юй Гэн, — это не может не беспокоить нас. Вы помните, конечно, что в тот год, когда в Корее разразился мятеж Ли Ха Ына *, Япония послала туда министра иностранных дел Иноуэ Каору с многочисленным войском. К счастью, наша армия достигла Кореи на полдня раньше, и все закончилось мирно. В противном случае Корею постигла бы судьба островов Люцю.

Ван Гунсянь с улыбкой указал на Сюэ Фужэня и Люй Цаншу.

— Этого не случилось лишь благодаря их усилиям!

— Ну что вы! — запротестовал Сюэ Фужэнь. — Ничего особенного я не сделал. Только послал письмо командующему, попросив его не терять времени и двинуть флот без согласования с Палатой внешних сношений. Главная причина успеха заключалась... — Он взглянул на Люй Цаншу и продолжал: — ...в том, что брат Цаншу, находившийся в то время в Токио, добыл сведения о намерениях японского правительства и послал нам зашифрованную телеграмму. Командующий успел подготовиться, и победа была обеспечена.

— Жаль, что впоследствии, когда Ито Хиробуми * приехал в Тяньцзинь, Хэ Тайчжэнь по приказу диктатора севера — Ли Хунчжана — заключил с Японией договор о взаимопомощи, — промолвил Ма Чжунцзянь. — Боюсь, что это может вызвать в дальнейшем осложнения в Корее. Китаю и Японии трудно избежать конфликтов!

— Не только одна Япония смотрит на Корею алчными, как у тигра, глазами, — добавил Цзинь Вэньцин. — Другие страны тоже о ней мечтают!

— Совершенно верно! — подтвердил Сюэ Фужэнь. — Я слышал, что вы перед самым возвращением на родину имели беседу с русским царем. Интересно, что же он сказал?

— Оказывается, до вас очень быстро доходят сведения! — удивился Цзинь Вэньцин. — Разговор действи-

тельно состоялся. Когда я приехал во дворец с прощальным визитом, царь собственной персоной вышел ко мне, пожал руку и сказал: «Последнее время иностранцы твердят, будто я хочу пойти на конфликт с вашим государством и отторгнуть Корею. На самом деле эти слухи распускаются западными державами для того, чтобы подорвать нашу дружбу. Дружественные отношения у России с Китаем начались раньше, чем у других государств, и я, разумеется, ни в коем случае не собираюсь забывать этого. К тому же совсем недавно мы подавили новый мятеж в Польше, подчинили себе Финляндию и почти весь Туркестан. Я день и ночь тружусь, чтобы поскорее водворить мир и спокойствие в этих землях, и вовсе не желаю затевать какие бы то ни было дела на границах. Что же касается Восточной железной дороги, то она строится исключительно для перевозки товаров и никакого иного назначения не имеет. Кое-кто утверждает также, будто Англия блокирует Константинопольский пролив, у русского флота нет места для стоянок и что поэтому якобы нам нужна Корея. Это еще в большей степени не соответствует истине. За последние годы мы соорудили отличные гавани на Черном море, причем к северу от них есть угольные копи. Две тихие, незамерзающие бухты, также обеспеченные топливом, есть у нас и на Курильских островах. Кроме того, Россия связана брачными узами с датским двором, и, если потребуются, Дания предоставит нам право прохода по Кильскому каналу. Зачем же нам еще Корея? Когда вы вернетесь на родину, передайте эти слова моему императору. Необходимо всеми силами укреплять нашу дружбу». Все это говорил мне сам царь. А насколько это искренне, судить не смею, я лишь пересказал вам то, что слышал.

— Когда стакан переполнен, вода из него выливается,— задумчиво молвил Сюэ Фужэнь.— Сейчас все государства задыхаются от избытка внутренних сил, и агрессивная политика для них вполне естественна. Даже если царь говорил совершенно искренне, он не может оказаться сильнее судьбы. Сунь-цзы сказал: «Не рассчитывай, что враги не придут к тебе, а заботься о том, как им противостоять». Сейчас у нашего государства есть только один выход: укреплять свои силы, тогда оно сумеет обеспечить себе право на существование в этом мире войн!

— Но что же является главным залогом усиле-

ния? — спросил Цзинь Вэньцин. — Вы, господин Сюэ, давно думаете об этом и, без сомнения, сможете высказать весьма ценные мысли.

— Путей к усилению и процветанию очень много, — сказал Сюэ Фужэнь. — Разве мой презренный ум способен исчерпать их?! Я приведу вам пример из внешних сношений, то есть из той области, о которой по долгу службы я обязан больше всего заботиться. Здесь, по моему, существуют два основных условия: первое — ввести Китай в орбиту международного права, чтобы мы ни в чем не терпели ущерба, и второе — учредить консульства во всех странах Южных морей, чтобы у тамошних китайских эмигрантов была опора. Оба мероприятия могут показаться слишком обычными, но в действительности они тесно связаны с общей международной обстановкой. В свое время я писал об этом работу, а теперь, выезжая за границу, хочу во что бы то ни стало осуществить свои идеи.

— Все, о чем вы сейчас говорили, господин Сюэ Фужэнь, безусловно, самые насущные задачи внешней политики, — поддакнул Куан Чаофэн. — Но во внутренней политике, на мой взгляд, самое главное — это обучение войск, особенно создание флота. В настоящее время северная эскадра пользуется всемерной поддержкой Ли Хунчжана и усиленно обучается адмиралом Дин Юйтином. Это, несомненно, даст свои плоды. Но сегодня я слышал, будто средства департамента морского флота используются совсем на другие нужды. Разве можно так пренебрегать важнейшими делами государства?

— Конечно, обучение войск нельзя отодвигать на задний план, но, на мой непросвещенный взгляд, оно является сложным веществом, а не элементом, если использовать сравнение из области химии! — возразил Сюй Ин. — Между тем в каждой из держав, где я бывал, есть, так сказать, свой «элемент», на котором строится все остальное: в Англии — торговля, в Германии — промышленность, в Америке — сельское хозяйство. А сельское хозяйство, промышленность и торговля как раз и являются важнейшими артериями государства. Каждая страна обращает особое внимание на одну из них в соответствии со своей политикой или в зависимости от обычаев и национального характера своего народа. Если мы хотим укрепить наше государство, надо во что бы то ни стало вооружить торговлю инициативными людьми, промышленность — современными машинами,

а сельское хозяйство — новейшей агротехникой. Только тогда у нас может быть надежда на возрождение!

— Состязание предпринимателей — это война еще более ожесточенная, чем войны, ведущиеся силой оружия! — воскликнул Юнь Хун. — Сюй Ин смотрит в самый корень. Когда я ездил в Англию и Америку, я особенно пристально следил за промышленностью и торговлей, в которых, как мне кажется, господствуют два чудовища, способные своей мощью подавлять государства и уничтожать целые расы. Наша страна должна остерегаться их. Одним из этих чудовищ является банк, а другим — железная дорога. Банк нельзя сравнивать со старой меняльной конторой. Через его многочисленные ответвления можно управлять денежными средствами всей страны. Железные дороги также несопоставимы со старыми почтовыми станциями: даже служба связи целого государства, войдя в сферу действия иностранной железной дороги, вынуждена подчиняться ее законам. Если наша страна немедленно не приступит к созданию собственных банков и строительству железных дорог, иноземцы нанесут нам удар в самое сердце!

— А по-моему, истоки богатства и силы западных государств состоят не столько в их умении обучать солдат, создавать машины, развивать промышленность или торговать, сколько в их политической системе, — сказал Ли Баофэн. — Европейцы рассматривают страну как общее достояние народа, а не как наследственную собственность двора. Для решения государственных дел в столице существуют двухпалатные парламенты, а на местах — органы самоуправления. Каждый человек имеет право говорить о политике, и вполне естественно, что в таких условиях все обладают патриотическим сознанием. Второй источник их силы — система образования. В западных странах учреждено множество школ, в которых обучается народ. Школы управляются государством, каждый обязан учиться. Европейцы называют это «обязательным образованием». На Западе нет неграмотных людей: даже мелкие торговцы и грузчики разбираются в важнейших мировых событиях, знания народа непрерывно развиваются, и сила государства, благодаря этому, день ото дня растет. На Западе не запрещают партий и союзов, что очень помогает сплочению граждан. Человеческие права не попираются, а это воспитывает дух свободного соревнования. Что же касается уважения к честности, долгу, бескорыстию и гуманно-

сти, которым мы обычно кичимся, то у них все это разумеется само собой. Если мы, подражая Западу, будем гнаться только за техническими достижениями, наши усилия окажутся тщетными!

Юй Гэн вздохнул.

— На протяжении нескольких тысячелетий нашим государством безраздельно правят монархи. Боюсь, что сразу изменить нашу политическую систему трудно. Но с образованием действительно нельзя медлить. Сейчас в Китае насчитывается четыреста миллионов жителей, а грамотных менее ста миллионов. Большая часть населения пребывает в темноте и невежестве — не удивительно, что европейцы называют Китай полудцивильзованной страной! Если бы двор согласился упразднить экзаменационную систему и открыл побольше учебных заведений нового типа, то уже через десять лет это дало бы свои результаты. На мой взгляд, следует в первую очередь создать начальные школы, а со специальными учебными заведениями и университетами можно и подождать. Общедоступные начальные школы важнее всего, потому что в них можно воспитать настоящих граждан. А когда будут Настоящие граждане, будет и настоящее государство.

— Просвещение — дело, конечно, очень важное, — заметил Чай Хэ, — но здесь есть одна опасность, которой следует остерегаться с самого начала. Когда мне пришлось посещать учебные заведения различных стран, я частенько видел, как ученики с утра до вечера штудируют «Об общественном договоре» Руссо или «О духе законов» Монтескье. Речь их буквально пересыпана словами: «революция», «кровь», «равенство», «свобода». Когда мы у себя станем открывать учебные заведения, нужно будет прежде всего запретить эти книги, чтобы они не попадали на глаза ученикам. В противном случае наши школы будут воспитывать не добрых граждан, а мятежников!

— Ну, об этой опасности пока еще рано говорить! — улыбнулся Ма Чжунцзянь. — Сейчас наш народ находится в невежестве не только потому, что вышестоящие не заботятся о его воспитании, но и потому, что китайский литературный язык очень труден и расходуется с разговорным. Разве можем мы сравниться в деле образования со странами, в которых разговорный и литературный языки едины? Моя мысль заключается в том, что необходимо сначала создать новую ходовую письмен-

ность, близкую нормам разговорной речи. Кроме того, в большинстве государств из литературы выше всего ценятся проза и драма, так как они легче всего воздействуют на народ. Наши же современные проза и драма слишком примитивны, в них неизменно фигурируют красавицы и талантливые юноши, абсолютно ничего не дающие ни уму ни сердцу, либо, еще того хуже, всякие хозяйки горы Лишань, Цари обезьян, Бай Юйтаны, Хуан Тяньба *. Вся эта чертовщина и мистика забивает головы простых людей: особенно силен этот дух в северных провинциях, и уничтожение его должно явиться одной из важнейших задач просвещения народа!

Пока гости, сидевшие в саду Ароматных трав, оживленно спорили, обсуждая положение Поднебесной, в зал торопливо вошел слуга. Приблизившись к Цзинь Вэньцину, он наклонился и тихо сказал:

— Супруга вашего превосходительства прислала нарочного с известием о том, что из столицы пришла важная телеграмма. Она просит вас немедленно вернуться домой!

Все встревожились, и разговор оборвался. Терзаемый неизвестностью, Цзинь уже не мог усидеть на месте. Ему оставалось только встать и распрощаться.

Воистину:

Долго спорили гости заморские,
Обсуждая дела неотложные;
Вдруг письмо, из столицы пришедшее,
Одного из них растревожило.

Если хотите знать содержание телеграммы, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

НЕСКОЛЬКО ЗНАКОВ НА СТЕНЕ ДОКАЗЫВАЮТ,
ЧТО СРЕДИ КИТАЙЦЕВ ЕЩЕ ЕСТЬ БЛАГОРОДНЫЕ ЛЮДИ.
ТРИ МУДРЫХ МУЖА ПРИХОДЯТ, ЧТОБЫ ПРИГЛАСИТЬ УЧЕНОГО
НА ПРАЗДНОВАНИЕ ДНЯ ЕГО РОЖДЕНИЯ

Итак, в момент самого оживленного спора Цзинь Вэньцин неожиданно получил весть о том, что пришла телеграмма из столицы. Взволнованный, он не досидел до конца беседы и, поблагодарив хозяина, распрощался. Вернувшись в департамент внешних сношений, он увидел улыбающуюся жену, которая вышла к нему в гостиную со словами:

— Поздравляю вас, господин!

— С чем ты меня поздравляешь? — удивился Цзинь.

— Не торопитесь! Радость никуда не убежит! — засмеялась жена.— Переоденьтесь сначала. А ты, Цайюнь, принеси, пожалуйста, телеграмму от господина Лу!

Цайюнь, которая в задумчивости стояла, облокотившись на спинку стула, при звуках голоса старшей жены очнулась:

— А куда вы ее положили, госпожа?

— Ты уже забыла? Ведь мы только что читали ее за письменным столом!

Наложница улыбнулась и выбежала из комнаты. Сняв с помощью слуги чиновничью шапку, мундир, пояс и сапоги и облачившись в домашнее платье, Цзинь Вэньцин сел у окна. Слуга вышел из гостиной. В этот момент на пороге появилась Цайюнь с белым конвертом в руках. Цзинь хотел взять его, но Цайюнь отдернула руку и вручила конверт жене.

— Госпожа, посмотрите — этот ли?

Жена кивнула головой и передала телеграмму Цзинь Вэньцину. Вот что было в ней написано:

«Шанхай, переулок Сецяо. Департамент внешних сношений, его превосходительству посланнику Цзиню.

Чжуан Хуаньин узнал во дворце вашем назначении Палату внешних сношений. Скоро выйдет указ. Советую скорее приехать.

Лу Жэньсян».

— Вот неожиданность! — воскликнул Цзинь Вэньцин.— Но раз сообщает сам Чжуан Хуаньин, значит, это действительно правда. Завтра или послезавтра надо трогаться в путь!

— А кто такой Чжуан Хуаньин? — спросила жена.

— Заместитель министра! Я через него карту Китая и России в Палату передавал! Чрезвычайно способный человек, любимец императора и императрицы, даже евнухи отзываются о нем хорошо. Поэтому о каждом движении наверху он узнает гораздо раньше других. Раз он оповещает меня, выходит, он желает мне добра, а пренебрегать его расположением нельзя. Прикажи слугам поскорее складывать вещи. Послезавтра тронемся в путь!

Жена повиновалась и пошла собираться, а Цзинь отправился наносить прощальные визиты. Поскольку Сюэ Фужэнь и Ван Гунсянь как раз на завтрашний день назначили свой выезд за океан, Сюй Ин должен был

возвращаться в Хубэй, а Чай Хэ — в Чжэньцзян, они тем же вечером собрались в ресторане «Изысканные блюда» и веселились до глубокой ночи. На следующий день каждый отправился своей дорогой.

Сейчас наш рассказ пойдет по двум линиям. Мы оставим на время всех дипломатов и будем говорить только о Цзинь Вэньцине, который вместе с двумя женами и Куан Чаофэном сел на пароход и отправился в Тяньцзинь. Добравшись туда, он поручил Куану заботу о семье, которая должна была ехать водным путём, а сам решил отправиться по суше. В резиденции диктатора севера Ли Хунчжана он взял упряжку мулов и, сопровождаемый всего тремя слугами, налегке помчался в Пекин.

Зима уже вступила в свои права. На пустынной равнине завывал ветер, поднимая тучи желтой пыли. К вечеру Цзинь Вэньцину удалось добраться до местечка Хэсиу. Заходящее солнце с большой таз величиной уже наполовину скрылось за горизонтом и походило на мякоть незрелого арбуза. Его лучи красиво отражались на коньках крыш сельских гостиниц, которые стояли по обе стороны длинной улицы, и крохотного налогового управления. Едва коляска Цзиня въехала в улицу, как гостиничные слуги бросились навстречу, желая завлечь к себе выгодного клиента.

— У нас комнаты чистые, каны широкие, еда отменная и обслуживание лучше всех! Заезжайте к нам, сами убедитесь! — наперебой галдели они, словно гуси или утки.

Цзинь Вэньцин приказал слуге проехать верхом по дворам и выбрать лучшую гостиницу. Но прошло много времени, а слуга все не возвращался. В нетерпении Цзинь велел кучеру гнать вперед, в первый же постоялый двор покрупнее. Они проехали мимо нескольких гостиниц, но ни одна не понравилась Цзинь Вэньцину. И только у самого конца улицы его внимание привлек большой постоялый двор с длинным бамбуковым шестом у ворот. На шесте развевался белый войлочный флаг с синей каймой. Огромные старые ворота были полуоткрыты; по обеим сторонам их висели две истрепанные новогодние надписи на поблекшей красной бумаге:

Пусть тысячи знатных гостей
В пути останутся здесь,
И пусть миллионы монет
Посыплются в нашу мошну!

Цзинь Вэньцин заглянул внутрь и увидел широкий двор с повозками. Впереди красовался центральный дом из трех комнат, по бокам было несколько флигелей. Убедившись, что гостиница довольно просторна, Цзинь приказал кучеру въезжать. Он еще не сошел с коляски, как вдруг услышал громкий голос своего старого слуги Цзинь Шэна, вступившего в перепалку с каким-то полным и белолицым юношей. За спиной юноши стоял человек лет сорока или пятидесяти, с коричневым лицом, жесткими, похожими на щетку усами, темными очками на носу и трубкой во рту. С виду он был похож на чиновника. Вокруг него толпились слуги.

— Откуда только берутся такие нахальные барчуки?! — кричал Цзинь Шэн. — Кто тебе покровительствует, что ты решаешься хватать невинных людей? Не разобрался, видно, что я служу господину Цзиню! Ну-ка, вяжи меня, если смелый!

Юноша затопал ногами.

— Ах ты наглая тварь! Будь ты хоть дворецким князя, я тебя все равно проучу! Ну-ка, свяжите эту черепаху, забывшую императорские законы!

Услышав этот приказ, здоровенные слуги, стоявшие сзади, оскалили зубы, словно тигры или волки, и начали засучивать рукава. Они были уже совсем готовы приступить к делу, но пожилой человек с коричневым лицом, стоявший поодаль, удержал их.

— Ты ничего не понимаешь, — сказал он Цзинь Шэну, — но я не виню тебя! Ты, наверное, впервые едешь в столицу и не успел еще хлебнуть горя. Тогда я открою тебе глаза: это сын заместителя министра налогов и начальника Палаты внешних сношений его превосходительства Чжуан Хуаньина. Сейчас он едет по приказу отца скупать заморские вещи для нашего живого Будды — старой императрицы Цыси. Господин Чжуан Хуаньин — друг самого императора, доверенное лицо императрицы. Одно его слово сильнее сотни бумаг. Ты не думай, что твой хозяин важная птица; даже если красный шарик на его шапке будет величиной с арбуз, господину Чжуану стоит только шевельнуть пальцем, чтобы он покатился с грохотом. Это уж я тебе гарантирую. Если ты хоть что-нибудь понял, советую тебе уходить подобру-поздорову!

Цзинь Вэньцин не выдержал и соскочил с повозки.

— Разве можно быть таким бесцеремонным?! — крикнул он Цзинь Шэну и, подойдя к юноше, почтитель-

но сложил перед ним руки.— Прошу вас, не принимайте близко к сердцу слова этого старого раба. Он, вероятно, пьян! Если вы первые приехали в эту гостиницу, смею ли я претендовать на уступки с вашей стороны?! К тому же вы, как я слышал, сын господина Чжуан Хуаньина, с которым я дружен уже несколько десятков лет. Я должен всячески опекать вас на чужбине, а не захватывать у вас комнаты, это было бы просто смешно!

Он повернулся и спросил стоявших рядом гостиничных слуг:

— А во флигеле есть свободные места? Если нет, я поеду в другую гостиницу.

— Конечно есть! — поспешно отвечали слуги.— Восточный флигель свободен.

— Перенеси туда вещи и не безобразничай больше! — приказал Цзинь Вэньцин старому слуге.

По благообразному лицу Цзиня и его рассудительной речи юноша понял, что перед ним не обычный путешественник, поэтому он сразу же поклонился и изменил тон:

— Смею ли я спросить ваше высокое имя?

— Что вы! — усмехнулся Цзинь.— Мое презренное имя Цзинь Вэньцин.

Молодой человек покраснел.

— Ах, как это дурно с моей стороны! Если бы я знал, что вы — посланник Цзинь, я не решился бы вступить в перебранку с вашим слугой даже в том случае, если бы он был еще более резок со мной! К сожалению, он ни разу не произнес вашей благородной должности. Умоляю вас простить меня и пройти в комнату. Я с наслаждением уступлю вам главный дом!

Цзинь Вэньцин стал отказываться, но все-таки прошел в гостиную и с достоинством сел. Юноше пришлось занять менее почетное место, пожилой человек с коричневым лицом устроился рядом с ним.

— Кажется, ваше благородное имя Чжуан Нань? — спросил Цзинь Вэньцин.— Я часто слышал, как его произносил ваш отец.

— Совершенно верно,— отвечал юноша.

— Теперь позвольте полюбопытствовать: как вас зовут? — продолжал Цзинь, обращаясь к темнолицему.

Пожилой человек давно уже искал случая вставить словцо, но, видя, как осторожно Чжуан Нань обращается с Цзинь Вэньцином, понял, что имеет дело с важной персоной, и не решился первым вступить в разговор.

Нечиновного зовут Юй Банли,— произнес он, почтительно поднимаясь со своего места.— Я уроженец провинции Шаньдун, направляюсь в столицу по рекомендации друзей. В Шанхае я встретился с господином Чжуаном, и мы решили путешествовать вместе.

Цзинь Вэньцин кивнул головой. Чжуан Нань снова принялся упрашивать его внести вещи в главный дом, но Цзинь ответил, что в этом нет необходимости.

Гостиная находилась как раз напротив двора; через открытые окна весь двор был виден как на ладони. Отказавшись от лучших комнат, Цзинь Вэньцин следил за тем, как слуги перетаскивают вещи в восточный флигель. Коляска еще не была разгружена, когда за воротами раздался мелодичный звон колокольчика, и во двор быстрее ветра вбежал красивый вороной мул. На муле сидел высокий старик с красным лицом, седыми волосами, большими глазами, длинными бровями и белой как снег бородой. На голове у него была тростниковая шляпа, защищающая от солнца, а на ногах — простые зеленые сапоги. Об относительном богатстве незнакомца говорил лишь черный бархатный халат с широкой каймой, выглядывавший из-под обычной стеганой безрукавки. В одной руке старик держал маленький узелок, в другой — поводья. Подъехав к восточному флигелю, он сошел с мула и привязал его к дереву. Затем без дальних слов направился в комнаты, взял стул и, усевшись возле дверей, громко крикнул:

— Эй, слуга, накорми хорошенько моего мула. Если обидишь его, с тебя спрошу!

Слуга поспешно отправился исполнять приказание. Но не успел он отойти, как старик крикнул снова:

— А ну, вернись, вернись!

Тот покорно встал перед ним, вытянув руки по швам.

— Потом принеси кипятку, воды для мытья да не забудь заварить чаю!

Слуга постоял еще некоторое время и отошел лишь после того, как убедился, что старик больше ничего не собирается приказывать. Цзинь Шэн, который едва успел снять вещи с коляски, видел всю эту картину. Возмущенно подойдя к хозяину гостиницы, он вытаращил на него глаза.

— Ты ведь говорил, что восточный флигель свободен! Откуда взялся этот человек?

— Вы уж с господином извините меня,— заискивающе улыбаясь, промолвил хозяин.— Восточный флигель

всегда пустоет до тех пор, пока не придет господин Ван. Кто мог знать, что он сегодня появится?! Честное слово, будь это другой человек, мы бы его давно выгнали. А господин Ван — известный удалец Ван Второй, по прозвищу Большой меч. Живет он в столице на улице Баньби, и его не смеют обижать даже разбойники. Молю вас доложить об этом своему господину, а мы уж подумаем, как быть!

Цзинь Шэн в ярости затопал ногами.

— Я не знаю никаких Ванов: ни Вторых, ни Третьих! Мне нужны только комнаты.

Все ясно слышали этот разговор. Но не успел Цзинь Вэньцин раскрыть рта, как Чжуан Нань вышел на крыльцо и крикнул:

— Что вы шумите? Переносите вещи его превосходительства сюда, и дело с концом! — Он обратился к своим слугам, стоявшим возле ступенек: — Не ленитесь, помогите!

Слуги гурьбой ринулись к повозке и, не обращая внимания на Цзинь Шэна, в одно мгновение перетащили вещи в главный дом. Хозяин гостиницы, увидев, что жилище для гостя нашлось, поспешил избавиться от дальнейших объяснений и скрылся. Цзинь Шэн, недовольно ворча, принялся стелить постель на кане в восточной комнате, но Цзинь Вэньцин сделал вид, что ничего не замечает. Лишь когда все было устроено, он поднялся и сказал Чжуан Наню:

— Если вы окажете милость и не прогоните меня, мы проведем ночь по соседству!

— Ваше общество способно осчастливить меня на три перерождения! — воскликнул Чжуан.

— Что вы! — пробормотал Цзинь Вэньцин и, поклонившись, сказал: — В таком случае отправимся спать!

Двое молоденьких слуг подняли занавеску на дверях, и Цзинь Вэньцин вошел в восточную комнату. Уже стемнело. В комнате было черным-черно: даже собственных пальцев не различить. Цзинь Шэн достал из корзины подсвечник и хотел зажечь свет, но господин махнул ему рукой:

— Погоди!

Он откинул портьеру и вышел в гостиную. В соседней комнате было тихо. Занавеска на двери была опущена, за ней мерцал огонек свечи. Цзинь сделал несколько шагов вперед и прильнул к щелочке. Чжуан Нань и Юй Банли сидели, поджав ноги, на кане возле

низенького столика, на котором были грудой навалены драгоценности, золотые часы, замысловатые европейские безделушки и даже небольшой музыкальный ящик, инкрустированный бриллиантами. Освещенные двумя огромными красными свечами, они сверкали и переливались всеми цветами радуги. На самом краю стола лежал резной футляр из красного дерева, а рядом с ним — длинный сверток, обмотанный парчой с яшмовыми застёжками. Чжуан Нань одну за другой показывал безделушки Юй Банли, а тот хохотал:

— Неужели все это пойдет в подарок императрице? Лицо Чжуан Наня сделалось серьезным.

— Не относитесь к этим вещам свысока! С их помощью мой отец надеется осуществить все свои патристические стремления!

Юй Банли остолбенел.

— Не удивительно, что вы не понимаете,— продолжал Чжуан Нань.— Молодой государь много думает о реформах, очень любит все западное, в том числе и эти побрякушки, но никто об этом не знает. Папаша выведал о его слабости у своего побратима, главного евнуха Ляня. Каждый раз, когда отец идет во дворец на прием, он кладет в рукав одну-две таких штучки и, улучив благоприятный момент, подсовывает их государю. Так что, Банли, здесь не просто забава! Мой отец все надежды возлагает на эти игрушки: они должны почаще напоминать императору о необходимости реформ!

Юй Банли понимающе закивал головой. Взяв со стола свиток, он медленно развернул его и спросил:

— Значит, вы советуете мне подарить эту картину вашему отцу? Не слишком ли мало?

Чжуан Нань расхохотался:

— Да вы, оказывается, совсем не знаете моего папаша! Он всю жизнь учился, но ведь честным путем славы не добьешься. Вот он и злится из-за этого, а как встретит какого-нибудь сановника, который пришел к своему посту по прямой дорожке, сразу пытается его перешеголять. Сейчас Пань Цзунъинь собирает древнейшие винные кубки и жертвенные треножники; Гун Пин коллекционирует старинные ксилографы и монеты. Вот папаша и решил специализироваться на картинах Ван Хоя! * Начал он с того, что назвал свой кабинет «Сто картин Ван Хоя» *, желая показать, что не успокоится, пока не догонит до сотни. У него уже девяносто девять картин. Папаша заявил, что последняя, сотая, должна

быть самым выдающимся произведением, чтобы не стыдно было закончить на ней свою коллекцию!

Он указал рукой на картину:

— Смотри, как хороша «Бесконечная Янцзы»! Мазки черной туши одновременно и яркие и воздушны. Это лучшее творение Ван Хоя: недаром он любил его больше всех своих картин. Когда отец увидит этот пейзаж, он придет в неопикуемый восторг, и ты, без сомнения, получишь не только место начальника таможен, о котором просишь, а что-нибудь покрупнее!

Он похлопал Юй Банли по плечу.

— Старина Юй! Ты должен как следует отблагодарить меня! Если бы я не прибег к крайним мерам и не засадил хозяев картин — вдову и ее мальчишку — в тюрьму здешнего налогового инспектора, тебе бы никогда не видать этой вещицы!

— Я никогда не думал, что вдова и ее шенок окажутся столь назойливыми! — воскликнул Юй Банли. — Не побоялись пуститься из-за этой картины в такой дальний путь! Ведь они только что едва не вцепились в тебя!

— Ладно, не сердись! — снисходительно молвил Чжуан Нань. — Ты ведь сам говорил, что муж этой женщины — известный сюцай, которого прозвали Антикваром, — продал все свое имущество ради этого пейзажа и умер в нищете. Перед смертью он завещал сыновьям и внукам ни в коем случае не продавать картину. А ты обманул их: взял картину «только посмотреть», а сам улизнул с ней. Неужели ты думаешь, что они могли простить такое?

Юй Банли захохотал. Они продолжали оживленно разговаривать, не подозревая, что за занавеской стоит человек, который слышит все до последнего слова! «Так вот они, оказывается, чем занимаются! — с отвращением подумал Цзинь Вэньцин. — Не удивительно, что они не хотели пускать посторонних в гостиницу!»

Он хотел отойти от двери, как вдруг на стене, освещенной лампой, промелькнула чья-то тень с ножом в руке. Цзинь чуть не подпрыгнул от страха. Придя в себя, он попытался рассмотреть незнакомца, но в этот момент во двор вбежало несколько человек с криками:

— Неслыханное дело! Из тюрьмы налогового инспектора бежали женщина и мальчик!

Цзинь Вэньцин поспешно вернулся в свою комнату, приказал слуге зажечь свечу и, раскрыв книгу, сделал

вид, что читает. Шум голосов уже достиг гостиной. Чжуан Нань и Юй Банли выскочили во двор, спрашивая, как удалось узникам бежать.

— Недавно какой-то слуга с визитной карточкой его превосходительства господина Цзинь Вэньцина пришел к нашему начальнику и заявил: «Мой господин знает обоих заключенных. Стоит ему сказать несколько слов, как они тотчас повинуются. Он уже договорился с господами Чжуан Нанем и Юй Банли и велел мне припугнуть узников. Теперь они добровольно вернутся на юг!» Наш начальник поверил и впустил слугу в камеру. А он как вошел, точно сквозь землю провалился: ни слуху ни духу. Начальник заволновался, послал нас посмотреть, а их и след простыл. Дверь по-прежнему заперта, только решетка на окне сломана и двое тюремщиков валяются без чувств на земле. Начальник уже послал за беглецами погоню, а мы пришли вас известить!

Услышав, что использована его визитная карточка, Цзинь Вэньцин не на шутку испугался. Выскочив в гостиную, он воскликнул:

— А ты заметил, как выглядит этот слуга?

— Он старик.

Чжуан Нань и Юй Банли переглянулись. Цзинь Вэньцин тотчас велел своим слугам выйти вперед.

— Эти?

Посланец покачал головой.

— Нет, нет! Тот был с длинной белой бородой.

— Странная вещь! — вскричали разом Чжуан Нань и Юй Банли. — Кто осмелился выдать себя за слугу господина Цзиня, да еще воспользоваться его визитной карточкой? Как она могла попасть к бандиту?

Цзинь Вэньцин холодно усмехнулся

— Трудное ли дело — украсть визитную карточку? И подороже вещи иногда пропадают! Не буду обманывать вас: только что я сидел у себя, не зажигая света, и видел, как какой-то человек прокрался к вам в комнату. Я хотел было поднять тревогу, но тут прибежали эти люди. На мой взгляд, бегство преступников — пустяки! Надо посмотреть, не пропало ли что из комнаты!

Друзья вспокоились. Юй Банли бросился к занавеске, поднял ее и вдруг завопил вне себя от ярости:

— Картина, которая лежала на столике, исчезла вместе с футляром!

Чжуан Нань и Цзинь Вэньцин вбежали вслед за ним, перевернули всю комнату вверх дном, но картины так

и не нашли. Внезапно Чжуан Нань воскликнул, указывая рукой на стену:

— Кто написал эти иероглифы? Только что стена была чистой!

Цзинь Вэньцин приблизился и увидел стихотворение, написанное грубой, но уверенной рукой:

Ван Второй, Ван Второй!
Пронеслась о Ване слава,
Что убийство для него —
Повседневная забава,
Что карающий свой меч
Вынимает он из ножен,
Чтобы в мире зло пресечь,
Чтоб неправду уничтожить.

Он похитил полотно
С видом на Янцзы долину,
Упорхнул как тень в окно
И с собой унес картину.
Он, вдове и сироте
Это полотно вручая,
Видел: улыбнулись те,
Кто так долго был печален...

Ван Второй, Ван Второй!
Он на лаврах не почил,
И, взмахнув со свистом плетью,
На коня герой вскочил,
Ван Второй спешит в Пекин,
Конь его галопом скачет,
Прямо к улице Баньби,
Где осенний ветер плачет.

Все трое опешили. Слуги, столпившиеся у дверей, тоже удивлялись происшедшему.

— Как вам нравится дерзость этого разбойника! — хлопнул себя по бедру Юй Банли.— Выпустил преступников, похитил вещь и еще смеет пугать нас своим именем! Пусть я буду убудком, если сегодня же ночью не поймаю его!

— Он не только открыто назвал свое имя, но даже свое лицо не побоялся показать! — подхватил Чжуан Нань.

— Кто видел эту собаку? — удивился Юй Банли.

— А разве ты не помнишь старика, который приехал верхом на муле и занял комнаты господина Цзиня? Чьих же это рук дело, как не его?

Юй Банли сорвался с места и побежал к выходу.

— Правильно! Пойдем в восточный флигель и схватим эту черепаху!

— Как же! — презрительно усмехнулся Чжуан Нань.— Он спит там и давно ждет, чтоб ты его связал!

Юй Банли не поверил и велел слугам обыскать восточный флигель. Вскоре они, разумеется, вернулись с ответом, что комнаты пусты, а мул исчез.

— Если этот человек сумел освободить из тюрьмы наших врагов и увести у нас из-под носа картину, он не такой дурак,— сказал Чжуан Нань.— Где ты его будешь искать? Давай уж сейчас не поднимать шума, а завтра решим, что делать! — Он обратился к Цзинь Вэньцину: — Каково ваше мнение?

Цзинь, конечно, согласился. Юй Банли стоял понурив голову. Чжуан Нань отпустил людей из управления налогового инспектора, и все разошлись по своим комнатам. В ту ночь больше никаких событий не произошло.

На следующее утро Цзинь Вэньцин проснулся очень рано, с первым петушиным криком. В соседней комнате было тихо; он прислушался, но уловил только стрекотание сверчка. Поспешно позвав слугу, Цзинь узнал, что Чжуан Нань с Юй Банли выехали из гостиницы еще в третью стражу. Он поднялся, прополоскал рот, кликнул кучера и велел закладывать коляску. Вещи были собраны, и он пустился в дальнейший путь.

Теперь, читатель, не спрашивай больше о Цзинь Вэньцине, ибо мы объясним тебе сначала, почему так рано уехали Чжуан Нань и Юй Банли. Дело в том, что Юй, узнав о пропаже картины, почувствовал себя так, будто его уже лишили должности, на которую он надеялся. Полночи он ворочался с боку на бок, не в силах заснуть, и начал подозревать, что Цзинь Вэньцин также причастен к этому делу.

— Ты человек богатый! — успокаивал его Чжуан Нань.— А за деньги даже сам царь-дракон согласится перейти в другой дворец. Чего тебе бояться всякой мелюзги?

Он описал Юй Банли множество путей, которыми можно выдвинуться в столице, и до того распалил его, что Юй не мог дожидаться рассвета и стал торопить Чжуан Наня скорее собираться в дорогу. Яростно погоня лошадей, они на следующий же день прибыли в Пекин. Юй Банли обосновался в одной из крупных гостиниц, а Чжуан Нань поехал прямо во Внутренний город, где находился его дом. Тут он узнал, что отец только что

вернулся из Палаты внешних сношений и отдыхает после обеда. Чжуан стал распоряжаться выгрузкой вещей, но еще не успел закончить этого, как за ним явился слуга. Юноша привел в порядок свою одежду и отправился к отцу.

Чжуан Хуаньин, уже переодетый в домашнее платье, важно восседал в круглом европейском кресле и просматривал книгу посетителей. Рядом с ним стоял привратник. При виде Чжуан Наня привратник забрал книгу и вышел. Чжуан Хуаньин спросил сына, какие заморские вещицы ему удалось купить. Чжуан Нань подробно рассказал обо всем и, конечно, не забыл упомянуть об истории с картиной Ван Хоя «Бесконечная Янцзы». Ее, дескать, хотел преподнести отцу один кандидат на чиновничий пост, но, к сожалению, по дороге ее похитили.

— Кто посмел? — зарычал Чжуан Хуаньин.

Сын коротко описал ему перипетии с картиной и кое-что приукрасил таким образом, что вся вина пала на Цзинь Вэньцина.

— Странно! Цзинь Вэньцин очень дружен со мной, — промолвил Чжуан Хуаньин. — К тому же благодаря моим усилиям его сейчас назначили в Палату внешних сношений. Неужели он мог забыть милость и отплатить своему покровителю черной неблагодарностью? Ужасно! Отвратительно! Ну, я покажу ему!

— Он говорил о вас всякие нехорошие вещи! — криво улыбнулся Чжуан Нань.

Чжуан Хуаньин изменился в лице.

— Ладно, о нем больше ни слова. У меня есть для тебя еще одно дело. Поскорее отправляйся к Айюню, который служит в труппе «Избыток счастья», и скажи, чтобы сегодня после обеда он отправился в сад Чэна развлекать господина Ли. Скажи, что я приказал! Чтоб не подвел!

— А кто такой господин Ли? — озадаченно спросил Чжуан Нань. — Почему вы не позовете актера к себе, а заботитесь о других?

Чжуан Хуаньин рассмеялся:

— Не удивительно, что ты не понимаешь! Господин Ли — это Ли Чжиминь, знаменитый старый ученый, переживший трех государей, глава литераторов всей страны. Если уж устанавливать добрые отношения с ученым миром, так надо начинать с него; недаром говорит пословица: «Усмирять разбойников, хватай первым ата-

мана». Он, знаешь, старик сухошавый и со строптивым характером. Если ему кто-нибудь не понравится — будь это хоть князь или сановник, — он не посмотрит даже, что находится во дворце, вытаращит глаза, распушит свою седую бороду и начнет его ругать безо всякого стеснения. В общем, характер у Ли Чжиминя прямой, совсем как у ребенка; тот, кто узнает его слабости, может из него веревки вить, а старик об этом и понятия иметь не будет! Он любит молодых актеров, но денег за развлечения платить не желает, так как ему кажется, будто мальчишки льнут к нему сами, ослепленные его литературной славой. Старик самодовольно твердит, что эти сосунки — его искренние друзья. Разве может он подзревать, что за него раскошеляются другие? Но Айюня он особенно любит и иногда даже сам дает ему денег...

Сегодня — день рождения старика. По этому случаю Чэн Юй устраивает пир в своем саду «Лежащих облаков» и приглашает на него всех знаменитых ученых. Актеры Суюнь и Июнь, наверное, тоже придут, так что ты поскорее отправляйся к Айюню, он должен их опередить!

— Каким же влиянием пользуется этот старик, если вы так ухаживаете за ним? — еще больше удивился Чжуан Нань.

Отец расхохотался.

— О, его влияние огромно! Ты даже не представляешь, до какой степени! Недаром говорят: «Топор и секира прославляют государей и министров на сто лет, а кисть и тушь дают жизнь ученым на тысячу лет!» Наши слава и позор, жизнь и смерть находятся на кончике кисти этой писчей братии. К тому же вскоре двор собирается устроить экзамен на должность цензора. Я слышал, что Ли Чжиминя уговаривают держать этот экзамен. А достаточно ему стать цензором, как он произведет целый переворот! Вся наша карьера в столице зависит от того, насколько прочно мы свяжемся с ним. Разве можно оставлять без внимания будущую знаменитость?! Ну ладно, не надоедай мне больше рассуждениями, а скорее отправляйся по делам! Я еще сам должен нанести ему визит.

Чжуан Наню оставалось только раскланяться и поехать на поиски Айюня.

Между тем Чжуан Хуаньин сел в легкую коляску и велел кучеру гнать к южной части города. С высокого

осеннего неба приветливо светило солнце, копыта лошади утопали в мягкой пыли. Вскоре повозка остановилась возле ворот Ли Чжиминя в тени двух высоких вязов. Слуга уже хотел отправиться с докладом, но Чжуан Хуаньин знаком удержал его и, легко спрыгнув с брички, направился к воротам. Взгляд его уловил только что наклеенные по обеим сторонам параллельные надписи на розовой бумаге. Иероглифы были нанесены тонкими, изящными линиями, немного вкось:

Сочиненья во множестве тысяч томов
Здесь хранятся, на улице Баоаньсы,
В министерство налогов отсюда издревле
Назначали людей на большие посты.

Чжуан Хуаньин усмехнулся и перешагнул порог. Перед ним выросла стена для защиты от злых духов. Обогнув ее, он увидел дом, обращенный окнами к северу. Чжуан прошел мимо него к круглым воротам в стене и оказался в маленьком дворике, посредине которого возвышалась арка, увитая зеленеющим плющом. Весь двор был усажен мальвой, стыдливо раскрывшей свои красные лепесточки,— стояло время цветения. Из комнат, скрытых за плотными занавесками, не слышалось ни звука. В этот момент подул легкий ветерок, и из щелей между занавесок до Чжуана донесся запах лекарства. Он откинул портьеру и вошел. Какой-то мальчик с двумя косичками варил возле стены лекарство, раздувая огонь тростниковым веером. При виде Чжуан Хуаньина он испуганно поднялся.

Написанное жидкой тушью имя
При свете лампы разглядеть я смог.
Подвески мне приснившегося мужа
Чуть всколыхнул внезапный ветерок*,—

читал кто-то нараспев в соседней комнате.

Чжуан шагнул вперед и со смехом спросил:

— А кого вы до сих пор видели только во сне?

Его взору предстал Ли Чжиминь в коротком поношенном халате и соломенных туфлях. Совершенно здоровый, он сидел на бамбуковой кушетке и, поглаживая бороду, читал книгу. Завидев Чжуан Хуаньина, он поспешно запахнул халат и с тяжелыми вздохами повалился на старые фолианты.

— Ах, кто это пришел? — дрожащим голосом промолвил он.— Господин Хуаньин? Вы знаете, я так бо-

лен, что даже не могу встать. Простите меня, пожалуйста!

— Когда вы заболели? Почему я об этом ничего не знал? — осведомился Чжуан Хуаньин.

— С тех пор как уважаемые господа решили устроить пир в честь дня моего рождения, судьба была слишком безжалостна ко мне и лишила меня возможности принять ваше любезное приглашение. Боюсь, что собрание в саду «Лежащих облаков» сегодня не состоится!

— Вы лишь немного простудились! — возразил Чжуан.— Стоит принять лекарство, и все пройдет. Надеюсь, что вы, учитель, поторопитесь выехать, чтобы успокоить ваших друзей, томящихся в ожидании!

Говоря это, Чжуан Хуаньин огляделся и вдруг увидел, что из-под подушки выглядывает лист почтовой бумаги, сплошь испещренный именами и обращениями. Все они, согласно правилу, начинались с красной строки, но выглядели довольно странно: вместо обычных обращений — «уважаемый господин», «ваше степенство», «почтенный учитель» и так далее — перед каждым именем стояло Слово «глупец».

Чжуан изумился, хотел повнимательнее прочесть сей удивительный список, но в этот момент заметил, что от круглых ворот, перешептываясь, крадутся двое людей. Не успел Ли Чжиминь и слова сказать, как дверная занавеска распахнулась. Воистину:

Слой пыли в десять сажен высотой,
Возможно, заметет героя след*,
Быть может, за печальной занавеской
Скрывается талантливый поэт!*

Если хотите знать, кто были пришельцы, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ИЗ-ЗА ОДНОГО ЛИСТА БУМАГИ ПРОПАДАЕТ ВОСЕМЬСОТ ЛИ ЗЕМЛИ.
МАЛЕНЬКИЙ ЯЗЫК ГУБИТ ЧЕЛОВЕКА.
ИЗВЕСТНОГО ВСЕЙ ПОДНЕБЕСНОЙ

В гостиную вошли Юань Сюй и Сюнь Чуньчжи. Увидев Ли Чжиминя, лежащего на кушетке, они остановились в замешательстве.

— Оказывается, почтенный новорожденный в самом деле болен!

— А вы что, даже болеть мне не разрешаете? Возмутительно! — проворчал Ли Чжиминь.

Тут только вошедшие заметили Чжуан Хуаньша и поздоровались с ним.

— А я знаю, чем болен почтенный Чжиминь! — продолжал Юань Сюй.

— Ты все знаешь! — с суровым выражением лица воскликнул старик.

Юань со смехом продекламировал:

— Болезнь нашего мудреца — есть бедность, а не болезнь! Недуг бедности лечится только подношениями. Подношение придет от хунаньца. Кто этот хунанец? Он — Чжуан Чжидун!

Старик недовольно засопел:

— Что это вы о нем вспомнили? Он такой же глупец, как и все!

Он быстро поднялся и, теребя бородку, прочел нараспев:

Жалованья щедрого добившись,
Старый друг мой весточки не шлет,
Я же, разоренный, голодаю,
Чахну от нужды и от забот!

— Уважаемый новорожденный, не делайте резких движений! — произнес Сюнь Чуньчжи. — Не забывайте, что вы больны, а то еще, чего доброго, упадете от слабости!

Старик поспешно сел и велел мальчику-слуге принести лекарство.

— Дорогой Чуньчжи, вы совсем не понимаете шуток! — сказал Юань Сюй. — Господин Ли Чжиминь вовсе не болен! — Он вышел на середину комнаты и громко произнес: — Вставайте, уважаемый Чжиминь. У меня есть письмо к вам.

Ли Чжиминь недоверчиво усмехнулся, но все-таки встал.

— Опять этот дьявол задумал что-то недоброе! Какое еще письмо?

Несмотря на свою тщедушность, старик выглядел очень живым и бодрым. Походка у него была уверенной, и Чжуан Хуаньин догадался, что Ли просто притворяется.

— Так состоится сегодня торжество в саду «Лежащих облаков»? — тихо спросил он у Сюнь Чуньчжи.

— Вы же видите, как своенравен этот старик! — улыбнулся Сюнь.— Пока его десять раз не попросишь, ни за что не согласится. А ведь сам хочет!

Тем временем Юань Сюй показывал старику письмо и говорил, что какой-то господин по случаю дня рождения Ли Чжиминя преподносит ему две тысячи серебряных лянь. Пока Чжуан размышлял над тем, кто этот неизвестный благодетель, Ли Чжиминь приблизился к нему и со смехом молвил:

— А я-то думаю: что это за знаменитый каллиграф, который так красиво умеет писать письма! Оказывается, Чжуан Чжидун!

Тут в комнату вошел мальчик-слуга. В одной руке он держал лекарство, в другой — конверт в форме сердца.

— Лекарства не надо! — отмахнулся старик.— Что это у тебя в руке?

— Сказали, что от господина Чэн Юя. Он очень просит вас поскорее пожаловать в сад «Лежащих облаков»!

Ли Чжиминь нетерпеливо вырвал из рук мальчика конверт, вскрыл его и увидел стихи:

«Распустил цветы украдкой
Ветер свежий;
В тех цветах — ваш милый образ.
Где же вы?
Раскрываются бутоны —
Мы встревожены:
Господин все не приходит,
Что же он?
Трое нас. Жемчужин даже
Краше мы.
Ждет вас персик долголетия
Яшмовый.
Пусть вас фениксы коснутся
Крыльями.
Не томите нас!
В беседке у перил мы.

Экспромт ваших любимых

Су

Ай } юня

И

Уважаемый господин Ли Чжиминь! Поскорее приезжайте в сад «Лежащих облаков»! Не заставляйте нас, отбросив в сторону лютни, стоять и смотреть вдаль. Мы уже проглядели все наши шесть глаз».

Ли Чжиминь рассмеялся:

— Вот пристали точно с ножом к горлу! Однако написано совсем неплохо! Сумели разбередить сердце старика.

— Полдень давно прошел! — подхватил Юань Сюй.— Гости уже заждались. Едем скорее!

— Едем, едем! — живо согласился Ли Чжиминь.

Чжуан Хуаньин и Сюнь Чуньчжи, опасаясь, как бы он не раздумал, поспешно встали. Старик облачился в белый шелковый халат и черную куртку из легкого флера. Круглый шелковый веер, разрисованный собственной рукой Ли Чжиминя, удивительно гармонировал с его благородным румяным лицом и седыми волосами.

Все вместе вышли из дому и, сев в коляски, отправились в сад «Лежащих облаков». Этот сад принадлежал Чэн Юю и находился за Задними городскими воротами. Он не походил на обычные парки, так как примыкал к одному из княжеских дворцов, и каждый, кто глядел на него издали, видел с одной стороны высокие и красивые здания дворца, а с другой — голубизну воды и свежую зелень деревьев. Величественный и строгий архитектурный ансамбль уживался здесь с простором и дикостью природы: в этом была особая прелесть. Чэн Юй происходил из княжеского рода, слыл известным ученым и был, казалось, неотделим от своего сада, словно вода и камни или два куска одинакового шелка. В лучшие дни весны и осени он оставлял здесь на ночлег своих гостей и устраивал пиршества, на которых сановники ночи напролет пили вино и декламировали стихи, совершенно позабыв о службе. Недаром современники сравнивали Чэн Юя с бессмертным. Такова вкратце история сада «Лежащих облаков». Но не будем говорить о пустяках.

Когда коляски подкатили к воротам парка, Юань Сюй соскочил первым, чтобы поддержать Ли Чжиминя, но тот оттолкнул его:

— Я и сам могу идти, не утруждайте себя!

Дело в том, что Ли Чжиминь впервые очутился в саду «Лежащих облаков», а поэтому хотел рассмотреть все как можно тщательнее. Подняв голову, он увидел перед собой двух львов с огромными глазами, изваянных из кунтунского * мрамора. Между ними высились шестистворчатые ворота из юньмэнского * бамбука цвета позеленевшей меди. К каждой из створок была прибита

железная ручка-кольцо с головой зверя. Изящная арка, поддерживаемая красными балками и расписными колоннами с изображениями драконов, устремлялась прямо в небо. Посредине арки висела доска с золотыми иероглифами, тоже украшенная драконами, на которой размашистым почерком было написано: «Сад «Лежащих облаков», а чуть повыше виднелась строчка мелких золотых знаков: «Назван так самим императором».

— Какая величественность и красота! — с нарочитым испугом воскликнул Ли Чжиминь. — Настоящее жилище монархов! Разве пристало входить сюда простолюдином в пеньковых одеждах и соломенных шляпах?

Чжуан Хуаньин рассмеялся:

— Если этот простолюдин столь же мудр, как вы, то несомненно...

Пока длился этот разговор, двое слуг приняли у них пригласительные билеты и с поклоном сказали:

— Хозяин и гости давно уже ждут вас!

Подняв высоко над головой пригласительные билеты, слуги повели приехавших за собой. За воротами оказался просторный квадратный двор с огромными соснами и кипарисами самых фантастических и причудливых форм. Их стволы, походившие на извивающихся драконов, подпирали облака; бирюзовая зелень игл волновалась словно море; свет, просачивавшийся сквозь ветви на землю, окрашивал все в зеленый цвет. Сосновая роща заканчивалась белой стеной, служившей как бы естественной границей парка, с большим круглым проходом. Гости вошли в него.

— Как жаль, что здесь нет высокой башни, с которой можно было бы насладиться шорохом волнующихся ветвей! — промолвил Ли Чжиминь.

Не успел он сказать этого, как перед ним показалась роскошная арка, расписанная золотом и крытая зеленой черепицей. На арке крупными иероглифами было написано: «Обитель счастья».

Вскоре они подошли к длинной дамбе, сложенной из разноцветных камней. По обе стороны ее росли зеленые плакучие ивы и красные мальвы, среди которых были рассеяны бесчисленные штокрозы и бегонии. Осенняя природа поражала своей пышностью и великолепием. Вода в озере была голубой, словно нефритовое зеркало, деревья живописно отражались в ней. Лилии и лотосы отцвели, но воздух еще был напоен их ароматом. Стояло

полное безветрие, как часто бывает осенью. Вдруг на отмели послышался хлопающий звук: стая уток и цапель, испуганно взмахнув крыльями, взлетела в воздух.

— Кто там пугает птиц? — воскликнул Ли Чжиминь.

— Смотрите! — сказал Юань Сюй, показывая рукой на озеро.— Это Хуцяо гребет. С ним какая-то красавица!

Все взглянули вперед и увидели небольшую лодку, в которой оказалась вовсе не красавица, а юноша с нежным, словно яшма, лицом. Было ясно, что чистота его кожи создана не белилами, а губы стали алыми без помощи помады. Его взгляд невольно пробуждал в душе весну. Одетый в тонкую шелковую куртку, он сидел, обмахиваясь белым круглым веером, похожим на луну, и его фигура, освещенная косыми, бледными лучами заходящего солнца, напоминала алую зарю. Дуань Хуцяо, энергично работая веслами, подвел лодку к берегу и, присев на носу, продекламировал:

Взяв облачко в руки, сквозь волны
Я ношусь вдоль пяти озер...

Ли Чжиминь хмуро взглянул на него.

— А! — протянул он.— Оказывается, в лодке сидит Айюнь! *

Но пока он говорил это, Дуань Хуцяо схватил Айюня за руки и выпрыгнул с ним на берег. Поздоровавшись с гостями, он шутливо обратился к Ли Чжиминю:

— Господин Чжиминь, не ревнуйте! То, о чем я пел в этой песне, бывает лишь на небесах, а на земле такого счастья не встретишь!

Он подтолкнул Айюня к Ли Чжиминю:

— Иди к нему!

Юноша сделал шаг вперед и поклонился гостям.

— Кто тебя позвал сюда? — притворяясь удивленным, спросил Чжуан Хуаньин.

Айюнь улыбнулся:

— Мы не забыли, что сегодня день рождения господина Ли. Неужели нас нужно звать?

Ли Чжиминь самодовольно усмехнулся, и все гости продолжали свой путь. Когда они миновали дамбу, перед ними выросла шестиугольная беседка с распахнутыми разноцветными окнами. Чжиминь уже хотел войти туда, как вдруг услышал чей-то приятный голос, декламировавший стихи, и остановился.

Ты с детства в яшмовом дворце,
В столице шумной рос *.
Но кто-то к берегам реки
Потом тебя унес.
Ряд низких расписных перил
Тебя от мира отделил.

Здесь украшают твой халат
Лишь брызги чистых вод.
В прозрачных каплях отражен
Лазурный небосвод.
Тебя всего сильнее страшит
Ненастье по ночам —
Никто в ненастье не придет,
Чтоб разогнать печаль.

За Сянской ширмою один
В раздумье погружен.
Зарей над озером Тайи
Согрет любовный сон.
Но рябью набежавших волн
От селезней * ты отделен.
Негодваньем ты горишь,
Но в мире суеты
Кому излить свой тайный гнев
Осмелился бы ты?

Ты ни озерам, ни горам,
Скорбя, уже не рад
И лишь бросаешь грустный взгляд
На гаснущий закат.
Шумят осенние дожди —
Безрадостно шумят...

Как вдруг заставили тебя
К былому повернуть? *
Как мог ты чаек обмануть —
Друзей своих спугнуть?
Теперь, поддавшись на обман,
Молчи о реках Ло и Сян! *

Вот ветер аромат разнес
На десять ли вокруг,
Подобно солнцу разогнал
Густые росы вдруг!
Когда же к новым берегам
Ты унесешься по волнам?

— На первый взгляд это стихотворение — простая безделушка, вроде вазы с лотосами,— заметил Ли Чжинь.— Но на самом деле в нем содержится глубокий намек!

Ему не успели ответить, так как в беседке раздался второй голос:

— Я понял аллегорический смысл твоих стихов. Под селезнями наверняка подразумеваются приближенные государя... Слова «Подобно солнцу разогнал густые росы вдруг» — использованы, в общем, удачно, жаль только, что атмосфера в столице вышла у тебя слишком печальной. Да и о каких «яшмовых дворцах» ты говоришь?

— Ты прав,— согласился поэт.— Но ведь я, не в пример другим, не столько сочувствую Ма Жуну *, сколько испытываю жалость к ученикам, которых он вызывал в свой шатер!

Услышав это, Ли Чжиминь ворвался в беседку.

— О, нахалы! Разве вы не знаете, что за болтовню на улицах отрубают голову, а за разговоры в беседках уничтожают весь род?! * — шутливо вскричал он.

Как вы думаете, кто читал стихи? Поэтом оказался Вэнь Динжу, который полулежал на «кушетке опьяненного старца», устремив глаза к небу. Рядом, возле стола из грушевого дерева, стоял Ми Цзицзэн с длинной кистью в руках, он только что окунул кисть в тушь и собирался сделать ею на специальной доске горизонтальную надпись. Услышав крик Ли Чжиминя, друзья встrepенулись и хотели поклониться, но старик поспешно удержал их:

— Читайте себе стихи, пишите, а мы пойдем искать хозяина!

Внезапно легкий ветерок донес до гостей взрыв смеха.

— Я два раза попал в самое горлышко! — говорил один.— Не то что ты!

— А вот смотри, как я сейчас попаду!..— отвечал другой.

— Гм! Кто это там бросает стрелы в кувшин? * — удивились гости.

— Кроме Цзян Бяо, никто подобными вещами не увлекается! — ответил Ми Цзицзэн.

Дуань Хуцяо побежал вперед.

— Я еще никогда не играл в эту игру! Пойду посмотрю.

Ли Чжиминь, который всю дорогу любезничал с Айюнем, вышел из беседки и последовал за ним по открытой извилистой галерее, казавшейся бесконечной, так как выход из нее скрывался где-то за поворотом. Справа от галереи была зеленая бамбуковая роща, сливающаяся с небом; среди деревьев виднелись изящные беседки. Наконец они увидели небольшой павильон,

перед которым громоздились причудливые каменные горки. Их формы поражали своей естественностью: казалось, будто на землю опустились облака. Возле веранды, облокотившись на перила, и в самом деле стоял Цзян Бяо с засученными рукавами. Он смотрел на ловкого юношу лет пятнадцати или шестнадцати, который, выпрямившись и сосредоточенно нахмутив брови, целился бамбуковой стрелой в медный кувшин, стоявший в нескольких шагах от него.

Запыхавшийся Дуань Хуцяо подбежал к ним.

— Вот как! Сами играете в интересную игру, а меня и не подумали позвать! — крикнул он, выхватывая у юноши стрелу. Стрела оказалась чуть ли не в пяти саженьях за кувшином. Подоспевший Ли Чжиминь и другие гости разразились громким хохотом.

— Чудак! Разве в эту игру можно играть так грубо? — сказал Ли Чжиминь, украдкой разглядывая умное и привлекательное лицо юноши.

— Кто это?! — разом спросили остальные гости.

— Ах, я совсем забыл познакомить вас! — смеясь, воскликнул Цзян Бяо. — Это Линь Сюнь, внук знаменитого Линь Цзэсюя, занявший первое место на последних провинциальных экзаменах. У него неплохой литературный стиль и незаурядная эрудиция. Линь Сюнь давно уже слышал славное имя господина Ли Чжиминя, но видеться с ним ему не доводилось, поэтому я и привел юношу сюда!

Он представил его Ли Чжиминю и другим гостям. Старик сказал юноше несколько комплиментов и уже хотел продолжать свой путь, как вдруг увидел в одном из окон Цянь Дуаньмина с длинной трубкой в руке. В другой руке сановник держал книгу.

— В вашем труде исключительно полно изложена история ксилографии! — послышался его голос. — Мне кажется, что в подражание старинным эпическим стихотворениям его можно было бы назвать эпосом книжников! Что вы на это скажете?

Тут только Ли Чжиминь понял, что в павильоне есть еще кто-то. Он внимательно пригляделся и увидел темнотищевого худого старца, который сидел, сурово выпрямившись, словно буддийский монах, погруженный в созерцание. Это был И Цзюй, любимый ученик министра Пань Цзуньиня.

Не захотев мешать беседе, Ли Чжиминь вместе с остальными гостями отправился дальше. Они прошли

еще несколько беседок и наконец оказались перед большим зданием, которое со всех сторон было окружено открытой галереей, уставленной старинными фарфоровыми горшками с хризантемами. На дверях висела ажурная занавеска, на полу лежали узорные ковры, в древних треножниках курились лучшие благовония, зеркальные ширмы были украшены нежными лентами,— словом, все здание, утопающее в зелени и цветах, поражало богатством и великолепием.

Слуга провел гостей внутрь. Чэн Юй в рваной головной повязке и поношенной одежде поднялся им навстречу и сказал с улыбкой:

— Оказывается, вы все вместе? Долго же вы заставили себя ждать!

Ли Чжиминь хотел было извиниться, но вдруг с тростникового дивана, стоявшего у восточной стены, донесся громкий голос:

— То, что мы ждем, это еще пустяки! Но пострелята Июнь и Суюнь прожужжали нам от нетерпения все уши. Пришлось выгнать их в соседнюю комнату играть в шахматы!

Ли Чжиминь взглянул в сторону говорившего и увидел Ли Дяньвэня, который как раз в этот момент передавал отпечаток с древней каменной стелы развязному на вид старику с круглым лицом и реденькой бородкой. Ли Чжиминь узнал знаменитого шаньдунского ученого Ван Ляньсуня и подошел поздороваться.

— Не скрою от учителя: моя старая болезнь снова дала себя знать! — произнес он, обращаясь к Ли Дяньвэню.— Я уже думал не идти, поэтому и опоздал. Прошу извинить!

— Готов отказаться от почетного звания «учитель»,— улыбнулся Ли Дяньвэнь,— лишь бы вы не спрашивали больше о моих интимных отношениях с женой!

Гости дружно рассмеялись. В это время к ним приблизились Суюнь, Июнь и Айюнь, которые почтительно склонили свои тоненькие, изящные фигурки, похожие на ветви сказочного яшмового дерева. Вскоре к зданию подоспели и остальные. Увидев, что гости все в сборе, Чэн Юй приказал слугам накрыть два стола в глубине зала. Во главе левого стола был посажен Ли Чжиминь, во главе правого — Ли Дяньвэнь.

За обоими столами оказалось семнадцать гостей: знаменитых мудрецов императорских канцелярий, вы-

соких сановников от литературы. Хозяин блистал остроумием, гости веселились, разные закуски таяли во рту. Застольные игры перемежались с тостами, гости бегали вокруг стола, усиленно потчuya друг друга,— словом, это был лучший из пиров, который привелось увидеть современникам. Трое актеров играли на свирелях и флейтах, извлекая волшебные звуки. Один из них спел «Роскошный пир», второй — «Любуясь лотосами», третий — «Вечеринку». Но недаром говорят, что вино разгоняет тоску, а красота делает человека добрее. Боясь, как бы юноши не устали, Ли Чжиминь поднес каждому по кубку вина и сказал, что песен достаточно.

— Сегодня мы желаем долгих лет нашему почтенному старцу Чжиминю, а посему должны пить как можно больше! — промолвил Чэн Юй.— Я могу предложить господам одну застольную игру, с которой пьется веселее. Согласны вы сыграть в нее?

Все начали расспрашивать, что это за игра.

— К сегодняшнему пиру мы не приготовили никаких подарков,— продолжал Чэн Юй,— и уважаемый виновник торжества вправе обидеться на нас. Я предлагаю, чтобы каждый, как наши предки на террасе Болян *, сочинил по одной стихотворной фразе, воспевая какую-нибудь редкую вещь, хранящуюся у него в доме. Из этих фраз мы составим стихотворение и заменим им полагающийся сегодня новорожденному персик бессмертия. Тот, кто потеряет рифму или назовет предмет, которого у него на самом деле нет, наказывается. За того, кто сочинит удачно, все будут пить по поздравительной чарке. Первые две фразы должны служить шапкой ко всему стихотворению, последняя — завершать его. В них не обязательно говорить о редких вещах. Эти три фразы лучше всего дать нашим мальчикам. Остальные выступают в порядке жребия, меняться номерами нельзя.

Все пришли в восторг, закричав, что игра нова и интересна. Чэн Юй велел принести специальные бамбуковые дощечки для жеребьевки, написал на них номера согласно числу гостей и предложил каждому вытащить дощечку. Первый номер достался Ли Дяньвэню. Он уже хотел было сказать свои строки, но Ли Чжиминь остановил его.

— Ведь начинать должны мальчишки? Я назначаю первую фразу Айюню, вторую Июню, а заключительную — Суюню.

— Я не умею сочинять стихи и прошу господ не смеяться! — сказал Айюнь.— Мой вариант будет такой:

Вот начинается богатый пир
В большом саду «Лежащих облаков»...

Подумав, Июнь продолжил:

Поздравить старика звезды Наньци
Пришла толпа бессмертных стариков.

— Очень хорошо передано настроение! — воскликнул Чэн Юй.— И тема схвачена! За них следует выпить. Ну, а теперь очередь Ли Дяньвэня.

Все выпили, и Ли Дяньвэнь сказал:

— Из всех своих коллекций я больше всего люблю эстамп с каменного памятника на Хуашань *. Поэтому я скажу следующее:

Всем монументам Хуашаньских гор
Тысячелетья старость не несут...

— Между прочим, эстампы с этого памятника снимались всего три раза! — заметил Цянь Дуаньминь.— У вас один из них — это действительно настоящая драгоценность. Следующая строчка падает на меня. Я, как вы знаете, собираю старинные издания. Лучшее среди них — «Обрядник дома Чжоу» *, отпечатанный всего по тринадцати строчек на каждой странице:

Шрифт обрядника дома Чжоу
Восстановлен при Северной Сун.

— Годится! — зашумели все.

— Бумага словно гладкая яшма, иероглифы точно серебряные крючочки, на титульном листе стоит печатка самого Хуан Пиле! — восхищенно щелкнул языком И Цзюй.— Это одна из лучших книг его библиотеки!..

— Ну, пришла пора братья за мой кабинет «Сто картин Ван Хоя»! — прервал его Чжуан Хуаньин и прочел нараспев:

Из труб крестьянских хижин дым струится,
Как облака — уходит безвозвратно...

Ван Ляньсунь подхватил:

Но до сих пор трактаты Ван Шилу *,
Как встарь — свежи, как прежде — ароматны.

— А, вы говорите о том самом сборнике, который я недавно видел на рынке Люличан! — улыбнулся Цзян Бяо.— Эта книга упоминается даже в «Генеральном каталоге по четырем разделам», хотя издано в свое время было только предисловие к ней. Рукопись вся пестрит красной тушью *, и подлинность ее несомненна. Кто бы мог подумать, что вам удалось ее раздобыть!

— Не болтай попусту! — остановил его Ван Ляньсунь.— Не то придется выпить штрафную рюмку за проволочку!

— Ничего страшного,— возразил Цзян Бяо.— У меня есть десять картин Ма Сянлань! * Они меня и спасут.— Он поднял бокал и продекламировал:

Так воссоздать живые орхидеи
Лишь Ма Сянлань на полотне умела...

Дуань Хуцяо тотчас продолжил:

Есть много ханьских у меня реликвий
И не одна эпохи циньской стела.

— Людей, которые снимают оттиски с памятников, называют «черными тиграми», так как они вечно перемазаны в туши,— заметил Ми Цзицзэн.— А ты собираешь сами памятники, поэтому тебя остается назвать только «каменным тигром»!

— «Каменный тигр» — не так уже плохо,— отпарировал Дуань Хуцяо.— Гораздо хуже быть «каменным драконом» *, который тысячелетиями вынужден таскать на своей спине предмет обожания «каменных тигров»!

— У Ми Цзицзэна исключительно богатые коллекции,— сказал Вэнь Динжу.— Сейчас он нам преподнесет великолепную строчку!

— Ну что вы,— смутился Ми Цзицзэн.— У меня действительно кое-что есть, но я до сих пор еще не разобрался, какую из своих вещей люблю больше всего.

— Да у тебя сейчас в руке редкость! Почему не покажешь? — со смехом воскликнул Цзян Бяо.

Гости наперебой стали расспрашивать, о каком предмете идет речь, и Ми Цзицзэну пришлось передать его Ли Чжиминю. Это оказалась агатовая табакерка, сделанная очень оригинально: на ее гладкой поверхности вырисовывались едва заметные очертания горного потока. В воде колебались водоросли, а на дне, словно живая, лежала крошечная зеленая черепашка.

Ли Чжиминь вскрикнул от восхищения:

— Я сложу строку за Ми Цзицзэна:

Ту черепашку с панцирем зеленым
Сокрыл на дне агатовый родник...

А вот у меня нет никаких редкостей. Как же быть?

— Дневник, который вы вели непрерывно в течение сорока лет,— бесценное сокровище! — возразил Сюнь Чуньчжи.

— Ну хорошо, если так, то я что-нибудь сболтну:

Пусть десять тысяч лет передается
Из уст в уста мной созданный дневник.

В разговор вмешался Вэнь Динжу:

— Я тоже, в подражание почтенному господину Чжиминю, займусь прославлением собственных сочинений:

В истории Южных династий и Северных
Продолжил я литературный раздел...

— У меня есть только отпечаток с памятника Чэньмао,— откликнулся Сюнь Чуньчжи.— Это довольно старое издание:

Лишь оттиск с Чэньмао моя драгоценность —
Все то, что имею, и все, что имел.

— А из моих редкостей, пожалуй, лучше всего миниатюрный портрет Дун Сяюань *,— промолвил Чэн Юй,— поэтому я скажу следующее:

Красавица Сяюань
Порхает словно птица...

Теперь у нас остался только Линь Сюнь! Его мы еще не слышали!

Линь Сюнь задумался, хотел что-то сказать, но его со смехом опередил Цзян Бяо:

— Я скажу за него, но в моей строке будет говорить-ся не о редкой вещи, а о необыкновенной новости, не возражаете?

— Просим, просим,— зашумели гости.

За службу канцлеру пришлось
Свою жизнью поплатиться.

Никто ничего не понял.

— Цзяи Бяо, не говори глупостей! Не ко дню это! — заворчал Линь Сюнь.

— А что тут такого? — возразил Цзян Бяо и обратился к собравшимся.— До прихода сюда мы заехали с визитом к Юй Хунаню. Вы знаете, что он считает себя непревзойденным гадателем по лицу. Едва он взглянул на Линь Сюня, как чуть не свалился от изумления и сказал, что его ждет необычная судьба: в девятнадцать лет он непременно станет канцлером и будет стоять у кормила власти. Но такое счастье сменится не меньшим несчастьем: уже в двадцать лет он погибнет и даже не будет как следует похоронен. Как вам нравится подобный прогноз? Впрочем, у Линь Сюня нет оснований верить предсказателю: все вы знаете, что канцлеры ныне царствующей династии являются в то же время членами Государственного совета, а в Государственный совет проходят только лысые и беззубые. Разве может при таких условиях стать во главе государства юноша!

Все высунули язык от удивления, но в этот момент вошел слуга с красной визитной карточкой в руке и положил Чэн Юю:

— Его превосходительство господин Цзинь Вэньцин, только что возвратившийся из-за границы, просит свидания. Прикажете звать?

— А я слышал, что еще в Шанхае Цзинь Вэньцин получил назначение в Палату внешних сношений, и решил, что сейчас, по приезде в столицу, он будет очень занят! — воскликнул Чэн Юй.— Как же можно не принять гостя издалека?

— Конечно! Мы все знаем Цзинь Вэньцина, и было бы очень хорошо, если бы он принял участие в нашем пире! — поддержал его Ли Чжиминь.

Цянь Дуаньминь велел слугам поставить еще один стул между собой и Чжуан Хуаньбином. Вскоре в столовую степенным шагом вошел Цзинь Вэньцин в парадной одежде. Отвесив прежде всего поклон Чэн Юю, он поздоровался по очереди со всеми гостями. На лице у него было написано неподдельное изумление.

— Что случилось? — спросил он Чэн Юя.— Почему здесь собралось столько мудрых?

— Сегодня день рождения почтенного старца Чжиминя,— ответил тот,— и мы все пришли поздравить его. Если вы не побрезгуете недопитым вином и остывшими закусками, прошу занять место за столом!

Многие поднялись, уступая свои стулья. Но Цзинь Вэньцин поспешно прошел к свободному месту, принес Ли Чжиминю поздравления и, поскромничав еще немного, сел на приготовленный ему стул.

— Утром в столицу вернулся мой сын и рассказал о вашей встрече в Хэсиу,— промолвил Чжуан Хуаньин.— Я понял, что сегодня вы должны непременно приехать. Осмелюсь спросить, в котором часу?

— В семь утра,— ответил Цзинь и поблагодарил заместителя министра за телеграмму с радостной вестью.

Лу Жэньсян спросил, когда он будет докладывать о своей поездке за границу.

— Завтра утром я хочу совершить поклон перед дворцом его величества, а оттуда направлюсь прямо в Палату.— Он обернулся к Чжуан Хуаньину.— Я ведь первый раз иду на службу и надеюсь на вашу любезную помощь!

— Завтра я, разумеется, буду сопровождать вас,— промолвил Чжуан.— С таким коллегой, как вы, наши дела пойдут значительно лучше!

Все снова начали оживленно пить. Цзинь Вэньцина посвятили в суть застольной игры.

— Друзья, я только что вернулся из-за границы, давно уже не занимался древностями, поэтому позвольте мне сказать о новой карте двух держав:

На десять тысяч ли границу
Большая карта укрепит...

Гости одобрительно зашумели и выпили за Цзиня.

— Ну, все уже сочинили свои строки, я совершенно пьян, поэтому попрошу Суюня произнести заключительную фразу! — заявил Ли Чжиминь.

Суюнь покраснел и после долгого размышления тихо произнес:

Желаем господину долголетия,
Каким лишь обладает эвкалипт!

Чэн Юй издал восторженный возглас:

— Как удачно он закончил! Господа, пусть каждый поздравит его двумя рюмками!

Все выпили. И без того красное лицо Ли Чжиминя еще больше побагровело: он сильно захмелел. Опираясь на плечо Айюня, старик вошел в соседнюю комнату

и повалился на плетеный бамбуковый диван. Пока он болтал с юношами, гости расспрашивали Цзинь Вэньцина о жизни за границей и продолжали угощать друг друга вином. Незаметно солнце опустилось за горизонт, вино кончилось, веселье иссякло, гостей клонило ко сну. Многие незаметно ушли. Видя, что уже поздно, Цзинь Вэньцин тоже раскланялся с хозяином и поспешил домой. Ли Чжиминь вернулся к себе таким пьяным, что на этот раз действительно проболел несколько дней. Когда же он наконец поправился, то сочинил «Хвалу в честь трех красавцев-жемчужин». Стихотворение было настолько пикантно, что его начали передавать из уст в уста во всех публичных домах. Но это были уже последние события, и о них мы говорить не станем.

Между тем Цзинь Вэньцин поселился в просторном доме, который заранее снял для него Лу Жэньсян. На следующий же день он попал на аудиенцию, затем — в Палату внешних сношений и завертелся в хлопотах. Вскоре приехали в столицу его жены, охраняемые Куан Чаофэном. Некоторое время пришлось потратить и на их устройство. Когда все дела были с грехом пополам улажены, Цзинь начал ежедневно ходить в присутствие, ревностно отдаваясь службе. По поводу каждой проблемы, возникавшей в Палате, он советовался с Чжуан Хуаньинем и, убедившись в его всесторонней осведомленности и ясности ума, проникся к нему еще большим уважением. Они часто ходили друг к другу и очень сблизились.

Однажды Чжуан Хуаньину было приказано привести в порядок императорские могилы. Более полумесяца он находился в отъезде, и все текущие дела в Палате внешних сношений, которые ранее начальник вел сам, оказались заброшенными. Видя, что ни один из чиновников не обращает на них внимания, Цзинь Вэньцин позвал к себе заведующего канцелярией, велел ему принести все дела и разобрал их.

Когда Чжуан Хуаньин вернулся, он спросил заведующего:

— Пока я ездил, наверное, накопилось множество бумаг?

— Нет ни одной. Все сделано,— ответил тот.

На лице Чжуана отразилось удивление.

— Кто же ими занимался?

— Его превосходительство господин Цзинь. Каждый день просматривал бумаги!..

Чжуан Хуаньин промолчал, а через некоторое время сказал Цзинь Вэньцину:

— Оказывается, вы очень способный человек!

Цзинь не обратил особого внимания на эти слова и произнес в ответ несколько церемонных фраз.

Примерно через неделю, возвратившись домой и собравшись поспать после обеда, он вдруг почувствовал приступ сильной головной боли.

— Господин, вы ведь каждый день в это время уже спите! — сказала ему Цайюнь. — Ложитесь скорее!

Цзинь Вэньцин послушался ее и лег. Но тут вдруг сказались все невзгоды, перенесенные им в дороге, и усталость, которую он испытывал ежедневно после приезда в столицу. Сильный жар не проходил, и Цзинь метался на постели. ПроболеЛ он больше месяца. Встав кое-как на ноги, он испросил двухмесячный отпуск на поправку. В первый же день, когда Цзинь Вэньцин начал бродить по комнате и от нечего делать разговаривал с женой и Цайюнь о домашних делах, вошел слуга с докладом:

— Его превосходительство Цянь просит свидания.

— А ты сказал ему, что господин еще не поправился? — спросила жена.

— Как не сказать! Но он говорит, что у него очень важное дело. Если хозяин не может выйти в гостиную, он придет сюда!

— Цянь Дуаньминь мой хороший друг. Надо принять его! — промолвил Цзинь Вэньцин, ложась на кушетку.

Жена с Цайюнь удалились, а слуга ввел Цянь Дуаньмина. Вид у него был озабоченный. Цзинь предложил другу сесть в кресло, стоявшее возле окна.

— Хотя вы только что перенесли опасную болезнь, цвет лица у вас уже почти прежний, только похудели немного! — произнес Цянь Дуаньминь.

Цзинь вздохнул:

— Человеку в моем возрасте нелегко справляться с житейскими невзгодами.

— Но вас ждет еще большая неприятность! — не выдержав, воскликнул Цянь. — И вы будете героем, если сумеете ее стойко перенести.

— Я совершил какую-нибудь оплошность? — взволнованно спросил Цзинь Вэньцин.

— Вот именно! Только не надо волноваться. Сегодня от министра Гун Пина я узнал, что вышел казус с при-

сланной вами картон. Я не слишком много понимаю в географии северо-запада, но, по его словам, рядом с границей Синьцзяна есть возвышенная местность под названием Памир, из которой словно кровеносные сосуды выходят горные хребты. Земля там тощая, населения мало, но зато это место сильно возвышается над равниной и имеет большое стратегическое значение. На западе оно граничит с Россией, на юге — с вассальной английской территорией Афганистаном, а его центральная и восточная части принадлежат Китаю. За последнее время русские постепенно прибрали Памир к рукам, и англичане воспылали завистью. Недавно они направили в нашу Палату внешних сношений экземпляр карты и секретную ноту, в которой рекомендуют Китаю восстановить свою власть над Памиром и тем самым создать заслон против России. Палата вступила в переговоры с русским посланником, попросив его уточнить границы. Посланник сказал: «Граница испокон веков проходила по такому-то озеру». Но когда мы поглядели на наши старые планы и английскую карту, то убедились, что ничего подобного нет: Россия успела отхватить кусок шириной в семьсот — восемьсот ли! Палата решительно заявила посланнику, что он ошибся, но тогда он вынул отпечатанную вами карту и сказал: «Эту карту чертил ваш посланник, тут никаких недоразумений быть не может». Наши чиновники взглянули на карту, вытаращили глаза и ничего не смогли ответить. Сейчас Палата поставлена в очень затруднительное положение. Министры Пань Цзуньинь и Гун Пин выступили в вашу защиту, но вчера один из цензоров чрезвычайно язвительно рассказал об этом инциденте императору. Государь пришел в ярость. Только благодаря усилиям министра Гун Пина удалось задержать письменный вариант жалобы цензора, где все было изложено еще более резко. На мой взгляд, вам надо как можно скорее написать Сюй Цзинчэну и Сюэ Фужэню, чтобы они защитили вас! Иначе беда! Поэтому-то я и решил, невзирая на вашу болезнь, срочно приехать к вам!

Цзинь Вэньцин, ошеломленный словами друга, с трудом выдавил из себя:

— Что все это значит?

Цянь Дуаньминь наклонился к его уху.

— Вы думаете, откуда русский посланник получил вашу карту?!

— Не знаю,— пробормотал Цзинь.

— Это тот самый экземпляр, который вы передали Чжуан Хуаньину! — саркастически усмехнулся Цянь Дуаньминь. — А цензор, как я слышал, его названный брат!

Цзинь Вэньцин пошатнулся.

— Но ведь у меня с Чжуан Хуаньином не было никакой вражды!

— Море чиновников безбрежно, — вздохнул Цянь Дуаньминь, — разве узнаешь его до дна?! Дорогой Вэньцин, вы слишком много говорили и, наверное, утомились. Я пойду. Самое важное — не упустить время и написать письма.

Он распрошася. Жена и Цайюнь, услышав звук его шагов, вышли из внутренних покоев и увидели, что на Цзине лица нет. Жена принялась успокаивать его, говоря, что ему надо побережиться после болезни.

Подошло время послеобеденного сна. Цзинь Вэньцин, терзаемый тяжелыми раздумьями, велел женщинам оставить его, сказав, что хочет отдохнуть. Те, разумеется, тотчас вышли. Цзинь лежал на постели, проклиная себя за то, что легкомысленно отпечатал карту, и еще больше за то, что доверился прохвосту. Долго он ворочался с боку на бок, но заснуть не мог. Маятник стенных часов словно бил его под ложечку, суматошное чириканье птичек за окном до боли отдавалось в ушах, подушка казалась ему неудобной. Он приподнялся на постели и сел, поджав под себя ноги, как буддийский монах.

С большим трудом Цзинь Вэньцин заставил себя немного успокоиться. Вдруг он услышал в соседней комнате какие-то подозрительные звуки, похожие на мышиную возню. Ярость вскипела в сердце Цзиня, он нетерпеливо спрыгнул с кровати, сунул ноги в домашние туфли-шлепанцы и бросился к дверям. Если бы он не выскочил в соседнюю комнату, все, возможно, пошло бы по-иному. Но он открыл дверь и вдруг с истошным криком: «О! Как мне теперь жить на этом свете?!» — повалился навзничь. Глаза его закатились, руки раскинулись, и он потерял сознание. Воистину:

С человеком высокого звания
Пировали в Бэйхае вместе,
Но больной был так сильно напуган
Столь внезапной недоброй вестью!

Если хотите знать, что привело в такое иступление Цзинь Вэньцина, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

НЕДАВНИЙ ПОДРУЧНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КЛАДОВОЙ
ТЕРПИТ ПОЗОР ВО ДВОРЦЕ.
ВЛАДЕЛЕЦ ПЛАТЯНОЙ ЛАВКИ, УМЕЮЩИЙ ДАВАТЬ ВЗЯТКИ,
ПРОЯВЛЯЕТ СВОЕ МОГУЩЕСТВО

Вы уже знаете о том, что Цзинь Вэньцин, выбежав в соседнюю комнату, издал истошный крик и, словно подкошенный, упал без сознания. Не подумай, читатель, что такой неожиданный оборот сочинен автором из простого желания возбудить в тебе интерес к следующей главе, хотя хитрые уловки вошли в обыкновение прозаиков! Дело в том, что «Цветы в море зла» не похожи на другие романы, где писатель одним взмахом кисти возводит или разрушает в пустоте воздушные замки. В нем нет ни малейшей натяжки и ни слова лжи. Автор заставляет сюжет следовать за фактами, а не приносит факты в жертву интриге. Поведение Цзинь Вэньцина в данном случае также обусловлено законами человеческой психологии: он не мог не упасть без сознания! Причины этого автор сейчас не будет раскрывать, он станет описывать факты, и ты сам увидишь, почему так произошло. Но приступим к делу.

Когда Цзинь Вэньцин упал, он ударился головой о дверь. Цайюнь, лежавшая в соседней комнате на кушетке, услышала стук и пришла в смятение. Она хотела тотчас броситься на помощь, но в том-то и горе женщин, что они ничего не могут сделать быстро, так как сначала им надо забинтовать ноги, повязать пояс, застегнуть все пуговицы, причесать волосы и прочее. Лишь по прошествии длительного времени наложница смогла выглянуть за дверь. Ни служанок, ни горничных, как назло, поблизости не было. Она подскочила к Цзиню и увидела, что он лежит весь посиневший, с разинутым ртом и широко открытыми глазами. Цайюнь присела на порог и, обеими руками подняв голову Цзинь Вэньцина, принялась колотить его кулачком по спине, дрожащим голосом твердя:

— Господин, очнитесь! Господин, очнитесь!

Долго она так трудилась. Наконец веки Цзиня дрогнули, рот закрылся, и лицо приняло беловатый оттенок. Промычав что-то невнятное, он отхаркнул слюну и забрызгал Цайюнь весь рукав. Не решаясь остановиться, наложница продолжала колотить его по спине. Вдруг Цзинь Вэньцин устремил на нее злобный взгляд и, еще не в силах выговорить ни слова, судорожно указал рукой

на окно. Женщина не знала, что ей делать. На счастье, в гостиной послышался смех служанок.

— Скорее идите сюда, господин упал! — закричала Цайюнь.— Помогите мне поднять его!

Две служанки и горничная, ничего не понимая, бросились на этот крик. Вместе с Цайюнь они бережно перенесли своего господина в спальню и уложили в постель. Цайюнь подсунула ему под голову подушку, накрыла его одеялом и велела служанкам не болтать о случившемся, а поскорее принести чашку горячего чая. Служанки побежали выполнять приказание. Наложница опустила полог и села на край постели. Она хотела начать растирать грудь мужу, но тот уже очнулся. Едва Цайюнь протянула руку, как Цзинь вдруг с силой оттолкнул ее и гневно закричал:

— Оставь меня! Теперь я знаю, что ты собой представляешь!..

Цайюнь поняла, что убедить его в чем-либо сейчас будет нелегко, опустила голову и промолчала. В комнате воцарилась тишина. Лишь из-за полога слышались вздохи Цзиня да из угла доносилось дыхание горничной. Служанка, которая принесла чай, тоже не осмелилась заговорить и, неслышно подойдя к постели, передала чашку Цайюнь. Наложница поднесла ее к губам Цзинь Вэньцина.

— Господин, выпейте горяченького...— тихим, успокаивающим голосом начала она, но в этот момент Цзинь снова оттолкнул ее руку. Цайюнь не удержала чашку, и чай вылился на постель.

Молодая женщина вскочила и, презрительно хмыкнув, швырнула пустую чашку на стол. Увидев, что Цайюнь тоже рассердилась, Цзинь Вэньцин не выдержал.

— Интересно, кому это ты показываешь свой характер?! Все твои шашни я видел собственными глазами! Может быть, ты и на этот раз скажешь, что ни в чем не виновата? — саркастически промолвил он и устремил на наложницу испытующий взгляд.

Но Цайюнь нимало не смутилась. Ковыряя в зубах зубочисткой, она с улыбкой сказала:

— Вы совершенно правы: сегодня вам удалось поймать меня с поличным и мне нечего вам возразить. Но позвольте спросить вас, господин: кто я вам, законная жена или наложница?

— Не все ли равно?!

— Нет! Если бы я была вашей законной женой,—

живо подхватила Цайюнь, — вы могли бы считать себя опозоренным. Тогда я сама попросила бы нож или веревку, чтобы зарезаться или повеситься. Не думайте, что я хвастаюсь: я выполнила бы в точности ваш приказ, умерла бы и бровью не повела!

— Ну а что, если ты наложница? — удивленный такой смелостью, продолжал Цзинь Вэньцин.

— Это совсем другое дело. Мужчины смотрят на наложницу как на игрушку: когда они в хорошем настроении, они обнимают ее, сажают на колени, называют своим сокровищем, а чуть рассердятся — сразу прогоняют, выдают замуж или просто кому-нибудь дарят. Путь много! Ко мне вы как будто неплохо относитесь... И вы должны понять мой характер! Мое происхождение вам тоже хорошо известно. Когда вы брали меня к себе в дом, то не требовали соблюдения каких-нибудь трех принципов послушания или четырех добродетелей *. Что особенного я сейчас совершила? Подумаешь! Если вы хотите весело прожить остаток своей жизни и нуждаетесь в женщине, которая окружала бы вас лаской, тогда вы меня не покинете. Но в таком случае позвольте мне делать все, что вздумается! Если же вы готовы отказаться от меня, то вы должны вспомнить, как любила я вас все эти годы, и отпустить меня подобру-поздорову. Я погубила только себя, а вам, ваше превосходительство, господин Цзинь, не нанесла никакого ущерба! Иными словами, я не собираюсь умирать и не заслужила этого! Если же вы хотите, чтобы я занялась исправлением своей нравственности, то... Увы, реки и горы можно менять, но характер человека изменить трудно. Говоря откровенно, вам не удастся заставить меня всюду, словно привязанную, следовать за собой!

Цайюнь гордо рассмеялась. Цзинь Вэньцин не ожидал, что она способна произнести столь язвительную речь. Ее слова врезались в его сердце с такой болью, что каждый укол, казалось, исторгал оттуда капельку крови. Цзиня бросало то в жар, то в холод. Он еще не успел обдумать своего ответа, когда слуга доложил:

— Госпожа идет!

Занавеска с шумом откинулась, и жена вошла в комнату.

— Что случилось? Господин упал?! — запричитала она.

Цайюнь поспешно направилась к двери. Жена приоткрыла полог и жалобным голосом спросила:

— Что с вами?

— Ничего особенного,— угрюмо ответил Цзинь Вэньцин.— Я просто споткнулся. Откуда ты об этом знаешь?

— Только что слуга доложил, что вас хочет видеть Куан Чаофэн. Он недавно назначен послом в Японию, верительные грамоты уже получил и должен срочно ехать на юг, готовиться к отплытию. Пришел проститься с вами. Я подумала, что Куан ваш хороший друг, хотела просить его, но в этот момент прибежали служанки и сообщили, что вы расшиблись. Я очень испугалась, тут же сказала Куану, что вы не сможете его принять, а сама поспешила сюда.

— Оказывается, Куан Чаофэн получил назначение в Японию! — молвил Цзинь Вэньцин.— Это хорошо! Кто передал тебе эту весть?

— Цзинь Шэн.

— А ты видела Афу?

— Что вы, разве его найдешь на месте! — иронически усмехнулась жена.

Цзинь Вэньцин покачал головой:

— Да, этот малый совсем испортился. Надо его прогнать!

Незаметно супруги перешли на домашние дела, но о них не стоит подробно распространяться.

Важнее сказать, что с тех пор как Цянь Дуаньминь побывал у Цзинь Вэньцина, он никак не мог встретить министра Пань Цзуньиня, ибо тот уже несколько дней не появлялся на службе под предлогом болезни. «Неужели он и в самом деле болен?» — подумал Цянь и решил съездить к министру: во-первых, чтобы разузнать о его здоровье, а во-вторых, чтобы посоветоваться о деле Цзинь Вэньцина. «На обратном пути можно будет заглянуть и к министру Гун Пину!» Приняв такое решение, Цянь сел в коляску и велел кучеру ехать на южную окраину города. Вскоре он очутился перед воротами дома Пань Цзуньиня. После того как личный камердинер Цянь Дуаньминя передал визитную карточку, к коляске вышел старый слуга и доложил:

— Третьего дня, вернувшись из министерства, хозяин вдруг захворал. Жар до сих пор не спадает — врач говорит, что у него воспаление легких. В доме все с ног сбились, поэтому вашему превосходительству лучше приехать в другой раз!

Цянь Дуаньминь был поражен.

— Болезнь настолько серьезна?! — воскликнул он.— А я ничего не знал! Скажи по крайней мере, опасно ли это для жизни?

Слуга нахмурил брови:

— Кто знает, кто знает! Болезнь уже до печени дошла!

— Ну раз так, мне, конечно, неудобно тревожить его! — промолвил Цянь. Он велел кучеру ехать обратно, намереваясь по пути заглянуть к Гун Пину. Всю дорогу Цянь Дуаньминь думал о министре Пане: «Учитель эпохи, на которого с почтением взирают все научные школы! Если небо окажется немилостивым к нему, это будет огромным несчастьем!» От большого министра мысль Цянь Дуаньминя скользнула к другим крупным сановникам: «Ведь среди них нет ни одного, кто был бы способен на великие дела! Князь Благонамеренный пережил немало неприятностей и до сих пор находится в опале, а остальные маньчжуры стремятся только к высокому положению да большому жалованью, так что о них и говорить нечего. Правда, Гао Янцзао из Тайного совета да министр Гун Пин — люди способные, но первый чересчур вспыльчив и часто не может отличить правды от лжи, а второй, напротив, чересчур мягок и выносит решения, руководствуясь личными чувствами. Министр чинов Чжун Цзуу с виду милый и приятный, в сущности же самый настоящий мерзавец. Его помощник Юй Тун под стать ему: посмотришь на него — воплощение честности, а тайком не прочь поживиться. Поистине все эти люди созданы лишь для того, чтобы нарушать порядок в стране, но никак не для того, чтобы управлять ею! Они только зря занимают свои места да во всем соглашаются с высшими начальниками. И с такими никчемными людьми мы должны поддержать империю, расплзающуюся по всем швам под давлением внутренней и внешней опасностей! Чем серьезнее задумываешься, тем страшнее становится! В последнее время взятки стали брать совершенно открыто: к сильным мира сего непрерывным потоком текут подношения. Император приближает к себе жалких шутов и проходимцев, способных даже украсть солнце, а за пределами дворца развратничают и бесчинствуют молодые князьки и аристократы! Во что они превратят мир? Как жаль, что нет больше членов партии бескорыстных, некогда основанной Чжуан Юпэем. Одни из них смещены с до-

лжностей, другие умерли от старости. Уж они-то не позволили бы обществу дойти до такого плачевного состояния!»

Цянь Дуаньминь невольно вспомнил своих старых друзей, с которыми всего несколько лет назад он устраивал такие веселые пирушки. «Сейчас все они рассеяны по разным местам: один губернаторствует в Хубэе, другой — в Гуандуне, третий служит судьей в Фуцзяни. Конечно, слава о них разносится повсюду, но таких замечательных собраний, как в давние времена, нам уже не видать!»

От южной окраины города до дома министра Гун Пина было примерно четыре ли. Погруженный в раздумье, Цянь Дуаньминь забыл, куда едет, и не замечал времени. Наконец он поднял голову и обнаружил, что находится уже возле особняка Гун Пина. Перед воротами стоял роскошный экипаж, запряженный высоким черным мулом и двумя вороными пристяжными с такой блестящей шкурой, что в нее можно было глядеться, как в зеркало. Двое мальчиков-слуг помогали вылезти из экипажа темнолицему, черноусому чиновнику в шапке с красным шариком и павлиньим пером. Неловкость, с которой он проделывал эту процедуру, изобличала в нем приезжего. Лицо его показалось Цянь Дуаньминю знакомым, но кто это, он вспомнить не мог. Незнакомец подошел прямо к сторожке, фамильярно взял привратника за руку и начал что-то шептать ему. Потом оглянулся по сторонам и украдкой передал привратнику красный пакет. Привратник безо всякого смущения принял его и хотел уже ответить незнакомцу, как вдруг увидел слугу Цянь Дуаньминя. Тогда он поспешно оставил чиновника и приблизился к коляске Цяня.

— Хозяин только что вернулся из присутствия и еще никого не принимал! Если вы хотите видеть его, пройдите, пожалуйста, внутрь!

Цянь Дуаньминь кивнул головой и, сойдя с коляски, отправился вслед за привратником. Сделав несколько поворотов, они вошли в небольшой сад. Здесь, среди бамбуков и сосен, было тихо и безлюдно. По вымощенной камнями тропинке Цянь попал в застекленную со всех сторон приемную. Слева во дворе стояла беседка с соломенной крышей, под которой два черных журавля с белыми как снег крыльями чистили перышки. Справа виднелся огромный чан из зеленого фарфора, наполненный чистой ключевой водой. В чане, пуская пузыри

и лакомясь водорослями, плавала пара изумрудных черепашек с красными глазами.

В гостиной, убранной с изысканным благородством и роскошью, висели полки с редкими книгами и шелковые полотнища картин на бамбуковых осях.

— Прошу ваше превосходительство присесть! — сказал привратник и скрылся. Цянь Дуаньминь долго слонялся по комнате, прежде чем услышал приближающееся шарканье туфель.

Вслед за этим до Цяня донесся вздох, и печальный голос произнес:

— Разве ты не знаешь, что я только получил письмо из дома Пань Цзуньиня? Мне и так тяжело, а ты еще пускаешь ко мне незнакомых людей!

— Я знал и сначала не хотел докладывать, — слышался извиняющийся голос слуги, — но он пришел вместе с господином Цянем, и мне неудобно было пускать одного и задерживать другого.

— Ну, ладно, сначала встречусь с господином Цянем, а потом поговорим! — начальственным тоном произнес первый.

Голоса раздавались уже под галереей. Цянь Дуаньминь издали разглядел министра Гун Пина в домашней одежде и красных туфлях, который медленно приближался к приемной. Цянь поспешно вышел к нему навстречу и с возгласом «учитель!» почтительно поклонился. Ответив на приветствие, министр поманил Цяня рукой.

— Ах, брат! Проходите скорее в комнату и садитесь. Откуда вы? Знаете ли вы о Пань Цзуньине?

— А что с господином Панем?! — встревоженно спросил Цянь Дуаньминь.

— Наш друг навсегда покинул нас. Мне сообщили об этом минуту назад!

— Как вас понять?! — пробормотал Цянь. — Я только что оттуда. Мне сказали, что он серьезно болен, но ничего подобного нельзя было и предположить!

Хозяин с гостем уселись и печально вздохнули. Министр спросил о здоровье Цзинь Вэньцина.

— Он поправляется, но весьма обеспокоен памирским инцидентом. Когда он узнал, что вы хлопчете за него, он был бесконечно благодарен! — промолвил Цянь Дуаньминь и рассказал министру о том, что посоветовал Цзинь Вэньцину написать письмо посланникам Сюэ и Сюю.

— Если Сюй Цзинчэн в России разъяснит истинное положение дел, а Сюэ Фужэнь сумеет добиться поддержки Англии, эту историю можно будет замять, хотя и с небольшим ущербом для государства! — промолвил Гун Пин.— Сейчас правительство назначило для определения памирской границы помощника министра работ Ян Ичжу. Не сегодня завтра он должен выехать на место. К счастью, Ян Ичжу — хороший друг Юань Сюя, и его можно попросить быть снисходительнее. Шансы Цзинь Вэньцина повышаются.

— Целиком полагаемся на вашу поддержку, учитель! — воскликнул Цянь Дуаньминь.— Иначе эта несчастная карта может стоить Цзинь Вэньцину жизни!

— Я слышал, что Вэньцин купил ее за большие деньги у иностранца. Но сразу печатать ее и отсылать в Палату было с его стороны очень легкомысленно. Цзинь Вэньцин всю жизнь занимался географией северо-запада: можно ли было ожидать такого результата? Очень жаль!.. Говоря откровенно, он только допустил рассеянность, свойственную ученым. Смешно смотреть, как подлые людишки воспользовались его промахом и пытаются раздуть из этого дело. Они поступают так лишь потому, что ненавидят Цзинь Вэньцина, который чище и честнее их! Да, в море чиновничества много подводных камней. Нам тоже нужно остерегаться.

— Вы говорите сухую правду, учитель! Насколько мне известно, за последнее время многие видные сановники действуют подкупами и сами не отказываются от взяток. Кое-кто даже ездит в Шанхай, закупает там японские и западные безделушки, привозит их в столицу и прячет за пазуху или в рукав, чтобы во время аудиенции преподнести императору. Некоторые чиновники из провинции приезжают сюда с тысячами серебряных лянов специально для того, чтобы «пробить себе дорогу». В городе распевают такие песенки:

Если хочешь, чтобы шарик
Покраснел на шапке вдруг,
Поклонись монахам-старцам
В храме Махакалы *, друг!

Если хочешь в дом проникнуть,
Где высокий князь живет,
Платяную лавку вспомни —
Возле ниши, у ворот!

Вы слышали эту песенку, учитель?

— Неужели действительно происходят подобные вещи? — воскликнул Гун Пин.— Я знаю, что монастырь Махакалы — это древний храм за воротами Восточного великолепия. Там часто собираются евнухи. А что особенного в платяной лавке?

— О, сейчас она обладает колоссальной властью! — промолвил Цянь Дуаньминь.— Нынче хозяева таких лавок, как «Богатство и процветание», «Всеобщее процветание» и других им подобных, носят шапки с синими шариками и павлиньими перьями и разъезжают в роскошных каретах, запряженных отличными лошадьми. Они являются монопольными поставщиками одежды для князей на все четыре сезона, постоянно бывают у них во дворцах и осведомлены во всем гораздо лучше, чем мы!

Гун Пин внезапно наклонился к Цянь Дуаньминю:

— Когда вы сказали это, я вспомнил одну приятную новость, которую сейчас хочу поведать вам. Она свидетельствует о том, что наш молодой монарх действительно мудр и способен в корне пресечь нелепые слухи о его неопытности.

— Что это за новость? — спросил Цянь.

— Вы читали в сегодняшнем номере «Дворцовых ведомостей» высочайший указ о том, что начальник области Юй Минь не справился со своими обязанностями и понижается на три ранга?

— Читал, но не понимаю, что является причиной столь сурового решения.

— Не торопитесь. Я расскажу вам случай, который произошел утром. Сегодня я должен был дежурить в министерстве налогов и спозаранку приехал к зданию Шести министерств. Только что рассвело, и на глазурной черепичной крыше Башни пяти фениксов играли яркие солнечные лучи. От Полуденных ворот до ворот Ясного неба я шел по мраморному мосту с перилами. Кругом зеленела трава, еще сырая и скользкая от утреннего тумана. В это время члены Государственного совета только что вышли от императора, и на аудиенцию тут же стали вызывать чиновников других ведомств. Впереди всех шел начальник области Юй Минь. Я незнаком с этим человеком, но кое-что слышал о нем, поэтому стал вглядываться в него особенно внимательно. Сквозь рассветный сумрак я увидел только шапку с красным шариком и зеленым пером, квадратное лицо и большие уши. Юй Минь величественно поднялся на ступени. Со

всех сторон от него, жужжа словно шмели, вились стражники и евнухи.

— Ах, это вы, ваше превосходительство! — восклицали одни.— Сегодня вас вызвали на аудиенцию первым. Как велико к вам благоволение государя! Через несколько дней мы будем иметь честь поздравить вас с повышением!

— Ваше превосходительство, господин Юй, не забудьте меня! — твердили другие.— Вы уж похлопочите за меня перед господином Лянем. Ваше слово сильнее любого талисмана!

Но Юй Минь по-прежнему гордо двигался вперед, что-то отвечая еврехам и небрежно здороваясь с попадающимися на пути чиновниками из департамента дворцовых дел.

Примерно через час он появился снова, но на этот раз уже совсем иным. Его шапка была сбита набок, перо помято, с лица обильно струился пот, который он утирал то одной, то другой рукой. Опустив голову, едва дыша, он шел вперед. Ни стражников, ни евнухов вокруг него уже не было видно. Зато многие, тыча в него пальцем, говорили: «Юй Минь сорвался на аудиенции, крепко сорвался!»

Я смотрел на всю эту картину с удивлением и ничего не понимал. Но вскоре кто-то сказал, что вышел указ, понижающий Юй Миня в чине на три ранга.

— Странно! — произнес Цянь Дуаньминь.— А вы, учитель, не знаете причины его разжалования?

Гун Пин заерзал на кане и, придвинувшись к столу, наклонился почти к самому уху Цяня.

— Вначале никто ничего не понимал, а те, кто знали, не хотели говорить. Но потом я нашел одного евнуха, который часто приносит мне подарки от императора в праздничные дни, и тот по глупости все разболтал...

— Что же он сказал?! — нетерпеливо перебил Цянь Дуаньминь.

— Он сказал, что этот Юй Минь был хорошим другом главного евнуха Ляня. Поговаривают, что и должность начальника области сосватал ему главный евнух. Сегодня, узнав, что его подопечного вызывают на аудиенцию, Лянь понял, что от этого зависит очень многое. Бросил все свои дела во дворце и поспешил к Юй Миню, чтобы дать ему последние наставления. Лянь самолично обучил его, как вести себя, что говорить

и прочее. Когда я увидел Юй Миня, он как раз шел из комнаты Ляня, изрядно им наспигованный, прямо на аудиенцию. Поднявшись в зал Самоусовершенствования, он откинул мягкую занавеску и узрел перед собой драконов лик. Согласно придворному этикету, Юй Минь тотчас сорвал с головы шапку, ударился головой об пол, пожелал многих лет старой государыне и государю, а затем, снова надев шапку, опустился на колени в специально очерченном кругу, на несколько аршин дальше подушек, на которые обычно опускаются члены Государственного совета.

Юй Минь был чрезвычайно доволен ловкостью, с которой он проделал эту операцию. Он выполнил все церемонии, предписанные маньчжурам, и это безусловно должно было понравиться государю. О нем, конечно, прогремит слава как о сановнике, безупречно соблюдающем этикет! Скромно потупив глаза, он приготовился слушать вопросы монарха, но неожиданно император, произнеся несколько обычных фраз, спросил его:

— А ты когда-нибудь учился?

Перепуганный Юй Минь с трудом выдал из себя:

— Учился, ваше величество.

— Значит, ты умеешь писать?

Юй Минь вздрогнул.

— Умею,— тихо ответил он.

Вдруг на пол со стуком упали какие-то предметы и император произнес:

— Напиши свою биографию!

Юй Минь увидел перед собой бумагу и кисть. Сначала, когда он отвечал на вопросы императора, ему удавалось сохранять интонацию четкой, а лицо спокойным, но теперь, получив приказ написать свою биографию, он почувствовал себя так, словно ему вынесли смертный приговор. Лицо его стало белым как мел, глаза от ужаса полезли на лоб. Он взял кисть, расстелил бумагу, долго возился,— до тех пор, пока с кончика его носа не стали одна за другой падать капли пота,— но на бумаге не появилось ничего, кроме нескольких корявых черточек. Прошло две или три минуты.

— Если ты не умеешь писать по-китайски, то ты, вероятно, не забыл нашего государственного письма? — с убийственным спокойствием промолвил государь.— Пиши по-маньчжурски.

Но бедный Юй с тех самых пор, как покинул материнскую утробу, не имел понятия о письме. Кисть он

держал примерно так же, как иностранцы держат китайские палочки для еды: торчат они у них во все стороны, а захватить ничего не могут. Откуда было Юю знать разницу между китайскими иероглифами и государственным письмом? Император холодно усмехнулся и вдруг закричал в сердцах:

— Убирайся вон! Иди к своим кладовщикам!

Юй Минь, который давно уже был готов провалиться сквозь землю, услышав этот приказ, простерся в благодарности на полу, обхватил голову обеими руками и, словно мышка, выскользнул из тронного зала.

— Ну и наглец же этот Юй! — пораженный, воскликнул Цянь Дуаньминь. — Не зная ни одного иероглифа, водить двор за нос и получить важную должность!.. Да за такие вещи снижение на три ранга — это просто огромная милость! Но почему император послал его к кладовщикам?

— Я сначала тоже не понял, — улыбнулся Гун Пин. — А потом мне рассказали, что этот Юй Минь работал подручным в серебряной кладовой. Ты ведь служил одно время чиновником в казначействе и, наверное, знаешь тамошние порядки?

— Знаю, да не очень подробно. Мне известно лишь, что место подручного получается по специальной рекомендации маньчжурских князей. Но какая выгода от этой должности, не понимаю. Неужели она достойна, чтобы такие высокопоставленные люди поднимали вокруг нее шум?

— Смешно и противно говорить! Ведь у этих титулованных особ нет постоянных источников дохода, и они рассматривают государственную казну, в которую стекаются подати со всех провинций, как свое наследственное поместье, а слуга кладовой для них — семя, которое они роняют в плодородную почву. Стоит им рекомендовать на место нескольких слуг, как поле засеяно, причем каждое хорошее зерно приносит им миллионные урожаи. Из года в год они снимают эти урожаи, как же им не поднимать шума вокруг подобных вакансий!

— Почему вы говорите о хороших и плохих зернах? Ведь речь идет только о подручных...

— Что вы! — воскликнул Гун Пин. — Слуги там делятся на множество разрядов. Обычный слуга просто «выносит в пояс». Его возможности ограничены. А вот у весовщиков вся власть в руках: и расход и приход полностью зависят от их произвола.

— Ну, если князья живут за счет казны, им, конечно, есть прямой смысл добиваться, чтобы там работали их люди,— согласился Цянь Дуаньминь.— Но с какой стати слуги трудятся на других и идут на такой риск?

— Э! Весовщиками становятся только особые проходимцы. Познакомившись с каким-нибудь титулованным лицом, они добывают себе место слуги в кладовой, а потом шесть десятых краденого отдают покровителю, а четыре оставляют себе. Впрочем, и эти четыре десятых они делят между своими братьями: иначе их предадут или ограбят!

— Но ведь в казне очень строгий контроль,— недоумевал Цянь Дуаньминь.— Я часто видел, как слугу, входившего в подвалы, заставляли раздеться догола и надевали на него специальную одежду из грубой материи, плотно облегающую тело. Разве может он что-нибудь вынести?

Гун Пин улыбнулся:

— Чем строже устав борьбы с злоупотреблениями, тем хитроумнее способы, которыми его обходят. Это непреложная истина! Стоило казначеям понять, что в одежде много не вынесешь, как они пораскинули мозгами и превратили в великолепную сокровищницу свой задний проход. Но для того, чтобы уметь пользоваться этим амбаром, тоже нужна помощь опытного наставника. Год-два надо поучиться, а уж потом только начинать. Самая лучшая «сокровищница» может вместить до трехсот серебряных лянов. Форма слитков в разных провинциях не одинакова, наиболее удобными считаются овалы, цзянсийские. Их заворачивают в тонкую ткань, смазанную парафином, и тогда их можно набить уйму. Однако при выходе из подвалов слуга согласно правилу должен хлопнуть в ладоши и перепрыгнуть порог. Малейшая неосторожность, и слитки могут вывалиться; казначеи называют это «класть яйца». А тогда трудно предугадать, что с тобой будет: обезглавят, удавят либо сошлют. Не правда ли, как это все забавно и вместе с тем отвратительно?!

Цянь Дуаньминь нахмурился.

— Неужели Юй Минь занимался подобными делами?

— Конечно! Он ведь три года служил весовщиком, сколотил миллионное состояние и даже купил должность начальника отдела в министерстве налогов. Потом, не знаю каким образом, он стал кандидатом на

пост начальника области; когда его вдруг назначили на первую же освободившуюся вакансию, все были очень удивлены. Впрочем, как бы низкие существа ни ловчили, они не укроются от всевидящего ока императора, и это глубоко меня радует!

Цянь Дуаньминь хотел ответить, но вспомнил, что перед окном уже несколько раз появлялся привратник с визитной карточкой в руках и что Гун Пин неоднократно поворачивал туда голову. Зная, что министра дожидается еще один посетитель, Цянь встал и попрощался. Гун Пин из вежливости попытался удержать его, но тут же сдался и радушно проводил Цянь Дуаньминя до главных ворот.

Не будем рассказывать о том, как Цянь, покинув дом Гун Пина, навестил Юань Сюя, чтобы попросить у него ходатайства перед Ян Ичжу, а вернемся к министру, который, проводив Цянь Дуаньминя, увидел привратника, направляющегося к нему с высоко поднятой визитной карточкой в руке.

— Кто принимал гостя? Мой племянник? — спросил Гун Пин.

— Нет, младшего господина давно нет дома! — ответил слуга.

В этот момент министр уже подходил к гостиной. Сквозь стеклянное окно он увидел, что на кане сидит красивый юноша в круглой шапочке из черного бархата, украшенной драгоценными камнями: огромной, отливающей сизым блеском жемчужиной и разноцветным «кошачьим глазом». Сзади спускалась длинная коса в три пряди, черная, словно лак, и блестящая, точно зеркало. На юноше была голубая, как небо после дождя, куртка из чжанчжоуского * бархата с пионами, стянутая поясом с многочисленными нефритовыми подвесками. Лицо его было заслонено перилами, и Гун Пин сразу не узнал юношу: у него лишь осталось ощущение чего-то нарядного и яркого. «Кто это может быть? — подумал министр.— Неужели гость такой блестящий?» Но в этот момент привратник, указывая на приемную, воскликнул:

— Да ведь с ним сидит наш молодой господин Чжугуань!

Министр узнал наконец своего внучатого племянника. При виде деда, входящего в гостиную, юноша поспешно отошел в сторону, постоял немного, а потом, воспользовавшись тем, что министр занялся гостем,

незаметно выскользнул из приемной и пошел вдоль галереи, ворча:

— Черт знает что! Столько времени убил на этого дураля. Не везет же мне! — И, шурша одеждой, скрылся.

Как вы думаете, кто был новый гость, которого принял министр? Им оказался Юй Банли, с которым Цзинь Вэньцин встретился в сельской гостинице, богатый шаньдунский помещик. Купив звание кандидата в начальники области, Юй много лет ждал в Нанкине вакансии, но так ничего и не добился. На этот раз он захватил несколько десятков тысяч серебром и приехал вслед за Чжуан Нанем в Пекин, чтобы стать чиновником и удовлетворить наконец свое честолюбие. По дороге Чжуан так мастерски расписал ему различные ходы и нарисовал картину столь легкого достижения заветной цели, что Юй Банли пришел в совершенное неистовство. Однако, куда он ни совался по приезде в столицу, покровители ускользали от него, словно отражение луны в воде. Юй загрустил и попробовал было нажать на Чжуан Наня, но тот обругал его, заявив, что Юй Банли в этих делах полный профан и не знает даже «четырёх секретов» в завязывании знакомств. Юй был поражен:

— Что это за «четыре секрета»? Я не понимаю.

— Ну вот видишь! — захохотал Чжуан Нань. — Я же недаром сказал, что ты профан! Слушай, я тебя научу: «четыре секрета» — это волшебный плот, с помощью которого можно всегда удержаться на поверхности; чудодейственный талисман, благодаря которому можно влезть даже в собачью конуру! Их нельзя не знать. Первый секрет — в умении ждать, второй — в презрении к деньгам, третий — в способности проглатывать неудачи, четвертый — в отсутствии стыда. Ты даже первой заповеди не можешь выполнить, а еще хочешь чего-то добиться!

Юй Банли был посрамлен и согласился терпеливо ждать.

Вскоре они услышали, что освобождается вакансия на должность начальника шанхайской области. Ее считали самым роскошным местом в Китае, так как из одних процентов с таможенных доходов можно было в год выколачивать миллионную прибыль. Верно говорит пословица: «После шар-рыбы все блюда покажутся безвкусными». Так в сравнении с должностью начальника шанхайской области покажутся неинтересными все

другие места,— недаром у Юй Банли потекли слюнки! Но он лишь ласково просил Чжуан Наня что-нибудь придумать, не решаясь открыто торопить молодого бездельника.

В конце концов события сложились столь удачно, что Юю выпало счастье несколько дней побыть начальником шанхайской области.

А дело было так: однажды Юй Банли от нечего делать решил сшить себе модную одежду. Он отправился в платяные ряды возле Задних ворот и забрел в лавку «Всеобщее процветание». Хозяин этой лавки, по фамилии Го, числился портным, но бывал во дворце и поддерживал самые тесные связи с титулованными особами. Заговорил он о чиновничьих делах и с Юем, спросив, почему тот не попытается стать начальником шанхайской области. Юй ответил, что не видит никаких путей к этому.

Го даже подскочил от возбуждения.

— У меня есть один прекрасный способ! Хотите попробовать? Говорите скорей!

И портной, отчаянно жестикулируя, начал пояснять свою мысль:

— Конечно, основной и самый широкий путь лежит через главного евнуха Ляня: он старый пройдоха. Но недавно открылась еще одна дорога, о которой мало кто знает! — Он наклонился к уху Юй Банли и прошептал: — Ведь придворный историк Вэнь Динжу сейчас является наставником императорских наложниц! А он — мой старый клиент. Если хотите связаться с ним, я вам помогу. Гарантирую, что все пойдет как по маслу!

Юй Банли, который давно считал свое положение безвыходным, услышав его слова, приободрился. Он горячо поблагодарил портного и пообещал в случае успеха солидное вознаграждение. С тех пор хозяин Го начал повсюду за него хлопотать, и хотя Юй Банли ни разу не видел в глаза придворного историка Вэня, портной вел переговоры между обеими сторонами. Не прошло и десяти дней, как все было почти улажено: оставалось лишь подождать императорского указа и ехать на должность. Незачем описывать радость, переполнявшую Юй Банли. Каждый день он обивал пороги влиятельных лиц из Государственного совета, Императорской канцелярии, Шести министерств и Девяти ведомств, подготавливая себе почву для дальнейшего продвижения. Из этих же соображений в описываемый

нами день он запасся крупной взяткой для того, чтобы попасть на прием к министру Гун Пину. Собственно, с министром он хотел увидаться просто так, в порядке визита, и никаких особенных просьб к нему не имел. Гость и хозяин уселись. Гун Пин произнес несколько обычных вежливых фраз, Юй Банли отвечал ему в тон, и тем важнейшая цель его посещения была исчерпана. Министр уже хотел предложить гостю чай и выпроводить его, как вдруг у ворот показался молодой человек. Он поспешно подошел к Юю и, наклонившись к нему, прошептал несколько слов, одновременно передавая в его руки маленький конверт.

Юй Банли тотчас засунул письмо в рукав, и на лице его появилось отсутствующее выражение. Он не заметил даже чая, который предложил ему министр, и очнулся только тогда, когда слуги, стоявшие под галереей, вдруг разом крикнули:

— Провожаем гостя!
Воистину:

Спеша — успеха в деле не добьешься,—
Пришлось об землю биться головой!
Но бог богатства всемогущ настолько,
Что может до небес достать рукой! *

Если хотите узнать, что так ошеломило Юй Банли, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

У СТЕН ВЫРАСТАЮТ УШИ. КОГДА ПРЕЗИДЕНТ ЦЕНЗОРАТА
ВСТРЕЧАЕТСЯ СО ЗНАМЕНИТОЙ ГЕТЕРОЙ.
ВЛИЯТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК, ОБРАТИВШИЙ ВНИМАНИЕ
НА ТИТУЛОВАННОГО ЮНОШУ, ПРЕРЫВАЕТ ЕГО УДИВИТЕЛЬНЫЙ СОН

Мы остановились на том, что Юй Банли, сидевший в доме министра, вдруг пришел в страшное замешательство. Как вы думаете, почему? Дело в том, что молодой человек, подошедший к Юю, был его любимым слугой Юй Сином, с которым он не расставался ни днем ни ночью. Приехав в столицу, Юй Банли поселился в гостинице «Преуспяние» и каждый день, отправляясь с визитами, на всякий случай оставлял Юй Сина дома. Теперь, когда слуга неожиданно пришел в дом министра, Юй Банли решил, что произошло что-то из ряда вон выходящее, и сердце его запрыгало.

— Все изменилось! — не обращая внимания на его

страх, прошептал Юй Син.— Хозяин Го ждет вас в европейском ресторане в Восточном посольском переулке для совета. Он боялся, что вы замешкаетесь, поэтому послал со мной еще это письмо!

Юй Банли, не дав слуге договорить, схватил письмо и еле сдержался, чтобы не раскрыть его тут же, при министре. Наконец подали чай, и он, кое-как выполнив все полагающиеся церемонии, направился к воротам. Юй Банли велел Юй Сину вернуться в гостиницу, а сам вскочил в коляску и нетерпеливо разорвал конверт. На красной почтовой бумаге с разводами было написано:

«Некоторое время назад мы договорились взять ссуду в меняльной конторе «Вечное благоденствие». Сегодня я связался с ними, но хозяин конторы уже передумал. Оказывается, он рассчитывал получить деньги с начальника области Юй Миня, который тоже брал у него ссуду, но теперь с Юй Минем случилась неприятность, и вряд ли удастся получить долг. Контора испытывает недостаток в деньгах и, очевидно, нарушит договоренность. Кроме того, сегодня я узнал, что в столицу приехал некий отпрыск знатного семейства с несметными богатствами. Боюсь, что он может перейти вам дорогу. Скорее приезжайте посоветоваться. Это очень важно!»

Внизу стояла подпись. Пока Юй Банли читал письмо, коляска двигалась вперед, и вскоре он оказался в Восточном посольском переулке.

Надо сказать, что в этом переулке размещались дипломатические представительства большинства стран. Здесь было множество магазинов с иностранными товарами и царило большое оживление. Ресторан, о котором идет речь, был открыт поваром одного из западных посольств и предназначался специально для иностранцев, связанных с дипломатическими представительствами. Здесь можно было и выпить, и покушать, и переночевать. Таким образом, первоначально это была очень приличная гостиница, но потом несколькими пьяным европейцам приглянулись девушки из бедных семей, живших поблизости. В них разыгралась похоть, а глупые гостиничные «бои» были всегда готовы услужить иностранцам и добыть себе лишних чаевых.

С тех пор гостиница, прежде торговавшая только вином, превратилась в грязный притон. Чиновники-селадоны и развратные молодые шалопаи всюду пустились подражать иноземцам: одни использовали номера

для тайных свиданий, другие устраивали здесь пьяные оргии. Для того чтобы попасть в эту гостиницу, нужно было уплатить двенадцать дяо * столичной монетой. Стоило передать их бою, как тут же являлись продажные красавицы. Развлекаться здесь было удобнее, чем в публичном доме, и все отличие состояло в том, что женщинам нельзя было выбирать по фамилиям и портретам.

Ресторан представлял собой двухэтажное строение в смешанном китайско-западном стиле. В первом этаже был большой зал, заполненный столиками, на каждом из которых красовались стеклянные графины, хрустальные рюмки, серебряные ложки и стальные вилки. По обе стороны от зала были комнаты, примыкавшие к боковым пристройкам. От зала их отделяли лишь тонкие стены да застекленные двери, покрытые светлым лаком. Восточная комната была обставлена с особой роскошью: красный ковер на полу, парчовые занавески на окнах, многочисленные ширмы, масса душистых цветов. У задней стены стояла низкая двухспальная кровать с невысокими спинками, манившая к себе воздушностью и белизной шелкового белья. Но самым любопытным было то, что за кроватью открывалась потайная дверца, которая вела в извилистый переулок, соединявшийся с одной из главных улиц. Через эту дверь в случае опасности ускользали похотливые мужчины и их развратные подруги.

В остальных частях дома также было устроено бесчисленное множество комнаток, будуаров и альковов, но их не стоит подробно описывать.

Коляска Юй Банли остановилась перед входом в ресторан. Юй был завсегдаем этого заведения и часто здесь развлекался. Спрыгнув с подножки, он велел кучеру распрячь и накормить лошадь, отослал сопровождавшего его слугу, а сам решил из предосторожности войти в ресторан через потайную дверь. Миновав несколько ворот, он отыскал узенький переулок и скользнул в него. Переулок был весь в кучах мусора и колдобинах, но Юй Банли ловко прыгал через них и по проторенной дорожке двигался вперед. Приблизившись к потайной двери, он оглянулся вокруг и тихонько толкнул ее. Дверь оказалась незапертой. Обрадованный Юй занес ногу и уже совсем хотел было войти внутрь, как вдруг с кровати до него донесся щебечущий женский голос. Юй Банли вздрогнул и, прильнув головой к двери,

стал вслушиваться. Голос принадлежал знакомой ему проститутке, которая капризно тянула:

— Ничего, что ты староват. Твоих наложниц я тоже не боюсь! Вот только дочь твою побаиваюсь!

— Ну что ты,— сладеньким голоском прервал ее старик.— Ведь выданная замуж дочь — все равно что выплеснутая вода! Чего тебе ее бояться? Знаешь, что я тебе скажу, для женщины главное — любовь мужчины, а остальное все пустяки. К чему далеко ходить за примерами? Начальник области Юй Минь человек ловкий, да и покровители у него были достаточно высокие. А стоило любимой наложнице императора в момент наслаждения шепнуть государю два слова, как красный шарик с шапки Юй Миня моментально скатился. Даже вдовствующая императрица ничего не могла сделать! Об этом мне сегодня рассказал зять со слов Вэнь Динжу...

Проститутка холодно усмехнулась:

— Постыдился бы, старый, языком трепать! Сравнил куриный помет с небом! Или ты забыл, какую сцену тебе дочь закатила в начале года? Помнишь, как в день своего рождения ты привел сюда зятя? Еще гостей полный двор назвал, а она узнала, прикатила следом, поставила коляску у входа и даже мула выпрягла. Сколько людей ее уговаривало выйти из коляски, но она нарочно продолжала сидеть в ней и честила тебя перед всем народом последними словами! Только к вечеру кончила — утомилась, бедняга! Запрягла своего мула и убралась. А ты все время сидел съезжившись и даже пикнуть не смел. Вот где сила-то! Не знаю, как насчет Юй Миня, а твой красный шарик действительно у нее в лапах. По чести говорю тебе: не улещивай меня и не приставай! Пойду я к тебе в дом тигру морду чесать! Если ты мной не брезгуешь, то лучше приезжай сюда каждый день после службы в Цензорате... Повеселишься здесь со мной, тоску зальешь — и довольно!

Старик сокрушенно вздохнул и хотел ответить, но в этот момент послышался смех, топот сапог и громкий стук: казалось, кто-то ломится в комнату снаружи. Юй Банли перепугался и хотел бежать. В ту же секунду потайная дверь распахнулась и прямо на него вылетела какая-то взлохмаченная фигура. Узнав ее, Юй сдержал уже готовое сорваться с языка ругательство, хотел было поздороваться, но вспомнил, что эти знатные господа больше всего на свете боятся огласки, и раздумал. Он лишь посторонился и отвернул голову. Человек, закры-

вая одним рукавом лицо, а другим — бороду, стремительно бросился в переулок и побежал со всех ног, словно спасаясь от смерти. Убедившись, что тот уже далеко, Юй Банли шагнул в потайную дверь, но не успел он показаться в комнате, как навстречу ему протянулась тонкая яшмовая ручка, которая цепко схватила его за грудь.

— Зачем ты убежал, господин Фу? Кого испугался? Ведь это не твоя дочь!

Юй Банли узнал свою старую знакомую, известную в городе проститутку Сяоюй.

— Глупая девчонка! — прыснул он. — Ты хочешь сказать, будто господин Фу обращался с тобой, как отец?

Сяоюй в сердцах плюнула, взяла Юй Банли за руку и еще не успела ответить, как какой-то человек, оказавшийся в комнате, перехватил разговор:

— Извините, но я не имею чести называться господином Фу!

Проститутка вздрогнула от неожиданности и пошла вглубь комнаты со словами:

— Гм! А я-то думаю: кто это стучится? Оказывается, господин Го! Очень кстати! Даже вы стали сюда заходить!

Юй Банли притворно нахмурил брови.

— Наоборот, очень некстати! — произнес он, укоризненно показывая рукой на Го. — Так вы никогда не приходите, а тут в самый острый момент как назло явились!

— Воистину я достоин смерти! — расхохотался портной Го. — Я помнил только о своем интересе, а о вашем забыл!

— Меня не впутывайте, я тут ни при чем. Но вы спугнули его превосходительство президента! Завтра он из своего Цензората пришлет за вами, вот тогда вам и будет интерес!

Сяоюй метнула на Юй Банли гневный взгляд и, подойдя к Го, стала ластиться к нему:

— Господин Го, не слушайте его, он все выдумывает!

Портной от удивления даже язык высунул:

— Так, значит, это был...

Но проститутка, не дожидаясь, пока он кончит, зажала ему рот ладошкой.

— Молчите!

— Ну, ладно, ладно, не скажу! — засмеялся Го и обратился к Юй Банли:

— Выходит, вы пришли вместе с ним? Наверное, не получили моего письма?

— Как бы не так! — иронически протянул Юй.— Да из-за письма-то я сюда и пришел! А когда вы спугнули этого голубчика, он налетел прямо на меня. Видите шишку? До сих пор болит!

И он сунул свою голову под нос портному. Тот критически осмотрел большую синюю шишку, которая действительно красовалась на правом виске Юй Банли, и перевел взгляд на стеклянную дверь.

— Слышите? — тихо улыбаясь, промолвил он.— Там сейчас полно шалопаев из знатных семейств. Такое столпотворение устроили, что я даже не усидел. Прихожу сюда, и вот такая штука. Вы уж извините меня, господин Юй!

Тот замахал рукой:

— Довольно! Сяоюй, иди сюда: посмотрим, кто там сидит.

Он привлек проститутку к себе и подошел с ней к двери. Сквозь стекло они увидели большой обеденный стол, за которым сидело пятеро молодых людей. Им суматошно прислуживали бои: один расстилал скатерть, другой вставлял в вазу цветы, третий раскладывал ножи и вилки, четвертый протирал тарелки и бокалы. Кроме того, возле каждого молодого человека стоял личный слуга в шапке с красными кисточками, который подавал трубки, отжимал мокрые полотенца и так далее.

На хозяйском месте сидел юноша с сигарой в зубах. Склонив голову, он что-то писал кистью на чистом листе бумаги, потом выпрямился и обратился к гостям, сидевшим по обе стороны от него:

— Господин Дай Шэнфу *, брат Чжан И! Вы ведь приехали издалека, вам первым полагается заказывать.

Тут только Юй Банли разглядел лицо молодого хозяина и понял, что это не кто иной, как Чжуан Нань. Он всмотрелся в сидящего слева. У того был представительный вид: квадратное лицо, большие уши и дорогая одежда, сшитая по южной моде,— просторный халат с длинными рукавами. Справа сидел стройный человек с сухощавым лицом и горбатым носом. Движения его были непринужденными, и, несмотря на то, что он не проронил ни слова, было ясно, что он презирает вульгарность. Его горящие, как факелы, глаза буквально уничтожали всякого, кто оказывался в поле его зрения. Одет он был с изысканной простотой. Этих двоих юно-

шей Юй Банли не знал. За худощавым сидел молодой аристократ Цзэн Цзинхуа, носивший титул «хоу» *, а напротив него — Гун Чжугуань, который принимал Юя в доме министра Гун Пина.

— Чжуан Нань,— отвечал между тем полный,— ты опять за свое! Какое это имеет значение? Закажи несколько первых попавшихся блюд и все!

— У меня сегодня еще одна встреча, так что, боюсь, мне не придется здесь долго засиживаться. Я съем один суп! — равнодушно произнес Дай Шэнфу, и на его сухощавом лице появилось утомленное выражение.

Чжуан Нань стал заказывать еду.

— Ладно, как хотите. Но двенадцать дяо, которые мы заплатили при входе, надо оправдать! — заметил он.

Гун Чжугуань нахмурил брови.

— Ах, вы еще этим забавляетесь?! Ну, я вам компании не составлю!

— А я не прочь! — со смехом подхватил Цзэн Цзинхуа.— Но только мне нужна определенная!

— Ну ладно, можешь не говорить кто! — сказал Чжуан Нань.— Уступлю тебе Сяюю!

Он велел бою позвать гетер. Дай Шэнфу повторил, что ему нужно скоро уходить, и от женщины отказался. Чжуан Нань не стал настаивать, но трех гетер вызвал. Бой подобострастно поддакнул и скрылся. Юй Банли, все слышавший из своего убежища, шутливо подтолкнул Сяюю.

— Тебя титулованный зовет! Что ж ты не идешь?

— Вы думаете, это так просто делается? — засмеялась женщина.— Я даже служанки с собой не захватила *: придется съездить за ней!

Юй Банли указал на незнакомых ему молодых людей, сидевших за столом, и спросил Сяюю:

— А кто эти двое? Ты знаешь их?

— Конечно! Того, полного, зовут Чжан И. Он тоже титулованный и приехал из Ханчжоу. А худощавый — сын генерал-губернатора Дая. Довольно странный барчук, говорят даже, что член революционной партии. Это рассказал мне сын генерал-губернатора Чжуан Чжидуна, не знаю, правда или нет. Оба они только что приехали в столицу!

В это время бой открыл дверь и позвал Сяюю к гостям. Женщина выпрямилась, поправила платье и сказала на ухо бою:

— Ты иди и не говори, что я здесь. Мне надо сбежать

домой переодеться! — Она кивнула Юй Банли и Го.— Прощайте, господин Юй. Надеюсь, в скором времени мы встретимся с вами. Господин Го, когда будете свободны, заходите!

С этими словами Сяоюй упорхнула в потайную дверь. Юй Банли, воспользовавшись случаем, заказал бою обед. Сначала он выбрал еду для Го: суп из бычьих хвостов с томатом, жареную камбалу, ростбиф, перепелку, курицу фри с рисом и коньячный пудинг, а затем для себя: суп с луком, жареного налима, говяжий язык, воробьев с макаронами и банановый пудинг. Слуга записал заказ, поставил на нем номер стола и пошел на кухню. Тут только они получили возможность поговорить об интересующем их деле.

— Я случайно услышал, как Сяоюй говорила вам о некоем Чжан И,— начал Го.— Вы его знаете?

— Нет, не знаю,— ответил Юй Банли.— Впервые увидел его за этим столом.

— Он сын бывшего шаньдунского губернатора,— пояснил Го.— Недавно получил по наследству от отца титул и приехал сюда, чтобы с помощью двора сделать карьеру. Это как раз тот самый человек, о котором я писал вам!

— Тогда чего нам бояться? — воскликнул Юй Банли.— Ведь он действует через главного евнуха, а скандал с Юй Минем ему здорово повредил. Мы отлично можем использовать этот случай!

— В принципе вы правы, но все дело портит именно крах Юй Миня! Половину денег за должность этот тип внес заранее, а вторую половину обязалась выплатить меняльная контора «Вечное благоденствие». Посреднику был дан чек, который подлежал оплате сразу же после получения должности. Едва имя Юй Миня появилось в списках, как маклер моментально получил деньги. А теперь, конечно, Юй Минь ссуды не вернет. Нам-то наплевать, получит контора его деньги или нет! Плохо другое: из-за этого и нам сейчас ничего не дадут. Конечно, сто двадцать тысяч, которые вы уже внесли, сыграли свою роль. Но оставшиеся шестьдесят, которые должна была дать меняльная контора «Вечное благоденствие», пожалуй, еще важнее, потому что они предназначены для мелких лиц, оказывавших нам содействие. И если произойдет какая-нибудь заминка, трудно рассчитывать на успех! Я чувствую, что хозяин меняльной конторы действительно находится в критическом

положении. Вот почему я и пригласил вас сюда. Надо что-то придумать.

Юй Банли растерянно нахмурил брови.

- Я приехал в столицу всего со ста двадцатью тысячами. Потом потребовалось еще шестьдесят, которых у меня нет. Хорошо, что контора «Вечное благоденствие» согласилась дать необходимую сумму! Хотя и трудно расплачиваться с долгами, а все-таки цветочки рано или поздно принесут плоды, поэтому я и решился на этот шаг. Сейчас, по вашим словам, контора попала в затруднительное положение, и я сам должен откуда-то взять такую огромную сумму! Что же делать?

— А вы подумайте как следует, способ наверняка найдется!

Юй Банли долго мялся в нерешительности, потом встал и отвесил портному глубокий поклон.

— Я слишком глуп и сам ничего не могу придумать! Единственная надежда на вас. Умоляю дать мне совет!

Го поспешно ответил на поклон:

— Не волнуйтесь, сядьте! Я вам кое-что расскажу!

Юй еще раз почтительно сложил перед портным руки и только тогда согласился сесть.

— Есть один способ! — медленно промолвил Го.— Но для него надо немного потратиться. Недаром говорит пословица: «Даже самая лучшая сноха без риса каши не сварит!»

Юй Банли вскочил.

— Дорогой Го, не говорите околичностями! Помогите мне, а я сделаю для вас все что угодно!

— Разве мне что-нибудь нужно? — спокойно возразил портной.— Я ведь делаю это исключительно из симпатии к вам и не возьму ни монеты. Иначе мы не будем настоящими друзьями. Ну, а когда вы получите должность, я, пожалуй, поеду с вами на юг поразвлекчесья. Буду вести ваши денежные дела, чтобы убить время. Вот этим вы и отблагодарите меня.

— Какие пустяки! Говорите скорее: что вы придумали?

— Не спешите, я вижу, что принесли обед. Давайте сначала покушаем, а потом все обсудим.

Действительно, к ним подходил бой с подносом, на котором стояли две тарелки супа и блюдо с хлебом. Юй Банли велел бою открыть шампанское. Го стал есть, в промежутках продолжая излагать свои мысли:

— Вы не смотрите, что у конторы «Вечное благоден-

ствии» ежедневный оборот исчисляется десятками тысяч. Это все вывеска! На самом деле они с огромным трудом наскребают свои вклады, и любая, даже небольшая неприятность может пошатнуть их дела. Нам, конечно, все равно, как они там выкручиваются. Но поскольку они обещали вам такую большую сумму, от их благосостояния зависит и наш успех. Пострадают они — пострадаем и мы. Поэтому сейчас необходимо помочь конторе, поддержать ее марку, иного выхода нет. Разумеется, одними словами этого не сделаешь. Главное — серебро. А где его взять?

— Да, действительно! Где взять серебро? — поддакнул Юй Банли.

— Ха-ха-ха! — засмеялся портной. — Ведь не поврите, как все в Поднебесной удачно складывается. Везет вам! Сейчас начальником тяньцзиньского военного округа, кажется, генерал Лу Тунъи? Вы должны его знать!

— Совершенно верно. Старый, известный генерал из Хуайской армии! *

— Какой там известный генерал! — с улыбкой возразил Го. — Знаменитый пройдоха из свиты бога богатства! Я знаю только одно: прослужив несколько десятков лет в армии, он сумел сколотить капиталчик из многих миллионов! Человек этот себе на уме: свои денежки он положил в иностранные банки, вроде Гонконг-Шанхайского и Русско-Азиатского, а китайские меняльные конторы его денег и не нюхали. Но вот странная вещь: в нынешнем году он изменил своему принципу и решил часть серебра положить в ссудные конторы Пекина и Тяньцзиня. Для этого он специально послал в столицу своего управляющего разведать обстановку. Этот управляющий, к счастью, мой добрый приятель. Вчера он заходил ко мне, и я подумал, что такого хорошего клиента надо как следует уважить. Побеседовали о том о сем, разговор перешел на вклады, я рекомендовал ему «Вечное благоденствие». А он и говорит: «Немало контор зарится на эту возможность, да только я пока никому не дал согласия! Ты ведь знаешь наш старый обычай: при совершении сделки нам, посредникам, всегда отчисляется определенный процент, а иначе дружба врозь!» Сегодня я передал эти слова хозяину «Вечного благоденствия», а он нос воротит: «За взятку нам вклады не нужны!» Я думаю, что меняльная контора тут и в самом деле мало заинтересована, а вот нас это касается прежде всего. Поэтому я считаю, что вам следует

уплатить эту взятку: контора выйдет из затруднительного положения и даст вам ссуду, а тогда — пусть приезжают хоть сотни титулованных, — должность начальника шанхайской области от вас не убежит! Как вы смотрите на это?

— А сколько управляющий привез с собой серебра? Много ли он может вложить в «Вечное благоденствие»? — спросил Юй Банли.

— Привез-то он с собой больше пятисот тысяч! Но нам достаточно и ста. Как по-вашему?

— Прекрасно, прекрасно! Лучше и не придумаешь! — обрадовался Юй Банли. — Только не следует откладывать: сразу же после обеда поезжайте к этому управляющему и договоритесь с ним, а необходимый процент можете взять в «Вечном благоденствии» с моего счета — у меня там еще кое-что осталось!

Они торопливо поели, расплатились с официантом и встали.

— Смотрите! — удивленно присвистнул портной. — А в зале уже никого нет!

Юй Банли прислушался — ни звука. Он осторожно подошел к дверям, заглянул в стекло и увидел, что на большом обеденном столе стоят только пустые чашки из-под кофе. Молодых людей и след простыл.

— Тогда пойдемте парадным ходом! — сказал Юй, открывая дверь.

Го последовал за ним. Выйдя в зал, Юй Банли уже хотел было направиться прямо к выходу, как вдруг из восточного угла комнаты до его слуха донесся чей-то шепот. Юй бросил туда взгляд и увидел двух человек, которые, сидя на кане, низко склонились друг к другу над маленьким столиком. Один был Чжуан Нанем, а другой — Чжан И. Последний дрожащей рукой передавал Чжуану какой-то лист бумаги. Боясь, что его могут узнать, Юй Банли не стал задерживаться и вместе с портным выскользнул из ресторана. Они сели в коляски и каждый поехал по своим делам.

Сейчас мы вернемся к Чжуан Наню и Чжан И, которые сидели в пустом зале ресторана и о чем-то тихо совещались. По удивительному совпадению люди в двух смежных комнатах говорили об одном и том же; и пока Юй Банли с портным Го ломали голову над разными планами, их соперники отнюдь не дремали.

Читатель должен знать, что Чжан И был сыном известного генерала, бывшего губернатора провинции.

Будучи правителем Шаньдуна, отец давно наметил своего сына на пост начальника области. В позапрошлом году, когда генерал скончался, двор, помня заслуги верного сановника, решил посмертно пожаловать ему и его потомкам титул «цзы». Чжан И в то время не было еще тридцати лет. Став титулованной особой, он очень возгордился и ни о какой официальной должности пока не помышлял. По прошествии трехлетнего срока траура он приехал в столицу, чтобы принести благодарность императору. С Чжуан Нанем его связывала старинная дружба их отцов, поэтому, приехав в Пекин, молодой аристократ поселился у него в доме и вел здесь привольную жизнь, развлекаясь с женщинами, устраивая попойки, а по утрам выезжая с луком на охоту.

Но скоро этому безмятежному существованию пришел конец: Чжуан Нань чувствовал себя среди чиновников как рыба в воде и был заражен всеми их привычками, а Чжан И, обладавший знатностью и богатством, показался ему весьма лакомым куском. Стоило ему услышать, что открывается вакансия на должность начальника шанхайской области, как он всячески стал подстрекать молодого аристократа просить протекции у главного евнуха Ляня. По счастью, евнух только что опростоволосился с делом Юй Миня и не знал, куда деваться от злобы. Чтобы как-то возместить ускользнувший от него куш, он мечтал найти хорошего кандидата на должность начальника шанхайской области. Предложение Чжуан Наня пришлось ему весьма по вкусу, и они условились о сумме и сроке. Об этом как раз и совещались друзья в полутемном ресторане, когда все остальные гости разошлись. Но, как говорят, «дорога для соперников всегда узка» — их увидел Юй Банли!

Стараясь, чтобы Юй ничего не понял, Чжуан Нань с присущей ему ловкостью выхватил из рук Чжана бумагу, сложил и сунул в карман.

— Это чек на сто двадцать тысяч лян, — сказал Чжан И. — Теперь вся сумма у тебя в руках. Но я еще раз хочу спросить: надежно ли это дело?

Чжуан Нань показал губами на выходящего Юя, долго смотрел ему вслед и наконец тихо промолвил:

— Можешь быть спокоен. Сегодня же вечером все сделаем. Успех гарантирую. Согласен?

— Тогда я пойду домой и буду ждать от тебя вестей, — сказал Чжан И.

Чжуан кивнул. Пока они говорили, в зал быстро вошел бой:

— Господин Цзэн Цзинхуа просит вас пожаловать в дом Сяоюй на вечерний чай. Он прислал слугу.

Чжан И, который уже откидывал портьеру, собираясь выйти из ресторана, на ходу бросил Чжуан Наню:

— Я не пойду! Если ты тоже не пойдешь, напиши за меня извинение!

Он сел в коляску и отправился домой. Не будем говорить о том, как Чжуан Навь набросал записку с извинением, заплатил по счету и выполнил все остальные мелочи, которые входили в его обязанности хозяина. Расскажем лучше о Чжан И. Терзаемый сомнениями, он одиноко вернулся домой, отпустил даже двух наиболее преданных слуг, заперся у себя в комнате и осторожно вытащил из-под подушки небольшую резную шкатулку. В шкатулке оказалась золоченая божница, в которой стояло изображение бодисатвы Гуаньинь * из белой яшмы. Вы спросите, зачем Чжан сделал это? Дело в том, что, принадлежа к золотой молодежи, он в то же время питал слабость к буддизму. Всю жизнь Чжан не верил ни во что, кроме бодисатвы Гуаньинь в белых одеждах. Поэтому он специально заказал у лучшего ювелира ее яшмовое изваяние и везде возил его с собой, во всех затруднительных случаях обращаясь к бодисатве с просьбой о помощи.

Итак, Чжан И вынул божницу из шкатулки и торжественно поставил ее возле окна. Затем вытащил из той же шкатулки бронзовую курительницу, зажег тибетскую ароматную палочку, положил перед божницей «Святые изречения бодисатвы Гуаньинь» и четки, отошел на два шага, поправил шапку, стряхнул пыль с одежды и, сложив руки, встал на колени со словами:

— Твой ученик всеми помыслами принадлежит тебе, о милосердная богиня Гуаньинь!

Затем он распростерся на полу и что-то забормотал, словно буддийский монах, творящий перед алтарем молитву. Примерно с полчаса он тихо шевелил губами, потом встал, уселся в широкое кресло, взял в руки четки, раскрыл «Святые изречения» и хотел было начать читать, но сердце молодого аристократа от нетерпеливого ожидания учащенно билось, бросая его то в дикую пляшущую радость, то в леденящие объятия страха. Чжан смотрел в книгу и не мог прочесть ни одной строчки. Ароматный дым клубами ложился на слабо мерцающую

лампу, и от этого огонек ее стал темно-зеленым. За окном было очень тихо. Чжуан Нань все не возвращался. Опустив голову, Чжан закрыл глаза, стараясь углубиться в самосозерцание; это его немного успокоило. Внезапно за дверями раздались быстрые шаги и радостный возглас:

— Ну, что теперь скажешь, Чжан И? Не верил, а тебя действительно назначили начальником шанхайской области! Чем ты теперь отблагодаришь меня?!

Человек ударом ноги распахнул дверь. Чжан поднял голову: перед ним стоял Чжуан Нань. От неожиданности молодой аристократ не мог выговорить ни слова.

Воистину:

За знатностью в погоне, за богатством
Живи всю жизнь — хотя бы до ста лет,
А слава все ж останется мечтою,
Во сне ты будешь славен, в жизни — нет!

Если хотите знать, действительно ли удалось Чжан И получить должность начальника шанхайской области, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ОКЛЕВЕТАННЫЕ ПОДДАННЫЕ СТАНОВЯТСЯ ЖЕРТВАМИ
МОНАРШЕГО ГНЕВА.

НЕ СДЕРЖАВ ЯРОСТИ, ХОЗЯИН ВЫГОНЯЕТ КРАСИВОГО СЛУГУ

Услышав о том, что его назначили начальником области, молодой аристократ растерялся.

— Не пугай меня! — сказал он после долгого молчания. — Говори серьезно: как там дела?

— Никто тебя не пугает! — воскликнул Чжуан Нань. — Если не веришь, прочти вот это!

Он вынул из кармана несколько желтых листков, отпечатанных типографским способом. Чжан узнал «Столичную газету», взял ее в руки, раскрыл и на первой же странице прочел:

«Должность начальника шанхайской области провинции Цзянсу с правом контроля над войсками передается Чжан И».

У юноши зарябило в глазах. Он надел большие дымчатые очки, прищурился и поднес газету к самому носу. Действительно, все так и было написано.

В безумной радости молодой аристократ, конечно, воздал хвалу бодисатве и уже хотел было поклониться

своему яшмовому божку, как вдруг фигура Чжуан Наня стала терять свои очертания и исчезла. Оглянувшись, Чжан И увидел, что по обе стороны от него стоят несколько слуг в шапках с красными кисточками, синих куртках, низких сапогах и длинных поясах. Один держал перед собой чиновничью шапку с шариком, другой — шкатулку с цветными перьями, третий — специальное ожерелье, четвертый — портфель. На молодого человека набросили мундир, затянули пояс... Какой-то слуга звонко щелкнул плетью, которой обычно призывали народ к тишине во время чиновничьих выездов, и, поклонившись, молвил:

— Эскорт готов. Просим ваше сиятельство принимать должность!

Целая толпа сопровождающих с криками: «Расступись! Господин идет!» — вывела ничего не соображающего Чжана на улицу. За воротами, вытянувшись в ряд, стояли красные балдахины, таблицы с золотыми иероглифами, знамена, паланкин, музыканты с гонгами и всадники на конях. Едва Чжан И сел в паланкин, раздался оглушительный крик, и вся процессия двинулась вперед.

Чжан не мог разобрать, куда его везут. Он только чувствовал под собой гладкую, как точильный камень, и прямую, как натянутый шнур, дорогу. Мелкая пыль, поднимаемая копытами лошадей, искрилась в лучах солнца. Внезапно процессия повернула и оказалась на узкой тропинке, напоминающей баранью кишку. Через некоторое время дорога стала еще хуже. Пешеходы и всадники шли медленно, гуськом, то ныряя вниз, то карабкаясь по кручам. С одной стороны вздымался дремучий лес, с другой — отвесные острые скалы. При виде этой страшной картины в сердце Чжана родилось подозрение: «Куда это меня везут? Ведь когда я выходил из дому, кто-то приглашал меня на должность. Почему же они затащили меня в эти дикие и безлюдные горы?»

Но в этот момент он почувствовал, что паланкина под ним давно нет, а сопровождающие исчезли без следа, словно дым от сожженного бурьяна. Мысль о должности вылетела у него из головы. Спотыкаясь, он одиноко брел по пустынной горной тропинке. Вдруг перед глазами замаячило что-то черное, порыв холодного ветра ударил ему в лицо, юноша вскинул голову и увидел вдалеке высокий темный холм, сплошь заросший кустарником.

«Слава богу, наконец-то я нашел правильный путь!» — с радостью подумал Чжан И.

Тут он заметил у подножия холма двух огромных львов с кровожадно разинутой пастью, страшными глазами, мечущими грома и молнии, вздыбленной гривой и железными когтями. В тумане невозможно было разглядеть, живые это львы или изваянные из камня. Лишь подойдя поближе, юноша убедился, что львы каменные, и увидел за ними роскошные здания с разрисованными колоннами и резными балками, длинные галереи, красные башни, сверкающие под лучами солнца, воздушные беседки, уходящие в облака. Возле самого берега стояла мраморная беседка в форме лодки, словно плывущая по воде. На тропинках то и дело попадались белые аисты, пятнистые олени, разноцветные фениксы, золотые быки.

Однако, несмотря на всю эту красоту и величие, здесь пахло затхлостью, словно в старинной крепости *, простоявшей несколько веков без изменений. Чжан И остановился в нерешительности, опасаясь наткнуться на кровожадных хищников или горных духов, сбивающих человека с пути: встреча с теми и с другими не сулила ничего хорошего. Так он стоял, не зная, что делать, как вдруг услышал мелодичный звон колокольчика, доносящийся с дороги, по которой он только что пришел. Вскоре показался осанистый чиновник верхом на отличном рысаке, который легко перескакивал через расщелины и карабкался по кручам. Гордо выпрямившись и подняв голову, чиновник мчался вперед. Лицо его показалось юноше знакомым.

Когда всадник приблизился, Чжан И вышел навстречу и, удержав его коня под уздцы, с поклоном молвил:

— Вы, наверное, тоже едете на холм? Это очень кстати. Я как раз нахожусь в затруднении и не знаю, по какой дороге пойти. Помогите мне.

Чиновник громко рассмеялся:

— Безумец! Вы хотите подняться на этот холм?! Всем известно, что туда нет прямой дороги! Так и быть, идите вслед за мной!

Он указал плетью на восток *. Чжан И увидел тропинку, освещенную солнцем и поросшую шелковицей травой. По обеим сторонам цвели вишневые деревья, похожие на облака, спустившиеся на землю. У самого начала тропинки возвышался огромный красивый кедр, под которым росли сандалы, ясени, тополя, ивы, абрикосы, яблони и другие деревья с кривыми

стволами и неправильными кронами, дававшие густую тень. Это действительно была прекрасная дорога, и Чжан И даже залюбовался ею. Но не успел он расспросить всадника, куда же в конце концов он попал, как тот поспешно поклонился юноше и крикнул:

— А теперь я покину вас!

Лошадь взвилась на дыбы, сверкнула всеми четырьмя копытами и поскакала на восток. Не на шутку взволнованный Чжан И хотел было последовать за чиновником, но в этот момент с западной тропинки, окруженной цветущими грушевыми деревьями *, до него донеслись звуки песни, которые то становились громче, то замирали:

Одна тропа ведет людей к востоку.
Другая направляет их на запад.
На западе в цвету сияет груша,
А на востоке вишня расцвела.

Там белое — как облако на небе;
Здесь красное — как дождик при закате;
И красное соперничает с белым;
Идут дожди, несутся облака.

Дочь повелителя морей восточных
Могущественного царя-дракона,
Полперсика, сулящего бессмертье,
Похитила — себе зке на беду!

И Сиванму * — небесная царица,—
Чья власть распространяется на запад,
Разгневалась и выдернула с корнем
Потомков Минчжу * юные ростки!

Но, к счастью, мы упорно гнули спины
И жалованье наше сохранили.
Зачем же на восток тебе стремиться?
Тропа на запад, право же, ровней!

Молодой аристократ обернулся на звук песни, но распустившиеся грушевые цветы, белые как снег, заслонили собой небо и землю, даже ветерок не пробивался сквозь их гущу. Чжан И недоумевал: откуда песня? А звуки ее тем временем все приближались. Вдруг из грушевой рощи вышло несколько босоногих крестьянских мальчишек, которые хлопали в ладоши и пели. На них были безрукавки и широкополые шляпы, защищающие от солнца; перемазанные грязью лица казались полосатыми. Увидев Чжан И, они приветливо замахали руками и воскликнули;

-- Господин, идите скорее на запад!

Юноша, окончательно сбитый с толку, не знал, что делать. Он взглянул на холм, куда можно было попасть и с востока и с запада, затем — на обе тропинки и сердито сплюнул:

— Чем выбрать, так лучше уж вернуться!

Но не успел он сказать это, как из западной рощи вдруг вырвался бешеный вихрь, который закрутил песок и камни и понес их к восточной тропинке. В одно мгновение солнце померкло, тучи зловеще потемнели, завывли духи и демоны. Ураган подхватил всадника, еще не успевшего добраться до вершины холма, сорвал с него шапку и повалил вместе с конем. От цветов вишни и следа не осталось, даже могучие деревья у восточной тропинки не смогли устоять перед дьявольским вихрем. Каких-нибудь две-три минуты они сопровтивлялись, а потом шесть деревьев с жалобным скрежетом повалились набок. Могучий кедр вместе с несколькими окружавшими его деревьями был вырван с корнем и заброшен неведомо куда *. Перемазанные грязью мальчишки словно обезумели. К ним присоединился какой-то юноша-великан, который с радостным хохотом, похожим на раскаты грома, закричал, мотая головой и топая ногами:

— Здорово! Прекрасно! Повалились! Повалились!

Если бы не было этого юноши, возможно, все обошлось бы благополучно. Но при первом же его крике мальчишки превратились в страшные чудовища с синими мордами и оскаленными клыками. Одни из них трясли колокольчиками, сдвигающими горы, другие несли знамена, отнимающие душу, третьи потрясали мечами Хозяйки горы Лишань и талисманом Черной девы девятого неба, четвертые ехали на колесах ветра и огня принца Ночжа, размахивая железным посохом Царя обезьян *. Свирепо разинув рты и выпучив глаза, они, словно морской прибой, обрушились на Чжан И. Бедный аристократ от страха чуть не лишился чувств и весь обмочился, успев лишь пискнуть на прощанье:

— О, бодисатва Гуаньинь, помогающая всем страждущим, спаси!

— Не бойся, я здесь! — ответил ему вдруг громкий голос. Чжан И приоткрыл глаза и увидел перед собой что-то вроде женской фигуры в белом.

— Спаси меня, бодисатва! — повторил он еще раз, в полной уверенности, что это Гуаньинь, пришедшая к нему на помощь.

— Какая бодисатва?! — раздался веселый смех.— Твоя бодисатва сидит на столе!

Неподдельная искренность этого веселья успокоила юношу. Он снова приоткрыл глаза, всмотрелся... Тьфу! Перед ним была вовсе не богиня милосердия, а пекинский щеголь Чжуан Нань, который стоял, улыбаясь до ушей! Чжан И огляделся вокруг: он все еще сидел в кресле перед столиком с буддийским кумиром. Ароматная палочка в курильнице сгорела всего на вершок. Высокий холм, грушевая роща, чудовища в образе детей — все исчезло. За окном косо висел серп луны, у постели еле теплилась лампада. Было тихо. Тут Чжан И понял, что все случившееся с ним было сном. Воспоминания о пережитом страхе и стыд перед Чжуан Нанем вытеснили из головы молодого аристократа мысли о должности. Он смущенно взглянул на Чжуана и без всякого интереса спросил:

— Ты почему так поздно, где веселился?

— Э, да ты, я вижу, спятил! — воскликнул Чжуан Нань.— Человек ради тебя ног не жалел, носился целую ночь, а ты спрашиваешь, где он веселился!

Тут только Чжан И вспомнил, как днем в ресторане передал Чжуану чек и поручил ему похлопотать перед главным евнухом. Он снова оживился:

— Ну как, вышло дело?

— Ишь ты какой быстрый! — улыбнулся Чжуан.— Такие вещи в Поднебесной легко не делаются! Я как только вышел из ресторана, даже на пирушку к Цзэн Цзинхуа не заглянул, помчался прямо к евнуху. Мы ведь договорились с тобой, значит, подводить неудобно! Но ничего у меня не вышло: долго ждал его, а он все не возвращается. Спросил слуг, говорят, что Лянь приглашен в Департамент дворцовых дел и неизвестно, когда вернется. Там совещание по поводу празднования дня рождения старой императрицы. Я подумал: ведь с ним я уже обо всем договорился, осталось только чек передать да должность получить. Никто ее у тебя не украдет, как Красный ребенок похитил плод жизни у танского монаха! Верно?

При словах «Красный ребенок» Чжан И внезапно вспомнил свой сон.

— Значит, ты принес чек назад? — невзначай спросил он, продолжая припоминать отдельные детали сна: как стая мальчишек превратилась в чудищ и как они бросились на него. Затем он связал это с внезапным

появлением Чжуан Наня, вспомнил, как тот крикнул о его назначении начальником шанхайской области, и нашел, что теперешний Чжуан как две капли воды похож на того, которого он видел во сне.

«Плохо дело! — испуганно подумал он. — Я попался на удочку низких людишек! Ведь дети — не что иное как маленькие люди! Они превратились в чудовищ и бросились на меня: это не к добру. Ясно, что мерзавцы, мои враги, строят козни. Узкая тропинка — это нечестный путь. Кто-то меня уже опередил. Упорствовать не стоит, а то не избежать беды!»

Тут ему вспомнилось, что перед самым пробуждением он видел женщину в белых одеждах, и ему показалось, что он прозрел:

«Конечно! Ведь я всю жизнь искренне поклонялся бодисатве Гуаньинь, и теперь она предостерегла меня, ниспослав вещей сон! Конечно! Конечно! Я больше не желаю быть начальником шанхайской области! Но чек на сто двадцать тысяч серебром надо бы вернуть!»

Помедлив немного, он обратился к Чжуан Наню:

— Очень хорошо, что ты принес чек, потому что в него вкралась ошибка. Дай я исправлю!

— Что ты? — удивленно протянул Чжуан. — Ведь сумма проставлена верно.

— Зачем спорить? — сказал молодой аристократ. — Когда я исправлю, ты сразу увидишь, где была ошибка!

Чжуан Нань недоверчиво полез за бумажкой. Ему не хотелось этого делать, но упираться было неудобно. Вытащив чек из-за голенища, он поднес его к лампе, на почтительном отдалении от Чжан И, и стал рассматривать.

— Ничего нет! — воскликнул Чжуан Нань. Но не успел он произнести этих слов, как аристократ ловко выхватил у него из рук бумагу и сунул ее в карман.

— Что это значит? — недоуменно начал Чжуан. — Ты, я вижу, вовсе его не исправляешь, а просто спрятал?

Чжан И улыбнулся:

— Не буду тебя обманывать: в чеке все правильно, но мои намерения изменились. С сегодняшнего дня я решил прекратить погоню за карьерой. Если хочешь, можешь сам занять мое место. А сумму эту я решил сохранить, чтобы отблагодарить как следует наших компаньонов по игорным и публичным домам!

Чжуан Нань вскочил.

— Возмутительно! Да полно, наяву я слышу по-

добные слова или во сне? Ты должен подумать: должность начальника шанхайской области нелегко добыть, да и получить протекцию главного евнуха тоже не простое дело. Я для тебя старался, бегал целых полмесяца, сейчас наконец ухватил ниточку, а ты так бесцеремонно отказываешься! Что я теперь скажу Ляню? Как посмотрю ему в глаза?! Ну-ка, выкладывай все начистоту, почему идешь на попятный?

— Что ты будешь говорить, меня не касается,— по-прежнему улыбаясь, молвил Чжан И.— Я твердо решил отказаться от должности!

Пока один упорно твердил, что должность ему не нужна, а другой, побагровев, доказывал обратное и буквально рычал от ярости, дверь комнаты со стуком отворилась, и на пороге появился слуга с телеграммой. Подойдя к хозяину, он сказал:

— Ваше сиятельство, это вам с юга.

Он протянул телеграмму Чжан И, повернулся и вышел. Телеграмма была из дому. Юноша вскрыл ее, пробежал глазами и вздрогнул, но тут же облегченно вздохнул, подумав, что сама судьба помогает ему отвяжаться от Чжуан Наня.

— Не будем больше спорить! — С притворным сокрушением сказал он, передавая приятелю конверт.— Теперь у меня траур!

Чжуан заглянул в телеграмму. В ней сообщалось, что умерла мачеха Чжан И. Продолжать спор в самом деле было неудобно. Гнев Чжуана начал постепенно спадать. Он даже произнес несколько обычных успокоительных фраз и спросил, когда приятель думает трогаться в путь.

— На приведение в порядок всех здешних дел мне нужно еще дней шесть-семь! — ответил Чжан И.

Чжуан что-то буркнул и, недовольный, отправился в свою комнату.

С тех пор Чжан И целые дни проводил в хлопотах, готовясь к отъезду на юг. На пятый день он прочел в «Столичной газете», что на место начальника шанхайской области назначен Юй Банли. Пошли самые разнообразные толки. Одни говорили, что Юй связался с князьями через платяную лавку, другие — что он познакомился с родственником императорской наложницы и тот рекомендовал его государю. Но Чжан И, всецело занятый своими делами, не придавал значения этим сплетням, пропуская их мимо ушей. Через два дня он, как

говорится, «свернул знамена, забрал барабаны» и выехал на юг.

Между тем Чжуан Нань, который зря старался для него целых полмесяца, был весьма раздосадован. Ведь вначале он собирался стать посредником Юй Банли, но потом, увидев, что тот и по знатности, и по богатству уступает Чжану, оставил Юя и сосредоточил все свои силы на молодом аристократе. Кто мог ожидать, что Юй Банли действительно удастся получить место начальника шанхайской области и Чжуана обойдет какой-то жалкий хозяин платяной лавки?! Можете представить себе, как раскаивался и негодовал Чжуан Нань. Он не посмел лично сообщить главному внуку о том, что произошло, и передал отказ через своего отца, одновременно умоляя последнего как-нибудь отомстить дерзким людишкам.

Однажды утром, когда Чжуан Нань еще лежал в постели, в спальню вошел слуга.

— Старый господин только что вернулся из дворца и хочет что-то срочно сказать вам!

Чжуан поспешно накинул на себя халах и, не успев умыться и причесаться, побежал в кабинет, где отец обычно сидел по утрам после аудиенции. В кабинете было тихо. Трое слуг стояло навытяжку возле Чжуан Хуаньина, который, низко опустив голову, строчил письмо. При звуке шагов сына он поднял глаза и сказал:

— Садись. Сейчас я допишу письмо главному торговому резиденту в Корее Фан Дайшэну *, и мы с тобой поговорим.

Чжуан Нань сел в стороне, но, заглядывая в письмо, скоро понял, что речь идет о восстании тонхаков * — поборников «восточного учения». Тонхаки первоначально играли в Корее роль консервативной партии и постоянно враждовали с партией сторонников цивилизации *. Вождем тонхаков был Цой Си Хен *. И вдруг сейчас в уезде Кобу провинции Чолладо он поднял восстание. Повстанцев было около шестидесяти тысяч, все в белых головных повязках, с желтыми знаменами в руках. Они выступали под лозунгами изгнания японских варваров и уничтожения привилегий знати. Король Кореи и его придворные не на шутку перетрусил и попросили у Китая крейсер «Гроза Востока», который обычно охранял торговые суда, для подавления мятежа. В то время главным торговым резидентом, аккредитованным в Корее, был Фан Дайшэн. Он побоялся решить этот вопрос сам и телеграфировал в Палату внешних сноше-

ний, прося указаний. Вчера Чжуан Хуаньин уже испрашивал императора об этом деле и дал телеграфный ответ с разрешением предоставить корабль корейскому правительству. А сейчас он лишь делал приписку, в которой приказывал внимательно следить за ходом событий и своевременно докладывать о них двору.

— Оказывается, в Корее бунт! — не удержавшись, воскликнул Чжуан Нань.

— Да, и на этот раз значительно серьезнее мятежа Ким Ок Кюна и Хон Ен Сика! * — ответил Чжуан Хуаньин. — Боюсь, что потребуются вооруженное вмешательство нашего двора.

Он дописал письмо, отложил его в сторону и улыбнулся:

— Вот для чего я тебя позвал: ты знаешь, какая удивительная история приключилась при дворе? Юй Банли сместили. Даже «драгоценных наложниц» Цзинь и Бао притянули по этому делу, низведя их до «драгоценных людей» *, а «драгоценной наложнице» Бао, кроме того, дали семьдесят палок. Старший брат наложниц сослан на окраину. Вдовствующая императрица кипит от ярости. Я слышал, даже придворного историка Вэнь Динжу хотели привлечь к ответственности за то, что был наставником обеих наложниц. Но он, к счастью, вовремя услышал о беде и скрылся, так что его гроза пока миновала.

— А вы знаете, отец, чем все это вызвано? — не скрывая радости, воскликнул Чжуан Нань.

— Не могу понять. Видимо, императрице кто-то донес, потому что она совершенно неожиданно возвратилась из Летнего дворца и устроила в гареме настоящий обыск. Правда, нашла она только шкатулку с ненужными бумагами, так что трудно сказать, почему старую государыню обуял вдруг небесный гнев! Но говорят, будто обе фаворитки стали предаваться роскоши и хлопотали перед императором о разных людях.

Чжуан Нань встал и в благородном негодовании вскинул голову:

— Наконец-то пришло справедливое возмездие! Откровенно говоря, они там слишком распоясались! Было просто необходимо, чтобы мудрая государыня навела порядок!

В этот момент он вдруг заметил красивого юношу лет двадцати, который стоял рядом с отцом. На нем был розовый шелковый халат со свастиками * и бархатная

куртка. Со лба кокетливо свисала челка, черные кудри были аккуратно убраны в два узла. Немногие мальчики для развлечений могли сравниться с ним в прелести. «Откуда в нашем доме сей очаровательный отрок? — подумал Чжуан Нань и вдруг вспомнил.— Да ведь это же Афу, слуга Цзинь Вэньцина. Но как он попал сюда?»

Любопытный взгляд, которым Чжуан Нань окинул юношу, не ускользнул от Чжуан Хуаньина.

— Это нашумевшая личность из дома Цзинь Вэньцина! — сказал он со смехом.— Ты встречался с ним под Пекином, помнишь? Сейчас Цзинь Вэньцин уволил его, и парню некуда деваться. Пришел ко мне и просит, чтобы я его приютил. Мне он, в общем, тоже не нужен. Оставил до случая, может быть, удастся рекомендовать кому-нибудь!

Афу, смущенно покраснев, приблизился к Чжуан Наню и отвесил поклон.

— Да! — обратился Чжуан Хуаньин к сыну.— Съезди-ка к Цзинь Вэньцину! Говорят, за последние дни состояние его снова ухудшилось, а у меня нет времени навестить эту неблагодарную свинью. Прогуляешься и заодно выполнишь долг вежливости.

Чжуан Нань повиновался и вышел, чтобы подготовиться к визиту. О нем мы пока упоминать не будем, а расскажем о том, как был изгнан Афу и почему обострилась болезнь Цзинь Вэньцина, чтобы читатель не мог упрекнуть нас, что мы отклоняемся от главной темы.

Когда жена вышла, Цзинь Вэньцин велел служанке опустить полог, натянул одеяло на голову и, не обращая внимания на Цайюнь, притворился спящим. Та, видя, что мужу нездоровится, решила, что лучше его не тревожить, и, сидя в соседней комнате, задумчиво шелкала арбузные семечки. Воцарилась мертвая тишина, о которой трудно что-либо рассказать, поэтому мы воспользуемся случаем и посвятим несколько строк жене Цзинь Вэньцина.

По тону мужа и по выражению лица наложницы госпожа Чжан о многом догадалась. Когда она вернулась к себе, услужливые горничные также не преминули передать ей все, что слышали, и у жены уже не осталось никаких сомнений. Она полагала, что Цзинь на этот раз непременно поднимет грандиозный скандал, поэтому, находясь у себя, по-прежнему была мысленно там, в спальне, и с нетерпением ждала вестей. Но пробила

вторая стража, а из спальни Цзинь Вэньцина не доносилось ни звука. Жена удивилась. «Неужели этим все и кончится?» — подумала она, и вдруг в голове ее, мелькнула мысль, что Цзинь, еще не оправившийся от болезни, снова подвергнется потрясению. «Уж не умирает ли он?!» — не на шутку встревожилась жена.

Стояла глубокая ночь, все звуки замерли, комната казалась пустой и мрачной, так как все служанки отправились спать, а горничные дремали в затененных уголках, отвернувшись от света. Жена на цыпочках прокралась по коридору к гостиной: всюду лампы погашены, темно и страшно. Она немного струсила и уже хотела было вернуться, но тут увидела, что в комнате мужа мерцает свет, а на оконной шторе гостиной обрисовываются четыре силуэта. Затем раздался быстрый шепот, и жена поняла, что няньки и горничные еще не спят. Это придало ей храбрости. Быстро пробежав к дверям спальни, она хотела приподнять занавеску, как вдруг кровать Цзинь Вэньцина издала жалобный скрип, за которым послышался тихий зов:

— Цайюнь! Цайюнь!

Никто не откликнулся.

«Э! Да они собираются разговаривать! — подумала жена.— Лучше постою послушаю».

Прислонившись к дверному косяку, она заглянула в щелочку и увидела туалетный столик, на котором стояла керосиновая лампа под зеленым абажуром. Пламя ее окрасило белые стены и парчовый полог в изумрудный цвет.

Цзинь Вэньцин, приподняв край полога, высунул голову и с застенчивой улыбкой смотрел на мягкий диван, стоявший у западной стены. Жена поспешно перевела взгляд в то место, куда были устремлены глаза Цзиня, и увидела Цайюнь, которая спала на диване прямо в одежде, сняв только верхний вечерний туалет. На ней была красная кофточка с жемчужными пуговицами в форме сердечек, плотно облегающая тело, и розовые, усеянные цветами панталоны. Изогнув тонкую, как ива, талию и поджав под себя крошечные, похожие на коробочки лотоса ножки, Цайюнь лежала на квадратной подушечке из хубэйского шелка. Черные волосы рассыпались по краю подушки. Одну руку она подложила себе под щеку, а другая чуть прикрывала нежную грудь. Брови были нахмурены, глаза закрыты, и в ямочках щек

еще сверкали невысохшие слезы. Она была так невыразимо прелестна в эту минуту, что госпожа Чжан даже растрогалась.

Вдруг она услышала вздох мужа и легкий удар рукой по кровати:

— Ах! Чем я провинился перед тобой?! За что ты превращаешь меня в...

Слезы сдавили ему горло. Помолчав немного, он продолжал:

— Все равно я не в силах оставить тебя!

Тяжело дыша, он приподнялся, накинул одежду, натянул чулки и свесил с кровати ноги. Затем, покачиваясь от слабости, подошел к дивану и опустился рядом с Цайюнь.

— Что ты сделала! — дотронувшись до нее, дрожащим голосом произнес Цзинь Вэньцин. — Ты знаешь, что разбила мое сердце?! На кого ты дуешься? Ты ведь только притворяешься, будто спишь!

Цайюнь действительно не спала, но, недовольная поведением мужа и не зная его дальнейших намерений, решила, что самое лучшее -- притвориться спящей. Потом она услышала ласковый зов Цзиня и поняла, что он приближается к дивану. Сердце ее заныло, она почувствовала, что поступила слишком жестоко. Поэтому, едва Цзинь Вэньцин притронулся к ней, молодая женщина вскочила и, закрыв лицо руками, прильнула к его груди. Она не могла вымолвить ни слова и лишь горько плакала.

— Ну зачем это? — с мягкой укоризной произнес Цзинь. — Что же, по-твоему, я должен теперь делать? Сейчас ты плачешь, а совсем недавно так больно уколола меня своими жестокими словами! .

И у него самого из глаз полились слезы.

Услышав это, Цайюнь еще крепче прижалась к его груди и, захлебываясь от рыданий, промолвила:

— Я думала, что теперь вы никогда больше не подойдете ко мне! Я готова отдать вам на растерзание свое тело, которое вы раньше холили с утра до вечера: режьте его, душийте! Если вы убьете меня, я не буду на вас в обиде. Я буду беспокоиться лишь об одном: что после моей смерти не останется человека, который с такой же страстью прислуживал бы вам! Как я ненавижу себя за то, что поддалась минутному опьянению и попала на удочку! Я думала, что могу немного повеселиться и пококотничать! Кто мог ожидать, что этим я за-

ставлю вас всю жизнь страдать?! А сейчас раскаиваться уже поздно!

Цзинь Вэньцин пристально взглянул на Цайюнь, крепко сжал ее руку, а другой рукой стал вытирать ей слезы.

— Так ты действительно раскаиваешься? Тогда я не сержусь на тебя. У кого из нас не бывает промахов! Я ненавижу только бессовестную тварь, которую я вскормил и которая погубила тебя! Сейчас уже ничего не поделаешь. К счастью, о прошедшем знаем только ты и я, поэтому через несколько дней я под каким-нибудь предлогом выгоню этого негодяя. Пойми, что, хотя ты и обманула меня, я по-прежнему люблю тебя и впрямь ты должна относиться ко мне поласковее!

При этих словах в Цайюнь проснулось ее обычное кокетство. Обвив тонкой белой ручкой шею Цзиня, она подняла улыбающееся, залитое слезами лицо и тихонько шепнула:

— Мой господин, я не заслуживаю вашей любви! Но вы еще плохо знаете мой характер. Я с детства привыкла к развлечениям, а здесь сижу в четырех стенах. Могу ли я поручиться, что в минуту веселья снова не пошучу с кем-нибудь и не вызову ваших подозрений?! Я думаю, мне лучше умереть, тогда вам не о чем будет беспокоиться!

— Зачем ты говоришь о смерти? — остановил ее Цзинь Вэньцин.— Если тебе скучно дома, ходи в театр, осматривай храмы. Я не стану мешать.

Но тут у Цзиня вдруг начали стучать зубы.

— Что с вами? — воскликнула Цайюнь.— Видите! Стоило мне недосмотреть, и вы уже простудились. Сегодня очень холодно. Почему вы соскочили с кровати, не надев теплого халата?

Цзинь Вэньцин засмеялся:

— Да, меня действительно знобит! Может, ты согласишься согреть мне одеяло?

Он придвинулся к Цайюнь и что-то прошептал ей на ухо. Наложница улыбнулась, отрицательно покачала головой и, собирая рассыпавшиеся волосы, сказала:

— Не надо, а то вы еще, чего доброго, умрете!

При виде такого задорного поведения наложницы и полного безволия Цзинь Вэньцина жена чуть не лопнула от злости. Наблюдать комедию, разыгрывавшуюся в соседней комнате, у нее уже не было ни малейшего

желания, и она медленно вернулась к себе. В тот вечер никаких событий больше не произошло.

С тех пор Цзинь постепенно начал поправляться. Целыми днями он весело болтал с Цайюнь, даже не думая наказывать ее.

На четвертый день жена, еще лежа в своей постели, услышала, как Цзинь Вэньцин вышел из своей спальни и отправился в кабинет принимать гостей. Жена поднялась и, сев у окна, стала совершать утренний туалет. Внезапно в комнату влетела девочка-горничная.

— Что ты носишься как угорелая? — набросилась на нее госпожа Чжан.

— Господин разбушевался! — ответила горничная.— Надавал Афу по щекам и выгнал!

— А ты не знаешь, за что?

— Говорят, Афу подавал господину бирюзовую табакерку, а господин уронил ее на пол. Афу наклонился, чтобы подобрать обломки, и сказал, что жаль, хорошая была табакерка. Но не успел он договорить, как вдруг господин дал ему пощечину. Афу испугался, поднял голову, а господин еще раз ударил его. Потом весь затрясся и стал его бранить: «Бессовестный черепаший выродок! Зря я тебя вырастил такого! Не думал, что сломаешь мою любимую безделушку. Если я и дальше буду тебя держать, ни одной целой вещи в доме не останется!» Афу рассердился, что его побили, и дерзко ответил господину: «Вы сами ее уронили, а еще сваливаете на меня!» Тут господин ударил кулаком по столу и хотел послать Афу на расправу к квартальному, но дядя Цзинь Шэн заступился. Сейчас Афу собрал свои пожитки и ушел!

Жена поняла, что это следствие недавно случившейся истории, и безучастно сказала:

— Ну что ж! Ушел так ушел. Из-за чего шум поднимать?

И, не обращая больше внимания на горничную, она продолжала причесываться и умываться. Через некоторое время ей сказали, что Цзинь Вэньцин уехал с визитами.

Воистину:

В море сотни чудовищ
Укрыты волнами шальными,
В небе тучи и дождь
Преходящи, как чувства земные!

Если хотите знать, что произошло после того, как Цзинь Вэньцин выгнал Афу, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ВО ВРЕМЯ ВСЕОБЩЕГО ГНЕВА
УЧЕНЫЕ МУЖИ СОЧИНЯЮТ ДОКЛАД ТРОНУ.
ВО ИМЯ СПАСЕНИЯ ВАССАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ
ЗНАМЕНИТОСТИ РАТУЮТ ЗА ВОИНУ

Когда Цзинь Вэньцин выгнал Афу, ему казалось, что он избавился от сильнейшего врага, ядовитого дракона, притаившегося в реке Любви. Он был уверен, что теперь Цайюнь раскаялась и станет послушной. Радостный от сознания, что ему почти без малейших усилий удалось уладить свои постельные дела, он спокойно отправился хлопотать по службе. Первым делом он нанес визит министру Гун Пину, чтобы поблагодарить его за вмешательство в памирский инцидент. Затем заехал к Цянь Дуаньминю и, посоветовавшись с ним, написал письма к послам Сюэ и Сюю. На следующий день он, как обычно, отправился в Палату внешних сношений.

Время мчалось быстро. Незаметно прошло несколько месяцев. Ян Ичжу вернулся с Памира, и всем стало известно, что ошибка с границей существует уже несколько десятилетий и что Цзинь Вэньцин в ней не виновен. Сюэ Фужэнь и Сюй Цзинчэн со своей стороны связались с английским и русским правительствами и, опираясь на авторитет Англии, установили новую границу. Обвинение с Цзиня было снято окончательно.

Но не зря говорят, что для врагов дорога узка. Однажды в Палате Цзинь Вэньцин имел несчастье заспорить по какому-то вопросу с Чжуан Хуаньинем. В самый разгар столкновения Чжуан сказал:

— Вы долго не выходили на работу, и не удивительно, что несколько отстали от наших дел. Дипломатические отношения — такая вещь, в которой во мгновение ока все может тысячу раз измениться. Вот вы болели всего месяц, а за это время территория государства: уменьшилась на целых восемьсот ли! Вы, наверное, не знаете об этом?

Цзинь Вэньцин понял, что над ним издеваются, покраснел и ничего не ответил.

— На сегодня, пожалуй, хватит рассуждать о государственных делах,— продолжал Чжуан Хуаньин.—

Я хочу посоветоваться с вами об одном древнем изречении. Как известно, Ли Юйси сказал: «Цинь Гун вошел в дом Лянов». Но я помню, что Цинь Гун был изгнан генералом Ляном из Западного дворца, поэтому слово «входить», очевидно, следует заменить иероглифом «выходить». Как вы думаете?

Он намекал на Афу, которого прогнал Цзинь Вэньцин, и улыбался, глядя прямо в лицо подчиненному. Тот уже был готов вспылить, но, вспомнив, что в жале осы всегда содержится яд, проглотил обиду. Однако усидеть на месте он уже не мог и, поспешно поднявшись, распрощался:

— Мне пора!

Цзинь Вэньцин повернулся и пошел к выходу. В голове у него шумело, он даже забыл позвать слуг. Когда он вышел из здания Палаты, то увидел на ступеньках нескольких кучеров, перешептывающихся между собой. Среди них был, кажется, кучер Чжуан Хуаньина и его собственный.

— Чего там говорить о наложнице нашего господина!— сказал его кучер.— Она прямо как ненасытная кошка бросается на кого угодно. Не успела с одним пареньком расстаться, как уже подцепила актера!

— А кто он такой? — спросил один из кучеров.

— Какая-то знаменитость! Звать его вроде бы Сунем Третьим. Не знаю уж, какое зло совершил наш господин в прошлом перерождении, что встретил такую наложницу?! Сейчас она каждый день разъезжает по домашним спектаклям и прямо перед гостями строит актеру глазки. Не иначе как это возмездие нашему господину!

Кучера болтали от нечего делать и не думали, что Цзинь Вэньцин слышит каждое их слово. Точно удар грома поразил его в самое темя. Перед глазами завертелись красные круги, в ушах зазвенело, в сердце смешались раскаяние, стыд и злоба. Цзинь покачнулся и, словно пьяный, шагнул вперед.

— Что вы болтаете? — заорал он, вытаращив глаза.— Скорее закладывайте коляску, я еду домой!

Кучера, не ожидавшие, что Цзинь Вэньцин так скоро выйдет из Палаты, испуганно вскочили. К счастью, его просторная, выкрашенная красным лаком карета с зеленым суконным верхом стояла у ворот, и вороной, в яблоках мул еще не был выпряжен из нее. На крик господина наконец сбежались слуги. Кучер достал ска-

мечку и хотел помочь Цзиню сесть в карету, но тот, не дождавшись его, вскочил внутрь и нетерпеливо крикнул:

— Пошел, пошел!

Мул застучал копытами и, вздымая пыль, вылетел из ворот. Когда они подкатили к дому, Цзинь Вэньцин, не произнося ни слова, выпрыгнул из кареты и с потемневшим, точно железо, лицом и устремленным вперед взором бросился в главный флигель. Слуги мчались за ним, но догнать не могли. Цзинь Шэн с книгой посетитель, письмами, казенными бумагами в руках хотел было подойти к хозяину, однако не решился и вернулся к себе. Ворвавшись в главный флигель, Цзинь Вэньцин застал там жужжащую толпу служанок и горничных, которые, увидев разъяренного хозяина и слуг, машущих им руками, разбежались в разные стороны. Но Цзинь ничего не видел. Он только взглянул на дверь, как будто желая убедиться, что это действительно комната Цайюнь, откинул занавеску и вошел. В это время наложница, только что возвратившаяся со спектакля в хунаньском землячестве и снявшая богатый наряд, сидела перед зеркалом и прихорашивалась. Она услышала шаги господина, но не поднялась ему навстречу, а продолжала растирать румяна, готовясь наложить их на лицо.

— Как рано вы сегодня вернулись! — сказала она. — Не случилось ли чего-нибудь?

Тут только она подняла голову и увидела Цзинь Вэньцина, стоявшего возле дивана, на котором в предыдущей главе они вели задушевный разговор. Лицо его было бледным и растерянным, глаза гневно впились в Цайюнь.

— Хороша! — сказал он после долгого молчания. — Ловко ты меня обманываешь!

Не понимая, что бы это могло означать, Цайюнь покраснела, и сердце ее лихорадочно забилося. Она старалась сообразить, что господин скажет дальше, и уже придумывала возможные ответы, но в этот момент Цзинь Вэньцин покачнулся, взмахнул руками и чуть было не упал. Видя, что дело серьезное, Цайюнь вскрикнула: «Господин, что с вами?», подскочила к Цзиню, обхватила его за талию и сорвала с него шапку. Однако тело Цзинь Вэньцина оказалось для нее слишком тяжелым, и оба они с шумом повалились на диван. Когда в комнату влетели слуги, Цзинь уже лежал без движения. Запыхавшаяся Цайюнь высвободилась из-под него,

пытаясь толчками и криками привести господина в чувство, но Цзинь Вэньцин не открывал глаз и лишь громко сопел.

Молодая женщина легонько прикоснулась ко лбу мужа — он оказался таким горячим, что едва не обжег ей руки,— и горько заплакала.

— Что произошло? — обратилась она к слугам.— Еще утром он вышел из дому совершенно здоровым! Кто это довел его до такого состояния?

— Сегодня болезнь началась как-то очень странно! — отвечали слуги с насмешливыми улыбками.— Говорят, в Палате он еще шутил с его превосходительством Чжуан Хуаньином, а когда вышел со службы, по дороге что-то услышал и моментально изменился в лице. Откуда мы, рабы, можем знать — почему?

Пока они говорили, в комнату вошла госпожа Чжан, вся дрожащая, с нахмуренными бровями.

— Что с господином? — спросила она Цайюнь.— Опять заболел? Не понимаю, что между вами происходит!

Наложница опустила голову и, ничего не отвечая, пошла к дивану вслед за госпожой Чжан.

— У господина жар! — тихо произнесла она и в нескольких словах передала, как Цзинь Вэньцин вошел в комнату.

Госпожа Чжан села на край дивана, тронула Цзиня рукой, дважды позвала его, но он не откликнулся.

— Судя по всему, положение серьезное! Больному нельзя лежать на диване, его надо перенести на кровать!

— Вы совершенно правы,— ответила Цайюнь.— Но господин никак не приходит в себя. Что же делать?

Внезапно Цзинь Вэньцин кашлянул и попытался приподнять голову.

Открыв глаза, он немигающими зрачками уставился на Цайюнь так, что та от испуга даже попятилась. Цзинь указал пальцем на портрет немецкого генерала Мольтке, висевший на стене:

— Вон, вон! Видите этого грозного иностранца в медной каске, с орденами на груди? Он наверняка пришел похитить мою Цайюнь.

Госпожа Чжан бросилась к мужу и, наклонившись к нему, обняла его голову обеими руками:

— Господин, очнитесь! Я помогу вам перейти на кровать. Вы лежите у себя дома, откуда здесь могут быть иностранцы?

Цзинь Вэньцин кивнул:

— А, это ты, жена! Хорошо, что ты пришла! Поручаю тебе Цайюнь: смотри за ней хорошенько, чтобы эти разбойники не похитили ее!

Госпожа Чжан поддакнула, помогла мужу приподняться и сделала знак наложнице:

— Иди сюда! Спусти сначала ноги господина с дивана, а потом возьми его под руку. Мы с тобой как-нибудь перетащим его на кровать!

Цайюнь, перепуганная словами Цзинь Вэньцина, помялась несколько секунд, но, чувствуя, что делать нечего, набралась храбрости и подошла к дивану. Вместе с госпожой Чжан они с трудом поставили мужа на ноги, сняли с него парадный халат и медленно повели к постели, покачиваясь на каждом шагу. Цзинь уже не смотрел больше на Цайюнь, а упорно шарил глазами по туалетному столику с музыкальным ящиком, стоявшему перед кроватью. Этот музыкальный ящик; привезенный из Германии, отличался большой оригинальностью и представлял собой модель парохода, с механизмом внутри. Стоило завести пружину и поставить пароход на воду, как колеса его начинали работать и одновременно наигрывать разные мелодии. Некоторое время Цзинь Вэньцин удивленно смотрел на ящик, а потом вдруг воскликнул:

— Плохо дело! Капитан «Саксонии» Якоб снова здесь! Он хочет передать Цайюнь какое-то письмо! Этот иностранец — преступник и пройдоха! Я давно подозревал его. Жена, слышишь? Будь осторожна, не пускай его в дом!

Госпожа Чжан, озадаченная этими словами, принялась уговаривать:

— Успокойтесь, я здесь! Никто не посмеет явиться!

Но Цайюнь пришла в еще большее смятение, разжала руки и чуть не уронила больного.

— Что с тобой? — прошипела госпожа Чжан, бросая на нее уничтожающий взгляд.

Наконец жене и наложнице удалось уложить Циня на постель, подсунуть ему под голову подушку и накрыть его одеялом. Госпожа Чжан, вся красная, прерывисто дыша, прислонилась к спинке кровати.

Внезапно Цзинь Вэньцин побагровел, гневно нахмурил брови и обеими руками начал хватать воздух.

— Что вам нужно, господин? — испуганно спросила жена.

— Эту собаку Афу! — вытаращив глаза, прохрипел Цзинь.— Сейчас поймаю его и убью!

— Разве вы забыли?! Вы же давно выгнали его!

— Я ясно видел, как он, хихикая, спрятался за спинку кровати! А в руке у него была бриллиантовая заколка Цайюнь!

— Этого не может быть! — остановила его жена.— Заколка у Цайюнь в волосах.

— Ты ничего не знаешь, жена! Этих заколок было две. Я купил их в Германии за десять тысяч марок. Разве ты не видишь, что сейчас осталась только одна? Кто поручится, что и эта, последняя, завтра не попадет в руки актера?!

Цзинь Вэньцин выдохнул из себя воздух. Госпожа Чжан ничего не могла ответить мужу. Приподняв полог, она поискала глазами наложницу, но та спряталась; в кресле возле стены и, опустив голову, теребила платок;

— Цайюнь! — едва скрывая раздражение, позвала госпожа Чжан.— Ты слышишь, что говорит господин? Я не разбираюсь в ваших историях. Иди сюда и сама ответь ему. Может быть, он тогда успокоится!

Цайюнь, еле передвигая ноги, подошла к кровати.

— Господин, вы говорите что-то совсем несуразное,— начала она.— Не только госпожа, но и я ничего не понимаю. От ваших слов просто страшно становится!

Она просунула голову под полог и столкнулась лицом к лицу с Цзинь Вэньцином. Если бы они не столкнулись, возможно, все сошло бы благополучно. Но в это мгновение нос Цзиня как-то странно дернулся, губы задрожали, он трепещущей рукой указал на Цайюнь и в ужасе пролепетал:

— Кто это?

— Это же Цайюнь! Вы даже ее не узнаете? — вскричала жена.

Горло Цзиня сдавила спазма.

— Не обманывай меня! Какая Цайюнь? Это яньтайская гетера Лян Синьянь, которая помогла мне отправиться в столицу! Когда я занял первое место на дворцовых экзаменах, я не должен был порывать старые узы и оскорблять ее подачкой в пятьсот серебряных лян! — Он захлебнулся слезами и испуганно прильнул к жене.— Спаси меня! Тогда я побоялся, что надо мной будут смеяться, если я женюсь на ней. Я не думал, что она может повеситься! Она пришла отомстить мне!..

Не успел Цзинь Вэньцин сказать это, как глаза его

закатились, ноги вытянулись, дыхание прервалось, и он потерял сознание. Госпожа Чжан и Цайюнь страшно перепугались. Среди служанок и горничных, находившихся в комнате, поднялся переполох. Зашумев словно вороны и галки, они начали хлопать господина по спине, тянуть за волосы, дергать за нос. Прошел целый час, прежде чем его удалось оживить. Но жар у Цзинь Вэньцина усилился, а рассудок помутился еще больше. Вплоть до самых сумерек больной не приходил в себя. Видя, что недуг очень серьезен, госпожа Чжан дала слуге визитную карточку и велела ему сходить за Лу Жэньсяном, чтобы проверить пульс больного.

Надо вам сказать, что Лу Жэньсян от нечего делать занялся изучением медицины. Прочитав «Стихотворные рецепты всевозможных отваров» * и проштудировав два тома «Новейшей фармакологии», он иногда прописывал более или менее безвредные лекарства больным, которые могли бы поправиться и без него. Хотя про Лу Жэньсяна и нельзя было сказать, что в нем возродились Бянь Цюэ, Хэ или Хуань *, но он никого не доводил до смерти, поэтому многие знатные люди столицы верили этому неудавшемуся ученому и называли его великим врачом. В семье Цзинь Вэньцина он лечил всех; тем более необходимой оказалась его помощь, когда заболел сам Цзинь.

Соблюдая долг старой дружбы, некогда так прочно спаявшей Гуань Чжуна с Бао Шу и род Чжу с родом Чэней *, Лу Жэньсян, едва его вызвали, побежал в дом Цзинь Вэньцина, даже не дождавшись, пока заложат коляску. Он выслушал сбивчивые разъяснения госпожи Чжан о симптомах болезни, поглядел на мертвенное лицо друга, пощупал пульс и покачал головой.

— Сильная простуда плюс нервное потрясение и истощение от половых излишеств. Лечить трудно!

Нечего и говорить, что Лу Жэньсян пустил в ход все свои способности, точнее, даже вывернул их наизнанку. Битых два часа он возился, прежде чем составил мудреный рецепт, затем передал его госпоже Чжан и строгонастрого приказал, чтобы лекарство заваривали погуще и чтобы больной пил его почаще. Лу Жэньсяну казалось, что подобные титанические усилия должны перевернуть небо и землю. Однако после первого приема улучшения не последовало, после второго — больному стало хуже, а после третьего он вообще потерял способность принимать какие-либо снадобья.

Когда Чжуан Хуаньбин велел своему сыну проведать Цзинь Вэньцина, тот уже лежал при смерти. Друзья больного сидели у него и советовались о дальнейшем лечении. В этот-то момент и появился Чжуан Нань, который, поздоровавшись, рекомендовал им иностранного врача. Однако Лу Жэньсян не согласился:

— Я помню, как посланник Цзэн Цзичжань в свое время преклонялся перед западной медициной. Потом заболел воспалением легких, а иностранный врач во время самого сильного жара велел поставить вокруг него бочки со льдом, да еще на грудь положил кусок льда. Он, видно, хотел прогнать жар. Жар-то он из больного выпустил, но и дух вместе с ним тоже! За это дело я не хочу быть в ответе. Пусть супруга Цзинь Вэньцина решает, приглашать или нет!

Остальные друзья хотели заспорить, но в этот момент в спальне раздался громкий плач, извещающий о том, что Цзинь Вэньцин из больного Сыма Сянжу превратился в Ли Хэ, вызванного в яшмовый дворец *. Чжуан Нань, воспользовавшись сумятицей, счел за благо поскорее ускользнуть. Однако Гун Пин и Цянь Дуаньминь были связаны с Цзинь Вэньцином старой и бескорыстной дружбой, а поэтому вместе с Лу Жэньсяном приняли на себя заботы о семье покойного. Они организовали похороны, утешали госпожу Чжан и Цайюнь, вызвали в столицу старшего сына Цзинь Вэньцина — нести траур по отцу. Затем они опубликовали извещение о смерти друга и устроили в честь его поминки, на которые собралось немало народа.

Через некоторое время друзья покойного решили уговорить госпожу Чжан со всей семьей вернуться на юг. Но не успели они приступить к осуществлению своего плана, как во внешней политике Китая произошло грандиозное потрясение. У людей уже не осталось времени заниматься личными делами, а потому автор тоже не будет их описывать. Вы спросите, чем было вызвано это потрясение?

Оказывается, сразу, как только восстание тонхаков приняло угрожающие размеры, корейский король обратился за военной помощью к маньчжурской династии. Корея в течение нескольких сот лет была послушным вассальным владением нашей страны, к тому же мятеж Ким Ок Кюна и Хон Ен Сика в 1884 году тоже подавлялся воинами Поднебесной. Естественно, никто не удивился, когда и на этот раз были вызваны китайские

войска. Диктатор севера Ли Хунчжан приказал бригадному генералу Лу Тунъи во главе трехтысячной ялонинской конницы и пехоты и корпусному генералу Янь Цзычао во главе полугоратысячной хуайской армии выступить на помощь Корее. Неожиданно Япония, услышав о передвижении наших войск, решила воспользоваться тяньцзиньским договором о совместной обороне и также направила значительные силы своему посланнику в Сеуле Отори Кэйсукэ.

Когда мятежники были усмирены, Китай потребовал вывода войск. Однако не тут-то было: Япония не только не вывела армию, но даже отказалась признать Корею китайской вассальной территорией и предложила Китаю совместно вершить ее внутренними делами. Маньчжурский двор несколько раз в строгих тонах отклонял домогательства, но Япония продолжала посылать в Корею все новых и новых солдат и генералов, готовясь к решительному разрыву с нашим государством.

Увидев это, Ли Хунчжан отправил за Ялуцзян Неколебимую армию во главе с Ма Юйкунем и Мукденскую армию под предводительством Цзо Богуя, чтобы занять оборонительные позиции под Пхеньяном, но, будучи человеком пожилым и опытным, действовал осторожно, не решаясь давать повода для военного конфликта. Одновременно он обратился к правительствам Англии, России, Франции и Германии с просьбой о посредничестве. Языки дипломатов распухли, во все стороны мчались телеграммы и депеши. Достаточно сказать, что от одного только генерального штаба диктатора севера в столичную Палату внешних сношений в день поступало не меньше ста пакетов. Но чем долгие велись переговоры, тем наглее становилась Япония. Важнейшие опорные пункты Китая сдавались без сопротивления, моральный дух армии все понижался. Когда вести об этом докатились до Пекина, многие закипели от справедливого гнева. Сердца честных патриотов обливались кровью. Сановники настойчиво уговаривали императора взяться за оружие, а в деревнях распевали героические песни. В чайных, кабаках, на улицах и переулках слышался сплошной вопль:

— Войну! Начать войну! Начать войну с японцами!

Трудно было представить себе, что в столь тревожное время, да еще в такую изнуряющую жару, найдутся два человека, которые, захватив с собой коробочки с тушечницами и подставки для кистей, отправятся в парк

Десяти храмов, что находится за Задними воротами города, чтобы там в одном из кабачков пить вино и горячо обсуждать собственное сочинение. Не кажется ли тебе это странным, читатель?

Огромный, словно круглый поднос, диск солнца в небе, тысячи распутившихся цветов, похожих на яркую парчу, темно-зеленые Западные горы и бордовые стены Внутреннего города в далеком тумане — все это, казалось, плыло навстречу взору, подхваченное летним ветром. Возле открытого застекленного окна кабачка, защищенного резной решеткой, стоял бамбуковый столик, на котором в живописном беспорядке были разбросаны фрукты, овощи, чайная посуда, чайник с вином, тушечницы с остатками туши, клочки бумаги и старые кисти для письма. За столом сидел обнаженный до пояса мужчина атлетического сложения с густыми бровями и большими глазами, Его коса была закручена на макушке в виде пирамиды. Слева от него сидел сухощавый человек с благородным, открытым лицом, одетый в фиолетовый халат из грубого полотна и обмахивающийся веером из орлиных перьев. Вы спросите, кто были эти двое? Они уже знакомы вам: первый — лауреат последних столичных экзаменов Чжан Цянь, второй — придворный историк Вэнь Динжу. Оба были уже изрядно пьяны и, раскрасневшись, вели душевный разговор, превратив место наслаждения женщинами и вином в комнату для разработки секретных планов. Вэнь Динжу вскинул голову, повел бровями и, подняв огромную винную чашу, опрокинул ее себе в глотку.

— Все пропало, все пропало! — хлопнув рукой по столу, заплетающимся языком промолвил он. — Говорят, король Кореи и его супруга взяты в плен, в Асане идут бои! А Ли Хунчжан по-прежнему сидит сложа руки и ожидает от послов Англии и России вестей о перемирии! Не удивительно, что один цензор собрал в кумирне Сосен и бамбуков всех своих коллег и предложил составить против него обвинительный доклад императору! Несколько дней тому назад Чжуан Хуаньин осмелился привести японского посла Комуру Дзютаро на придворную аудиенцию и наговорил немало дерзостей государю! Я не упрекаю Чжуан Хуаньина, который давно преклоняется перед иностранцами, но не понимаю нашего учителя Гун Пина, который, будучи вице-канцлером, не пресекает подобных поступков. Вчера во время аудиенции я потратил для этого немало слов. Неужели

старикашка все еще не понял вреда политики соглашательства?

Чжан Цянь закинул голову и рассмеялся:

— Наверное, начал понимать понемногу, но до усвоения еще далеко! Позволь спросить, что ты вчера говорил ему?

— Что говорил?! Говорил, что намерение напасть на нашу страну возникло у Японии не случайно, на это есть по крайней мере четыре причины. В 1884 году мы взяли в плен японского ставленника Ли Ха Ына, поэтому Японии не удалось добиться своего, и она стремится отомстить за старую обиду. Во-вторых, после открытия корейских портов Китай захватил все таможни. Японский двор потерял источник наживы и сейчас был бы не прочь отвоевать привилегии. В-третьих, когда по случаю кончины корейской королевы наша династия отправила послов в Корею для выражения соболезнования, они были приняты с высшими почестями — не то что японские послы. Естественно, что сейчас они завидуют нашему авторитету. В-четвертых, Ким Ок Кюн, который долгое время пользовался поддержкой Японии, погиб в Китае, и даже труп его был разрублен на части *. Неплохой удар по японской физиономии! Вот сейчас они и хотят смыть с себя позор! Если собрать воедино все эти факты, то становится ясным, что конфликт с Японией назревал уже в течение нескольких десятилетий, а восстановление тонхаков и посылку китайских войск в Корею японцы использовали лишь как предлог для вмешательства. Голодные тигры всегда лезут в драку, ночные волки вечно считают себя непобедимыми. Если теперь не проучить их как следует, а полагаться только на пустые уговоры иностранных держав, Японию никогда не призвать к порядку. Каждый день колебаний — это еще один упущенный случай! Нельзя позволять ей шаг за шагом обгонять нас, иначе потом придется раскаиваться! Вот что я говорил. Как ты на это смотришь?

— Твои доводы ударяют в самую точку! — закивал головой Чжан Цянь. — Мне тоже кажется, что со времени франко-аннамской войны, в которой незначительная победа при Чжэньнэне, конечно, не могла компенсировать грандиозный разгром при Мавэе, авторитет нашего государства очень ослаб. Все нас обижают, и я часто побаивался: если какая-нибудь из крупных держав вроде Англии, России, Франции или Германии вздумает

с нами потягаться, то мы пропали. Можно ли было вообразить, что первым в затруднительное положение нас поставит крошечное островное государство, которое, хотя и усилилось за последние годы в результате реформ, не обладает ни приличной территорией, ни финансовой мощью! Если эти жалкие твари пытаются преградить нам дорогу, то что мешает нам, львам, нагнать на них страху и переловить их всех, как зайцев? Это позволило бы нам показать свою силу и отучить другие государства бросать на нас наглые взоры.

Таким образом, из соображений внешнего порядка нам безусловно полезна немедленная война. К тому же Китай только что создал свой флот. Во время последних объединенных маневров Ли Хунчжан подал двору хвастливое донесение, но бумаги остаются бумагами, а флот не имеет никакого боевого опыта. Большинство сухопутных армий: маньчжурская, зеленознаменная, хуайская, хунаньская — тоже бездельничают с самого подавления мятежа длинноволосых. Боюсь, что за длительный мирный период солдаты отвыкли от оружия и сейчас самое время небольшой войной напомнить им, что такое пороховой дым и град пуль. Это для них будет развлечением вроде осенней охоты или весенней прогулки, и в дальнейшем, если снова запылают огни на маяках *, их уже не испугает грохот боевых барабанов. Таким образом, война необходима и с точки зрения внутреннего положения. Сегодня утром я изложил эти соображения в докладе Гун Пину. Не скрою, что теперь учитель уже отошел от общего мнения и начал всеми силами поддерживать идею войны. Говорят, канцлер Гао Янцзао и помощник министра Цянь Дуаньминь тоже выступили за войну. Вот увидишь: не пройдет и нескольких дней, как мы прочтем открытое заявление о начале военных действий. Если у тебя есть свое суждение на этот счет, воспользуйся благоприятным случаем и скорее подай его двору!

Вэнь Динжу вскочил и, налив полный бокал вина, воскликнул:

— Радостная весть, которую ты принес, приятнее бряцания копий! Надо выпить за это до дна!

Он одним духом осушил бокал, положил в рот несколько свежих семян лотоса и продекламировал:

С побережья Восточного моря
Поплыву я к Японии вскоре:

Буду алчен я там,
Как свинья,
Как прожорливая змея.

— Как ты смел, Вэнь Динжу! — восхитился Чжан Цянь.— Ты и в самом деле хочешь бросить кисть и взяться за копьё?

— Ну что ты! Я сегодня написал доклад, в котором прошу императора выступить в поход против японцев. Хотел было сразу же передать его, но затем подумал, что одного моего имени будет недостаточно: как-то несолидно и одиноко звучит. Поэтому я и позвал тебя сюда посоветоваться. Может быть, подпишешься вместе со мной?

Он вытащил из кучи бумажек, валявшихся на столе, черновик доклада и протянул его Чжан Цяню. Первое, что тот увидел, было заглавие, в котором излагалась суть дела: «Нижайше прошу как можно скорее послать военную эскадру для прочесывания Японского моря и захвата важнейших опорных баз. Это наглядно продемонстрирует силу нашего государства и явится небесной карой преступникам».

— Великолепный план! — воскликнул Чжан Цянь, хлопнув рукой по столу.— Ведь не забравшись в логово тигра, не достанешь тигрят! К сожалению, командующий флотом труслив, как мышь, и понимает обстановку не лучше одного художника, у которого на картине вместо тигра получилась собака! — Он вытащил из кармана листок бумаги и вручил его Вэнь Динжу.— Ты посмотри только, какую телеграмму Ли Хунчжан послал Дин Юйтину! И смех и грех!

Вэнь взял листок и прочел:

«Командующему флотом Дину.

В ответ на вашу телеграмму сообщаю, что Асан находится вовсе не в Китае: вы, вероятно, не разглядели как следует карту. Не поддавайтесь беспочвенным страхам: если ваша эскадра пойдет к Асану, то это еще не значит, что японцы немедленно начнут войну. А жителям вашей провинции тем более ничто не угрожает, пусть спят спокойно. Можете не плыть пока к Асану — Янь Цзычао обладает достаточными силами, чтобы продержаться там одному. Но в будущем Россия предполагает направить туда военные корабли, и тогда я, возможно, пошлю вас наблюдать за боем. Наберитесь храбрости!»

Дочитав телеграмму до конца, Вэнь Динжу громко расхохотался:

— Наверняка Ли Хунчжан послал его к берегам Кореи на соединение с асанскими войсками, а Дин Юйтин струсил и, притворившись, будто готовится отразить внезапное вторжение японцев, попросил у северного диктатора замены! Вот Ли Хунчжан и ответил ему такой язвительной телеграммой. Теперь из этой истории выйдет великолепный анекдот на целое тысячелетие! И все-таки очень прискорбно, что морские границы нашей огромной страны охраняются подобными ничтожествами. Если в один прекрасный день случится несчастье, Ли Хунчжану этого не простят!

— Я слышал, что хунаньский губернатор Хэ Тайчжэнь позавчера подал доклад диктатору севера и смело рвется в бой,— заметил Чжан Цянь.— Стремясь повторить историю Ду Юя *, который с деревянной флотилией сумел отвоевать весь юг, он просит назначить его командующим эскадрой боевых кораблей. Ли Хунчжан хохотал до колик, когда получил это письмо, но ответа так и не послал. А мне кажется, что Хэ Тайчжэнь хотя и книжник, но человек смелый. Он способен проглотить все Восточное море. Если бы его действительно назначили командующим, то, кто знает, может быть, он и в самом деле добился бы удивительных успехов!

Подливая друг другу вино и болтая, приятели успели несколько раз пролистать рукопись доклада. Чжан Цянь исправил кистью две-три фразы и поставил свою подпись.

— Я полагаю, сначала стоит показать этот черновик учителю Гун Пину, а потом уже представлять,— сказал он.— Каково твое мнение?

Вэнь Динжу задумался, но не успел ответить, потому что на лестнице вдруг послышались торопливые шаги и какой-то человек, весь мокрый от пота, откинув дверную занавеску, прерывающимся голосом обратился к Чжан Цяню:

— Оказывается, господин здесь! Его превосходительство Гун Пин только что прислал нарочного, который сообщил, что Япония уже начала с нами войну. Английский корабль «Высокий взлет» с солдатами потоплен, асанская эскадра разбита. Его превосходительство очень обеспокоен. Канцлер Гао Янцзао сейчас находится у него, и они хотят посоветоваться с вами по важному делу!

Приятели всполошились, быстро собрали черновик доклада, уплатили по счету и спустились вниз. Сев в коляски, они отправились к Гун Пину.

Воистину:

Ученого мужа звезда
В полночь поблекла *, мерца,
А утром багряный диск *
Осветил просторы Китая!

Если хотите узнать, по какому важному делу министр вызвал Чжан Цяня, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

МИНИСТР ИЩЕТ ЖУРАВЛЯ, НЕ ПОНИМАЯ,
ДЕЛАЕТ ОН ЭТО ВО СНЕ ИЛИ НАЯВУ.
ГУБЕРНАТОР ХВАСТАЕТСЯ ПЕРЕД СВОИМИ ПОДЧИНЕННЫМИ,
ЧТО ПОКОРИТ ВРАГОВ БЕЗ БОЯ

Итак, покинув кабачок в парке Десяти храмов, Чжан Цянь и Вэнь Динжу сели в коляски и отправились в восточную часть города. Миновав Дунданьскую арку, они спустились по бульвару ко Второму переулку. Коляска Вэня ехала быстрее, поэтому он первым увидел на углу большую толпу людей, которые рассматривали какое-то объявление. Лениво повернув голову, Вэнь Динжу вдруг обнаружил, что объявление весьма необычно: оно было написано не уставным шрифтом, а древним почерком. Тогда он приказал кучеру остановить коляску, всмотрелся в объявление и увидел в верхней его части четыре больших иероглифа:

«Разыскивается журавль».

Знаки были написаны очень своеобразно, с присущей древним простотой. Кто мог сделать это, кроме Гун Пина? Вэнь Динжу торопливо соскочил на землю. В этот момент подоспела коляска Чжан Цяня.

— Зачем ты вышел? — приподняв штору, крикнул тот.

— Иди скорей сюда! — махнул рукой Вэнь Динжу. — Полюбуйся на искусство старика Гун Пина!

Чжан вылез из коляски. Они оба пробились сквозь толпу и, подняв глаза к висевшему на стене объявлению, прочли:

Господа, проходящие мимо,
Прошу вас, внемлите мне:
Я рассказать осмелюсь

Сон, отнявший покой.
Радугу на востоке
Вчера я видел во сне,—
Она, мой дом обвивая,
Вдруг стала черной змеей!

Как сладкий тростник, смакуя,
Журавля глотала змея,
Когда же проснулся — ветер
Бешеным тигром выл.
«О страшное сновиденье!» —
Вздвогнув, подумал я,
Видя, что клетка открыта,
Что след журавля простыл.

В сторону Ляодуна *,
Сердцем скорбя, гляжу:
Того, господя, кто в клетку
Моего журавля возвратит,
Буду благодарить я
И, не скупясь, награжу.
Внимательно прочитайте,
Каков он, журавль, на вид.

Крылья — белее снега,
Когда летит в вышине,
Сам черный, нога — в три коленца,
Красный у глаз хохолок.
Теперь журавля размеры
Описать разрешите мне:
Пожалуй, он лебеда выше,
Но не так, как страус, высок.

Аршин он трех достигает,
Стоит на земле пока.
К этому я добавлю,
Нравом журавль каков:
Когда поднимает очи,
Смотрит на облака,
А сверху глядит на куриц —
Словно на муравьев!

Крик журавля с болота
Уносится к небесам.
Кто журавля отыщет
И сможет мне передать,
Десять серебряных слитков
Тому в награду я дам!
А тот, кто напишет, где он,
Получит в награду пять!

— Какое великолепное подражание стихотворению Дай Ляна * «Сирота разыскивает отца!» — воскликнул Вэнь Динжу.— Не только стиль иероглифов, но и сам язык напоминают о древности!

— Да, старик Гун Пин нечасто пользуется древними почерками, но уж зато когда начнет, то пишет резко и своеобразно, в манере Лян Гу,— подхватил Чжан Цянь.— В его иероглифах не найдешь мягких линий, характерных для школы Цай И *, Воистину, почерк отражает характер человека!

Вэнь Динжу вздохнул:

— Увы! Сейчас, когда внутренние смуты и внешние опасности следуют друг за другом и к Гун Пину прикованы взоры всей Поднебесной, я могу только пожалеть, что он отвлекает себя подобными безделушками!

Перебрасываясь короткими фразами, друзья незаметно вошли в переулок.

— Давай дойдем пешком! — предложил Вэнь Динжу.

Вскоре они оказались у дома Гун Пина. Слуга подал старому привратнику их визитные карточки, и тот провел приятелей прямо в сад. В глаза Чжан Цяню бросилась недавно отстроенная беседка для журавлей. Сейчас там осталась только одна птица. Оконные переплеты в доме были вынуты, а вместо них повешены сверкающие жемчужные занавески, на которых всеми цветами радуги переливались лучи вечернего солнца. Министр Гун Пин с улыбкой вышел навстречу друзьям.

— Вэнь Динжу тоже пожаловал! Очень хорошо! Где вы встретились? А мы с Гао Янцзао как раз хотели с вами посоветоваться!

Канцлер Гао Янцзао — человек с полным лицом, толстой шеей и длинной седой бородой — сидел за столом и ел сладости. На нем был светло-желтый халат из грубого шелка, перетянутый поясом с подвесками из яшмы. Привстав, канцлер поклонился вошедшим и спросил, не голодны ли они.

— Мы с Вэнь Динжу только что вволю наелись в кабачке парка Десяти храмов,— ответил Чжан Цянь.— Динжу составил проект морского нападения на Японию и хотел заручиться моей подписью, чтобы совместно подать его двору. Кстати, ведь Япония уже решилась на провокацию, потопив наш корабль с солдатами, почему же двор до сих пор не издал манифеста о начале войны?

— Ты ведь знаешь, что мы с Гао Янцзао давно участвуем в обсуждении корейских дел в Государственном совете! — вздохнул Гун Пин.— Сегодня, когда нам сообщили о разгроме асанской эскадры, мы выступ-

пили за объявление войны, но князь Блестящий и Чжун Цзуу стали возражать, сославшись на телеграмму Ли Хунчжана, в которой он просит подождать ответа от английского посланника о результатах посредничества. Что мы могли поделаться?

— Все может погибнуть от того, что диктатор севера возлагает надежды на иностранцев! — с гневом воскликнул Вэнь Динжу.— Внешне это выглядит как мудрая неторопливость, а на самом деле — просто потеря времени. У иностранцев свои цели, разве можно доверять им?

— Все это мы понимаем, дорогой друг! — возразил канцлер Гао Янцзао.— Но сейчас положение при дворе совсем не такое, как десять лет назад! Внешняя политика целиком в руках Тайного совета, а внутренней заправляют евнухи. Ли Хунчжан потому и может быть так упрям и заносчив, что при дворе с каждым днем усиливаются разногласия. Когда нас с Гун Пином послали на совещание, вдовствующая императрица приказала нам быть осторожнее и не допустить такого просчета, как в прошлый раз, во время войны с французами! Эх! А по-моему, нам не избежать провала! Я не суверен и не придаю значения разным предзнаменованиям, но судите сами: первого февраля, в полдень, вокруг солнца появились темные круги, несколько дней назад страшный вихрь сломал дворцовые ворота, вместе с дождем падают песок и галька, земля возле беседки Безмятежности гудит!.. Если собрать все эти факты и составить «Описание явлений природы» *, то получится настоящий список дурных примет. Боюсь, что и человеческие дела, и небесные перемены сулят нашему государству грандиозные потрясения!

Министр Гун Пин нахмурил брови и вздохнул.

— Слова господина Гао напомнили мне странный сон, который я видел позавчера. Надо сказать, что после смерти Пань Цзунъиня мне тоже снились всякие удивительные вещи: какой-то седобородый старик ведет меня по каменной лестнице в глубокий туннель. В конце туннель вдруг расширяется, и мы входим в богато убранный зал, напоминающий собой храм. В центре его висит стеклянная неугасимая лампада, а за ней — огромная божница, покрытая красным лаком, с изображениями трех святых. У среднего — благородное, открытое лицо, на голове — повязка. Одет он во все древнее, словно фигуры из храма императора Уди *. В левой руке он держит большую черепаху, а лицо точь-в-точь как у

Пань Цзунъиня. Справа от него сидит святой в длинной одежде, похожей на монашескую хламиду. Рядом с ним — белый журавль. Третий прижимает к груди обезьяну. Все его платье расшито, но не похоже на наши халаты с четырехпальными драконами *. Лицо закрыто красным платком, и не разобрать, кто это. Спрашиваю седобородого старика, а он только улыбается и молчит.

Вначале я подумал, что этот сон вызван воспоминаниями о покойном друге. Но потом я видел тот же сон еще много раз, и притом без всяких изменений. Это поразительно! А позавчера передо мной возникло еще более странное видение: как будто после полудня солнце погружается в мрачные тучи, а с востока поднимается какой-то красный круг, блестящий, точно утреннее солнце. Внезапно диск издает странный звук и превращается в длинную радугу, которая начинает обвиваться вокруг моего дома, словно змея. Я испугался, вгляделся пристальнее и увидел, что это уже не радуга, а огромный удав, да притом черный, а не красный. Комната тоже вдруг приняла вид храма, в котором я видел три статуи. Удав протягивает голову, раскрывает пасть и живьем проглатывает белого журавля, стоящего возле одной из статуй. Я закричал, проснулся и тут только понял, что это был сон. До меня доносится страшный вой ветра, способного сдвинуть горы и перевернуть море, треск ломающихся деревьев, стук оконных рам. Тут вбегают мой племянник и его сын и кричат: «Какой сегодня страшный ветер! Беседку с журавлями опрокинуло, один из них улетел на юг!»

Услышав это, я понял, что сон сулит дурное, и здесь мы сходимся с господином Гао Янцзао: сильный ветер и крик журавля явно предвещают войну. Племянник увидел, что я невесел, и решил, что это из-за птицы. «Журавль вряд ли улетел далеко,— начал он успокаивать меня.— Почему бы нам не вывесить объявление и не назначить награду за его поимку?» Я машинально взял кисть и набросал стихотворение о пропаже журавля в подражание «Сироте, разыскивающему отца» Дай Ляна. Написал я его древним почерком и велел вывесить на улице. Вы, наверное, видели его, когда проезжали мимо? Мудрые братья должны понять, что хотя это объявление всего лишь стихотворная шутка, его можно сравнить скорее с «Досадой одинокого» Хань Фэй-цзы, чем с «Беззаботным витанием в облаках» Чжуан-цзы *.

— Господа, вы, по-видимому, просто забыли о своем долге,— с суровым выражением лица произнес Чжан Цянь.— Вы, являющиеся опорой трона и благодатным дождем для народа, сейчас вдруг начали рассуждать о неблагоприятных явлениях природы и толковать сны! Подобные занятия к лицу ученым-неудачникам, прозябающим в своих соломенных хижинах! Но вы ведь крупные сановники, стоящие у кормила власти! Разве пристало вам горестно вздыхать и вести такие легкомысленные разговоры?! На мой непросвещенный взгляд, чем больше трудностей возникает перед государством, тем смелее надо бросать всю свою энергию на его спасение. Главное — не предаваться пустой болтовне, а искать выход!

Гао Янцзао язвительно усмехнулся:

— Ваши упреки вполне справедливы. Но как раз найти выход и есть самое трудное. Скажите, проект Вэнь Динжу о морском нападении на Японию — это болтовня или реальное средство?

— Мой доклад был написан до известия о разгроме асанской эскадры и сейчас уже никуда не годится,— скромно заметил Вэнь Динжу.— Однако в процессе вашего разговора мне пришло в голову несколько примитивных способов.

— Мы пригласили вас как раз для того, чтобы обсудить самые первоочередные меры! — подхватил министр Гун Пин.

— Мой план таков: прежде всего в сложившейся ситуации не может быть и речи о примирении, а потому нужно немедленно добиваться императорского указа о начале военных действий. Необходимо объявить об этом всем государствам и не плясать больше под дудку Ли Хунчжана.

Второе: надо сменить руководство. Нынешние члены Тайного совета устали и распустились. Если по-прежнему полагаться на их личные симпатии, старческую мягкость и трусость, то разве сможем мы найти выход из столь чрезвычайных обстоятельств?! Лучше уж снова сделать главой князя Благонамеренного, да и вы, уважаемые господа, не должны скромничать! Надо возродить былую славу страны, поблекшую после войны с Францией!

Третье: следует тщательно выбрать главнокомандующего. А то сейчас генералы пехотных армий, находящиеся на передовых позициях, не получают никаких

указаний, и каждый из них сам себе хозяин. На пост главнокомандующего нужно назначить кого-нибудь из опытных и дальновидных военачальников, а адмирала Дин Юйтина, который сидел сложа руки и не помог асанской эскадре, надо во что бы то ни стало сместить и строго наказать!

— Я хотел бы кое-что добавить к этому! — вставил Чжан Цянь. — Если мы хотим навести порядок внутри страны, то необходимо приостановить подготовку ко дню рождения вдовствующей императрицы, изгнать евнухов, захвативших слишком большую власть, и установить мир между двумя дворцами *. Нельзя также вести военные действия, опираясь только на хуайскую армию: необходимо привлечение генералов хунаньской армии. Командующим пехотными войсками лучше всего назначить Лю Икуня, а для командования флотом надо подобрать смелого человека. Раз Хэ Тайчжэнь высказывает решительное желание отправиться на войну, почему бы не использовать его боевой задор? Когда Пэн Юйлинь появился на политической арене, он не был адмиралом, а тоже происходил из заядлых книжников...

Чжан Цянь не успел высказать до конца свою мысль, так как слуга доложил о приходе его превосходительства Цянь Дуаньминя. Министр Гун Пин велел просить, но Цянь уже входил в гостиную.

— Я только что получил телеграмму от Хэ Тайчжэня из Хунани, — начал он, поздоровавшись с присутствующими. — Хэ рвет и мечет. Узнав о поражении под Асаном, он решил пожертвовать жизнью и настойчиво просит дать ему военную эскадру для прямого нападения на Токио. Если ему этого не разрешат, он сам выведет свою хунаньскую армию за заставу Шаньхайгуань и создаст против Японии сухопутный фронт. Опасаясь, что Тайный совет сознательно станет мешать ему, он поручил мне ходатайствовать за него перед вами. Уважаемые господа Гао Янцзао и Гун Пин, помогите ему осуществить свое намерение, иначе он будет вынужден приехать за разрешением в столицу! Пока он еще не представил об этом доклада императору, так как ждет от меня ответной телеграммы. Я узнал, что господин канцлер тоже здесь, это и заставило меня в столь неурочный час явиться за советом!

Гун Пин улыбнулся:

— Ну и неумен твой Хэ Тайчжэнь! Чжан Цянь только что рекомендовал его в командующие флотом,

пост!

— Диктатор севера все время покрывает Дин Юитина, Государственный совет также с завидным рвением выступает в его защиту. Сменить сейчас командование флотом невозможно! — возразил Гао Янцзао.

— Хотя сменить командующего и не представляется сейчас возможным, — торопливо подхватил Гун Пин, — однако ты, Дуаньминь, можешь послать Хэ Тайчжэню телеграмму. Удержи его от поездки на север, а доклад трону пусть подает. Его верность, мужество и самоотверженное стремление братья за самое трудное заслуживают всяческого уважения. Мы ни в коем случае не должны разочаровывать его. Не так ли, господин Гао Янцзао?

Канцлер утвердительно кивнул. Цянь Дуаньминю рассказали обо всем, что говорилось до него, и он горячо одобрил придуманные меры. После тщательного обсуждения план первоочередных действий был готов. Цянь тут же составил ответ Хэ Тайчжэню и, вызвав слугу, велел отнести его на телеграф. Поболтав еще немного о разных пустяках, все разошлись.

Вы спросите, почему Хэ Тайчжэнь не захотел спокойно губернаторствовать, а изъявил смелое желание отправиться на фронт? Идея бросить кисть и взяться за оружие появилась у него уже давно, и виной этому была еще одна маленькая история, которую нелишне здесь рассказать. Вы помните, что в первые годы правления императора Гуансюя Хэ Тайчжэнь занимал видное место в партии бескорыстных и считался редким талантом, которые встречаются на свете не чаще, чем единорог или феникс. От природы он обладал чрезвычайно ясным умом и был весьма честолюбив, досадуя, что не все в области науки, начиная с древности, создано им одним. Правда, умение разбираться в надписях на камне и бронзе, книгах и картинах было его коньком, но мог ли он удовлетвориться столь малым? В рассуждениях о мысли и чувстве, знании и действии он уступал Лу Цзююаню и Ван Янмину *, — он сам понимал это, — зато в расшифровке древних надписей и оценке предметов старины, несомненно, мог считаться вторым Сюэ Шангуном или Жуань Юанем! * Сей знаменитый ученый занимался сбором средств для пострадавших от стихийных бедствий, успешно трудился на строительстве речных дамб и постепенно превратился в не менее знаменитого адми-

нистратора. Его подвиги в установлении границ под Гирином и служба в канцелярии диктатора севера принесли ему славу чиновника, одинаково способного как в гражданских, так и в военных делах. Во время войны между Францией и Аннамом придворные сановники, завидуя успехам Цэн Гофаня и Цзо Цзунтана *, любили порассуждать на бумаге о военной стратегии. Это стало своего рода поветрием, но Хэ Тайчжэнь здесь особенно отличился. Двор со своей стороны очень доверял бывшим литераторам *, поэтому Чжуан Юпэй был послан укреплять морские границы, а Хэ Тайчжэнь — отдан в распоряжение диктатора севера. Впоследствии Чжуан Юпэй потерпел поражение, был разжалован и сослан. Но Хэ Тайчжэню еще удалось съездить послом в Сеул. Там он в 1885 году вел дело Ким Ок Кюна и вместе с Ли Хунчжаном заключил договор с японским премьером Ито Хиробуми об обязательном взаимном извещении в случае посылки войск в Корею. Можно сказать, что всю жизнь ему в парус дул попутный ветер, и его слава чиновника, обладающего военными и гражданскими талантами, все увеличивалась. А после того как он написал книгу «Комментарии десяти ученых к трактату Сунь-цзы» и брошюру «О прицеливании из ружей и пушек», жители всей Поднебесной начали взирать на него с надеждой, и каждый был готов назвать его если не Хойгунном, то, по крайней мере, Се Фу *. Так он дослужился до губернатора провинции, едва заступив на должность, стал трудиться без устали и усердно проявлял свою любовь к народу.

С одной стороны, Хэ Тайчжэнь уделял большое внимание культуре и просвещению, а поэтому привлек к себе многих дотоле неизвестных ученых из числа своих земляков, которые отличались хоть каким-нибудь талантом. Так, появились возле него редактор академии «Лес кистей», письмоводитель Императорской канцелярии, начальник уезда, художник и даже бродячий торговец антикварными вещами. Все эти гении толпились в прихожей Хэ Тайчжэня, создавая картину невиданного дотоле процветания.

С другой стороны, он установил связи со старыми генералами хунаньской армии. Питая к военному делу особую страсть, он сделал одного из этих генералов своим ближайшим помощником и готовился в минуту опасности пролить кровь за отчизну. Сейчас он не был полностью удовлетворен. Ему хотелось, чтобы его слава

разнеслась далеко за пределы Китая и затмила собой легенды о подвигах Цзэн Гофаня и Ху Линьши *.

И тут, на его счастье, начались переговоры с Японией! Диктатор севера отступал шаг за шагом, общественное мнение возмущенно бурлило... Однажды, когда служебные дела были закончены, Хэ Тайчжэнь пригласил всех своих земляков-сослуживцев на маленькую пирушку. Полубоавившись для порядка на каллиграфические прописи и картины, повертев в руках древние треножки и сосуды для вина, гости не удержались и заговорили о бесчинствах японцев в Корее.

— В тот год, когда в Тяньцзине заключали договор, я был одним из полномочных представителей, — промолвил Хэ Тайчжэнь. — В договоре было всего три статьи, и вторая из них гласила о том, что обе стороны должны извещать друг друга в случае посылки войск. Сейчас я понимаю, что эта статья была роковой ошибкой. Если бы ее не было, Япония не нашла бы сейчас предлога для вторжения в Корею. Меня часто гложет раскаяние за то, что я участвовал в составлении этого договора. Если Япония начнет против нас открытую войну, я сброшу с себя чиновничий халат и отправлюсь на поле боя, чтобы смертью искупить свой грех!

— Вы слишком строго судите себя, учитель! — попытался успокоить его Ван Цзышэн. — Япония бесчинствует сейчас главным образом потому, что разглядела нашу слабость. Ей все известно о разногласиях при дворе, она задумала нанести нам оскорбление и воспользовалась этим предлогом, чтобы испытать силу своей новой армии. Ее вылазка совершенно не зависит от упомянутой статьи, а если даже и зависит в какой-то степени, то все равно главную ответственность за договор несет Ли Хунчжан! Зачем вам принимать на себя всю вину? Война вещь опасная, не стоит так легкомысленно рисковать собой!

Другие поддержали Ван Цзышэна, заявив, что учителю совсем не стоит покидать насиженное место и подвергать себя риску. Хэ Тайчжэнь громко захохотал:

— Вот как вы за меня беспокоитесь! Значит, вы думаете, что мне лучше просидеть всю жизнь, зарывшись с головой в книги и антикварные безделушки? Вы не хотите, чтобы в Сучжоу появился новый Лу Сюнь?! *

Он еще не кончил своей тирады, когда в дверях показался довольный Юй Ханьцин, держа в руках небольшую коробочку, обтянутую древней парчой.

— Сегодня я нашел для учителя одну редкость! — радостно воскликнул он.— Она не только подлинна, но и является хорошим предзнаменованием. Если вы хотите взглянуть на нее, то должны сначала выпить за мою удачу!

Хэ Тайчжэнь засмеялся:

— Не хвастайся раньше времени! Нашел, наверное, какую-нибудь подкову и собираешься выдать ее за древнюю монету. Я не Пань Цзунъинь и не попадусь на твою удочку, старый пройдоха! Показывай, тогда и говорить будем!

— Вы напрасно меня обижаете! Это подлинная ханьская печатка, передававшаяся из рода в род. Хозяйину она досталась от предков, и он ни за что не хотел ее продавать. Я поднял на ноги целую кучу людей и с большим трудом выцарапал печать за двести серебряных лян. На нее даже есть специальный лист, в котором расписывались знаменитые эксперты. Завтра я принесу вам его, а пока посмотрите!

И антиквар обеими руками поднес коробочку Хэ Тайчжэню. Тот раскрыл ее и увидел квадратную, в вершок величиной, печатку из ханьской меди, на которой было искусно отлит приготовившийся к прыжку тигр. Хэ перевернул печатку. Здесь стояли четыре иероглифа, выгравированные в древнем стиле: «Генерал, перешедший реку Ляохэ» *.

Лицо Хэ Тайчжэня просветлело. Он схватил кубок, до краев наполненный вином, и одним духом выпил его.

— Эта печатка как раз отвечает моим замыслам! — воскликнул он, хлопнув ладонью по столу.— Древний иероглиф «переходить» сейчас означает «переплывать», а переплывать можно только на кораблях. Все решено!

Он нетерпеливо потребовал бумагу и кисть. Гости недоумевающе переглядывались. Слуга принес кисть, обильно смоченную в туши, Хэ Тайчжэнь взмахнул ею и моментально набросал на бумаге больше сотни иероглифов. Тут только гости разглядели, что он пишет телеграмму диктатору севера Ли Хунчжану. Хэ сообщал, что все его сослуживцы рвутся в бой с Японией, и просил выделить ему военную эскадру для того, чтобы отправиться с ней на передовые позиции. Закончив писать, он поставил на телеграмме гриф «срочно» и передал ее слуге с приказанием тотчас бежать в почтовое отделение. Подчиненные не осмелились больше отговаривать его.

Итак, печатка оказалась главной причиной, побудившей Хэ Тайчжэня выступить с восхвалением собственной храбрости. Ответа долго не было: телеграмма канула точно камень в море, а тем временем каждый день прибывали вести одна тревожнее другой, свидетельствующие о том, что разрыв между двумя государствами неизбежен. Потоплен крейсер «Высокий взлет», пал Асан, большое поражение под Сонхуаном,— зловещие слухи летели словно хлопья снега. Командующий Янь Цзычао, ссылаясь на несуществующие победы, домогался у двора премии в двадцать тысяч лян и повышения в чине для нескольких десятков генералов и офицеров. Благородный гнев переполнял грудь Хэ Тайчжэня. Он составил длинный телеграфный доклад двору, в котором энергично требовал объявления войны. Одновременно он просил разрешения начать подготовку флота и произвести набор солдат в своей провинции с тем, чтобы выступить против врага как на воде, так и на суше. Он хотел отправить доклад сразу же, но Лу Шивэнь удержал его, посоветовав предварительно связаться с Цянь Дуаньминем и узнать, какого мнения по этому поводу придерживаются министр Гун Пин и канцлер Гао Янцзао, так как послать доклад никогда не поздно!

Хэ Тайчжэнь выслушал Лу Шивэня и решил, что тот прав. Поэтому он и обратился сначала за советом к Цянь Дуаньмину.

Ответ Цяня пришел в тот же вечер. Хэ Тайчжэнь прочел его и остался очень доволен. Еще раз просмотрев доклад, он добавил в него имена нескольких старых хунаньских генералов, а заодно приписал к ним своего доверенного Юй Хучэна. Отправив телеграмму, он позвал к себе Юя и велел ему в течение месяца набрать восемь гвардейских батальонов. Кроме того, он распорядился привести в порядок оружие, срочно приступить к обучению солдат, отпечатал тиражом в несколько тысяч экземпляров свою любимую работу «О прицеливании из ружей и пушек» и раздал ее в качестве практического руководства всем батальонным командирам. Затем он собрал членов провинциального управления, начальников областей и уездов, чтобы обсудить с ними проблему заготовки обмундирования и провианта.

Больше месяца у него ушло на завершение различных служебных дел. К тому времени был опубликован высочайший указ об объявлении войны Японии; китайский посол в Токио спустил флаг и вернулся на родину.

Пехотные генералы Янь, Лу и другие по четырем дорогам подошли к Пхеньяну, но в первом же бою были так разбиты японцами, что побросали повозки и знамена. Один только Цзо Богуй отчаянно защищался у городских ворот и был убит наповал шальной пулей.

На море дела шли еще хуже: адмирал Дин Юйтин во главе эскадры в одиннадцать кораблей, среди которых были «Усмиритель дальнего востока», «Покоритель дальнего востока» и «Завоеватель дальнего востока», вступил в решительный бой с двенадцатью кораблями японцев и был разбит наголову. Пять кораблей было потоплено. Капитан «Завоевателя дальнего востока», расстреляв все снаряды, ринулся на таран, однако наскочил на торпеду и затонул. Двор издал указ об аресте Яня и Лу и о предании их суду. Дин Юйтину разжаловали, но позволили ему подвигами искупить свою вину. У Ли Хунчжана отобрали трехглазое павлинье перо и желтую верховую куртку *, поставив во главе войск старого князя Благонамеренного. Кроме того, на фронт были дополнительно посланы четыре соединения, которым предстояло защищать Цзюлянь *. Положение становилось угрожающим.

Одновременно получил телеграфный указ и Хэ Тайчжэнь. Двор порицал его за легкомысленную мечту о подготовке флота, но разрешил набрать двадцать батальонов хунаньской армии, в которую входило восемь батальонов гвардии под командованием Юй Хучэна. Всем им предстояло срочно готовиться к выступлению за заставу.

К счастью, у Хэ Тайчжэня давно уже было все устроено, и его солдаты в результате непрерывной тренировки чувствовали себя в полной боевой готовности. Едва получив императорский указ, он велел Юй Хучэну той же ночью поднять солдат и побатальонно вывести их из города, а сам, уладив все дела в провинциальном управлении, захватил наиболее преданных чиновников и отправился вслед за войсками в Тяньцзинь. Там он намеревался с помощью диктатора севера закупить лучшие винтовки и скорострельные орудия, а также получить в министерстве налогов жалование для солдат. Но в Тяньцзине он неожиданно столкнулся с множеством трудностей: даже заказанные орудия и винтовки нельзя было получить в срок.

Время мчалось быстро, в хлопотах промелькнули три с лишним месяца, а обстановка становилась все хуже

и хуже. Японцы глубоко вторглись в китайские земли, взяли города Фэнхуан, Порт-Артур и Вэйхайвэй. Даже мертвые богдыханы в страхе заворочались в своих могилах. Столица бурлила. Всегда веселый лик вдовствующей императрицы омрачился: теперь она сдвинула брови, погрузилась в самосозерцание и велела приостановить торжественные приготовления к своему шестидесятилетию. Старый князь Благонамеренный был введен в военное ведомство на правах главнокомандующего всеми пехотными и конными силами. Он же разрабатывал планы военных действий. Из Тайного совета вывели двух канцлеров, заменив их Гун Пином и Гао Янцзао. Генерала Лю Икуня послали в качестве императорского уполномоченного контролировать войска, действовавшие против Японии. Хэ Тайчжэнь был придан ему в помощь со строгим приказом о немедленном выступлении.

В это страшное время, когда все кругом чувствовали себя очень тревожно, Хэ Тайчжэнь по-прежнему умудрялся сохранять такой спокойный вид, будто он в праздничной одежде и шелковом поясе ехал на прогулку. Расквартировав свою армию возле заставы, он стал терпеливо дожидаться винтовок и пушек. Только после Праздника фонарей * губернатор с большим шумом выступил за заставу и, приблизившись к Хайчэну, разместил свой штаб в большом старом храме.

Перед храмом была широкая площадь, как будто специально созданная для занятий по стрельбе, а это вполне соответствовало замыслам Хэ Тайчжэня. Его подчиненные могли видеть, как губернатор каждое утро, забрав с собой триста только что обученных гвардейцев, которых он прозвал «батальоном тигров», отправляется на плац и целый день тренирует их в стрельбе по цели. Прodelав эту операцию, он возвращался в свой кабинет и принимал посетителей. После обеда он обычно приглашал к себе кого-нибудь из своих любимцев, рисовал с ними пейзажи, снимал отпечатки с надписей на камнях, а с наступлением вечера закрывал двери и читал при свете лампы.

Все забеспокоились. Особенно тревожился за губернатора редактор академии «Лес кистей» Ван Цышэн, который давно уже хотел усювестить его, но не находил подходящего случая.

Однажды утром, когда чуть забрезжил рассвет, птицы издали свой первый щебет, а Ван Цышэн еще

сладко дремал, не в силах оторваться от теплого одеяла, в комнату вошел унтер-офицер с криком:

— Командующий отправился на стрельбище! Все генералы ждут его там. Мой начальник тоже пошел туда и велел срочно позвать ваше превосходительство!

С этими словами унтер-офицер удалился. Ван Цзышэн вскочил, прополоскал рот, оделся по форме и не спеша вышел на улицу. Северный ветер бил в лицо, все было покрыто снегом, поэтому по пути на плац Ван Цзышэн успел сильно продрогнуть. Возле храма он увидел множество военных, сновавших взад и вперед. У ворот торчали два длинных шеста, покрытых красным лаком. На одном из них развевался огромный флаг с иероглифом «Командующий», а к другому был прикреплен широкий щит, на котором старинным угловатым шрифтом было написано: «Сдающимся даруется жизнь». Справа от ворот, на выбеленной стене, красовалось большое объявление, написанное небрежным почерком в манере Хуан Тинцзяня *. Все надписи были сделаны самим губернатором. В объявлении говорилось:

«Настоящим довожу до всеобщего сведения, что я получил приказ государя командовать хунаньской армией. После трехмесячного обучения мое войско выступило из заставы Шаньхайгуань на восток и в скором времени начнет решительный бой с японцами. Я полтора десятка лет изучал искусство стрельбы, и сейчас обученные мною воины поставлены в авангарде с лучшими винтовками и скорострельными пушками. Неколебимы мои позиции, грозно развеваются знамена. Армия моя только идет вперед, а не отступает, побеждает, а не терпит поражения. Могут ли истощенные долгой войной японские солдаты соперничать с моими воинами?! Но я команду армией, выступающей за гуманные и справедливые принципы, и никогда не считал подвигом убийство. Я сочувствую японскому народу, которого по приказу генералов гонят на кровопролитную войну, чтобы ценой жизни тысяч людей снискать радостную улыбку Отори Кэйсукэ. Я хочу сохранить жизнь народам обоих наших государств и поэтому откровенно заявляю вам, что после боя японским солдатам и офицерам бежать будет некуда. Видите ли вы щит с надписью «Сдающимся даруется жизнь», который я вывесил? Если японцы бросят оружие и встанут на колени под щитом, то я вышлю парламентаря и приму их в свой лагерь. Обещаю кормить пленных два раза в день и обра-

шаться с ними точно так же, как с китайцами. После окончания войны их отправят на родину. Пусть небо и духи подтвердят, что я не нарушу своего обещания. Если же варвары будут сопротивляться и упорствовать, то я берусь разбить их всего лишь в трех схватках. Когда они потерпят поражение во всех трех битвах, пощады им не будет. Пусть подумают над этим, чтобы потом не раскаиваться!»

Ван Цзышэн, одним духом прочитавший объявление, еще восхищался его необыкновенным стилем и мудрым смыслом, когда в храме вдруг раздался громкий крик, извещающий о приходе командующего.

В воротах показался Хэ Тайчжэнь в собольей шапке с коралловым шариком и синем шелковом халате на лисьем меху с узкими рукавами, отороченными выдрой. Поверх халата была надета небесно-голубая куртка для верховой езды, перетянутая поясом из белой чесучи с двумя кистями, символизирующими верность и сыновнюю почтительность.

С гордо поднятой головой он медленно шел вперед, сопровождаемый несколькими стражниками и целым отрядом гвардейцев, которые, словно синий рой, высыпали из храма. Ван Цзышэн приблизился к командующему, отвесил поклон и последовал за ним на стрельбище. Здесь, на почетном отдалении, уже стояла мишень с красным кружком. Триста «тигров» в одинаковой форменной одежде выстроились шеренгой по обе стороны от Хэ Тайчжэня, держа на плечах скорострельные винтовки с примкнутыми штыками, на которых сурово поблескивало холодное утреннее солнце. Рядом собрались гражданские и военные чиновники с разноцветными перьями на шапках. Хэ Тайчжэнь, остановившийся в центре стрельбища, громко произнес:

— Сегодня мы первый день на передовых позициях. Возможно, через сутки-двое нам придется вступить в решительную битву с врагом, поэтому я хочу воспользоваться сегодняшней показательной стрельбой и сказать вам несколько слов. Вы, наверное, думаете: «Вот, наш генерал рвался в бой, словно его поджаривали, а стоило нам прибыть сюда, как он уже три месяца стоит на месте и не торопится». У многих из вас, должно быть, зародились сомнения. Так вот знайте: это не означает, что я струсил, просто генерал-ученый отличается от генерала-солдафона! Сначала я мечтал уничтожить врагов до последнего и проглотить все Восточное море. Но потом,

во время обучения солдат, я еще раз перечитал «Военное искусство» Сунь-цзы и в третьей главе под названием «Стратегия нападения» встретил чрезвычайно поучительную мысль. Мне стало ясно, что слова Сунь-цзы «покорить чужую армию, не сражаясь», имеют тот же смысл, что и слова Мэн-цзы: «Для гуманного нет врагов». Благодаря им я поднялся на новую ступень в командовании армией: я понял принцип неба — любить все живое — и не хочу стяжать себе славу убийством людей. Достаточно уничтожить тысяч пять японских солдат, чтобы как следует припугнуть их, и тогда можно спокойно переходить к гуманным действиям: японское войско распадется само собой. Объявление и щит «Сдающимся даруется жизнь», которые вы сегодня видели, являются началом этой новой военной тактики. Но вы, конечно, захотите узнать, на чем основана моя уверенность в победе? Я отнюдь не собираюсь попусту хвастаться: мою веру обеспечивает отряд в триста храбрецов тигров, который находится сейчас перед вами. Я уже истратил двадцать тысяч юаней на одни призы, ибо по нашим правилам каждый, кто уложит за пятьсот шагов все пять пуль в красный кружок мишени, получает восемь лян. В последнее время я выплачиваю по тысяче и более юаней в день, некоторые бойцы получили уже по двадцать — тридцать лян, таким образом, количество отличных стрелков у нас все время возрастает. На Западе меткие стрелки тоже встречаются, но там их не наберется и нескольких десятков! Даже если нам придется воевать со всеми государствами Европы, мы дадим им сто очков вперед: стоит ли говорить о крошечной Японии? Поэтому я обращал главное внимание на обучение солдат стрельбе, а не на быстроту ведения войны, считая, что качество оружия и храбрость солдат — условия второстепенные. Победа лежит у нас в кармане — зачем же торопиться? Но сейчас мастерство солдат достигло предела и настало время показать себя. Я хочу только, чтобы вы крепко запомнили мое наставление: «Не бойся смерти и не помышляй о бегстве» — тогда мы отвоюем весь Ляодун, легко усмирив японцев. Я кончил. Сейчас мы еще потренируемся в стрельбе по мишеням. Как обычно, начну я, а остальные будут продолжать!

Он велел подать оружие. Один из стражников поднес ему новенькую пятизарядную винтовку немецкого производства. Хэ Тайчжэнь вскинул ее, расставил ноги, наклонил голову набок и, зажмурив левый глаз, прице-

лился. Появилась струйка белого дыма, раздался выстрел, и пуля пронзила красный кружок мишени. Не успел отгremеть первый выстрел, как раздался второй, третий,— и все пять пуль легли в одно и то же отверстие. Окружающие восторженно закричали. Грянул военный оркестр, исполняя сочиненную специально для этого случая победную песню. Солдаты и офицеры стояли навытяжку. Один только художник Лянь Луфу вышел из строя и, держа в руке лист белой бумаги, стал что-то чертить на нем обгорелой ивовой веточкой.

— Что ты делаешь, Луфу? — спросил Хэ Тайчжэнь.

— Мне кажется, что нельзя не запечатлеть ваш бессмертный подвиг! Я хочу нарисовать картину под названием «Стрельба по мишеням», чтобы потомки узнали об этом замечательном событии!

— Да, пожалуй, стрельбу по мишеням можно считать новой благородной игрой, которая заменит бросание стрел в кувшин! — сказал Хэ Тайчжэнь и, подняв голову, засмеялся собственной шутке. Он еще не кончил смеяться, когда через строй протиснулся Юй Хучэн и, отдав честь, протянул командующему конверт. Хэ Тайчжэнь вскрыл конверт — это оказалась телеграмма из дворца — и вдруг горестно вздохнул.

Воистину:

Полдня обсуждали праздно
Удивительное сновиденье,
И телеграмма повергла
Сердце героя в смятенье.

Если хотите знать, о чем писал двор Хэ Тайчжэню, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

В КОМНАТУ ХОЗЯЙКИ, ПОТРЕБОВАВШЕЙ РУКОПИСЬ,
БЕГАЕТ ПОЛУОДЕТАЯ КРАСАВИЦА.
ПОСЛЕ УХОДА ИМПЕРАТОРА ПОД ОДЕЯЛОМ ИМПЕРАТРИЦЫ
НАХОДЯТ ЩЕНКА

Вы уже знаете о том, что все пять пуль, выпущенных Хэ Тайчжэнем, попали в центр мишени. Но пока звучала победная музыка и рисовалась картина, которой суждено было запечатлеть сие радостное мгновение, командующий получил от двора телеграмму, в которой сообщалось, что императорский цензор обвиняет его в трех тяжких проступках: в медлительности, в разбазарива-

нии казенных денег и в жестоком обращении с солдатами. В связи с этим Тайный совет требовал от Хэ Тайчжэня исчерпывающих объяснений. Не мудрено, что, дочитав телеграмму, полководец тяжело вздохнул.

— Человек, никогда не покидавший столицы, так клеветает на героя! Но это лишь укрепит мою решимость! — воскликнул он и передал телеграмму Ван Цзышэну. — Составь за меня телеграфный ответ! Причины, заставившие меня стоять на месте, я уже объяснил. Второе обвинение, очевидно, связано с призами за меткую стрельбу. А третье — просто выдумка, неведомо кем сочиненная. Изложи все это в соответствующих выражениях. Кроме того, надо послать телеграмму министру Гун Пину и Цянь Дуаньминю, подробно доложив им здешнюю обстановку.

Ван Цзышэн поддакнул.

А сейчас, читатель, мы оставим на время Хэ Тайчжэня, тренирующего своих солдат перед битвой, и возвратимся к Цянь Дуаньминю, который от министра поехал домой, чтобы написать Хэ подробное письмо с изложением всех столичных событий, но по дороге встретил своего слугу верхом на коне и понял, что дома неладно.

— Что случилось? — крикнул он.

— Вдова господина Цзинь Вэньцина просила передать, что ей надо посоветоваться с вами по важному делу. Поезжайте скорее, его превосходительство Лу Жэньсян уже ждет там!

Озадаченный Цянь Дуаньминь приказал повернуть лошадей и ехать в переулок Шелковой шапки. У дверей гостиной его встретил сын покойного друга, а затем и Лу Жэньсян. Цянь Дуаньминь сразу обратился к последнему с вопросом:

— Зачем нас пригласила вдова Цзинь Вэньцина?

— Да все из-за сокровища, которое ей муж оставил! — не в силах сдержать улыбки, ответил Лу.

Не успел он произнести этих слов, как слуга доложил о приходе госпожи. Войлочная штора откинулась, и перед приятелями предстала госпожа Чжан, вся в белом траурном одеянии. Дважды поклонившись, она попросила Цяня и Лу сесть на кан, а сама устроилась около дверей и сквозь слезы начала:

— Сегодня я позвала вас, господа, исключительно из-за Цайюнь. Вы занятые люди, и я никогда не посмела бы беспокоить вас ради такого пустяка, но ведь я слабая женщина, а мой сын еще совсем мальчик. Мы просто не

знаем, что делать. Вы оба были лучшими друзьями мужа, поэтому я и прошу вас дать мне совет!

— Не нужно этих извинений, уважаемая невестка! — прервал ее Цянь Дуаньминь. — Скажите лучше, что натворила Цайюнь?

— Вам хорошо известно ее поведение. С тех пор как умер муж, я сразу поняла, что мне с ней будет трудно. В первые семь недель * она очень горевала, плакала и клялась, что будет вечно ему верна. Я было успокоилась. Кто знал, что пройдет этот срок и она проявит свой настоящий характер! Часто уходит из дому, ничего мне не сказав. Потом завела моду каждый день бегать в театр; возвращается только за полночь. Уже всякие грязные слухи начинают до меня доходить. Я крепко запомнила предсмертные слова мужа, в которых он поручал мне следить за Цайюнь, и сделала ей замечание. А она, вместо того чтобы раскаяться, затеяла ссору! В последние дни она вообще невестку до чего дошла: бесцеремонно требует, чтобы я разрешила ей уйти из дому. Господа, вы только представьте себе: еще и полных ста дней траура не прошло, а я отпущу любимую наложницу своего покойного супруга! Не говоря уже о том, что люди станут шептаться за моей спиной, моя собственная совесть не позволяет сделать этого! Но если не отпустить ее, она перевернет все вверх дном, даже куры и собаки не смогут жить спокойно. Я просто не знаю, что делать!

Речь ее перешла в рыдания.

Лу Жэньсян вскочил взбешенный:

— Да как это можно! Вы, уважаемая невестка, слишком добры к ней! На вашем месте за такое бессовестное поведение я бы воспользовался правом хозяйки дома и для начала как следует проучил ее, а уж потом етал бы с ней разговаривать!

— Жэньсян, умерь свой гнев! — остановил его Цянь Дуаньминь. — Здесь нельзя рубить сплеча. Госпожа Чжан позвала нас для того, чтобы мы придумали способ, устраивающий обе стороны, а не для того, чтобы мы осуществляли ее право наказывать домашних. На мой взгляд...

Но не успел он произнести этих слов, как в комнату стремительно вошла Цайюнь в светлом крепдешиновом халате с оторочкой, сквозь прорезь которого выглядывало белоснежное бзлье. Ее черные, блестящие, как зеркало, волосы были собраны в простой пучок. На ней не

было ни украшений, ни пудры, но чем проще и скромнее она наряжалась, тем ярче выделялась ее необыкновенная красота. Войдя в дверь, она остановилась возле госпожи Чжан и отчеканила:

— Господин Лу Жэньсян сказал, что я бессовестная. В действительности же я не хочу ни капельки притворяться именно потому, что у меня есть совесть. Я честно прошу госпожу отпустить меня! Не думайте, что я пытаюсь спорить с господином Лу! Ничуть не бывало. Не сомневайтесь, ваше превосходительство, я — человек и хорошо помню, с какой теплотой относился ко мне покойный господин. Он ушел, прожив лишь половину того, что ему причиталось, но десятилетняя любовь не забывается! Только что госпожа Чжан говорила, как я убивалась в первые семь недель и как хотела быть верной ему. Все это правда, и я поступала вполне искренне. Разве мне не хотелось искупить свою вину перед господином и поддержать его репутацию? Но такой уж у меня от природы дурной характер: люблю шум и веселье, тут я не властна над собой. Пока господин был жив, он сдерживал меня своим хорошим обращением и лаской. Сейчас же мной управлять некому, а сама я справиться с собой не могу. Если вы оставите меня здесь силой, я не поручусь, что не выйдет какого-нибудь скандала, который еще больше повредит памяти господина.

Кроме того, я очень расточительна: с детства меня не приучили заниматься хозяйством, а когда я попала в этот дом, господин всегда потакал мне и позволял тратить деньги направо и налево. Сейчас, после смерти господина, средства, естественно, сократились, и при всей милости госпожи ко мне я не могу все время требовать у нее денег. Но от привычки к мотовству сразу не избавишься. Боюсь, что наследства, оставленного господином, не хватит даже на мои карманные расходы. Вот я и подумала: чем, притворяясь верной женщиной, пятнать добрую память господина и портить карьеру его детям и внукам, лучше откровенно попросить, чтобы меня отпустили. Тогда мои поступки не будут связываться с семьей Цзинь, а меня пусть считают бессовестной. Я хочу воспользоваться тем, что госпожа, молодой барчук и вы, друзья покойного господина, сегодня здесь, и выложить перед вами все начистоту. Я твердо решила уйти. Если вы не согласны, убейте меня, и то будет легче!

Все, кто был в гостиной, остолбенели. Госпожа Чжан

не выказывала особого удивления и лишь молча вытирала платочком слезы. Зато Лу Жэньсян расшвырялся так, что волосы у него на голове встали дыбом, а физиономия налилась кровью. Долгое время он вообще не мог произнести ни слова. Цянь Дуаньминь по поведению вдовы почти угадал ее намерения. Боясь, как бы Лу Жэньсян не сделал какой-нибудь глупости, он поспешно обратился к Цайюнь:

— Да, вы говорили очень правдиво! Если вы не хотите соблюдать долг верности, вас к этому никто не принуждает. Но сегодня госпожа пригласила нас специально для того, чтобы решить, как поступить с вами. Поскольку вы говорите откровенно, наш долг ответить вам тем же. Вы можете уйти, но для этого должны выполнить три наших условия. Первое: покинуть семью не в Пекине, а лишь по возвращении на юг. Дело в том, что сейчас весь город судачит о вашей связи с Сунем Третьим, и, независимо от того, правда ли это, ваш уход может явиться подтверждением слухов. Вы сами хотите уберечь добрую память о господине, а здесь у него слишком много знакомых, чтобы можно было рисковать. Второе: вы не можете уйти сейчас же. Нужно сначала отбыть годичный срок траура. Если вы действительно помните хорошее отношение господина к вам и признаете, что много лет его любили, то должны оказать подобную незначительную дань уважения. Третье: вы не хотите пустить по ветру наследство господина — это похвальное намерение. Поэтому в случае вашего ухода вы, конечно, заберете с собой только то, что он вам подарил. На остальное вы не имеете права. Если вы согласны на эти три условия, мы будем просить госпожу, чтобы она вас отпустила.

Речь Цянь Дуаньминя подавляла Цайюнь своей неопровержимой логикой. Молодая женщина чувствовала, что в каждой фразе он старается использовать ее же собственные слова, и поняла, что ей лучше согласиться.

— Все, что вы говорите, полностью соответствует моим мыслям,— произнесла она.— Я готова пойти на любые условия, не только на эти!..

— Как вы смотрите, уважаемая невестка? — обратился Цянь Дуаньминь к госпоже Чжан.— Я советую вам пожалеть ее молодость и обещать ей свободу.

— Ничего не поделаешь,— вздохнула вдова.— Придется.

— Пообещать можно, но с тем, чтобы в течение этого

года она ни с кем не заводила знакомств, не устраивала скандалов, хорошенько поминала душу покойного и прислуживала госпоже! — процедил сквозь зубы Лу Жэньсян.

— На этот счет будьте спокойны, ваше превосходительство! Если я еще раз устрою скандал, вы можете прийти и вместе с хозяйкой дома наказать меня по всем правилам! — холодно усмехнулась Цайюнь и, повернувшись, вышла из комнаты.

Лу Жэньсян, высунув от удивления язык, смотрел ей вслед.

— Ну и занозистая баба! Разве можно такую держать в семье? Я думаю, уважаемая невестка, чем скорее вы от нее избавитесь, тем лучше!

— Разве я не понимаю этого! — воскликнула вдова.— Я просто боюсь, что люди, которые не знают ее, обвинят меня в неуважении к покойному!

— К счастью, вы дали согласие на ее уход по нашему совету,— возразил Цянь Дуаньминь,— и теперь никто не посмеет сказать о вас ничего дурного. Мне даже думается, что и год-то ее держать не стоит. Но я должен сообщить, что вам ни в коем случае не следует задерживаться в Пекине. Мы начали войну с Японией, и гроб с телом Цзинь Вэньцина нужно поскорее отправить на юг. Если будете медлить, морские пути могут оказаться закрытыми. Да и Цайюнь было бы полезно оставить Пекин, иначе она снова здесь что-нибудь натворит!

Лу Жэньсян горячо одобрил совет Цянь Дуаньминя. Условившись, что вдова с сыном в течение десяти дней покинут столицу, друзья отдали их на попечение начальника городских ворот и тяньцзиньского таможенного инспектора, после чего уже не оставалось никаких сомнений, что с семьей Цзинь Вэньцина ничего плохого не случится.

Вдова целыми днями хлопотала, собирая вещи. Цайюнь чинно помогала ей, ни на шаг не отлучаясь из дому. Накануне отъезда уставшая госпожа Чжан поужинала и отправилась отдыхать к себе в комнату, решив на следующее утро пораньше пуститься в дорогу. Полежав немного, она вдруг вспомнила, что днем сын говорил ей о рукописи «Дополнение к истории династии Юань», оставленной мужем. Это была работа, которой Цзинь Вэньцин отдал всю свою жизнь, и лежала она в комнате Цайюнь. Сын просил прибрать рукопись, чтобы она не потерялась.

Госпожа Чжан позвала служанку и велела ей сходить к Цайюнь за рукописью. Не сделай она этого, все обошлось бы благополучно. Но после ее приказа в доме вдруг поднялся страшный переполох и раздались отчаянные крики:

— Держите вора! Держите вора!

Вдова хотела встать, но в этот момент в комнату вбежала дрожащая Цайюнь в одной рубашке, с растрепанными волосами. В руках у нее был какой-то сверток, который она тут же передала хозяйке:

— Вы это просили? Посмотрите скорее! Ох! Я чуть не умерла от страха!

Она бросилась в кресло, стоявшее рядом с кроватью, и прижала руки к высоко вздымавшейся груди.

Вдова развернула сверток.

— Что с тобой случилось? Почему ты так взволнована и напугана?

— Когда пришла посланная вами служанка, я уже спала и дверь у меня была заперта,— дрожащим голосом начала Цайюнь.— Вдруг сквозь сон слышу стук. Я сразу поняла, что это от вас, поднялась, долго искала в темноте спички и наконец ошупью открыла дверь. Служанка сказала мне насчет рукописи, я решила зажечь свечу, чтобы поискать, но в этот момент служанка вдруг как вскрикнет. Я от страха даже свечу выронила, и показалось мне, будто какая-то черная тень выскользнула из моей комнаты и бросилась бежать. Служанка погналась за ней и закричала: «Держите вора!» А я не смела шевельнуться, боялась, что там еще один. Потом немного успокоилась, нашла рукопись и вот принесла ее вам!

— Рукопись в порядке,— сказала вдова,— а ты не знаешь, вора поймали?

Цайюнь не успела ответить, так как в спальню вошла служанка и опередила ее:

— Какое там поймали! Я собственными глазами видела, как он выскочил из-за кровати госпожи Цайюнь. Когда он приблизился ко мне, я схватила его за полу халата, но он вырвался. Я побежала вдогонку, начала кричать, но пока подоспели сторож и дворник, он уже прыгнул на крышу и скрылся. Даже черепица не затрещала!

— Цайюнь! — промолвила вдова.— Раз вор прятался у тебя за кроватью, пойдй посмотри: может, у тебя что-нибудь пропало?!

— Ой, я просто одурела от испуга! — воскликнула

наложница.— Хорошо, что вы сказали, а то я радуюсь, что рукопись нашлась, а про свои вещи забыла.

Она поспешно направилась в свою комнату. Не прошло и трех минут, как из ее спальни донеслись плач и крики:

— Украли мою шкатулку с драгоценностями! Что я теперь буду делать?!

Вдова послала за Цайюнь служанку и стала ее успокаивать:

— Ну, не горюй, потерянного не воротишь. Сейчас ночь, шуметь все равно бесполезно. А завтра утром, когда господу Лу и Цянь придут нас провожать, мы попросим их заявить квартальному!

Цайюнь постепенно успокоилась. В ту ночь больше никаких событий не произошло.

Утром Лу Жэньсян и Цянь Дуаньминь действительно явились их провожать. Когда госпожа Чжан рассказала им о ночном происшествии, Цайюнь стала умолять, чтобы они заявили о пропаже в участок. Цянь Дуаньминь, скрывая улыбку, согласился и потребовал у Цайюнь список пропавших вещей. Тем временем сопровождающие и кареты были уже готовы. Коляска с телом Цзинь Вэньцина двинулась вперед, остальные — за ней. Лу и Цянь проводили родственников покойного друга до самой пристани, посадили их в лодки, и вдова с гробом, сопровождаемая сыном и Цайюнь, отплыла в Тяньцзинь. Здесь их встретил инспектор тяньцзиньской таможни, который помог семье перебраться на пароход. Все дальнейшее путешествие на юг протекало без особых осложнений, поэтому подробно описывать его мы не будем.

Вернемся лучше к Цянь Дуаньмину. Через несколько дней после отъезда госпожи Чжан на юг он получил высочайший указ о его назначении в Палату внешних сношений. С тех пор ему пришлось работать в двух местах и, кроме того, частенько являться на императорские аудиенции. Дома его неизменно ждала целая толпа гостей и визитеров, так что Цяню буквально некогда было вздохнуть. Ему пришлось забросить даже свое любимое развлечение: просмотр старинных ксилографических изданий и чтение работ Хуан Цзунси и Гу Яньбу *. Казалось, его можно было считать баловнем богатства и славы, вождем государственной политики, однако дела страны становились день ото дня все хуже, а положение на фронте все более угрожающим. В течение двух-трех месяцев со времени его назначения в Па-

лату на воде и на суше следовали сплошные разгромы, крепости падали одна за другой. Это чрезвычайно тревожило Цянь Дуаньминя, он не мог ни спать, ни есть спокойно.

Однажды, когда он сидел дома и горевал о судьбах государства, привратник доложил о приходе его превосходительства Вэнь Динжу. Цянь тотчас велел просить гостя. После того как они обменялись несколькими приветственными фразами, Вэнь Динжу сказал, что у него есть секретный разговор, и попросил отпустить слуг. Цянь Дуаньминь вздрогнул от неприятного предчувствия, но приказал слугам удалиться.

— В скором времени при дворе должны произойти большие перемены,— тихо произнес Вэнь Динжу.— Вы знаете об этом?

— Ничего не знаю.

— Произойдет история, которая случилась с танским императором Чжунцзуном * и которой мы всегда боялись!

— Откуда это видно?!

— Вам, конечно, известно, что императорские наложницы Цзинь и Бао попали в опалу. Сегодня утром евнуха Гао Ваньчжи, который был приставлен к Бао, передали в департамент дворцовых дел и отрубили ему голову. Вдовствующая императрица хотела сначала издать указ о проведении следствия, но министр Гун Пин отговорил ее, боясь, что излишняя огласка повредит государственному престижу. Потому императрица и действовала так стремительно. Разве это не начало низложения императора?

— По-моему, это просто конфликт между двумя дворцами, а до низложения императора еще далеко,— возразил Цянь Дуаньминь.

— Погодите, это еще не все. Оказывается, Гэн И введен в Государственный совет по приказу вдовствующей императрицы. Явившись в Пекин на празднование шестидесятилетия Цыси, Гэн И передал главному евнуху Ляню тридцать тысяч новеньких серебряных юаней, которые он выманил у своего подчиненного — управляющего монетным двором. Он заявил, что приготовил эти деньги специально для того, чтобы императрица в день своего рождения могла одарить придворных. Императрица прельстилась тонким узором новеньких монет и приняла подарок. Отсюда и это назначение. Не знаю, кто рассказал об этом государю, но он заспорил со вдов-

ствующей императрицей, заявив, что Гэн И низкий, корыстолюбивый человек, которого нельзя держать на службе. Императрица продолжала настаивать на своем. Тогда государь заплакал и сказал: «Тетушка, вы хотите сделать меня правителем страны, идущей к гибели!» Императрица пришла в страшную ярость и дала государю две пощечины, даже зубы выбила. Государь заболел и после этого долго не появлялся в тронном зале. А тут, как на грех, подвернулся генерал Юн Лу, старый приспешник императрицы, который тоже приехал в Пекин для празднования ее шестидесятилетия. Императрица поделилась с ним мыслью о низложении государя. «Боюсь только, что пограничные наместники не подчинятся», — сказал Юн Лу. Все это было буквально на днях. Отсюда явствует, что идея переворота давно уже зрела у императрицы, она лишь не решалась ее открыто высказывать!

— Я тоже кое-что слышал о причинах разлада между двумя дворцами, — промолвил Цянь Дуаньминь.

Вы спросите, откуда Цянь мог знать о причине раздора между молодым государем и вдовствующей императрицей и в чем состояла эта причина? Чтобы выяснить это, нам придется на время отложить разговор Цянь Дуаньмина с Вэнь Динжу и рассказать вкратце историю императорского бракосочетания.

Дело в том, что вдовствующая императрица приходилась государю теткой, а будущая молодая государыня была его двоюродной сестрой и племянницей вдовствующей императрицы. Смысл этого брака состоял в двойном скреплении родственных уз: крови рода Айсинь Гиоро предстояло еще раз слиться с кровью племени Нара *. Такова была цель старой императрицы. С момента восшествия государя на престол и до его бракосочетания вдовствующая императрица Цыси, несмотря на свою строгость, относилась к императору очень ласково. Невеста, как родственница старой императрицы, состояла при дворе во фрейлинах, и старуха ее очень любила. Она уже давно задумала соединить ее со своим царственным племянником, только сам государь ничего не знал об этом.

Но надо сказать, что среди фрейлин находились также две сестры из рода Татара — Цзинь и Бао. Во дворце их называли просто Старшей и Младшей красавицами, потому что обеих природа одарила редким очарованием. Особенно прелестной была Младшая кра-

савица: живая, умная, отличная поэтесса и художница, она очень нравилась государю, и он часто мечтал сблизиться с ней. Девушка была достаточно смысленной, чтобы не понять намерения молодого императора. В мире только одна любовь не разделена на классы и по-настоящему бесстрашна. Поэтому как ни высоко было положение государя и как ни сурова была вдовствующая императрица, влюбленные все же умудрялись обмениваться взглядами и перебрасываться словами. Чувство их крепло. Но государь, всегда боявшийся своей тетки, никак не мог решиться сказать девушке о своей мечте.

Однажды, выйдя из зала Радости и долголетия, где он помогал вдовствующей императрице просматривать доклады, государь неожиданно встретил Младшую красавицу. Держа в руках какой-то предмет, она проходила мимо зала. В тот день на ней был розовый вышитый халат, цвет которого очень гармонировал с ее белым личиком и ясными глазами. Императору она показалась еще прелестнее, чем обычно, и он невольно залюбовался ею. Младшая красавица тоже остановилась и устремила на него смеющийся взгляд. Влюбленные, конечно, не ожидали, что в этот самый момент из зала величественно выплывет старая императрица в синем шелковом халате, расшитом бессмертными аистами, и фиолетовой накидке с жемчужной бахромой. В прическе у нее торчала серебряная шпилька, украшенная жемчугом, а с пуговиц халата свисали жемчужные четки. Увидев, что император в испуге бросился бежать, старуха тотчас подозвала девушку к себе и отпустила фрейлин. Младшая красавица дрожала всем телом, не зная, что ее ждет, но, подняв глаза на старую императрицу, не обнаружила на ее лице гневного выражения.

— Почему император стоял с тобой рядом? — спросила старуха.

— Просто так! — пролепетала Младшая красавица. Государыня улыбнулась:

— Не обманывай меня, я ведь не дура!

Девушка бросилась на колени и отвесила земной поклон.

— Разве я посмею!

— Наверное, ты понравилась императору?

Бао покраснела.

— Не знаю.

— Ну а ты любишь императора? — допытывалась старуха.

Младшая красавица несколько раз ударилась головой об пол, но рта раскрыть не посмела.

— А что, если я помогу вам осуществить ваши желания? — захохотала императрица.

— На то ваша небесная воля! — тихо произнесла девушка, по-прежнему не поднимая головы.

— Ну ладно, вставай! — сказала ей императрица и отправилась в тронный зал принимать сановников.

Младшая красавица поверила государыне и, зная, что император скоро должен жениться, а невеста для него еще не выбрана, очень обрадовалась. «Может быть, мне и в самом деле суждено стать императрицей!» — думала она.

Обуреваемая этими мыслями, она, естественно, ощутила еще больший прилив нежности к императору и, улучив момент, когда никого кругом не было, снова встретилась с ним. Государь поинтересовался, наказала ли ее в тот день тетка, а когда Младшая красавица смущенно передала ему весь свой разговор с государыней, пришел в неопишуемую радость.

Через несколько дней старая государыня неожиданно объявила свою священную волю: завтра рано утром состоится выбор молодой императрицы; все сановники должны заблаговременно прибыть в зал Теснящий облака. Император получил эту весть, когда находился в зале Яшмовой волны. Сердце его шумно застучало. «Кого же наконец выберет мне тетка? — думал он. — Будет ли это Младшая красавица? Правду ли она ей говорила?»

Всю ночь государь в волнении проворочался на постели и еще до рассвета послал самого верного из своих евнухов узнать результаты выбора. Как известно, ожидание всегда очень томительно, и чем больше нас охватывает нетерпение, тем медленнее тянется время. В восточных окнах уже забрезжил рассвет, когда во дворе наконец послышался быстрый звук шагов.

Евнух, которого он посылал, радостно вбежал в спальню и, повалившись государю в ноги, воскликнул:

— Поздравляю вас, ваше величество!

Император приподнялся на кровати и нетерпеливо спросил:

— Что ты орешь? Кого выбрали мне в жены?

— Урожденную Нара, — отвечал евнух.

Эти слова поразили императора точно удар грома. Он схватил венец и в сердцах швырнул его на пол.

— Разве она мне пара!

Евнух, видя, что монарх пришел в ярость, не осмелился продолжать. После долгого молчания император, как будто вспомнив что-то, воскликнул:

— Ведь еще есть наложницы, почему не докладываешь?

— Ими выбраны Старшая красавица Цзинь и Младшая красавица Бао; обе получили титул «драгоценных наложниц»!

Император немного успокоился. В какой-то степени его желание было удовлетворено, но он подумал, какой оскорбленной должна чувствовать себя Младшая красавица, и тихо вздохнул:

— Такова уж, видно, ее судьба! Какой смысл быть государем? Даже при собственном бракосочетании становишься рабом обстоятельств!..

Будущая супруга государя, его двоюродная сестра по матери, занимала видное место среди фрейлин, но особой красотой не отличалась. Будучи от природы очень доброй и привязчивой, она всем сердцем льнула к старой императрице, вовсе не интересуясь ее царственным племянником. Император не только не любил, но даже презирал ее, и вот теперь она станет его женой! Государь, естественно, скрежетал зубами от ярости, но послушаться тетки не смел. Оставалось только затаить злобу и, согласно обычаю, пойти к старой императрице с благодарностью за выбор жены.

Тетка дала ему ряд наставлений, после чего будущая государыня и наложницы уехали к своим родителям в ожидании торжественного брачного церемониала.

Через месяц после обручения, в феврале, когда природа оживала, а весенний воздух был напоен весельем, император вступил в брак и принял бразды правления в свои руки. Старая государыня была очень довольна, каждый день устраивала во дворце театральные представления, собственной рукой написала несколько пьес на религиозные сюжеты и даже приказала сделать механическую сцену, на которой духи могли появляться сверху, а дьяволы снизу. Все эти пьесы игрались под ее руководством евнухами, но частенько и она сама одевалась бодисатвой Гуаньинь, заставляя императорских наложниц прислуживать ей в роли дочери дракона и мальчика-казначая *. Главный евнух Лянь, переодетый небесным генералом Веда, плавал по Куньминскому озеру на маленьком парходике; словом, в Летнем двор-

це предавались самым изысканным развлечениям, роскошь которых даже трудно описать. Но в самый разгар веселья старая императрица вдруг тайно потребовала к себе во дворец князя Мудрого — отца императора. Драконий лик императрицы был суров, когда она заявила князю, что сын его с самого бракосочетания еще ни разу не осчастливил своим приходом дворец молодой государыни, а к наложницам Цзинь и Бао, напротив, проявляет чрезмерную любовь.

— Такая распушенность и безрассудство не соответствуют обычаям, установленным нашими предками! — сказала она. — Я уже неоднократно увещевала его, но он не слушает. Сейчас я самым строжайшим образом приказываю вам воздействовать на сына и убедить его жить с императрицей в согласии!

Получив такой приказ, князь Мудрый понял, что выполнить его будет нелегко. В то же утро, отпустив членов Тайного совета, императрица вызвала князя на аудиенцию, поговорила с ним для порядка о государственных делах и, сославшись на то, что ей нужно переодеться, покинула зал. Фрейлин она увела с собой, оставив императора наедине с отцом. Князь Мудрый по-прежнему чинно стоял на коленях. Государь взволновался и, сойдя с трона, также опустился на колени перед отцом. У князя Мудрого от испуга взмокла спина. Поспешно ударившись лбом об пол, он попросил императора немедленно вернуться на трон. Государю пришлось сесть.

— Ваше величество, прошу вас в дальнейшем никогда не поступать так! — произнес князь Мудрый. — Это государственный обычай: можно нарушить правила сыновней почтительности, но нельзя ронять авторитет государя. Умоляю вас подумать над этим!

Затем он стал горячо просить императора установить добрые отношения с молодой императрицей.

— Неужто даже в личных делах я не могу быть себе хозяином?! — печально молвил государь. — Но раз этим можно навлечь беду на вас, отец, я поступлю, как вы просите. Сегодня же ночью я отправлюсь в Беседку достойного аромата!

И император покинул тронный зал.

С тех пор как урожденная Нара стала законной женой государя, в ее положении абсолютно ничего не изменилось. Императорская коляска не подъезжала к ее покоям, и фениксовая подушка пустовала. Да, впрочем,

что говорить об этом, когда даже лицо государя ей приходилось видеть лишь случайно, на приемах у вдовствующей императрицы! Хотя титул государыни и был высок, словно небо, ее тоска напоминала глубиной море. Неожиданно, в описываемый нами вечер, к ней пришла фрейлина и доложила:

— Его величество пожаловали!

Императрица обрадовалась и, опустившись на колени у входа во дворец, приготовилась со всем тщанием прислуживать государю. Супруг обошелся с ней очень холодно, но прожил во дворце целых два дня. На третий день он ушел рано утром и долго не появлялся. Императрица ждала его до тех пор, пока на башне не пробило третью стражу, но шелканья бича не раздалось, и она поняла, что надеяться больше не на что. Тогда она сняла с себя вечерний наряд и приказала фрейлинам приготовить постель. Внезапно императрица заметила, что одеяло посредине чуть вздувается, как будто под ним лежит ребенок. Государыня удивилась, велела фрейлинам откинуть одеяло и едва не подскочила от испуга. Как вы думаете, что там было? На простыне лежала розовенькая, обритая наголо болонка. Нигде не виднелось ни кровинки, но собачка была мертва. Фрейлины ошеломленно переглядывались.

— Кто это сделал? — гневно произнесла императрица.— Кто задумал погубить меня? Не удивительно, что у меня никак не ладятся отношения с государем! Преступник наверняка находится среди вас!

Фрейлины повалились ей в ноги, заверяя, что они невиновны.

— Ваше величество, посудите сами,— жалобно обратилась к ней одна из фрейлин постарше. — Разве у нас по три головы и шесть рук, чтобы осмелиться на такое неслыханное преступление? Помнится мне, что сегодня утром, когда ваши величества встали с постели, одеяла все были сложены. Государь пожаловался на головную боль и велел всем нам выйти из спальни, сказав, что он хочет отдохнуть здесь один. Потом государь отправился в тронный зал, а ваше величество вместе с нами пожаловали к вдовствующей императрице. Мы виноваты только в том, что не убрали спальню сразу же после ухода государя!

При этих словах фрейлина с такой силой ударила головой об пол, что на лбу выступила кровь.

Едва императрица услышала объяснение фрейлины,

как ее брови сдвинулись, лицо потемнело. Она до боли стиснула зубы и, забившись в конвульсиях, упала без сознания на стул.

Воистину:

Не изменяя ветреным причудам,
Остался легкомысленным цветок *,
Крушение многих планов государства —
Таков был брака роковой итог!

Если хотите знать, кто подбросил собачку в постель императрицы, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

ПОСЛЕ ОСЕННЕЙ ОХОТЫ РОЖДАЕТСЯ ЛЕГЕНДА О СЕДОЙ ЛИСИЦЕ,
ПЕРЕВОПЛОТИВШЕЙСЯ В ЖЕНЩИНУ.
ВО ВРЕМЯ ВЕСЕННИХ ПЕРЕГОВОРОВ О ПЕРЕМИРИИ
САНОВНИКА ПОДСТЕРЕГАЕТ БЕДА

Фрейлина по существу никого не обвинила в истории с собачкой, но из ее слов можно было понять, что, кроме государя, никто не решился бы на подобный поступок. Гнев, возмущение и стыд смешались в сердце императрицы. Не в силах снести такое оскорбление, она упала без чувств. Фрейлины окружили ее; одни начали колотить ее по спине кулаками, другие хлопать ладонями, но все было бесполезно. На шум прибежал евнух Сяо Дэчжан, ведавший туалетной комнатой императрицы.

— Бегите скорее! — закричал он. — В шкафу государыни есть пузырек с борнеоской камфорой! Несите его сюда!

Подскочив к красному столу, стоявшему перед постелью императрицы, он вынул из выдвигаемого ящика курительницу, покрытую перегородчатой эмалью и инкрустированную драгоценностями, зажег в ней ароматный ладан, а затем посыпал сверху порошок камфоры, который принесли фрейлины. Сквозь сизый дым, поднимающийся от курительницы, в воздух потянулись красноватые струйки. Вскоре вся комната наполнилась крепким ароматом, прелесть которого невозможно описать. Дрожащими руками Сяо Дэчжан поставил курительницу на низенькую скамеечку рядом со стулом императрицы. Постепенно мертвенный взгляд государыни смягчился, лицо порозовело, из глаз покатались слезы. Вдруг она захрипела и, резко наклонившись вперед, откашлялась.

Фрейлины поспешно подхватили ее с обеих сторон, а евнух бросился на колени и подставил полу своего халата, чтобы принять на него драгоценный императорский плевок. Тут только государыня зарыдала в голос.

— Слава богу, очнулась! — заговорили фрейлины.

С добрых четверть часа императрица горько плакала, а потом, с неожиданной силой оттолкнув от себя фрейлин, вскочила и стремительно направилась к двери. Фрейлины не решились ее удержать: они думали, что государыня сошла с ума. Один только Сяо Дэчжан разгадал намерение императрицы и, быстро подскочив к дверям, упал перед ней на колени.

— Выслушайте меня, ваше величество. Только что фрейлины сказали, что это дело рук императора. Не удивительно, что ваше величество так рассердились! Но, на мой глупый взгляд, нельзя подчиняться минутному гневу и тревожить ночью вдовствующую императрицу!

— Выходит, я должна это так оставить? — закричала государыня.

— Ваш государь человек добрый и милостивый. Он не мог сам додуматься до такой подлости. Его наверняка научил кто-нибудь из врагов вашего величества!

— У меня во дворце нет врагов,— с недоумением произнесла императрица.

— Раб не должен говорить глупостей, но, памятуя о небесной милости вашего величества ко мне, я все же не смею скрыть своих мыслей. Вашему величеству, очевидно, известна история взаимоотношений государя с наложницей Бао до торжественного бракосочетания? Теперь ваше величество стали законной императрицей, и наложница Бао, естественно, не может питать к вам добрых чувств. Пока государь не приходил во дворец вашего величества, она вела себя прилично, но эти несколько дней, проведенные императором у вас, наверняка вывели ее из себя! Девять против одного за то, что оскорбление замыслила она!

Задетая словами евнуха, императрица побагровела и серебряными зубками закусил губу.

— Эта презренная служанка всегда была зазнашкой и мечтала прибрать императора к рукам! На меня она и смотреть не хотела! Но я не собиралась ссориться с ней, она первая оскорбила меня! Надо как следует проучить ее! А ну, говори, как это можно сделать!

— Я бы советовал бить врага его собственным ножом! — ответил Сяо Дэчжан.— Прошу ваше величество

положить шенка в подарочную коробку и отослать ее налогомнице Бао. Этим вы покажете, что не хотите принимать подобного оскорбления от государя и передадите его Бао, а кроме того, сразу сможете проверить, действительно ли эту шутку подстроила Бао. Если шенок не имеет к ней никакого отношения, она не потерпит позора и затеет скандал. Если же она примет подарок молча, это будет равносильно признанию вины.

Императрица удовлетворенно кивнула головой.

— Так я и сделаю. Завтра же устрой все как следует!

Сяо Дэчжан, почтительно поддакивая, встал с колен. Государыня забрала с собой фрейлин и отправилась отдыхать. Больше о ней речи не будет.

Сейчас мы обратимся к цинскому императору, который, как уже говорилось, посетил Беседку достойного аромата с отвращением, лишь выполняя просьбу своего отца, князя Мудрого. Две ночи он провел с императрицей, но оставался к ней холоден как лед.

По старому дворцовому обычаю, каждая ночь, проведенная императором со своей супругой, фиксировалась специальным евнухом Палаты важных дел. Когда его величество выходил от государыни, евнух должен был на коленях спрашивать императора, как прошла ночь. Если государь изволил осчастливить супругу, евнух записывал в специальной книге: «Такого-то числа, такого-то месяца, такого-то года, в такой-то час государь осчастливил императрицу». Если же ничего не было, то император просто говорил: «Уходи!»

В Летнем дворце церемонии соблюдались менее строго, чем в Зимнем, но заполнять книгу все равно было необходимо. Поэтому, едва государь покинул императрицу, коленопреклоненный евнух из Палаты важных дел дважды осведомился, что ему следует записать, и когда во второй раз услышал «уходи!», стукнулся головой об пол.

— Чего тебе надо? — молвил удивленный император.

— Эту книгу каждый день требует к себе вдовствующая императрица, — ответил евнух. — Сейчас ваше величество провели у государыни подряд две ночи, а я вынужден оставить в книге обе графы пустыми. Старая императрица снова будет гневаться. Нижайше прошу ваше величество подумать об этом!

Император изменился в лице.

— Как ты смеешь вмешиваться в мои дела?!

— Это вовсе не моя дерзость, а священный приказ вдовствующей императрицы! — ответил внук.

Гуансюй, который и без того весь кипел от злости, пришел в страшную ярость при вести о том, что тетка старается подавить его с помощью своих указов. Не раскрывая рта, он с силой пнул внука ногой. Тот, схватившись за голову и недовольно бормоча, опрометью бросился в сторону.

Как на грех, в этот самый момент к императору, виляя хвостиком, подбежала крошечная болонка, за которой смотрел младший внук из зала Яшмовой волны. Болонка была очень красивой, умной, и Гуансюй часто в свободное время ласкал ее у себя на коленях. Животное плохо разбирается, в каком настроении человек, поэтому она по привычке прыгнула на колени государя. Взбешенный император заорал: «Паршивая тварь!», схватил ее и с силой швырнул на землю. Не выдержав такого удара, нежная собачка жалобно пискнула, несколько раз перевернулась, вытянула лапки и издохла.

При виде мертвой болонки император почувствовал некоторое угрызение совести, но делать было нечего, собака уже испустила дух. Государь нахмурился, и тут в нем проснулось мальчишеское озорство. Он подозвал к себе внука, отдал ему соответствующее распоряжение, и на следующее утро, перед самым уходом из дворца государыни, сыграл с ней описанную выше шутку, чтобы хоть как-то отомстить за испытанное им самим унижение.

За хлопотами первая половина дня прошла у него быстро. Когда наступило время ужина, внуки, уже понявшие, что государь не отправится сегодня во дворец императрицы, опустили перед ним на колени, держа на головах серебряные подносы с бирками, на которых были написаны имена конкубин и наложниц. Гуансюй перевернул бирку с именем Бао и приказал немедленно позвать ее. В Летнем дворце правила были не такие, как в Зимнем: внуку не вменялось в обязанность доставлять наложницу на спине, не требовалось и специальных переодеваний. Через какие-нибудь четверть часа внуки ввели в императорские покои грациозную Бао. Совершив необходимую приветственную церемонию, наложница встала рядом со столом и начала подавать государю еду. Затем она взглянула на него и, не разжимая рта, засмеялась. "Император покраснел.

— Почему ты такая радостная? — смущенно спросил он.

— Я рада за вас, ваше величество, ведь вам удалось наконец испробовать свежий плод!

Император посмотрел на кушанья, расставленные в три ряда на столе. Здесь было больше ста блюд, но свежие фрукты отсутствовали. Мало того, блюда, стоявшие чуть поодаль, явно попахивали. Он понял, что Бао ревнует, и вздохнул:

— Никакой радости я не испытал, только злился, так что напрасно ты меня упрекаешь! Садись, поедим лучше вместе, пока никого нет!

Молоденький евнух принес скамеечку и поставил ее рядом с императором.

— Однако вы изволили злиться целых три дня! Можно сказать, что вашему величеству пришлось сыграть пьесу «Чжоу Юй * трижды приходит в ярость!» — засмеялась Бао, усаживаясь на скамеечку.

— Не веришь? Тогда поучись у моей тетки каждый день просматривать книгу записей!

Бао изумилась:

— Как? Старая императрица ежедневно следит за тем, что мы делаем?

Гуансюй встревоженно огляделся по сторонам и приказал евнухам выйти.

— Мне будет прислуживать наложница, а вы не нужны! — прибавил он.

Евнухи не посмели ослушаться приказа государя. Тут только император рассказал Бао о словах евнуха из Палаты важных дел и о той шутке, которую он сыграл с императрицей.

— Старая государыня и в самом деле чересчур забывчива! — произнесла Бао. — На словах передала власть вашему величеству, а по существу никакой свободой вы не пользуетесь! Теперь изволила добраться до вашей постели! Не удивительно, что ваше величество так рассердились! Боюсь, однако, что эта шутка может стоить вам слишком дорого. Императрица вряд ли снесет оскорбление, старая государыня наверняка за нее вступится, и тогда поднимется такой скандал, что ни один человек во дворце не сможет жить спокойно!

— Мне кажется, что даже танская У Цзэтянь не может сравниться с моей теткой в коварстве и жестокости! — запальчиво молвил государь. — Недаром она велела художнице нарисовать картину «Императрица

У Цзэтянь в полном облачении принимает сановников» и повесить ее на видном месте. Это явная попытка запугать меня!

— Рассказывают, что У Цзэтянь была перерождением одного из бодисатв, поэтому она и сумела совершить столько неслыханных дел,— промолвила Бао.— У нашей старой государыни тоже есть своя история, ваше величество знает о ней?

— Нет, а откуда она известна тебе?

— Эта удивительная легенда родилась тогда, когда старую императрицу впервые ввели во дворец,— ответила Бао.— Евнух Коу Ляньцай слышал ее от одного отставного придворного. Коу тайком передал ее моему евнуху Гао Ваньчжи, отсюда и я узнала о ней.

— Что же это за легенда? Расскажи!

— Вот что мне рассказали. При императоре Даогуане каждую осень в провинции Жэхэ устраивалась грандиозная облавная охота. Однажды Даогуан вместе со своими сыновьями и придворными выехал бить зверей. Вдруг на полдороге ему встретилась огромная белая лисица, которая, вытянув передние лапы и склонив до земли голову, преградила путь коню императора. Даогуан схватил драгоценный лук, вложил стрелу и хотел выстрелить, но в этот момент наследник престола — будущий император Сяньфэн — подъехал к нему и сказал: «Ваше величество, видимо, слава о вашей мудрости и добродетели распространилась так широко, что вам выражают покорность даже звери. Поэтому они и послали вам навстречу эту старую лисицу, которая целое тысячелетие занималась самоусовершенствованием и достигла высоких ступеней познания. Умоляю, не убивайте ее!»

Даогуан рассмеялся, спрятал лук и, дернув поводья, объехал лисицу стороной. После охоты он возвращался домой по старой дороге и вдруг вновь увидел лисицу, которая, повернувшись к нему, как и в первый раз, низко склонила голову. У Даогуана зачесались руки, он машинально спустил стрелу и убил зверя наповал.

Прошло десять с лишним лет, на трон вступил император Сяньфэн. Когда настало время выбирать служанок для дворца, ему подали список красавиц с подробными указаниями имени, фамилии, цвета знамени * и даты рождения каждой. Дойдя до страницы, на которой было написано про нашу старую государыню, Сяньфэн прочел:

«Урожденная Нара, принадлежит к желтому знамени *, носит имя Цуй, лет столько-то, родилась десятого октября в четырнадцатый год правления императора Даогуана» *. Сяньфэн взглянул на эту дату и стал что-то припоминать. Затем обернулся к евноху, который вел запись ежедневных деяний императора, и сказал: «Сдается мне, что в этот день произошло какое-то удивительное событие. Ну-ка, справься поточнее!»

Евнух послушно раскрыл толстую книгу и выяснил, что именно тогда была убита белая лисица. Император Сяньфэн засмеялся: «Оказывается, эта девушка в предшествующем рождении была старой лисицей!» И велел поставить ее служанкой в самую дальнюю беседку парка Юаньминьюань. Но надо сказать, что старая императрица выросла на юге и умела исполнять разные легкие песенки. Однажды Сяньфэн, гуляя по парку, услышал ее, подозвал к себе и заставил спеть возле галереи. На следующий день он назначил ее служанкой в собственной спальне. Вскоре, когда она глубокой ночью подавала ему чай, он осчастливил ее. Старая государыня родила будущего императора Тунчжи и получила титул «драгоценной наложницы».

Всю эту историю тайком передавали из уст в уста придворные евнухи, да еще вдобавок стали делать из нее разные глупые выводы. Одни говорили, что старая государыня была послана Сяньфэну в награду за доброту, когда он просил не стрелять в лисицу; другие — что в отместку за выпущенную в нее стрелу она собирается смутить покой Китая; третьи — что она приняла человеческий облик только для того, чтобы насладиться всеми благами земного мира и наверстать упущенное за время тысячелетнего самоусовершенствования. В общем, много ходило толков!

— Какая там награда за доброту! — саркастически усмехнулся император. — Вот смутить покой Китая, насладиться земными благами — это другой разговор!

— Старая императрица еще ничего, — продолжала Бао. — Самое противное существо — главный евнух Лянь. Пользуясь покровительством императрицы, он творит все, что ему угодно! Храм Белых облаков превратился в аппарат, через который он получает взятки, а настоятель Гао стал его первым наперсником в дурных делах. Все приезжие чиновники летят к Ляню, словно утки! За последнее время он приобрел еще большую власть, сделав свою младшую сестру служанкой во

дворце. Вдовствующая императрица очень благоволит к ней и даже называет барышней. Сейчас только двоим разрешено обедать вместе со вдовствующей императрицей: художнице Мяо Соцзюнь и ей. Недавно, когда княгиня, ваша мать, пришла на аудиенцию, ей вдруг было предложено сесть. Княгиня испугалась такой чрезвычайной милости, вся задрожала и сесть не посмела. А старая императрица говорит: «Это милость вовсе не ради тебя! Просто у барышни ноги бинтованные, она не может стоять. Если ты не сядешь, то и ей будет неудобно сидеть!»

Ваша матушка чуть не умерла от злости. Если так и дальше пойдет, чего доброго, повторится история с Вэй Чжунсянем и кормилицей императора *. Ваше величество должны принять против этого меры!

Государь нахмурился:

— А что я могу сделать?

— Все зависит от того, удастся ли вам найти и выдвинуть хотя бы нескольких преданных родине сановников, с которыми вы могли бы советоваться по наиболее важным делам. Это уберезет вас от всяких неприятных случайностей. В спокойное время вы могли бы с их помощью привлекать на свою сторону новых приверженцев, а в ответственные моменты — раскрывать заговоры и уничтожать изменников. На мой глупый взгляд, канцлер Гао Янцзао, министр Гун Нин, заместитель министра Цянь Дуаньминь и придворный историк Вэнь Динжу очень преданы вашему величеству. Следует найти подходящий повод и дать им реальную власть. Кроме того, талантливые люди есть и среди тех, кто только что выдержал государственные экзамены. Надо предоставлять им служебные вакансии, невзирая на очередность, и тем самым привлечь к себе сердца ученых. Старшая дочь князя Благонамеренного, которая сейчас находится при дворе, также известна своей прямоотой и строгими правилами, даже вдовствующая императрица побаивается ее. Вам следует быть с ней особенно приветливым. Короче говоря, вы сможете вершить всеми делами только в том случае, если сами будете представлять собой реальную силу. Я знаю, что ваше величество очень добры ко мне, поэтому и осмеливаюсь говорить так дерзко.

— Ты говоришь со мной абсолютно искренне! — вздохнул император.— Кто сейчас во всем дворце, кроме тебя одной, так чистосердечно предан мне?! — Он

отодвинул чашку с палочками и стал вытирать глаза маленьким платком.— Не могу есть!

Бао тоже не выдержала, и слезы заструились по ее щекам, словно жемчужины. Бросившись Гуансюю на грудь, она обвила его шею руками и сказала:

— Это я виновата во всех горестях вашего величества! Откровенно говоря, неприятности между вами и старой государыней начались только после бракосочетания. Уж не из-за того ли, что государь любит меня, а не императрицу? Если так, то это я навредила вам, а никто другой! Прошу вас ради интересов государства отказаться от меня!

Император крепко обнял молодую женщину.

— Я лучше умру, чем разлучусь с тобой! — сказал он нежно.

— Боюсь, что тогда ваше величество не сможет быть хозяином даже над самим собой!

— Мне остается потихоньку действовать так, как ты мне подсказала. Если я не возьму власть в свои руки и не сохраню даже любимой наложницы, то какой же я тогда мужчина?! — Он встал и гневно взмахнул рукавами.— Давай больше не говорить об этом!

Бао поспешно вышла и приказала младшему евнуху убрать со стола посуду. Долго еще они вели нежные разговоры. Ведь для влюбленных «трехдневная разлука все равно что три томительных года», им хочется, чтобы вечер радости продолжался целый век! Оставшись у императора, Бао сняла с себя драгоценности и положила их в шкатулку, где они пролежали до петушиного крика.

Быстро пролетела ночь, полная наслаждений. Когда они проснулись, шел уже пятый час. Бао торопливо поднялась с постели, оделась и, едва пригладив волосы, вернулась в свои покои. Император помедлил еще несколько минут, но затем тоже встал, умылся, съел завтрак и в обычное время, взяв с собой двух евнухов, спокойно отправился в зал Радости и долголетия пожелать тетке доброго утра.

Во дворе сияло чистое солнце, освещая желтые парчовые занавески на окнах. Кругом было удивительно тихо. Лишь любимая черная собачка вдовствующей императрицы по кличке "Выдра лежала у порога и сладко посапывала. Две фрейлины — дочь князя Блестящего и жена племянника вдовствующей императрицы — дразнили висящего в медной клетке пестрого попугая.

Художница Мяо Соцзюнь сидела на перилах и,

подняв голову, смотрела на плывущие по небу облака. Завидев государя, фаворитки тотчас осведомились о его здоровье, но на их лицах почему-то появилось испуганное выражение. Дочь настоятеля Гао, которую вдовствующая императрица называла «барышней», роскошно одетая и густо намазанная, стояла, грациозно изогнувшись, у самого входа в зал и, видимо, подслушивала. При появлении императора она отскочила в сторону и, приподняв дверную занавеску, пропустила его внутрь.

Государь перешагнул порог, поднял голову и остолбенел от испуга: перед ним было гневное лицо вдовствующей императрицы, холодное и непреклонное, как скала. Молодая императрица, прислонившись к трону, горько рыдала. Дрожащая Бао, низко опустив голову, стояла на коленях перед обеими государынями. Наложница Цзинь, многочисленные фрейлины и служанки, находившиеся возле окна, бросали друг на друга молчаливые взгляды.

— Его величество пожаловали! — язвительно обратилась вдовствующая императрица к вошедшему государю.— А я как раз хотела спросить, чем я провинилась перед вами? Почему вы во всем стремитесь действовать мне вопреки? Послушались чьих-то наговоров и решили оскорбить меня!

Государь поспешно опустил на колени.

— Разве я когда-нибудь перечил вам, тетушка?! А об оскорблениях и подавно говорить нечего! Где мог сыскаться столь наглый подстрекатель, о котором вы говорите? Умоляю вас не гневаться!

Старуха презрительно хмыкнула:

— Видно, я ослепла, раз сделала тебя, бессовестного, императором! Собственную племянницу отдала за тебя, сопливого! Чем она тебе не подходит? Наслушался в постели языкатой бабы и задумал оскорбить жену? Хорошую штуку ты вчера выкинул: да ведь это все равно что обругать последними словами! Она моя племянница: раз ты ругаешь ее, значит, поносишь и меня!..

— Я уже освободила для тебя комнату,— продолжала она, повернувшись к молодой императрице.— Будешь жить со мной. На свете еще много приятного, зачем ссориться с другими из-за какого-то червяка! — И старуха, вся пылая от ярости, повела императрицу за собой.— Пойдем посмотрим комнату!..

— А вы,— бросила она государю и Бао,— не притво-

ряйтесь! Вам нужно радоваться, что я вынула у вас шип из глаза!

С этими словами она в сопровождении толпы фрейлин направилась к дверям, не обращая внимания на коленопреклоненных Гуансюя и Бао. Те, перепуганные гневом вдовствующей императрицы, не осмелились сказать ни слова и, лишь дождавшись, пока старуха уйдет, поднялись с колен.

— Что произошло? — спросил государь у Бао.

— Когда я возвратилась от вашего величества, служанки сказали мне: «Только что евнух императрицы принес вам от нее подарок». Я открыла коробку и увидела мертвую собачку. Поняв, что императрица собирается свалить все дело на меня, я уже хотела пойти к ней и объясниться, но в этот момент меня вызвали к старой государыне. Едва я вошла к ней, как она сразу начала браниться на чем свет стоит, не дав мне и слова вымолвить, и заявила, будто это я научила вас сыграть такую шутку. Я никогда не видела императрицу в таком гневе. Оправдываться все равно было бесполезно. Оставалось только стоять на коленях и терпеливо слушать ее брань. Тут вы и вошли. Такого исхода следовало ожидать... Своей мальчишеской шуткой вы заживо схоронили меня, вот и все!

Император хотел что-то ответить, но Бао заметила торчащие в окна головы евнухов и торопливо остановила его:

— Ваше величество, идите скорее на аудиенцию. Время позднее, и сановники, вероятно, уже ждут вас!

Гуансюй кивнул головой и понуро поплелся в тронный зал. Бао задумалась. Если сейчас же не пойти к вдовствующей императрице с повинной, то жизнь вообще станет невозможной. Лучше уж сразу смириться и отправиться по свежим следам, не думая о том, как старуха ее встретит.

Все эти события произошли на следующий год после бракосочетания. С тех пор каждый раз, когда цинский император приходил пожелать своей тетке доброго утра, ответом ему было лишь холодное молчание. Так прошло три или четыре месяца, после чего внешне их отношения несколько наладились. Но на самом деле пропасть, разделяющая их сердца, становилась все более глубокой. В один прекрасный день вдовствующая императрица приказала возвести стену между своими покоями и спальней императора. В результате, когда Гуансюй на-

правлялся к какой-нибудь из своих наложниц или наложница сама шла к нему, они неизбежно должны были проходить мимо окон вдовствующей императрицы. Это было сделано специально для того, чтобы строго контролировать каждый шаг наложниц Цзинь и Бао.

После того как начальник области Юй Минь опозорился на аудиенции, его покровитель, главный евнух Лянь, сумел свалить всю вину за продвижение невежды на наложницу Бао, приукрасив свой рассказ множеством вымышленных подробностей, которые еще больше разогли в старухе подозрительность. Правда, император поступил с Юй Минем очень строго, и вдовствующая государыня не могла ничего возразить, однако гнев ее от этого только возрос, и она продолжала придумывать, как бы придрататься к Бао.

Тем временем в связи с назначением Юй Банли на должность начальника шанхайской области отовсюду поползли слухи, будто он получил свой пост благодаря протекции Бао. Однажды, когда император и Бао находились в Запретном городе, старая императрица внезапно посетила их дворец и обнаружила там письмо Вэнь Динжу к обеим наложницам, в котором тот просил оказать содействие одному человеку, не указывая ни имени его, ни фамилии. Вдовствующая государыня моментально объявила это письмо доказательством преступления, наказала Бао батогами и снизила ее вместе с Цзинь до звания «драгоценных людей». Евнухи, присматривавшие за наложницами, были частично перебиты, а частично сосланы. Кроме того, с этих пор она запретила императору навещать обеих наложниц. Подумайте, могли ли государь покорно снести подобное надругательство над его личностью? В этом-то и состояла причина размолвки между двумя дворцами.

Вэнь Динжу, будучи наставником наложниц Цзинь и Бао, знал дворцовые дела лучше, чем кто-либо другой, а министр Гун Пин обучал самого императора, и тот часто жаловался учителю на деспотизм старой государыни. С этими людьми Цянь Дуаньминь был в очень близких отношениях, и поэтому сейчас, когда разговор коснулся описанной выше темы, оказался сравнительно осведомленным.

— Я тоже кое-что слышал о размолвке между двумя дворцами,— промолвил он,— но, как мне кажется, на низложение государя старая императрица вряд ли решится пойти. Конечно, она давно уже мечтает об этом, но

ведь сейчас самый разгар войны, положение исключительно опасное. Думается, что ваше беспокойство не более основательно, чем страх человека из Цзи *. Если же это по-прежнему вас волнует, то генерал Лю Икунь на ваше счастье как раз в Пекине. Можете тайно повидаться с ним и попросить принять соответствующие предупредительные меры. А я посоветуюсь с канцлером Гао Янцзао и министром Гун Пином. Под предлогом защиты столицы мы вызовем в Пекин старого генерала хуайской армии Ни Гутина. Этот человек предан императору и смел, с ним можно быть абсолютно спокойным. Кроме того, мы попросим Чжуан Чжидуна — губернатора провинции Цзянсу — разместить войска Фэн Цзыцяя в районе Хуайхэ — Сюйчжоу. Эти меры заставят императрицу призадуматься, а если она и решит что-нибудь предпринять, мы будем готовы к отпору.

Вэнь Динжу восхищенно согласился.

— На мой взгляд, — продолжал Цянь Дуаньминь, — в настоящее время нас больше всего должны тревожить неудачи на фронтах. Вы один из активных сторонников военных действий и не можете не нести некоторой ответственности за сложившуюся обстановку. Смотрите: в прошлом месяце мы потеряли остров Люгундао; военный флот, который создавался с таким трудом в течение многих лет, полностью уничтожен; адмирал Дин Юйтин отравился, чуть ли не весь Шаньдун занят японцами. Сун Цинь со ста тысячами отборных солдат пять раз штурмовал город Хайчэн, где засело шесть тысяч японцев, но так и не сумел его взять. Сейчас вся надежда на шестидесятитысячную хунаньскую армию под командованием Хэ Тайчжэня, но она еще не приступила к действиям. Позавчера я получил от Хэ письмо. Он очень расстроен обвинениями, которые выдвинул против него цензор, и сообщает, что один его генерал под предлогом защиты Ляояна ночью удрал со своей армией с фронта, чем сильно поколебал боевой дух войск. Хотя Хэ Тайчжэнь по-прежнему бодрится и хвастает, я все же ужасно беспокоюсь за него.

Нельзя не признать, что при таком положении переговоры о мире являются единственным средством спасения. Однако наши дипломаты не сумели исполнить возложенной на них миссии: японцы придрались к каким-то выражениям в их верительных грамотах, и они только зря проехали. По правде говоря, в качестве полномочного представителя здесь годится только один

Ли Хунчжан. Да, только он! Причем ему необходимо дать право решать вопрос о контрибуции или уступке земли. Конечно, это будут не переговоры между двумя равноправными государствами, а всего лишь соглашение с победителем у стен осажденного города! Можно представить себе, какие грандиозные потери нас ожидают!

На днях император специальным указом назначил Ли Хунчжана главой делегации, сняв с него все ранее наложенные взыскания, и сейчас диктатор севера обсуждает с князем Благонамеренным и другими основное направление переговоров. Канцлер Гао Янцзао и министр Гун Пин не пожелали участвовать в этом обсуждении, уподобившись человеку, который, заткнув уши, крадет колокольчик. Если бы Хэ Тайчжэню удалось наверстать хоть часть упущенного и одержать крупную победу, подобно Фэн Цзыцаю во франко-аннамской войне, нам было значительно легче вести переговоры!

— Я слышал, что ваши земляки из провинции Цзянсу устраивают сегодня прощальный пир в честь советников северного диктатора — Ма Чжунцзяня и У Чиюня. Вы тоже в числе хозяев? — спросил Вэнь Динжу.

— Да, я как раз собираюсь идти туда. С Ма Чжунцзянем я хорошо знаком и даже читал составленную им «Граматику», а У Чиюнь, говорят, известный ученый. Он не только способный дипломат, но и большой специалист по западной философии. Необходимо пойти послушать, что они думают о нынешней обстановке!

Узнав, что Цянь Дуаньминь торопится на банкет, Вэнь Динжу не решился больше занимать его разговорами и, распрощавшись, удалился. Цянь поспешно облачился в красивое платье, предназначенное специально для приемов, приказал заложить коляску и направился к цзянускому землячеству. Когда он приехал, столличные чиновники в парадных мундирах уже заполнили до отказа восточную гостиную, и Цянь Дуаньминь по очереди поздоровался с каждым из них. Вскоре привратник ввел двух долгожданных гостей. По умному, благородному лицу, стройной фигуре и черным усикам Цянь Дуаньминь узнал в первом Ма Чжунцзяня. Второй — с широким суровым лицом, большими ушами и пышной бородой, — вероятно, был У Чиюнем. Члены землячества заранее выбрали Цянь Дуаньминя распорядителем банкета, поэтому он поднес гостям чай, сказал несколько вежливых фраз и попросил всех пройти в

большой зал. Когда церемония с разливанием вина и усаживанием * была закончена и шум стих, Цянь взял слово:

— За последнее время уважаемый господин Ли Хунчжан немало потрудился на благо родины. Надеемся, что это не отразилось на его здоровье. Когда вы собираетесь поехать в Японию? Вся страна с надеждой взирает на вас!

— Положение на фронтах становится все опаснее. Каждый день промедления способен лишь увеличить наши потери! — ответил Ма Чжунцзянь. — Диктатор севера сам очень торопится с отъездом и думает выехать завтра, сразу же после аудиенции у императора.

— Весь народ считает мирные переговоры позорными! — воскликнул Чжан Цянь. — То, что диктатор не испугался общего мнения и решил ехать в Японию, со всей очевидностью доказывает, что он верный помощник государя и преданный сановник! Но есть ли уверенность, что в результате этих переговоров не будет поставлено на карту само существование государства?

— Сунь-цзы говорил: «Знай других, знай себя, и ты победишь во всех битвах», — ответил У Чиюнь. — Разве господин Ли Хунчжан был против войны? Но для войны нужны силы, а диктатор понимал, что у нас их недостаточно, в то время как у японцев их избыток. Он не пошел вслед за невежественными и надменными людьми, которые недооценивали силы врага и легкомысленно настаивали на войне. Исход военных действий подтвердил правильность его точки зрения, однако господин Ли Хунчжан превыше всего ставит интересы отечества и поэтому забыл о нанесенных ему обидах. Обстановка сейчас такова, что мы рады каждому, даже маленькому достижению. О какой уверенности тут может идти речь?!

— Диктатор севера прилагал большие усилия к созданию флота и после маневров представил императору радостное донесение! — возразил чиновник Гун Гунфу. — Кроме того, действующие войска состояли преимущественно из отборных бойцов хуайской армии. Так почему же они были разбиты? Ли Хунчжан, считающийся талантливейшим полководцем, командовал всей армией, и за ее боеспособность он, казалось бы, должен нести некоторую ответственность!

Ма Чжунцзянь улыбнулся:

— Дорогой Гунфу, ты ведь сам все прекрасно знаешь. Разве военные ассигнования не расходовались из

года в год на другие нужды?! Разве диктатор не заявлял, что ему не хватает отпускаемых средств?! Разве поражения не связаны с недостатком оружия?! Да, в военных делах мы постоянно испытывали помехи! Когда вернешься домой, можешь спросить об этом у своего деда, министра Гун Пина. За сложившуюся ситуацию должен нести ответственность каждый, и господин Ли Хунчжан от своей доли не откажется!

— Я не собираюсь защищать Ли Хунчжана,— возмущенно вставил Инь Цзунъян,— но меня удивляет одно: всего несколько месяцев назад все как очумелые вопили о войне. А сейчас, когда мы потерпели поражение, каждый кому не лень ругает диктатора севера! Мне кажется, что причину нашего провала нужно искать не в Тяньцзине *, а в столице. Господин Ли Хунчжан, отличающийся дальновидностью, еще в мирное время предлагал реорганизовать вооруженные силы. Но что он мог сделать, когда чуть ли не каждая его смета встречала отпор со стороны Палаты внешних сношений и министерства налогов?! Когда японцы потопили корабль «Высокий взлет», диктатор просил выделить средства для приобретения оружия и советовал закупить в Южной Америке эскадру броненосцев, но ему, как всегда, отказали. А сейчас эти люди говорят: чтобы разгромить крошечную Японию, было вполне достаточно тех приготовлений, которые сделал Ли Хунчжан. Они, видно, забыли, как некогда сами выступали против его предложений! Подумайте, господа, разве диктатор севера заслужил эти упреки?

Ми Цицзэн, чувствуя, что разговор все больше и больше принимает характер дискуссии, вовсе не приличествующей правилам приема гостей, выступил с примирительной речью:

— Зачем вспоминать прошлое? Каждый несет за него ответственность. Вы совершенно правы, господин Ма Чжунцзянь! Мы надеемся, что диктатор забудет старые обиды и спасет Китай от опасности, а вы, господа Ма и У, поможете ему в этом. На нынешнюю миссию господина Ли Хунчжана взирает с надеждой весь четырехсотмиллионный китайский народ. Осмелюсь поднять бокал за процветание и счастье Китая! За счастье диктатора севера и вас обоих!

Он поднялся и осушил бокал. Все последовали его примеру. Ма Чжунцзянь и У Чиюнь, воспользовавшись случаем, распрощались и, покинув цзянсуское земля-

чество, поспешили на следующий прощальный пир. Устроители банкета также разошлись по домам. Здесь наше повествование пойдет по двум линиям: сейчас мы временно оставим в покое столичные дела и расскажем, как диктатор севера вел переговоры о мире.

После многочисленных прощальных визитов советники Ма и У вернулись в храм Мудрости и добра, где находилась временная ставка Ли Хунчжана. Надвигались сумерки. Слуги, стоявшие у ворот, при виде советников приблизились к ним и доложили:

— Диктатор только что вернулся и ждет вас для беседы!

Советники зашли к себе, переоделись и направились в кабинет начальника.

Тот с суровым видом сидел за письменным столом и, пощипывая седую бородку, колючими глазами просматривал телеграммы. При виде вошедших он чуть кивнул головой и сделал рукой неопределенный жест, видимо, приглашая садиться.

— Сегодня я изложил все свои соображения князю Благонамеренному,— начал Ли Хунчжан, продолжая читать телеграммы.— Прежде всего я попросил его не сравнивать предстоящие переговоры с соглашением, положившим конец франко-аннамской войне. На этот раз любое результативное решение наверняка вызовет ярость десятков тысяч, но я исхожу из требований момента и не собираюсь, подобно столичным болтунам, заигрывать с общественным мнением. Это они в погоне за славой способны забывать о главной цели! На это я попросил князя Благонамеренного обратить особое внимание. Кроме того, я выразил желание взять с собой в качестве советника своего старшего сына и просил князя доложить об этом императору. К счастью, князь человек умный и быстро на все согласился. Завтра мы непременно должны покинуть столицу. Отправьте телеграммы инспектору провинции Ло Цзичэну и начальнику области Цзэн Шуньсуню — пусть приготовят для нас морской корабль. По прибытии в Тяньцзинь мы сразу же отправимся в путь. Медлить больше нельзя!

— Форма наших верительных грамот передана Ито Хиробуми через американского посланника Денби,— напомнил У Чиюнь.— Не следует ли нам подождать ответа, чтобы узнать, устраивает ли она японцев?

— Ответная телеграмма только что пришла. Ито Хиробуми доложил о форме верительных грамот япон-

скому микадо, и тот остался доволен. Для ведения переговоров в Симоносеки микадо уже назначил полномочными представителями главу кабинета министров Ито Хиробуми и министра иностранных дел Муцу Мунэмицу. Они должны ждать там нашего прибытия.

— А я как раз хотел сообщить вашему сиятельству, что от наблюдателя Фостера получена телеграмма! — воскликнул Ма Чжунцзянь. — Он сообщает, что уже зафрахтовал для нас два судна: «Справедливый» и «Верный» и запрашивает о дате отплытия.

Внезапно на лице диктатора появилось недоуменное выражение.

— Смотрите, какое странное анонимное письмо! — сказал он.

Советники разом вскочили. Перед Ли Хунчжаном лежал лист тонкой шелковистой бумаги с черными клетками, на которой ломаным китайским языком было написано:

«Китайский полномочный посол! Ты помнишь Кояму Сэйносукэ? Сэйносукэ умер, а ты еще живешь! Берегись!

Двадцать восьмой год Мэйдзи, одиннадцатое февраля».

На конверте стоял точный обратный адрес: «Япония, префектура Гумма, уезд Оараки, деревня Осима». Не было только имени адресата.

Ма Чжунцзянь и У Чиюнь долго ломали голову, но не могли придумать никакого объяснения. Диктатор распушил бороду и усмехнулся:

— Снова выходка какого-то японского хулигана! Я семидесятилетний старик, мне давно безразлично, жить или умереть. Пусть поступает как ему вздумается, а мы будем заниматься своим! — Он отшвырнул письмо.

Быстро прошла ночь. На следующее утро Ли Хунчжан получил инструкции от вдовствующей императрицы и государя, а затем вместе с сопровождающими сел на специальный пароход и отплыл в Тяньцзинь, где не стал долго задерживаться. Его сын, наблюдатель Фостер, советники и сам диктатор разместились на корабле «Справедливый». Остальные сопровождающие и переводчики заняли «Верный».

Это случилось двадцатого февраля 1895 года. Небо было обложено мрачными тучами, бушевала вьюга. Но когда через три дня корабли достигли Симоносеки, их встретило ясное солнечное утро. Специальный предста-

витель японского министерства иностранных дел поднялся на палубу, чтобы приветствовать китайскую миссию. Он сообщил, что Ито Хиробуми и Муцу Мунэмицу уже ждут их и что местом заседаний избран ресторан «Весенний парус». Ли Хунчжан тотчас отправил своего сына Ли Иньбая и наблюдателя Фостера на берег, чтобы они договорились с Ито Хиробуми и Муцу Мунэмицу о первом заседании. На следующий день он вручил верительные грамоты и переехал в отведенную ему резиденцию.

Через два дня, когда начались официальные переговоры, диктатор севера прежде всего потребовал прекращения войны. Однако Ито Хиробуми стал шантажировать его, выдвинув в качестве условия временное размещение японских войск в Тяньцзине, фортах Дагу и заставе Шаньхайгуань. Несмотря на энергичные протесты диктатора, тот не уступал. После окончания третьего заседания — это было двадцать восьмого февраля примерно в четыре часа дня — Ли Хунчжан, весь пылая от ярости, вышел из ресторана «Весенний парус». Ему вспомнилось, как гордо он держал себя с Ито Хиробуми в 1885 году, во время заключения тяньцзиньского договора, и до какого унижения докатился сейчас. Да, их роли переменялись! Проведя всю дорогу в размышлениях, диктатор неожиданно поднял голову и увидел, что лучи заходящего солнца озаряют ворота его резиденции, наполняя все вокруг бледным печальным светом. Ли Хунчжан не удержался от тяжелого вздоха. В этот самый момент от толпы отделился какой-то юноша и бросился к его паланкину. Раздался гулкий звук, толпа забурлила, паланкин остановился. Диктатор почувствовал какую-то странную боль в левой щеке, пощупал — она оказалась вся в крови. Он понял, что ранен. Воистину:

Не безраздельно ль правит в Поднебесной
Лукавая и хищная лиса?

Что потрясло посланника Китая,
Как гром, загрохотавший в небесах?

Если хотите знать, остался ли диктатор севера жив, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

БРАТЬЯ РАССТАЮТСЯ, И САМУРАЯ ИДЕТ НА СМЕРТЬ.
СЛОВНО ГРОМ СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА, РАЗРАЖАЕТСЯ
БУРЯ РЕВОЛЮЦИИ

Мы остановились на том, что, подъезжая к своей резиденции после очередного заседания, Ли Хунчжан был ранен неизвестным юношей, отделившимся от толпы. Теперь читателя прежде всего, конечно, волнуют три вопроса: остался ли диктатор жив, кто в него стрелял и с какой целью? Но я прошу читателей извинить меня за дерзость, ибо я хочу временно оставить все эти важные проблемы неразрешенными и рассказать об одной крестьянской семье, затерявшейся на далеком и гористом японском острове.

Все предки этой семьи издавна занимались земледелием. В последнем поколении осталось только двое братьев, родители которых умерли. Поскольку братья совершенно не были похожи на остальных жителей деревушки, односельчане прозвали старшего Старшим безумцем, а младшего — Младшим чудаком. Дело в том, что они обладали разными характерами и резко выраженной индивидуальностью. Старший был очень умен, но ум его, к сожалению, перелился через край: в каждом слове или поступке у него неизменно проскальзывало нечто безумное. Однако это было не обычное, а какое-то странное безумие. Он сам часто говорил:

— Мой мозг совершенно пуст. Я способен лишь схватить чужую хорошую мысль и тут же усердно начать ее осуществлять. А брат мой очень глуп, только эта глупость неожиданно превратилась в гордость. Конечно, не в хорошую гордость, а просто в тщеславие!

Или:

— Мой взгляд напоминает натянутую нить: я смотрю только вперед, а на то, что делается вокруг, мне наплевать!

Таким образом, братья оказались совсем разными, соответственно природным качествам характеров. Но было между ними и общее: они выросли на берегу моря, среди страшных бушующих волн. Это сделало их исключительно храбрыми и равнодушными к смерти.

Даже пороки у братьев были различны. Первый любил вино и слыл героем среди пьяниц. Другой обожал азартные игры и превратился в завсегдатая игорных домов.

Подумайте сами: если каждый из них обладал подобными талантами и честолюбивыми стремлениями, что мог значить для них жалкий клочок тощей земли, доставшийся им от предков? Разумеется, землю они запустили, а вскоре вообще перестали ее обрабатывать и начали искать себе занятие по своим склонностям. Старший стал неизменным участником воинственных плясок в деревенских кабаках, а затем перебрался в Токио и поступил комическим актером в Императорский театр. Младший сначала работал слугой в игорном доме соседнего села, но вскоре старший брат вызвал его в столицу и помог устроиться управляющим в рулетку.

Рассказывал я долго, а кто эти братья, так вам и не объяснил! Старшего брата звали Кояма Сэйносукэ, а младшего Кояма Рокуносукэ. Оба они были уроженцами японской деревни Осима из префектуры Гумма.

Хотя в Токио им и удалось найти работу, однако настроение у них сейчас было совсем не то, что при выезде из родной деревни. Тогда они были полны надежд, а сейчас, едва сделав первый шаг в обществе, где, словно на фронте, шла непрерывная борьба, увидели вокруг себя неисчислимые полчища конкурентов и почувствовали, что второго шага им, пожалуй, сделать уже не удастся. Ежемесячный заработок братьев был так низок, что они не могли удовлетворить даже своих заветных желаний: выпить вина или поиграть в карты. Незаметно ими овладело унылое разочарование.

В довершение ко всему Сэйносукэ получил жестокий урок за свою невоздержанность. Он жил один в общежитии театра и однажды, напившись пьяным, легкомысленно прижал в углу служанку Ханako. Она была глуповатой, распущенной девкой, к тому же страдавшей наследственным сифилисом. Собственно, Сэйносукэ знал об этом, но Ханako сказала ему, будто уже вылечилась. Протрезвившись, Сэйносукэ горько раскаивался, но было уже поздно. Вскоре симптомы болезни дали себя знать. Встревоженный Сэйносукэ несколько раз ходил к врачу, выбросил на лечение немало денег, но все без толку.

Ему и так трудно было жить, а тут еще прибавилась болезнь. Немудрено, что Сэйносукэ стал роптать на свою судьбу, а пуще всего на Ханako, которая воспользовалась случаем и соблазнила его. Между тем глупая девица хотела продлить испытанное удовольствие, и это злило его еще больше. Каждый раз он отпускал ей пинок или

пощечину, что приводило Ханako в искреннее недоумение.

Однажды глубокой ночью, когда в общежитии было уже тихо, Сэйносукэ лежал на циновке и стонал от боли. Долго он ворочался, но заснуть никак не мог, и на ум ему вдруг пришла злая мысль:

«Почему я, никогда до того не знавший женщин, заразился этой грязной болезнью? Почему я, такой веселый, должен страдать? Сейчас никто не знает, что я заболел, а когда узнают, меня будут не только высмеивать, но и презирать! Ведь я еще не любил!.. Что, если я действительно полюблю и никто не ответит на мое чувство? Да и сам я не посмею кого-либо обманывать своей любовью! Выходит, всю мою славу, все счастье одним движением руки погубила Ханako. А ведь ею руководила только плотская похоть, необузданное желание выманить у меня деньги. Из-за них она довела меня до такого состояния! Я, умный человек, попался на удочку глупой бабенки, стал жертвой презренной развратницы! Не могу спокойно вспомнить о ней. Она мой единственный кровный враг! Если во мне осталась еще хоть капля мужского, я должен отомстить. Я должен убить ее!»

Он стремительно поднялся с циновки, нащупал на столе кинжал, которым часто пользовался во время театральных постановок, и, не одеваясь, бросился к двери. Тихонько открыв ее, он ощупью пробрался на нижний этаж, где жили служанки. В лунном свете, который лился из окна, он узнал комнату Ханako и на цыпочках подошел к ней. Свет блеснул на лезвии ножа. Он толкнул дверь — она оказалась незапертой — и, стиснув зубы, хотел было перешагнуть порог. Внезапно в лицо Сэйносукэ ударил порыв холодного ветра, и он вздрогнул от испуга. Его разгоряченное лицо стало медленно опускаться вниз, рука с занесенным кинжалом бессильно поникла.

«Зачем я пришел сюда? — спросил он себя, словно очнувшись. — Убить ее? Но ведь убийство — преступление, а убийца — злодей. И вообще, следует ли убивать Ханako? Ведь она искала встреч со мной не сознательно, а повинувшись непреодолимому влечению. Болезнь, которой она меня наградила, досталась ей от родителей. Она только жертва и не нарочно погубила меня. А к радости, к деньгам стремится каждый!»

Если считать Ханako преступницей, тогда всех на

свете следует перебить! Ханакэ — не Христос, чтобы одной нести наказание за грехи всего человечества! Она не заслуживает смерти, и тем более смерти от моей руки! Зачем я должен был напиться? Почему я не мог сдерживать себя? Я прекрасно знал, что совершаю ошибку, и все-таки лез на рожон! Без любви удовлетворять свою похоть — значит оскорблять женщину. Болезнь — возмездие! Она отомстила мне, какое же право я имею мстить ей?!»

Сэйносукэ понуро поплелся в свою комнату. Швырнув кинжал на стол, он бросился на циновку и зарылся с головой в одеяло. Он чувствовал себя неотмщенным, поэтому гнев его не проходил, а сердце словно жгли огнем. Ему казалось, что жизнь не имеет никакого смысла, во всяком случае такая жизнь, как у него! Некуда скрыться от болезни, нищеты, насмешек. Нет сил бороться против всеобщего презрения и ненависти. Долго он размышлял и наконец пришел к выводу, что есть только один путь, только один способ избавиться от всех несчастий. Что же это за путь, что за способ? Смерть! Значит, сразу наложить на себя руки? Нет, пока еще нельзя: он слишком любит своего брата Рокуносукэ. Надо сначала повидаться с ним, дать ему несколько советов, а умереть не поздно и завтра!

Всю ночь Сэйносукэ думал и не сомкнул глаз, а едва настало утро, торопливо помылся и поспешил в дом Рокуносукэ. Тот был еще в постели. Разбуженный внезапным появлением брата, он вскочил и пробормотал:

— Наверное, уже поздно? — Он взглянул на часы и удивленно воскликнул: — Ой, еще и семи нет! Брат, что случилось? Почему ты так рано?

Но тут, при свете утреннего солнца, он увидел мертвенно-бледное лицо Сэйносукэ, который с опущенной головой и сдвинутыми бровями молча упал в плетеное кресло.

— Что с тобой? Что с тобой? — вскричал Рокуносукэ, и сердце его учащенно забилося.

До свидания с младшим братом Сэйносукэ хотел многое сказать ему, но сейчас, когда они увиделись, слова точно застряли у него в горле. Лишь по прошествии некоторого времени, побуждаемый испуганными вопросами Рокуносукэ, он, заикаясь, рассказал о событиях вчерашней ночи. Сначала он хотел умолчать о своем намерении покончить с собой, но известно, что в критические моменты язык не слушается, и он неволь-

но выложил все. Рокуносукэ изменился в лице и сурово сказал:

— Смерть — это, конечно, пустяк. Но цели твоего самоубийства я, по правде говоря, не понимаю. Боишься, что люди тебя засмеют? Да я никогда не видал на свете настоящих людей! Не хочешь быть противен другим? А мне противны другие своим стремлением сблизиться со мной! Боишься боли? Но если ты не можешь стерпеть такую пустяковую боль, то какой же ты после этого японец? Самоубийство вообще я одобряю, но такое самоубийство, как ты задумал, это просто безумие! Я смотрю только вперед, а впереди есть путь, широкий путь! Нет, я никогда не покончу с собой!

Сэйносукэ был несколько смущен словами младшего брата. А тот отвел его в кафе, накормил завтраком и проводил до общежития. Здесь он снова принялся успокаивать Сэйносукэ, а вечером лег с ним спать, чтобы ни на минуту не выпускать старшего брата из-под своего надзора. Только когда Сэйносукэ заявил, что не помышляет больше о самоубийстве, Рокуносукэ успокоился и вернулся к себе домой.

Прошло некоторое время, старший брат не появлялся, и Рокуносукэ начал тревожиться. Улучив свободную минуту, он снова помчался в общежитие театра, но, подойдя к комнате брата, увидел, что дверь крепко заперта. Толкнул ее несколько раз — никто не откликнется. Рокуносукэ позвал боя; тот сообщил ему, что господин Кояма взял отпуск и вот уже пять-шесть дней как уехал в родную деревню.

Рокуносукэ заподозрил неладное. «Брат никак не мог вернуться домой, — подумал он. — Неужели он и в самом деле решил на самоубийство? Тогда это моя вина». Внезапно ему в голову пришла другая мысль: «Ханако, наверное, знает, куда уехал брат, хоть тот и ненавидит ее...»

— У вас здесь есть служанка по имени Ханако? — снова обратился он к бою. — Можно ее позвать сюда?

Бой улыбнулся:

— Вы спрашиваете о Ханако? К сожалению, она уволилась на другой день после отъезда господина Коямы... Куда она уехала, никто не знает!

И на лице его появилось злорадное выражение.

Рокуносукэ стоял как в воду опущенный и не мог сообразить, что ему делать дальше. Чувствуя, что оставаться здесь все равно бесполезно, он побрел в театр.

Управляющий и сослуживцы брата на его вопросы в один голос ответили, что Сэйносукэ действительно взял отпуск. Перед этим у него был какой-то встревоженный вид, приятели хотели спросить его о причине, но не посмели.

Рокуносукэ вернулся домой и поспешно написал письмо родственникам в деревню Осима. Сам же отправился бродить по всем кафе, барам и публичным домам. Промаялся целую неделю, но на след брата так и не напал.

Постепенно мысль о необходимости поисков начала бледнеть у него в голове. В это время японская эскадра только что разбила под Дадунгоу китайский флот, и вся страна, словно обезумев, предавалась победному ликова-нию. Особенно веселились токийские горожане. Зал рулетки был переполнен и днем и ночью, ставки исчислялись десятками тысяч, страсти разгорались, и низкорослый Рокуносукэ вдруг превратился в собственных глазах в великана. Его вера в себя еще больше утвердилась. Он хотел стать гражданином огромного восточно-азиатского государства и, разумеется, давно забыл о брате.

Однажды часов в семь утра, когда он после бессонной ночи в игорном доме, довольный, возвращался к себе домой, на пороге его встретила хозяйка с пакетом в руках.

— Наконец-то вы пришли! — еще издали крикнула она.— Здесь есть письмо для вас. Его только что принес какой-то человек с колючими усами. Говорит, привез из Китая. Вас он не застал, поэтому и передал мне.

Рокуносукэ с некоторым удивлением слушал хозяйку и, не дожидаясь, пока она кончит свою болтовню, взял у нее из рук пакет. Надпись на конверте была как будто сделана почерком брата. Сердце Рокуносукэ екнуло.

«Токио, район Симода, улица Рюсэн, дом 413, г-ну Кояме Рокуносукэ.

Китай, Тяньцзинь, Кояме Сэйносукэ»,— прочел он.

Убедившись, что письмо действительно от брата, и притом написано его собственной рукой, Рокуносукэ почувствовал неописуемую радость и торопливо разорвал конверт.

«Дорогой брат! Я думаю, когда ты получишь это письмо, ты будешь очень обрадован и удивлен. Обрадован тем, что я не осуществил своего сумасбродного

плана, а удивлен тем, что лишь спустя полмесяца тебе приходится узнать, куда исчез твой блудный брат. Однако сейчас я пишу тебе письмо не только из этих простых соображений. Мое намерение покончить жизнь самоубийством внезапно сменилось желанием прогуляться в Китай. Позволь мне с начала до конца изложить тебе причины подобного решения.

С тех пор как ты вразумил и успокоил меня, я отказался от нелепой мысли о самоубийстве, но жизнь все-таки казалась мне отвратительной, существовать в этом мире спокойно я не мог. Мечта о смерти по-прежнему не покидала меня, и я решил лишь сменить бесполезное самоубийство на гибель дорогой ценой. Я остался жить и ждать случая.

По счастливому стечению обстоятельств на следующий же день в нашем театре начали ставить трагедию под названием «Гибель разведчика». В ней показывался юноша, который во время войны проник в дом крупного сановника враждебного государства. Дочь сановника влюбилась в юношу. С ее помощью юноше удалось выведать важную военную тайну врага и передать своему командованию. В результате неминуемое поражение обернулось победой. Но вскоре юношу схватили и обезглавили вместе с дочерью сановника.

После этого спектакля я словно прозрел. Как тебе известно, я очень восприимчив, и сразу решил, что самое умное будет пересадить в свой бесплодный мозг растение, уже возвращенное в голову другого. Оно непременно принесет плоды!

А тут началась война с Китаем. Я подумал, что немало сыновей и дочерей моего народа уже стали разведчиками. Что мне мешает пойти по стопам патриотов и отдать свою жизнь ради раскрытия какой-нибудь важной тайны? Если дело удастся, меня будет ждать беспримерная слава. А провалюсь — достигну другой цели: избавлюсь от всех зол!

Приняв решение, я отправился в генеральный штаб и доложил о своих намерениях. В то время в штабе как раз разрабатывали план похищения важной стратегической карты. Меня проверили и признали годным. Получив тайный приказ, я, никем не замеченный, покинул Токио и прибыл сюда.

Уезжая, я терзался одной мыслью — что причину тебе немало волнений. Прости меня. Я уже приступил к выполнению приказа, а увенчаются ли мои старания

успехом — знает только судьба. Все, что в моих силах, я сделаю. Может быть, меня ждет гибель. Ну что же! Ведь мне все равно — погибнуть или добиться славы!

Запомни хорошенько мои последние слова: все, что произойдет до моей смерти, дело мое, но после моей гибели ответственным становишься ты: твое дело отомстить за меня. Надеюсь, что ты не посрамишь звания гражданина страны самураев!

Это письмо содержит государственную тайну, поэтому отсылать его по почте было нельзя. К счастью, наш великий соотечественник Амахино Тацухаку собирается на родину. Он верный товарищ, не проболтается. С ним и передаю письмо. Желаю здоровья. Твой несчастный брат Сэйносукэ».

Прочитав письмо, Рокуносукэ был взволнован и вместе с тем обрадован: хорошо, что брат наконец занялся настоящим делом, но ведь жизнь разведчика во вражеской стране каждую минуту подвергается опасности. К тому же брату надлежит похитить секретную карту, а это сопряжено с огромным риском. «Люди называли брата «Старшим безумцем», — подумал он про себя.— Пожалуй, это справедливо. Надоело ему жить спокойно, из-за какой-то служанки решил пойти на самоубийство! Когда самоубийство не удалось, по-прежнему не оставил мысли о смерти... Но раз он сам ищет своей гибели, значит, хочет ее! Это его сокровенное желание. Зачем же он просит меня о мести? И какое право он на это имеет? Смешно! Разве с возмездием можно шутить? Но больше всего меня удивляет исчезновение Ханако. Брат ненавидел ее и никоим образом не мог взять с собой. Куда же она делась? Да, это крепкий орешек!»

Внезапно Рокуносукэ вспомнил об Амахино Тацухаку: «Говорят, он поддерживает героев китайской революции. Как жаль, что я опоздал и не познакомился с таким замечательным человеком! Кто знает, представится ли в дальнейшем подобный случай? Надо непременно узнать его адрес и поблагодарить!»

Мысли Рокуносукэ лихорадочно прыгали; он никак не мог найти логику в поведении брата. Оставалось спрятать письмо и лечь отдыхать после бессонной ночи.

С тех пор на душу его словно лег огромный камень. Каждый день Рокуносукэ внимательно просматривал газетные сообщения о Китае, но о брате так ничего и не узнал. Одни только вести о победах трещали, как свя-

занные между собой хлопушки. Волна ликования захлестнула всю страну. Япония напоминала огромный извергающийся вулкан: дрожали даже подножия островов. Вскоре пал неприступный Порт-Артур, за ним Вэйхайвэй, в сражении у острова Люгундао был наголову разгромлен весь китайский флот, и заносчивый от природы Рокуносукэ начал мечтать о том, как Япония выгонит из Маньчжурии последних потомков Хуанди *, заменив их носителями «великого японского духа». Он даже решил, что одержанные победы способны сохранить жизнь брату и что Сэйносукэ теперь уже ничто не угрожает.

Когда Америка выступила в качестве примирителя воюющих сторон, Рокуносукэ отчаянно ругал ее. Потом японское правительство отказалось принять китайских послов,— это несколько умерило его гнев. Кто мог ожидать, что через некоторое время японское правительство все же согласится признать полномочным представителем диктатора севера? Рокуносукэ едва не умер от ярости. Целыми днями он сидел дома и, стуча кулаком по стене или столу, на чем свет стоит ругал членов правительства. В самый разгар этого приятного занятия дверь его комнаты скрипнула, и на пороге появилась хозяйка с визитной карточкой в руках.

— Вас желает видеть тот самый странный господин, который недавно приносил письмо! — сказала она.

Рокуносукэ понял, что это Амахиро Тацухаку, и велел немедленно просить.

В комнату непринужденно вошел человек богатырского роста в японской одежде, с широким лицом, мясистым носом и крупными, похожими на изогнутые мечи бровями. Глаза его ярко блестели, усы торчали словно острые копыя.

— В прошлый раз мне не удалось вас увидеть, поэтому я осмелился потревожить вас сегодня!

Рокуносукэ пригласил гостя сесть на циновку.

— Я давно хотел зайти к вам, чтобы поблагодарить за письмо, но, к сожалению, не знал адреса. Сгораю от стыда и радости, что вы не погнушались снова посетить меня!

— Я никогда не умел говорить комплиментов,— нетерпеливо прервал его Амахиро Тацухаку,— и не пришел бы к вам, если бы у меня не было дела. Известно вам что-нибудь о брате?

— После того письма я не получил больше ни строчки!

Амахиرو Тацухаку печально вздохнул:

— Какие там строчки! Ваш брат давно убит в Китае диктатором севера!

У Рокуносукэ едва не помутился рассудок от такого удара.

— Это правда?! — воскликнул он, вскочив на ноги.

— Ваш брат погиб, но совершил во имя государства великий подвиг!

Слезы ручьем полились из глаз Рокуносукэ.

— Если его убили, то какой он мог совершить подвиг?..

— Успокойтесь! — сурово произнес Амахиру Тацухаку.— Правительство до сих пор хранит эту операцию в тайне, но я все знаю и расскажу вам подробно о том, как было. Ваш брат получил от генерального штаба задание похитить подробный план укреплений трех важнейших китайских военно-морских баз: Порт-Артура, Вэйхайвэя и острова Люгундао. Когда я приносил вам письмо, я еще не знал об этом задании, мне было лишь известно, что он наш разведчик. Но недавно разведчица Ханako доставила в Японию похищенную им карту. История героической гибели вашего брата произвела сильное впечатление на правительство.

— Вы говорите о служанке Императорского театра Ханako?! — изумленно переспросил Рокуносукэ.— Она тоже была разведчицей?.. Но ведь мой брат убит, как же он мог выкрасть карту? И почему привезла ее именно Ханako?

— Здесь получилась не менее удивительная история. По словам Ханako, она еще в театре вступила в связь с вашим братом, а потом ваш брат из-за чего-то с ней поссорился. Он был слишком зол на все, поэтому якобы и избрал опасный путь разведчика. Ханako узнала о его намерении, попробовала отговорить, но ваш брат отвечал ей только руганью и побоями. Ничуть не обидевшись, Ханako по-прежнему продолжала следить за ним. Когда ваш брат поехал в Китай, она провела это и тайно отправилась вслед за ним. Брат ваш сначала об этом ничего не знал, но в Тяньцзине она нашла его, упала ему в ноги и объяснила, что домогается всего лишь смерти. Она клялась, что хочет быть не любовницей его, а товарищем, и что будет во всем помогать ему, пойдет за ним в огонь и в воду. Вашему брату ничего не остава-

лось, как принять ее. Впоследствии она стала поверенной во всех его делах.

Прежде всего ваш брат выяснил, что нужная ему карта имеется только в двух экземплярах: один хранится в департаменте диктатора севера, а другой — на квартире адмирала Дин Юйтина. Департамент охранялся чрезвычайно строго: буквально ни в одну щелочку нельзя было пролезть, поэтому ваш брат решил сосредоточить свое внимание на квартире адмирала. Он узнал, что карта хранится в кабинете, в ящике письменного стола. Когда Дин Юйтин выходил из дому, кабинет надежно запирался и все ключи передавались старому управляющему Дин Чэну, который жил во флигеле и должен был охранять дом.

От внешнего мира флигель отделялся стеной, которая выходила в глухой тупик, соединявшийся с улицей. Все это ваш брат хорошо высмотрел, но удобного случая пробраться к адмиралу никак не представлялось. К счастью, у вашего брата было две особенности, которые и послужили залогом успеха: во-первых, в театре он научился весьма чисто говорить по-китайски, а во-вторых, он очень любил выпить. Неожиданно Дин Чэн тоже оказался пьяницей. Не проходило дня, чтобы он не заглядывал в кабачок, находившийся рядом. Ваш брат узнал об этом, и вино помогло им познакомиться. С тех пор они начали пить вместе. Через каких-нибудь десять дней ваш брат стал платить за управляющего по счетам и дарить ему разные вещи, что еще больше сблизило их. Хотя Дин Чэн был человек жадный и очень любил всякие подношения, но и ему стало в конце концов неловко. Однажды он вдруг сказал вашему брату: «У меня есть кувшин хорошего вина. Сегодня вечером я открою его специально для тебя. Приходи, мы славно повеселимся! Посмотрим, у кого голова крепче!»

Подумав, что случай настал, ваш брат тотчас согласился. Отправляясь на пирушку, он приказал Ханako в третью стражу ждать его в тупике. В качестве сигнала он бросит ей камешек, после чего она должна принять похищенную карту и немедленно возвратиться в гостиницу.

Тем же вечером ваш брат действительно напоил Дин Чэна, разыскал у него на теле ключи от стола и выкрал карту. Как и было условлено, он перебросил ее через стену прямо в руки Ханako. Женщина вернулась к себе,

а ваш брат проспал всю ночь на одной кровати с Дин Чэном и только утром спокойно возвратился домой.

Итак, карту удалось добыть. Однако вашего брата беспокоило то, что она чересчур велика — не меньше тридцати листов — и отпечатана на слишком твердой и толстой бумаге. Как ее спрячешь в дороге? Наверняка не укроешься от зорких глаз таможенных досмотрщиков! Долго он ломал себе голову и наконец придумал выход. Два дня трудился, переводя карту на тонкую шелковистую кальку. Пересняв три основных листа, **он** вручил их Ханako со строгим наказом переселиться в другое место и зашить карту в одежду. Трогаться в путь она должна была только дня через два-три после его отъезда. Если с ним ничего не случится, лишний экземпляр карты не помешает, а если произойдет беда, останется еще одна надежда.

Сам же **он** решил во **что** бы то ни стало провезти подлинник. Заказал себе ящик с двойным дном, засунул внутрь карту, а ящик нагрузил книгами.

Через три дня, закончив все приготовления, ваш брат собирался покинуть Тяньцзинь. К несчастью, таможенный досмотрщикам в порту удалось обнаружить, **что** скрывается за книгами. Вашего брата отвели в департамент диктатора севера и тут же расстреляли.

Между тем Ханako оказалась умной и смелой женщиной. Узнав о гибели вашего брата, она не испугалась, а разрешила каждую копию пополам, завернула в тонкую резину так, что получилось шесть небольших шариков, привязала их на ниточку и перед самой посадкой на пароход проглотила, оставив нитку во рту.

По дороге ее несколько раз обыскивали, но так ничего и не нашли. Питалась она только молоком и бульоном и ценой многочисленных мучений все же доставила карту на родину. Хотя и говорят, что Порт-Артур и Вэйхайвэй нам удалось так легко взять лишь благодаря бездарности китайских генералов, на самом деле карта тоже сыграла здесь немаловажную роль. Что же касается Ханako, то после того, как врач извлек у нее из желудка шарики с картой, выяснилось, что она сильно повредила себе пищевод. До сих пор лежит в госпитале и, очевидно, уже не поправится.

Подумайте, господин Рокуносукэ, много ли сейчас на свете людей, которые не пожалеют своей жизни для родины, как ваш брат, или пойдут на смерть ради друга,

как Ханакэ? Я боялся, что вы не узнаете об их подвиге, поэтому и пришел сегодня к вам!

Но реакция Рокуносукэ оказалась для него неожиданной. Тот выпучил глаза, стиснул кулаки и бешено закричал:

— О, негодяй, мерзавец! Я должен отомстить! Раз Ханакэ не пожалела жизни для друга, я тем более не пощажу себя ради брата!

— Кого вы браните, диктатора севера? — укоризненно спросил Амахиро Тацухаку. — Через несколько дней он должен прибыть в Симоносеки. Это наша огромная международная победа! Если вы хотите мстить, выберите, пожалуйста, другое время.

Рокуносукэ промолчал. Амахиро Тацухаку произнес ему в утешение еще несколько фраз и величественно вышел.

Между тем Рокуносукэ, как уже говорилось, был против переговоров о мире, считая, что они задержат распространение великого японского духа. «Если Ханакэ так преданно выполнила приказ брата, то неужели я не способен отомстить за него?! Не исполнив его последнее желание, я не смогу считать себя честным человеком!» — думал Рокуносукэ, опечаленный гибелью брата и растроганный верностью девушки. Он, как всегда, смотрел прямо перед собой и видел только одно слово, написанное крупными иероглифами: «Мечь!» Остальное его не интересовало.

Написав по-китайски короткое предостережение, Рокуносукэ направил его Ли Хунчжану в качестве последнего ультиматума. С тех пор он каждый день с нетерпением ожидал прибытия диктатора и собирал все относящиеся к этому известия. Наконец он услышал, что китайский полномочный представитель действительно прибыл и будет вести переговоры в ресторане «Весенний парус».

Рокуносукэ тотчас решил привести в исполнение свой тайный план. В магазине уездного города Канагава он купил пятизарядный револьвер, запаса патронами и, спозаранку добравшись до Токио, выехал в Симоносеки. Когда диктатор севера после заседания в ресторане «Весенний парус» доехал до улицы Гайхин-мати, Рокуносукэ подошел почти вплотную к его паланкину и выстрелил. К счастью, пуля только разбила очки диктатора, попав ему в левую скулу. Полиция пропустила паланкин в здание посольства, а сама, разгоняя толпу,

бросилась в погоню за убийцей. Рокуносукэ был пойман.

Ли Хунчжан вошел в свою комнату и от большой потери крови тотчас лишился сознания. Подоспевшие врачи бросились его осматривать и тут только убедились, что рана не опасна для жизни. Поспешно приложили лекарство, останавливающее кровь, и забинтовали рану. Диктатор севера очнулся.

К этому времени о покушении узнали полномочные японские представители Ито Хиробуми и Муцу Мунэмицу, которые сразу примчались с извинениями и соболезнованиями. За ними нескончаемой вереницей потянулись местные гражданские и военные чиновники. На следующий день японский микадо послал Ли Хунчжану двух придворных врачей и бинт, сделанный собственными руками императрицы. Справившись о здоровье китайского посла, он приказал сместить с должности начальника префектуры и полицмейстера. Словом, история эта всполошила весь город.

Между тем диктатор севера с каждым днем чувствовал себя все лучше: пуля, засевшая в скуле, не слишком его беспокоила. Переговоры не были приостановлены, и Япония, опасаясь всемирного возмущения, пошла на уступки. Она даже без всяких условий согласилась на прекращение войны. Правда, Ли Хунчжану пришлось оросить свой рукав старческой кровью, зато переговоры пошли значительно энергичнее, и всего через два заседания был в основном выработан проект Симоносекского договора.

Как раз в этот день в суде префектуры слушалось дело Рокуносукэ о покушении на убийство. Зрителей собралось видимо-невидимо. Ма Чжунцзянь и У Чиюнь от нечего делать тоже отправились в суд посмотреть, как накажут преступника. Пока секретарь суда читал приговор, согласно которому смертная казнь все милостивейше заменялась пожизненной каторгой, У Чиюнь вдруг заметил в толпе огромного японца с колчужными усами, а рядом с ним — молодого китайца, мужественного и умного на вид. Лицо последнего показалось Чиюнью знакомым, но кто это, он сразу вспомнить не смог. Встретившись взглядом с У Чиюнем, молодой китаец вдруг смутился и, схватив японца за руку, быстро увлек его к выходу. Чиюнь озадаченно поглядел на Ма Чжунцзяня.

— Ты видел китайца, который только что вышел?

Ма бросил взгляд на дверь.

— Я не знаю его. Кто это?

— Это Чэнь Цин, известный революционер, член Союза китайской молодежи! Вчера я получил письмо от одного земляка. Он говорит, что за последнее время Союз молодежи усилил свою деятельность, наверное, в ближайшее время следует ожидать каких-нибудь событий. Видишь, Чэнь Цин снова приехал в Японию? Очевидно, неспроста!

Советники уже собирались покинуть зал суда, но в это время к ним протиснулся сотрудник китайского посольства и доложил:

— Его сиятельство просит господина У Чиюня срочно вернуться в посольство. Получена телеграмма от генерал-губернатора провинций Гуандун и Гуанси. Его сиятельство хочет посоветоваться с вами по некоторым вопросам.

У Чиюнь обернулся к Ма Чжунцзяню.

— Неужто революционеры начали действовать? Воистину:

Перед могуществом морской державы
Не устояли наши храбрецы,
Спасибо, что еще вернули землю,
Где прежде жили деды и отцы!

Если хотите знать, чем была вызвана срочная телеграмма генерал-губернатора двух южных провинций, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

НА ШУМНОМ ЗАСЕДАНИИ ПОЯВЛЯЕТСЯ СЛАВНЫЙ ВИТЯЗЬ.
В ПУБЛИЧНОМ ДОМЕ ДРУЗЬЯ НАПАДАЮТ НА СЛЕД
ИСЧЕЗНУВШЕГО ЧЕЛОВЕКА

Итак, китайские дипломаты находились в суде префектуры Ямагути и слушали дело о покушении на убийство, когда сотрудник посольства передал У Чиюню приказ диктатора севера вернуться для совета по поводу срочной телеграммы от генерал-губернатора провинций Гуандун и Гуанси. Как вы думаете, в связи с чем была послана эта телеграмма? Дело в том, что генерал-губернатор двух южных провинций господин Ли был старшим братом Ли Хунчжана. Недавно он получил секретную телеграмму от генерал-губернатора провин-

ций Цзянсу и Цзянси о том, что в Шанхае захвачена крупная партия боеприпасов, которую Союз китайской молодежи хотел отправить в Кантон. Боеприпасы, конечно, были полностью конфискованы, но люди, их отправлявшие, сумели скрыться.

Как удалось установить, среди них был важный государственный преступник Чэнь Цин, один из главарей Союза молодежи. По одним сведениям, он бежал в Гуандун, по другим — с помощью японского головореза Амахиро Тацухаку скрылся в Японии. Трудно было поручиться, что впоследствии, тайно вернувшись на родину, он не устроит грандиозный мятеж. В телеграмме содержалась просьба принять соответствующие меры и через диктатора севера узнать о деятельности революционеров в Японии.

Получив такое известие, господин Ли весьма обеспокоился. В Кантон было направлено немало способных агентов, но те принесли с собой лишь пустые слухи, так и не доискавшись до истины. Поэтому господину Ли и пришлось послать срочную телеграмму младшему брату. Он просил Ли Хунчжана попутно с дипломатической миссией разузнать о революционерах и, если представится возможность, убедить японское правительство арестовать Чэнь Цина. Последнее было бы особенно желательным.

В то время диктатор севера вместе со своим сыном правил сокращенную стенограмму китайско-японских переговоров, готовящую немедленно отослать ее в Государственный совет и Палату внешних сношений в качестве основы для будущего мирного договора. Телеграмма старшего брата не произвела на него ни малейшего впечатления: он не верил, что в Китае может произойти что-либо похожее на революцию.

— Опять твой дядя волнуется из-за пустяков! — засмеялся он, поглаживая бороду. — Все эти революционеры не более как нищие литераторы и бездомные попрошайки — чего их бояться?! Наши солдаты не могли победить иностранцев, но уж перебить кучку собственных бродяг им все равно что сдуть с руки пепел!.. Раз твой дядя поручает это дело мне, придется, конечно, что-нибудь сделать. Но только я не совсем представляю, с какого конца начинать...

— Революционеры действуют главным образом в провинции Гуандун, там же находится центр Союза молодежи, поэтому о них могут знать только гуандун-

цы,— ответил Ли Иньбай.— Почему бы вам, отец, не посоветоваться с У Чиюнем?

Сановник кивнул головой и послал за Чиюнем. Вскоре тот пришел, пробежал глазами телеграмму и улыбнулся:

— Воистину: не будь случайностей, не существовало бы и книг! «Заговорили о Цао Цао, а Цао Цао тут как тут!» * Я только что был в суде и видел там Чэнь Цина. Этого человека я знаю с детства. Он очень умный малый, жаль лишь, что стал революционером.

— Выходит, он действительно в Японии? — воскликнул сын диктатора.— Надо во что бы то ни стало арестовать его!

— Легко сказать! — возразил У Чиюнь.— Мы сами не имеем права его арестовывать, а Япония по международным законам обязана предоставлять убежище государственным преступникам чужой страны. К тому же его охраняет Амахиро Тацухаку, слышущий весьма отважным рыцарем!

— Тогда надо заманить этого Чэня в посольство, задержать, а потом отвезти на родину,— предложил Ли Иньбай.

Диктатор покачал головой.

— Нет, так не годится! Мирный договор висит буквально на волоске! Хотя посольство и обладает правом экстерриториальности, любой случайно просочившийся слух о самовольном задержании преступника может повлиять на ход переговоров, а это не шутки!

— Вы совершенно правы, ваше сиятельство,— поддержал У Чиюнь.— Позвольте мне разузнать о намерениях мятежников и доложить в Кантон. Этого будет вполне достаточно.

Решение было принято, и диктатор севера вновь углубился в стенограмму. Но об этом мы уже не будем рассказывать.

Известно, что когда мы смотрим на мир глазами обывателя, он представляется нам в виде какого-то царства хаоса: все суетятся, торопятся, спешат, а для чего — никому не понятно. Помнится, что однажды какой-то император во время путешествия на юг поднялся на гору и увидел оттуда на реке Янцзы множество судов. Он спросил буддийского монаха, сколько их. Монах ответил: «Всего два: одно называется «слава», а другое — «выгода»...

Мне кажется, что этот монах был типичным обывате-

лем. Ведь с тех пор как у человечества есть душа, она живет и чувствует. С тех пор как возникло общество, появилась история, а в истории очень много и радостных и прискорбных событий. О подвигах всегда рассказывают с воодушевлением. Проходят тысячи лет, а внуки по-прежнему не могут забыть славных деяний своих дедов и прадедов. Разве не передаются из рода в род легенды о том, как император Хуанди победил Чи Ю * и изгнал из Китая племя мяо? Но печальные события тоже трогают душу человека: каждый, сжимая кулаки и гневно сверкая глазами, клянется отомстить за позор родины. Пусть пройдет несколько веков, сменится сотня династий, но всегда найдутся люди, которые будут помнить о былых бедах и никогда не смирятся.

Я часто слышал от стариков, что, когда маньчжуры впервые вторглись в наши земли *, многие китайцы поднимались на защиту отечества. К сожалению, их выступления были разрозненны и потому обречены на провал. В конце концов остался один Чжэн Чэнгун *, который захватил Амой и переименовал его в округ Сымин *. Удержаться он здесь не сумел и вскоре бежал на Тайвань. В то время Чжэн был уже стар и понимал, что его сыновья и внуки не смогут удержать даже этого острова. Поэтому он решил бросить в китайскую землю семена национализма, которые через несколько сот лет непременно дадут всходы.

Как вы думаете, уважаемые читатели, что это за семена? Речь идет о тайных обществах. Основанная Чжэн Чэнгуном секретная организация называлась сначала «Союзом земли и неба». Потом она разделилась на две ветви: «Триаду», которая возникла в Фуцзяни, наибольшее распространение получила в Гуандуне, проникнув даже в Сиам, Сингапур, Сан-Франциско и Гонолулу, и «Союз братьев», который зародился в Хунани и охватил своим влиянием всю долину Янцзы. Обе ветви вместе назывались «Друзьями потопа», что означало: друзья Великого императора Хунъю *. А слово «Триада» произошло от ключевого знака воды, состоящего из трех точек и входящего в иероглиф «хун» — потоп.

Одновременно с этими организациями на севере возникли общества «Восьми гексаграмм» *, «Поклонения разуму», «Большого меча», «Малого меча» и другие, однако сил у них было мало и выступать они не решались. Лишь в 1767 году в провинциях Хубэй и Сычуань вспыхнул мятеж, известный под названием вос-

стания сычуаньских и хубэйских патриотов, который продолжался несколько десятилетий. Когда этот мятеж был подавлен, на сцену впервые выступила «Триада». Общество все разрасталось и разрасталось — до тех пор, пока в 1850-х годах Хун Сюцюань и Ян Сюцин не подняли восстания в деревне Цзиньтянь и не создали Небесное государство тайпинов, охватившее двенадцать провинций.

Но тут правительству, применившему тактику травливания одних на других, удалось привлечь на свою сторону «Общество братьев» и с его помощью разгромить «Триаду». Чжэн Чэнгун и предполагать в свое время не мог такого исхода!

После того как «Триада» была разгромлена, «Общество братьев» пошло в гору. Многие из его членов стали крупными чиновниками, военачальниками и министрами. Выгодная вакансия генерал-губернатора провинций Цзянсу и Цзянси также была куплена «Обществом братьев» за несколько сот тысяч человеческих голов. Каждый член общества, становившийся генерал-губернатором этих провинций, должен был выплачивать в год около миллиона серебряных лян своим бывшим соратникам — иначе он рисковал лишиться их поддержки.

С тех пор между «Триадой» и «Обществом братьев» началась непримиримая вражда, передававшаяся из поколения в поколение. Среди членов этих обществ были лекари, гадалки, бродячие фокусники, кучера, лодочники, почтальоны, кули, продавцы опиума, лавочники, аптекари, держатели ломбардов, странники, буддийские монахи, нищие даосы. Внешних опознавательных знаков у них не было, но когда они встречались, то приветствовали друг друга едва приметным жестом или произносили несколько загадочных фраз, из которых непонятный человек никогда бы ничего не понял. Они охотно становились мятежниками и бунтовщиками, без всякого сожаления бросали свои семьи и имущество. Где же тут слава, где выгода? Ради чего они проводили жизнь в скитаниях? Их побуждал к этому только национальный дух, который достался им от предков и которому они не хотели дать погибнуть навеки. Таким образом, среди людей, которых мы встречаем ежедневно, наверняка есть немало героев, будущих монархов, рыцарей, великих разбойников, но при самом пристальном взгляде мы можем увидеть не более одной или двух десятых из них.

В то самое время, когда «Триада» и «Общество братьев» были заняты братоубийственной войной, из Европы, с Атлантического океана, в Китай проникло два подводных течения. Одно из них шло мимо Африки, обогнуло мыс Доброй Надежды и через Индийский океан попало в провинцию Гуандун, а другое, начавшись у берегов Америки, пересекло Тихий океан и достигло Гонконга и Шанхая. Оба эти течения несли с собой революцию, причем в провинции Гуандун их воздействие было особенно велико, и остатки общества «Триада» оказались захваченными ими. Невесть откуда появившиеся юноши-герои тотчас создали «Союз китайской молодежи» и опубликовали свою программу, состоявшую в создании национальной республики. Хотя реальная мощь союза была еще невелика и он не мог сравниться с «Молодой Италией» Мадзини или русской революционной организацией Чернышевского, он был значительно сильнее обществ «Спасение» и «Возрождение» предшествующей династии или современного «Союза образования» в Шанхае. Члены союза повсюду зондировали почву, изучая возможности для организации восстания, и Чэнь Цин, которого увидел У Чиюнь в суде префектуры Ямагути, был как раз одним из таких людей.

Еще до бегства в Японию Чэнь Цин получил от союза задание выяснить обстановку в провинциях Цзянсу и Чжэцзян и установить связь с членами союза на местах. Прибыв в Шанхай, он хотел также привлечь в союз некоторых выдающихся людей, способных поднять авторитет организации. Но сколько он ни искал их, он встречал главным образом бездельников и пьяниц, которые проводили жизнь в пустых мечтах, или трусливых коммерсантов, заинтересованных только своей торговлей. В лучшем случае ему попадались книжники типа Ван Цзыцюаня, который в свое время давал советы государству тайпинов, или либералы типа Цай Эркана, проповедовавшего разные теории спасения государства в «Обществе расширения знаний» *. Правда, на одном из приемов ему как-то удалось познакомиться с реформатором-дипломатом Ван Гунсянем, выступавшим за упразднение системы государственных экзаменов и открытие школ, которого ему наперебой расхваливали земляки, и Тан Юхоем, удивлявшим всех своими попытками реформировать религию,— однако они придерживались весьма умеренных политических взглядов, ратуя лишь

за открытие парламента и конституцию, и не были способны взяться за оружие.

Чэнь Цин загрустил.

Однажды, проходя по одной из улиц района Хункоу, он заметил на воротах высокого иностранного дома надпись, сделанную черными иероглифами по белой эмали: «Отель Незыблемый монумент». Чэнь тут же вспомнил, что в этой гостинице всегда останавливалось много японских путешественников, в том числе и его старый друг Сонэ. Делать ему все равно было нечего, и он решил навестить японцев. Может быть, представится какой-нибудь непредвиденный случай! Он вошел в гостиницу, приблизился к китайцу, по виду напоминающему слугу, и, вынув из-за пазухи визитную карточку, объяснил, что хочет видеть господина Сонэ. Бой улыбнулся:

— Вам повезло! Он только что вернулся в гостиницу с одним из своих друзей! Прошу вас подождать, я сейчас доложу!

Вскоре бой пригласил Чэнь Цина в номер. Чэнь перешагнул порог маленькой, уютной, но отнюдь не японской гостиной, и навстречу ему с улыбкой поднялся высокий сухощавый человек с короткими усиками. Поблескивая живыми глазами, он пожал гостю руку.

— Давно мы не виделись с вами, господин Чэнь! Могли я думать, что сегодня вы пожалуете ко мне! Дерзну познакомить вас с одним моим товарищем: это господин Минами Манри, доблестный рыцарь, горячо поддерживающий дело преобразования в вашей стране, лучший друг Амахиро Тацухаку. Вы, наверное, уже слышали кое-что о нем?

— Ну конечно слышал! — воскликнул Чэнь Цин, пожимая руку приятелю Соизэ, невысокому, но очень мужественному с виду человеку со смуглым лицом и черной бородой.

— Это, вероятно, один из руководителей Союза китайской молодежи господин Чэнь Цин, о котором ты мне часто говорил? — спросил Минами Манри, обернувшись к хозяину.

— Да,— ответил Сонэ.— Амахиро Тацухаку хотел познакомиться с ним еще в прошлый раз, когда останавливался здесь, но мне тогда, к сожалению, не удалось найти господина Чэня. Впрочем, сегодня он встретился с тобой, а это все равно что увидеться с самим Амахиро. Ты можешь продолжать рассказ о том, как ездил в Ху-

нань, ведь господин Чэнь Цин для нас не посторонний человек!

— Хотя я и не видел никогда господина Амахиро Тацухаку, но много лет был дружен с его старшим братом Миядзаки Хэдзиро,— подтвердил Чэнь Цин.— Он всегда говорил, что революция в Азии должна начаться с Китая. Потом поднимется Индия, воспрянут Сиам и Аннам, спокойно вздохнут Филиппины и Египет. О, он воистину был маяком для всех обитателей Восточной Азии! Как жаль, что он скончался. Теперь его дело продолжает Амахиро Тацухаку, и он по праву может считаться нашим товарищем, нашим искренним единомышленником. Интересно, каких успехов добились вы, господин Минами Манри, во время своей поездки по провинции Хунань? Расскажите, мне бы очень хотелось послушать!

— На этот раз я приехал в Китай для того, чтобы установить связь с различными тайными организациями,— ответил Минами Манри.— Хунань — старое гнездо «Общества братьев». Там я познакомился с главой общества, изложил ему все и, кажется, произвел на него известное впечатление. Объяснил я ему и причины, вызвавшие их вражду с «Триадой». Сейчас я как раз собираюсь в вашу провинцию. Дело в том, что мы с Амахиро Тацухаку разделили свои функции: он отправился на север, а я на юг. Ваш союз — самая сильная революционная организация на юге Китая, поэтому сегодняшняя встреча с вами для меня просто дар неба. Прошу вас, расскажите мне подробнее о программе и членах вашего союза. Если можно, не откажите также в рекомендательном письме: оно поможет мне установить необходимые связи!

Чэнь Цин охотно описал Минами Манри основные цели, организационные принципы и наиболее выдающихся членов Союза китайской молодежи. Затем согласно просьбе Минами он написал ему очень искреннее рекомендательное письмо. И неудивительно: уmonoстроения обоих молодых людей были настолько близки, что перекликались словно храмовые колокола в горах. Забыв обо всем, они оживленно разговаривали.

Только в сумерках Чэнь Цин распрощался и вышел из гостиницы. Дома его ждала зашифрованная телеграмма из союза. Чэнь поспешно перевел ее с помощью специального кода. В телеграмме говорилось:

«Шанхай, Чэнь Цину, совершенно секретно. Из Сингапура нам выслана тысяча винтовок патронташей немецкого образца. Место получения — шанхайская фирма «Жуйцзи». Постарайтесь переправить оружие Гуандун.

Сунь Вэнь».

Прочитав телеграмму, Чэнь Цин сжег ее и поспешил в контору фирмы «Жуйцзи» проверить полученное сообщение. В конторе тщательно расспросили, кто он такой. Ответы Чэня, по-видимому, оказались удовлетворительными, потому что его сейчас же провели к управляющему. Тот сообщил, что оружие уже погружено на корабль фирмы, и Чэнь Цину остается только сопроводить его. Обсудив с управляющим все детали, Чэнь решил на другой же день отправиться в Гуандун.

Но когда он вышел из здания фирмы, у ворот он заметил двух коренастых молодчиков. Оба они были лет тридцати с небольшим и сверкающими глазами жадно смотрели на Чэнь Цина. Чэнь поспешно опустил голову и, не оборачиваясь, пошел вперед. Пройдя около одного ли, он обернулся и увидел, что шпики следуют за ним по пятам. Только возле самой гостиницы они вдруг смешались с толпой и исчезли.

Чэнь Цин не на шутку встревожился. Он поужинал и, взглянув на часы, стрелки которых показывали уже восемь, отправился в район Хункоу, чтобы встретиться с одним английским другом. На Белом мосту он остановился и стал прохаживаться взад и вперед, любуясь вечерним видом реки Хуанпу. Земля была залита лунным светом, дул приятный ветерок, и Чэнь чувствовал себя необыкновенно легко и весело. Вдруг сзади кто-то положил ему руку на плечо.

— Ты — Чэнь Цин?

Чэнь поднял голову и увидел человека в полицейской форме.

— Да! Ну и что из этого?

— Ты совершил неслыханное преступление, частным порядком купив оружие. Теперь не отопрешься! Полицейское управление получило приказ от инспектора провинции задержать тебя!

Растерянный Чэнь Цин не мог понять, серьезно ли говорит с ним полицейский, а тот, воспользовавшись заминкой, потащил его с моста и втолкнул в заранее

приготовленную карету. Сам полицейский сел вместе с ним и быстро захлопнул стеклянную дверь. На окнах висели черные занавески, поэтому внутри было мрачно, словно в темнице. Кучер дернул вожжи, и карета молнией понеслась вперед, увлекая Чэнь Цина неведомо куда.

Как раз в тот самый вечер, когда Чэня арестовали, в провинции Гуандун проходило заседание Союза китайской молодежи. Оно открылось в Кантоне, на Гражданской улице, в высоком доме, состоявшем из трех или четырех этажей. Несколько десятков юных героев совещались при свете керосиновых ламп. Стенные часы пробили девять. Через ряды заседавших протиснулся какой-то человек и, встав возле стола, воскликнул:

— Мои уважаемые товарищи, горячо преданные республиканским и революционным идеям! Вы знаете, что большинство государств Европы уже пережили по несколько революций. Каждая из них дала новый толчок к развитию этих государств. Все вы понимаете, что Китаю сейчас тоже нужна революция! Но мы не можем довольствоваться примитивными методами прежних стихийных мятежей: восстания прошлого уничтожали одну абсолютную монархию лишь для того, чтобы заменить ее другой, а цель нашей революции заключается в создании своего национально-республиканского правительства! Сегодня я просматривал список членов союза: к счастью, у нас уже немало единомышленников. Теперь мы должны разделиться на две части: одни поедут учиться за океан, чтобы в дальнейшем стать костяком нашего нового государственного аппарата. А другие останутся здесь — привлекать в наши ряды все новых и новых товарищей, чтобы в один прекрасный день сокрушить старый строй. Для выяснения обстановки мы послали летом своих людей во все места, за исключением стран Южных морей, Гонолулу, провинции Гуанси и Сан-Франциско. Сейчас они уже вернулись. Остался один Чэнь Цин, посланный в провинции Чжэцзян и Цзянсу. Позавчера от него получена телеграмма, в которой он извещает о скором выезде. Когда он придет, мы должны будем выработать основное направление нашей работы. Я думаю...

Но в этот момент в комнату стремительно вошел человек с широким лбом и пронизательным взглядом государственного деятеля.

— Господин Сунь пришел! Пришел господин Сунь! — заговорили все разом.

— Из Шанхая получено важное сообщение! — на ходу воскликнул тот.

Вы спросите, кто это был? Он носил фамилию Сунь, имя Вэнь * и был уроженцем провинции Гуандун. Предки его занимались земледелием. Сунь Вэнь также пахал землю в уезде Сяньшань, но потом это ему надоело, и он начал торговать. Вскоре и торговля показалась ему ничемным занятием, и он поехал в Гонконг учиться. Поразительные природные способности сделали свое: не прошло и нескольких лет, как он перечитал все английские и китайские книги, а также успел овладеть медициной. Сначала Сунь Вэнь питал пристрастие к христианским идеям всеобщей любви и равенства, но за время жизни в Гонконге он столкнулся с западным обществом, вдохнул в себя воздух свободы, проникся мыслями о гражданственности, национализме и стал законченным революционером-республиканцем. К тому же он не любил пустой болтовни и предпочитал практические действия. Не будет преувеличением сказать, что он больше, чем кто-либо другой, вложил сил в организацию союза и руководство его деятельностью. Сунь Вэню было немногим больше двадцати лет. Он носил черный суконный китель, на который пока еще свешивалась коса. Лицо его светилось благородством и умом — он не знал соперников в спорах.

Под гром восторженных рукоплесканий Сунь Вэнь направился к трибуне. Заместитель председателя союза Ян Юньцуй, который только что произносил речь, вышел навстречу, оставив за столом четырех членов правления: Оу Шицзе, Хэ Дасюна, Чжан Хуайминя и Ши Цзяньжу. Остальные члены правления, ревизоры, оперативные работники, шоферы окружили Сунь Вэня. Их лица дышали восторгом, смелостью и умом, их мужество могло объять весь земной шар.

— Уважаемые господа! — звонко произнес Сунь Вань, поднявшись на трибуну.— Выслушайте важное сообщение, присланное из Шанхая Чэнь Циню!

В зале тотчас воцарилась такая тишина, что даже птицы за окном не посмели нарушать ее.

— «Вашу телеграмму получил. С боеприпасами все в порядке. Сегодня выезжаю на немецком пароходе, но предварительно хочу сообщить: на днях, когда я проходил по Белому мосту, меня неожиданно остановил

человек в полицейской форме. Он сказал, что согласно приказу полицейского управления должен арестовать меня за контрабандный провоз оружия...»

В зале послышался встревоженный гул, делегаты переглядывались. Ян Юньцой недоверчиво поднял глаза на Сунь Вэня. Ши Цзяньжу заскрежетал зубами от гнева, и на его нежном лице выступила алая краска, похожая на зарю. Сунь Вэнь засмеялся и продолжал:

— «Он втолкнул меня в темную карету и после бешеной скачки высадил в двух-трех ли от моста, возле высокого европейского дома, стоявшего на пустыре. В сумерках я не разобрал, что это за место. Человек ввел меня в приемную, и вскоре при свете лампы я увидел какого-то коренастого мужчину, который вышел мне навстречу. «Я нарочно велел арестовать вас! — сказал мне со смехом мужчина.— Я глава «Союза братьев» Би Цзямин!..»

Сунь Вэнь на минуту прервал чтение и обратился к присутствующим:

— Как вы думаете, господа, с какой целью «Союз братьев» похитил Чэнь Цина?

— Хотели, наверное, захватить наши боеприпасы? — в один голос воскликнули Оу Шицзе и Хэ Дасюн.

— Нет! Здесь дело гораздо сложнее! — возразил Сунь Вэнь и снова начал читать: — «...Я уже не первый день слежу за вами,— сказал Би Цзямин,— и давно знаю, что вы — член Союза китайской молодежи. Извините за этот маскарад: вы нужны мне для того, чтобы связаться с председателем вашей организации Сунь Вэнем и с его помощью вновь примирить «Триаду» с «Союзом братьев». Наш союз и «Триада» вышли из одного источника, но во время тайпинского восстания между ними произошел раскол. Разве сейчас, когда китайская нация в опасности и страну терзают внешние и внутренние враги, не настало время прекратить междоусобные распри? Если все три наших союза сплотятся и поставят перед собой одну цель, то возможно, что и для Китая когда-нибудь настанет час возрождения! Я прошу вас срочно сообщить вашему союзу, что все смельчаки долины Янцзы готовы встать под пятицветные знамена господина Сунь Вэня и клянутся хранить ему верность до конца!» Когда я услышал о такой неожиданной поддержке, я буквально обезумел от радости. Пусть это сообщение послужит здравицей в честь китайской на-

ции! Да здравствует Союз китайской молодежи! Десять тысяч лет жизни председателю Сунь Вэню!»

— Раз «Союз братьев» раскаивается в своем поведении и готов вступить в национально-республиканскую армию, руководимую нашим союзом, мы должны забыть былую вражду и встретить их с открытым сердцем! — присовокупил Сунь Вэнь, дочитав телеграмму.— Я думаю, что глава «Триады» господин Лян также согласится с предложением Би Цзямина. Каково ваше мнение, господа?

Делегаты, первоначальная тревога которых сменилась радостью, ответили ему громом одобрительных аплодисментов. Четырнадцатилетний юноша Ши Цзяньжу, сидевший справа от председателя, вскочил и обратился к Сунь Вэню:

— Нельзя терять времени! Предлагаю тотчас телеграфировать Чэнь Цину, чтобы он убедил «Союз братьев» выступить в долине Янцзы! Одновременно следует послать делегатов в «Триаду», чтобы она подняла восстание вместе с «Союзом братьев». Сам же я готов ценою собственной жизни подорвать бомбой генерал-губернатора провинций Гундун и Гуанси! Гром этого взрыва разнесется повсюду, многострадальная китайская нация поднимется волной и водрузит свое знамя на арене истории! Я прошу председателя поскорее отослать телеграмму!

— Как храбр этот молодой герой революции! — прошептал Сунь Вэнь, но Ян Юньцой уже возражал оратору:

— Не нужно спешить! Подождем, пока придут боеприпасы, а пока выясним положение в «Союзе братьев» и, если нас не обманывают, приступим к действиям. Одновременно нужно связаться с «Триадой», иначе мы станем жертвами легкомыслия и поставим под удар осуществление наших планов.

«Сколько спокойствия и решимости! Какая глубина замысла! Сразу чувствуется опытный стратег революционной армии!» — отметил про себя Сунь Вэнь.

— Последнее время наш союз испытывает многочисленные трудности из-за недостатка средств,— вмешался в разговор Оу Шицзе.— Следует послать представителей во все наши базы на островах Южных морей за денежной поддержкой. Внутри страны нам, несомненно, помогут Чэнь Лун и Чао Гуйшэн — крупные капиталисты, готовые пожертвовать всем своим состоянием ради

революции. Нельзя рыть колодезь, лишь почувствовав жажду,— так можно провалить дело перед самым его успешным завершением!

«Как он предусмотрителен! Наконец в рядах революционной армии появился прекрасный финансист!» — улыбнулся Сунь Вэнь и произнес вслух:

— Смотрите, какие замечательные герои выросли среди нас! Кроме того, на нашу сторону перешли выдающиеся народные вожди. Стоит ли опасаться, что огромный Китай в двадцатом веке не воспрянет? Предлагаю с сегодняшнего дня называть нашу организацию Союзом возрождения Китая! А план восстания мы еще как следует обсудим, когда вернется Чэнь Цин. Каково общее мнение?

Собравшиеся энергично зааплодировали. Послышались радостные возгласы:

— Да здравствует Союз возрождения Китая! Да здравствует национальная республика!

Сунь Вэнь взглянул на часы. Стрелка стояла на одиннадцати, а поэтому, позвонив в колокольчик, он закрыл собрание и сошел с трибуны. Он решил вместе со всеми ждать приезда Чэнь Цина, чтобы обсудить план грядущего восстания с фактами в руках.

Прошло около недели, но вестей никаких не было. Члены союза каждый день ездили в Гонконг наводить справки, пароходы немецких компаний приходили уже несколько раз, однако Чэнь Цин не появлялся. Все встревожились. Посылать телеграмму было опасно: это грозило разглашением тайны, поэтому оставалось лишь потерпеть еще дня два. Но Чэнь Цин словно в воду канул. Сунь Вэнь созвал экстренное совещание, чтобы обсудить, как действовать дальше. Одни предлагали направить в Шанхай разведчика, другие говорили, что достаточно будет послать телеграмму тамошним членам союза. Третьи заявляли, что все это пустяки: наверное, Чэнь Цин задержало какое-нибудь дело и вскоре он приедет.

Мнения разделились. Сунь Вэнь не произносил ни слова, но чувствовал, что обстановка складывается весьма странно: «Неужели «Союз братьев» передумал? Да нет, этого быть не может!» Пока он ломал себе голову, в дверях появился человек и доложил:

— Вас желает видеть какой-то иностранец. Он сейчас за воротами!

Все переглянулись.

— А он послал визитную карточку? — спросил Сунь Вэнь.

— Он сказал, что его фамилия Морган.

— Скорее зови его! — воскликнул Сунь Вэнь.

Вскоре в комнату вошел англичанин в одежде миссионера. Выражение его лица было озабоченным. Завидев собравшихся, он поспешил снять шляпу и поклониться. Сунь Вэнь шагнул к нему навстречу и протянул руку.

— Откуда вы, мистер Морган?

— Только что из Шанхая, — ответил иностранец. — Я хочу задать вам один вопрос: вернулся ли член вашего союза Чэнь Цин?

Сунь Вэнь встревожился:

— Нет, он до сих пор не приехал. А вы встречались с ним в Шанхае?

— Виделся, и даже несколько раз. В последний день я пригласил его к семи часам, ждал до самого рассвета, но он так и не пришел. Наутро я отправился навестить его, однако хозяин гостиницы сказал, что Чэнь Цин ушел вчера после ужина и с тех пор не возвращался. Я подождал два дня, снова отправился к нему, но опять безуспешно; причем мне сообщили, что вещи его лежат нетронутыми. Меня это немного смутило. Стал тайно расспрашивать — нигде никаких следов. Я решил, что вы срочно вызвали его по какому-нибудь важному делу, сел на пароход и приехал сюда, чтобы разузнать все как следует. Оказывается, его и здесь нет! Что за странная история?

— Самое странное, что десятого мая он лично послал нам сообщение о том, что выезжает в Гуандун на пароходе немецкой компании, — заметил Сунь Вэнь.

Морган в отчаянии хлопнул рукой по столу.

— Тогда все пропало! На корабле немецкой компании, вышедшем в рейс десятого мая?! Я слышал, что таможенники обнаружили на нем большое количество иностранных винтовок и боеприпасов. Хозяин компании привлечен за это к суду! Но люди, перевозившие оружие, говорят, скрылись все до единого, — никого поймать не удалось. Эти боеприпасы принадлежали вашему союзу?

Все побледнели от неожиданного удара. Сунь Вэнь вздохнул:

— Такова, видно, воля неба! — Он помолчал немного. — Но тут наверняка кроется еще что-то: иначе Чэнь Цин сообщил бы о себе шифрованной телеграммой. Я считаю, что необходимо послать в Шанхай толкового

и осторожного человека, который мог бы узнать, что произошло с Чэнем...

Ян Юньцюй вскочил со стула.

— Разрешите поехать мне!

— После случая с боеприпасами таможенники обыскивают особенно тщательно, так что будьте начеку! — предостерег Морган.

Ян рассмеялся:

— В мире никогда не было революционеров, которые боялись бы смерти! Как бы тщательно они ни обыскивали, меня это не остановит!

Морган с улыбкой взглянул на Сунь Вэня.

— Смелость господина Ян Юньцюя показывает, что за последнее время единство рядов вашего союза укрепилось еще больше. В Англии мне тоже удалось основать одно общество. Оно называется «Союз друзей Китая» или по-английски «of China Friends Society». Центр его находится в Лондоне, а отделения — во всех странах мира, где оно сеет семена демократии и свободы. Если ваш союз поднимет восстание, наши товарищи все как один придут вам на помощь!

Сунь Вэнь поблагодарил гостя, и Ян Юньцюй отправился к себе собирать вещи. Выехав в Гонконг, он пересел на пароход, отплывающий в Шанхай.

Тут наш рассказ снова потечет по двум линиям. Начать придется с Ян Юньцюя, который через шесть дней добрался до цели. Здесь, в Шанхае, председателем отделения Союза возрождения Китая был очень способный и волевой работник Лу Чунгуй, которого с Ян Юньцюем связывала долготелная дружба.

Сойдя на берег, Ян направился к Лу Чунгую и поселился у него на квартире. Лу работал переводчиком на телеграфе и всегда был отлично осведомлен обо всех международных новостях, но даже он не знал, куда исчез Чэнь Цин. Обрадованный приездом друга, Лу Чунгуй бегал с Ян Юньцюем по городу и изо всех сил помогал ему наводить справки. Прошло десять с лишним дней, но сдвига никакого не намечалось. Ян не на шутку загрустил. Опасаясь, как бы его друг не заболел с тоски, Лу Чунгуй однажды вечером ворвался к нему в комнату и радостно воскликнул:

— Юньцюй! Довольно тебе киснуть! Пойдем прогуляемся хоть разок! Ты знаешь наложницу покойного лауреата столичных экзаменов Фу Цайюнь?

— Это та самая, которая умудрилась сфотографиро-

ваться вместе с германской императрицей? — спросил Ян Юньцой.— Что с ней сейчас?

— Она покинула семью Цзиней, переименовала имя и открыла веселый дом в квартале Счастье ласточки *. Вчера мы пировали в ресторане, и я уже приглашал ее к себе. А сегодня я сам решил устроить пирушку — специально, чтобы развлечь тебя!

Не желая слушать возражений Ян Юньцой, он схватил его за руку и потащил за собой. У ворот их ждала коляска. Свистнула плеть, раздался крик возницы, и повозка в одно мгновение оказалась в квартале Счастье ласточки.

Когда друзья поднялись к Цайюнь, выяснилось, что ее ненадолго вызвали в какое-то другое место. Здесь было лишь несколько модных девиц, которые буквально сбились с ног, стараясь угодить многочисленным гостям, переполнявшим три комнаты заведения. Для Лу Чунгуя был оставлен специальный кабинет.

— Господин Лу,— засмеялась девица Амао, строя ему глазки,— вы уж извините нас: когда госпожа придет, она сама займется вами и постарается наверстать упущенное!

Лу Чунгуй улыбнулся в знак того, что готов ждать. Ян Юньцой огляделся: комната была убрана богато и с большим вкусом. Широкая кушетка с парчовой обивкой, металлическая кровать с тонкой резьбой и ажурным пологом, на стенах — картины знаменитых художников, на полу — цветной русский ковер... Ян заглянул в следующую комнату. Там был уже накрыт стол, вокруг которого сидело множество гостей с благородными лицами.

Внезапно до слуха Ян Юньцой донеслась гуандунская речь. Он весь обратился в слух.

— Повсюду ищут Чэнь Цина, а он, оказывается, удрал в Японию! — говорил один из гостей постарше.— Там мы его и встретили!..

— Все равно схватить его не удалось,— вставил другой.— Он целыми днями вместе с Амахиро Тацухаку обсуждает революционные проблемы!

— Даже если бы он сам лез мне в руки, я все равно бы его не взял,— возразил старик.— Что толку? Схватишь одного, а на его месте другой появится!..

Ян Юньцой чуть не заплясал от радости.

— Слышишь? — толкнув в бок Лу Чунгуя, прошептал он.— Мы, можно сказать, железные тупфли

истоптали в поисках Чэнь Цина, а теперь без всякого труда узнали, где он!

— Что это за люди? — так же тихо спросил Лу.—
Погоди, я сейчас узнаю!

Он махнул рукой Амао, которая стояла у окна в соседней комнате. Дверная занавеска была откинута; девушка заметила его жест и приблизилась.

Воистину:

Схвачен был словно облако
Муж, которому равных нет.

Первой в мире красавицы
Отыскался в притоне след.

Если хотите знать, что ответила друзьям Амао, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

В ПЬЕСЕ «БЕЛАЯ ОТМЕЛЬ» ЗНАМЕНИТЫЙ АКТЕР
БРОСАЕТ ШЛЯПУ.

ВОЗЛЕ ГАВАНИ СИНЕГО СОЛНЦА ПРЕКРАСНАЯ ПТИЦА
УПАРХИВАЕТ ИЗ КЛЕТКИ

Вы уже знаете о том, что член Союза возрождения Китая Лу Чунгуй пригласил своего друга Ян Юньцюя к гетере Фу Цайюнь, недавно открывшей заведение в квартале Счастье ласточки. И тут, прислушавшись к разговору гостей, сидевших в соседней комнате, они узнали, куда скрылся от гибели их товарищ.

Я думаю, когда читатель дойдет до этого места, он непременно скажет, что мы отклонились от главной темы: ведь я не рассказал, что случилось с Цайюнь после того, как она с госпожой Чжан выехала из столицы. К тому же читатель вправе недоумевать, каким образом Цайюнь, твердо пообещавшая целый год соблюдать траур по мужу, убежала из дому немедленно после прибытия на юг.

Здесь я прошу читателя извинить меня за то, что у меня всего один язык, неспособный говорить сразу о двух вещах. Если вас действительно интересуют приключения Цайюнь, позвольте мне рассказать о них с начала до конца. Как известно, наложница еще при жизни Цзинь Вэньцина вступила в связь со знаменитым исполнителем военных ролей Сунем Третьим, который занял оставшееся вакантным место Афу. Их знакомство

состоялось в ресторане «Звезда литературы», на праздновании дня рождения начальника отдела департамента дворцовых дел Гуань Цина.

Дело в том, что Гуань Цин некогда был главарем столичных лоботрясов и очень любил театр. Его дочь, по прозвищу Пятая красавица, на самом деле не блистала красотой, но зато отличалась весьма вольным поведением. Переодевшись в мужское платье *, она частенько заходила в рестораны и так же, как отец, слыха в Пекине заядлой театралкой *, Поэтому сейчас, когда по случаю дня рождения в ресторане решили устроить спектакль, на него были приглашены чуть ли не все знаменитые актеры столицы. Среди них оказался, конечно, и Сунь Третий.

Цзинь Вэньцин — гордость академических кругов — всегда относился к Гуань Цину с пренебрежением, но Цайюнь очень сблизилась с Пятой красавицей на почве сходных вкусов и, разумеется, не упустила случая полюбоваться на столь грандиозное представление. Вместе с несколькими столичными львицами и дочерью хозяина она заняла специальную ложу. Женщины смотрели пьесу и без всякого стеснения болтали: одни разбирали по косточкам внешний вид и костюм героя и героини, другие обсуждали игру и пение исполнителей ролей стариков и женщин. Разговор велся горячо и весело.

Когда какой-нибудь отрывок пьесы приходился им по душе, они точно так же, как мужчины, вынимали из карманов красные конверты с деньгами и приказывали служанкам бросать их на сцену. Из-за кулис тотчас появлялся слуга, который кланялся и кричал: «Благодарим такую-то госпожу или такую-то барышню за подарок!» Некоторые актеры посмышленнее даже сами поднимались в ложу с изъявлениями признательности. Светские львицы всю заигрывали с ними. «Я немало видела спектаклей на званых обедах в столице,— подумала про себя Цайюнь,— но на театральное представление маньчжуров попала впервые. Оказывается, это очень интересно! Здесь, пожалуй, веселятся не менее свободно, чем на балах и ужинах в Париже и Берлине!»

Когда человеку что-нибудь нравится, время для него мчится словно быстрая упряжка. Цайюнь посмотрела больше десяти коротких пьес и не заметила, как стемнело. Тут сердце ее беспокойно забило: она опасалась, что Цзинь Вэньцин будет ворчать, если она поздно вер-

нется. И дело заключалось вовсе не в том, что она была излишне робкой и осторожной, — просто после событий с Афу муж покорил ее своей мягкостью. Цайюнь в конце концов умела ценить доброту, и хотя ей было очень приятно любоваться представлением, угрызения совести взяла свое. Поднявшись, она стала прощаться с Пятой красавицей, но та схватила ее за руку и снова усадила на стул.

— Почему вы торопитесь, госпожа Цзинь? — спросила она, улыбаясь.— И не думайте уходить! Самой лучшей пьесы еще не показывали!

— Я уже достаточно посмотрела сегодня, — попробовала возразить Цайюнь.— Вряд ли покажут что-нибудь еще более прекрасное.

— Неужели вы не слышали о пьесе «Белая отмель» с участием Суня Третьего? — воскликнула Пятая красавица.— Это его коронная роль. Успеете домой! Чего торопиться?

Видно, было суждено произойти этой пагубной встрече, так как Цайюнь сразу же безвольно опустилась на стул! Через мгновение загремели гонги и барабаны, в партере раздались восторженные возгласы, и на сцене, откинув расшитую дверную занавеску, появился Сунь Третий, одетый Одиннадцатым господином. На голове у него красовалась белая войлочная шляпа с завернутыми кверху полями, а на плечах — серебристый военный халат, унизанный жемчугом. Поддерживая рукой белую палку с двумя кисточками по краям, изображавшую коромысло с поклажей, он вышел к освещенной яркими огнями рампе. На его овальном, пышущем здоровьем лице лежал отпечаток смелости и ума, живые, чуть раскосые глаза бросали во все стороны пламенные взоры... Прямой нос, длинные брови, алые губы, из-под которых выглядывал ровный ряд белых зубов... Словом, на сцене вдруг появился молодой, красивый, гордый герой, образ которого живет в сердце каждой женщины. У легкомысленной Цайюнь помутилось в глазах, сердце ее неудержимо застучало: то, что она увидела, подавляло разом и миниатюрность Афу, и мужественность Вальдерее,

Никто не мог предполагать, что Сунь Третий со сцены также искоса поглядывает на Цайюнь. Он не знал, откуда эта женщина, но чувствовал себя словно Чжан Цзюньжуй, встретивший Иньин *. Душа его парила в эмпиреях, а глаза были прикованы к ложе. Их взгляды

несколько раз сливались в поток, и поток этот был полон огня.

Однако Сунь Третий не только не забыл при этом своей роли, а напротив, принялся играть с еще большим усердием. Когда по ходу действия ему надлежало сразиться, он выскочил на авансцену и со словами: «Способность подавлять гнев и молчать — отличительные черты благородного человека, но тот, кто видит, как убивают другого и не приходит на помощь, просто подлец!» — сорвал с себя шляпу и швырнул в сторону. С умыслом или нечаянно, но только он бросил ее слишком сильно, и шляпа, словно зная, куда ей нужно лететь, упала прямехонько в ложу, на грудь Цайюнь.

В зале поднялся оживленный шум, среди которого можно было уловить и недовольные и одобрительные возгласы. Гуань Цин несколько смутился и громко приказал позвать к себе хозяина труппы. Что касается Цайюнь, то она сделала вид, будто ничего не произошло. Она лишь бросила шляпу назад Суню Третьему и пленительно ему улыбнулась. Сунь поймал шляпу, покраснел и поклонился Цайюнь. Зрители давно забыли про пьесу и тысячами глаз жадно наблюдали за настоящим спектаклем, который разыгрывался перед ними. Гуань Цин послал к Цайюнь слугу с извинениями и пообещал после представления сурово наказать Суня Третьего.

— Пусть ваш господин ни в коем случае не утруждает себя! — поспешно ответила Цайюнь. — Актер сделал это нечаянно и ничуть меня не ушиб.

Пятая красавица с улыбкой поддержала ее:

— Разумеется! Госпожа Цзинь женщина светская, привыкшая бывать во дворцах. Она не из тех девиц, которые, кроме соевого творога, ничего не ели и вечно всего стесняются. Посмотри, с каким достоинством она себя держит: никому из нас не угнаться за ней! Скажи отцу, чтобы он не ругал актера. Пусть после спектакля Сунь Третий сам придет сюда и попросит извинения у госпожи Цзинь. Вот и все! — Она обернулась к Цайюнь и понимающе прищурила глаза. — Вы согласны?

Цайюнь кивнула.

Вскоре слуга действительно вернулся, ведя за собой Суня Третьего. Актер приблизился к перилам ложи и, с улыбкой глядя на Цайюнь, отвесил почтительный поклон.

— Прошу госпожу извинить меня за неосторожность! — проговорил он.

Цайюнь едва не бросилась к нему, чтобы удержать от поклона, однако поборола себя и, чуть приподнявшись со стула, кинула на него томный взгляд.

— Пустяки!..

Они произнесли всего лишь по одной ничего не значащей фразе, но взгляды, которыми они обменялись, были ярче и выразительней тысячи слов.

Такова была история знакомства Цайюнь с Сунем Третьим. Вспыхнувшее чувство все крепло, поэтому Цайюнь с Пятой красавицей прорывалась на все частные спектакли, где бы они ни устраивались: в ресторане, храме или в доме какой-нибудь знатной особы. Молодая женщина постоянно искала случая встретиться с Сунем Третьим, и они стали неразлучны, точно склеенные лаком. Тайком от Пятой красавицы Цайюнь подкупила своего возницу и несколько раз назначала Суню Третьему свидания в иностранной гостинице Восточного посольского переулкa. Но этого ей показалось недостаточно для полного наслаждения, и тогда она сняла на Косой улице домик. До болезни Цзинь Вэньцина любовники столь страстно предавались здесь своим утехам, что о них повсюду пошли сплетни. Наконец слухи достигли ушей Цзиня, и этот почтенный лауреат, прогремевший как в Китае, так и за его пределами, в полном смысле слова умер от ярости.

Смерть Цзинь Вэньцина чрезвычайно обрадовала Суня Третьего. Он решил, что отныне Цайюнь будет принадлежать только ему. «Все равно семья Цзиней не потерпит ее в своем доме,— размышлял он.— Да и Цайюнь не захочет хранить верность умершему супругу. Самое большее, на что она способна,— для отвода глаз просидеть дома первые семь недель или в крайнем случае сто дней, а потом она непременно выпрыгнет из своей золоченой клетки и найдет себе другого хозяина. Кем же может быть этот новый хозяин, кроме меня?»

Больше всего Суня Третьего прельщало то обстоятельство, что Цайюнь была безусловно женщиной необыкновенной. Кроме того, в течение десяти с лишним лет она была любимой наложницей Цзинь Вэньцина, ездила вместе с ним в Европу под видом жены посланника и, по сведениям Суня Третьего, имела кое-какие сбережения. Даже если ее капитал состоит исключительно из украшений и драгоценностей, его вполне хватит на целую жизнь!

Сейчас Сунь мечтал только об одном: увидеться

с Цайюнь и пустить в ход все свое искусство обольщения. Он твердо знал, что несмотря на исключительную любовь, которой окружал наложницу Цзинь Вэньцин, она часто чувствовала себя неудовлетворенной — потому лишь, что не была законной женой! А известно, что человек, добывший себе чин с помощью подкупа — даже если он дослужится до губернатора, — по-прежнему завидует нищему академику, который шел честным путем.

Сунь Третий решил воспользоваться этим уязвимым местом Цайюнь. О том, что он женат, можно и умолчать — достаточно пообещать законный брак и изо всех сил угождать ей. Цайюнь почувствует, что он любит ее, готов ради нее на все, и наверняка попадется на крючок. Когда же она войдет к нему в дом, распорядиться будет уже он. Таким образом, и красotka и денежки окажутся в его руках!

Актер таял от радости, но тут в голову ему пришла мысль, которая заставила его тревожно прошептать:

— погоди! Не спеши радоваться! Цайюнь не новорожденный цыпленок, а умная, хитрая вдова, немало повидавшая на своем веку. Разве может соблазнить ее перспектива законного брака со скоморохом? Кроме того, Цзинь Вэньцин знал толк в любви: трудно предположить, чтобы он не мог удовлетворить ее желаний, и все-таки она повсюду рыскала, словно пакостливая кошка. Сейчас она вроде бы сильно увлечена мной, но, откровенно говоря, я для нее, как для всякой распутной женщины, всего лишь очередной лакомый кусочек, который она кладет себе в рот после приевшегося домашнего обеда!

Он глубоко задумался, но вдруг со смехом закивал головой.

— Придумал! Ведь самые вкусные блюда могут опротиветь, если есть их слишком часто. Поэтому, раз я хочу прибрать Цайюнь к рукам, мне следует воспользоваться ее одиночеством и немного ее помучить!

Так размышлял Сунь Третий, получив вест о кончине Цзинь Вэньцина. Что же до Цайюнь, то во время траурного срока в ушах ее все еще звучали горячие наказания мужа. Она помнила, с какой любовью он относился к ней все эти годы, понимала, что Цзинь умер из-за нее, и, будучи в конце концов не деревянной и не каменной, испытывала настоящее раскаяние.

В течение первых семи недель она почти забыла о Суне Третьем. Однако, как мы уже видели, чрезмерно

строгими правилами она не отличалась; к тому же до сих пор ей еще никогда не приходилось спать одной. Двухмесячное одиночество явилось более чем тяжким испытанием для ее верности. День проходил за днем, и скорбь постепенно стала сменяться скукой. В самом деле, что приятного каждый вечер возвращаться в пустую и страшную спальню, где мерцает лишь один-единственный огонек, а потом целую ночь, обнимая подушку, слушать удары ночных страж? Где-нибудь пискнет мышь, завопят дерущиеся кошки, и от этих звуков на душе станет еще тоскливей. Цайюнь хорошо знала себя и чувствовала, что не вынесет долго такого одиночества. «Чем во имя соблюдения глупых приличий строить из себя героиню, а в конце концов не сдержаться и все испортить, не лучше ли сказать все начистоту и самой пробивать дорогу в жизнь? Даже душа Цзинь Вэньцина на небе поймет мои мучения и простит меня!» — думала она.

Итак, долой верность умершему. Нечего колебаться. Для нее есть только один приемлемый путь: добиться свободы. Но, к сожалению, пока еще неясно, как устроить жизнь в дальнейшем. Снова выйти замуж или остаться одной? Может быть, открыто вернуться к прежней профессии?

После долгих размышлений Цайюнь заключила, что, стремясь вторично замуж, она никогда не найдет человека, который был бы так же умен и красив, богат и знатен, нежен и великодушен, как Цзинь Вэньцин. Выйти за Суня Третьего? Нет, это не подходит! Такие люди годны лишь для кратковременного развлечения: ими можно играть, но нельзя позволять, чтобы они играли тобой. К тому же брак снова лишит ее свободы. Что за смысл из одного ярма лезть в другое! Жить одной? В этом случае придется обзаводиться домом, а тогда ей денег хватит ненадолго. Ее сбережений недостаточно даже для карманных расходов! К тому же жизнь в одиночестве наложит на нее множество различных обязательств, ей придется скрывать свои чувства от людей, а при такой ситуации не может идти и речи о настоящем наслаждении жизнью.

Долго она еще ломала голову и наконец решила открыто вернуться к прежней профессии. Придя к такому выводу, она вся загорелась и начала осуществлять свое намерение, не считаясь ни с чем. Первым ее шагом должен стать разрыв всяких отношений с семьей Цзинь.

Вторым — временное устройство жизни после этого разрыва. Для ухода из семьи придется честно сказать о своем нежелании хранить верность покойному мужу,— тогда госпожа Чжан сама ее с удовольствием выгонит,— а для временного устройства необходимо найти какого-нибудь преданного человека, который служил бы ей защитой и посредником во всех делах. Чтобы сделать эти первые два шага, ей придется напрячь свои нежные ручки и, словно барана на веревочке, притянуть к себе Суня Третьего.

Но довольно говорить о пустяках. Расскажем лучше, что на десятый день после семинедельного траура госпожа Чжан, как это было положено, собралась вместе с сыном и Цайюнь в загородную кумирню Начало закона, чтобы вознести молитвы и сжечь жертвенные деньги в память о Цзинь Вэньцине. За этими занятиями прошел целый день. Когда жертвоприношения были закончены, все отправились обратно домой. Цайюнь ехала в роскошной, запряженной высоким вороным мулом карете, которой правил ее наперсник Гуйэр. При въезде в кумирню с ней была молоденькая служанка, но ее Цайюнь предусмотрительно отослала домой заранее.

В кумирне наложница намеренно замешкалась и, только дождавшись, когда повозка госпожи Чжан и ее сына тронулась, не спеша села в карету. Гуйэр был малый сообразительный. Помогая госпоже подняться на ступеньки, он опустил дверную занавеску и, наклонившись к Цайюнь, тихо спросил:

— Вы давно уже не гуляли, госпожа. Отсюда недалеко до Косой улицы. Не желаете ли развлечься?

— Ах ты болтун! — рассмеялась Цайюнь.— Откуда ты знаешь, что я хочу туда поехать? Ты видел его в последнее время?

— Если б не видел, не говорил бы. Вчера Третий господин позвал меня выпить с ним винца, все о вас вспоминал. Уж так по вас скучает!

— Не болтай ерунды! — оборвала его женщина.— Ну ладно, быть по-твоему, поеду туда!

Гуйэр ухмыльнулся, прикрикнул на мула, и карета понеслась вперед. Вскоре они добрались до тайной квартиры. Цайюнь спрыгнула на землю и приказала вознице немедленно сообщить Суню Третьему о своем приезде, а карету поставить в сарай.

Когда она вошла в широкие, покрытые черным лаком ворота с высоким крыльцом, перед ней тотчас появились

привратник и его жена. Поддерживая Цайюнь с обеих сторон, они миновали двор и через вторые ворота вошли во внутренний дворик, где стоял дом из трех комнат с двумя пристройками. Все отличалось небольшими размерами, но было на редкость изящно. Крайняя комната представляла собой спальню. На полу, устланном мягким ковром, стояли шелковые ширмы, однотонная красная мебель, покрытая лаком, и огромная золоченая кровать с трюмо и ступеньками, какие бывают только во дворцах. Постельный полог, скатерти, занавески на дверях и окнах были сделаны из белоснежного шелка, великолепно оттенявшего богатство обстановки. Все это устраивалось по указаниям самой Цайюнь.

Войдя в спальню, она села на маленький пуфик, стоявший перед кроватью. Жена привратника немедленно вскипятила воду и принесла гостье чашку свежесваренного зеленого чая. Отхлебнув глоток, Цайюнь спросила у женщины:

— Меня уже больше месяца не было здесь. Третий господин приходил?

— А как же! Он чуть не каждый день сюда являлся. Пил вино, пел песни, играл в кости с друзьями. Несколько раз даже ночевать оставался.

— А что он вам говорил?

— Он больше грустил, а говорил мало. Все беспокоился, как бы госпожа дома не заболела от скуки!

Цайюнь кивнула. Огненно-красный цвет спальни всколыхнул в ней долго сдерживаемую страсть, и она досадовала на Суня Третьего, что он слишком долго не является на ее зов.

Вдруг во дворе раздался звук шагов. Вошел Гуйэр.

— А где Третий господин? — нетерпеливо спросила Цайюнь.— Ты говорил с ним?

— Говорил. Он тоже хочет увидиться с вами, так по вас скучает! Но, на беду, в доме князя Блестящего сегодня представление. Князь непременно хочет, чтобы он играл в «Деревне четырех героев», и срочно вызвал его. Третий господин велел сказать вам, что после окончания спектакля он сразу же придет. Очень просил вас подождать!

Цайюнь расстроилась. Но другого выхода не было: возвращаться ни с чем ей не хотелось. Она приказала вознице ждать у ворот, а сама бессильно опустилась на пуфик. Поболтав некоторое время с привратницей, она почувствовала скуку, легла на кровать и задума-

лась. Тишина и усталость взяли свое: Цайюнь задремала.

Когда она проснулась, в комнате уже горела лампа. Цайюнь поспешно позвала привратницу и спросила ее, сколько времени.

— Да уж пора ужинать. Я приготовила кое-что для госпожи. Прикажете подавать?

Цайюнь решила, что надо поесть, и согласилась. Молча, без аппетита съела ужин, подождала еще часа два — по-прежнему никаких вестей. Молодая женщина снова начала нервничать. Внезапно в комнату вбежал Гуйэр и доложил:

— Третий господин прислал слугу сказать, что сегодня вечером ему не удастся выехать из города. Просит, чтобы госпожа не ждала его, а завтра надеется на свидание.

Цайюнь словно окатили ушатом холодной воды.

— Завтра? — презрительно хмыкнула она. — Что он, смеется, что ли? Я буду делать то, что мне нужно!

Вся пылая от гнева, она приказала Гуйэру закладывать карету. Когда она добралась домой, стояла уже вторая стража. Цайюнь отлично знала, что госпожа Чжан еще не спит, но не пошла пожелать ей спокойной ночи, а отправилась прямо к себе. Быстро раздевшись, она швырнула платье на пол, так что горничная даже не успела подхватить его, и юркнула в постель. Но заснуть она, конечно, не могла. Губы ее шептали проклятия Суню Третьему, а мысли невольно возвращались к нему: какой он смелый, ловкий, нежный! Стоило бы ей сегодня провести с ним время, и она с лихвой искупила бы вынужденный двухмесячный пост! И вдруг такая неудача: идиотский спектакль во дворце князя заставил ее зря прождать целый вечер!

Но чем больше Цайюнь думала о Суне Третьем, тем сильнее любила его и желала. Что же делать?!

Так Цайюнь проворочалась с боку на бок всю ночь, а едва рассвело, послала Гуйэра на прежнее место условиться о встрече. Умывшись и причесавшись, она, по обыкновению, отправилась пожелать доброго утра госпоже Чжан. Та, естественно, встретила ее не очень дружелюбно. Спросила, куда вчера отлучалась Цайюнь и почему так поздно вернулась. Наложница попробовала было отделаться от нее несколькими фразами о том, что ездила смотреть представление. Но госпожа Чжан, напустив на себя суровость, начала поучать:

— Сейчас ты не должна потакать всем своим желаниям, как при жизни мужа! Если хочешь хранить ему верность, следуй правилам приличия. А то еще и ста дней после его смерти не прошло, а ты уже целые ночи проводишь вне дома. На что это похоже?!

Но Цайюнь не стала дожидаться, пока госпожа Чжан скажет все до конца. Отвернувшись, она с холодной усмешкой произнесла:

— Какие там еще правила приличия? Чуть что, начинаете меня пугать правилами! Это для вас, законных жен, они существуют, вот вы и кричите о них на каждом шагу. А я всего лишь наложница, прав никаких не имею, так нечего мне и о правилах говорить! Если вы боитесь за мою репутацию — отпустите меня подобру-поздорову! А если хотите, чтоб я соблюдала приличия, отдайте мне сперва ваше звание законной жены!

Она гордо вскинула голову и, повернувшись, пошла к себе в спальню. Госпожу Чжан, не ожидавшую такого отпора, едва не хватил удар от ярости. Но Цайюнь было до этого мало дела: у дверей спальни ее уже поджидал Гуйэр, который сообщил, что Сунь Третий ждет ее. Забыв про еду, Цайюнь тотчас вскочила в карету и одна, не взяв с собой даже служанки, стремительно полетела на Косую улицу. Когда она очутилась возле знакомого дома, из ворот вышел Сунь Третий в нарядном платье, с круглым шелковым веером в руках. Завидев Цайюнь, он собственноручно подставил к дверцам кареты скамеечку и помог молодой женщине сойти.

— Я знаю, вчера я рассердил вас,— начал он, ведя Цайюнь к воротам.— Вы напрасно прождали целый вечер и наверняка ругали меня. Но эти князья думают только о своих развлечениях: вцепились в меня и ни за что не хотели отпускать. Им наплевать даже, если у человека вся жизнь от этого зависит! Остается только просить у вас прощения!

Цайюнь оттолкнула его руку и быстро пошла вперед.

— Довольно! — сказала она, окинув Суня Третьего гневным взглядом.— Не люблю, когда меня жалеют, как кошка мышку. Я отлично понимаю, в каком спектакле ты вчера играл. Кто, кроме меня, дуры, поверил бы в эту выдумку?

Сунь Третий одним прыжком нагнал женщину и стал клясться:

— Вы ошибаетесь! Пусть меня поразит проказа, если вру!

Они вошли в комнату и сели за круглый лакированный столик с изображением ста жаворонков. Фарфоровые табуретки были покрыты парчовыми подушечками, расшитыми красными цветами по серебряному фону. На столе стояла ваза с засахаренными фруктами и две чашки из цветного фарфора времен императора Канси. Привратница подошла, чтобы прислуживать гостям, но Цайюнь велела ей пойти отдохнуть. Любовники остались в комнате одни. Они так давно не виделись друг с другом, что, естественно, начали с разговора о том, как трудно им было перенести разлуку.

— Что ты думаешь сейчас делать? — спросил Сунь Третий, пристально глядя на Цайюнь. — Неужели ты собираешься хранить верность старому Цзиню? Мне кажется, ты не настолько глупа!

— Вот это как раз меня и волнует, — ответила Цайюнь. — Я одинокая женщина, которой к тому же недостает жизненного опыта. Единственный советник у меня — это сердце, кому еще могу я довериться?

Сунь Третий ослабил:

— Разве я не преданный друг?

— Тогда что ты мне посоветуешь?

Сунь подумал, что удобный момент настал. Однако лезть на рожон было еще рано — огонь не разгорелся, и он решил пока не выдавать своих намерений.

— Я очень хорошо понимаю тебя, — ответил он. — Говоря откровенно, даже если ты захочешь хранить верность своему покойному мужу, родственники Цзиня не позволят тебе это сделать. Продадут тебя в другую семью — и весь разговор. Да и сохранение верности ни к чему не приведет. Поэтому я бы на твоём месте ушел из их дома — это самый лучший выход.

— Ну а дальше что?

— Такой женщине, как ты, снова становится гетерой не стоит. К тому же семья Цзиня может согласиться на твой уход, но ни в коем случае не согласится, чтобы ты торговала собой. По чести говоря, тебе следует подыскать хорошего мужа. Впрочем, для человека, попробовавшего шар-рыбу, все кушанья покажутся пресными: после того как ты была замужем за лауреатом, тебе, пожалуй, не найти подходящего человека.

Цайюнь внезапно опустила голову и закрыла лицо платочком.

— Кому я теперь нужна, несчастная? — проговорила она сдавленным голосом. — Если бы нашелся человек,

который искренне полюбил меня, удовлетворял бы все мои прихоти, не оставлял бы меня ночами в одиночестве, я бы не посмотрела, лауреат он или нет!

Сунь подскочил к Цайюнь и, обняв ее, принялся утирать ей слезы.

— Это я виноват: затронул твою сердечную струнку. Не плачь, давай лучше полежим.

Не в силах больше владеть собой, Цайюнь обвила своими яшмовыми ручками шею Суня. Актер легко приподнял ее и перенес на кровать. Они склонились к подушке, весеннее чувство захватило их, но в тот самый миг, когда они вступили в пределы непередаваемого, в комнату внезапно вбежала привратница с криком:

— Третий господин, вас ждет за воротами какой-то гость!

Сунь присел на кровати.

— Пойду посмотрю, кто это!

Цайюнь заскрежетала зубами от досады и, больно укусив Суня за руку, с силой толкнула его.

— Убирайся! Теперь я поняла, что ты за человек!

Нагло усмехнувшись, актер выскользнул из комнаты. Рассерженная Цайюнь повернулась к стене и замерла. Сначала она думала, что ей придется помучиться лишь несколько минут, но время шло, а Сунь все не возвращался. Молодая женщина забеспокоилась и нетерпеливо позвала привратницу. Та с угодливой улыбкой приблизилась к кровати.

— Вы не спите, госпожа? А я не решалась тревожить вас. Какие все-таки нехорошие люди бывают на свете! Господина Суня снова вызвали во дворец князя Блестящего. Словно преступника увели! Даже не разрешили на минутку отлучиться известить вас! Я собственными глазами видела, как его потащили.

Цайюнь остолбенела. Гнев в ее сердце смешался с изумлением. «Как могло случиться, что у князя два дня подряд устраивают представления? — подумала она.— Хоть Сунь и любимец публики, но он никогда не бывал так занят. Может быть, он нашел себе какую-нибудь другую женщину? Если так, то чем раньше я порву с ним, тем лучше: по крайней мере, не придется так расстраиваться!»

Но после некоторого размышления она прошептала:

— Нет, нет! Не может быть! Ведь вчера привратница говорила мне, что он все время приходил сюда в мое

отсутствие. Если бы у него была другая, разве стал бы он присматривать за пустым домом? К тому же и сейчас он отнюдь не был холоден ко мне: это от меня никогда бы не укрылось! Наверное, он действительно занят!

Однако через минуту мысли ее приняли другое направление:

— Нет, тут все-таки что-то кроется! Ведь это наша тайная квартира, о ней никто не знает. Каким же образом слуга князя Блестящего мог узнать, что он здесь? Это наверняка было подстроено самим Сунем. Но зачем он так поступил? А, понимаю! Проклятая черепаха! Он понял, что я люблю его, и решил сыграть на этом. Хочет оставаться недоступным, постоянно разжигать меня, воображая, что так я не уйду из его сетей! Какой хитрый мерзавец! Целых два дня мне голову морочил! Ну погоди, ведь я не круглая дура! Теперь я распознала твои намерения и покажу, как шутить со мной!

Довольно рассмеявшись, Цайюнь приподнялась с постели и приказала вознице закладывать карету. Дорогой она думала о том, что хотя поведение Суня возмутительно, цели его, по-видимому, не так уж дурны: он просто хочет жениться на ней. Отомстить ему нетрудно, но стоит ли это делать? Ведь в результате обоим достанутся одни неприятности! Сейчас главное — уйти из дома Цзиней, а для этого ей нужен помощник. Почему же не ответить хитростью на хитрость и не притвориться, будто она попалась на его крючок? Тогда, воображая, что он действует в своих интересах, Сунь согласится помогать ей во всем. А когда она встанет на ноги, уже в ее власти будет решать, выходить за него замуж или нет. Чего бояться?

Всю дорогу сердце Цайюнь учащенно билось в такт стуку колес, и она даже не заметила, как оказалась дома.

Но едва перешагнув порог, она увидела Цянь Дуаньминя и Лу Жэньсяна, которых госпожа Чжан призвала на совет. Цайюнь, слышавшая все из-за двери, не вытерпела и ворвалась в комнату, в результате чего проблема ее ухода неожиданно разрешилась ко всеобщему благополучию. События, описанные нами выше, произошли до этого критического разговора.

Как вы помните, Цайюнь пообещала до поры до времени не покидать семьи мужа и не нарушала своего обещания, подобно модным девицам, у которых слова всегда расходятся с делами. Она лишь приказала Гуйэру тайком сообщить Суню Третьему, что, если он хочет

видеть ее, пусть блеснет своим акробатическим искусством и проникнет к ней ночью по крыше. Это было первое испытание, которому Цайюнь решила подвергнуть Суня. Тот прекрасно понял ее и, рискуя жизнью, пробрался в дом по карнизу, точно какой-нибудь Рыцарь в желтой рубашке. Цайюнь, не ожидавшая от него такой храбрости, страшно обрадовалась и приняла его весьма пылко. Тогда, воспользовавшись благоприятным моментом, Сунь Третий сообщил о своем желании жениться на ней. Цайюнь обещала поступить так, как он хочет, с условием, что он поможет ей перебраться на юг. Сунь согласился. С тех пор он уходил от нее только на рассвете, и свидания их все учащались.

Однажды Цайюнь договорилась с Сунем, что он тайно вынесет из дома ее шкатулку с драгоценностями; в этот день он пришел пораньше и был обнаружен служанкой госпожи Чжан. Так возникло дело с кражей. Все это мы уже описывали в двадцать шестой главе и здесь хотели только объяснить причины некоторых событий.

К счастью, на следующий день Цайюнь вместе с госпожой Чжан выехала из столицы, чтобы сопровождать гроб с останками Цзинь Вэньцина, и это дело замялось. Тем временем Сунь Третий также отправился в Тяньцзинь и, прибыв туда, стал ждать свою возлюбленную. В Тяньцзине вдова с помощью начальника таможи поместила гроб мужа на только что спущенный на воду корабль Коммерческой паровой компании под названием «Новый манускрипт», сняла для своей семьи три каюты первого класса и спокойно выплыла в море. Сунь опередил их, приехав в Шанхай на пароходе английской фирмы, и приготовил все к прибытию Цайюнь.

После пятидневного путешествия по морю корабль «Новый манускрипт» причалил к шанхайской пристани. На молу были сооружены арки, увитые траурными гирляндами и сосновыми ветками; рядами стояли музыканты с гонгами и барабанами, слуги со знаменами и балдахинами. Хотя эта торжественная церемония, устроенная объединенными усилиями местных властей и Коммерческой паровой компании, не могла сравниться с теми встречами, которые устраивались в честь Цзинь Вэньцина при жизни, отблеск былой славы все же сохранился. Это произошло потому, что главным управляющим Коммерческой паровой компании служил Го Чжаотин, старый друг Цзиня. Прежде он был судьей

на острове Тайвань, но, чувствуя, что ситуация там весьма опасна, ушел в отставку в расцвете сил. На почетную должность управляющего пароходством его устроил Ли Хунчжан, с которым тот находился в приятельских отношениях.

Поскольку госпожа Чжан не хотела задерживаться в Шанхае, Го нанял для нее две большие лодки. Гроб был перенесен с парохода на одну из лодок, и катер Коммерческой пароходной компании повел их по реке на буксире.

Цайюнь попросила госпожу Чжан посадить ее на маленькую лодку, прицепленную сзади. Та неосмотрительно согласилась. Провожающие и друзья разошлись, мотор катера заработал. Стояла уже вторая стража, когда лодки проплывали мимо гавани Синего солнца; все крепко спали. Вдруг на корме второй лодки поднялся шум. Госпожа Чжан проснулась и услышала, как кто-то с задней лодки требует остановить катер и кричит, что лодочка госпожи наложницы исчезла.

Воистину:

Чтоб сохранить былые чувства,
Она семье осталась верной.
Но, право, облако цветное *
Все ж вырвалось из тьмы пещерной!

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ночные сраженья.— Имеются в виду патриотические народные восстания.

На варваров смотрит Небесное око — намек на иностранную агрессию, которая получила в Китае особый размах со времени опиумных войн, то есть с середины XIX века.

...остров Радость рабов — подразумевается Китай.

Фэн Дао — литератор и государственный деятель IX—X вв., который пережил пять императоров и при всех занимал высокие посты. *Цянь Цяньги* — поэт и чиновник XVI—XVII вв., перешедший на службу к маньчжурам. *Ян Сюн* — поэт I в. до н. э.— I в. н. э., усердно воспевавший императора. *Чэнь Цзыан* — поэт VII в., долгое время оставался безвестным, но затем сумел распространить свои сочинения, пригласив на пир видных литераторов. *Циньшихуан* — император III в. до н. э., известный своим деспотизмом. *Янди* — император VII в., отличавшийся развратом и тупостью. *Ли Юй* — император X в.; известен также как поэт.

Перечисленные *моря* (так в древности назывались не только моря, но и пограничные провинции) являются окраинами Китая: Песчаное море (Ханьхай) — древнее название пустыни Гоби; Синее море (Цинхай) — озеро Кукунор.

Порт, открытый для торговли.— До XIX в. феодальное маньчжурское правительство, опасавшееся за свое господство, проводило политику искусственной изоляции страны от внешнего мира. В дальнейшем, под давлением вооруженных сил интервентов (Англии, США, Франции, Германии и др.), оно было вынуждено открыть некоторые порты, в частности Шанхай, для внешней торговли.

Субъекты с обрезанными косами — мятежники. Во время маньчжурской династии Цин (1644—1911) всему мужскому населению Китая в знак подчинения маньчжурам полагалось носить косы.

Три восточные провинции — старое название Северо-Восточного Китая.

Престолонаследник Чэнь — официальное имя Чэнь Шубао, сына императора Сюаньди (I в. до н. э.).

Больной из Восточной Азии (Дунъя бинфу) — псевдоним Цзэн Пу.

«*Лес прозы*» — издательство, основанное Цзэн Пу.

...*четыреста миллионов соплеменников* — приблизительная численность населения Китая на рубеже XIX и XX вв.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Император Сяньфэн — правил с 1851 по 1862 г. *Цзиньтянь* — деревня на юге Китая, где началось великое тайпинское восстание (1851—1864 гг.).

Цзюйжэни, цзиньши и академики.— Ученые степени в феодальном Китае присуждались на специальных государственных экзаменах. Выдержав уездные и областные экзамены, претендент получал степень сюэцай, выдержав провинциальные — степень цзюйжэня, а для получения степени цзиньши нужно было выдержать дополнительно к этому столичные и дворцовые экзамены. Ученые степени давали преимущественное право для службы в академии «Лес кистей» и занятия чиновных должностей.

Тунчжи — император, правивший в Китае с 1862 по 1874 г.

Срок столичных государственных экзаменов.— Провинциальные, столичные и дворцовые экзамены устраивались один раз в три года.

Уставные сочинения.— В программу государственных экзаменов входило преимущественно знание древних конфуцианских канонов. При маньчжурской династии сочинения должны были состоять из восьми разделов и насчитывать до семисот иероглифов.

Су Ши (XI—XII вв.) и *Ли Во* (VIII в.) — великие китайские поэты.

Академия «Лес кистей» (Ханьлинь) — была основана в начале XVIII в. и представляла собой высшее научное учреждение империи. В ее обязанности входило комментирование императору конфуцианских классиков, составление государственной истории, биографий знаменитых сановников, различного рода книг, эпитафий.

Цяньлун (1736—1795), *Цзяцин* (1799 — 1820), *Даогуан* (1821 — 1850) — маньчжурские императоры.

Сумятица.— Имеется в виду тайпинское восстание.

Цзи Кап — знаменитый поэт и музыкант III в.

Инь — женское (отрицательное), темное начало; *Ян* — мужское (положительное), светлое начало — основные понятия древнекитайской натурфилософии.

Юань (XIII—XIV вв.) — династия, установленная в Китае монголами.

Куньшаньская драма — театральный жанр, господствовавший на китайской сцене с XVI по XVIII вв. и возрожденный в наши дни.

Столичная драма — классическая форма музыкального театра, популярная до сих пор.

Литография — распространилась в Китае с середины XIX в. под влиянием европейцев.

Чжили — название столичной провинции в Китае.

Сюй Да — китайский канцлер XIV в., завоеватель областей, находящихся к западу от Китая.

Гуаньди (Гуань Юй) — канонизированный национальный герой периода Троецарствия (III в.)

Юаньминьюань — императорский дворец-парк в старом Пекине. В 1861 г., во время третьей опиумной войны, был разграблен и сожжен объединенной армией капиталистических держав во главе с Англией и Францией.

Чжао Фэйянь — любимая наложница ханьского императора Чэнди (I в. до н. э.), ставшая впоследствии императрицей.

Гун Цзычжэнь (1792—1841) — китайский поэт-патриот.

Длинноволосые.— Так называли в официальных кругах участников восстания тайпинов, которые не желали по приказу маньчжуров заплетать косу и брить спереди голову.

Гордон — английский генерал. Был убит при подавлении тайпйнского восстания.

Ван Гунсянь.— Под этим именем в романе выступает Хуан Цзуньсянь (1848—1905) — знаменитый поэт и дипломат, активный участник реформаторского движения в конце XIX в.

«*История династии Хань*» — сочинение известного литератора и полководца Бань Гу (I в.).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Палата внешних сношений — учреждена в 1861 г. (до этого дипломатические связи с зарубежными государствами находились в ведении министерства церемоний). В 1901 г. преобразована в министерство иностранных дел.

Ян-гуйфэй («драгоценная наложница Ян») — знаменитая красавица, наложница танского императора Сюаньцзуня (VIII в.).

Янчжоу — округ в китайской провинции Цзянсу.

Праздник начала лета отмечается в пятый день пятого месяца по лунному календарю.

Чуский гегемон (Сян Юй) — правитель могущественного древнекитайского княжества Чу. В 206 г. до н. э. под Гайся был окружен и разбит полководцем Лю Баном, основавшим новую династию Хань.

Лю Юн — поэт XI в.

Училище «Сыны отечества» (Гоцзыцзянь) было основано в эпоху Цзинь (III—V вв.) для представителей знати. При маньчжурах там проводились лишь жертвоприношения в честь Конфуция и столичные экзамены. Упразднено в 1906 г.

Ван Во, *Лу Чжаолин* — известные поэты эпохи Тан (VII—X вв.); Лу Чжаолин считается лучшим. *Лю Фэн* — талантливый танский чиновник, который убеждал императора казнить евнухов, захвативших власть при дворе. Впоследствии евнухи помешали ему получить ученую степень.

Ван Анъши — крупный поэт и государственный деятель XI в.

Чжоу (XI—III вв. до н. э.), *Цинь* (III в. до н. э.) — династии, в период правления которых в Китае наблюдался расцвет философии.

Вэй (III в.), *Цзинь* (III—V вв.) — династии, при которых получили распространение эстетские стихи в прозе.

Беседы о стихах (шихуа) — жанр литературно-критических сочинений, появившийся в эпоху Тан.

Цянь Мэйси — чиновник и компилятор XVII в.

Хань Юй — знаменитый поэт, прозаик и публицист VIII — IX вв., возглавивший литературное движение «За возврат к древности».

«*Записки у моста Баньцяо*» — популярное эротическое сочинение Юй Хуая (XVII в.).

Кан — широкая лежанка, обогреваемая изнутри и занимающая значительную часть комнаты.

Дун Шуанчэн — служанка Царицы Запада, богини Си-ванму. Обычно изображается сидящей на священном аисте, с нефритовой флейтой в руках.

Династия Шан (Инь) — XVIII—XII вв. до н. э.

У, Цзинь, Сун, Лян — династии, правившие с III по VI вв.

Пять отношений — основная категория конфуцианской этики, включает в себя отношения между государем и подданными, отцом и сыном, мужем и женой, между братьями и между друзьями.

Таблички предков — деревянные планки с именами умерших, перед которыми обычно устраивались жертвоприношения.

Чжао Мэнфу — знаменитый художник XI в.

Западные горы (Сишань) — живописное место к северо-западу от Пекина.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Год Ихай.— В старом Китае летосчисление велось с помощью так называемых циклических знаков. Существовало два их ряда: из двенадцати знаков и из десяти. Каждый временной цикл включал в себя шестьдесят лет, причем каждый год этого цикла обозначался двумя циклическими знаками (один брался из первого, другой — из второго ряда). Примером может служить приведенный здесь год Ихай, который соответствует 1839 г. по европейскому летосчислению.

Люличан — знаменитый книжный рынок в Пекине.

Детское имя в Китае зачастую весьма отличается от взрослого. Женщина раньше имела имя преимущественно в девичестве. Выйдя замуж, она обычно принимала имя мужа, и ее звали просто: «жена такого-то». Восстанавливая свое девичье имя, гетеры подчеркивали этим свою независимость.

Гу Яньбу, Янь Жоцзюй, Хой Дун, Дай Чжэнь — крупные ученые и философы XVII—XVIII вв.

Цзися и Лишань — названия древних мест в провинции Шаньдун. По преданию, в эпоху Борющихся царств (VIII —

V вв. до н. э.) вельможа Люй Бувэй собрал здесь ученых и поручил им составить летопись. Впоследствии Цзися и Лишань стали синонимом расцвета науки и свободного обмена мнениями.

Сюй Шоу, Чэнь Цзычжай, Вэй Юань — ученые-просветители начала XIX в., первые в Китае популяризаторы западных наук.

«...чувства ограничиваются этикетом» — фраза из древнейшего памятника китайской народной поэзии «Шицзина» («Книги песен», XI—VI вв. до н. э.).

Бо Я — талантливый музыкант эпохи Весен и осеней (VIII—V вв. до н. э.). Очень любил играть на лютне перед своим другом Чжун Цзыци. Когда Чжун умер, Бо Я сломал лютню, тем самым нарушив конфуцианский этикет, не позволявший открыто выражать свои чувства.

Чжан Чучэнь — первая наложница основателя танской династии *Ли Цзина*. По преданию, Ли, еще будучи простым человеком, как-то появился в доме вельможи Ян Су; одна из служанок вельможи — Чжан Чучэнь влюбилась в Ли Цзина и той же ночью бежала с ним.

Маленькая печурка.— Во время сдачи государственных экзаменов каждого экзаменуемого обычно запирали в отдельную каморку, где он должен был в течение нескольких дней написать сочинение.

...горели две красных свечи.— Красный цвет — символ счастья.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Праздник середины осени справляется в ночь полнолуния девятой луны по китайскому лунному календарю, то есть приходится на конец сентября — начало октября. Праздник урожая, воспевающий также красоту луны и ночи.

У Ган — популярный персонаж китайских мифов. По преданию, вечно рубит растущее на луне дерево кассию, по не может срубить его полностью, так как за ночь оно снова отрастает.

Драконов глаз — небольшой белый плод с твердой кожурой, распространенный на юге Китая.

Мэн Гуан (Восточная Хань, I—III вв.) была просватана за свинопаса Лян Хуна. Зная о ее безобразной внешности, Лян в течение целой недели не являлся за ней, тогда Мэн Гуан нарядилась и сама пошла к нему в дом.

Династия Северная Сун — X—XII вв.

Минский император Сюаньцзун — правил в начале XV в.

Китайские бронзовые изделия этого времени славятся своей красотой и изысканностью.

Император Канси — правил с 1662 по 1722 г.

Чжуан Чжидун. — Под этим именем в романе выступает Чжан Чжидун (1837—1909), известный сановник и ученый. Примыкал к реформаторам, но в 1895 г. перешел на сторону реакции.

Внутренний (или *Запретный*) *город* — центральная часть Пекина, окруженная стеной. Там находился императорский дворец.

Толкователь классических книг. — Поскольку академия «Лес кистей» предназначалась прежде всего для обслуживания императора, названия должностей в ней отражали характер этих услуг.

Ли Хунчжан (1823—1901) — крупный маньчжурский сановник, один из палачей тайпинского восстания, сторонник капитулянтской политики по отношению к иностранным державам.

Шесть министерств — министерства чинов, налогов, церемоний, наказаний, работ, военное министерство. Были основаны при династии Суй (VI—VII вв.). Система *Девятерых сановников* (министр просвещения, военный министр, министр земледелия и т. д.) существовала еще до нашей эры.

...немало красных шариков. — Чиновничьи должности в феодальном Китае делились на девять рангов, каждому из которых соответствовал определенный цвет шарика на шапке: прозрачный красный (рубиновый), матовый красный (коралловый), прозрачный синий (сапфировый), матовый синий (ляпис-лазуревый) и т. д. Красный шарик являлся отличительным знаком чиновника высшего ранга.

Фань (Фань Пан) — чиновник II в. Ревностно боролся со взяточничеством, в результате чего был оклеветан и погублен придворными.

Чжан Цзюйчжэн — сановник XVI в., славился усердием в делах.

Сапфировый шарик — отличительный знак чиновника третьего ранга.

...бедствия прусской войны. — Имеется в виду франко-прусская война 1870—1871 г., которая закончилась падением Второй империи во Франции и победой Пруссии.

«Полнеба в красной заре» — игра слов: первые два иероглифа из актерского имени Айюня (Чжу Сяфэнь) означают «Красная заря».

Большеногая — не бинтующая ног.

Черные знамена — тайпинские отряды, которые после разгрома восстания ушли в Аннам и оказали в конце XIX в. помощь местному населению в борьбе против французских колонизаторов.

Бо Цюйи — великий китайский поэт VIII—IX вв.

«*Коммерческая пароходная компания*» была основана в 1872 г. и до 1909 г. находилась в ведении генерал-губернатора столичной провинции Чжили.

Франко-аннамская война 1884—1885 гг. — кульминационный пункт агрессивной политики Франции в Индокитае. По просьбе аннамского двора полуфеодальный Китай выступил на помощь Аннаму, но потерпел поражение.

Мавэй — порт на юге Китая, в провинции Фуцзянь.

Лангсон — город в северном Вьетнаме.

...*собрал на женские роли самых знаменитых актеров.* — Женские роли в китайском классическом театре обычно исполнялись мужчинами.

Мяо — народность, проживающая на юге Китая и во Вьетнаме.

Округ Шансы находится в провинции Юньнань, граничащей с Вьетнамом.

Сайгона участь решена. — Город Сайгон был захвачен французскими колонизаторами в 1859 г.

Хумха — Красная река во Вьетнаме.

Желтознаменная армия — остатки тайпинской армии, использованные французами для борьбы против Черных знамен и национального аннамского войска.

Француз Гарнье убит — это произошло 21 декабря 1873 г.

Вторая жена — наложница.

Цзэн Гоцюань (1824—1890) — крупный сановник и милитарист, политический соперник Ли Хунчжана.

Бань Чао — знаменитый полководец II в. до н. э., боровшийся с гуннами.

Генерал... дал присягу Цинскому двору. — Впервые маньчжурское правительство решило использовать Лю Юнфу для борьбы с французами в 1879 г., когда Аннам обратился к Китаю за помощью. В дальнейшем генералу было обещано сохранить войска, если он вернется в Китай. Но когда Лю Юнфу сделал это (1885), ему позволили оставить лишь 1200 солдат вместо 5000 обещанных.

Был обезглавлен генерал Ривьер — это произошло 19 мая 1883 г.

Красный ребенок — персонаж знаменитых китайских

фантастических романов XVI в. «Путешествие на Запад» и «Удел бессмертия».

Конопля.— Это слово по-китайски одновременно означает «рябой». Здесь шуточный намек на то, что девушка рябая.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ходить по следам Маленькой Су — посещать «веселые дома». Маленькая Су (Су Сяосяо) — знаменитая гетера V в., неоднократно воспета танским поэтом Бо Цзюйи. До сих пор в г. Ханчжоу сохранилась ее могила.

Отдельвались... косынками.— В древности с танцовщицами и гетерами расплачивались кусками шелка, которыми девушки повязывали себе голову.

Лу Гуймэн — известный поэт и отшельник эпохи Тан.

Шесть мостов — мосты, соединяющие дамбы и берега озера Сиху в г. Ханчжоу; с них открывается изумительный вид на озеро и близлежащие горы. *Индийская гора* в том же городе получила свое название по находящимся на ней буддийским храмам: Верхний индийский, Средний индийский и Нижний индийский. *Приют диких гусей* — горы в провинции Чжэцзян, знаменитые своими скалами, ущельями, пещерами. *Небесное плоскогорье* — гора в этой провинции. *Дворец Тэнского князя* — беседка, в которой пировал танский князь Юань Ин (Тэнван); известна по одноименному стихотворению поэта VII в. Ван Бо.

Угадывание пальцев — популярная застольная игра.

Траурный отпуск.— Траур по родителям в старом Китае обычно длился три года. В течение этого времени чиновник не нес государственной службы и почти безвыходно сидел дома.

Три крупнейших праздника.— Имеются в виду Праздник поминовения усопших (5—6-е число 4-го месяца по лунному календарю), Праздник начала лета (5-й день 5-го месяца) и Праздник середины осени (в ночь полнолуния в конце сентября — начале октября).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Встречи под луной — символ любовных свиданий.

Дамба господина Бо названа в честь поэта Бо Цзюйи, который, по преданию, соорудил ее, когда был правителем округа Ханчжоу.

Город, не знающий ночи — так назывался город в древнем княжестве Ци, где якобы никогда не заходило солнце.

«Пионовая беседка» — знаменитая пьеса драматурга XVI-XVII вв. Тан Сяньцзу.

«Цай» означает «цветной», «юнь» — «облако».

Сяоши — имя бессмертного.

Цзянь Янь *истоцился*. — Поэт и литератор эпохи Шести династий (III—VI вв.) Цзянь Янь в конце жизни почти ничего не писал, и современники пришли к выводу, что талант его иссяк.

Нянь Ну — знаменитая гетера VIII в.

Вэй Чжуан — известный поэт IX—X вв.

Ду Му — крупный поэт IX в., о любовных похождениях которого сложено множество легенд.

На шкатулке... дали клятву. — Согласно легенде, таким способом император Сюаньцзун клялся в верности своей любимой наложнице Ян-гуйфэй.

Сюэ (Сюэ Тао) — знаменитая танская гетера; прекрасно играла на музыкальных инструментах и писала стихи.

Меня обьял яньтайский сон. — Здесь Цзинь Вэньцин раскаивается, что когда-то бросил гетеру, влюбившуюся в него в Яньтае. По замыслу автора, Цайюнь является перевоплощением этой женщины: она родилась пятнадцать лет назад, как раз в тот момент, когда умерла гетера.

Си Ши — знаменитая красавица эпохи Весен и осеней (VIII—V вв. до н. э.).

Цзыюй — героиня одной из новелл Гань Бао (сборник «Поиски духов», IV в.), тщетно мечтавшая выйти замуж за юношу Хань Чжуна. С горя повесилась и затем являлась своему возлюбленному во сне.

Сяоцяо — известная красавица, жена полководца Чжоу Юя (III в.)

Восточный ветер — весенний ветер, символ любви.

Возвратилась ты назад — намек на умершую гетеру, с которой так жестоко поступил Цзинь Вэньцин и которую напомнила ему Цайюнь.

Императорская канцелярия была создана в 1383 г., долгое время являлась высшим административным учреждением империи. После организации в 1730 г. Государственного совета занималась только обнародованием императорских указов и хранением государственных документов.

Острова Люцю (Рюкю) были захвачены Японией в 1872—1879 гг.

Англия отторгла Бирму — в 1886 г.

Гуансюй (1871—1908) — маньчжурский император, формально правивший с 1875 по 1908 г. Привлек к участию

в управлении буржуазных реформаторов, за что в 1898 г. был фактически отстранен от власти реакционерами.

...ездившего посланником... — Согласно «Положению о рангах дипломатических представителей», принятому в 1915 г. Венским конгрессом, так называемые слабые страны имели право обмениваться между собой (а также с великими державами) лишь посланниками, а не послами. Это был один из видов дискриминации слабых стран, в том числе и Китая, на международной арене.

«Знай других, знай себя...» — слова знаменитого философа и стратега древности Сунь-цзы.

Илийский инцидент возник в связи с захватом царской Россией Кульджинского края в 1871 г.

Мятеж Биянху — так реакционеры называли восстание мусульманских народностей на западе Китая (1862—1877).

Ма Юань — генерал I в. Разгромил племя цзяочжи и установил границы между ним и Китаем.

Могилан и Кюль-Тегин — тюркские ханы VII—VIII вв. Надписи на их надгробьях являются древнейшими памятниками тюркской литературы.

Чаньэ — мифическая красавица, якобы живущая на луне.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Танский монах Сюань Цзан — герой популярного фантастического романа У Чэнъэня «Путешествие на Запад» (XVI в.), отправившийся в Индию за буддийскими книгами. В пути его неоднократно похищают различные чудовища, и верным друзьям Сюань Цзана каждый раз с большим трудом удается освободить его.

Три ущелья (Санься) — знаменитое место в среднем течении Янцзы.

Юй — мифический император. По преданию, избавил Китай от потопа.

Святая земля — одно из поэтических наименований Китая.

Цюнсюй — мифическое животное с телом лошади, передними ногами оленя и задними ногами зайца.

Чилэ — одно из древних тюркских племен, жившее к западу от Китая. Здесь символизирует европейцев.

Небесный пруд — мифический пруд к северу от Китая. По преданию, в нем водились золотые, унизанные жемчугом рыбы с семью головами.

Заснеженная глыба — древнее китайское название Тянь-Шаня.

Шапку посланника — «феникса пруд». — «Пруд феникса» — наименование особой шапки, которую в древности вручали послам.

Две высочайших печати тебе сразу вручил государь — то есть послал сразу в две страны.

У Цзэтянь — императрица VII—VIII вв., известная своей развратностью.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

«Партия нигилистов» или *«партия анархистов»* — здесь и герой, и автор романа вслед за некоторыми зарубежными социологами смешивают разные формы освободительного движения, употребляя слова «нигилизм» и «анархизм» слишком расширительно.

...боя царя со своим народом. — По-видимому, имеются в виду восстание декабристов и последующие выступления народа против царизма.

Уишань — горы в провинции Фуцзянь, на юге Китая.

ГЛАВА ОДИННАЦАТАЯ

«Весны и осени» — первая китайская летопись, по преданию, составленная Конфуцием. К ней написано множество толкований, самыми известными из которых являются «Комментарии Цзо» (Цзо Цюмина) и «Комментарии Гунъяна» (Гунъян Гао).

Четырнадцатый год правления Гуансюя — 1889 г.

Цыси (1834—1908) — полуофициальная правительница Китая, поднявшаяся из наложниц в императрицы. С 1875 по 1889 г. — регентша при своем племяннике Гуансюе. В 1898 г. в результате реакционного дворцового переворота окончательно встала во главе правления.

Ляо, Цзинь и Юань — династии, установленные в Китае киданями (X—XII вв.), чжурчжэнями (XII—XIII вв.) и монголами (XIII—XIV вв.).

«Сокровенное сказание», «Записки о путешествии на Запад даосского монаха Цю Чуцзи» и *«Собрание сочинений Елюй Чжу»* — средневековые исторические и литературные памятники, в которых содержатся сведения о монголах.

...рассказы об «отстранении чжоуского князя Лу», «развитии по трем эрам», «упорядочении трех начал». — Гунъян Гао в своих комментариях истолковывал «Весны и осени» как

произведение, направленное против чжоуского князя Лу, поэтому ортодоксальные историографы относились к его книге неодобрительно. События, описанные Конфуцием, он разделил на «три эры». В конце XIX в. известный реформатор Кан Ювэй использовал этот термин для создания утопической теории социальной эволюции.

«Вайрасутра» — один из буддийских канонов.

«Бараны и овцы» — игра слов: фамилия Гунъяна, автора упоминавшихся выше комментариев, означает дословно «баран».

Сюй Шэнь — автор словаря, *Дуань Юйцай* — его комментатор.

...докажем свою преданность повелениям императора. — В эпоху правления маньчжуров за одну ошибку в иероглифе, в которой почему-либо усматривался злой умысел, ученому могли отрубить голову.

Квадратное лицо и большие уши в понятии китайцев были идеалом мужской красоты.

Хуан Пиле — известный библиофил XVIII в.

Лу — княжество на территории нынешней провинции Шаньдун, родина Конфуция.

Мэн-цзы (IV—III вв. до н. э.) — крупнейший философ, продолжатель учения Конфуция.

...«общественных и частных баранов» — игра слов: фамилия Гунъян означает также «общественный баран».

Дун Чжуншу (II—I вв. до н. э.) — родоначальник ортодоксального конфуцианства, сложившегося в эпоху Хань. Использовал учение Гунъяна о «трех эрах» для оправдания существовавшего строя.

«Шестикнижие» — конфуцианский канон: «Книга песен», «Книга преданий», «Записки о церемониях», «Трактат о музыке», «Книга перемен», «Весны и осени».

Тан Юхой — под этим именем в романе выступает Кан Ювэй (1858—1927), публицист и философ, руководитель реформаторского движения в Китае конца XIX в.

Лю Синь (I в. до н. э. — I в. н. э.) — ученый-конфуцианец, цензор императорской библиотеки.

...сравнивает Ли Чжиминя с мулом. — Китайцы приписывали мулу строптивый нрав и презрение к своим родителям — лошади и ослу. Здесь намек на неблагодарность Ли Чжиминя по отношению к учителю.

Звезд добродетели мудрой сиянье. — Имеется в виду собрание в доме министра Пань Цзунъяня.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

...похожей на Маргариту.— Имеется в виду Маргарита Готье — героиня романа А. Дюма-сына «Дама с камелиями», первого произведения западной литературы, переведенного на китайский язык в конце XIX в.

«Памятник победы».— Имеется в виду «Колонна победы», водруженная на площади Кенигсплатц в память о победах 1864, 1866 и 1871 гг.

Сун Юй — поэт эпохи Борющихся царств (V—III вв. до н. э.), известный своей красотой. *Пань Ань* — знаменитый красавец эпохи Цзинь (III—V вв.).

Цайюнь не слишком разбирается в поэзии.— Старые китайские стихи писались на древнем языке и на слух воспринимались лишь очень образованными людьми.

Тайшань (в провинции Шаньдун) — самая высокая из крупнейших вершин восточного Китая.

Багровое облако — символ счастья.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Пять процентов в пользу посредника — намек на коррупцию, которая в маньчжурскую эпоху достигла в Китае неслыханных размеров.

...трудился над первым сочинением.— Во время государственных экзаменов требовалось написать несколько коротких сочинений.

«...как же зовут предков?» — На сочинениях автору полагалось ставить не только свое имя, но и имена трех поколений предков.

Чжан Сун — герой классического романа XIV в. «Троецарствие», обладавший удивительной памятью.

...даже бесчувственный камень склонится перед ним! — Намек на легенду об одном буддийском монахе, который никак не мог добыть послушников и взял себе в ученики камни. Проповедь его оказалась настолько убедительной, что даже камни стали кивать в знак согласия.

Жугао — город в провинции Цзянсу.

...какому-то уроженцу Цзянсу.— Сюнь Чуньчжи смог прочесть только место рождения, так как имя претендента загибалось и запечатывалось, чтобы экзаменаторы были беспристрастны в своих оценках. ,

Цзи Юнь и Жуань Юань — литераторы и чиновники конца XVIII — начала XIX вв.

«*Исторические записки*» — знаменитое сочинение основоположника китайской историографии Сыма Цяня (II в. до н. э.).

«*Генеральный каталог по четырем разделам*» — грандиозный библиографический труд XVIII столетия. Согласно традиции, китайские книги в нем были классифицированы по следующим основным разделам: «Классика», «История», «Философия» и «Смесь» (то есть собрания сочинений и собственно художественная литература).

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Цензорат — одно из высших судебных учреждений империи (вместе с министерством наказаний и Верховной судебной палатой), нечто вроде Верховной прокуратуры.

Тридахна — моллюск серо-белого цвета; водится у берегов Индийского океана.

...*нацепили на грудь короткохвостую иволгу!* — Каждому чиновничьему рангу в старом Китае, кроме шариков на шапке, соответствовали халаты с определенными нашивками. У гражданских чинов: белый журавль, золотистый фазан, павлин, дикий гусь, серебристый фазан, белая цапля, утка, перепел, сорока, иволга. Последнюю нашивку носил чиновник без должности. У военных чинов: единорог, лев, леопард, тигр, черный медведь, пятнистый медведь, тигренок, тюлень, носорог.

...*старых правил не знаете?!* — По древнему обычаю наказанный должен был стоять на коленях на переднем дворе, чтобы его позор могли видеть соседи.

Заяц — просторечное название мальчика для развлечения.

Нань Вэй — древняя китайская красавица. По преданию, правитель княжества Цзинь, получив ее в жены, был так покорен ею, что три дня не занимался государственными делами.

Бань Чжао — младшая сестра историка I в. Бань Гу, не уступавшая умом и знаниями своему брату.

Бао Линьхой — младшая сестра знаменитого поэта Бань Чжао (V в.), также поэтесса.

Сюэ Линьюнь — наложница правителя древнего княжества Вэй. Великолепно шила и вышивала.

Цзилун — город на о. Тайвань, неподалеку от того места, где потерпел поражение Чжуан Юпэй.

Фань Гуань (VIII в.) — советник императора. Уверовав в свои разносторонние способности, отправился подавлять

мятежников, но потерпел поражение. В конце жизни снова возвысился.

Чанжу (Ли Чанчжу) — чиновник эпохи Тан, известный своей смелостью и независимым характером.

Цзя И — крупный поэт и сановник II в. до н. э.

Чжун Цзюнь — современник Цзя И, с юности прославившийся своими талантами. Попросил у императора шелковый шнур, чтобы собственноручно задушить мятежного князя Наньюэ, но был убит.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Сыма Сянжу — знаменитый поэт II в. до н. э. Бежал на чужбину с красавицей Чжо Вэньцзюнь. Здесь его имя употребляется как символ любовника.

Цзин Кэ — древний герой периода Борющихся царств (V—III вв. до н. э.). Отправился в княжество Цинь, чтобы убить деспота Циньвана, но был схвачен и зарублен на куски.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Софья.— Имеется в виду Софья Перовская, завоевавшая в Китае начала XX в. большую популярность. Цзэн Пу не знал, что в день покушения С. Перовская только подавала сигналы бросавшим бомбы Рысакову и Гриневицкому.

Кранц.— Под этим именем в романе выступает студент Петр Карпович, который в 1901 г. покушался на министра народного просвещения Боголепова.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

В это время самой сильной организацией среди народников был кружок чайковцев.— Сведения автора не точны: кружок был разгромлен до 1881 г.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Праздник двойной девятки (праздник осеннего равноденствия) отмечался в девятый день девятого лунного месяца.

Реформы Мэйдзи — незавершенная буржуазная революция 1868 г. в Японии.

Ли Ха Ын (1820—1893) — отец-регент короля Кореи. В 1882 г. устроил дворцовый переворот, стремясь низвергнуть просветительскую партию, захватившую власть в стране. Япония и Китай воспользовались этим для того, чтобы укрепить свое господство над Кореей.

Ито Хиробуми — в то время премьер-министр Японии.

Хозяйки горы Лишань, Цари обезьян, Бай Юйтаны, Хуан Тяньба.— Хозяйка горы Лишань — героиня многих авантюрно-фантастических романов XIX в.: «Семь мечей и тринадцать рыцарей», «Рыцарь на реке» и др. Царь обезьян (Сунь Укун) — персонаж романа У Чэнъэня «Путешествие на Запад». Бай Юйтан — герой авантюрно-фантастического романа Ши Юйкуня «Трое храбрых, пятеро справедливых» (XIX в.). Хуан Тяньба — герой авантюрного романа XIX в. «Дела судьи Пэна».

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Ван Хой — знаменитый пейзажист XVII в.

...назвал свой кабинет «Сто картин Ван Хоя».— По старой традиции китайские ученые давали своим кабинетам символические названия, которые использовались одновременно и как псевдоним при издании их сочинений.

Написанное жидкой тушью имя...— Жидкой тушью экзаменаторы писали имена выдержавших экзамен, чтобы отогнать злых духов. *Подвески* — имеются в виду чиновничьи регалии. Ли Чжиминь радуется, что может наконец получить должность.

Героя след.— Имеется в виду удалец Ван Второй.

Поэт.— Имеется в виду Ли Чжиминь.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Кунтун — гора в провинции Ганьсу.

Юньмэн — уезд в провинции Хубэй.

...в лодке сидит Айюнь.— Игра слов: иероглиф «юнь» в имени Айюня означает «облако».

В столице шумной рос.— Речь идет о Ли Чжимине.

Селезни — символ лстивых чиновников.

К бывшему повернуть.— Здесь: вернуться к чиновной карьере.

Ло и Сян — реки в нынешней провинции Хунань, куда был сослан знаменитый поэт Цюй Юань (IV—III вв. до н. э.).

В данном случае — символ отшельничества, свободной, независимой жизни.

Ма Шун — известный ученый династии Восточная Хань (I—II вв.).

Заразговоры в беседах уничтожают весь род. — Имеются в виду беседы на политические темы, за которые маньчжуры строго карали.

...бросает стрелы в кувшин. — Имеется в виду древняя китайская игра; за каждое попадание засчитывали определенное количество очков.

...наши предки на террасе Болян. — На террасе Болян император Уди (II—I вв. до н. э.) и его придворные состязались в стихотворном искусстве.

Хуашань — горы в провинции Шэньси.

«*Обрядник дома Чжоу*» — одна из книг конфуцианского канона.

Ван Шилу — чиновник и литератор XVII в.

Рукопись... пестрит красной тушью. — Красной тушью обычно делал пометки в рукописи сам автор.

Ма Сянлань — знаменитая гетера, поэтесса и художница XVI в.; любила рисовать орхидеи.

«*Каменный дракон*». — В Китае многие надгробия ставятся на «каменных драконах», похожих на черепаха. Черепахи известны своим долголетием, поэтому считается, что надгробие на них будет стоять вечно.

Дун Сяюань — знаменитая гетера конца XII в.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Три принципа послушания женщины: до замужества слушаться отца, после замужества — подчиняться мужу, в случае смерти мужа — слушаться сына. *Четыре добродетели*: быть целомудренной, скромной, аккуратной, трудолюбивой. И то и другое — конфуцианские понятия.

Махакала (дословно Великий черный) — гневное божество буддийского пантеона.

Чжанчжоу — город в провинции Фуцзянь; славится лучшим в Китае бархатом.

Об землю биться головой — намек на Юй Миня. *До небес достать рукой* — намек на Юй Банли.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Дяо — денежная единица. Первоначально: связка, состоящая из тысячи медных монет.

Дай Шэнфу.— Под этим именем в романе выступает Тань Сыгун (1865—1898), философ и поэт, наиболее радикальный представитель движения за реформы, казненный маньчжурским правительством.

Титул «хоу».— В Китае маньчжурской эпохи существовало восемь жалованных титулов, из которых чаще всего употреблялись пять первых: «гун», «хоу», «бо», «цзы», «нань», ведущие свое происхождение с глубокой древности.

Я даже служанки с собой не захватила.— Китайские гетеры выходили к высокопоставленным гостям со служанками.

Хуайская армия была сформирована Ли Хунчжаном в 1861 г. в долине реки Хуайхэ для подавления тайпинского восстания.

Гуаньинь (Всевидающая и всеслышающая) — китайское имя буддийского святого Авалокитешвары, который в Китае обычно изображается в виде женщины и играет роль богини милосердия.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

...пахло затхлостью, словно в старинной крепости...— Здесь аллегорически изображен летний императорский дворец Ихэюань. Под затхлостью разумеется политический застой.

...указал плетью на восток...— Восток в данном случае символизирует Японию и одновременно молодого императора Гуансюя, мечтавшего о преобразованиях по типу реформ Мэйдзи. *Солнце* — часть японского герба, *вишня* — национальный японский цветок. В виде *кедра* и окружающих его деревьев аллегорически изображен руководитель реформаторов Кан Ювэй со своими единомышленниками.

...с западной тропинки, окруженной цветущими грушевыми деревьями.— Запад здесь символизирует Россию и одновременно вдовствующую императрицу Цыси, видевшую опору в царском самодержавии. Цветы груши издавна служили в Китае аллегорическим обозначением России, так как своей белизной они напоминают снег.

Сиванму (Царица Запада) — одно из верховных божеств даосского пантеона. Здесь — намек на Цыси.

Минчжу (светлая жемчужина) — символ всего самого

дорогого и одновременно — имя известного маньчжурского сановника (XVII в.) — предка императора Гуансюя.

Могучий кедр... был вырван с корнем и заброшен неведомо куда.— Буря здесь символизирует грядущий реакционный переворот 1898 г.

Хозяйка горы Лишань, Черная дева девятого неба, Ночжа, Царь обезьян — фантастические персонажи, герои романов «Путешествие на Запад», «Удел бессмертия» и др.

Фан Дайшэн.— Под этим именем в романе выступает милитарист Юань Шикай (1859—1916), предавший реформаторское движение. В 1915 г., находясь на посту президента Китайской республики, предпринял попытку реставрировать монархию.

Восстание тонхаков — традиционное название крестьянской войны 1894 г. в Корее.

Партия сторонников цивилизации (или «просветительская партия») — прояпонская организация корейской буржуазии, боровшаяся с феодализмом.

Цой Си Хен (1810—1898) — родственник основателя секты тонхаков Цой Чже У (1806—1864).

Мятеж Ким Ок Кюна и Хон Ен Сика.— Так реакционеры называли переворот 4 декабря 1884 г., устроенный просветительской партией.

...«драгоценных наложниц»... низведя... до «драгоценных людей».— Жены маньчжурского императора делились на пять рангов: «императорская драгоценная наложница», «драгоценная наложница», «наложница», «конкубина», «драгоценный человек».

Свастика — буддийский символ долголетия.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«Стихотворные рецепты всевозможных отваров» — популярный медицинский справочник XVII—XIX вв., составленный неким Ван Аном.

Вянь Цюэ, Хэ, Хуань — знаменитые врачи древнего Китая.

...дружбы... спявшей Гуань Чжунун с Бао Шу и род Чжу с родом Чэней.— Древний канцлер Гуань Чжунун подружился с Бао Шу, когда был еще бедняком. Бао сразу оценил его талант, и Гуань Чжунун сохранял с ним дружеские отношения до самой смерти. В стихотворении Бо Цзюйи «Деревня Чжу и Чэней» изображены два крестьянских рода, которые из поколения в поколение сочетались браками.

Больной Сыма Сянжу — нарицательное выражение, связанное с тем, что Сыма Сянжу в своей жизни много болел. *Ли Хэ* — поэт VIII — IX вв. Однажды во сне он увидел, будто Яшмовый император призвал его в свой небесный дворец. Сон оказался вещим — проснувшись, поэт тотчас умер.

Ким Ок Кюн был убит 28 марта 1894 г. в Шанхае корейскими монархистами.

...запылают огни на маяках. — В старом Китае весть о нашествии врагов передавалась с помощью световых сигналов.

Ду Юй — сановник V в., который завоевывал земли к югу от р. Хуанхэ.

Звезда... поблекла. — Имеется в виду смерть Цзинь Вэньцина.

Багряный диск (солнца) — символ Японии.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Ляодун — одна из северо-восточных провинций Китая, где выют гнезда журавли. Здесь содержится намек на ожидавшееся вторжение японцев.

Дай Лян — известный отшельник III в.

Лян Гу и *Цай И* — каллиграфы того же времени.

«Описание явлений природы» — раздел, имеющийся в каждой династийной истории. В нем даются мистические толкования граду, дождю, затмениям солнца и т. д.

Храм... Уди находится в провинции Шаньдун, славится своими скульптурными изображениями.

...халаты с четырехпальными драконами. — В старом Китае император носил халат, расшитый пятипальными драконами, а высшие сановники — четырехпальными.

Хань Фэй-цзы (III в. до н. э.) и *Чжуан-цзы* (IV—III вв. до н. э.) — знаменитые философы. *«Досада одинокого»*, *«Беззаботное витание в облаках»* — названия глав их сочинений.

Мир между двумя дворцами — то есть между вдовствующей императрицей Цыси и молодым императором Гуансюем.

Лу Цзююань — конфуцианский философ XII в. *Ван Янмин* — философ-идеалист XV—XVI вв.

Сюз Шангун (XI—XII вв.) и *Жуань Юань* (XVIII—XIX вв.) — исследователи древней письменности:

ЦзэнГофань (1811—1872), *Цзо Цзунтан* (1812—1885) — реакционные маньчжурские сановники, возглавившие подавление тайпинского восстания.

...бывшим литераторам. — До подавления тайпинов Цзэн

Гофань и Цзо Цзунтан были известны в основном как литераторы.

Хойгун — правитель княжества Цзинь в эпоху Весен и осеней (VIII—V вв. до н. э.); успешно боролся с гуннами. *Се Фу* — прославленный генерал эпохи Восточная Цзинь (IV—V вв.)

Ху Линь (1812—1861) — губернатор провинции Хубэй, участвовавший в подавлении тайпинов.

Лу Сюнь — командующий армией княжества У в период Троецарствия (III в.). Пленил знаменитого героя и полководца Гуань Юя.

Ляохэ — река в провинции Гирич, недалеко от границы с Кореей.

...отобрали... павлинье перо... желтую... куртку. — В старом Китае не существовало орденов и медалей. Вместо них отличившимся вручали различные почетные предметы: павлиньи перья, куртки, шелковые вожжи и тому подобное.

Цзюлянь — город в северо-восточном Китае.

Праздник фонарей отмечается в ночь полнолуния первого лунного месяца.

Хуан Тинцзянь — известный поэт и каллиграф XI—XII вв.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Первые семь недель после смерти близкого человека являлись периодом самого строгого траура.

Хуан Цзунси и Гу Янь — знаменитые ученые и просветители XVII в.

Император Чжунцзун правил всего один год (684), после чего был свергнут вдовствующей императрицей У Цзэтянь.

Айсинь Гиоро — род, к которому принадлежали все маньчжурские императоры. *Пара* — род, из которого вышла императрица Цыси.

Дочь дракона и мальчик-казначей — постоянные спутники бодисатвы Гуаньинь.

Цветок — имеется в виду Цайюнь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Чжоу Юй — министр княжества У (III в.). Трижды из зависти пытался погубить своего союзника Чжугэ Ляна (министра княжества Шу) и каждый раз, терпя неудачу, приходил в ярость.

Цвет знамени.— После завоевания Китая маньчжуры разделили свое войско на три разряда: маньчжурский, монгольский и китайский. Внутри каждого разряда существовало восемь «знамен» (корпусов). Принадлежность к «восьмизнаменному войску» передавалась по наследству как дворянское достоинство.

Желтое знамя — знамя первого ранга.

Четырнадцатый год правления императора Даогуана — 1834 г.

Вэй Чжунсянь — временщик начала XVII в. Захватил в свои руки власть благодаря связям с императорской кормилицей.

Страх человека из Цзи — намек на древнюю легенду о человеке, который постоянно боялся, что на него свалится небо.

...церемония с разливанием вина и усаживанием.— На китайском пиру гостей рассаживал сам хозяин. Наливая вино в чарку, он называл имя гостя.

Тяньцзинь — город в северном Китае, где находилась резиденция Ли Хунчжана.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Хуанди (Желтый император) — легендарный первопредок китайцев.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Цао Цао — полководец III в. Славился своим умением захватывать противника врасплох.

Чи Ю — мифический демон.

...Когда маньчжуры впервые вторглись в наши земли — то есть в 1644 г.

Чжэн Чэнгун — активный деятель антиманьчжурского сопротивления в конце XVII в.

Округ Сымин — дословно: «Помни о Мин». Мин (XIV—XVII вв.) — китайская династия, название которой в последующее время служило символом антиманьчжурской борьбы.

Хуньу («Воинственный потоп») — первый девиз правления Чжу Юаньчжана, вождя крестьянского восстания конца XIV в., который сбросил монгольское иго и основал династию Мин.

Восемь гексаграмм — сочетания из шести целых и пре-

рванных линий, являющиеся основой китайской натурфилософии.

Общество расширения знаний (Гуансюэхой) — один из реформаторских союзов, сыгравший в конце XIX в. роль своеобразного политического университета.

Сунь Вэнз — выдающийся китайский революционер-демократ Сунь Ятсен (1866 — 1925).

Счастье ласточки — квартал в Шанхае, знаменитый в прошлом публичными домами.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Переодевшись в мужское платье...— В старом Китае женщинам запрещалось посещать театры.

Чжан Цзюньжуй, Инбин — главные герои знаменитой драмы Ван Шифу (XIII в.) «Западный флигель».

Облако цветное — намек на Цайюнь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>В. Семанов. Цветы и сорняки</i>	5
Глава первая. Волны, ринувшись на сушу, в одно мгновение затопляют остров Радость рабов. Автора просят описать судьбу Цветка свободы, отразив ее в событиях тридцати лет	22
Глава вторая. Лу Жэньсян посещает роскошный пир в Сучжоу. Цзинь Вэньцин, возвращаясь домой, остается погостить в Шанхае	27
Глава третья. Английское консульство устраивает выставку цветов. Гун Сюоци рассказывает о красавице Си Линьчунь	40
Глава четвертая. Ночью в своем дворце княжна предлагает себя мужчине. Юноша-актер вымаливает у луны счастье для не выдержавшего экзамен	53
Глава пятая. Устраивается пир, чтобы утвердить вечную любовь. Трудно прикрыть этажеркой прелюбодеяние чистой девы	63
Глава шестая. Искусно балансируя на канате, девушка рассказывает о боевых подвигах Черных знамен. Слушая звуки флейты, герой стремится к местам, которые некогда поесил Бо Цзюйи	83
Глава седьмая. Прелестная девушка ловко разыгрывает любовную историю. На разукрашенной лодке происходит знакомство с королевой красавиц	101
Глава восьмая. Стремясь избежать пересудов, лауреат тайно соединяется с королевой красоты. Благодаря императорскому указу наложница временно занимает место жены	112
Глава девятая. Герой, посланный в далекие страны, видит врача, производящего опыты с магнетизмом. Его наложница начинает учиться у прелестной подруги иностранным языкам	129
Глава десятая. Нигилистка страшными угрозами до полусмерти пугает нового посланника. Ароматный чай напоминает герою жену одного дипломата, прославившуюся на иностранном конкурсе	142
Глава одиннадцатая. Министр Пань Цзунъинь ратует за учение Гунъяна. Академик Ли Дяньвэнь вгрызается в древнемонгольский язык	151

Глава двенадцатая. Сфотографировавшись рядом с императрицей, героиня попадает в замок Шарлотенбург. Ее муж, проникший в дела Китая и Запада, публикует карту, устанавливающую границы между странами	163
Глава тринадцатая. Министр Пань Цзуньинь, попав впросак, срывает свой гнев на госте. Во время конкурса на должность письмоводителя Императорской канцелярии экзаменаторы борются за своих учеников	176
Глава четырнадцатая. Стихотворение становится сватом для опального чиновника. Маленькая песенка позволяет прохожим увидеть красоту знатной женщины	190
Глава пятнадцатая. Немецкий лейтенант в день праздника масленицы является к героине. Славянская нация, не шадя жизни, борется за свободу	206
Глава шестнадцатая. Героиня, поднося на пиру вино, вынуждает мужчину на женитьбу. Смельчак, заглянув в окно чужого дома, видит красавицу, разговаривающую с фотографией	219
Глава семнадцатая. Простившись с любимым, девушка-героиня восходит на эшафот. Капитан, передав секретное письмо, вкушает запретный плод	234
Глава восемнадцатая. Гуляя по зеленой поляне, хозяева обсуждают список гостей. В парке идет просвещенная беседа об иностранных государствах	248
Глава девятнадцатая. Несколько знаков на стене доказывают, что среди китайцев еще есть благородные люди. Три мудрых мужа приходят, чтобы пригласить ученого на празднование дня его рождения	263
Глава двадцатая. Из-за одного листа бумаги пропадает восемьсот ли земли. Маленький язык губит человека, известного всей Поднебесной	278
Глава двадцать первая. Недавний подручный государственной кладовой терпит позор во дворце. Владелец платяной лавки, умеющий давать взятки, проявляет свое могущество.	298
Глава двадцать вторая. У стен вырастают уши, когда президент цензората встречается со знаменитой гетерой. Влиятельный человек, обративший внимание на титулованного юношу, прерывает его удивительный сон	314
Глава двадцать третья. Оклеветанные подданные становятся жертвами монаршего гнева. Не сдержав ярости, хозяин выгоняет красивого слугу.	327
Глава двадцать четвертая. Во время всеобщего гнева ученые мужи сочиняют доклад трону. Во имя спасения вассальной территории знаменитости ратуют за войну	342

Глава двадцать пятая. Министр ищет журавля, не понимая, делает он это во сне или наяву. Губернатор хвастается перед своими подчиненными, что покорит врагов без боя	356
Глава двадцать шестая. В комнату хозяйки, потребовавшей рукопись, вбегает полуодетая красавица. После ухода императора под одеялом императрицы находят собачку.	373
Глава двадцать седьмая. После осенней охоты рождается легенда о седой лисице, перевоплотившейся в женщину. Во время весенних переговоров о перемирии сановника подстерегает беда	388
Глава двадцать восьмая. Братья расстаются, и самурай идет на смерть. Словно гром среди ясного неба, разражается буря революции.	407
Глава двадцать девятая. На шумном заседании появляется славный витязь. В публичном доме друзья нападают на след исчезнувшего человека	421
Глава тридцатая. В пьесе «Белая отмель» знаменитый актер бросает шляпу. Возле гавани Синего солнца прекрасная птица упархивает из клетки.	438
Примечания.	454

Цзэн Пу

ЦВЕТЫ В МОРЕ ЗЛА

Редактор Г. Ярославцев

Художественный редактор А. Орлов

Технический редактор В. Нечипоренко

Корректоры О. Стародубцева, И. Шевякова

ИБ № 5972

Сдано в набор 02.03.89. Подписано к печати 24.11.89. Формат 84X X 108/32. Бумага кн.-журн. имп. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 25,20+вкл.= 25,25. Уч.-изд. л. 27,21 + + 1 вкл.= 27,24. Усл. кр.-отг. 25,72. Тираж 100 000 экз. Изд. № VIII-3437. Заказ № 22. Цена 2 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.
Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.